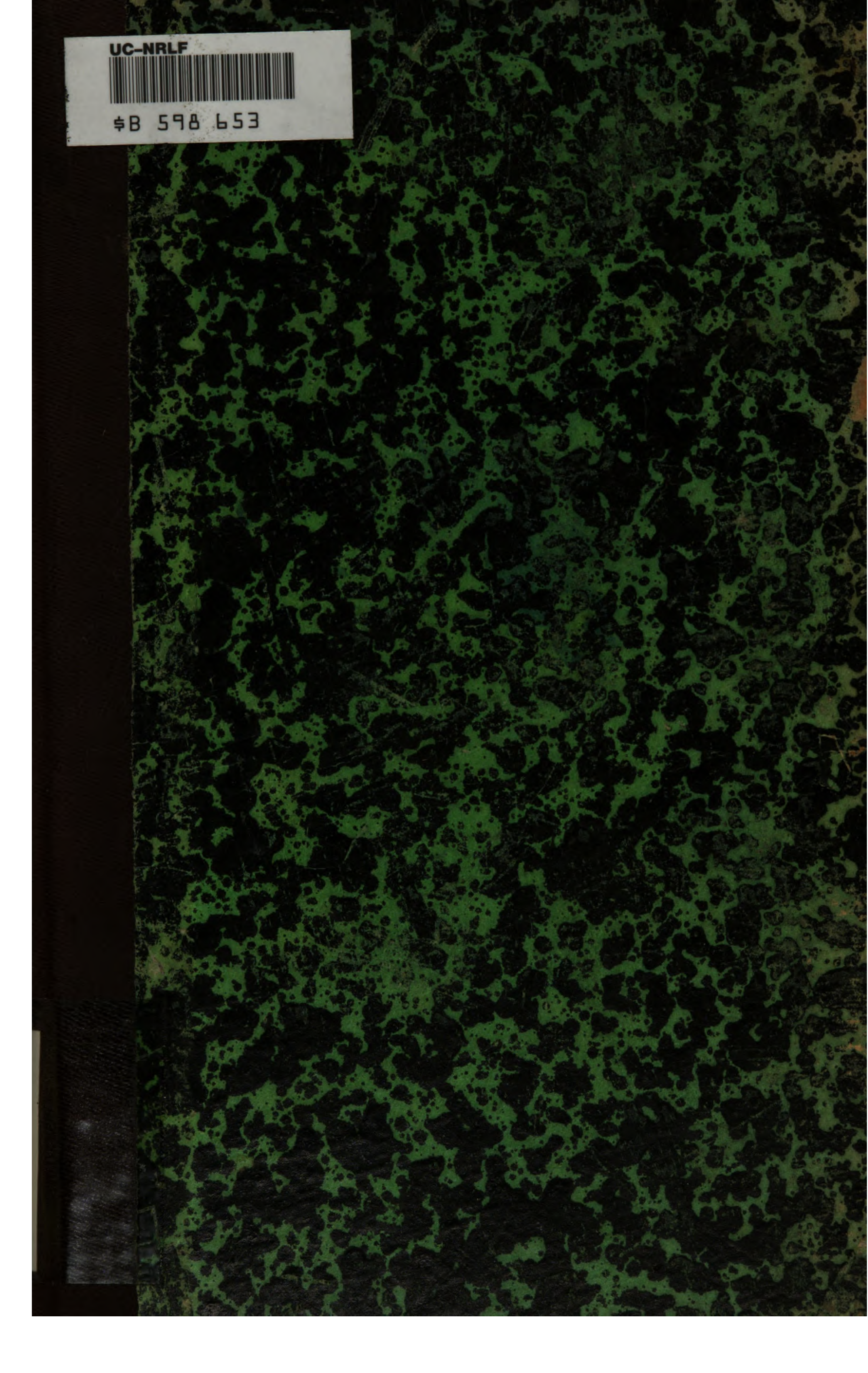
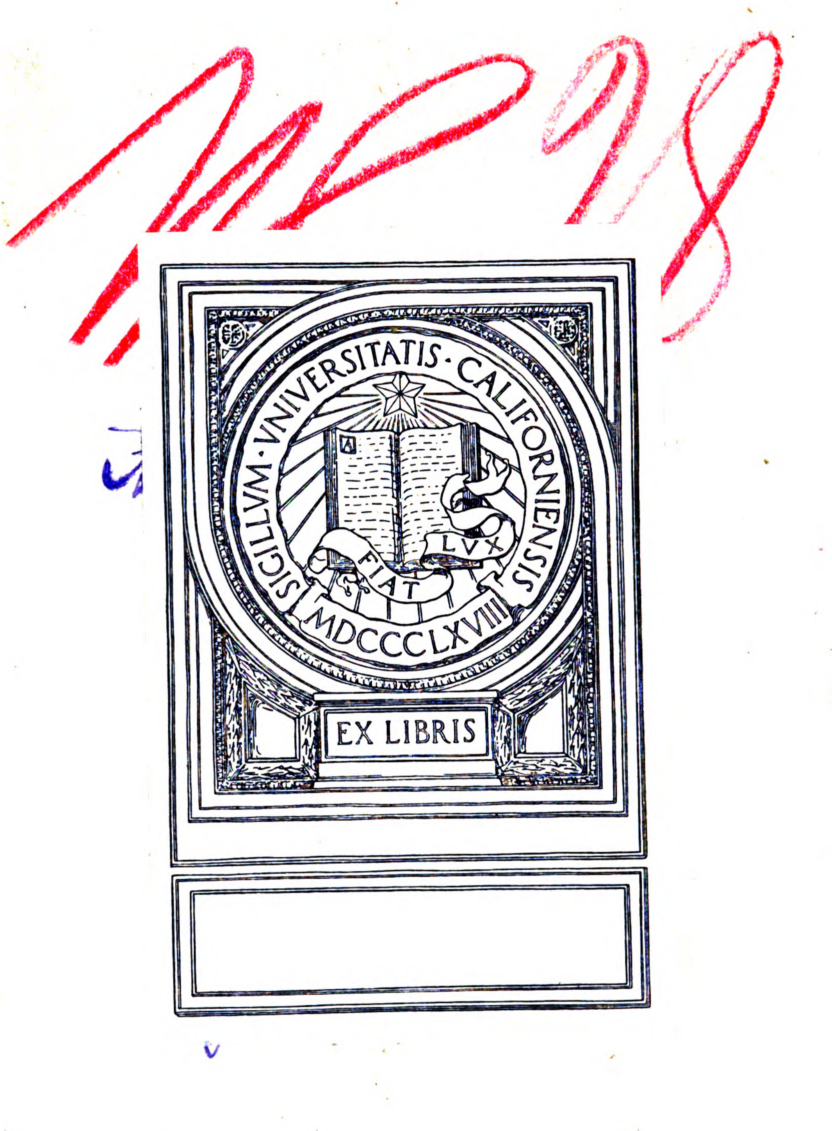

SIGILLVM · VNIVERSITATIS · CALIFORNIENSIS
FIAT LVX
MDCCCLXVIII
EX LIBRIS

Годъ VI-й. № 4-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

АПРѢЛЬ
1897 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1897.

Дозволено цензурою 24 марта 1897 года. С.-Петербургъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

БОСТОНСКАЯ ГОРОДСКАЯ ПУБЛИЧНАЯ БИБЛІОТЕКА.

Въ мартѣ 1895 года было открыто для публики новое зданіе Бостонской городской публичной библіотеки,—зданіе, стоившее городу Бостону свыше 2.400.000 долларовъ, т. е. около пяти милліоновъ рублей, строившееся цѣлыхъ семь лѣтъ, и несомнѣнно представляющее послѣднее слово современнаго библіотечнаго дѣла вообще. По многимъ причинамъ, какъ зданіе это, такъ и самая библіотека и ихъ исторія представляются одними изъ самыхъ замѣчательныхъ и характерныхъ явленій современной Америки,—явленій, лучше всего доказывающихъ какъ быстро совершающійся глубокій переворотъ въ общемъ умственномъ строѣ страны, такъ и изумительный ростъ ея духовныхъ потребностей за послѣднее время. Европейцы, все еще продолжающіе раздѣлять традиціонное предубѣжденіе, что Новый Свѣтъ и до сихъ поръ ничто иное, какъ производитель грубаго сырья и представитель всемогущества доллара, должны будутъ во всякомъ случаѣ призадуматься передъ грандіозной общей картиной этого гигантскаго, единственнаго въ мірѣ по своей полнотѣ, обширности и великолѣпію дарового образовательнаго учрежденія, основаннаго и поддерживаемаго на такихъ широкихъ и щедрыхъ основаніяхъ добровольнымъ обложеніемъ не особенно большимъ, сравнительно, городомъ.

Послѣдняя половина текущаго столѣтія, и, въ особенности, послѣдняя его четверть, принесли съ собою довольно радикальную разницу между американскими методами народнаго образованія и современными европейскими. Разница эта дѣлается съ теченіемъ времени все болѣе замѣтной и существенной. Европейскіе, и, въ особенности, нѣмецкіе спеціалисты педагоги, все больше и больше склоняются въ пользу устнаго преподаванія, въ пользу передачи и изложенія общеобразовательныхъ предметовъ учителемъ, и осуждаютъ американскій методъ широкаго употребленія учебниковъ и книгъ, методъ, котораго повсемѣстно и строго держится вся наша система народнаго образованія. Разница эта, и ея постепенное

усиленіе, помимо нѣкоторыхъ другихъ причинъ, являются непосредственнымъ результатомъ того широко распространеннаго въ американскихъ народныхъ современныхъ массахъ убѣжденія, что народное образованіе не заключается въ одной общественной школѣ, что, наоборотъ, школа эта есть только первое звено въ немъ, задача котораго только научить молодежь, какъ читать и какъ умѣть впослѣдствіи болѣе или менѣе самостоятельно пользоваться тѣмъ огромнымъ запасомъ знанія, который скопленъ человѣчествомъ въ книгахъ. Вторымъ звеномъ является періодическая печать, третьимъ—даровыя общественныя библіотеки. Американскій народъ думаетъ, что, сама по себѣ, никакая школа, нигдѣ и никогда не даетъ народу образованія: громадное большинство не кончаетъ курса даже средняго образованія, не говоря уже о высшемъ, и гораздо существеннѣе научить ребенка, какъ пользоваться въ теченіе его послѣдующей жизни книгами и прессой, чѣмъ стремиться къ завѣдомо недостижимымъ при существующихъ условіяхъ задачамъ и рисковать оставить большинство навсегда въ невѣжествѣ. Устное преподаваніе неизбѣжно оканчивается со школой, въ какой бы ея стадіи ученикъ ни вынужденъ былъ внѣшними условіями ее покинуть, и если онъ не усвоилъ себѣ разумнаго и толковаго обращенія съ учебникомъ—книгой, его дальнѣйшее образованіе неминуемо останавливается въ громадномъ большинствѣ случаевъ. Лишенный руководства учителя и не привыкшій къ книгѣ, юноша просто бросаетъ навсегда всякія занятія. Исходя изъ этой точки зрѣнія, и полагая, что главнымъ основаніемъ прочности и успѣшности республиканскихъ государственныхъ учрежденій служитъ именно, по возможности, всестороннее общее народное образованіе и развитіе, Америка все больше и больше прилѣпляется именно къ этому методу въ своихъ народныхъ школахъ, разсчитывая на дополненіе его впослѣдствіи своей прессой и даровыми общественными библіотеками. Научивъ свою молодежь, какъ надо читать, она даетъ ей потомъ и газету, и даровую книгу для постояннаго продолженія своего образованія. Періодическая пресса, въ особенности ежедневная, благодаря коммерческимъ выгодамъ, давно достигла у насъ феноменальнаго развитія, далеко превосходящаго все, что сдѣлано въ этомъ отношеніи въ любомъ европейскомъ государствѣ, не исключая даже Англіи, и успѣла сдѣлаться такой насущной потребностью всякаго гражданина, что государству и общинѣ нечего заботиться объ этомъ факторѣ народнаго образованія, уже давно играющемъ у насъ подобающую ему существенную роль; но библіотека на коммерческихъ основаніяхъ не можетъ достичь цѣли, такъ какъ для

ея всесторонней и наибольшей успѣшности необходимо не только дать въ руки населенія книгу даромъ, и безъ какихъ бы то ни было стѣсненій, но, напротивъ, съ возможнымъ удобствомъ для читателя, чтобы, такъ сказать, натолкнуть его и всячески поощрить въ продолженіи его образованія, столь необходимаго для благосостоянія всей общины. Поэтому даровая библіотека, какъ необходимое дополненіе народной школы, какъ дѣйствительный источникъ образованія, къ успѣшному пользованію которымъ населеніе только подготовляется этой послѣдней, въ громадномъ большинствѣ штатовъ признается уже такой же насущной необходимостью, какъ и самая школа, и идетъ съ нею рука объ руку, какъ нѣчто само собой разумѣющееся; на всемъ востокѣ, въ центрѣ, на сѣверо-западѣ и западѣ она также нравственно обязательна для управленій городовъ и общинъ, какъ и самая школа, и только крайній югъ все еще серьезно отстаетъ и въ этомъ отношеніи, какъ и въ дѣлѣ народнаго образованія вообще.

Въ 1850 году, по даннымъ Смитсоніанскаго института, во всемъ союзѣ было насчитано всего 694 библіотеки съ 2.201.632 томами, а уже въ 1876 году, по серьезному и всестороннему изслѣдованію федеральнаго департамента народнаго образованія, оказалось ихъ 3.649, заключавшихъ свыше 300 томовъ каждая, съ 12.276.964 томами; въ 1884 году число это возрасло до 5.338 съ 20.622.076 томами, изъ нихъ 2.987 свыше 1.000 томовъ каждая, а въ 1891 г. число этихъ послѣднихъ возрасло до 3.804, съ 31.167.354 томами, такъ что одна библіотека свыше 1.000 томовъ приходилась на каждые 16.462 жителя во всемъ союзѣ, а если исключить югъ, чрезвычайно опускающій общую среднюю цифру, такъ какъ въ немъ одна библіотека приходилась на 42.863 жителя, то во всемъ остальномъ союзѣ придется одна на каждые 9.906 жителей. Въ процентахъ ростъ этотъ за это шестилѣтіе выразится 27,35% въ числѣ библіотекъ и 47% въ числѣ томовъ. Кромѣ того, вычислено, что съ тѣхъ поръ, какъ стали собираться надежныя статистическія свѣдѣнія о публичныхъ библіотекахъ въ союзѣ, процентъ возрастанія числа томовъ въ нихъ ежегодно превышаетъ процентъ возрастанія населенія на 7,8%. Эти немногія цифры лучше всякихъ разсужденій указываютъ какъ на то значеніе, которое публичныя библіотеки пріобрѣли въ дѣлѣ народнаго образованія въ Америкѣ вообще, такъ и на быстрое современное усиленіе этого значенія.

Еще въ 1876 году организовалась національная ассоціація библіотекарей союза—American Library Assossiation, съ тѣхъ поръ обнявшая собою всѣхъ такъ или иначе заинтересованныхъ библіо-

течнымъ дѣломъ лицъ, съѣзжающихся на ежегодныя общія конвенціи, и своей неустанной дѣятельностью чрезвычайно способствующая развитію и усовершенствованію этого дѣла вообще. Общепринятыя теперь въ Америкѣ системы каталоговъ, вспомогательныхъ станцій, отдѣленій, выдачи и разсылки книгъ, механическихъ приспособленій для сбереженія времени какъ служащихъ, такъ и читателей—все это дѣло рукъ этой ассоціаціи и достигло такой высокой степени совершенства, что на всемірной Парижской выставкѣ 1889 г. представлявшая на ней американское библіотечное дѣло даровая публичная городская библіотека города Чикаго получила за свой экспонатъ единственную первую золотую медаль.

Въ настоящее время публичныхъ библіотекъ въ Америкѣ такъ много и требованія отъ служащихъ въ нихъ такъ значительны, что уже нѣсколько лѣтъ, какъ основаны двѣ большія спеціальныя школы для подготовленія библіотекарей, кромѣ многихъ практическихъ классовъ при самихъ библіотекахъ. Отъ служащихъ требуются особенныя точность и быстрота; кромѣ того, долгій опытъ показалъ, что безъ особой любви къ дѣлу служащій никогда не достигаетъ необходимыхъ для успѣха ловкости и умѣнья. Кажущаяся на первый взглядъ такой легкой и пріятной работа въ дѣйствительности и очень утомительна по своему крайнему однообразію, и съ каждымъ годомъ требуетъ все болѣе и болѣе серьезной подготовки. Какъ и во многихъ другихъ отрасляхъ современной человѣческой дѣятельности, у насъ женщина давно уже монополизировала и библіотечное дѣло—выдачей и обмѣномъ книгъ, самымъ многочисленнымъ по числу нужныхъ служащихъ отдѣломъ завѣдуютъ почти вездѣ исключительно женщины; оказывается, что онѣ дольше и лучше сохраняютъ способность къ добросовѣстному исполненію рутины дѣла, чѣмъ мужчины.

Штатъ Массачузетсъ и городъ Бостонъ были піонерами въ Америкѣ въ дѣлѣ признанія даровыхъ библіотекъ общественной необходимостью, и актомъ легислатуры этого штата отъ 12 марта 1853 года городу было даровано право основать и поддерживать городскую публичную библіотеку изъ средствъ общаго городского бюджета. Актъ этотъ послужилъ прототипомъ многихъ послѣдующихъ, и положилъ основаніе учрежденію даровыхъ публичныхъ библіотекъ по всему союзу, основываемыхъ и поддерживаемыхъ на общественныя средства городовъ и общинъ, какъ необходимое дополненіе народной школы. Городская публичная библіотека города Бостона была основана постановленіемъ городского совѣта въ 1852 году, и вышеупомянутый актъ штатной легислатуры узаконилъ это постановленіе и разрѣшилъ городу необходимый для

его выполненія заемъ и спеціальный ежегодный налогъ. Въ то же время Джошуа-Бэтсъ (Joshua Bates), уроженецъ города, переселившійся въ Лондонъ, гдѣ онъ успѣлъ сдѣлаться главой извѣстной банкирской фирмы братьевъ Берингъ, пожертвовалъ вновь открываемому учрежденію всю свою библіотеку, стоившую свыше $ 50.000, и, кромѣ того, въ основный его капиталъ огромную для того времени сумму въ $ 50.000 наличными деньгами; главный читальный залъ библіотеки—Bates Hall—и до сихъ поръ носитъ имя этого перваго крупнаго жертвователя на библіотечное дѣло,—жертвователя, послѣдователи котораго сдѣлали возможнымъ его современное развитіе. Мнѣ кажется, что такія имена, какъ имя Джошуа Бэтса, основатели дарового библіотечнаго дѣла въ Новомъ Свѣтѣ, должны бы сдѣлаться всемірнымъ достояніемъ предпочтительно передъ многими другими—правда, онъ никого не покорилъ, не убилъ сотенъ тысячъ людей, не раззорилъ непріятельскихъ земель, не нагонялъ такъ или иначе страха на враговъ, но онъ подвинулъ впередъ дѣйствительное всеобщее образованіе и съ нимъ блага цивилизаціи больше, чѣмъ цѣлые десятки традиціонныхъ знаменитостей противуположнаго пошиба.

Городское управленіе немедленно занялось постройкой дома и устройствомъ библіотеки, и въ теченіе послѣдующихъ 35 лѣтъ, 1853—1887, было издержано изъ общественной кассы города Бостона на ея устройство и поддержку свыше милліона шестисотъ тысячъ долларовъ. Съ теченіемъ времени первоначальное зданіе, не смотря на многочисленныя перестройки и передѣлки, и не могло вмѣщать хоть сколько-нибудь удовлетворительно увеличивавшееся съ каждымъ годомъ количество книгъ, и перестало отвѣчать современнымъ требованіямъ дѣлая невозможной желательную быстроту выдачи и заставляя содержать дорогихъ излишнихъ служащихъ. Уже въ 1880 году начались толки о необходимости постройки новаго зданія, а въ слѣдующемъ былъ назначенъ особый комитетъ для изысканія средствъ и выработки плановъ. Необходимо замѣтить, что муниципальное управленіе большихъ американскихъ городовъ вообще крайне разнообразно и почти въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ представляетъ самыя существенныя особенности—результатъ мѣстныхъ условій, традицій и исторіи—такъ, въ данномъ случаѣ, хотя библіотека и составляетъ нераздѣльную городскую собственность, какъ и школы или пожарныя депо, управляется она совершенно самостоятельно особымъ совѣтомъ изъ пяти членовъ, назначаемыхъ мэйоромъ города на пять лѣтъ каждый, и мѣняющихся по одному въ годъ. Такъ какъ мэйоръ города Бостона выбирается только на одинъ годъ, и потому можетъ назначить въ теченіе своего срока только одного

члена совѣта, то и очевидно, что совѣтъ этотъ, въ сущности, совершенно независимъ и въ своихъ дѣйствіяхъ имѣетъ полную возможность руководствоваться исключительно финансовыми аппропріаціями и общественнымъ мнѣніемъ. Члены не получаютъ никакого вознагражденія и служатъ даромъ; они завѣдуютъ какъ всѣмъ штатомъ нанятыхъ служащихъ, такъ и всею дѣятельностью библіотеки, и въ число ихъ всегда назначаются самые богатые и независимые граждане города, извѣстные своими симпатіями дѣлу народнаго образованія вообще. Особымъ актомъ легислатуры штата совѣтъ этотъ, составляющій особую самостоятельную юридическую личность—корпорацію, былъ уполномоченъ заняться постройкой зданія, а такимъ же актомъ городу Бостону было разрѣшено заключить спеціальный заемъ на постройку, помимо установленнаго общимъ закономъ предѣла для городскихъ займовъ. Архитекторами зданія, послѣ долгихъ колебаній, была выбрана знаменитая нью-іоркская фирма Макъ Кима, Мида и Хуайта—Mc Kim, Meada and White—успѣвшая съ тѣхъ поръ завоевать себѣ всемірную извѣстность своими успѣхами на всемірной выставкѣ въ Чикаго, а прототипомъ—зданіе библіотеки св. Женевьевы въ Парижѣ. Мѣстомъ постройки былъ выбранъ Copley square, площадь, составляющая центръ всей общественной жизни города, и на которой уже стоятъ медицинская академія, художественный музей города, лучшій во всей странѣ, и знаменитый по своимъ архитектурнымъ красотамъ соборъ св. Троицы, лучшее произведеніе наиболѣе извѣстнаго американскаго архитектора-Ричардсона. Съ постройкой на этой площади зданія библіотеки городское управленіе рѣшило упразднить ее и развести на ея мѣстѣ публичный паркъ, опустивъ его въ искуственное углубленіе, окруженное лѣстницами и баллюстрадами, въ итальянскомъ стилѣ, и украсивъ его, помимо зелени и деревьевъ, фонтанами и статуями.

Съ самаго начала толковъ о постройкѣ новаго зданія, и общественное мнѣніе города, и его пресса, и его городское управленіе единогласно высказались за созданіе не только наиболѣе отвѣчающаго современнымъ потребностямъ библіотечнаго зданія въ мірѣ, но и за возможное его совершенство въ архитектурномъ и художественномъ отношеніяхъ, не взирая ни на какія издержки. Въ теченіе постройки многія детали много разъ перемѣнялись и передѣлывались—одинъ уголъ нѣсколько разъ возводился изъ временной штукатурки и опять разрушался, для опредѣленія на мѣстѣ будущихъ эффектовъ свѣта и разстояній, и лучшіе современные художники и скульпторы Новаго Свѣта были приглашены для обсужденія и исполненія наружныхъ и внутреннихъ украшеній и

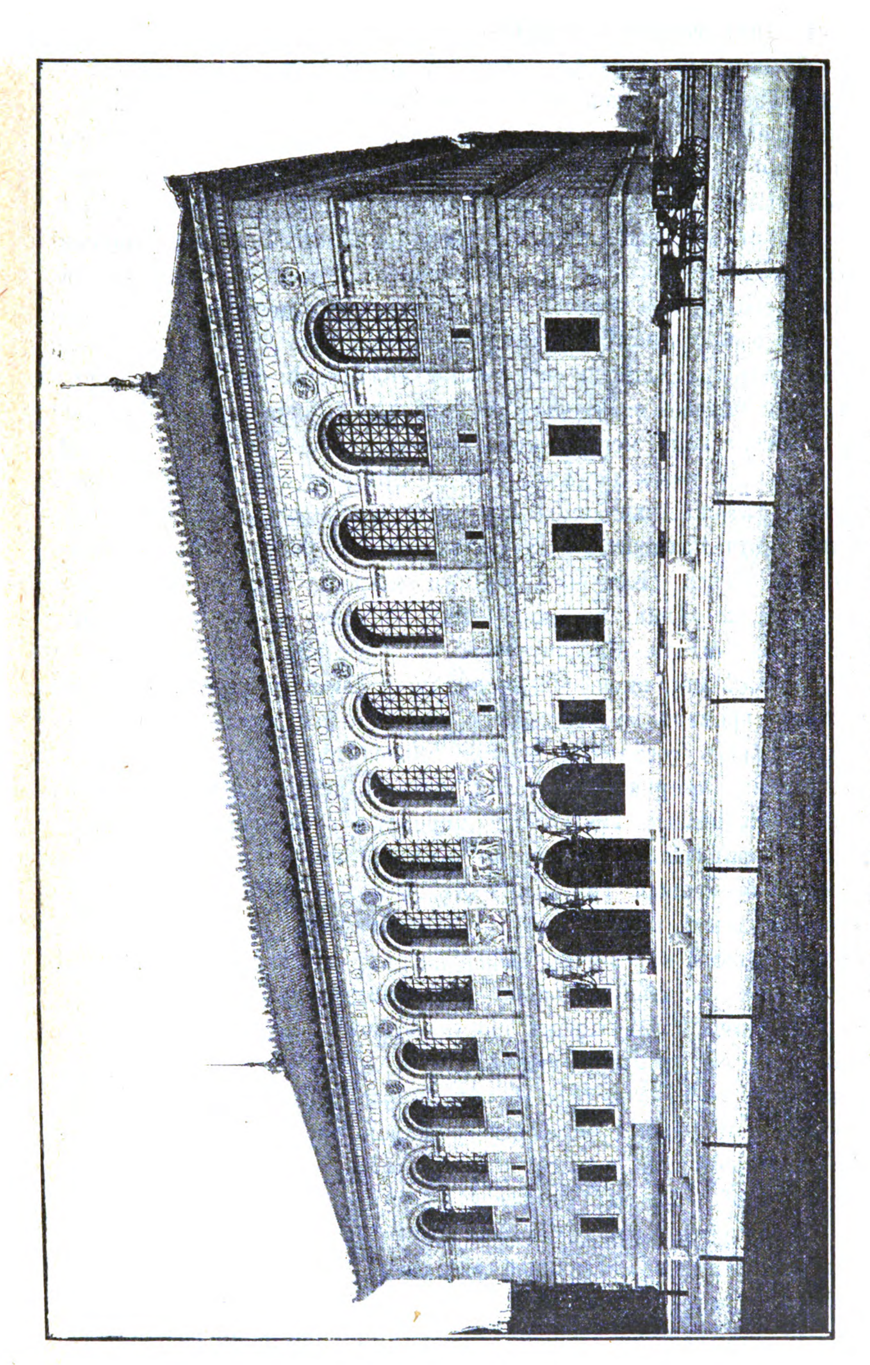

Рис. 1. Зданіе общественной библіотеки въ Бостонѣ.

декорацій. Въ результатѣ получилось зданіе въ строго классическомъ стилѣ возрожденія, съ большимъ внутреннимъ дворомъ, въ 225 футовъ длины по фасаду и 227 футовъ въ глубину, стоящее на широкой гранитной основѣ, ведущей къ нему со всѣхъ сторонъ тремя ступенями, и шестью передъ главнымъ входнымъ порталомъ изъ трехъ арочныхъ дверей. Оно облицовано свѣтлымъ сѣроватымъ гранитомъ съ розовымъ оттѣнкомъ, особенно яркимъ при извѣстномъ освѣщеніи, снабжено далеко выдающимся массивнымъ карнизомъ и покрыто красноватой черепицей; главный фасадъ всего въ два этажа, хотя зданіе достигаетъ 70 футовъ въ вышину отъ основанія до линіи карниза, и верхній этажъ глядитъ на площадь тринадцатью огромными сводчатыми окнами. Въ вѣнцѣ арки центральной входной двери высѣчена голова богини Минервы въ шлемѣ, а надъ нею надпись—«безплатно для всѣхъ»—fre to all. На панеляхъ надъ дверьми, и подъ тремя центральными окнами верхняго этажа, высѣчены изъ мрамора знаменитымъ скульпторомъ Сентъ-Гауденсомъ (St. Gaudens) по рисункамъ покойнаго Кеньона Кокса (Kenyon Cox), въ центрѣ — гербъ библіотеки съ ея motto—Omnium Lux Civium, направо — города Бостона, а налѣво — штата Массачузетса. Въ панеляхъ надъ остальными окнами высѣчены имена 600 величайшихъ людей міра всѣхъ странъ и всѣхъ временъ на поприщахъ науки и искусства, списокъ которыхъ былъ составленъ двумя знаменитѣйшими современными писателями Америки; въ этотъ списокъ включенъ только одинъ русскій—Пушкинъ. По обѣимъ сторонамъ тройного входного портала на гранитныхъ выступахъ будутъ помѣщены героическаго размѣра бронзовыя группы, надъ которыми работаетъ тотъ же Сентъ-Гауденсъ, группы, имѣющія изображать съ одной стороны законъ, власть и религію, съ другой—трудъ, искусство и науку. Въ панеляхъ остальныхъ оконъ и надъ ними, другимъ знаменитымъ современнымъ скульпторомъ Мора высѣчены медальоны съ девизами извѣстныхъ историческихъ типографщиковъ и печатниковъ, начиная съ XVI столѣтія. На фризѣ высѣчена надпись «Община требуетъ образованія народа, какъ охраны порядка и свободы»—The commonwealth requires the education of the people, as the safegnard of order and liberty.

На внутренній дворъ нижній этажъ выходитъ со всѣхъ сторонъ замѣчательно величавой сводчатой колоннадой изъ бѣлаго мрамора, копіи съ колоннады дворца Канцелларіевъ въ Римѣ—посреди, окруженный газономъ, находится обширный водный бассейнъ, въ центрѣ котораго стоитъ бронзовый оригиналъ знаменитой «вакханки» скульптора Макъ Монніеса, произведшей такой

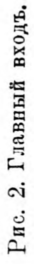

Рис. 2. Главный входъ.

фуроръ на одной изъ последнихъ выставокъ парижскаго салона. Макъ Монніесъ, (Fred. Mc. Monnies) кровный американецъ и гражданинъ Нью-Іорка, поднесъ ее въ даръ библіотекѣ, и парижскій Люксембургскій музей долженъ былъ удовольствоваться копіей. Молодой скульпторъ этотъ пользуется обширной извѣстностью, какъ талантливый творецъ статуи Натана Хэля въ Нью-Іоркѣ, и, главное, гигантскихъ фонтановъ на всемірной выставкѣ въ Чикаго.

Какъ входный вестибюль, отдѣланный розовымъ тенессійскимъ мраморомъ, такъ и, въ особенности, главная лѣстница, по своему великолѣпію, изяществу и выдержанности несомнѣнно не имѣютъ ничего себѣ подобнаго во всемъ Новомъ Свѣтѣ. Какъ-то плохо вѣрится, что это не дворецъ какого-нибудь могущественнаго царственнаго дома, а доступное всѣмъ и каждому чисто народное учрежденіе. Ступени лѣстницы изъ сѣраго французскаго мрамора, стѣны облицованы желтымъ сіенскимъ, и даютъ изумительные свѣтовые эффекты. Подходящую тѣнь цвѣта архитекторы могли найти только въ одной старинной каменоломнѣ, принадлежащей какому-то захудалому итальянскому монастырю, и одинъ изъ членовъ совѣта самъ ѣздилъ и жилъ въ Италіи, пока не было выломано достаточное количество досокъ именно тѣхъ оттѣнковъ, которые требовались для надлежащаго выполненія всей цвѣтовой схемы лѣстницы. На это ушло нѣсколько лѣтъ, такъ какъ цѣлую массу матеріала пришлось забраковать. Центральная площадка лѣстницы выложена африканскимъ нумидійскимъ мраморомъ, а на обоихъ поворотахъ лежатъ высѣченные изъ цѣльныхъ глыбъ того же желтаго сіенскаго мрамора два гигантскихъ льва, посвященные памяти бостонскихъ воиновъ, павшихъ въ борьбѣ за сохраненіе Союза въ теченіе междоусобной войны 1861—1865 годовъ. И въ вестибюлѣ, и на лѣстницѣ въ подходящихъ мѣстахъ вставлены панели, на которыхъ высѣчены имена историческихъ уроженцевъ города Бостона на всѣхъ поприщахъ человѣческой дѣятельности— исторія Союза полна этими именами съ самаго основанія колоній.

Внутренность зданія раздѣляется на помѣщенія-ея администраціи, закрытыя для публики и доступныя для нея. Въ числѣ первыхъ главное мѣсто занимаетъ комната для каталоговъ. Бостонская городская библіотека давно занимаетъ первое мѣсто между учрежденіями этого рода въ Союзѣ по своимъ ученымъ силамъ— ея библіографическія изслѣдованія, очень многочисленныя и разнообразныя, считаются у насъ безусловнымъ авторитетомъ, и публикуются ею какъ въ особыхъ спеціальныхъ періодическихъ бюллетеняхъ, выходящихъ каждые три мѣсяца, такъ и въ отдѣльныхъ изданіяхъ. Тутъ же заготовляются и пересматриваются и всѣ ка-

талоги для употребленія публики. Рядомъ съ комнатой каталоговъ расположена комната для разсмотрѣнія вновь выходящихъ изданій и покупки книгъ—ordering room, въ которой заказываются, получаются, региструются и распредѣляются всѣ новыя покупаемыя или какимъ бы то ни было другимъ образомъ пріобрѣтаемыя библіотекой новыя изданія. Кромѣ обыкновенныхъ, общедоступныхъ книгъ, памфлетовъ и періодическихъ изданій, бостонская библіотека является всегда на книжномъ рынкѣ и однимъ изъ самыхъ щедрыхъ покупателей библіографическихъ рѣдкостей, особенно касающихся первоначальной исторіи колоній, Массачузетса и Бостона. Въ ея владѣніи находятся многіе рѣдкіе и нѣкоторые единственные экземпляры первыхъ американскихъ книжныхъ изданій, экземпляры, за которые въ свое время были уплачены многія тысячи долларовъ.

Къ числу закрытыхъ для публики помѣщеній принадлежатъ и комнаты администраціи, типографіи и переплетной мастерской. Библіотека переплетаетъ сама всѣ свои книги, подклеиваетъ карты, брошюруетъ періодическія изданія, манускрипты и т. д. Ея рабочіе по всѣмъ этимъ спеціальностямъ считаются экспертами въ своемъ дѣлѣ по всему Союзу. За послѣднее время употребленіе кожи для переплетовъ совсѣмъ оставлено, и она замѣнена такъ наз. cotton duck и ирландскимъ полотномъ, какъ матеріалами болѣе прочными, опрятными и экономическими. Все необходимое для веденія дѣла печатаніе производится въ собственной же типографіи; и его такъ много, что недавно управленіе вынуждено было пріобрѣсти нѣсколько линотипныхъ машинъ и ввести машинный наборъ.

Переходя затѣмъ къ открытымъ для публики помѣщеніямъ, я прежде всего остановлю вниманіе читателя на декоративной живописи, украшающей ихъ стѣны и потолки. Галлереи-корридоры, ведущіе отъ главной лѣстницы въ разныя отдѣльныя помѣщенія, расписаны кистью Пювиса де-Шаваннъ (Puvis de Chavannes), одного изъ самыхъ выдающихся современныхъ французскихъ художниковъ, декорировавшаго парижскій Hôtel de ville. Ему было заплачено за эту работу 250.000 франковъ, и она обратила на себя всеобщее вниманіе на выставкѣ парижскаго салона 1894 г. Панели главнаго читальнаго зала, Bates Hall, расписываются американцами Брюшемъ, Милле и Тайэромъ; Помпейской галлереи—Гернсеемъ. Декораціи для потолка залы патентовъ пишутся въ настоящее время Эллiотомъ въ Римѣ. Всѣ эти, едва ли извѣстныя русскому читателю имена, принидлежатъ первокласснымъ нашимъ художникамъ, уже успѣвшимъ получить такъ или иначе извѣстность.

Зала выдачи—Delivery room расписано Аббэемъ—онъ, Сарджентъ и Вистлеръ, безспорно, стоятъ во главѣ той замѣчательной группы современныхъ американскихъ художниковъ, которая такъ удивила иностранныхъ критиковъ богатствомъ и талантливостью американскаго отдѣла во дворцѣ искусствъ Чикагской выставки 1893 года. Для этого зала онъ далъ цѣлую серію картинъ изъ легендарной исторіи короля Артура и рыцарей круглаго стола,—серію, исполненную имъ съ удивительнымъ искусствомъ и обѣщающую сдѣлаться современемъ классической для Новаго Свѣта. Ужъ и теперь безчисленныя копіи съ нея быстро дѣлаются повсемѣстнымъ общественнымъ достояніемъ. Она вызвала уже цѣлые томы художественной критики, и небезъизвѣстна и въ Европѣ, и безсмертныя иддиліи Теннисона «Idylls of the King» и «Holy Grail» нашли въ ней свое воплощеніе.

Венеціанская галлерея расписана Линдономъ Смитомъ, молодымъ бостонскимъ художникомъ, очень талантливымъ и оригинальнымъ. Наконецъ, какъ главный читальный залъ спеціальныхъ библіотекъ, наз. Sargent Hall, такъ и ведущія къ нему галлереи расписаны Сарджентомъ—John S. Sargent, старшимъ по извѣстности и популярности современнымъ американскимъ художникомъ, и первая серія декорацій, за которую ему заплачено было $ 15.000, изображающая аллегирически борьбу между Монотеизмомъ и Политеизмомъ въ средѣ древняго еврейскаго народа, произвела настоящій фуроръ на выставкѣ 1894 года въ лондонской королевской академіи, почетнымъ членомъ которой Сарджентъ состоитъ уже давно, хотя онъ и природный, коренной американецъ. Фуроръ этотъ немедленно вызвалъ въ Бостонѣ общественную подписку на заказъ Сардженту второй и третьей серіи, которыя и имѣютъ закончить декорацію этой части зданія. Одной изъ самыхъ отличительныхъ особенностей этихъ картинъ является частое употребленіе рельефа, выдающіяся почему-либо части сначала вылѣплены на стѣнѣ скульпторомъ, а затѣмъ уже окончены кистью художника.

Для лицъ, знакомыхъ съ исторіей замѣчательнаго развитія въ Америкѣ за послѣднюю четверть столѣтія живописи и ваянія, вышеприведенный списокъ именъ художниковъ, работавшихъ надъ украшеніемъ новаго зданія Бостонской библіотеки скажетъ самъ собою, что почти всѣ особенно выдающіеся представители нашего современнаго искусства приняли въ немъ участіе; ожидаютъ, что и Вистлеръ со временемъ напишетъ двѣ картины, для которыхъ и оставлены панели въ Bates Hall. Съ точки зрѣнія долларовъ и центовъ, за одну эту декоративную живопись уже уплачено свыше $ 200.000, и почти вся эта сумма, также какъ и всѣ деньги,

Рис. 3. **Читальный залъ Бэтса.**

необходимыя для окончанія декорированія всего зданія, были или пожертвованы отдѣльными лицами, или собраны по общественной подпискѣ, и не входятъ въ общую сумму расходовъ по постройкѣ.

Центромъ дѣятельности публичной части библіотеки является залъ выдачи, огромная комната, отдѣланная великолѣпнѣе всѣхъ остальныхъ помѣщеній и снабженная всѣми послѣдними приспособленіями для ускоренія безошибочной выдачи и распредѣленія книгъ. Въ теченіе 1896 г. въ ней было выдано около двухъ милліоновъ томовъ, и среднее время не превысило семи минутъ на каждую выдачу. Залъ выдачи сообщается непосредственно съ главнымъ читальнымъ заломъ, уже нѣсколько разъ вышеупомянутымъ мною Bates Hall, въ 218 футовъ длины и 42 ширины, въ которомъ имѣются отдѣльныя помѣщенія для 350 читающихъ. Залъ этотъ украшенъ великолѣпными мраморными бюстами всѣхъ лицъ, принимавшихъ особенное участіе въ основаніи и послѣдующемъ устройствѣ библіотеки, и каждый столъ въ ней сообщается пневматическими трубами и съ заломъ выдачи, и съ книгохранилищемъ, такъ что каждый читатель, занявъ мѣсто, можетъ дождаться нужнаго ему изданія, не сходя съ мѣста. Въ этомъ же читальномъ залѣ стоятъ шкафы съ справочными книгами всевозможнаго содержанія—энциклопедіями, справочными словарями, лексиконами, сводами законовъ и спеціальныхъ постановленій, и т. д., всего около шести тысячъ томовъ. Книги эти открыты для каждаго посѣтителя безъ какого бы то ни было разрѣшенія или записи, но ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть взяты на домъ или даже вынесены изъ зала.

Помимо этихъ общихъ помѣщеній, въ библіотекѣ имѣются многія спеціальныя отдѣленія. Прежде всего упомяну о патентной библіотекѣ, заключающей въ себѣ почти все, что вышло по этой спеціальности въ Великобританіи съ 1617 г. и въ Америкѣ съ 1840 г., времени учрежденія особыхъ патентныхъ бюро въ этихъ странахъ. Изъ этого отдѣленія требуется публикой ежегодно свыше сорока тысячъ томовъ. Затѣмъ слѣдуетъ читальный залъ періодической печати, снабженный около тысячи пятью стами изданій всѣхъ странъ и на всѣхъ языкахъ. Тутъ получается, между прочимъ, около двухсотъ американскихъ и около ста иностранныхъ ежедневныхъ большихъ газетъ изъ всѣхъ центровъ міра. Особый неприкосновенный капиталъ, проценты съ котораго даютъ двѣ тысячи долларовъ въ годъ, былъ пожертвованъ гражданиномъ штата Нью-Гемпшайра Тоддомъ съ этой цѣлью. Залъ для дѣтей—Children's room—огромныхъ размѣровъ, но отдѣланный съ пуританской простотой, снабженъ особыми шкафами съ нѣсколькими

Рис. 4. Колоннада внутренняго двора.

тысячами томовъ дѣтской литературы, которыми приходящія дѣти могутъ пользоваться безъ всякаго разрѣшенія, по своему собственному усмотрѣнію, подъ наблюденіемъ спеціально содержимыхъ для этой цѣли служащихъ. Дѣти старше 12 лѣтъ уже имѣютъ право на спеціальную карточку, дающую имъ возможность брать книги и на домъ, на общихъ основаніяхъ. Въ этомъ же залѣ, въ особыхъ витринахъ подъ стекломъ, помѣщаются оригиналы и копіи съ особенно извѣстныхъ документовъ въ американской исторіи, въ родѣ деклараціи независимости, конституціи Соединенныхъ Штатовъ, адреса колоніальнаго конгресса англійскому королю и т. д., а также и нѣкоторыя библіографическія рѣдкости библіотеки, между которыми особенно замѣчательно «Columbus letter», на латинскомъ языкѣ, изданія 1493 года, книга, впервые оповѣщающая міру объ открытіи Америки, считающаяся единственнымъ сохранившимся въ цѣлости ея экземпляромъ.

Этажъ спеціальныхъ библіотекъ, центромъ котораго является вышеупомянутый Sargent Hall, заключаетъ въ себѣ пожертвованныя разными лицами въ разное время спеціальныя книжныя собранія, содержимыя каждая отдѣльно для удобства занимающихся ими спеціалистовъ. Такихъ отдѣльныхъ спеціальныхъ библіотекъ насчитывается до шестнадцати, съ 64 тысячами томовъ, и нѣкоторыя изъ нихъ, какъ, напр., Бартона и Паркера, представляютъ единственныя въ своемъ родѣ во всемъ мірѣ книжныя собранія. Первая содержитъ въ себѣ, между прочимъ, самое полное существующее собраніе произведеній ранней англійской драматургіи вообще и твореній Шекспира въ особенности—всѣ, безъ исключенія изданія этого послѣдняго имѣются въ ней въ безукоризненныхъ экземплярахъ, чѣмъ, насколько извѣстно, не обладаетъ даже ни одна англійская библіотека. Вторая особенно богата публицистикой анти-рабовладѣльческой агитаціи. Коллекція Тикнора, историка испанской литературы, заключаетъ въ себѣ семь тысячъ томовъ, преимущественно рѣдкихъ книгъ средневѣковой испанской литературы со многими единственными извѣстными экземплярами, такъ что ею не разъ вынуждены были пользоваться и европейскіе ученые. Имъ же былъ пожертвованъ и особый капиталъ, на проценты съ котораго эта коллекція постоянно пополняется. Библіотека Боудича особенно богата рѣдкими сочиненіями по математикѣ и астрономіи; Принца—по теологіи и ранней исторіи Новой Англіи. Тутъ же сохраняется знаменитая книжная коллекція Барлоу, купленная библіотекой съ аукціону на средства спеціальной ассигновки бостонскаго городского управленія, между которой находятся самые ранніе историческіе документы, относя-

щіеся къ первоначальной организаціи Массачузетской колоніи, документы, за которые на аукціонѣ было заплачено $ 6.500. Въ одной изъ комнатъ этого спеціальнаго этажа стоитъ исполненная Макъ Монніесомъ героическая статуя Харри Вэна—Harry Vane, бывшаго губернатора Массачузетской колоніи въ началѣ XVII столѣтія, человѣка крайне гуманнаго и либеральнаго для того времени, боровшагося всю свою жизнь сначала съ узкостью и ханжествомъ пуританизма, потомъ съ деспотизмомъ англійской короны, и сложившаго свою непокорную голову на плахѣ во времена реставраціи.

Музыкальный залъ, прелестная, особенно изящная комната со сводами, отдѣланная сіеннскимъ мраморомъ, содержитъ, между прочимъ, единственную въ своемъ родѣ по сю сторону Атлантическаго океана коллекцію музыкальныхъ сочиненій и партитуръ, состоящую изъ свыше пятнадцати тысячъ томовъ и имѣющую особенное библіографическое и историческое значеніе. Она была пожертвована библіотекѣ въ 1894 г. гражданиномъ Бостона Алленомъ Броуномъ, постоянно ее пополняющимъ на свой счетъ и съ тѣхъ поръ всѣмъ замѣчательнымъ и обѣщавшимъ продолжать это пополненіе и въ будущемъ.

Залъ изящныхъ искусствъ заключаетъ замѣчательно богатую коллекцію иллюстрацій, гравюръ и чертежей, особенно по отдѣламъ археологіи и архитектуры. Съ нимъ соединена особая комната съ полнымъ собраніемъ разныхъ фотографическихъ аппаратовъ, для сниманія копій съ рѣдкихъ иллюстрацій и чертежей.

Наконецъ, имѣется отдѣльная комната для коллекцій автографовъ. Самая любопытная изъ нихъ, считающаяся единственной во всемъ Союзѣ по своей полнотѣ и интересу, была пожертвована библіотекѣ судьей Чамберлэномъ.

Библіотека открыта для публики во всѣхъ ея отдѣлахъ ежедневно, кромѣ воскресенья, отъ 9 час. утра до 9 часовъ вечера лѣтомъ и до 10 часовъ вечера зимой; по воскресеньямъ съ 2 часовъ пополудни до 10 часовъ вечера. Циркуляція въ 1894 году дошла до громадной цифры въ 2.100.604 томовъ, и въ нѣкоторыхъ отдѣленіяхъ превышаетъ въ 13 разъ все заключающееся въ нихъ число томовъ. Среднее число посѣтителей главнаго зданія за весь годъ было 3.885 въ день—высшее 5.643; среднее для главнаго зданія и всѣхъ отдѣленій 5.373 въ день, ежедневно круглый годъ. Вычисляютъ, что, въ среднемъ, каждый житель города, способный на самостоятельное чтеніе, т.-е. старше десяти лѣтъ отъ роду, посѣтилъ библіотеку не менѣе двухъ разъ въ мѣсяцъ. Эта простая статистика лучше всего доказываетъ то

значеніе, которое библіотека эта успѣла пріобрѣсти въ общественной жизни города.

Главное книгохранилище новаго зданія занимаетъ одну изъ сторонъ образуемаго имъ параллелограма, освѣщаясь и съ улицы, и съ внутренняго двора, имѣетъ шесть этажей, располагаетъ помѣщеніемъ для полутора милліона томовъ *) и соединено сквознымъ элеваторомъ съ заломъ выдачи. Пневматическія трубки изъ этой залы и всѣхъ читальныхъ залъ приносятъ его служащимъ заказы на разноцвѣтныхъ запискахъ, смотря по характеру требуемой книги; записки эти дѣлаются самими посѣтителями и составляютъ копіи съ карточнаго каталога библіотеки, устроеннаго для пользованія публики и состоящаго изъ помѣщающихся въ 13 отдѣльныхъ шкафахъ со множествомъ мелкихъ отдѣльныхъ ящиковъ, нанизанныхъ на мѣдные прутья карточекъ съ названіемъ книгъ и указаніемъ мѣста и полки ихъ храненія въ книгохранилищѣ. Ящики вынимаются совсѣмъ, такъ что посѣтитель можетъ разсматривать каталогъ, сидя за особо устроенными съ этой цѣлью столами. Расположены эти карточки въ алфавитномъ порядкѣ трижды, по предмету, заглавію книги и автору, и ихъ до 800.000, такъ что на каждое отдѣльное имѣющееся въ библіотекѣ сочиненіе приходится до $2^1/_2$ карточекъ, т. е. каждое сочиненіе упоминается въ этомъ своеобразномъ каталогѣ въ среднемъ $2^1/_2$ раза. Незнающій точнаго названія нужной ему книги посѣтитель неизбѣжно на нее наткнется въ томъ или другомъ мѣстѣ въ этомъ каталогѣ. Получивъ заказъ, служащій въ книгохранилищѣ достаетъ требуемое, и кладетъ его въ особый кабельный вагончикъ, доставляющій свою ношу автоматически посредствомъ элеватора въ залъ выдачи. Вагончиковъ этихъ нѣсколько въ каждомъ этажѣ книгохранилища, ходятъ они по особымъ рельсовымъ путямъ, расположеннымъ между книжными полками, такъ что они доступны служащимъ повсюду. Вагончики эти, по прибытіи въ залу выдачи, разгружаются, и ихъ содержимое или выдается дожидающимся посѣтителямъ, желающимъ взять книги на домъ, или же доставляются особыми служащими въ соотвѣтственный читальный залъ. Тѣмъ же автоматическимъ порядкомъ вагончики доставляютъ возвращаемыя книги обратно въ книгохранилище,

*) Теперь въ немъ помѣщается всего около полумилліона томовъ, и такъ какъ библіотека растетъ, въ среднемъ, на двадцать пять тысячъ томовъ въ годъ, то и разсчитываютъ, что настоящаго зданія хватитъ лѣтъ на сорокъ— послѣ чего предполагается пристройка къ заднему фасаду, который умышленно съ этой цѣлью не облицованъ гранитомъ и гдѣ есть необходимое для увеличенія зданія мѣсто.

гдѣ онѣ и ставятся опять тѣми же служащими на ихъ обычное мѣсто.

Громадное большинство книгъ отпускается на домъ, причемъ требуется только предъявленіе извѣстной карточки отъ городского управленія, нѣчто въ родѣ удостовѣренія въ личности и мѣста жительства, выдаваемой безплатно всякому гражданину города Бостона; нѣкоторыя можно брать на домъ только съ особаго въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ разрѣшенія извѣстной библіотечной власти; и только справочныя изданія и нѣкоторыя библіографическія рѣдкости ни въ какомъ случаѣ не разрѣшено выпускать изъ подъ крыши зданія. Несмотря на полное отсутствіе какихъ-либо стѣсняющихъ формальностей или залоговъ, въ теченіи 1893, напримѣръ, года, изъ 1.928.192 бывшихъ въ обращеніи томовъ было такъ или иначе утрачено всего одинъ томъ на каждые 31 тысячу томовъ, бывшихъ въ обращеніи, т. е. всего 62 тома на всю библіотеку въ теченіе всего года.

Въ настоящее время бостонская городская библіотека, по послѣднему отчету совѣта за 1894 годъ, содержитъ въ себѣ всего 610.375 томовъ, изъ нихъ 457.740 въ только что описанномъ мною новомъ зданіи, а остальные 152.635 въ 9 постоянныхъ отдѣленіяхъ, расположенныхъ въ разныхъ, болѣе или менѣе отдаленныхъ отъ центра города, частяхъ и помѣщающихся или въ спеціально для этого выстроенныхъ, или въ нанятыхъ съ этой цѣлью зданіяхъ. Кромѣ того, содержатся 4 отдѣльныя читальни съ временными складами книгъ, и 10 станцій, куда книги доставляются по требованіямъ ежедневно нѣсколько разъ спеціально съ этой цѣлью содержимыми библіотечнымъ управленіемъ крытыми экипажами. Въ этихъ отдѣленіяхъ и читальняхъ получается, помимо центральнаго зданія, 875 различныхъ періодическихъ изданій. Библіотека содержитъ свыше двухсотъ человѣкъ служащихъ разнаго рода, не включая дворниковъ, истопниковъ, полотеровъ и т. д.; на ея содержаніе расходуется городскимъ управленіемъ города Бостона свыше двухсотъ тысячъ долларовъ въ годъ, не включая расхода на покупку книгъ, который составляетъ около сорока тысячъ долларовъ въ годъ, помимо процентовъ съ пожертвованныхъ съ этою цѣлью капиталовъ, достигающихъ двухсотъ тысячъ долларовъ въ общей сложности. Такимъ образомъ, бюджетъ города Бостона заключаетъ въ себѣ ежегодно расходъ въ полмилліона рублей на содержаніе этой библіотеки, составляющей только одно изъ вспомогательныхъ средствъ къ образованію его народныхъ массъ.

Само собой разумѣется, что древнія столицы европейскихъ

*

государствъ, въ родѣ Лондона, Парижа или Вѣны, могутъ, по всей вѣроятности, похвастаться гораздо большими и цѣнными книгохранилищами, чѣмъ городъ Бостонъ—я не имѣю подъ рукой надлежащихъ свѣдѣній и не могу сдѣлать никакихъ сравненій—но не могу не напомнить читателю, что тамъ книгохранилища эти всегда и вездѣ являются результатами обще-государственныхъ мѣръ, въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, тогда какъ Бостонская городская библіотека зародилась всего съ небольшимъ 40 лѣтъ тому назадъ и есть результатъ работы одного провинціальнаго города съ четырмя стами тысячъ жителей.

П. А. Тверской.

16-го января 1897 г.

ИЗЪ „ПѢСЕНЪ КЪ ТИРСѢ“.

Л. Байрона.

Послѣдній вздохъ, исторгнутый утратой,
Любви моей—послѣднее прости,—
И одинокъ, какимъ я былъ когда-то,
Пойду я вновь по трудному пути.

—

Пускай борьбы извѣдаю я сладость
И горечь всю я осушу до дна;
Когда навѣкъ исчезла въ жизни радость—
Печали тѣнь въ грядущемъ не страшна.

—

Вокругъ меня—безумный чадъ похмелья,
Быть одному—нѣтъ мужества и силъ,
Я буду тѣмъ, кто раздѣлялъ веселье
И кто ни съ кѣмъ печали не дѣлилъ.

—

Ты не такимъ меня когда-то знала
Въ дни свѣтлые блаженства моего,
Но съ той поры, когда тебя не стало,
Какъ ты мертва—и все кругомъ мертвó.

—

На легкій ладъ я тщетно лиру строю,
Улыбкою не скрыть незримыхъ слезъ,
Какъ насыпи могильной не прикрою
Я ворохомъ полуразцвѣтшихъ розъ.

—

На пиршествѣ, даря на мигъ забвенье,
Пускай кипитъ и пѣнится струя,
Я жадно пью изъ чаши наслажденья,
Но одинокъ, какъ прежде, сердцемъ я.

—

Любуяся просторомъ, озареннымъ
Сіяніемъ серебряныхъ лучей,
Ихъ отблескъ дивный вижу отраженнымъ
Я въ глубинѣ задумчивыхъ очей.

—

Я созерцалъ полночное свѣтило,
И блескъ его въ волнахъ Эгейскихъ гасъ;
Увы! оно лишь надъ твоей могилой,
Не для тебя мерцало въ этотъ часъ!

—

Когда, безъ сна простертаго на ложѣ,
Томилъ меня мучительный недугъ—
Я говорилъ:—какое счастье, Боже!
Что взоръ ея не видитъ этихъ мукъ!—

—

И какъ порой возвращена свобода
Безсильному и дряхлому рабу—
Такъ жизнь мою вернула мнѣ природа,
Межъ тѣмъ какъ ты покоишься въ гробу!

—

У времени нѣтъ надъ любовью власти,
Утратою душа просвѣтлена:
Что значитъ пылъ земной, ничтожной страсти
Тамъ, гдѣ любовь безсмертная властна!

О. Чюмина.

БРИЛЛІАНТОВАЯ БРОШЬ.

Пэра Галльстрёмъ.

(Переводъ со шведскаго И. Л.).

Какъ странно мнѣ гулять тутъ, весна кругомъ, весна все наполняетъ, чувствуется въ бѣломъ блескѣ каждаго луча солнца,— хотя я опускаю вѣки и не гляжу,—въ каждомъ дуновеніи вѣтерка хотя мнѣ не хочется упиваться ею; кругомъ вездѣ весна — а во, мнѣ далеко, далеко не весна.

Пожалуй, что и не такъ, пожалуй, я лучше другихъ понимаю ее, хотя совершенно по другому.

Для другихъ она нова, они видѣли ее раньше, но позабыли, они ждали ее, но когда она пришла, она поразила ихъ, точно чудо, негаданное и неизвѣданное, и они воспрянули духомъ отъ ея чаръ, повѣрили каждому слову, нашептанному ею на ухо, они улыбались вмѣстѣ съ нею, пѣли съ нею, и сомнѣніе не закрадывалось имъ въ душу. И со мною тоже бывало прежде, годъ тому назадъ тоже было—съ *нами.*

Но теперь я лучше понимаю ее, весну, люблю не меньше прежняго. Какъ не любить ее, такую хрупкую, нѣжную и тонкую?— грусть ея сквозитъ подъ улыбкой. Еслибъ даже я и не зналъ этого, еслибъ даже не пришлось мнѣ извѣдать той бездны горя, что скрыта подъ свѣтлыми грезами весны, я все же понялъ бы, что одной лишь радости не создать такой красоты, что весна должна быть проникнута страданіемъ, чтобъ сіять и трепетать, и вызывать тотъ же трепетъ во мнѣ. Развѣ жизнь воспитала въ насъ способность наслаждаться одною радостью? Развѣ радость не утомляетъ насъ, какъ слишкомъ яркая краска, развѣ, радуясь, мы не тоскуемъ по той задушевности, по томъ просторѣ для мыслей и грёзъ, что составляетъ потребность самаго луч-

шаго, самаго нѣжнаго въ насъ? Нѣтъ, теперь только я понимаю весну.

Я все хожу и хожу по влажному песку, все топчу и топчу слѣды моихъ шаговъ, все снова и снова пробѣгаю весь кругъ моихъ мыслей, вижу, какъ все мелькаютъ предо мною одни и тѣ же воспоминанія, провожаютъ меня своимъ долгимъ взглядомъ, съ кроткою улыбкою киваютъ мнѣ, выпуская мою руку, и съ такою же улыбкою снова берутъ меня за руку послѣ минутной разлуки.

Цвѣты вишни уронили чуть не всѣ бѣлые лепестки, они осыпались, какъ снѣгъ, но свѣжіе и легкіе все еще лежатъ на землѣ и на полу веранды. Яблони щеголяютъ пышнымъ, блѣднорозовымъ уборомъ, красуясь тамъ вдали, какъ красавицы - невѣсты, а за ними небо сверкаетъ самой яркой синевой, но все же лежитъ на немъ какой-то морозный блескъ. Березки въ лѣсу, точно легкія облачка, парятъ въ воздухѣ—странно, что онѣ остаются, не вспорхнутъ и не исчезнутъ! Хвойныя деревья высятся за ними все такими же темными, какими шумѣли они надъ синевато-бѣлымъ снѣгомъ. Цвѣты у ногъ моихъ такъ ясно говорятъ мнѣ о томъ, какъ пустынно тутъ стало на дачѣ послѣ ея отъѣзда, какъ пустынно тутъ и по сейчасъ — это маргаритки, бѣлыя и красныя, почва бережетъ ихъ для себя, а потому и создала такими крошечными и невзрачными,—да бѣдные сабельники, уже расцвѣтшіе, которые, просунувъ межъ ягодныхъ кустовъ изящно изогнутыя чашечки, точно глядятъ на то, какъ тутъ пусто.

Во всемъ что-то щемяще-грустное, но молодое и чистое, иллюзія весны, которая предчувствуетъ, что скоро должна разбиться, но только предчувствуетъ и мечтами старается заслонить отъ себя увѣренность.

А самъ я даже и не гляжу на все это, только изрѣдка что-то точно мелькнетъ предо мною, только знаю я, что это такъ, и что глубокіе и необузданные переливы дрозда въ лѣсу измѣряютъ глубину окружающаго безмолвія. Иду и думаю о той, что была здѣсь осенью и которой теперь уже не стало, иду и прислушиваюсь къ эхо ея голоса, какимъ прозвучалъ онъ мнѣ въ послѣдній разъ.

Когда она была здорова, я былъ у нея, она вѣрила въ меня, жила для меня, сіяла для меня—вдругъ смерть подошла. Она не знала, что смерть близка, но въ мысляхъ ея проснулась тревога, точно пахнулъ на нихъ вѣтерокъ изъ какой то разверзшейся у ея ногъ бездны, примѣтить это можно было гораздо раньше, чѣмъ нашлись у нея слова, по походкѣ, по взгляду, который больше

уже не носился съ прежнею быстротою, упиваясь солнцемъ, а часто и по долгу устремлялся книзу и застывалъ такъ. Примѣтить можно было и по рукамъ, этимъ бѣлымъ, порхающимъ созданіямъ, въ нихъ явилась тяжесть и трепетъ, и пожатіе ихъ замирало въ какой-то безсознательной тревогѣ.

Я скоро все узналъ, сначала догадывался, спросилъ врача и скоро получилъ отвѣтъ — опасно, сказалъ онъ, особенно опасно, если она это пойметъ, ея жизненной энергіи, полагалъ онъ, едва лишь хватитъ на то, чтобъ дать отпоръ внѣшнимъ ударамъ, ну, а если ее постигнетъ увѣренность, тогда конецъ навѣрняка, а то была еще надежда. Въ это самое время она и кашлять стала.

Сначала кашель принесъ ей облегченіе, сдѣлалъ положеніе ея менѣе тревожнымъ. Раньше что-то грозило ей, не знала она, что именно, и неизвѣстность становилась страшной. Теперь же было что-то опредѣленное, только этотъ противный кашель, а когда онъ пройдетъ, все опять станетъ хорошо, какъ и раньше. Она опять стала звонко - веселой, невозмутимо ясной, жаль только— смѣхъ такъ утомлялъ ее, раздражалъ ей грудь и дѣлался какимъ-то свистящимъ, прежде чѣмъ оборваться, потому-то ей и приходилось сдерживать веселость. Потому-то и я избавился отъ необходимости шутить съ нею и смѣшить ее, и мнѣ это было такимъ облегченіемъ. Я зналъ теперь, что не одинъ тутъ кашель, что къ нему еще что-то присоединилось, что ничего нельзя подѣлать, только ждать да пытаться сохранить надежду.

Случилось это зимою, мы много сидѣли дома въ тиши, и на умъ приходили разныя мысли.

Она, Chérie, никогда не теряла вѣры совсѣмъ, никогда и не формулировала ее ясно, у нея было только смутное сознаніе, что чувства, которыя мы считаемъ самыми чистыми и глубокими и про которыя думаемъ, что они какъ-то особенно внѣдрились въ самой глубинѣ нашего сердца, что эти чувства переходятъ за предѣлы нашего земного существованія, требуютъ другой жизни и стараются поднять насъ до нея. Вся ея вѣра исключительно была вызвана потребностью въ будущей жизни, она относилась къ ней просто, ей вовсе не труднымъ казалось подняться ввысь всѣмъ существомъ своимъ, оставить все земное такъ же легко, какъ мусульманинъ оставляетъ свою обувь у холоднаго порога мечети, и оставаться тамъ почти такою же, какъ тутъ. Но вмѣшался я, и стало уже труднѣе все понять и все опредѣлить. Не то, чтобъ я пытался поколебать ея вѣру, — надо быть крайне необдуманнымъ, чтобы, вообще, грубо прикасаться къ мысли о безсмертіи,

самаго чувствительнаго и самаго нѣжнаго нерва человѣка, тѣмъ болѣе у нея—никогда! Но она знала, что я такъ не вѣрю, какъ она, и это смущало ее и лишало мужества.

Заведемъ, бывало, грустныя бесѣды, вспыхнутъ мысли, ударятся о рѣшетку, падаютъ и бьются и леденитъ насъ сознаніе того, что каждаго изъ насъ окружаетъ недоступная для другихъ стѣна, хотя намъ и кажется, что мы отдаемъ все наше я, изливаемъ всю нашу душу. Бывало, сказанныя слова остаются нѣмыми, а взгляды, въ тоскѣ искавшіе другъ друга, найдутъ другъ друга въ ласкахъ, и мы чувствуемъ, что *этого* не надо было, что мы *этого* не хотѣли: вѣдь, въ ласкахъ таилось бѣгство отъ истины.

Бывало, сидитъ она за роялемъ, звуки щебечутъ подъ ея пальцами, вдругъ вспорхнутъ и уже не возвращаются, теряются гдѣ-то въ холодномъ пространствѣ и, заблудившись, тихо рыдаютъ гдѣ-то вдали, а потемнѣвшіе глаза ея впиваются въ мои.

— Послѣ смерти, — сказала она по поводу начатаго какъ-то прежде разговора, такъ что самая уже внезапность этихъ словъ указывала на то, что ее все время томилъ неразрѣшенный вопросъ,—послѣ смерти, какъ ты думаешь, что будетъ?

— Объ этомъ ничего нельзя сказать, нѣтъ для этого словъ. Бываетъ,—охватитъ тебя что-то въ родѣ предчувствія, думаешь—постигъ что-то, переживая сильное и глубокое чувство, сознаешь, какъ стремится расшириться собственное я, какъ оно точно таетъ, и поймешь тогда, что снѣжинка не умираетъ въ водяной каплѣ, а только теряетъ прежнюю форму и пріобрѣтаетъ способность переливаться огнемъ. Передать этого нельзя, пониманіе должно придти изнутри. Вѣчность—понятіе, если только годится сюда слово понятіе, разъ нельзя опредѣлить ее словами, а можно только догадываться, — вѣчность исключаетъ личность, но она можетъ, вѣдь, и не быть мертвой, она можетъ быть блѣднымъ, свѣтлымъ счастьемъ, можетъ быть ясностью.

— Охъ, *можетъ быть*, *можетъ быть*! Но мы то, вѣдь, *есть*, не можемъ перестать быть?!

— Намъ кажется такъ, но если даже что-нибудь въ насъ не можетъ прекратить своего бытія, такъ развѣ это непремѣнно должно быть то, что видишь, что чувствуешь? Личность—граница нашего я, она можетъ и исчезнуть. А въ этомъ можетъ заключаться и счастіе.

— Но я *тебя*, *тебя* хочу тамъ встрѣтить, ты-то какъ же, куда *ты* дѣнешься?

Обоихъ насъ, думающими и чувствующими, она и желала снова встрѣтить тамъ, хотѣла точно вернуться къ дѣтству, какимъ оно

грезится намъ, хотѣла вернуться къ той невозмутимой радости и покою, опять проснуться для всего этого, снова воспринимать все и мягче, и нѣжнѣе, и въ болѣе тепломъ освѣщеніи, но во всемъ остальномъ желала сходства съ настоящимъ. Какъ страстно желалъ я усыпить ее въ этихъ грезахъ, какъ Принцессу въ лѣсу шиповника, окруженной стѣною изъ розъ, розами, слабо дышащими, какъ полуоткрытыя губы во снѣ, и ярко алѣющими въ желтомъ освѣщеньи. Я все говорилъ и говорилъ ласкающія слова. Но тогда мнѣ это не удалось, она все просыпалась, металась тревожно и все справлялась: заря ли утренняя такъ краснѣетъ передъ нею, умирающее ли вечернее солнце, или это только розы блекнутъ?

Наконецъ, удалось-таки.

Случилось это весною, когда она уже ослабѣла, и я зналъ, что конецъ близокъ; только передъ самымъ уже концомъ удалось вполнѣ.

Было еще не то, что принято называть весною, былъ только самый ранній намекъ на весну, то, что у весны есть самаго прекраснаго. Когда земля еще мерзлая и тяжелая, снѣгъ плотнѣе и холоднѣе, чѣмъ раньше, но въ воздухѣ уже настало время чудесъ, время пробужденія, предчувствованіе пѣсенъ и свѣтлыхъ ночей. Этого словами не выскажешь, стоишь и глядишь вдаль; вечеркомъ иной разъ снѣгъ синѣетъ и темнѣетъ, звѣзды сіяютъ такія же холодныя и вѣчныя, какъ всегда, но тамъ, въ пространствѣ, что-то уже трепещетъ, что-то на встрѣчу звучитъ надеждой и восторгомъ, что-то поднимаетъ тебя и уноситъ ввысь. Скрывается это въ оттѣнкахъ цвѣтовъ, въ предугаданныхъ движеніяхъ облаковъ, можетъ быть, только въ насъ самихъ? Чувствуется это иной разъ и днемъ, на солнцѣ, при такомъ яркомъ блескѣ, что его едва переносишь.

Но тогда, въ ту весну не было мѣста восторгамъ, не было мѣста надеждамъ,—эта весна несла намъ одну только вѣроятность, вѣроятность страданій, и все же пробуждались мечты!

Она стала такой слабой, закрадывалось опасеніе, что и она поняла. Такой блѣдной лежала она въ тиши комнатъ, а благоуханіе свѣтлыхъ гіацинтовъ волнами носилось въ воздухѣ и обдавало ее своимъ ароматомъ. Я принесъ домой цвѣты, розаны съ молоденькими листочками, она взглянула на нихъ ласково, но утомленно.

— Къ чему это?—сказала она.

— Чтобы расцвѣли розы, которыя ты такъ любишь...

— А если онѣ не поспѣютъ?

— Конечно, конечно, поспѣютъ; вонъ эта будетъ блѣдно-красной, въ сгибахъ краска будетъ сгущаться до кармина,—она изъ породы la France; вѣдь, у нихъ вся весна впереди, онѣ, навѣрно, будутъ цвѣсти.

Моя увѣренность придала ей надежды; если я такъ вѣрилъ въ цвѣты, если даже вниманія не обратилъ на смыслъ ея замѣчанія, такъ, можетъ быть, она ошиблась. А, можетъ быть, я пользуясь цвѣтами, хотѣлъ только схитрить, хотѣлъ пробудить въ ней надежду и такимъ образомъ заставить окрѣпнуть, но, вѣдь, это тщетная попытка, навѣрно, тщетная, и во взглядѣ ея вновь появилось недовѣріе.

Надо было выдумать другое, чтобъ заставить ее повѣрить. Я все искалъ и придумывалъ, я притворялся веселымъ, одно мнѣ только и осталось: поддерживать въ ней надежду.

Наконецъ, я придумалъ нѣчто.

Когда она была здоровѣе, такъ что могла выходить, она часто, бывало, оснановится и повиснетъ на моей рукѣ передъ окномъ ювелира—такая румяная и красивая въ бѣломъ свѣтѣ! — наклонится впередъ, и ея глаза засіяютъ дѣтскою радостью на встрѣчу всѣмъ вещамъ, сверкавшимъ на окнѣ. Одна брошь, въ особенности, прельщала ее, бриллiантовая брошь, въ формѣ бабочки, съ крыльями, точно сотканными изъ свѣтлыхъ капель, самое изящное и самое блестящее изъ всего, что было на окнѣ.

— Взгляни на эту брошь, — сказала она, — *еслибъ* мы были богаты,—какъ нѣжно звучало это *еслибъ! — еслибъ* мы были богаты, мнѣ очень хотѣлось бы получить эту брошь, это единственное, чего мнѣ всей душой хочется.

Потомъ она стала уже говорить «моя брошь», такъ какъ никто не покупалъ ее, и она точно получила на нее какое-то право собственности. «Посмотри, моя брошь все еще тамъ и ждетъ меня»,— и она всѣ нѣжнѣе и нѣжнѣе наклонялась къ своей бабочкѣ и уходила съ чуть замѣтнымъ сожалѣніемъ; она, вѣдь, знала, что бабочка эта по цѣнѣ значительно превышала все, что намъ было доступно. Потомъ, когда она перестала выходить, мы больше уже не разговаривали о брошкѣ, но я замѣтилъ, что она прекрасно ее помнитъ, и, когда она перебирала свои драгоцѣнности, мнѣ часто казалось, что бабочка порхаетъ въ ея воображеніи.

Скоро долженъ былъ наступить день ея рожденія, я сталъ обдумывать, что бы мнѣ подарить ей; брошка сейчасъ же пришла мнѣ на умъ, но не въ видѣ возможности, а въ видѣ желанія только, она была черезчуръ дорога, поглотила бы доходъ цѣлаго года. Я все старался придумать что-нибудь, что было бы похоже на брошь,

но лежало бы въ предѣлахъ возможности. Тогда вдругъ мнѣ пришло въ голову, что если я куплю брошь, она убѣдится, что я вѣрю въ ея выздоровленіе, безъ малѣйшаго сомнѣнія; никто не сдѣлаетъ рыцарской нелѣпости, если не будетъ вѣрить, что она послужитъ источникомъ продолжительной радости. Это озаритъ ея тоску свѣтомъ упованія и надежды. Я досталъ денегъ взаймы, пошелъ и купилъ брошь какъ можно скорѣе.

Въ то утро, когда она получила ее, ахъ, никогда еще она не была такъ весела! Нѣсколько дней уже до этого она была разстроена, предчувствуя, что это ея послѣдній день рожденія, и это было мнѣ такъ понятно, даже плакала при мнѣ вечеромъ и благодарила за все то время, что прошло. Я никакъ не могъ утѣшить и развеселить ее, мнѣ удалось только пробудить въ ней геройское, надломленное смиреніе и больную улыбку.

Она получила мой подарокъ утромъ, какъ только проснулась, когда былъ еще огонь въ комнатѣ, я сунулъ ей въ руку футлярчикъ и сказалъ нѣсколько словъ. Какое у нея было выраженіе лица! Сначала нѣжный укоръ, «драгоцѣнности мнѣ, бѣдной больной!» усталая улыбка, но такая ласковая, потомъ она открыла крышку и посмотрѣла.

Ея бабочка, уборъ, о которомъ она и мечтать-то не смѣла, блескъ такой, что онъ озарилъ все окружающее пространство, слезы, навертывающіяся на глаза, все сверкающія капли! Да возможно ли это? Дыханіе ея пріостановилось отъ крайняго изумленія, я испугался теперь, что это ей повредитъ, вѣдь, она такъ слаба. Но ее охватила только радость и благодарность, самая необузданная радость, легкая, какъ игра бабочекъ на солнцѣ, самая горячая любовь и всѣ тѣ мысли, которыхъ я ожидалъ.

Значитъ, не такъ ужъ ей, плохо если я никакъ этому не хотѣлъ повѣрить, если тутъ выяснилось, что я жду ея выздоровленія, если я чуть не разорился, чтобы дать ей то, чего она больше всего желала. Значитъ, она будетъ жить на своей милой землѣ, со мною и со своимъ красивымъ уборомъ. Точно ясная, журчащая, шепчущая музыка родника, радость ея ключемъ била мнѣ на встрѣчу.

Все удалось такъ, какъ я надѣялся, въ ней не осталось и тѣни сомнѣнія, одна лишь надежда, да всѣ красивыя, задушевныя мысли. А мнѣ все же было больно и горько, вѣдь, я зналъ уже теперь, что едва ли даже поможетъ ей вѣра, что она все равно уже обречена. Во всякомъ случаѣ моя Принцесса Шиповникъ заключена теперь въ волшебномъ замкѣ, въ ожиданіи сна,

не зная объ этомъ и улыбаясь тѣмъ розамъ вокругъ нея, которымъ суждено быть стѣнами вѣчнаго успокоенія.

Теперь ее уже не покидала надежда на выздоровленіе, она не боялась уже разлуки со мной, никогда не затрогивала тѣхъ чудесно-холодныхъ загадокъ, которыхъ разуму не отгадать никогда.

Скоро она сутки на пролетъ проводила въ кровати, но у ней была ея бриллiантовая брошь, она безпрестанно глядѣла на нее и примѣряла ее къ своимъ волосамъ, когда расчесывали ихъ, и каждый разъ брошь отгоняла отъ нея всякую печаль, она опять поправится такъ же несомнѣнно, какъ несомнѣнно то, что бриллiанты эти настоящіе, она будетъ носить этотъ уборъ, постоянно будетъ радоваться ему и гордиться имъ.

Хотя она становилась все слабѣе и слабѣе и подчасъ чувствовала боли, но въ промежуткахъ она была все такъ же весела, вѣдь, ея брошь лежала тамъ же на столѣ, она могла глядѣть на нее и заставлять ее переливаться огнемъ!

Эта брошь стала для нея дороже всякаго сокровища, она стала лучезарною увѣренностью въ томъ, что счастье побѣдитъ въ концѣ концовъ, что разлуки не будетъ, что любовь все одолѣетъ, все озаритъ спокойнымъ и веселымъ свѣтомъ. Крылья бабочки, блестѣвшія и сіявшія тысячами свѣтлыхъ переливовъ, наложили на крылья ея собственной Психеи оковы покоя, тишины и подвижности, и она не чувствовала уже тѣхъ порывовъ вѣтра, что стремились сорвать эти оковы и увлечь ее за собою. Для меня у нея было много нѣжныхъ словъ,—горько было слушать ихъ съ улыбкою на устахъ, и какъ трогательно, любовно и хрупко звенѣли они!

Когда пришло время, и конецъ приблизился, она была уже слишкомъ утомлена, чтобъ понять, все еще улыбалась, ничего не хотѣла слышать, хотѣла только лежать и чувствовать краткіе и трепетные взмахи своей мечты, а эти взмахи становились все короче, все болѣе колеблющимися, хотя она и не примѣчала этого.

Вечеръ насталъ, я держалъ ее за руку; она сжимала мою руку, никого не хотѣла знать, кромѣ меня, и не могла понять, почему другіе такъ долго оставались въ комнатѣ; она, впрочемъ, даже не обращала на это вниманія, требовала, чтобъ на одѣялѣ лежала ея бабочка, и попеременно глядѣла то на нее, то на меня.

Я наклонился и говорилъ, самъ не знаю что, какія-то ласковыя слова, въ нихъ было раскаяніе въ моемъ планѣ, нѣжность и горе, но она во всемъ улавливала только звуки любви, больше ничего, улыбалась мнѣ, пока повиновались губы, потомъ улыбалась уже однимъ лишь взглядомъ. Изрѣдка она опять бросала

взглядъ на свой уборъ, сіявшій и искрившійся звѣзднымъ свѣтомъ; я зналъ что ея мысли, если только она была еще въ состояніи мыслить, играли этими двумя понятіями—я и мой подарокъ, надежда и я, счастье и я. Мое предательство удалось какъ нельзя лучше, а теперь меня это чуть не убивало.

Она точно заворожила свои мысли, опутала душу, въ ней не было мѣста ничему, кромѣ надежды, какъ разъ теперь, когда надежда была больнѣе всего, и взглядъ ея все продолжалъ улыбаться.

Вдругъ во взглядѣ ея появилось выраженіе ужаса, испуганной слѣпоты,—что это такое скользнуло между нами, гдѣ я, гдѣ уборъ?

Я велѣлъ зажечь свѣчи. Да будетъ пощаженъ послѣдній вздохъ, да довершится прекрасное сновидѣніе, да исчезнетъ этотъ страхъ!

И зажгли свѣчи, сколько ихъ было тутъ, внесли еще новыя, воздухъ съ блескомъ преломлялся надъ ихъ острыми огоньками.

Становилось до-нельзя больно и горько. Такой ужасающій свѣтъ, праздничный свѣтъ, все бѣло, бѣло—точно я и безъ этого не видалъ все такъ ясно? Но, она, Chérie, для которой это было сдѣлано, снова стала спокойной и веселой, она едва замѣтила этотъ свѣтъ, подумала, что только зрѣніе ея стало прежнимъ и что исчезъ тотъ непонятный, угрожающій мракъ. Она опять взглянула на меня, во взглядѣ ея опять засвѣтилась улыбка, такая благодарная улыбка, взглянула на свою бабочку, признала ее и опять взглянула на меня.

А потомъ пришелъ конецъ, кругомъ меня свѣтъ, ужасный, мучительный свѣтъ, а тамъ, у нея—мракъ, покой, не надо больше притворяться, можно рыдать отъ отчаянія!

Но она такъ и заснула, моя Принцесса-Шиповникъ, въ своемъ волшебномъ лѣсу, окруженной стѣною изъ розъ, сказочныхъ розъ, розъ счастья, озаренной вѣчнымъ сіяніемъ сказки, и грусть и печаль остались гдѣ-то вдали, вдали отъ заколдованныхъ мѣстъ. Въ моихъ рыданіяхъ прорывались восторгъ и горе,—такъ все же смерть не разлучила моей любви съ нею, чего она такъ боялась и съ чѣмъ такъ упорно боролась ея надежда, все же вѣра ея побѣдила, вѣдь, унесла же она съ собой счастіе въ минуту разлуки! Гдѣ-то она теперь—ахъ, тамъ весна въ воздухѣ, чудесная весна надъ синеватымъ снѣгомъ, предчувствіе обновленія, новая вѣроятность и для радости, и для горя, можетъ быть, нѣчто совершенно новое. Такъ думалъ я потомъ, когда миновало первое время и самый тяжкій ударъ прошелъ.

Ея бабочку я положилъ ей въ гробъ, незамѣтно сунулъ ее туда,—вѣдь, она была такъ дорога ей!—теперь, теперь она, вѣроятно, сіяетъ тамъ, во мракѣ...

Всѣ эти мысли я гоню прочь, иду и упиваюсь легкою грустью весны и думаю обо всемъ прекрасномъ, легкомъ и сіяющемъ, что составляетъ память о ней. И я недоумѣваю, какъ она,—будетъ ли то неизвѣстное за гробомъ такимъ, какъ хочется сердцу, или...

И я думаю о веснѣ вокругъ меня, которую я такъ хорошо понимаю теперь, и послѣдняя ужасающе-горькая минута начинаетъ казаться мнѣ такой легкой, нѣжной и красивой, что такъ хорошо идетъ къ ней, къ покойной, и передъ взоромъ моимъ что-то сіяетъ и трепещетъ, точно крылья ея бабочки...

ЖИВАЯ ЖИЗНЬ.

Романъ въ 3-хъ частяхъ.

*(Продолженіе *).*

XI.

Они ѣздили на заводъ, но теперь совсѣмъ при другихъ условіяхъ. На полѣ лежала масса снѣга, дорога была ровная, гладкая, стоялъ морозецъ, небольшой, но достаточно крѣпкій, чтобы дорожный снѣгъ держался твердо. Лошади у отца Серафима были горячія и мчали стрѣлой. Теперь и ловля была другая. Днѣпръ окоченѣлъ. Рыбалки вырубали множество маленькихъ ополоноќъ, а неводъ вытаскивали изъ огромной проруби. Рыба прямо падала на ледъ. Четверть водки здѣсь годилась больше, чѣмъ лѣтомъ, рыбалки согрѣвались и становились еще щедрѣе.

Они вмѣстѣ встрѣтили новый годъ. У отца Серафима отыскалось шипучее донское вино и они всѣ выпили и чокнулись.

— Вы вѣрите въ вѣчную дружбу, Глѣбъ Назаровичъ?— спросила Варя, протягивая къ нему свой стаканъ съ виномъ.

— Только съ вами, Варвара Серафимовна! — отвѣтилъ Глѣбъ.

— Ну, такъ пусть же наша дружба будетъ вѣчна! — воскликнула Варя:—папа, вы будете свидѣтелемъ.

Отецъ Серафимъ полушутя-полусерьезно приподнялъ руки и благословилъ ихъ.

— Добрыя вы дѣти, — умиленно сказалъ онъ, — только одно жаль, что вы именно дѣти...

---

*) См. «Міръ Божій», № 3, мартъ.

— Нѣтъ, мы не дѣти, отецъ Серафимъ!—горячо возразилъ Глѣбъ,—но мы чувствуемъ такъ же непосредственно и чисто, какъ дѣти!

На третій день новаго года Глѣбъ собрался уѣзжать. Варя сообщила ему, что у нея есть еще кое-что разсказать ему.

— Вы знаете, какой у меня былъ разговоръ съ отцомъ!..

— Я догадываюсь,—сказалъ Глѣбъ.—На счетъ курсовъ?

— Да, это былъ ужасный день, я даже перепугалась. Я получила отъ васъ письмо, помните, вы сообщили мнѣ программу курсовъ... Вамъ прислалъ ее какой-то знакомый вашъ студентъ петербургской академіи. Я прочитала и заговорила объ этомъ съ нимъ. Вотъ, говорю, папа, Глѣбъ Назаровичъ программу высшихъ курсовъ женскихъ прислалъ. А онъ спрашиваетъ: да тебѣ-то что, ужъ не думаешь ли ты, что я пущу тебя на эти курсы? Я бы хотѣла, отвѣтила я. И тутъ лицо его сдѣлалось такое блѣдное, какого я никогда у него не видала. Какъ? оставить стараго отца, у котораго больше никого нѣтъ на свѣтѣ? одинокаго старца? Ну, значитъ, любви-то у тебя немного! и пошелъ, и пошелъ все въ этомъ родѣ. Началъ плакать, потомъ заболѣлъ, два дня изъ комнаты не выходилъ, въ постели лежалъ и все молчалъ. Что ни скажу ему, онъ въ отвѣтъ ни слова. Я чувствовала себя ужасно въ эти дни, я просто не знала, что дѣлать, хотѣла вамъ писать, чтобъ вы бросили все и пріѣхали, да подумала, что нельзя такъ затруднять васъ. Наконецъ, я пришла къ нему и прямо сказала: папа, я никуда не хочу ѣхать... ну, вотъ, обѣщаю вамъ, что никогда больше не заговорю объ этомъ. Тутъ онъ поцѣловалъ меня и успокоился.

— Такъ, значитъ, это для васъ совсѣмъ закрыто и никогда не будетъ доступно?—спросилъ Глѣбъ.

— Никогда, Глѣбъ Назаровичъ! Я не имѣю права.

— Но почему же вы тогда меня поощрили? Значитъ, и я не имѣю права!

— О, это совсѣмъ другое дѣло! Отъ васъ требуютъ жертвы, ради ихъ личнаго матеріальнаго положенія, а отъ меня только ради чувства. Если бы вы могли сдѣлать такъ, чтобы приходъ вашего отца и хозяйство, и домъ, и все осталось у вашей матери и сестры, а сами при этомъ уѣхали хоть въ Америку, онѣ бы васъ благословили. А тутъ ничего не надо, кромѣ меня самой, кромѣ моего присутствія... Когда мы еще увидимся, Глѣбъ Назаровичъ?

— Если позволите, я пріѣду на Пасхѣ.

— Позволяю, Глѣбъ Назаровичъ!

Когда Глѣбъ пріѣхалъ въ городъ, дядя и тетка встрѣтили его холодно.

— Не хорошо, не хорошо!—наставительно говорилъ ему отецъ Лаврентій,—могъ бы новый годъ встрѣтить съ родными. Кажется, это было не очень трудно. Ну, поѣхалъ, посидѣлъ денекъ, другой и вернулся, а то на что это похоже? Словно мы тебѣ чужіе! Не хорошо, не хорошо!

Ирина Власьевна и Груня уже не могли увеличить свою холодность по отношенію къ нему. Однако, когда онъ былъ у нихъ, въ глазахъ у Груни свѣтилась какая-то язвительность и она сверхъ ожиданія заговорила соотвѣтствующимъ тономъ.

— Вотъ я на твоемъ мѣстѣ, Глѣбъ, не ѣздила бы къ Лаудановымъ.

— Почему же?—спросилъ Глѣбъ.

— Да потому, что это, можетъ быть, имъ и непріятно.

— Это откуда?

— Да очень просто. Самъ же ты говорилъ, что Варя совѣтовала тебѣ уѣзжать учиться. Ну, значитъ, ей все равно, а, можетъ быть, это даже надоѣдаетъ.

— Что ты говоришь, Груня?

— Говорю то, что есть.

— Груня, оставь это, пожалуйста! — сказала Ирина Власьевна и по ея тону Глѣбъ могъ заключить, что въ сущности она раздѣляетъ мнѣніе Груни.

— Нѣтъ,—возразилъ Глѣбъ,—это нельзя такъ оставить. Я ничего тутъ не могу понять...

— Да что же тутъ понимать?—отвѣтила Груня,—она тебѣ посовѣтовала учиться, ну, значитъ, тонко дала понять, что ты ей не нравишься; вѣдь это такъ ясно, такъ ясно! только младенецъ не пойметъ.

— Ты говоришь непозволительныя глупости! — сказалъ Глѣбъ, слегка вспыхнувъ.

— Ха! пусть глупости. Конечно, я глупая и необразованная, что же я могу сказать, кромѣ глупости? Какъ себѣ тамъ хочешь, а я такъ думаю, вотъ и говорю.

Этотъ разговоръ нисколько не повліялъ на настроеніе Глѣба. Объясненія Груни казались ему настолько нелѣпыми, что ихъ нельзя было принимать въ разсчетъ.

Время шло. Наступила Пасха; въ этомъ году она была поздняя. Глѣбъ могъ съѣздить въ Кочедаровку только на одинъ

день. У него было слишкомъ много работы, приближались экзамены, онъ усиленно готовился; въ то же время и въ школѣ шла подготовка къ экзамену; все это надо было совмѣстить.

— Ахъ, Варвара Серафимовна!—жаловался онъ ей,—я начинаю побаиваться.

— Неужели? это на васъ не похоже! я всегда считала васъ храбрымъ! Послушайте,—прибавила она,—хотите, я окажу вамъ содѣйствіе.

— Разумѣется, хочу.

— Я попрошу папу, чтобъ отпустилъ меня въ городъ, когда вы будете держать экзамены. Это недѣли на три?

— Я думаю, что не больше.

— Ну, вотъ. У насъ есть тамъ одинъ родственникъ, онъ въ купеческой церкви священникомъ; я у него могу остановиться. Я каждый день буду читать вамъ строжайшую нотацію, чтобы вы не боялись.

— Вы будете воодушевлять меня.

— Ну, да. Должна же въ чемъ-нибудь проявляться дружба. Но если вы и тогда будете бояться, то я буду оскорблена.

— Нѣтъ, нѣтъ, тогда я буду безстрашенъ.

— Папа!—обратилась она къ отцу Серафиму, который въ это время вошелъ въ комнату,—Глѣбъ Назаровичъ оказывается трусомъ и боится провалиться на экзаменѣ. Вы можете отпустить меня на три недѣли въ городъ къ отцу Петру?

— Это зачѣмъ же?—спросилъ отецъ Серафимъ.

— Я буду его приструнивать.

— О, твое ли это дѣло, мой дружокъ?

— А то чье же? Конечно, мое. По крайней мѣрѣ, хоть одно полезное дѣло сдѣлаю.

— Ну, тамъ посмотримъ, посмотримъ!—отвѣтилъ отецъ Серафимъ, который принималъ эту просьбу за шутку.

Глѣбъ уже подалъ прошеніе о томъ, чтобъ его допустили къ экзамену. Въ гимназіи онъ столкнулся съ Срѣтенскимъ. Тотъ похудѣлъ и былъ необычайно блѣденъ. Онъ страшно дрожалъ и при мысли объ экзаменахъ вся его храбрость пропала. Черезъ недѣлю надо было являться.

Глѣбъ сообщилъ о своемъ намѣреніи смотрителю училища.

— Голубчикъ, только вы держите этотъ экзаменъ втайнѣ отъ воспитанниковъ,—сказалъ тотъ,—а то, не дай Богъ, срѣжетесь, бѣда, уважать перестанутъ. Для школьника это самое постыдное дѣло, когда ихъ учитель въ чемъ-нибудь срѣжется.

И вотъ начались экзамены. Трудная это была пора, но

для Глѣба она освѣщена лучшими воспоминаніями, какія были только въ его жизни. Впослѣдствіи онъ переживалъ много моментовъ, когда считалъ себя на верху счастья, моментовъ, передъ которыми, какъ ему казалось, блѣднѣла эта пора его жизни. Но потомъ, когда прошли годы борьбы и когда подводились итоги, онъ видѣлъ ясно, что ничего не было у него выше, чище и цѣннѣе этихъ ощущеній.

Варѣ онъ давно уже написалъ, напоминая ей о ея обѣщаніи: „да,—писалъ онъ,—по мѣрѣ приближенія „страшнаго суда", я чувствую, что ваши строгія нотаціи мнѣ совершенно необходимы; надо, необходимо надо, чтобы кто-нибудь подтянулъ меня. Вы не можете себѣ представить, какимъ холоднымъ равнодушіемъ окруженъ я здѣсь".

Въ самомъ дѣлѣ, тотъ холодъ, который встрѣчалъ онъ въ домѣ дяди, особенно въ двухъ комнатахъ, занимаемыхъ матерью и сестрой, съ каждымъ новымъ днемъ видимо усиливался Надежда на то, что Глѣбъ одумается и перемѣнитъ свои планы, стала видимо исчезать и дѣлалось все болѣе очевиднымъ, что онъ рѣшилъ поставить на своемъ. Теперь уже и отецъ Лаврентій болѣе не высказывалъ сочувствія „высокимъ молодымъ стремленіямъ" и не приводилъ въ примѣръ графа Сперанскаго. Онъ открылъ свои карты и для Глѣба стало очевиднымъ, что всѣ эти сочувственныя рѣчи, которыя дядя говорилъ, отводя его къ сторонкѣ, были лицемѣрны,— они просто входили въ его дипломатію. Да и матушка его, разобравъ хорошенько, въ чемъ дѣло, не особенно покровительствовала стремленію къ наукѣ. Она поняла, что между наукой и тѣми веселыми кавалерами, которые окружали ее и замѣняли ей въ нѣкоторой степени отца Лаврентія, которому ряса мѣшала быть на высотѣ призванія, нѣтъ ничего общаго. Глѣбъ, погруженный въ свои мысли о будущемъ ученіи, казался ей скучнымъ, оттого и въ самой наукѣ она не видѣла ничего, кромѣ скуки. Онъ бывалъ у нихъ и какъ-то всегда держался въ сторонѣ, всегда отличался отъ другихъ и не показывалъ ни малѣйшаго желанія поухаживать за нею и быть къ ея услугамъ.

Когда Глѣбъ сообщилъ у дяди о томъ, что у него черезъ недѣлю экзаменъ, отвѣтомъ на это было общее глубокое молчаніе. Только Груня не выдержала и сказала съ той ядовитостью, которой у нея былъ большой запасъ:

— Вотъ и хорошо. Авось, Богъ дастъ, срѣжешься!

Глѣбъ принялъ это замѣчаніе равнодушно и ничего не возразилъ ей.

Наканунѣ перваго экзамена, когда Глѣбъ испытывалъ мучительное чувство неизвѣстности и никакъ не могъ сосредоточиться и собрать свои мысли, онъ, стоя у окна въ своей комнатѣ, увидѣлъ подъѣхавшій къ дому знакомый экипажъ. У него сильно забилось сердце. Кучеръ сошелъ съ козелъ и пошелъ во дворъ. Онъ зналъ дорогу, такъ какъ часто бывалъ здѣсь съ отцомъ Серафимомъ.

Но Глѣбъ не выдержалъ и быстро пошелъ къ нему навстрѣчу.

— Кто пріѣхалъ?—спросилъ онъ, встрѣтивъ кучера на лѣстницѣ.

— Барышня, Варвара Серафимовна, — былъ отвѣтъ.— Вотъ вамъ и записочка.

Глѣбъ развернулъ незапечатанное письмо и прочиталъ: „я начинаю исполнять свой долгъ. Если нуждаетесь въ наставленіяхъ, то приходите въ домъ купеческой церкви. А если не нуждаетесь, то тоже приходите. Варя“.

— Скажи Варварѣ Серафимовнѣ, что я сейчасъ буду!— промолвилъ Глѣбъ.

— А, можетъ, я бы васъ довезъ, баринъ? — спросилъ кучеръ.

— Въ самомъ дѣлѣ, это отлично! Я готовъ.

Самому ему это почему-то не пришло въ голову. Онъ сбѣгалъ наверхъ, взялъ шляпу и затѣмъ быстро вышелъ на улицу. И вотъ онъ уже сидитъ въ экипажѣ и ѣдетъ по направленію къ купеческой церкви.

Купеческая церковь была довольно далеко отъ его квартиры; она находилась совсѣмъ въ другой части города. Она была построена среди площади и стояла у всѣхъ на виду, ничѣмъ неогороженная, новенькая, чистенькая, красивая. Это была самая богатая церковь въ городѣ, такъ какъ мѣстное купечество не скупилось на пожертвованія.

Церковный домъ находился на площади. Глѣбъ немного зналъ отца Петра Смиренскаго. Онъ изрѣдка встрѣчалъ его у отца Лаврентія. Отецъ Петръ былъ еще не старъ, лѣтъ за сорокъ. Рослый, здоровый, съ открытымъ красивымъ лицомъ, окаймленнымъ шелковистой русой бородой, онъ производилъ на Глѣба всегда пріятное впечатлѣніе. Матушка у него была тоже чрезвычайно моложавая, здоровая, миловидная, прекрасно сохранившаяся. Они были бездѣтны и потому встрѣтили Варю привѣтливо и радостно и были очень довольны ея рѣшеніемъ погостить у нихъ. Для матушки она составляла развлеченіе.

Глѣбъ пришелъ прямо къ чаю. Его приняли очень любезно. Первыя минуты онъ отдалъ, разумѣется, хозяевамъ, а затѣмъ сѣлъ около Вари.

— Ну, что, нуждаетесь? — спросила его Варя, разумѣя подъ этимъ, конечно, „наставленія“, о которыхъ она писала.

— До вашего пріѣзда очень нуждался, а теперь нѣтъ,— отвѣтилъ Глѣбъ. — Все прошло и ничего больше не боюсь.

— Вотъ ужь, значитъ, недаромъ пріѣхала... Первое благотворное дѣйствіе дружбы.

— Да, Лозовскій говоритъ, что дружба нужна для слабаго, потому что слабый чувствуетъ себя сильнѣе, когда опирается даже на слабаго. Ну, а я чувствую себя очень слабымъ...

— И вы опираетесь на слабую, это вѣрно...

Въ разговоръ вступилъ отецъ Петръ.

— По свѣтской части идете, Глѣбъ Назаровичъ?—спросилъ онъ съ любезной внимательностью.

— Да, думаю,—отвѣтилъ Глѣбъ.

— Что жъ, и это хорошо. По всякой части хорошо бываетъ, ежели съ толкомъ взяться за дѣло.

— А у васъ съ Варенькой, — промолвила матушка,—я вижу, большая дружба.

— Вѣчная!—съ шутливымъ пафосомъ воскликнула Варя. — Вотъ видите, я даже пріѣхала наставлять его и поддерживать, чтобъ онъ не боялся страшнаго суда.

— А что это такое страшный судъ?—полюбопытствовала матушка.

— Страшный судъ, это—экзаменъ зрѣлости.

— Да, коли такъ, значитъ дружба, значитъ дѣйствительно дружба!

— А вы, Глѣбъ Назаровичъ,—промолвила Варя,—за эту жертву должны будете мнѣ заплатить.

— Чѣмъ?—спросилъ Глѣбъ.

— Послѣ каждаго экзамена, конечно, выдержаннаго—а они будутъ всѣ отлично выдержаны, я за это ручаюсь,—вы должны остальной день посвящать мнѣ. Тутъ есть какія-нибудь развлеченія? - обратилась она къ отцу Петру и матушкѣ.

— А кто ихъ знаетъ!—отвѣтила матушка,—я никуда не хожу. Мнѣ не съ кѣмъ. Всѣ знакомые—духовныя особы; съ ними нельзя; а одной дамѣ неприлично.

— А вотъ я сейчасъ видѣлъ,—сказалъ отецъ Петръ,— на улицѣ на стѣнахъ расклеены красныя афиши и полюбо-

пытствовалъ, прочиталъ: какая-то англійская дѣвица будетъ по канату ходить. Вотъ вамъ и развлеченіе.

— Ну, этихъ развлеченій я не люблю. Я въ театръ любила ходить, когда была въ епархіальномъ училищѣ. Когда пріѣдетъ папа, я, бывало, отпрошусь къ нему, а сама въ театръ.

— Театра теперь нѣтъ,—промолвилъ Глѣбъ.—Да какихъ вамъ развлеченій, Варвара Серафимовна! Мы просто будемъ брать извозчика и ѣздить за городъ, на казенную дачу. Знаете, тутъ въ двухъ верстахъ есть такая. Тамъ чудный садъ и воды много и лодки есть...

— Вотъ и отлично!—воскликнула Варя,—я согласна.

— А меня будете брать съ собой?—спросила матушка.

— Съ наслажденіемъ!—воскликнули оба.

— А то, можетъ, я вамъ помѣшаю?

— Какимъ образомъ?

— Ну, все-таки, дѣло молодое...

— Да вѣдь мы о любви не разговариваемъ. У насъ только дружба.

— Правда, правда,—замѣтилъ отецъ Петръ,—берите и мою матушку, а то она все дома сидитъ и оттого очень толстѣетъ.

— Однако, Глѣбъ Назаровичъ, вы не очень-то засиживайтесь,—сказала ему Варя,—вамъ надо зубрить.

— Да я ужъ, кажется, не только отзубрилъ, а и перезубрилъ. И признаюсь, мнѣ не хочется такъ скоро разставаться съ вами.

— Да вѣдь каждый день будемъ видѣться, еще успѣю вамъ надоѣсть.

— Этого никогда не будетъ.

— Ну, все равно, извольте отправляться. Я пріѣхала вовсе не для того, чтобъ вы лѣнтяйничали.

— Варвара Серафимовна, позвольте еще полчаса остаться!—молящимъ голосомъ произнесъ Глѣбъ.

— Пять минутъ, не больше!—тономъ приказанія отвѣтила Варя.

— Повинуюсь!

Онъ вынулъ часы и положилъ передъ собой. Отецъ Петръ съ матушкой весело смѣялись по поводу этого діалога. Ровно черезъ пять минутъ Глѣбъ уже поднялся и сталъ прощаться.

— До завтра!—сказалъ онъ Варѣ.

— Принесите мнѣ какихъ-нибудь книгъ!—попросила его Варвара Серафимовна.

— Просто приходите къ намъ каждый день обѣдать!— пригласили супруги.

— Спасибо, но каждый день обѣдать у васъ мнѣ нельзя. Отецъ Лаврентій обидится. Развѣ черезъ день, это, пожалуй, еще можно устроить...

— Ну, а ко мнѣ каждый день должны забѣгать. Не даромъ я тащилась восемь—десять верстъ. Вѣдь я умру отъ скуки.

— Хотите, я вамъ пришлю Лозовскаго?

— Во-первыхъ, онъ не придетъ, а во-вторыхъ...

— А во-вторыхъ—не надо?

— Нѣтъ, я... я ничего противъ него не имѣю... Онъ меня даже интересуетъ. Въ немъ есть что-то непонятное, а непонятное всегда хочется понять...

— Такъ я пришлю его; вѣдь онъ свободенъ, экзаменовъ никакихъ не держитъ.

— Да вѣдь онъ не любитъ такое общество, какъ мое, онъ вѣдь всему на свѣтѣ предпочитаетъ самосозерцаніе...

— Я буду краснорѣчиво убѣждать его...

— Не тратьте, пожалуйста, времени на пустяки, лучше зубрите.

Онъ ушелъ въ чрезвычайно пріятномъ настроеніи. Пріѣздъ Варвары Серафимовны въ городъ ободрялъ его и прибавлялъ ему увѣренности и силы. Съ этой минуты онъ ни разу не падалъ духомъ. Точно счастливая звѣзда взошла на горизонтѣ его жизни и ярко сіяла ему. Онъ сразу почувствовалъ увѣренность и шелъ на всѣ экзамены съ ясной головой, твердо, безъ малѣйшаго сомнѣнія и колебанія.

И счастье ни разу не измѣнило ему. Весело, бодро, радостно всякій день, когда у него бывалъ экзаменъ, приходилъ онъ къ отцу Петру, обѣдалъ тамъ, потомъ съ Варей и матушкой они садились въ наемный экипажъ и ѣхали за городъ, на казенную дачу. Тамъ они съ Варей бѣгали, хохотали, какъ дѣти, а матушка любовалась ими. Она была слишкомъ тяжела, чтобы бѣгать вмѣстѣ съ ними. Она только теперь сблизилась съ Варей, а прежде у нихъ были формальныя отношенія. Добродушная, простая, чрезвычайно нетребовательная и скромная, она всегда изрядно скучала, въ особенности потому, что была лишена дѣтей. Она начала уже застывать въ своей бездѣятельности, для ея сердца недостаточно было однѣхъ заботъ объ отцѣ Петрѣ и оно тускнѣло и черствѣло, а Варя и Глѣбъ расшевелили ее. Отецъ Петръ говорилъ:

— Вы мнѣ и матушку мою совсѣмъ передѣлали! Посмотрите, у нея румянецъ заигралъ на щекахъ, она молодѣть стала.

Въ училищѣ въ то же время шли экзамены и Глѣбъ однажды встрѣтилъ тамъ Лозовскаго. Они уже дней десять не видались, такъ какъ Глѣбъ былъ слишкомъ занятъ, а Лозовскій зналъ это и къ нему не заходилъ. Глѣбъ сообщилъ ему, что пріѣхала Варя.

— Лауданова?—спросилъ Лозовскій.

— Да, Варвара Серафимовна.

— Что же она здѣсь дѣлаетъ?

— Ничего, просто гоститъ у Смиренскихъ. Она поручила мнѣ просить тебя, чтобъ ты зашелъ къ ней.

— Чтобы нагнать на нее тоску?

— Почему? Напротивъ. Она говоритъ, что въ тебѣ есть что-то интересное...

— Вотъ какъ! Это дѣлаетъ честь ея проницательности.

— Да, что-то непонятное, а потому и интересное.

— Ага! что жъ, это правдоподобно. Во мнѣ дѣйствительно есть что-то непонятное даже для меня самого. Иногда такія мысли въ голову входятъ, что никакой логикой не объяснишь ихъ появленія, не только логикой Свѣтилина, но даже и самого Милля. Не такъ давно я чуть, было, не бросилъ и училище, и самую академію.

— Какъ? Почему это?

— Вотъ такъ. Мнѣ показалось, что жить сколько-нибудь интересно можно только въ уединенной будкѣ среди кладбища, и я хотѣлъ наняться въ сторожа при нашемъ кладбищѣ и жить въ будкѣ. И главное, вѣдь серьезно, вполнѣ серьезно. Я даже сроднику моему сказалъ объ этомъ. Такъ онъ перекрестился и меня перекрестилъ и сказалъ: „Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази его!“ Ну, это, должно быть, и помогло. Потомъ это прошло. Я рѣшилъ, что вообще еще слишкомъ рано намъ съ тобой приходить къ окончательнымъ рѣшеніямъ. Надо идти впередъ и испытать и то, и другое, и третье, а въ будкѣ поселиться всегда успѣемъ.

— Такъ ты зайди къ Варварѣ Серафимовнѣ.

— Нѣтъ, Глѣбъ Назаровичъ, мнѣ тамъ нечего дѣлать.

Но Глѣбъ былъ очень удивленъ, узнавъ черезъ нѣсколько дней, что Лозовскій былъ у Вари. Онъ просидѣлъ не долго, но оставилъ замѣтное впечатлѣніе.

— Вотъ я пришелъ напугать васъ!—объявилъ онъ, появившись въ домѣ Смиренскихъ.

— Чѣмъ?—спросила Варя.

— Своей особой. Вѣдь я же замѣтилъ, что произвожу на васъ удручающее дѣйствіе. А что, скажите, вы съ Глѣбомъ Назаровичемъ еще не влюбились другъ въ друга?

— Почему мы должны влюбиться?

— Непремѣнно должны. У васъ у обоихъ такія натуры...

— Какія же у насъ натуры?

— Да вотъ какія: правильныя, у васъ все правильно, какъ слѣдуетъ. А когда все правильно, люди, притомъ молодые и пригожіе, да еще если они часто встрѣчаются, должны этимъ кончить.

— Мы не собираемся!—отвѣтила Варя.

— А все-таки этимъ кончите. Такія натуры.

— А вы... вы, кажется, свою натуру считаете особенной,—съ нѣкоторой ироніей спросила Варя, на которую непріятно дѣйствовилъ этотъ разговоръ.

— Нѣтъ, не то. А я вѣдь въ монастырь готовлюсь.

— Вы?

— Почему же не я? Да, я. Вотъ увидите, архимандритомъ буду...

Матушка, присутствовавшая при этомъ разговорѣ, смотрѣла на него, какъ на чудо. Ей странно было видѣть молодого, статнаго, красиваго человѣка, который мечтаетъ быть архимандритомъ. Въ ея глазахъ это какъ-то не вязалось.

— А знаете, что я вамъ скажу, Варвара Серафимовна,— продолжалъ Лозовскій.—Про васъ я не знаю, я слишкомъ мало наблюдалъ васъ, а про Глѣба скажу, что онъ уже... Какъ бы это сказать... Не то что влюбленъ... А безъ васъ не можетъ...

— Что не можетъ?

И Варвара Серафимовна слегка покраснѣла.

— Да вообще не можетъ. Ну, знаете, какъ человѣкъ съ разбитой одной ногой не можетъ ходить безъ палки. Знаете, есть теорія половинныхъ душъ...

— Что это за теорія?

— Да вотъ: представьте себѣ, что всякая душа создается цѣльнымъ законченнымъ существомъ, ну, скажемъ алгебраически, назовемъ эту величину N. Но въ земное странствованіе такія цѣльныя души пускаются въ весьма ограниченномъ количествѣ. Большею же частью душу разрубаютъ на двѣ части и въ такомъ видѣ пускаютъ ее въ жизнь. И живутъ эти части каждая отдѣльно, тоскуя, вѣчно тоскуя по

другой своей части. Половина вѣдь есть нѣчто несовершенное по отношенію къ цѣлому. И вотъ стремленіе ея, этой одной части, слиться съ другой частью и, такимъ образомъ, составить цѣлое и есть стремленіе къ совершенству. Но какъ трудно въ такомъ обширномъ пространствѣ, какъ этотъ міръ, натолкнуться на потерянную часть своего существа! И такіе счастливые случаи чрезвычайно рѣдки. Оттого такъ рѣдки счастливые браки. Двѣ части сливаются нерѣдко, но по ошибкѣ, принимая другъ друга за свою часть, потомъ оказывается, что они роковымъ образомъ идутъ врозь и ихъ общая жизнь превращается въ муку... Не правда ли, глупая теорія?

— Очень глупая!—отвѣтила Варя.

— Но глупыя теоріи часто бываютъ вѣрны. И если она вѣрна, то душа Глѣба и ваша суть половины одного существа, которыя нашли другъ друга.

— А ваша душа,—съ саркастической усмѣшкой, которую, впрочемъ, она старалась скрыть, промолвила Варя:— она, конечно, одна изъ тѣхъ рѣдкихъ цѣльныхъ существъ, которыя пущены въ жизнь въ ограниченномъ числѣ?

— Можетъ быть, и такъ,—задумчиво отвѣтилъ Лозовскій.—Но, знаете, вѣдь это самые несчастные люди. Они все заключаютъ въ себѣ и имъ не къ чему мучительно стремиться... Впрочемъ, все это чепуха,—просто прибавилъ онъ: — правда, что и вы тоже ѣдете учиться?

— Нѣтъ, я не ѣду, ни въ какомъ случаѣ.

— А я вамъ предсказываю: вы пріѣдете. Если Глѣбъ будетъ въ Петербургѣ, а я надѣюсь уговорить его ѣхать прямо туда, то и вы тамъ будете.

— Нѣтъ, вы ошибаетесь. Какъ вы можете это знать?

— Я самъ удивляюсь этому. Но я иногда такъ ясно вижу будущее, какъ будто живу въ немъ... Вотъ смотрю на васъ и на него, и мнѣ представляется, что вы должны пріѣхать туда, гдѣ будетъ онъ...

— Что жъ, я хотѣла бы, но не могу...

— Не знаю, почему и какъ, но вы пріѣдете.

Онъ скоро послѣ этого ушелъ, и у Вари на душѣ долго было какое-то тяжелое чувство. Странный человѣкъ! Онъ и уменъ и, можетъ быть, даже слишкомъ проницателенъ, но отъ его ума и проницательности дѣлается больно. Ей казалось, что въ немъ, въ его глазахъ и рѣчахъ, есть что-то трагическое, что онъ долженъ кончить не хорошо. Что касается матушки, то она послѣ ухода Лозовскаго махнула рукой и промолвила:

— Ужъ такіе нынче странные люди пошли, что даже и во снѣ не приснится. Всякихъ случалось видать, а такого еще никогда не видала.

— Такъ онъ былъ? — съ удивленіемъ спросилъ Глѣбъ, когда узналъ о визитѣ Лозовскаго:—странно, а сказалъ, что не пойдетъ. А это правда, Варвара Серафимовна, что лучше мнѣ ѣхать въ Петербургъ.

— Подальше отъ меня?—спросила Варя.

— Нѣтъ, вы непремѣнно пріѣдете туда учиться. Вотъ, видите, даже предсказаніе есть. Вѣдь Лозовскій часто предсказываетъ, вы знаете? Въ немъ есть что-то ясновидящее.

— Вы меня огорчаете, Глѣбъ Назаровичъ. Вѣдь вы же знаете...

— Я ничего не знаю. Вы должны учиться. Вотъ все, что я знаю. Двѣ части одной души, Варвара Серафимовна!—сказалъ онъ съ усмѣшкой.—Странно было бы, если бы одна часть училась, а другая оставалась бы невѣжественной. И знаете, я даже оттого именно и хочу ѣхать въ Петербургъ, чтобы и у васъ было основаніе туда поѣхать. Въ другомъ городѣ вамъ нечего будетъ дѣлать, а тутъ вы можете учиться.

— Ахъ, не говорите, оставьте. Я начинаю злиться... Вы голодному говорите о мясѣ.

Глѣбъ кончилъ экзамены вполнѣ благополучно. Но съ Стрѣтенскимъ произошла непріятность. Онъ провалился, не додержавъ двухъ экзаменовъ. Бѣшенству его не было границъ. На цѣлый годъ отдалялось осуществленіе его широкихъ плановъ. Онъ какъ-то присмирѣлъ и пересталъ увлекаться верховой ѣздой и велосипедомъ.

Въ день послѣдняго экзамена Глѣбъ явился къ Смиренскимъ сіяющій. Онъ крѣпко пожалъ руку Варварѣ Серафимовнѣ и сказалъ:

— Ну, Варвара Серафимовна, это вы, вы—моя счастливая звѣзда! Только благодаря вамъ, я совершилъ такой подвигъ. Право, когда оглядываешься назадъ, то видишь, что это былъ подвигъ невѣроятный. Вѣдь почти всѣ посторонніе, державшіе со мной, отстали... Вы мой добрый геній!

И онъ въ первый разъ въ жизни поцѣловалъ ея руку съ чувствомъ глубокой дружбы и благодарности.

— Значитъ, теперь я могу и уѣзжать?—сказала Варя,— я уже больше не нужна?

— Вы? Вы всегда нужны. Вы будете нужны мнѣ всю жизнь. О, какимъ свѣтлымъ теперь представляется мнѣ буду-

щее! Я чувствую себя такъ, какъ будто всего уже достигъ. Да чего же мнѣ еще достигать надо? У меня въ рукахъ аттестатъ зрѣлости, этотъ паспортъ для свободнаго хода всюду, и триста рублей, цѣлыхъ триста рублей! это колоссальная сумма! А въ груди такой запасъ силъ и энергіи, что, кажется, я смогъ бы перевернуть вселенную... Неужели вы этого не чувствуете?

— Да, я чувствую... Только за васъ, Глѣбъ Назаровичъ. Но, постойте, неужели вы въ самомъ дѣлѣ уѣдете въ Петербургъ? Вѣдь это ужасно!

— Да, ужъ если ѣхать, то туда. Тамъ собрано все, всѣ лучшія средства, какія только есть у науки.

— Значитъ, мы больше не увидимся!—промолвила Варя, и голосъ ея дрогнулъ. Она слегка отвернула лицо, на глазахъ ея блеснули слезы.

— Варвара Серафимовна!—Онъ взялъ ея руку и внимательно посмотрѣлъ ей въ лицо. Чувство, которое онъ испытывалъ въ эту минуту, было до такой степени трогательно, что онъ готовъ былъ заплакать:—если такъ... если въ самомъ дѣлѣ это для васъ что-нибудь составляетъ, то я отдаю себя въ вашу власть. Рѣшайте вы, куда мнѣ ѣхать. Если вы скажете мнѣ—оставаться и никуда не ѣхать, я останусь. Я въ вашей власти.

— Хорошо,—сказала она и уже на губахъ ея играла та улыбка, отъ которой Глѣбу всегда становилось такъ весело.—Хорошо... Такъ пріѣзжайте же за приказаніемъ въ Кочедаровку.

— Я буду тамъ черезъ десять дней!—заявилъ Глѣбъ.

— Но помните, помните, что вы въ моей власти!

— О, я это помню очень хорошо!

На другой день раннимъ утромъ Варя уѣхала.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Сѣренькій осенній день. Воздухъ влаженъ до того, что видимыя глазу росинки осѣдаютъ на платьѣ, на лицѣ и человѣкъ чувствуетъ себя какъ бы опущеннымъ въ холодную ванну. Небо обложено сѣрой массой грязноватаго оттѣнка, сплошной, однотонной, такъ плотно закрывающей его, что является сомнѣніе въ томъ, что на этомъ небѣ есть солнце. Осенніе дни проходятъ одинъ за другимъ, а солнца все не видно. Скучные сѣрые дни, когда и лица пѣшеходовъ, и все, что есть на улицѣ, кажется скучнымъ, словно на все легла какая-то темная тоскливая тѣнь.

По набережной Невы, въ томъ мѣстѣ, гдѣ черезъ нее перекинутъ тяжелый Николаевскій мостъ, шли двое. Одинъ высокій, стройный, въ длинномъ темносѣромъ балахонѣ съ развѣвающимися полами, въ черной поярковой шляпѣ, съ шеей, обернутвй въ клѣтчатое кашне; другой—нѣсколько меньше ростомъ, въ новенькомъ студенческомъ пальто и фуражкѣ; они шли изъ университета и ступили уже на мостъ.

Тотъ, что былъ въ длинномъ балахонѣ. лекцій не слушалъ, а зашелъ въ университетъ лишь затѣмъ, чтобы вѣрнѣе найти пріятеля. Это былъ Лозовскій, а другой, безъ сомнѣнія, былъ Щедротовъ.

— Вѣдь я былъ у тебя четыре раза и всякій разъ оказывается, что тебя нѣтъ дома. Гдѣ онъ? Въ университетѣ. Но скажи, пожалуйста, что можно дѣлать въ университетѣ до восьми часовъ вечера? Вѣдь лекціи у васъ до трехъ-четырехъ, не больше.

— Я былъ въ лабораторіи.

— Въ лабораторіи? Но ты вѣдь еще ничего не знаешь и не умѣешь. Неужели вамъ, младенцамъ отъ науки, такъ сразу и даютъ туда ходъ. Вѣдь вы способны только бить колбы и воронки...

— Нѣтъ, но я попросилъ позволенія присутствовать, и присматриваюсь къ тому, что дѣлаютъ другіе.

— Ага! такъ ты объ этомъ меня придупредилъ бы! А то, вообрази себѣ, я долженъ былъ четыре раза тащиться изъ Александро-Невской лавры на Вознесенскій проспектъ. Ты представляешь себѣ это разстояніе?

— Ни мало. Вѣрю, что это далеко, но сколько именно,

не знаю. Во всякомъ случаѣ, спасибо тебѣ, Лозовскій, что вспомнилъ обо мнѣ. А твои дѣла какъ?

— Хорошо до скучнаго. Меня уже хотятъ принять на казенный счетъ. Не знаю, какой невѣдомый благодѣтель такъ обо мнѣ хлопочетъ. Но мнѣ въ академіи предшествовала легенда о моихъ необыкновенныхъ способностяхъ. По всей вѣроятности, это нашъ ректоръ такъ услужилъ мнѣ. Знаешь, это меня даже стѣсняетъ. А ты?

— Я доживаю свою вторую сотню. Тогда останется одна. А что будетъ дальше, не знаю. Вижу, что триста рублей вовсе не такая большая сумма, какъ мнѣ казалось. А ужъ какъ скудно живу, ты самъ увидишь.

Они прошли мостъ и направились по широкой улицѣ, потомъ сдѣлали нѣсколько поворотовъ и затѣмъ очутились на Вознесенскомъ проспектѣ. Они дошли до огромнаго дома, вступили въ ворота, прорѣзали большой дворъ, потомъ вошли еще въ однѣ ворота и затѣмъ поднялись на шестой этажъ.

— Ну, однако, братъ, ты живешь на почтенной высотѣ и размѣръ твоей комнаты, должно быть, самый малый во всемъ Петербургѣ,—сказалъ Лозовскій, разсматривая трехъаршинную комнату Глѣба.

Обстановка ея состояла изъ кровати, стола, одного стула и стѣнной этажерки. Лозовскій присѣлъ на стулѣ, а Глѣбъ на кровати.

— Будемъ чай пить?—спросилъ хозяинъ.

— Идетъ! Эта проклятая Петербургская сырость такъ пронизала меня, что недурно чѣмъ-нибудь разогрѣть кости.

Глѣбъ попросилъ кипятку, явилась толстая чухонка. Лозовскій снялъ свой балахонъ и оказался въ черномъ сюртукѣ.

— Почему ты такъ парадно?

— Да вѣдь бываютъ люди,—отвѣтилъ Лозовскій,—которые всегда парадны. Это тѣ, у кого для всѣхъ случаевъ одно одѣяніе—черный сюртукъ. Вѣдь онъ годится для всего. Въ одеждѣ всегда слѣдуетъ брать максимумъ.

— Я очень радъ тебя видѣть, Лозовскій!—съ большимъ чувствомъ сказалъ Глѣбъ.

— Весьма благодаренъ, но это подозрительно.

— Почему?

— Когда является такая чувствительность къ людямъ, то это значитъ, что тебѣ не сладко живется.

— Нѣтъ, я страшно доволенъ своей жизнью.

— Ты не скучаешь?

— То-есть, что ты разумѣешь? Скучаю вообще или скучаю по комъ-нибудь? По какомъ-нибудь живомъ человѣкѣ...

— Вотъ именно послѣднее. Нѣтъ ли какого-нибудь важнаго пробѣла въ твоемъ существованіи?

— О, да, есть. Конечно, есть.

— Въ чемъ же?

— Это такая сторона жизни, которая не можетъ тебя интересовать.

Они замолчали. Хозяйка въ это время принесла чайникъ съ кипяткомъ. Глѣбъ всталъ, отыскалъ на подоконникѣ чай въ жестяной коробкѣ и всыпалъ въ чайникъ. Хозяйка вышла.

— Какимъ образомъ вы разстались съ Варварой Серафимовной?—вдругъ неожиданно для Глѣба спросилъ Лозовскій. Это было странно, потому что Лозовскій никогда не вспоминалъ о ней.

— Какъ же мы могли разстаться иначе, какъ не друзьями? Но было обоимъ тяжело,—отвѣтилъ Глѣбъ.

— Да... Я, признаться, думалъ, что вы даже не сможете разстаться. По совѣсти говоря, у меня мелькала мысль, что она потянетъ тебя назадъ.

— Это что значитъ?

— То, что ты раскиснешь, женишься и станешь іереемъ...

— Ну, да это потому, что ты ее совсѣмъ не знаешь...

— Ее я, конечно, не знаю, но къ женщинамъ надо примѣнять дедуктивный методъ...

— Эхъ, я вижу, что въ стѣнахъ академіи и въ сосѣдствѣ монастыря тебя начинаетъ интересовать вопросъ о женщинахъ!

— Меня лично? Нисколько. Я долженъ сказать тебѣ, Глѣбъ Назаровичъ, что я явился къ тебѣ собственно отчасти и по дѣлу.

— Это уменьшаетъ цѣнность твоего посѣщенія. Въ чемъ же дѣло? Пей чай, а то онъ остынетъ.

Лозовскій началъ мѣшать чай оловянной ложечкой. Онъ указалъ на нее и спросилъ:

— А что, этой штукой нельзя отравиться? Ты, вѣдь, учишь теперь химію... Не выйдетъ ли тутъ какой-нибудь химической реакціи, которая способна прекратить мою блестящую духовную карьеру?

— Теоретически должна бы выйти, но практически, я думаю, по крайней мѣрѣ семь поколѣній студентовъ въ этой квартирѣ мѣшали чай этой ложечкой. И всѣ остались живы.

— Такъ что она утратила всѣ свои химическія свойства?

— Навѣрно. Но въ чемъ же твое дѣло?

— Прежде всего, — отвѣтилъ Лозовскій, — оно не мое, а твое.

— Это какъ?

— А вотъ какъ: ты, конечно, переписываешься съ Варей Лаудановой?

— Да, и довольно часто.

— И она тебѣ пишетъ милыя письма?

— Она не можетъ писать другихъ.

— Это рыцарскій отвѣтъ, конечно. Да я, вѣдь, нисколько не выражаю сомнѣнія въ ея добродѣтели. Она увѣряетъ тебя, что ей весело, что она спокойна и прочее, а между тѣмъ... я вѣдь тоже до нѣкоторой степени переписываюсь со старикомъ.

— Съ отцомъ Серафимомъ? — спросилъ Глѣбъ, видимо очень заинтересовавшійся этимъ сообщеніемъ.

— Ну, да, и вотъ онъ пишетъ... Всѣ его письма наполнены однимъ страданіемъ.

— Что ты?

— Да вотъ прочитай послѣднее, если хочешь.

Лозовскій далъ ему письмо. Глѣбъ прочиталъ.

„Дорогой родственникъ, Гриша! Жалуюсь тебѣ, жалуюсь крѣпко и слезно. Въ мою жизнь ворвалось что-то тяжкое, что омрачаетъ каждый шагъ моего существованія. Прожилъ я ее безоблачно. Правда, лишилъ меня Богъ подруги жизни, но за то оставилъ въ утѣшеніе дочь, на которую я радовался и для которой жилъ. И жили мы съ нею много лѣтъ въ полномъ единеніи. Она открывала мнѣ свою дѣтскую душу, ничего не тая. А нынѣ, милый мой Гриша, пошло другое. Мы живемъ въ одномъ домѣ какъ бы случайные постояльцы. Душа ея полна какими-то невѣдомыми мыслями и чувствами и я въ этой душѣ—чужой, посторонній человѣкъ. Вотъ уже два мѣсяца, какъ вы съ Глѣбомъ Назаровичемъ уѣхали и съ тѣхъ поръ въ ней эта перемѣна. Не вижу прежнихъ розъ на ея щекахъ, не нахожу той беззаботной веселости, которой она прежде украшала мою жизнь. И спрашивалъ я ее: скажи мнѣ, что̀ у тебя на душѣ? а она улыбается и въ этой улыбкѣ вижу я страданіе и она мнѣ отвѣчаетъ: — о, нѣтъ, я такая же, какъ прежде. Но нѣтъ, не такая, вижу, что не такая она. Вижу, что худѣетъ и блѣднѣетъ. А чуть коснется этого вопроса, такъ и въ словахъ ея и во взорѣ читаю какъ бы

отповѣдь: —не касайся, молъ, моего душевнаго міра. Онъ для тебя закрытъ. Вотъ какое мое горе, великое горе! Научи же меня, Гриша, какъ мнѣ быть, чтобъ вернуть себѣ душу моей дочери. Научи ты меня, какъ смягчить мнѣ ее. Ты знаешь о ея дружескихъ отношеніяхъ къ Глѣбу Назаровичу. Многое казалось мнѣ страннымъ въ этомъ. Признаюсь откровенно, не понималъ я, чтобы молодыя существа обходились между собой одной дружбой. А межъ тѣмъ дѣйствительно, сколько ни глядѣлъ, а глядѣлъ я пристально и ревниво, ничего любовнаго между ними не видалъ. Ты проницательнѣе меня и ты, къ тому же, близокъ къ Глѣбу Назаровичу. Уясни ты это дѣло, чтобы не ходить мнѣ въ темнотѣ, чтобы по крайности я зналъ, чего мнѣ дожидаться въ будущемъ...“

— Ну, и такъ дальше, все въ такомъ же родѣ!—сказалъ Лозовскій.

Глѣбъ дочиталъ письмо до конца и задумался.

— Да,—сказалъ онъ,—я самъ тутъ ничего не понимаю. Изъ писемъ Варвары Серафимовны я не могъ заключить ни о чемъ подобномъ.

— Ну, такъ вотъ, Глѣбъ Назаровичъ, уясни ты мнѣ, чтобъ я могъ ему уяснить...

— Мнѣ кажется, тутъ одно: ей страстно хочется учиться, а старикъ и слышать объ этомъ не хочетъ. Я помню, лѣтомъ, однажды она сказала ему объ этомъ, такъ онъ заболѣлъ и не сталъ даже разговаривать съ ней. Тогда она дала ему слово больше никогда не говорить объ этомъ. Вотъ она и не говоритъ.

— Ты думаешь, что это можетъ быть причиной блѣдности и исхуданія? Ну, братъ, это наивность. Правда, говорятъ, наука сушитъ... Но сама наука, а не одно только желаніе ея... Скажи, пожалуйста, ты это по совѣсти говоришь, что никакой другой причины не подозрѣваешь?

— По чистой совѣсти. Какая же другая причина? Я не знаю никакой.

— А любовное томленіе ты здѣсь не допускаешь?

— Ничего подобнаго. Никогда ни одного слова, ни одного намека, ни при свиданіяхъ, ни въ письмахъ. Ни одного взгляда... Мы съ нею дружны, какъ два товарища.

— Какая же это такая страсть къ наукѣ, скажи, пожалуйста? Я ее совсѣмъ не понимаю. Чтобы питать страсть къ чему-нибудь и стремиться, дѣятельно стремиться, надо

*

хоть каплю знать, надо хоть понюхать... А сколько я знаю, въ епархіальномъ училищѣ и запаха науки нѣтъ...

— Во-первыхъ, Лозовскій, ты не правъ. Можно просто сознавать преимущество знанія и желать его. Это бываетъ съ людьми, которые не имѣютъ даже смутнаго понятія о наукѣ. А, во-вторыхъ, ты опять не правъ,—она много читала, она перечитала почти всѣ книги въ томъ самомъ шкафу, который и тебя такъ соблазнялъ въ кабинетѣ ея отца.

— Въ томъ шкафу? ха-ха-ха! Такъ это она подъ вліяніемъ сочиненій Григорія Нисскаго на курсы захотѣла ѣхать?.. Ну, это, братъ, что-то невѣроятное... Знаешь что. Я вижу, что всѣ эти психологическія перипетіи превышаютъ мою компетенцію... Ужъ ты какъ-нибудь самъ возьмись за это дѣло... Знаешь, я вѣдь по женской части совсѣмъ плохъ... Ну, а когда же ты побываешь у меня въ лаврѣ? Эхъ, славное у насъ кладбище! Прелесть!

— Мнѣ кажется, что кладбище ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть прелестью!—замѣтилъ Глѣбъ.

— Это почему? Напротивъ, нигдѣ не найдешь столько прелести, какъ на кладбищѣ. Почему жъ такая немилость? Кладбище, говорятъ, жилище смерти. Это неправда и совершенно наоборотъ. Во-первыхъ, никто никогда не умиралъ на кладбищѣ. Смерть подстерегаетъ человѣка совсѣмъ въ другихъ мѣстахъ. А кладбище, это—если хочешь знать... я буду выражаться, какъ слѣдуетъ, когда говоришь съ естествоиспытателемъ... Кладбище, это—наиболѣе благороднымъ образомъ удобренная земля. Да, я говорю тебѣ, что какъ разъ наоборотъ. То, что обыкновенно называется жизнью, то-есть, то, что происходитъ въ городахъ, въ деревняхъ, на улицахъ, въ домахъ, есть не болѣе, какъ суета и не въ Сираховскомъ только смыслѣ, а дѣйствительно суета, потому что мы живемъ подъ самыми противоположными впечатлѣніями и мечемся изъ стороны въ сторону. Если бъ можно было нашу жизнь изобразить линіей, то получилась бы такая чудовищная ломаная, какой еще не рисовалъ ни одинъ чертежникъ. А кладбище есть жизнь, да, да, не удивляйся, кладбище есть жизнь, такъ сказать, констатированная, приведенная въ порядокъ, профильтрованная. Тамъ, что ни могила, то цѣлая исторія. „Здѣсь покоится прахъ тайнаго совѣтника такого-то“. А вѣдь этотъ прахъ прежде увлекался, падалъ, подымался, однимъ словомъ, дѣйствовалъ и теперь все, что онъ сдѣлалъ и какъ жилъ, уже навѣки застыло и никогда не мо-

жетъ перемѣниться. Ну, однимъ словомъ, приходи, мы съ тобой тамъ пофилософствуемъ. А это дѣло на счетъ Варвары Серафимовны, этотъ „женскій вопросъ въ Кочедаровкѣ“ — ты какъ-нибудь оборудуй.

Лозовскій выпилъ еще стаканъ чаю и ушелъ. А Глѣбъ съ волненіемъ заходилъ по комнатѣ; но онъ скоро остановился. Это занятіе по необходимости надо было прекратить, потому что ходить было негдѣ.

Такъ, значитъ, Варя писала ему неправду. Если судить по ея письмамъ, она почти довольна и счастлива. А оказывается, что тамъ, въ Кочедаровкѣ, уже нѣсколько мѣсяцевъ происходитъ трагедія. Онъ не обижался отъ того, что Варя обманывала его. Онъ понималъ, что съ ея стороны это было только излишнимъ великодушіемъ. Она знала, что правда разстроитъ его и помѣшаетъ ему работать.

Но, удивительно, какъ она искусно выдерживаетъ тонъ. Онъ раскрылъ чемоданъ и вынулъ оттуда пачку писемъ. Онъ началъ перечитывать ихъ одно за другимъ, по порядку, такъ какъ они были сложены у него по числамъ. Вотъ первое отъ 20 августа. Еще два въ августѣ, четыре въ сентябрѣ. въ октябрѣ только три и вотъ послѣднее. Оно написано въ отвѣтъ на его восторженное описаніе ощущеній, какія онъ испыталъ въ лабораторіи. Онъ писалъ ей (онъ это помнитъ): „Я еще не работалъ, но съ жадностью смотрю, какъ другіе работаютъ. Когда я вижу, какъ изъ простыхъ разрозненныхъ элементовъ, изъ соединенія ихъ, создаются явленія, которыя есть въ природѣ, когда я вижу, какъ при посредствѣ ума человѣческаго и вѣками добытыхъ имъ знаній могучія явленія природы, прежде такъ поражавшія человѣческій умъ, воспроизводятся въ четырехъ стѣнахъ небольшой лабораторіи, я испытываю восторгъ и думаю о томъ времени, когда я овладѣю всѣми этими знаніями и, можетъ быть, самъ буду идти въ глубь изученія природы. Я кажусь себѣ могущественнымъ и ощущаю какъ бы выростающія у меня крылья...“ Потомъ онъ прибавлялъ: „Мнѣ недостаетъ только одного: васъ, добраго друга. Если бы вы были здѣсь и мы часто видѣлись бы и дѣлили бы наши впечатлѣнія, то моя жизнь была бы чистой гармоніей“.

И вотъ что писала она ему въ отвѣтъ на это въ своемъ послѣднемъ письмѣ: „Представьте, что когда я читала ваше описаніе лабораторіи и ваши ощущенія, я живо представляла себѣ все это и васъ съ вашей жадностью къ наукѣ и

съ вашимъ восторгомъ. Я видѣла, какъ горѣли ваши глаза и какъ вы впивались ими въ какой-нибудь химическій опытъ, который продѣлывали передъ вами. А когда я дошла до „чистой гармоніи“, то и мнѣ захотѣлось быть тамъ, гдѣ вы, чтобы и моя жизнь была чистой гармоніей. Но, милый другъ, я уже примирилась съ своей долей и нашла себѣ суррогатъ. Отецъ устроилъ приходскую школу и поручилъ ее мнѣ. Вотъ, значитъ, не даромъ я таки сидѣла лишній годъ въ училищѣ. Теперь мнѣ приходится думать о педагогическихъ пріемахъ. Я уже два раза занималась. Но, сказать правду, педагогика пока ничего мнѣ не помогла. Какъ бы то ни было, но я думаю, что это наполнитъ мою жизнь. Учиться—хорошо, Глѣбъ Назаровичъ, но учить тоже не худо. Если мы знаемъ очень мало, то всегда найдется кто-нибудь, знающій еще меньше и кому мы можемъ передать наше малое знаніе. Все же оно что-нибудь прибавитъ ему и сколько-нибудь освѣтитъ его тьму. А вотъ когда вы пріѣдете лѣтомъ въ Кочедаровку, вы меня обучите всему, чему сами научились и, такимъ образомъ я, быть можетъ, немножко доросту до васъ“.

Вѣдь это настоящее примиреніе. А между тѣмъ оказывается, что ее снѣдаетъ тоска, что она ощущаетъ вокругъ себя мракъ, ей нестерпимо хочется вырваться къ свѣту. Подъ впечатлѣніемъ всѣхъ этихъ мыслей, онъ, не успѣвъ подумать основательно, сѣлъ за столъ и написалъ ей:

„Все это письмо да будетъ вамъ тяжкимъ укоромъ. Если вы почувствуете въ немъ излишнюю нервность, то знайте, что я глубоко разстроенъ и опечаленъ. Неужели у васъ хватаетъ сердца держать въ заблужденіи человѣка, который на такомъ далекомъ разстояніи отъ васъ постоянно думаетъ о вашемъ настроеніи? Значитъ, два мѣсяца я представлялъ васъ не такою, какою вы были во все это время. Это все равно, что два мѣсяца я былъ съ вами не знакомъ. Вы, конечно, уже поняли, о чемъ я говорю. Нѣтъ, не поняли? Извѣстно ли вамъ, что отецъ Серафимъ находится въ трогательной перепискѣ съ Лозовскимъ и вотъ Лозовскій сейчасъ былъ у меня и спрашивалъ, чѣмъ онъ могъ бы успокоить старика, который находится въ глубокомъ горѣ. Я читалъ это письмо и изъ него узналъ слѣдующее: во-первыхъ, вы вовсе не нашли примиренія въ вашей школѣ; во-вторыхъ, вы рветесь учиться, въ-третьихъ, вы отчаянно тоскуете и чахнете, вы блѣднѣете и худѣете. Это ужъ совсѣмъ ни на что не похоже. Этого скрывать отъ меня вы не имѣли права, хотя бы и съ са-

мыми благими цѣлями. Какая же это была бы дружба? Я здѣсь дорвался до своей цѣли, о которой мечталъ чуть ли не съ двѣнадцати лѣтъ, а она тамъ ежечасно, ежеминутно приноситъ себя въ жертву. Теперь вотъ что: извольте самымъ подробнымъ образомъ описать мнѣ картину вашей души и точно изобразить, въ какомъ положеніи находится ваше дѣло со старикомъ. Подумайте также и вотъ о чемъ: не слѣдуетъ ли, чтобы я самъ написалъ отцу Серафиму письмо, въ которомъ я привелъ бы ему всѣ самые разумные доводы. Если вы станете отпираться и утверждать, что у васъ все обстоитъ благополучно и опять разсказывать мнѣ сказки о приходской школѣ, о примиреніи и прочее, то угрожаю вамъ серьезно: у меня еще есть цѣлыхъ сто рублей денегъ. Я брошу все и пріѣду сейчасъ же въ Кочедаровку. Пусть найдутъ мой поступокъ безумнымъ, мнѣ это рѣшительно все равно. Я дорожу только всего двумя вещами на свѣтѣ: вами и моими планами. Но съ тѣхъ поръ, какъ вы стали входить въ мои планы, я добиваюсь освобожденія для васъ такъ, какъ бы это было для меня. Вотъ вамъ. Все, что я пишу, очень серьезно. Это знайте. Я ни отъ чего не отступлюсь".

Онъ тотчасъ отослалъ письмо и началъ нетерпѣливо ждать.

Его жизнь сразу улеглась въ очень опредѣленныя и тѣсныя рамки. Выѣхалъ онъ изъ родного города на другой день послѣ праздника Успенія. Вопросъ о томъ, куда ему ѣхать, рѣшился очень просто. Когда онъ черезъ десять дней, какъ обѣщалъ Варѣ, пріѣхалъ въ Кочедаровку (а десять дней нужны были ему, чтобы дождаться и получить аттестатъ зрѣлости), Варя просто объявила ему, что стоитъ за Петербургъ. Почему она перемѣнила свои взгляды? Она объяснила: она взвѣсила все и пришла къ заключенію, что когда существуетъ Петербургъ со всѣмъ тѣмъ лучшимъ, что въ немъ есть, то надо предпочесть его всему остальному. Ей, конечно, было бы гораздо пріятнѣе, еслибъ онъ былъ ближе. Ей будетъ тяжело по цѣлымъ годамъ не видѣть человѣка, котораго она считала близкимъ. Иногда онъ казался ей даже ближе отца, потому что отецъ пересталъ сочувствовать всему тому, чего она желала, какъ бывало прежде, а онъ раздѣлялъ ея завѣтныя мечты. О нихъ она можетъ говорить только съ нимъ; да и помимо всѣхъ соображеній, съ нимъ ей было легко и хорошо. Но она поставила себя на второй планъ. Она твердо держалась основного принципа дружбы: все для друга, не для себя.

Въ городѣ, на пароходной пристани, такъ какъ Глѣбъ сперва долженъ былъ ѣхать водой, а потомъ по желѣзной дорогѣ, были странные проводы. Мать оказалась больна, но Груня сочла своимъ долгомъ провожать брата. У нея было сумрачное лицо и едва ли она желала ему счастливаго пути. Отецъ Лаврентій съ матушкой пріѣхали всего за три минуты.

Отецъ Лаврентій не нашелся, что сказать на прощанье, какъ только отвести Глѣба въ сторону и напомнить ему о пресловутой тысячѣ рублей. Онъ пояснилъ, что теперь уже осталось девятьсотъ двадцать пять и что онъ непремѣнно уплатитъ по частямъ.

— И ты,— прибавилъ онъ,—въ случаѣ крайности, пиши. Двадцать пять рублей всегда найдется, я пришлю. Я всегда готовъ для родственника!

Но самое живое сочувствіе выказали отецъ Петръ и его матушка—Смиренскіе. Матушка даже плакала, что вышло не совсѣмъ прилично. Но она такъ хорошо провела три недѣли, когда у нея гостила Варя. Кромѣ того, она плакала собственно не за себя, а за Варю. Она была совершенно увѣрена, что Варя провожаетъ въ дальнюю сторону жениха, и только не понимала, зачѣмъ они разстаются и почему не женятся сейчасъ.

Лозовскій ѣхалъ вмѣстѣ съ Глѣбомъ. Но его провожалъ только кладбищенскій дьячекъ, который все время глядѣлъ на него молча и только отъ времени до времени спрашивалъ, хорошо ли онъ спряталъ деньги, потому что въ дорогѣ много бываетъ воровъ.

Варя тоже молчала; лицо у нея было безконечно грустное, но она старалась улыбаться. Вѣки ея вздрагивали, но она крѣпилась и не поддалась слабости. Матушка внимательно смотрѣла на нихъ и думала:

— Ахъ ты, Боже мой! Неужто они не кинутся въ объятія хоть на прощаніе!

Но они не кинулись въ объятія. У Глѣба только дрожала рука, которой онъ въ послѣдній разъ за минуту до звонка пожималъ руку Вари. А Варя до боли кусала губу, чтобъ не плакать. Если бы они въ эти минуты могли анализировать свои чувства, они сразу поняли бы, какъ они нужны другъ для друга.

Но вотъ пароходъ медленно отошелъ. Глѣбъ стоялъ на верхней площадкѣ и долго видѣлъ, какъ Варя, не сходя съ мѣста, провожала его глазами. Груня въ послѣднія минуты

какъ-то стушевалась. Публика, оставшаяся на пристани, разошлась; позже всѣхъ видны были только двѣ фигуры—матушки Смиренской и Вари. Но вотъ исчезли въ туманѣ и эти двѣ фигуры и пристань и городъ.

До Москвы онъ все время находился подъ тягостнымъ впечатлѣніемъ этихъ проводъ, а отъ Москвы вниманіемъ его завладѣло новое чувство: ожиданіе. Отъ Петербурга онъ ждалъ чего-то грандіознаго и сразу разочаровался. Они попали въ скверный сѣрый день.

Но уже черезъ недѣлю Глѣбъ былъ охваченъ новыми университетскими впечатлѣніями. Какъ билось его сердце, когда онъ узналъ о своемъ зачисленіи въ студенты, съ какой жадностью онъ слушалъ первую лекцію и какъ восторженно писалъ онъ Варѣ по этому поводу! Онъ долго искалъ себѣ комнату, какъ можно дешевле и, наконецъ, нашелъ на Вознесенскомъ проспектѣ, въ шестомъ этажѣ, у чухонки. И тутъ жизнь его проходила между этой комнатой въ шестомъ этажѣ и университетомъ. День онъ проводилъ тамъ, а вечеръ здѣсь. Онъ читалъ книги по разнымъ вопросамъ, какіе затрогивались тамъ, въ университетѣ. Петербурга онъ совсѣмъ не видѣлъ, кромѣ той части, гдѣ лежалъ путь въ университетъ: Николаевскаго моста, Невы, набережной. Знакомство съ городомъ онъ откладывалъ на послѣ. Онъ слишкомъ былъ поглощенъ университетскими впечатлѣніями.

II.

Теперь ко всему, что наполняло его жизнь въ Петербургѣ, прибавилось ожиданіе отвѣта отъ Вари. Свѣдѣнія отъ Лозовскаго разбудили въ душѣ его тревогу. Онъ почувствовалъ, что связь между ними, несмотря на такъ страшно увеличившееся разстояніе, выросла, и онъ живетъ одной радостью и одной тревогой съ Варей. Никогда еще онъ не чувствовалъ такой потребности въ ея присутствіи вблизи него. Вѣдь въ сущности онъ былъ глубоко одинокъ. Среди товарищей онъ еще не успѣлъ остановиться ни на комъ. Онъ оказался разборчивымъ, а главное—въ немъ глубоко сидѣла семинарская дикость и неумѣнье подойти къ человѣку и разговориться съ нимъ. Онъ даже не умѣлъ отвѣчать, когда заговаривали съ нимъ другіе, и ограничивался односложными отвѣтами по существу дѣла и при этомъ смущался и краснѣлъ.

Прошла недѣля. Онъ, наконецъ, получилъ отъ Вари письмо;

дрожащей рукой онъ распечаталъ его. Варя писала: „Неправда и нехорошо такъ нападать на меня, мой добрый другъ. Я вѣдь виновата только въ томъ, что не хотѣла огорчить васъ. Я знаю, что вы и безъ этого должны терпѣть много непріятностей на вашихъ первыхъ шагахъ, которые всегда очень трудны. Въ особенности для васъ, который знаетъ людей и жизнь еще меньше, чѣмъ я. Но что же вы узнали новаго изъ письма отца къ Лозовскому? Развѣ при васъ было не то же самое? При васъ я сказала отцу, что больше никогда не буду говорить о поѣздкѣ и никуда не поѣду, но стремленіе отъ этого не могло же исчезнуть. При васъ мнѣ тяжело было приносить эту жертву, при васъ я сознавала, что должна приносить ее, что иначе поступить не имѣю права. И отъ всего этого я страдала при васъ. Ну, значитъ, все осталось такъ, какъ было, а отсюда выводъ, что я ни въ чемъ передъ вами не виновата. При томъ же старикъ преувеличиваетъ. Эта блѣдность щекъ и худоба въ его глазахъ кажутся больше, чѣмъ есть. Я увѣрена, что вы даже не нашли бы во мнѣ перемѣны. Правда, прибавилось ко всему одно горе, о которомъ, пожалуй, я вамъ теперь скажу. Трудно мнѣ такъ долго не видаться съ вами. Можетъ быть, это и не слѣдовало бы вамъ говорить, вы Богъ знаетъ что вообразите. Но не воображайте ничего, пожалуйста, милый Глѣбъ Назаровичъ; ничего не воображайте. Мнѣ просто надо видѣть васъ, должно быть, по той глупой теоріи, которую высказывалъ Лозовскій. Помните о половинчатыхъ душахъ? И какое глупое названіе! Но моя душа дѣйствительно теперь кажется мнѣ только половиной... и какъ это вышло, Глѣбъ Назаровичъ, что эти злосчастныя половины встрѣтились?.. Вѣдь какъ въ самомъ дѣлѣ трудно это въ такой необозримой вселенной, при такой запутанности, какая происходитъ на землѣ! Произошло это на берегу озера, при свѣтѣ мѣсяца, при тихомъ шелестѣ камыша. Какой чудный былъ тотъ вечеръ! Однимъ словомъ, я хотѣла бы быть электрической искрой, чтобъ въ нѣсколько секундъ пролетѣть разстояніе, отдѣляющее меня отъ васъ, побывать вблизи васъ, послушать ваши ученыя мысли и умчаться обратно. Теперь о письмѣ вашемъ отцу. Я ничего не имѣю противъ него, но съ одной оговоркой. Если вы найдете такіе доводы, про которые, тысячу разъ обсудивъ ихъ, вы сами скажете, что они новы и могутъ хоть на каплю подвинуть его впередъ. А иначе не стоитъ писать. Говорить ему о высокомъ стремленіи къ наукѣ и прочее—безполезно.

Онъ „уважаетъ“ науку, но... Не настолько, чтобы самого себя лишить хоть малѣйшаго удовольствія. И такъ, постарайтесь, чтобы зима и весна поскорѣе прошли, чтобы вы могли пріѣхать въ Кочедаровку. Нельзя ли это сдѣлать при посредствѣ химіи, которой вы такъ увлекаетесь? Вотъ тогда и отецъ преклонился бы предъ ея могуществомъ. Ахъ, да, недавно мы были въ городѣ и видѣли отца Лаврентія, вашу матушку и Груню. Ваша матушка очень опустилась и совсѣмъ не хочетъ выходить изъ комнаты. Груня злится, что до сихъ поръ не случается жениха, котораго посулилъ ей отецъ Лаврентій. Но, по крайней мѣрѣ, какъ мнѣ показалось, родственники не ссорятся. Отецъ Лаврентій говорилъ о васъ и о Сперанскомъ. А въ приходской школѣ я продолжаю учить и это мнѣ нравится, хотя, конечно, вы правы. Примиренія это дать не можетъ. И такъ, Глѣбъ Назаровичъ, ничего не случилось страшнаго, и вы можете спокойно ходить въ вашу лабораторію. Впрочемъ, слишкомъ уже спокойно не смѣйте, а то, пожалуй, совсѣмъ забудете вашего бѣдненькаго друга“.

Глѣбъ долго сидѣлъ надъ этимъ письмомъ и перечитывалъ его. Нѣтъ, не повѣрилъ онъ ея полушутливому тону. Все это, опять-таки, для того, чтобы его не тревожить, не помѣшать ему. Но онъ рѣшилъ написать отцу Серафиму, только не сейчасъ, а хорошенько подумавши.

Онъ встрѣтился съ Лозовскимъ и сообщилъ ему объ отвѣтѣ Вари.

— Ну, вотъ, и отлично!—сказалъ Лозовскій,—значитъ, дѣло разъяснилось къ общему удовольствію.

— Но я этому не вѣрю!—возразилъ Глѣбъ.

— Такъ что жъ, голубчикъ, мы можемъ подѣлать? На такомъ разстояніи мы не можемъ произвести слѣдствіе. Старикъ преувеличиваетъ, это естественно. Онъ влюбленъ въ свою дочь, а влюбленные всегда преувеличиваютъ. Вотъ и ты, кажется, склоненъ къ этому.

— Это ты склоненъ къ какой-то спеціальной подозрительности. Это въ тебѣ что-то болѣзненное, Лозовскій. И знаешь что? Странно то, что ты самъ, склонный къ аскетизму, другихъ постоянно подозрѣваешь въ любовныхъ стремленіяхъ.

— То я, это совсѣмъ другое дѣло. Ну, ладно,—прибавилъ онъ,—не будемъ спорить. Все придетъ въ свое время.

Пойдемъ-ка, я тебѣ покажу мѣста моего духовнаго отдохновенія.

— Кладбище?—спросилъ Глѣбъ.

— Да, тамъ есть удивительные уголки. Пойдемъ. А то, хочешь пройтись по нашему заведенію? Оно не въ примѣръ лучше твоей квартиры. Все чисто, просторно и ѣдимъ мы, какъ баре. А все же я завидую тебѣ и охотно бы помѣнялся съ тобою.

— Со мною?

— Да, потому что на твоемъ шестомъ этажѣ, на пространствѣ трехъ аршинъ, ты можешь быть во всякое время одинокъ, а значитъ, и счастливъ, и великъ. Ну, идемъ.

Онъ повелъ его на кладбище и долго водилъ тамъ, останавливаясь передъ памятниками, читая надписи и поясняя: „Здѣсь покоится прахъ купца 1-й гильдіи такого-то“. Сперва онъ былъ сидѣльцемъ въ лабазѣ. Потомъ благополучно укралъ у хозяина тысячи полторы рублей, съ этого и пошло его благополучіе; открылъ свою торговлю и прочее, и прочее, и прочее, а тамъ и въ купцы первой гильдіи попалъ. „Свободный художникъ такой-то“, опять читалъ онъ, останавливаясь передъ скромнымъ памятникомъ. Учился въ консерваторіи или академіи художествъ, но таланта не имѣлъ никакого. Всю жизнь игралъ въ оркестрѣ вторую скрипку или писалъ плохія картинки для скверной художественной лавченки. При этомъ отвратительно кормилъ большое семейство и прочее.

— Развѣ это не жизнь? Да вѣдь только тутъ и можно все это разсказать, какъ слѣдуетъ, а тамъ все безпорядокъ, шумъ, размѣнъ на мелочи и безтолковщина. Ахъ, да, я и забылъ тебѣ сказать: я теперь казенный. Все мнѣ даютъ, неизвѣстно, за что. И вотъ что: у меня осталась масса денегъ. Что-то около двухъ сотъ рублей. Они мнѣ абсолютно не нужны и даже обременяютъ меня. Книги даже покупать не надо, здѣсь даютъ чудныя книги. Итакъ, ты можешь воспользоваться этими деньгами во всякое время, когда понадобится.

— Спасибо. Но, можетъ быть, ты захочешь съѣздить лѣтомъ домой?

— Домой? Но гдѣ же мой домъ? Я, право, затрудняюсь это опредѣлить.

— Такъ пошли ихъ матери.

— Это ее только испугаетъ. Она растеряется и... знаешь, что она съ ними сдѣлаетъ? Спрячетъ ихъ и, вѣроятно, для меня

же... И это будетъ мертвый капиталъ. Нѣтъ, Глѣбъ Назаровичъ, я вовсе не черствый человѣкъ и готовъ бы помочь матери; я только разсудку всегда отдаю предпочтеніе. Карьера стариковъ — смерть; карьера молодыхъ — жизнь. Для смерти не нужны деньги. Кто-нибудь да похоронитъ, а для жизни деньги нужны, хотя бы платить за комнату и за скверный обѣдъ въ кухмистерской. Вѣдь чухонкѣ твоей ты долженъ платить. Возьми эти деньги себѣ, онѣ мнѣ не нужны.

— Нѣтъ, мнѣ пока не надо!—отвѣтилъ Глѣбъ.—Я помѣстилъ въ газетахъ объявленіе объ урокѣ и не теряю надежды получить его.

Послѣ Новаго года у Глѣба случились двѣ удачи. Онъ получилъ урокъ на пятнадцать рублей и мѣсто въ лабораторіи. Это, конечно, не легко было совмѣстить, потому что и то, и другое требовало времени. На урокъ надо было ходить каждый день и притомъ довольно далеко, на Сергіевскую. Но онъ какъ-то совмѣщалъ это. Ужъ теперь у него совсѣмъ не оставалось времени, чтобы заниматься чѣмъ-нибудь постороннимъ. Но отъ урока онъ не могъ отказаться. Какъ ни скроменъ былъ заработокъ, но онъ покрывалъ главныя его нужды. Его квартира въ шестомъ этажѣ стоила ему всего семь рублей. Въ кухмистерскую онъ заходилъ далеко не каждый день, а въ остальные питался чаемъ съ хлѣбомъ и какимъ-нибудь „русскимъ честеромъ“. Его желудокъ, закаленный суровой семинарской кухней, переносилъ все это мужественно.

Но, по мѣрѣ того, какъ зима приближалась къ концу, онъ все больше и больше ощущалъ одиночество. Онъ постоянно думалъ о Варѣ и старался чаще писать ей. Изъ сотни рублей онъ оставилъ неприкосновенной половину, чтобы въ первый же моментъ, какъ окажется возможнымъ, сѣсть на поѣздъ и помчаться на югъ. Самый югъ съ его яркимъ теплымъ солнцемъ, съ его длинными днями, съ безконечной степью, зеленью, вѣчно шумящимъ камышомъ, уже рисовался ему въ радужныхъ мечтахъ.

У него были пробы сблизиться съ кѣмъ-нибудь изъ товарищей. Его въ особенности интересовалъ сосѣдъ по лабораторіи, пріѣзжавшій въ университетъ на своей лошади и одѣвавшійся у дорогого портного. Фамилія его была Чаудонъ, но по типу онъ не заключалъ въ себѣ ничего не-русскаго и отлично владѣлъ языкомъ. Глѣбъ видѣлъ не мало богатыхъ студентовъ, но они для него не были интересны. Всѣ они были юристы, занимались кое-какъ, красовались своими мундирами

и шпагами и проводили время въ веселыхъ ресторанахъ. Наука интересовала ихъ лишь настолько, насколько она была нужна для репетицій. Но Чаудонъ чрезвычайно усердно посѣщалъ лабораторію и производилъ впечатлѣніе человѣка, преданнаго наукѣ и интересующагося ею. Глѣбъ какъ то разговорился съ нимъ.

— Вы, кажется, очень любите химію? — спросилъ его Чаудонъ.

— Почему химію? Я люблю вообще естествознаніе. Меня интересуетъ природа.

— О, это слишкомъ обще и широко, — возразилъ Чаудонъ.—Я интересуюсь только химіей.

— Почему же вы ей отдаете предпочтеніе?

— Потому что она мнѣ нужна. Мы выбираемъ то, что намъ нужно.

— Зачѣмъ вамъ она?

— У моего отца имѣется химическій заводъ. Я хочу знать, чтобъ самому ближе руководить предпріятіемъ. Знаніе дастъ мнѣ возможность усовершенствовать дѣло, а оно въ этомъ нуждается...

И Чаудонъ тотчасъ упалъ въ глазахъ Глѣба. Онъ былъ совершенно обрусѣлый англичанинъ. Его прадѣдъ пріѣхалъ изъ Англіи, положилъ основаніе фирмѣ, а самъ онъ родился и воспитался въ Россіи, да и мать у него была русская. Но практическія тенденціи британца, очевидно, были заложены въ его крови. Онъ говорилъ: русскіе питаютъ большую склонность къ общимъ мѣстамъ... Они любятъ широко ставить вопросы... Надо ставить дѣло уже, ограниченнѣе и тогда оно пойдетъ и выростетъ въ большое, а не наоборотъ.

Другой сосѣдъ по лабораторіи, слѣва, мотивировалъ свои занятія еще проще: чтобъ получить отмѣтку, а отмѣтка нужна для стипендіи.

Это былъ бѣднякъ, постоянный житель Петербурга. Здѣсь онъ родился и выросъ. Въ лицѣ у него было что-то малокровное, какая-то усталость, апатія. Глѣбъ какъ-то однажды вышелъ вмѣстѣ съ нимъ изъ университета, у нихъ оказалась общая дорога, они разговорились и затѣмъ, когда дошли до Вознесенскаго проспекта, Глѣбъ пригласилъ его зайти къ нему.

— Только я въ шестомъ этажѣ живу,— предупредилъ онъ.

— А мы въ пятомъ. Это небольшая разница.

И они повернули къ дому, гдѣ жилъ Глѣбъ и поднялись въ шестой этажъ.

— Вотъ мое обиталище!—промолвилъ Глѣбъ, введя его въ свою миніатюрную комнату.—Какъ гостю, предоставляю вамъ выборъ между стуломъ и кроватью, больше не на чемъ сѣсть.

— Я на кровати!—сказалъ гость и сперва сѣлъ, а потомъ растянулся.—А знаете,—прибавилъ онъ,—собственно говоря, я вамъ завидую.

— Мнѣ?—съ удивленіемъ спросилъ Глѣбъ.

— Еще бы! У васъ по крайней мѣрѣ своя собственная отдѣльная комната, въ которой вы хозяинъ.

— Вотъ ужъ никакъ не ожидалъ,—промолвилъ Глѣбъ,—что моя клѣтка можетъ въ комъ-нибудь возбуждать зависть.

— Да какъ же нѣтъ? У насъ вся квартира состоитъ изъ трехъ комнатъ, а живутъ въ ней — тутъ онъ началъ перечислять, пригибая пальцы руки:—отецъ, мать, бабушка—это мать отца, я, сестра и младшій братъ. Я съ братомъ сплю въ одной комнатѣ, которая въ тоже время и кабинетъ отца. Сестра съ бабушкой въ столовой, которая вмѣстѣ съ тѣмъ и гостинная, а также и комната для нашихъ занятій. Днемъ даже и мечтать нельзя такъ вотъ растянуться на кровати или на диванѣ. А по субботамъ къ намъ приходятъ сослуживцы отца—чиновники. Мой отецъ служитъ чиновникомъ въ почтамтѣ... И начинаютъ играть въ винтъ и играютъ до четырехъ часовъ утра. А мы въ это время должны киснуть и клевать носомъ гдѣ-нибудь въ углу. Ну, какъ же тутъ не завидовать? Да я за аршинную комнату, будь она совсѣмъ темная, безъ окна, только чтобы въ ней были четыре стѣны и потолокъ, не знаю что далъ бы. А въ вашемъ распоряженіи, я думаю, аршина три будетъ... Это цѣлое блаженство!

— Но скажите, вотъ вы говорили, что химіей занимаетесь для отмѣтки, а отмѣтка вамъ нужна для стипендіи, значитъ— вы естественныхъ наукъ не любите?

— Равнодушенъ!—отвѣтилъ гость.

— Почему же вы ихъ выбрали? Отчего вы не выбрали то, къ чему у васъ есть склонность?

— Да у меня ни къ чему склонности нѣтъ...

— Ни къ чему?

— Ни къ чему. Я выбралъ естественныя науки совершенно случайно. Все-таки, можетъ быть, потомъ на медицинскій перейду. Медицина, это—все же хоть что-нибудь. Можно докторомъ сдѣлаться. А въ общемъ все это одна скука.

— А что же по вашему не скучно?

— Да все скучно. Вотъ у меня есть сестра, такъ та говоритъ, что съ деньгами не скучно... Она говоритъ, что если бы у нея были деньги, такъ она была бы счастлива. А я думаю, что это чепуха. Что дѣлать съ деньгами? Кататься на рысакахъ? Возиться съ продажными женщинами, покупать картины, дорогую мебель, брилліанты? Развѣ это не скучно? Мнѣ кажется, что самое интересное занятіе — лежать на диванѣ и плевать въ потолокъ.

— Зачѣмъ же плевать въ потолокъ? это неудобно!

— Ну, это такъ говорится... Однако, надо уходить, съ неохотой произнесъ гость и сталъ медленно приподыматься.

— Нѣтъ, лежите, пожалуйста.

— Развѣ я вамъ не мѣшаю?

— Ни мало. Я вотъ пойду сейчасъ на урокъ, на Сергіевскую. Это довольно далеко, а вы оставайтесь.

— А вь самомъ дѣлѣ!—съ видимымъ удовольствіемъ согласился гость.—Это отлично. А вѣдь это страшно скучно ходить на уроки.

— Почему? Меня это интересуетъ уже потому, что даетъ мнѣ средства, да и такъ вообще знакомитъ съ людьми, вноситъ нѣкоторое разнообразіе въ мою жизнь.

— Какого-нибудь болвана обучаете?

— Нѣтъ не болвана, а очень способнаго и симпатичнаго мальчика. Ну, такъ вы оставайтесь, а я пойду.

Глѣбъ ушелъ на урокъ, а когда вернулся, то нашелъ товарища спящимъ. Онъ повернулся къ стѣнкѣ лицомъ и не слышалъ его прихода.

Глѣбъ подумалъ, что не стоитъ его будить, зажегъ лампу, сѣлъ за столъ и началъ заниматься. Онъ работалъ часа полтора, потомъ ему захотѣлось отдохнуть и онъ сталъ писать письмо Варѣ. Эти письма всегда были для него отдыхомъ.

Онъ началъ письмо такъ: „Въ то время, какъ я это пишу, въ моей комнатѣ раздается легкій блаженный храпъ... Представьте, Варвара Серафимовна, нашелся человѣкъ, завидующій мнѣ, какъ обладателю трехаршинной комнаты". И далѣе онъ разсказалъ Варѣ всю исторію своего знакомства. Звали этого господина Радолинымъ.

Было уже около двѣнадцати часовъ ночи, когда Радолинъ, наконецъ, открылъ глаза и потянулся.

— Гдѣ жъ это я? — спросилъ онъ, еще полусонный.— Ахъ, Боже мой, это я у васъ... Э э... простите, я забылъ вашу фамилію.

— Щедротовъ!—сказалъ Глѣбъ,—но это ничего, это все равно.

— Какъ же это случилось? Ахъ, да, я вспомнилъ... Отлично выспался. Благодарю васъ. Знаете, это блаженство, когда можешь лечь спать во всякое время, когда тебѣ хочется.

— Приходите ко мнѣ каждый день въ то время, когда я хожу на урокъ,—пригласилъ Глѣбъ.

— О, спасибо. Это отлично.

— Хотите чаю?

— Да поздно, знаете. Мать навѣрно будетъ говорить, что я гдѣ-нибудь въ неприличномъ мѣстѣ провелъ время. А я провелъ его такъ цѣломудренно, какъ только можно. А пожалуй, стаканчикъ пропустить не мѣшаетъ.

Глѣбъ досталъ у своей чухонки кипятку, заварилъ чай и напоилъ его. Радолинъ ушелъ около часу.

И. Потапенко.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ИСКУССТВО СЪ СОЦІОЛОГИЧЕСКОЙ ТОЧКИ ЗРѢНІЯ.

Ж. ГЮЙО.

(Пер. съ французскаго подъ редакц. **Л. Е. Оболенскаго**).

(*Продолженіе* *).

XIII.

Живописное въ искусствѣ.

Искусство писателя состоитъ въ томъ, что онъ почти всецѣло овладѣваетъ душой читателя и, такимъ образомъ, принуждаетъ его войти въ кругъ своихъ идей, закрывъ его органы чувствъ отъ вторженія внѣшнихъ впечатлѣній. Если же писатель хочетъ перенести его въ невѣдомую страну, говорить ему только о томъ, чего онъ не знаетъ, его задача упрощается: читатель просто не узнаетъ, не увидитъ, не услышитъ ничего, кромѣ того, что ему будетъ сказано или показано; онъ ассоціируетъ только идеи, желаемыя писателю: ничто не будетъ противорѣчить подготовленному эффекту; читатель будетъ какъ бы во власти писателя. Въ этомъ, быть можетъ, заключается и магическое дѣйствіе живописнаго. Живопись даетъ возможность изолировать предметы отъ ихъ обычной среды, отстранять наши черезчуръ грубыя ассоціаціи. Главная ея роль состоитъ въ *разобщеніи* (диссоціаціи) нашихъ идей, въ разрывѣ нашихъ привычныхъ ожиданій. Представьте себѣ мысленно одинъ изъ тѣхъ провансальскихъ тростниковъ, изъ которыхъ дѣлаютъ удилища для рыбной ловли или дудочки для дѣтей, и передъ вами возникаетъ образъ, который можетъ казаться довольно тривіальнымъ. Но покиньте Провансъ и перенеситесь въ Грецію, гдѣ вы увидите, какъ въ пустотахъ подобнаго же тростника крестьяне Олимпіи переносятъ раскаленные угольки изъ одной хижины въ другую. Уже однимъ тѣмъ, что образъ отдаляется въ пространствѣ, становится чужеземнымъ,

---

*) См. «Міръ Божій», № 3, мартъ.

онъ поэтизируется. Теперь удалите его еще и во времени, подумайте, напр., о такомъ же тростникѣ (nartex), упоминаемомъ Гезіодомъ, и въ которомъ Прометей принесъ огонь съ неба, и вотъ вы уже среди полной классической поэзіи. Если послѣ всего этого вы взглянете на ничтожный тростникъ Прованса въ вашемъ саду, онъ окажется преображеннымъ въ вашихъ глазахъ этимъ путешествіемъ въ пространство и время, которое разбило въ немъ, пусть даже на мгновенье, тривіальныя ассоціаціи идей.

Слѣдуетъ вспомнить истину, что во всѣ времена и во всѣхъ странахъ, жизнь и ея общіе законы почти одинаковы въ мелочахъ: вездѣ млекопитающее есть млекопитающее, растеніе—растеніе; реальность одна и та же на востокѣ и на западѣ, въ прошедшемъ и настоящемъ. Но, вѣдь, именно эту-то реальность, болѣе или менѣе обнаженную отъ того, что скрываетъ ея въ банальномъ механизмѣ нашихъ представленій, и требуется выдвинуть впередъ; это-то и составляетъ постоянный объектъ искусства. Значитъ, если существуютъ, говоря словами Готье, живописныя слова, «звучащія какъ рожокъ», то нужно еще, чтобы этотъ рожокъ возвѣщалъ намъ нѣчто, чтобы онъ предшествовалъ живой, выступающей въ походъ арміи, чтобы за нимъ чувствовалась сила—идей, чувствованій, дѣйствій. И вотъ гдѣ огромная ошибка романтиковъ и Виктора Гюго въ ихъ худшихъ моментахъ: они думали, что вся суть въ поражающихъ словахъ, что живописность есть самая основа искусства. Они останавливались ослѣпленные передъ словами, какъ возставшіе рабы въ «Бурѣ» передъ позолоченными отребьями, повѣшенными у входа въ пещеру. Но живописное безъ яснаго видѣнія реальности лишено смысла. Само-по-себѣ оно только пріемъ и довольно грубый пріемъ, пріемъ контраста, какъ въ живописи яркія краски безъ всякаго рисунка, какъ женскій нарядъ безъ красоты, какъ румяны безъ лица. Все мимолетное, исключительное можетъ становиться предметомъ искусства только при томъ условіи, что оно схвачено съ болѣе широкой точки зрѣнія, и какъ бы взглядомъ философа сведено къ законамъ человѣческой природы; это и дѣлаетъ его въ нѣкоторомъ родѣ одной изъ формъ «вѣчнаго». Ничто такъ не утомляетъ, какъ поверхностная живописность. Если хотятъ перенести насъ въ отдаленную и чуждую среду, намъ необходимо показать проявленія жизни, подобной нашей жизни, хотя и различной; такъ поступали Бернарденъ де-Сенъ-Пьерръ, Флоберъ, Пьерръ Лоти. Насъ у нихъ трогаетъ способность сдѣлать экстраординарное симпатичнымъ, отдаленное—близкимъ, объяснить странное въ чуждой жизни, и не такъ, какъ объясняютъ машину, а чувствомъ,

сердцемъ, такъ, чтобы явленіе стало намъ доступнымъ, чтобы оно явилось передъ нами, чтобы его образъ пробудился въ насъ. При такомъ условіи, наша общежительность расширяется и утончается въ этомъ соприкосновеніи. Мы чувствуемъ, что сердце наше становится богаче, когда въ него проникаютъ невѣдомыя намъ раньше страданія или наивныя, хотя и серьезныя радости человѣчества, которыя мы признаемъ имѣющими право, равное съ нашими чувствованіями, занять мѣсто въ безличномъ сознаніи народовъ, называемомъ литературой.

XIV.

Стиль. Простое въ искусствѣ.

Функція рѣчи состоитъ первоначально въ простомъ умственномъ сообщеніи между людьми; слѣдовательно, языкъ искусствъ, литературы, поэзіи есть что-то другое, а не простая машина для передачи идей, въ родѣ телеграфа съ ясными и быстрыми сигналами. Передъ нами здѣсь три посылки: 1) идеалъ, понятый и любимый художникомъ; 2) языкъ, которымъ онъ располагаетъ и, наконецъ, 3) все общество людей, съ которымъ художникъ хочетъ раздѣлить свою любовь къ прекрасному. Стиль, это—слово, органъ общественности, становящійся все болѣе и болѣе выразительнымъ, пріобрѣтающій одновременно изобразительную и *внушающую* силу, дѣлающую его орудіемъ *всеобщей симпатіи*. Стиль обладаетъ изобразительной силой, такъ какъ онъ заставляетъ видѣть непосредственно; внушающая же сила его доказываются тѣмъ, что онъ заставляетъ мыслить и чувствовать, благодаря ассоціаціи идей. Каждое чувствованіе переводится интонаціями голоса (des accents) и соотвѣтственными жестами. Интонаціи почти одинаковы у всѣхъ видовъ, какъ напр., интонація неожиданности, ужаса, радости и т. п. Тоже и *жесты*; и это-то позволяетъ истолковывать (непосредственно) видимые знаки; искусство должно воспроизводить эти интонаціи и жесты, чтобы заставить чувство, выражаемое имъ, проникнуть въ душу посредствомъ «внушенія». Значитъ, не важно, что стиль, какъ думалъ Бюффонъ, состоитъ только «въ порядкѣ и движеніи мыслей»; необходимо добавить порядокъ и движеніе чувствованій, единственное средство пробужденія симпатіи. Мы сочувствуемъ, въ сущности, только человѣку: если насъ трогаютъ и доходятъ до насъ и другія вещи, то только какъ образы и эмоціи, какъ объясненіе души и сердца людей; вотъ почему «стиль, это—человѣкъ». Значитъ, истинный стиль родится

изъ самыхъ мыслей и чувствъ; онъ—ихъ совершенное и послѣднее выраженіе, одновременно и личное, и общественное, подобно тому, какъ интонаціи голоса даютъ особый смыслъ словамъ, общимъ для всѣхъ. Произведенія литературы, обладающія недостаткомъ этого истиннаго стиля, напоминаютъ тѣ «механическія піано», которыя кажутся намъ холодными даже тогда, когда повторяютъ лучшія аріи, такъ какъ мы не чувствуемъ, чтобы эмоціи и человѣческая жизнь переходили къ намъ отъ руки человѣка, трепещущей надъ струнами и заставляющей ихъ трепетать.

Необходимый для стиля вкусъ, это просто непосредственные, болѣе или менѣе глубокіе законы, изъ которыхъ одни принадлежатъ къ созидающимъ жизнь, другіе къ управляющимъ ею. Вдохновеніе генія не только управляется, но и устанавливается по большей части самимъ вкусомъ, который среди безчисленныхъ ассоціацій, возбуждаемыхъ даннымъ случаемъ, *судитъ и избираетъ*. Писать, рисовать, ваять, это значитъ умѣть выбирать. Писатель, какъ и музыкантъ, узнаетъ сразу въ смутной толпѣ своихъ идей то, что мелодично, что звучитъ правильно и хорошо: поэтъ схватываетъ сразу въ какомъ-нибудь предложеніи отрывокъ стиха или гармоническій размѣръ.

Кромѣ того, переводъ или примѣненіе этихъ общихъ законовъ стиля видоизмѣняется у разныхъ художниковъ и соотвѣтственно различнымъ произведеніямъ. Такъ, въ музыкѣ тѣ диссонансы, которые въ изолированномъ видѣ были бы какофоніей, находятъ свое оправданіе въ послѣдовательности тѣхъ аккордовъ, которые разрѣшаютъ ихъ. Хотя нѣкоторыя правила неподвижны, но изъ нихъ никогда нельзя извлечь всѣхъ возможныхъ результатовъ. То, что кажется иногда уничтоженіемъ правила, есть часто только его расширеніе, распространеніе, оплодотвореніе новыми примѣненіями. Можетъ казаться, что тотъ, кто лучше другихъ знаетъ въ самыхъ основахъ утонченныя правила своего искусства, меньше всего соблюдаетъ ихъ. Такъ, Викторъ Гюго, котораго обвиняли въ разрушеніи французской стихотворной метрики, на самомъ дѣлѣ, значительно усовершенствовалъ ее, соподчинивъ и систематизировавъ ея правила.

Старые трактаты риторики отличали стиль простой и возвышенный; они противуполагали простой стиль фигуральному. Однако, возвышенный стиль часто представляетъ лишь форму простого: что можетъ быть проще иныхъ въ высшей степени трагическихъ фразъ *), или даже большей части наиболѣе возвышенныхъ мѣстъ

---

*) Напр., «Крови, Яго, крови!» и т. п. *Ред.*

Библіи и Евангелія! Съ другой стороны, простой стиль часто является фигуральнымъ потому, что онъ не абстрактенъ: чѣмъ больше языкъ приближается къ народному, тѣмъ онъ конкретнѣе и богаче образами; только это—не изысканные образы, а взятые изъ дѣйствительности. Метафора и даже миѳъ существенны въ образованіи языка; они—самые примитивные шаги воображенія. Тотъ, кто прибѣгаетъ къ естественнымъ метафорамъ, заимствованнымъ у среды, въ которой онъ живетъ обыкновенно (а эта среда для человѣка современныхъ обществъ расширяется съ каждымъ днемъ), тотъ вовсе еще не выходитъ изъ простого стиля. Обыкновенный языкъ, въ своей эволюціи, преобразуетъ слова ради наиболѣе удобнаго употребленія; поэзія преобразуетъ ихъ въ смыслѣ *наиболѣе живого и сочувственнаго представленія*; у перваго, цѣлью являются *полезныя метафоры*, которыя бы «экономизировали вниманіе» и дѣлали болѣе легкой работу ума; въ поэзіи же мы видимъ метафоры собственно эстетическія; усиливающія способность чувствовать и силу общительности. Прибавимъ, что простой языкъ есть признакъ непроизвольнаго и сильнаго чувства; самыя живыя эмоціи выражаются жестами, близкими къ рефлексамъ, и словами, приближающимися къ крикамъ, которыя встрѣчаются почти во всѣхъ человѣческихъ языкахъ. Вотъ почему самый глубокій смыслъ выражается въ поэзіи самыми простыми словами: но эта простота взволнованной рѣчи нисколько не мѣшаетъ богатству и безконечной сложности мысли, сжатой или конденсированной въ ней. Мысль можетъ пріобрѣсти характеръ нѣкоторой *жизненности*, а простой стиль можетъ указывать только на высшую степень обработки сложнаго содержанія. Такъ, маленькая капля чистой воды, падающая изъ облака, нуждалась для этого въ глубинахъ моря и неба.

Что можетъ быть проще одежды луврской Полимніи? Никакихъ украшеній, только пеплумъ брошенъ на тѣло богини; но эта одежда образуетъ безконечныя складки, изъ которыхъ каждая обладаетъ своей особой граціей, при чемъ, однако, эта грація сливается съ самою граціей божественныхъ членовъ. Это безконечное разнообразіе въ простотѣ, есть идеалъ стиля. Къ несчастію, оно такъ же трудно на долгое время въ простомъ и естественномъ, какъ и въ возвышенномъ. Великій художникъ, простой въ своей глубинѣ, это—тотъ, кто сохраняетъ передъ міромъ нѣкоторую новизну сердца и какъ бы вѣчную свѣжесть чувства. Своей способностью разбивать банальныя и избитыя ассоціаціи, которыя для другихъ людей замыкаютъ явленія въ нѣсколько совершенно готовыхъ формъ, онъ напоминаетъ ребенка, начинающаго жить

и испытывающаго неопредѣленное потрясеніе отъ только-что открывшагося существованія. Идеалъ художника состоитъ въ томъ, что бы постоянно начинать жить снова: силой рефлектирующей мысли онъ долженъ вновь приходить къ безсознательной наивности ребенка *).

XV.

Будущность поэзіи и искусства передъ современной наукой.

I. Лѣтъ сорокъ тому назадъ, въ концѣ пирушки у англійскаго живописца Гэйтона, поэтъ Китсъ предложилъ слѣдующій тостъ: «Да покроется позоромъ память Ньютона!» Присутствующіе были очень изумлены, и Вордсвортъ, прежде чѣмъ пить, потребовалъ объясненія. Китсъ отвѣчалъ: «За то, что онъ разрушилъ поэзію радуги, сведя ее на призму». И за «посрамленіе Ньютона» пили! Но дѣйствительно ли разрушается поэзія явленій природы ихъ научнымъ объясненіемъ? Дѣйствительно ли поэзія похожа на этотъ многоцвѣтный и легкій призракъ, возносящійся между землей и небомъ, на этотъ поясъ, сотканный изъ свѣта, обоготворявшійся древними, и у котораго Ньютонъ обнажилъ вполнѣ геометрическую и земную основу? Въ XVII вѣкѣ, Паскаль говорилъ, что между ремесломъ поэта и «золотошвея» нѣтъ разницы. Это опредѣленіе—ужъ и у Паскаля достаточно презрительное—еще усилилъ Монтескьё: «Поэты,—говоритъ онъ,—предаются ремеслу, состоящему въ обремененіи разума и природы разными прикрасами, какъ прежде скрывали женщинъ подъ ихъ уборами». Эти слова, возмутившія Вольтера, какъ «преступленіе противъ величества» поэзіи (хотя въ то время имъ придавали значенія не больше, чѣмъ всякой причудѣ), являются теперь для многихъ ученыхъ и мысли-

*) Необходимо добавить къ прекраснымъ мыслямъ Гюйо о стилѣ еще одно соображеніе, являющееся логическимъ выводомъ изъ этихъ мыслей и вполнѣ подтверждаемое исторіей всѣхъ литературъ: каждое жизненное содержаніе какой-либо литературы, т. е. чувства, идеи и волнующіе образы дѣйствительности,—богаты, ярки, сильны, когда нѣтъ *заботы* о стилѣ, но за то въ это-то время онъ и образуется, представляя поразительныя богатства и мощь. То-есть, является онъ непосредственно изъ интенсивности и мощи самаго творчества и творческаго матеріала. Наоборотъ, когда жизнь, а съ нею и литература, становятся бѣдны новыми волнующими образами, идеями, чувствами, тогда является забота о стилѣ, имѣющая безсознательной цѣлью пополнить искусственной красотой языка бѣдность внутренняго содержанія. Сообразно этому же, въ одинъ и тотъ же періодъ литературы, бездарность кропотливо высиживаетъ стиль, а мощный художникъ не думаетъ о немъ, но безсознательно создаетъ его новую форму. *Ред.*

телей точнымъ выраженіемъ истины. Поэзія, увѣряютъ они, имѣвшая за себя въ XVII и XVIII вв. большинство «почтенныхъ людей», скоро будетъ имѣть лишь меньшинство. Наука—вотъ великое «чародѣйство» нашей эпохи; мы всѣ воздаемъ ей, иногда даже безъ яснаго сознанія, нѣчто въ родѣ богопочитанія или культа въ глубинѣ души, и не можемъ воздержаться отъ нѣкотораго презрѣнія къ поэзіи. Спенсеръ сравниваетъ науку съ нѣжной Сандрильоной, долго остававшейся въ закоулкѣ своей кухни, въ то время, какъ ея сестры гордо выставляли на глаза всѣмъ свои «мишурныя» достоинства. Теперь Сандрильона празднуетъ побѣду: «придетъ день, и наука, признанная лучшей и самой красивой, будетъ обладать верховнымъ господствомъ». «Придетъ время,—говоритъ, въ свою очередь, Ренанъ,—и великій художникъ станетъ чѣмъ-то ветхимъ, почти безполезнымъ; наоборотъ, ученый будетъ господствовать больше и больше». Ренанъ нѣсколько разъ выражалъ сожалѣніе, что самъ онъ—не ученый, а только нѣчто въ родѣ дилеттанта эрудиціи. Какъ знать, говорятъ намъ, быть можетъ, если бы Гёте воскресъ въ наше время, онъ предпочелъ бы посвятить себя всецѣло естественнымъ наукамъ. Быть можетъ, Вольтеръ отдался бы больше, чѣмъ прежде, математикѣ, въ которой онъ и ранѣе обнаружилъ свою силу. Кто знаетъ, быть можетъ, и Шекспиръ, этотъ великій психологъ, этотъ умъ, обладавшій, подъ могучей силой воображенія, чрезвычайно научнымъ темпераментомъ, предпочелъ бы скуднымъ драмамъ человѣчества, великую драму вселенной? Дѣдъ Дарвина посвятилъ часть жизни на писаніе плохихъ поэмъ; внукъ его, если бы родился столѣтіемъ раньше, дѣлалъ бы то же самое; къ счастью, Дарвинъ принадлежалъ своему вѣку: вмѣсто поэмы о садахъ, онъ далъ намъ научную эпопею естественнаго подбора. Поэмы умираютъ съ языками, а поэты, какъ сказалъ одинъ изъ нихъ, могутъ надѣяться на жизнь своихъ созданій «въ теченіе одного вечера въ сердцахъ влюбленныхъ»; полотна живописцевъ стираются и черезъ нѣсколько столѣтій отъ Рафаэля останется только имя; статуи и монументы разсыпаются въ прахъ. Повидимому, сохраняется только идея, и тотъ, кто къ сокровищамъ человѣчества прибавляетъ какую-нибудь новую идею, можетъ жить, благодаря ей, столь же долго, какъ и само человѣчество.

II. По мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ и философовъ, развитіе научнаго духа остановитъ развитіе поэтическаго воображенія. Лукрецій, говорятъ они, прославивъ торжество науки надъ суевѣріями, прославилъ въ то же время и свою побѣду надъ поэзіей. Нѣмцы устами Шиллера, Штраусса, Шеллинга и Вагнера лю-

бятъ повторять, что нѣтъ истинной поэзіи без тайны; Гёте прибавляетъ, что безъ *суевѣрія* не можетъ быть истинной поэзіи. И, въ самомъ дѣлѣ, повидимому, поэтическое воображеніе нуждается сразу и въ нѣкоторомъ суевѣріи (въ античномъ смыслѣ этого слова), которое позволяетъ ему не всегда объяснять событія холоднымъ разсудкомъ, и въ нѣкоторомъ невѣжествѣ, полутемнотѣ, которыя позволили бы ему болѣе свободно забавляться явленіями, какъ игрушками. Могутъ сказать, что нѣтъ ничего менѣе поэтическаго, какъ большая бѣлая дорога безъ поворотовъ и загибовъ, на которую отвѣсно падаютъ солнечные лучи. И, наоборотъ, кустарники, рощицы, тѣнистые уголки,—все, что не видно съ перваго взгляда, все, что кажется намъ убѣгающимъ, — создаетъ поэзію деревни. Огромный недостатокъ голыхъ равнинъ въ томъ, что онѣ ничего не скрываютъ отъ насъ, и мы не любимъ прямыхъ линій потому, что достаточно открыть глаза, чтобы видѣть, чѣмъ онѣ кончаются. Неуловимое очарованіе вечера состоитъ въ томъ, что онъ показываетъ намъ предметы лишь въ половину. При блескѣ луны, котроую воспѣлъ Бетховенъ и вся Германія, предметы преобразуются; самыя вульгарныя дороги наполняются поэзіей, предметы, у которыхъ уже не различается ясныхъ контуровъ, пріобрѣтаютъ красоту прозрачности и нѣги: тѣнь, это— нарядъ предметовъ. Лунныя лучи, кажется, заставляютъ всѣ предметы плыть въ прозрачномъ и нѣжномъ облакѣ: это облако, это — сама поэзія; это тончайшее облако—во взглядѣ поэта и черезъ него-то онъ видитъ всю природу. Разсѣйте его, и вы, быть можетъ, заставите упорхнуть ваши грезы, а съ ними и божественные сны, и красоту; быть можетъ, поэзія только тамъ, гдѣ нужно догадываться, но нельзя видѣть. Альфредъ Мюссе умолялъ своего бога раздробить сводъ небесъ, поднять съ міра завѣсу и показать себя. Но если бы Богъ исполнилъ эту просьбу, увѣренъ ли Мюссе, что продолжалъ бы обожать Его? Быть можетъ, исчезла бы вся поэзія вселенной. Если бы небо уже ничего не скрывало отъ насъ, чѣмъ бы оно отличалось отъ земли, которую мы попираемъ ногами? Эта «печаль о безконечномъ», сокрушающая нѣкоторыя души, даетъ имъ и самыя утонченныя радости, и, быть можетъ, онѣ не согласились бы промѣнять ее на универсальную науку. Ограничиваясь однимъ какимъ-нибудь примѣромъ, вспомнимъ, насколько современная наука, анализирующая на звѣздахъ расплавленные металлы, заставила увянуть эти «небесные цвѣты», въ которыхъ древніе видѣли божественныя и безсмертныя существа! Вотъ какимъ образомъ наука мертвитъ все, къ чему прикасается, говорятъ эстетики - мистики. При-

рода прекрасна только подъ покрываломъ, и поэтому искусство, какъ и самую любовь, нужно изображать съ повязкой на глазахъ. Когда красота объявитъ намъ свое имя, разскажетъ свою исторію и свои тайны, кто знаетъ, не уйдетъ ли она отъ насъ навсегда, какъ Лоэнгринъ, увлеченный своими лебедями? Даже заблужденія обладаютъ поэзіей. «Дерзай ошибаться и грезить», говорилъ Шиллеръ, и это—девизъ искусства.

III. По нашему мнѣнію, противоположность, которую стараются установить между поэтическимъ воображеніемъ и наукой, болѣе поверхностна, чѣмъ глубока, и поэзія будетъ всегда имѣть право на существованіе рядомъ съ наукой. Маттью Арнольдъ говоритъ въ своемъ «*Этюдѣ о Морисѣ Гюэренѣ*»: «Поэзія, какъ и наука, даетъ истолкованіе міра, но истолкованія науки никогда не дадутъ намъ того внутренняго, интимнаго смысла вещей, какой даютъ истолкованія поэзіи. Происходитъ это потому, что наука обращается со своими разъясненіями къ ограниченнымъ способностямъ человѣка, а не къ цѣлому человѣку; вотъ почему поэзія не можетъ погибнуть. Всѣ усилія ученыхъ направлены къ тому, чтобы устранить изъ предметовъ, наблюдаемыхъ ими, собственную личность; но, вѣдь, сердце человѣка, въ концѣ концовъ, все же остается главенствующей частью міра; между нимъ и вещами должна необходимо существовать гармонія: поэтъ, воспринимая сознаніемъ эту гармонію, оказывается, такимъ образомъ, не менѣе правымъ, чѣмъ ученый; чувство играетъ для него ту же роль, какъ для ученаго ощущеніе или воспріятіе. Вѣдь, «объективную цѣнность» имѣютъ не только видимые предметы, но и глазъ, видящій ихъ. Мы не можемъ устранить изъ міра наше сердце, какъ не можемъ изъ нашего сердца вырвать міръ. Существуютъ ли такія открытія, которыя не граничили бы съ новыми тайнами и этимъ не благопріятствовали бы все расширяющимся потребностямъ воображенія? Кольриджъ сказалъ: наука, начинающая удивленіемъ, и кончаетъ удивленіемъ, а изъ удивленія-то и родятся какъ поэзія, такъ и философія. Значитъ въ наукѣ у насъ вѣчно будетъ *внушеніе*, а потому и вѣчная поэзія».

И это далеко не все: «потребность тайны и неизвѣстнаго», испытываемая человѣческимъ воображеніемъ, если ее анализировать до конца, сама является преобразованной формой жажды знанія. Мы говорили сейчасъ объ очарованіи, свойственномъ маленькимъ дорогамъ, съ ихъ рощами и извилинами; но основная причина этого очарованія состоитъ въ томъ, что онѣ позволяютъ намъ дѣлать на каждомъ шагу открытія, и держатъ въ напряженіи вѣчную любознательность ума; ихъ поэзія происходитъ не

отъ того только, что онъ закрываетъ намъ горизонтъ, но скорѣе отъ того, что они безпрестанно обѣщаютъ намъ что-то новое. Никто не станетъ отрицать, что наука измѣняетъ точки зрѣнія, съ которыхъ люди привыкли смотрѣть на вещи, и что, такимъ образомъ, она производитъ эффекты новаго освѣщенія, которые поражаютъ насъ, а иногда и огорчаютъ; но о чемъ же тутъ тревожиться поэтамъ? Иногда,—каюсь,—я завидую муравью, горизонтъ котораго такъ узокъ, что онъ долженъ взбираться на листъ или голышъ, чтобы видѣть за полшага впереди себя; но, вѣдь, зато онъ долженъ различать множество такихъ прекрасныхъ вещей, которыя совершенно ускользаютъ отъ насъ; для муравья, усыпанная пескомъ дорожка, маленькій лужокъ или кора дерева— полны поэзіи, невѣдомой намъ. Если бы расширить ихъ кругозоръ, они сначала потерялись бы; ихъ охватила бы тоска передъ нашими лѣсами и горами съ подвижными тѣнями на ихъ зелени. Случилось бы то же самое, что чувствуемъ мы, поднимаясь на значительную высоту: мы съ грустью видимъ, какъ исчезаетъ поэзія деталей, какъ сливаются другъ съ другомъ всѣ небольшіе предметы, какъ сглаживаются всѣ любимые нами уголки, въ которыхъ терялась бы наша мысль, какъ выпрямляются всѣ изгибы, возбуждавшіе наше желаніе. Съ перваго взгляда кажется, что не осталось ничего, кромѣ обнаженнаго общаго вида безъ всякихъ тѣней; освѣщеніе сильно, однообразно, но зато какая ширина! И нашъ взглядъ паритъ надъ нею! Передъ нами обширная «среда», къ которой еще нужно привыкнуть, расширивъ свое собственное сердце. А дальше, за этимъ освѣщеннымъ міромъ, какія безконечныя перспективы, опять теряющіяся въ тѣни; какая потребность, усиливающаяся непрерывно все больше и больше,—смотрѣть, знать, дѣйствовать.

Сама поэзія есть родъ непроизвольной науки. Великое искусство вовсе не состоитъ изъ безсодержательныхъ и навѣки безплодныхъ мечтаній; высокія мысли поэтовъ всегда представляютъ раскрытіе настоящаго или грядущаго; если бы они были только утопіями, совершенно чуждыми дѣйствительности, они бы насъ совершенно не трогали. Напр., та справедливость, которую воспѣваетъ Софоклъ въ своихъ чудныхъ стихахъ, говоря о ней, что «она такъ же обширна, какъ сводъ неба», эта справедливость—совсѣмъ не химера. Мы добиваемся ея и до сихъ поръ, мы стремимся, чтобы она охватила всю землю. Ученый пишетъ точную и детальную исторію міра, а поэтъ дѣлаетъ изъ нея, такъ сказать, легенду. Но самая легенда является документомъ для исторіи, и часто, какъ сказалъ еще Аристотель, она вѣрнѣе и «фи-

лософичнѣе» исторіи. Исторія даетъ намъ лишь грубые факты, часто спорные, тогда какъ поэзія знакомитъ насъ съ глубокими и прочными чувствами, которыя господствовали надъ этими фактами и содѣйствовали ихъ возникновенію. Развѣ въ легендахъ древнихъ народовъ, мы не отчеркиваемъ всего ихъ личнаго характера, всѣхъ смутныхъ вдохновеній ихъ, а въ то же время, и всего человѣчества? Въ періоды работы и молчаливой выработки, какъ нѣкогда въ Индіи, Греціи или въ эпоху Возрожденія, нужно искать именно у поэтовъ вѣщихъ словъ о грядущемъ, первыхъ смутныхъ, но глубокихъ формулъ мысли, которыя позднѣе явятся въ полномъ освѣщеніи. Поэтъ можетъ сказать о себѣ самомъ то, что говорилъ Гераклитъ, этотъ философъ, обладавшій поэтическимъ геніемъ: «Я похожъ на сивиллъ, говорящихъ по вдохновенію, и голоса которыхъ въ теченіе вѣковъ благовѣствуютъ божественныя истины». Въ самомъ дѣлѣ, нѣкоторыя слова Гераклита или Парменида, нѣкоторыя статуи Микель Анджело, извѣстныя симфоніи Бетховена представляютъ конденсацію идей, которыя время должно развить, и въ этихъ-то идеяхъ, которыя они впередъ предчувствовали, они и почерпаютъ свою силу. Въ этихъ случаяхъ, самая темнота художественнаго произведенія достигаетъ широты окружающаго насъ горизонта: такъ, небо надъ высокими горами кажется чернымъ потому именно, что оно проливаетъ прямо на насъ весь свѣтъ своихъ безконечныхъ пространствъ.

IV. Съ другой стороны, наука тоже не можетъ обойтись безъ генія. Есть что-то инстинктивное и безсознательное въ ходѣ разума каждый разъ, когда его предметъ не былъ опредѣленъ заранѣе; кромѣ того, наука, въ самой высшей части своей, живетъ, какъ и искусство, только безпрерывными открытіями. Одна и та же способность позволила Ньютону предсказать законы звѣздъ, а Шекспиру—психологическіе законы, управляющіе характерами Гамлета или Отелло. Ученый, какъ и поэтъ, долженъ безпрестанно ставить себя мысленно на мѣсто природы, чтобы узнать, какимъ образомъ она дѣйствуетъ, или, чтобы представить себѣ, какъ бы она могла дѣйствовать, если бы условія ея дѣйствія были измѣнены; искусство и ученаго, и художника состоитъ въ умѣньи помѣщать явленія и предметы природы въ новыя условія, на подобіе дѣйствующихъ лицъ, насколько это возможно, и, такимъ образомъ, обновлять природу, создавать ее во второй разъ. Гипотезы, это—родъ величественнаго романа, это—поэма ученаго. Кеплеръ, Паскаль, Ньютонъ обладали темпераментами поэтовъ, почти ясновидящихъ. Фарадей сравнивалъ свои интуиціи научныхъ истинъ съ «внутреннимъ освѣщеніемъ», съ чѣмъ-то въ родѣ экстаза, кото-

рый поднималъ его надъ самимъ собою. Однажды, послѣ долгихъ размышленій о силѣ и матеріи, онъ вдругъ замѣтилъ въ поэтическомъ видѣніи цѣлый міръ, «прорѣзанный линіями силъ», трепетаніе которыхъ производило теплоту и свѣтъ черезъ безконечныя пространства. Это инстинктивное видѣніе было первымъ зародышемъ его теоріи тожества силы и матеріи. Значитъ, передъ лицомъ неизвѣстнаго, наука поступаетъ во многихъ отношеніяхъ такъ же, какъ и поэзія, и проявляетъ тотъ же творческій инстинктъ. Чтобы двигать науку впередъ, необходима интуитивная способность ума, накопленная многими поколѣніями; необходимо то «внутреннее видѣніе» (insight), о которомъ говоритъ Карлейль, которое предчувствуетъ истину или прекрасное раньше совершеннаго знакомства съ ними. Инстинктъ генія, если его понимать въ этомъ смыслѣ, есть тотъ же разумъ, но въ самой глубокой его основѣ, оказывающейся и въ источникѣ самой науки.

V. По мнѣнію нѣкоторыхъ эстетиковъ, промышленность становится все больше и больше несовмѣстимой съ искусствомъ. Рёскинъ чувствовалъ настоящую ненависть къ желѣзнымъ дорогамъ; Теннисонъ отвѣчалъ ему, что искусство, какъ и природа, можетъ покрыть своими цвѣтами пути и откосы желѣзныхъ дорогъ.

Истинный же отвѣтъ долженъ состоять въ томъ, что желѣзныя дороги—необходимое зло, зависящее скорѣе отъ природы пространства, чѣмъ отъ недостатковъ промышленности: самая прекрасная статуя требуетъ еще и пьедестала, и можно любить картину Рафаэля въ самой прозаической рамѣ. Желѣзныя дороги на Монъ-Сени и Сенъ-Готарѣ искупаются тѣмъ, что Швейцарія и Италія стали почти сосѣдями и Парижа, и Лондона. Самъ Рёскинъ не могъ бы такъ хорошо знать Венецію, Римъ или Альпы, если бы не было желѣзныхъ дорогъ, которыя онъ клянетъ, пользуясь ими, и которыя являются однимъ изъ условій эстетическаго прогресса у людей. А въ концѣ-концовъ, что бы ни говорили, а локомотивъ, мчащійся по желѣзнымъ рельсамъ, которые онъ заставляетъ трепетать, этотъ локомотивъ, могучій, какъ человѣческая воля, смѣлый и легкій, какъ надежда,—чѣмъ онъ хуже нагруженной телѣги, которую, задыхаясь, тащитъ лошадь? Быть можетъ, наступитъ время, когда самыя средства передвиженія станутъ поэтическими, если задача управленія воздушными шарами будетъ разрѣшена, и человѣкъ получитъ возможность мѣнять мѣсто, какъ птица, носясь по воздуху.

То, что мы сказали о красотѣ локомотивовъ и воздушныхъ шаровъ, примѣнимо ко множеству другихъ произведеній промышленности. Сюлли Прюдомъ замѣтилъ, что «наши огнестрѣльныя ору-

дія, хотя они гораздо дѣйствительнѣе орудій древнихъ, на видъ не ужаснѣе ихъ». Онъ забываетъ, что жерло пушекъ увеличивается соотвѣтственно массѣ снаряда. Когда изъ-за укрѣпленій и кораблей вытягивается это зіяющее жерло, эта огромная шея чудовища, а сталь сверкаетъ какъ блескъ глазъ, подстерегающихъ добычу, тогда все это образуетъ извѣстную красоту современныхъ пушекъ, въ которую входитъ смутное чувство ужаса.

Такого же рода красота оказывается и въ другихъ современныхъ машинахъ, имѣющихъ болѣе мирный характеръ. Старинныя пожарныя машины, которыя накачивали руками, невозможно и сравнивать съ современными паровыми, бросающими въ пламя громадную струю воды. Простой молотъ кузнеца не имѣлъ величія парового молота, похожаго на движущуюся гору, которая поднимается сама собою, чтобы затѣмъ обрушиться на цѣлый пожаръ искръ и пламени. Короткія лапы старинныхъ механическихъ крановъ (журавлей) не могутъ идти въ сравненіе съ безмѣрными щупальцами современныхъ паровыхъ крановъ, поворачивающихся вокругъ себя и наклоняющихся для схватыванія въ самыхъ нѣдрахъ кораблей цѣлыхъ грудъ зерна или тяжелыхъ бочекъ съ желѣзными обручами. Нашъ телеграфъ (который, вѣроятно, спрячется современемъ подъ землей) портитъ иногда пейзажъ своими вытянувшимися столбами. Однако, въ лѣсахъ Энгандина телеграфныя проволоки, прикрѣпленныя даже къ пнямъ, между двумя горами, ничего не отнимаютъ отъ величія долины, надъ которой изгибаются въ дугу.

Наконецъ, пароходы наши, къ которымъ Сюлли-Прюдомъ относится такъ презрительно, не лишены своеобразной красоты и граціи. Когда мы замѣчаемъ одинъ изъ нихъ вдали, то сперва онъ является точкой на морѣ; но вотъ яснѣе различается полоска его дыма, наклоненіе которой указываетъ на его скорость и на его борьбу съ вѣтромъ; это маленькое облачко, поднимающееся надъ нимъ, болѣе воздушно, болѣе крылато, чѣмъ самый граціозный парусъ. Когда пароходъ приближается, его громадная величина становится очевидной; но онъ движется такъ легко, что почти не пугаетъ размѣрами. Вся вода кругомъ него кипитъ, взволнованная невидимымъ винтомъ; вотъ слышатся свистки, крики, завыванія и рычанія (напр., когда сигналы дѣлаются «сиреной»); они кажутся взрывомъ радости этого ужасающаго, но, тѣмъ не менѣе, кроткаго чудовища; мы видѣли, какъ онъ вздрагиваетъ, вздыхаетъ, пыхтитъ въ бѣлой пѣнѣ, охватывающей его черную массу. Чтобы найти символическое представленіе, лучше всего рисующее силу современныхъ народовъ, нужно взглянуть на ихъ военные

флоты, стоящіе линіей въ океанѣ,—на эту толпу гигантовъ, изъ которыхъ каждый скрываетъ въ себѣ тысячи различныхъ воль, подчиненныхъ одному правилу, сплавляющихся въ одно чудовищное тѣло, и проявляющихся только въ общемъ движеніи: каждый изъ этихъ кораблей напоминаетъ *Левіаѳана* Гоббса; это—олицетворившееся человѣческое общество, идущее по морю къ отдаленному господству. Очень понятно то нравственное вліяніе, какое оказываетъ появленіе военнаго флота на полу-примитивныхъ народовъ. Иногда два современныхъ флота встрѣчаются въ открытомъ морѣ и мирно привѣтствуютъ другъ друга: огромные корабли, несущіеся полнымъ ходомъ другъ къ другу, замедляютъ свои движенія, поворачиваются закругленной дугой и вдругъ заволакиваются дымомъ и огнемъ, весело обмѣниваясь своими ужасающими салютами. Здѣсь мы видимъ олицетвореніе, подъ странной формой, уже не только силъ природы, но объединенныхъ соціальныхъ силъ, дисциплинированныхъ, направленныхъ невидимой властью и готовыхъ раздѣлить между собою міръ или поспорить изъ-за него. Но вотъ наступаетъ ночь, и пароходъ, чтобы освѣтить себѣ путь, или очаровать взоры, смотрящіе на него, облекается по временамъ въ электрическій свѣтъ: тогда онъ весь превращается въ ослѣпительный блескъ, о которомъ могутъ дать понятіе лишь весьма немногіе предметы въ мірѣ, это—фантастическое видѣніе, что-то въ родѣ звѣзды, упавшей съ неба и плывущей на усыпанной искрами синевѣ моря, какъ на второмъ небосклонѣ, усѣянномъ звѣздами.

VI. Древняя скульптура сама жила наукой: античные художники были въ техникѣ своего искусства болѣе учеными, чѣмъ наши современные художники. Въ эпоху Возрожденія, Леонардо да-Винчи и Микель-Анджело были могучими геніями науки. Современная наука не только не собирается убить скульптуру, но, наоборотъ, она будетъ способна современемъ вернуть ей юность: что можетъ быть драгоцѣннѣе для искусства тѣхъ изслѣдованій, которыя начаты такими учеными, какъ Дарвинъ, о выраженіи эмоцій. Нервная система и ея отношенія съ мышечной системой еще и теперь открываютъ намъ неизвѣстныя области. «Скульптору непозволительно,—говоритъ Рёскинъ, имѣть пробѣлы какъ въ знаніи, такъ и въ изображеніи анатомическихъ деталей. Но только то, что для анатома составляетъ *цѣль*, для скульптора является *средствомъ*... *Деталь* для него не представляетъ предмета простой любознательности или объекта изслѣдованія, она для него—послѣдній элементъ *выраженія* и *граціи*». Пластика и наука не исключаютъ другъ друга. Венера Милосская или Праксителев-

скій Гермесъ не утратятъ своей славы; но кто знаетъ, не сдѣлается ли скульторъ способнымъ облечь въ камень такія идеи и поэтическія чувства, которыхъ греки, не смотря на все достигнутое ими пластическое совершенство, не могли бы дать и даже понять? Вѣдь, Пракситель не воображалъ «Ночи» или «Авроры» Микель-Анджело, а Микель-Анджело, этотъ поэтъ камня и мыслитель, не могъ бы исполнить того или другого произведенія Праксителя.

Живопись имѣетъ еще болѣе шансовъ на продолженіе и даже прогрессъ. Цвѣта—явленіе вѣчное. Никакой Ньютонъ, объясняя воздушную кривую линію радуги, не можетъ разбить ее или заставить исчезнуть. Наоборотъ, ощущенія цвѣтовъ усиливаются съ древнихъ временъ. Извѣстно, что у грековъ не было точныхъ словъ для обозначенія многихъ оттѣнковъ. Человѣчество становится болѣе и болѣе воспріимчивымъ къ языку нюансовъ и ко всевозможной игрѣ свѣта; вотъ путь, открытый для искусства.

Точно также неистощимъ и языкъ звуковъ. Полагать вмѣстѣ съ Ренаномъ, что музыка, которая существуетъ всего два-три столѣтія, скоро окажется дѣломъ законченнымъ, это почти то же, что утверждать, будто бы живопись кончилась и «завершена» произведеніями Апеллеса и Протогена. Въ 20-хъ годахъ полагали также, что и поэзія изсякла. Мелодическая идея всегда соотвѣтствуетъ извѣстному моральному и умственному состоянію человѣка, которое мѣняется съ вѣками; значитъ, оно и будетъ измѣняться и можетъ совершить новый прогрессъ вмѣстѣ съ самимъ человѣкомъ. Нѣкоторые музыканты, напр., Шопенъ, Шуманъ, Берліозъ, выразили чувства, свойственныя нашей эпохѣ и соотвѣтствующія тому состоянію нервной системы, о которомъ Гендель, Бахъ и Гайднъ едва ли могли бы даже составить себѣ ясное представленіе. Музыка, какъ показалъ Спенсеръ, есть развитіе тѣхъ оттѣнковъ, которые принимаетъ голосъ подъ вліяніемъ страсти; однако, эти измѣненія тона, эти модуляціи человѣческаго голоса могутъ становиться все утонченнѣе, по мѣрѣ того, какъ усиливается утонченность нервной системы. Сравните разговоръ женщины изъ народа съ разговоромъ свѣтской особы, и вы замѣтите, насколько тоньше и сложнѣе модуляціи голоса второй. Музыкальная мелодія, слѣдуя измѣненіямъ человѣческаго акцента, можетъ нюансировать все больше и больше, какъ и сами чувствованія сердца. Что же касается опасенія, будто бы сочетанія нотъ въ музыкѣ могутъ истощиться, то оно почти не имѣетъ серьезныхъ основаній, если мы вспомнимъ о математическихъ законахъ сочетаній; благодаря ритму и движенію, мелодія можетъ измѣняться безпрерывно; съ

другой стороны, и гармонія еще имѣетъ безчисленные источники. Англійскій критикъ, лордъ Маунтъ Эдгамбъ упрекалъ когда-то Россини за его «morceaux d'ensemble» въ нѣкоторыхъ частяхъ, за хоры, дуэты, замѣнившія длинныя соло добраго стараго времени; онъ упрекалъ его и за введеніе въ оперу ролей съ басовыми партіями, за многочисленность его мелодическихъ темъ, тогда какъ прежде довольствовались одной темой, сопровождаемой варіаціями. Наконецъ, въ глазахъ этого художественнаго критика, пользовавшагося въ свое время полнѣйшимъ авторитетомъ, музыка Россини была чрезвычайно сложна и «не вразумительна» (inintelligible). Однако, мы знаемъ, какой легкой для пониманія кажется намъ она теперь, какъ она для насъ несложна сравнительно и въ своей гармоніи, и въ своемъ ритмѣ! Съ тѣхъ поръ мы уже не въ состояніи удовлетворяться простой мелодіей, сопровождаемой простымъ аккомпаниментомъ; быть можетъ, черезъ нѣсколько столѣтій намъ будетъ необходима цѣлая сѣть мелодій, какъ случается и теперь въ симфоніяхъ Бетховена и въ прекрасныхъ страницахъ Рихарда Вагнера. Какъ бы тамъ ни было, музыка находится скорѣе на пути эволюціи, чѣмъ диссолюціи.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Общество, государство, культура Запада въ XVI вѣкѣ.

Проф. **Р. Виппера.**

*(Продолженіе *).*

II.

Политическія условія въ Западной Европѣ къ 1500 г.

Западно-европейскія государства около 1430 г.; ихъ составъ, характеръ управленія.—Измѣненія, происшедшія въ теченіе XV в.: 1) вліяніе войнъ и смутъ; административно-судебное упорядоченіе; 2) вліяніе промышленнаго фактора.—Программа общегосударственной промышленной политики въ Англіи.—Представители капитализма въ управленіи во Франціи. — Начало меркантильной политики.—Развитіе дипломатическихъ сношеній съ конца XV в. и главные ихъ мотивы.—Система европейскихъ государствъ къ началу XVI в.: равновѣсіе, «естественныя границы», имперіализмъ.—Какъ отражается это расширеніе правительственной дѣятельности на внутреннихъ политическихъ отношеніяхъ. — Монархія и земскіе чины. — Политическое сознаніе въ переходную эпоху.

Если мы взглянемъ на политическую карту Западной Европы, приблизительно, около 1430 г., то увидимъ несравненно бо́льшую пестроту границъ, чѣмъ 100 лѣтъ спустя. Позднѣйшей Испаніи нѣтъ: на Пиринейскомъ полуостровѣ пять самостоятельныхъ государствъ. Треть Франціи въ рукахъ англійскаго короля (до этого въ теченіе $2^1/_2$ вѣковъ ему принадлежала другая треть); 4 крупныя ея позднѣйшія области, Бретань, Фландрія, Бургундія, Провансъ, совершенно самостоятельны и номинально лишь причисляются къ ней. Объ Италіи и Германіи нечего и говорить. Единственное національное государство того времени — Англія. Остальныя государства или заключаютъ часть національности, такова Франція, таково ядро будущей Испаніи, Кастилія, или состоятъ изъ владѣній разноплеменныхъ и разноязычныхъ, нерѣдко разбросанныхъ, какъ, напр., владѣнія арагонской короны, бургундскія, позднѣе габсбургскія. Такимъ образомъ, главнаго признака типичнаго современнаго государства нѣтъ еще. Національная жизнь въ эту эпоху, ко-

*) См. «Міръ Божій», № 3, мартъ.

нечно, существуетъ; но первыя проявленія національной культуры и политики въ Западной Европѣ выражаются не въ стремленіи замкнуться и централизоваться, они не совпадаютъ съ непосредственными задачами и ходомъ государственнаго развитія. Напротивъ, первое движеніе національныхъ силъ экстенсивное; въ началѣ онѣ довольно безпорядочно и широко разбрасываются. Франція, передовая страна въ XII и XIII вв., высылаетъ своихъ сыновъ въ Сирію, Византію и Египетъ, въ Англію, Италію и Пиринейскій полуостровъ; нѣмцы колонизуютъ балтійское побережье, Прикарпатье и дунайскую долину, англичане въ XIV и XV вв. надвигаются на Францію.

Еще въ другомъ отношеніи государство того времени не дастъ намъ впечатлѣнія цѣлостности, единства составляющихъ его элементовъ. Оно лишено постоянной защиты, не располагаетъ войскомъ, не ведетъ правильныхъ дипломатическихъ сношеній; оно не имѣетъ бюджета: обычныхъ государственныхъ расходовъ нѣтъ, а чрезвычайные, т. е. военные, покрываются особыми сборами съ населенія, которые выговариваются въ результатѣ особаго соглашенія между королемъ и чинами, общеземскими или провинціальными; король содержитъ своихъ чиновниковъ, если они не посажены на какую-нибудь доходную статью, свою свиту и наемниковъ въ обычное время на счетъ своей вотчины. Центральные народы въ областяхъ немногочисленны, и правильнаго контроля нѣтъ. Сфера государственнаго законодательства ограничена, потому что сильна мѣстная корпораціонная жизнь, руководимая обычаемъ, внутренней дисциплиной и своимъ спеціальнымъ закономъ.

Вообще, живыми единицами являются профессіональныя и сословныя группы и области съ ихъ своеобразнымъ правомъ, своимъ представительствомъ, выборной администраціей, самостоятельнымъ судомъ и финансами. Вслѣдствіе этого въ самихъ центральныхъ органахъ сказывается федеративный характеръ государства, соединеніе разнородныхъ элементовъ по типу союза на договорномъ началѣ. Когда собираются общеземскіе чины, напр., во Франціи, то въ нихъ представлена не страна, не совокупность населенія, а конститутивныя части, господствующія группы или единицы въ государственномъ союзѣ, крупные сеньоры, прелаты и монастыри, области, коммуны, корпораціи и учрежденія. Даже въ Англіи, государствѣ, наиболѣе объединенномъ, эта основа чувствуется въ устройствѣ верхней палаты, служащей непосредственнымъ представительствомъ магнатовъ, лично приглашаемыхъ королемъ въ силу ихъ общественнаго, церковнаго или правительственнаго положенія. Король — вождь этихъ группъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, круп-

*

нѣйшій представитель въ ихъ средѣ, крупнѣйшая конститутивная сила въ своеобразномъ мірѣ, который пока только суммируетъ результаты дробнаго мѣстнаго и корпоративнаго развитія. Какъ далека королевская власть этой эпохи отъ своихъ позднѣйшихъ національно-централизаторскихъ стремленій, видно, напр., на семейной политикѣ французскихъ королей, направленной къ увеличенію вотчины и надѣленію изъ нея удѣловъ, апанажей, всѣмъ родственникамъ. Въ данномъ случаѣ чины оказывались часто болѣе ревнивыми защитниками единства и недѣлимости разъ сплоченной территоріи, чѣмъ правители, особенно въ тѣхъ странахъ, гдѣ не выработалось строгаго единонаслѣдія.

Политическое единеніе областей и сословій представляетъ собой такимъ образомъ не постоянный, не прерывающійся фактъ, а скорѣе какъ бы чрезвычайную форму общенія, особое совокупное усиліе главныхъ общественныхъ элементовъ. Король не можетъ постоянно имѣть при себѣ весь свой совѣтъ; чины не могутъ непрерывно засѣдать: это—органъ тяжелый на подъемъ, который собирается на ограниченное время для опредѣленнаго дѣла съ опредѣленными полномочіями отъ избирателей.

Въ XIV в. этотъ строй представляетъ собой выработавшуюся норму. Внутренняя политическая исторія этой эпохи вовсе не сводится къ столкновеніямъ; она знаетъ мирную согласную работу государя, его совѣта и суда, а съ другой стороны, земскаго представительства. Чины не кажутся только непріятнымъ ограниченіемъ для государя: при ихъ содѣйствіи слагается государственный авторитетъ, ихъ собранія служатъ связующею нитью для разнородныхъ частей, они приносятъ поддержку отдѣльныхъ территорій; безъ ихъ тетрадей и жалобъ были бы немыслимы ордонансы, законодательное движеніе.

Въ XV в. выдвигаются новыя политическія задачи, которыя вызываютъ измѣненія во внутренней жизни государствъ и въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Эти измѣненія получаютъ, впрочемъ, законченный видъ лишь въ государствахъ крайняго запада Европы. Прежде всего замѣчается потребность *административно-судебнаго упорядоченія*, усилившаяся въ большей части европейскихъ странъ вслѣдствіе ряда междоусобій и войнъ со всѣми ихъ тяжелыми послѣдствіями для того времени. Это—эпоха наемныхъ отрядовъ на службѣ короля или магнатовъ, военныхъ бандъ, которыя по окончаніи войны съ врагомъ, ведутъ другую съ мѣстными жителями, обращаются въ «живодеровъ» (écorcheurs въ 30-хъ годахъ XV в. во Франціи) и разбойниковъ. Чтобы отъ нихъ отдѣлаться, ихъ стараются сбыть сосѣдямъ или затѣваютъ новую войну, ради

одной необходимости занять опасную военную силу. Францiя страдаетъ въ 1415 г. отъ вторженiй англичанъ, а потомъ, по мѣрѣ изгнанiя враговъ, со времени организацiи страшной сбродной армiи графа Арманьяка—отъ ея насилiй. Два раза, чтобы «выпустить изъ королевства дурную кровь», переправляютъ это крупнѣйшее въ Европѣ того времени 40-тысячное войско въ Германiю, гдѣ арманьяки безпрепятственно грабятъ; во второй разъ во главѣ ихъ становится даже дофинъ, чтобы отвлечь ихъ отъ Францiи вмѣшательствомъ въ борьбу нѣмецкихъ рыцарей и швейцарскихъ мужиковъ. Нѣсколько позднѣе Англiя въ эпоху войны Розъ испытываетъ сходныя бѣдствiя: здѣсь незанятые военные элементы образуютъ большiя свиты магнатовъ, превращаются въ ихъ ливрейныхъ людей. То же самое въ Германiи во время и послѣ гусситскихъ войнъ, и въ Кастилiи въ теченiе всей первой половины XV в., вслѣдствiе борьбы дворянскихъ партiй и городовъ. Въ результатѣ вездѣ получается ослабленiе государственнаго единства, произволъ и независимость плохо контролируемыхъ представителей администрацiи, возвращенiе сепаратизма, своеволiе крупныхъ сеньоровъ, обособленiе городовъ.

Общее недовольство въ виду неустойчивости, упадка правового обезпеченiя, полицейской охраны указывало весьма опредѣленную задачу реформы: центральная власть, у которой ищутъ защиты, должна положить предѣлъ всякимъ частнымъ организацiямъ, которыя способны поднимать и питать смуту, давить населенiе и взаимно сталкиваться въ своихъ притязанiяхъ на мѣстную власть. Въ этой работѣ она естественно монополизируетъ въ свою пользу цѣлый рядъ функцiй и правъ, принадлежавшихъ влiятельнымъ группамъ и лицамъ. Это составило какъ бы второй крупный шагъ къ полнотѣ государственной власти послѣ великой эпохи судебныхъ реформъ и установленiя единаго судебнаго верховенства при Генрихѣ II Плантагенетѣ и Людовикѣ Святомъ. Важнѣе всего на этомъ пути было уничтоженiе во Францiи права сеньёровъ собирать въ свою пользу прямой налогъ на военныя нужды, талiю (taille), взамѣнъ чего была введена единая королевская талiя, и запрещенiе въ Англiи магнатамъ держать свиты, ливрейныхъ людей: послѣдняя мѣра въ рѣзкой формѣ была проведена съ водворенiемъ Тюдоровъ, и въ связи съ нею королю передана была монополiя на новый видъ оружiя, артиллерiю. Съ тою же цѣлью въ Кастилiи отстранили крупныхъ сеньёровъ отъ руководящихъ должностей въ большихъ военныхъ орденахъ, и на мѣсто ихъ сталъ король во главѣ массы зависимыхъ людей и надъ огромными богатствами. «Католическiе» государи запретили

также сеньерамъ употреблять въ актахъ формулу «таково мое желаніе», потому что она заключала въ себѣ указаніе на верховныя права. Къ этому же разряду принадлежитъ и мѣра Людовика XI относительно почты,—мѣра, которую напрасно изображали въ видѣ общаго устройства королемъ почтоваго движенія. Курьеры для передачи корреспонденціи, большею частью, на службѣ частныхъ лицъ, существовали задолго до него, и король своимъ регламентомъ лишь связалъ ихъ движеніе въ интересахъ государства или, лучше сказать, государя. Подъ страхомъ уголовной отвѣтственности было запрещено содержателямъ почтовыхъ станцій давать лошадей кому бы то ни было безъ спеціальнаго позволенія короля или главнаго начальника своего; на границѣ чиновникъ отбираетъ и прочитываетъ корреспонденцію и пропускаетъ лишь то, въ чемъ онъ не усмотрѣлъ ничего предосудительнаго для интересовъ короля; курьеръ, переходящій границу не по большой дорогѣ и не у пограничной конторы, подвергается аресту, «конфискаціи тѣла и имущества». Лишь для дружественныхъ государей установлено исключеніе: они могутъ свободно посылать гонцовъ согласно ордонансамъ; но принцы королевскаго дома подчинены общему правилу. Въ связи съ этимъ сеньёры лишаются и права свободнаго обмѣна дипломатическими посольствами съ иностранными правителями; еще въ началѣ XV в. право это принадлежало, въ сущности, всѣмъ и каждому. Людовикъ XI заявляетъ, что договоръ подъ печатью, подписанный бретонскимъ герцогомъ и переданный бургундскому, не имѣетъ обязательной силы для перваго, такъ какъ герцогъ не можетъ сноситься съ тѣмъ, «кто объявилъ себя противъ короля, королевства и французской короны». Фактически и право посольства становится монополіей короля.

Отъ центральной власти требовали болѣе энергичной, глубже проникающей организаціи суда и расправы. Это требованіе было удовлетворено, можетъ быть, всего сильнѣе и элементарнѣе въ Кастиліи: здѣсь въ формѣ св. Германдады, сводной общегородской охранной дружины и ея трибуналовъ, непосредственно настигавшихъ грабителей и мятежниковъ, въ сущности былъ организованъ общенародный судъ Линча надъ остатками и наслѣдіемъ смутной эпохи. По совершеніи террористической экзекуціи надъ анархіей, этотъ чрезвычайный общественный судъ и полиція сошли со сцены. Во Франціи XV в. эпоха учрежденія нѣсколькихъ провинціальныхъ парламентовъ, обстоятельной выработки формъ судопроизводства, приступа къ записи мѣстнаго обычнаго права, кутюмовъ. Людовикъ XI, если вѣрить Комнину, занятъ мыслью о

проведеніи по всей Франціи единаго права. Важность судебнаго упорядоченія для этого времени чувствуется въ настоятельныхъ и краснорѣчивыхъ заявленіяхъ депутатовъ на штатахъ въ Турѣ, въ 1484 году. Общій наказъ (cahier général) требуетъ повсемѣстнаго введенія правильныхъ ежегодныхъ grands jours, т. е. чрезвычайныхъ передвижныхъ сессій высшаго парламентскаго суда въ областяхъ для рѣшеній по апелляціямъ и для очищенія провинцій отъ безпокойныхъ элементовъ. Правительство идетъ на встрѣчу этимъ желаніямъ: его мѣры имѣютъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, цѣлью положить предѣлъ злоупотребленіямъ и превышеніямъ власти (abuse et entreprises, выражается очень характерно ордонансъ) со стороны собственныхъ чиновниковъ, подчинить ихъ болѣе строгой дисциплинѣ. Это усиленіе центральнаго контроля, апелляціонныхъ инстанцій—повторяющееся въ Испаніи при Фердинандѣ, въ Нидерландскихъ владѣніяхъ бургундскихъ герцоговъ, которые руководились французскимъ образцомъ, это облеченіе центральной власти болѣе широкими полномочіями неизбѣжно и, вмѣстѣ съ тѣмъ, незамѣтно вело къ развитію особаго королевскаго права къ выдѣленію непосредственныхъ орудій монархической власти надъ дѣйствіемъ обыкновеннаго права и обычныхъ судовъ. Тѣ же штаты 1484 г. предложили утвердить судебныя функціи Большого Совѣта короля и дали цѣлый планъ его организаціи въ качествѣ высшаго административнаго трибунала. Ордонансъ, изданный вскорѣ послѣ того, заявлялъ уже, что Большой Совѣтъ всегда былъ выше парламентовъ, и что послѣдніе учреждены лишь въ помощь ему; судебную компетенцію Совѣта съ разсчетомъ оставляли неопредѣленной, такъ какъ власть желала гарантировать себѣ возможно большій просторъ.

Всего характернѣе—аналогичныя явленія въ Англіи именно потому, что въ этой странѣ, рано сплоченной политически, выработалось твердое сознаніе общаго права въ связи съ дѣятельностью опредѣленныхъ учрежденій на основѣ общественнаго участія. Монархія Тюдоровъ, утверждаясь послѣ междоусобія Розъ, старается возстановить законную охрану для всѣхъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, нарушаетъ дѣйствіе старыхъ учрежденій. Во время смуты администрація и судъ фактически перешли въ руки магнатовъ, державшихъ округу при помощи своихъ свитъ: списки присяжныхъ составлялись по ихъ усмотрѣнію, и они опредѣляли такимъ образомъ приговоры. Съ цѣлью преслѣдовать всякія попытки возмущенія, принудить магнатовъ къ распущенію свитъ и высвободить отъ ихъ давленія мѣстную администрацію, король установилъ знаменитый впослѣдствіи судъ звѣздной палаты. Составляя

первоначально судебное отдѣленіе королевскаго совѣта, какъ во Франціи, палата эта выдѣлилась теперь съ болѣе широкими полномочіями и получила политическій характеръ: подъ растяжимымъ понятіемъ преслѣдованія измѣны, судъ этотъ дѣлается рѣзкимъ карательнымъ орудіемъ короля противъ всѣхъ враговъ его власти. Въ одной особенности реформа Тюдора также сходится съ французской и судъ звѣздной палаты преслѣдовалъ сомнительныхъ по вѣрности или неисполнительныхъ представителей администраціи; въ частности онъ провѣрялъ составленные шерифомъ списки присяжныхъ. Близка по тенденціи и практически крайне важна была другая мѣра Генриха VII, утвержденная «послушнымъ» парламентомъ 1495 г. Въ виду постоянныхъ, въ смутную эпоху, подкуповъ большого жюри, т. е. присяжныхъ обвинителей, и бездѣйствія юстиціи вслѣдствіе этого, судьямъ было предоставлено право возбуждать преслѣдованіе на основаніи информаціи, т. е. доноса любого частнаго лица, причемъ принявшій жалобу разбиралъ дѣло у себя и постановлялъ рѣшеніе; такъ былъ сдѣланъ важный шагъ къ устраненію присяжныхъ вообще отъ производства слѣдствія и суда. Новые порядки сказались тотчасъ же въ рядѣ злоупотребленій, въ свою очередь характерныхъ для развитія «королевскаго права». Современникъ перваго Тюдора разсказываетъ, что король устроилъ цѣлую систему вымогательствъ у богатыхъ людей подъ предлогомъ разныхъ правонарушеній, которыя всегда можно было пріискать; съ этою цѣлью были поставлены двое преданныхъ королю фискальныхъ людей, Эмпсонъ и Додлей, набравшіе цѣлый отрядъ обвинителей. Нерѣдко обвиненіе падало на человѣка, ничего не подозрѣвавшаго; если такое лицо не являлось на призывъ суда, часто потому только, что по отдаленности мѣста жительства не получало извѣщенія, оно ставилось внѣ закона, и имущество забиралъ король.

Какъ бы то ни было, но реформы судебно-административныя во второй половинѣ XV в., служа сами могущественнымъ выраженіемъ объединительныхъ стремленій въ средѣ большихъ народныхъ группъ, въ свою очередь, поднимали сознаніе единства. Съ поразительной силой выражается, напр., это сознаніе въ собраніи Турскихъ штатовъ 1484 г. во Франціи. Депутаты, въ первый разъ созванные со всѣхъ областей помимо королевской вотчины, выработали одну общую тетрадь изъ наказовъ отдѣльныхъ сословій, распредѣлились не по сословнымъ палатамъ, а по большимъ мѣстнымъ округамъ, соединившимъ нѣсколько провинцій, выражали требованіе общей торговой политики для всего государства (въ chapitre de marchandise, впервые появившемся въ общей те-

Тради). На почвѣ, главнымъ образомъ, судебной централизаціи создано было бургундскимъ домомъ единство Нидерландскаго государства, просуществовавшаго, приблизительно, 150 лѣтъ до распаденія его на Голландію и Бельгію въ концѣ XVI в. На этой же почвѣ пытались скрѣпить раздробившуюся имперію сторонники германскаго объединенія въ концѣ XV в.

На ряду съ этимъ факторомъ національно-политическаго сплоченія дѣйствуетъ другой, лежащій не менѣе глубоко, съ возрастающимъ вліяніемъ, именно *требованія промышленной жизни*, о которыхъ уже было упомянуто. Крайне любопытно наблюдать, какъ поднимающіеся классы формулируютъ свои общія желанія и на основѣ ихъ рекомендуютъ правительству извѣстную политику, или, какъ они, вводя своихъ представителей въ составъ правительственныхъ органовъ, сами вносятъ въ политику новыя задачи и пріемы. Въ Англіи, въ промышленной средѣ, существуетъ очень опредѣленная экономическая программа, которая и предлагается вниманію правительства и общества. Около половины XV в. появился въ стихотворной формѣ популярный трактатъ подъ заглавіемъ «Книжка объ англійской политикѣ», написанный съ цѣлью просвѣтить народную массу относительно истинныхъ промышленныхъ интересовъ страны. Авторъ рисуетъ яркими чертами торговыя сношенія Англіи съ другими державами и приходитъ къ тому основному положенію, что единственный интересъ Англіи въ ея иностранныхъ сношеніяхъ состоитъ въ охранѣ торговли. Исходя изъ этого, онъ утверждаетъ, что, пока Англія будетъ держать въ своихъ рукахъ узкій проливъ между Дувромъ и Калэ, она можетъ господствовать надъ всемірной торговлей. Вся торговля съ сѣвера на югъ и обратно проходитъ черезъ узкія ворота, охраняемыя англійскими стражами по ту и другую сторону. «Поэтому до тѣхъ поръ, пока неумолимая судьба будетъ загонять народы въ свои сѣти, Англія, скрытая позади своего крѣпостного вала, образуемаго бурнымъ проливомъ, можетъ быть покойна, если только не перестанетъ заботиться о своихъ корабляхъ и держать ихъ на готовѣ, чтобы хватать добычу и отбрасывать враговъ, которые бы вздумали заглянуть черезъ валъ». Въ нѣсколько наивныхъ и откровенныхъ формахъ здѣсь выраженъ уже основной принципъ позднѣйшей политики Англіи—идея не вмѣшательства въ материковыя дѣла и господства на моряхъ.

Лѣтъ черезъ тридцать появилась другая подобная книжка, авторъ которой исходилъ отъ тѣхъ же общихъ идей, рисовалъ тѣ же оптимистическія перспективы, но останавливался преимущественно на вопросѣ внутренней промышленной организаціи и

политики. Англія представляется ему всемірнымъ поставщикомъ: чужестранные купцы поневолѣ должны обращаться къ ней за предметами первой необходимости, шерстью и сукномъ; отсюда авторъ выводитъ, что самъ Богъ восхотѣлъ, чтобы, по удовлетвореніи собственныхъ потребностей, англичане пользовались господствомъ и правили надъ всѣми христіанскими королями и подчиняли своей волѣ всѣхъ плательщиковъ; болѣе всѣхъ народовъ они обязаны славить Бога. Разъ признавъ эти неоцѣнимыя блага, англичане поймутъ свою прямую обязанность продавать свои товары возможно дороже, ограничить вывозъ шерсти въ той мѣрѣ, чтобы простой народъ имѣлъ достаточный матеріалъ для работы. Вывозить надо, во всякомъ случаѣ, худшую шерсть, выдѣлка которой можетъ принести лишь одну пятую той выгоды, что даетъ обработка лучшей; «оселъ тотъ, кто будетъ надъ ней трудиться», говорится цинично въ книгѣ. Принимая популярную позу, авторъ требуетъ охраны рабочаго человѣка въ его трудѣ, чтобы бѣдность его обратилась въ богатство, и выставляетъ теорію, въ силу которой благо и богатство всей страны возрастаетъ трудами простого народа. «Дѣло короля,—прибавляетъ онъ,—принять во вниманіе, какія богатства Богъ даровалъ его государству и какъ сообразно ихъ природѣ и свойствамъ народъ можетъ быть устроенъ и распредѣленъ въ работѣ».

Изъ приведенныхъ произведеній видно, что въ индустріальной и торговой средѣ Англіи сложился очень опредѣленный кругъ идей и намѣчалась ясная программа внѣшней политики. Промышленные городскіе слои Англіи отнеслись, напр., совершенно равнодушно къ потерѣ Бордо въ 1445 г. и переходу отдаленнаго владѣнія въ руки побѣдоносныхъ французовъ. Теперь и позднѣе, въ эпоху войнъ Генриха VIII они были противъ пріобрѣтеній на материкѣ. Торжество на морѣ, т. е. расширеніе торговли и смѣлыя предпріятія пиратовъ—вотъ что они привѣтствовали; отъ правительства они ждали дипломатическихъ актовъ, заключенія выгодныхъ трактатовъ. Задачи національно-промышленной политики Тюдоровъ одинаково, какъ и мечты Томаса Мора въ «Утопіи» о счастливомъ островѣ, наслаждающемся миромъ и богатствомъ среди раздирательной борьбы сосѣдей—лишь выраженіе того, надъ чѣмъ думали люди новыхъ общественныхъ слоевъ въ XV в.; съ теченіемъ времени они продвигаются и въ администрацію. Томасъ Кромвель, всесильный министръ Генриха VIII, былъ въ молодости купцомъ, потомъ занимался денежными операціями. Купцы играли нерѣдко роль дипломатическихъ агентовъ и заключали трактаты, управляли таможенными сборами и т. д.

Во Франціи представители промышленнаго класса ранѣе сѣли у власти и ранѣе начали проводить свою политику, но менѣе крѣпко удержались. Появленіе торговыхъ капиталистовъ въ администраціи было уже упомянуто: ихъ время наступило съ конца 30-хъ гг. XV в., когда, по настоянію буржуазныхъ слоевъ, были проведены важные ордонансы, организовавшіе военную и финансовую систему, и съ тѣхъ поръ господство финансовой буржуазіи продолжалось ³/₄ столѣтія. Лишь при участіи ея могла дѣйствовать новая система налоговъ. Рядомъ со старою должностью trésoriers, которые завѣдывали «обыкновенными», т. е. вотчинными королевскими доходами, теперь появляются управители «чрезвычайныхъ», большею частью новыхъ сборовъ (taille aides, gabelle), généraux de finances, распредѣленные по большимъ областямъ. Четыре trésoriers и 4 généraux составляютъ новый органъ, conseil de finance, который вырабатываетъ каждый годъ бюджетъ, état général, распредѣляя суммы между 8 мѣстными смѣтами, états particuliers. Этотъ совѣтъ, въ сущности, банкирская олигархія, дѣлается всесильнымъ административнымъ органомъ, оставляя въ тѣни королевскій совѣтъ. Финансовый совѣтъ и его члены не принимаютъ и не расходуютъ денегъ; отъ нихъ зависитъ соизволеніе на тѣ или другіе штаты и контроль пріема и расходованія суммъ, которые производятся мѣстными receveurs. Но такъ какъ ни одна издержка не можетъ быть сдѣлана безъ одобренія финансоваго совѣта или соотвѣтствующаго général или trésorier, то естественно, что у нихъ заискиваютъ всѣ, парламенты, города, сеньёры: имъ даютъ обѣды, подносятъ подарки и т. п. Король не дѣлаетъ шага безъ нихъ; его близкіе должны справляться съ ихъ желаніями. Они сильны своимъ перекрестнымъ административно-буржуазнымъ родствомъ и всюду проводятъ своихъ непотовъ въ должности. По отзыву современника, де-Бонъ-Самблансэ, général de finances 1492—1523, почитался какъ король во Франціи, и все, что́ онъ дѣлалъ или говорилъ, не встрѣчало ни въ комъ противорѣчія, ни даже въ королѣ. Негоціанты и банкиры внесли въ администрацію выработанный ими въ промышленной сферѣ духъ системы, сбереженій, экономіи, постоянно сдерживая широкіе порывы и траты придворныхъ, сеньёровъ, окружавшихъ короля. Несомнѣнно, что они принесли съ собой и характерныя злоупотребленія, облегчаемыя отсутствіемъ строгой отчетности: люди, которые по словесному приказу короля получали въ распоряженіе огромныя суммы, берутъ себѣ, напр., въ операціяхъ съ итальянскими банкирами превосходящій всякую мѣру коммиссіонный процентъ. Во внѣшней политикѣ они дали также опредѣленное направленіе: типичный

король въ ихъ духѣ, Людовикъ XI, усвоиваетъ систему выжиданія, опирается на дипломатическія связи, подвигается путемъ частичныхъ соглашеній, пользуется противъ враговъ своихъ, Карла Смѣлаго и Эдуарда IV англійскаго, военной диверсіей союзниковъ. При его преемникахъ, Карлѣ VIII и Людовикѣ XII, старые сотрудники Людовика XI противятся открывающейся политикѣ приключеній, далекимъ и рискованнымъ предпріятіямъ, къ которымъ, напротивъ, тянетъ дворянство; въ противоположность планамъ завоеванія Италіи и мечтамъ о новомъ крестовомъ походѣ на турокъ, они указываютъ на цѣль, болѣе близкую и осуществимую— на задачу отвоеванія Нидерландовъ ради округленія французской границы на Сѣверо-востокѣ и пріобрѣтенія важной промышленной области съ общеевропейскими торговыми центрами.

Представлялись ли задачи промышленной политики вполнѣ точными и простыми и могла ли территоріальная власть взять на себя при наличныхъ средствахъ веденіе ея? Помимо общаго экономическаго антагонизма города и деревни, городовъ и областей между собою, намѣчались противорѣчія и столкновенія въ средѣ тѣхъ группъ, которыя были выдвинуты промышленнымъ переворотомъ. Производитель шерсти въ Англіи не во всемъ могъ столковаться со сбытчикомъ ея. Могущественныя торговыя компаніи соперничали и подрывали другъ друга, какъ, напр., въ той-же Англіи staplers, сбывавшіе, главнымъ образомъ, сырой товаръ въ складъ въ Калэ, и adventurers, прокладывавшіе новые коммерческіе пути обработаннымъ продуктамъ. Наконецъ, интересы мѣстнаго потребителя вообще сталкивались съ торговыми выгодами широкаго иностраннаго сбыта. Разрозненныя часто попытки заводить отдаленныя торговыя связи, двинуть мѣстное производство страдали отъ недостатка внѣшней охраны, поощренія. Изъ стремленій центральной власти найти въ этихъ различныхъ запросахъ и потребностяхъ нѣкоторое примиреніе, сосредоточить и укрѣпить промышленныя усилія населенія и выростаетъ *національно-экономическая* или *территоріально-экономическая* политика, въ основѣ которой хозяйство всей страны мыслится какъ одно цѣлое. Самыми видными представителями этой работы въ концѣ XV в. были «три волхва эпохи», по выраженію Бэкона: Людовикъ XI, Генрихъ VII и Фэрдинандъ Католическій (или его жена и соправительница Изабелла, которую въ экономической политикѣ обыкновенно ставятъ выше). Можно остановиться на политикѣ французскаго короля въ виду ея типичности.

Людовикъ XI неотступно занятъ планами и мѣрами къ поднятію торговли и индустріи: они слагаются у него въ настоящую

покровительственную систему, и онъ любитъ теоретизировать по этому поводу: «торговля—дѣло капитальное для блага и пользы общаго дѣла, для поддержанія жизни подданныхъ», говорится въ ордонансахъ. Людовикъ вычисляетъ, что покупка шелковыхъ матерій на иностранныхъ рынкахъ обходится для Франціи потерею въ 4 или 5 тысячъ золотыхъ экю; онъ основываетъ на этомъ дальше разсчетъ заработка, который, при условіи устройства національной шелковой мануфактуры въ Ліонѣ, получатъ «около 10.000 человѣкъ мужчинъ и женщинъ всѣхъ состояній, а между прочимъ клириковъ и дворянъ, нынѣ праздныхъ». Согласно этимъ взглядамъ Людовикъ навязываетъ недовѣрчивой буржуазіи Ліона устройство шелковыхъ мастерскихъ, требуя съ нихъ большихъ взносовъ на приглашеніе искусныхъ иностранныхъ мастеровъ и рабочихъ. Упорство ліонскихъ гражданъ побѣждается только угрозой короля отдать едва установленныя въ Ліонѣ ярмарки опять сосѣдней савойской Женевѣ. Такъ возникаетъ знаменитое шелковое производство второго центра Франціи. Недовольный, однако, пассивнымъ отношеніемъ ліонцевъ, которые жалуются, что приглашенные мастера голодаютъ, Людовикъ переноситъ мануфактуру въ Туръ, возлагая, впрочемъ, издержки на ліонскихъ буржуа; но въ концѣ концовъ понесенныя потери вознаграждаются въ обѣихъ городахъ разцвѣтомъ индустріи. То же въ торговой политикѣ. Настойчиво, не смотря на послѣдовательныя неудачи, Людовикъ XI пытается закрѣпить правильныя коммерческія связи на Средиземномъ морѣ, съ Англіей, съ Фландріей, съ южно-германскими областями, привлечь прямое движеніе товара, поднять французскіе порты. Во вновь присоединенномъ Провансѣ онъ совершенно вѣрно оцѣниваетъ значеніе и будущность Марсели: незадолго до смерти (1482) передъ собраніемъ нотаблей Людовикъ развиваетъ проектъ, какъ расширить городскія вольности и привлечь сюда «болѣе чѣмъ когда-либо иностранныя націи», такъ какъ городъ предназначенъ служить транзиту между Средиземнымъ моремъ и другими портами Франціи, затѣмъ Англіей, Шотландіей, Голландіей. Широкія льготы были предоставлены голландскимъ, брабантскимъ и фламандскимъ купцамъ, съ Португаліей былъ заключенъ договоръ, въ которомъ выговаривались взаимныя гарантіи для торговцевъ обоихъ королевствъ. Съ этого времени въ большинство мирныхъ трактатовъ вносятся важныя коммерческія условія и параграфы. Таковъ былъ послѣдній трактатъ между Людовикомъ и Карломъ Смѣлымъ въ 1475 году. Въ слѣдующемъ году въ переговорахъ между Эдуардомъ IV англійскимъ и Людовикомъ англійскіе дипломаты выразили желаніе, чтобы между Франціей и Англіей

торговый обмѣнъ совершался вполнѣ свободно и безопасно; даже въ періоды враждебныхъ столкновеній купцамъ нейтральныхъ странъ слѣдуетъ предоставить свободу торговли въ обѣихъ странахъ.

Въ то же время Людовикъ XI всѣми силами старался двинуть предпріимчивость, открыть пути французскимъ негоціантамъ. Его занимаетъ улучшеніе водныхъ путей, онъ думаетъ объ уничтоженіи внутреннихъ таможень и перенесеніи сбора пошлинъ на границы государства. При поощреніи короля и подъ его денежной отвѣтственностью открывались торговыя предпріятія въ духѣ англійскихъ adventurers; такова, напр., любопытная попытка французскихъ купцовъ обойти фландрскую промежуточную торговлю и устроить прямую доставку товаровъ въ Лондонъ. Король рѣшилъ воспользоваться временнымъ возстановленіемъ дружественныхъ ему Ланкастеровъ въ 1470 г. и вступилъ въ соглашеніе съ двумя турскими купцами, Жаномъ де-Бономъ, игравшимъ вообще видную роль въ исполненіи его коммерческихъ плановъ, и Брисонне, и они повезли въ Англію пряности, парчу и тонкія матеріи подъ видомъ посольскаго багажа. Уговоръ состоялъ въ томъ, что де-Бонъ и Брисонне ничего не будутъ продавать: онѣ должны лишь устроить нѣчто въ родѣ выставки, «выхваливать достоинства товара, чтобы жители Англіи на дѣлѣ убѣдились, что французскіе купцы въ силахъ снабжать ихъ наравнѣ съ другими націями». Попытка не удалась: скоро вернулась іоркская партія, французы поспѣшили убрать товаръ, но на морѣ весь грузъ былъ захваченъ, и король уплатилъ большую неустойку. Рядомъ, конечно, обнаруживается и другая сторона промышленнаго воспитанія страны: король ограждаетъ мѣстную торговлю насиліемъ; чтобы обезпечить ліонскія ярмарки, обороты Руана, онъ запрещаетъ французскимъ купцамъ ѣздить въ Женеву и на фландрскія мессы; иностранцы, провозящіе товары по виднымъ путямъ Франціи, должны входить во «французскую компанію», т. е. уступать половину груза ассоціаціи парижскихъ купцовъ. Отсюда правительство приходитъ уже естественно къ навигаціонной монополіи, запрещая ввозить пряности, шелковыя матеріи и др. изъ Леванта иначе, какъ на французскихъ судахъ. Вредныя послѣдствія этихъ стѣсненій скоро обнаружились; отовсюду стали раздаваться жалобы на застой торговаго дѣла, на разореніе. Тогда король, не опуская основной идеи, вырабатываетъ новый сложный планъ. Онъ созываетъ на совѣщаніе (1482) видныхъ промышленниковъ Парижа, Ліона, Тулузы, Орлеана, Тура, Монпелье и др. городовъ и предлагаетъ имъ образовать большую обще-французскую торговую

компанію при участіи всѣхъ купцовъ королевства; на капиталъ въ 100.000 ливровъ можно построить множество судовъ для торговли съ Левантомъ «такъ, чтобы иностранцы и не узнали объ этомъ». Депутаты, впрочемъ, смущены планомъ короля: «большинство не привыкло къ морскому плаванію, нужной суммы денегъ достать нельзя, народная нужда отъ голода такъ велика, что ее безъ Божьей помощи и не покрыть»; во всякомъ случаѣ, лучше думаютъ они заключить договоръ о свободѣ торговли съ Генуей, Флоренціей, Каталоніей и Неаполемъ. Самая форма совѣщанія съ крупными представителями торговли и индустріи, возобновленная потомъ Кольберомъ, очень характерна для Людовика XI. Онъ любитъ слушать этихъ нотаблей буржуазіи. Въ 1470 г., при открытіи войны съ бургундскимъ герцогомъ, Людовикъ предписываетъ большимъ городамъ выслать къ нему по два представителя купечества, и съѣзду ихъ выражаетъ желаніе «столковаться о мѣрахъ обезпеченія безопасности торговли, чтобы наши подданные съ Божьей помощью получали больше выгоды и могли спокойно жить подъ нашей властью».

Въ экономической политикѣ эпохи не трудно отмѣтить черту, отвѣчающую взаимному положенію различныхъ отраслей промышленнаго труда. Сельское хозяйство, сельскіе классы отступили на второй планъ въ общемъ оборотѣ, ими мало интересуются, ихъ невыгодно трактуетъ правительственная политика. Въ видѣ образчика можно сослаться на мѣры Изабеллы Кастильской, которыя носятъ характеръ прямо антиаграрный. Въ нихъ нѣтъ и мысли о томъ, чтобы поднять мѣстное земледѣліе и обходиться безъ иностраннаго подвоза хлѣба. Хлѣбъ облагается внутри тяжелымъ налогомъ; низкія цѣны на него искусственно поддерживаются таксами и т. д. Въ экономической программѣ, которую методично развивалъ передъ парламентомъ 1487 г. Генрихъ Тюдоръ, богатство страны ставилось въ исключительную зависимость отъ успѣховъ торговли и мануфактуры; о земледѣліи въ деклараціи не упоминалось. Правительство считало своей главною цѣлью вытѣсненіе въ Англіи иностранныхъ продуктовъ мѣстными фабрикатами; оно было готово принести въ жертву интересы помѣщиковъ и земледѣльцевъ, чтобы доставить индустріи дешевые жизненные припасы, дешевое сырье; въ развитіи національной индустріи думали найти разрѣшеніе и соціальнаго кризиса, такъ какъ фабрики, предполагалось, возьмутъ именно всѣ незанятые, бродячіе, опасные элементы общества.

Послѣдовательная экономическая политика, охрана интересовъ національной торговли и національнаго производства служила для

европейскихъ правительствъ главнымъ толчкомъ къ развитію сложной и правильной *организаціи дипломатическихъ отношеній*, а въ общемъ вела къ образованію въ Европѣ новаго международнаго цѣлаго, европейской системы государствъ. Для каждаго отдѣльнаго правительства возникаетъ необходимость постояннаго внимательнаго обозрѣванія европейскихъ сцѣпленій, необходимость ознакомленія съ индивидуальными чертами и поворотами политики другихъ державъ, чтобы приспособляться къ нимъ или вырабатывать соотвѣтствующія боевыя средства. Начинаютъ интересоваться внутренними дѣлами своихъ сосѣдей, искать сближенія съ оппозиціонными партіями въ странѣ соперника. Такую политику ведетъ Франція во время войны Розъ въ Англіи, поддерживая ланкастерскую партію въ виду того, что іоркская династія склонна къ возобновленію войны на французской почвѣ. Очень интересенъ первый приступъ при Карлѣ VII (1444) къ столь обычнымъ впослѣдствіи и важнымъ для Франціи союзамъ съ германскими князьями, при чемъ французскій король уже заявляетъ притязанія на весь лѣвый берегъ Рейна: на этотъ разъ четыре курфирста, кёльнскій, трирскій, пфальцскій и саксонскій, заключили съ Франціей дружественные трактаты, а уполномоченные саксонскаго владѣтеля, привѣтствуя Карла, назвали его «своимъ королемъ и господиномъ». Въ то же царствованіе были сдѣланы попытки пріобрѣсти посредствомъ браковъ съ богемскими и венгерскими домами опасные пункты для французскаго вліянія на Востокѣ. «Католическіе» государи въ Испаніи не пренебрегаютъ усложненіями въ отдаленной Шотландіи, чтобы имѣть лишній ходъ противъ своего мудренаго и требовательнаго въ торговыхъ вопросахъ союзника, короля англійскаго. Еще любопытнѣе ихъ пріемы относительно Перкина Варбека, самозванца, очень опаснаго для династіи Тюдоровъ. Наружно готовые помогать королю противъ мятежника, они ведутъ переговоры и съ Перкиномъ, а главнымъ образомъ, хлопочутъ, такъ же какъ король французскій, о томъ, чтобы получить самозванца въ свои руки и держать всегда на готовѣ угрозу противъ неуступчиваго Генриха VII, съ которымъ у нихъ идутъ непрерывные промышленные счеты.

Образцы дипломатическаго искусства рано даетъ Италія. Цѣлый рядъ условій въ этой странѣ—совмѣстное существованіе нѣсколькихъ мелкихъ самостоятельныхъ политическихъ тѣлъ, постоянная опасность иноземнаго вторженія, смѣна катастрофъ и вообще непрочность внутренняго порядка—все это заставляетъ итальянскія государства непрерывно слѣдить другъ за другомъ, выработать извѣстную систему равновѣсія, постоянно придумывать но-

вая комбинаціи союзовъ и противовѣсовъ. Венеціанцы, связанные своей торговой политикой почти со всею Западною Европой, создали въ этомъ отношеніи настоящую школу; они первыя стали держать постоянныя посольства при всѣхъ главныхъ европейскихъ дворахъ; на эти должности назначались люди большого опыта и знаній, и реляціи ихъ правительству до сихъ поръ могутъ служить образцами тонкой и добросовѣстной наблюдательности политиковъ, проникавшихъ во всѣ стороны внутренняго быта чужой страны, изслѣдовавшихъ характеръ и цѣли правителей, средства и рессурсы государства, жизнь народа и настроеніе общества. Новые пріемы сношеній естественно, однако, вызывали недовѣріе. Долго обходились назначеніемъ чрезвычайныхъ пословъ. Франція не имѣетъ постоянныхъ резидентовъ до конца XV в. Фердинандъ Католикъ, самъ одинъ изъ типичныхъ дипломатовъ эпохи, противится допущенію у своего двора постоянныхъ иностранныхъ посольствъ: короля стѣсняетъ англійскій посланникъ, такъ какъ онъ видитъ въ послѣднемъ лишь профессіональнаго интригана, постоянно пребывающаго въ его странѣ. Другой артистъ дипломатіи, Людовикъ XI, преимущественно примѣняетъ тайныхъ агентовъ въ своихъ миссіяхъ. Испанское правительство держитъ съ конца XV в. постояннаго посла въ Лондонѣ, но для особо важныхъ дѣлъ отправляетъ дважды чрезвычайныхъ агентовъ, ведущихъ переговоры безъ вѣдома перваго и даже въ разрѣзъ съ его инструкціями. Въ договорѣ между императоромъ Карломъ V и Генрихомъ VIII англійскимъ въ 1520 г. спеціально выговаривается условіе держать другъ у друга пословъ, чтобы имѣть свѣдѣнія о всѣхъ событіяхъ, происходящихъ въ странѣ союзника. Главнымъ укрѣпляющимъ средствомъ въ обезпеченіи союзовъ, въ округленіи территорій служитъ установленіе фамильныхъ связей. Черезъ царствованіе Генриха VII, Фердинада Католическаго, Максимиліана Габсбурга проходитъ цѣлый потокъ матримоніальныхъ проектовъ и комбинацій. Старыя патріархально-династическія понятія встрѣчаются здѣсь съ игрой политической фантазіи и промышленнаго разсчота. Генрихъ VII, необыкновенно дорожившій связями съ Испаніей, обручаетъ съ инфантой Екатериной своего малолѣтняго сына; послѣ его смерти онъ колеблется между помолвкой оставшейся вдовы со слѣдующимъ сыномъ и своей собственной женитьбой на ней; въ перемежку съ этимъ чередуются его планы жениться на вдовствующей неаполитанской королевѣ, племянницѣ испанской четы, затѣмъ—на другой инфантѣ Іоаннѣ Безумной, по смерти ея мужа, на Маргаритѣ Нидерландской, дочери Максимиліана, наконецъ, на французской принцессѣ. Позади

всѣхъ этихъ плановъ и колебаній у Генриха надо искать торгово-политическихъ комбинацій; если при заключеніи перваго брака онъ скорѣе добивался отъ будущихъ родственниковъ милостивыхъ уступокъ въ пошлинахъ, въ правѣ провоза для англичанъ, то во второй разъ, по смерти старшаго сына, зная затрудненія Фердинанда, который долженъ былъ уступить Кастилію нидерландскому купцу, англійскій король соображалъ, гдѣ можно получить болѣе значительныя торговыя выгоды, въ Испаніи или въ Нидерландахъ и самъ ждалъ важныхъ авансовъ. Инфанта Екатерина Аррагонская служила при этомъ заложницей: не хотѣлось ее отпускать домой, потому что половина ея приданаго не была еще выплачена, съ другой стороны тянули заключеніе новаго брака, притѣсняли принцессу дурнымъ обращеніемъ и заставляли ее писать домой отчаянныя письма, чтобы вызвать у обезпокоенныхъ родителей новыя уступки.

Къ концу XV в. начинаютъ устанавливатся традиціи, выясняться болѣе общія постоянныя цѣли въ дипломатіи крупныхъ европейскихъ государствъ. Они образуютъ уже цѣлую систему: Англія, Франція, Испанія, бургундо-австрійскія владѣнія, соединяющіяся потомъ съ Испаніей, и на юго-востокѣ новое государство османскихъ турокъ. Если не всегда своими территоріями, то кругомъ своихъ интересовъ и вліянія они соприкасаются. Вопросъ роста и усиленія одного получаетъ значеніе для всѣхъ другихъ. Образуются опредѣленные, рѣзко обозначенные антагонизмы, которыми обусловливаются союзы и войны. Двѣ сильнѣйшія державы, Испанія и Османское государство, въ соперничествѣ за обладаніе Средиземнымъ моремъ и его торговымъ райономъ, и борьба опять, какъ въ XII в., принимаетъ религіозный оттѣнокъ. Испанія захватываетъ въ виду этого Южную Италію и Сицилію и старается укрѣпиться на сѣв.-зап. берегу Африки. Франція, вновь поднявшаяся матеріально и культурно, ищетъ извѣстнаго исхода своимъ развивающимся силамъ въ Италіи и Нидерландахъ и встрѣчается съ двойной опасностью со стороны бургундскаго государства и Испаніи. Въ началѣ VI в. оба грозные ея противника соединяются—образуется огромная испано-австрійская держава, всюду, какъ въ тискахъ, держащая Францію. Это естественно дѣлаетъ Францію главной поборницей и защитницей европейскаго равновѣсія и направляетъ ее на почти трехвѣковой союзъ съ Портою. Англіи выпадаетъ въ этихъ столкновеніяхъ роль посредничества и лавированія между соперниками, и среди такой политики она кладетъ основы своего морского владычества. Узелъ всѣхъ европейскихъ усложненій лежитъ въ Италіи, важной по торговому поло-

женію, привлекающей своими богатствами; здѣсь центральный пунктъ политической интриги, гнѣздящейся всего болѣе въ папской куріи. Папа уже потому участвуетъ во всѣхъ политическихъ комбинаціяхъ, что для частыхъ перекрестныхъ браковъ между царствующими домами постоянно нужна его диспенсація. Съ другой стороны условіе папскаго отлученія иногда вставляется въ брачные договоры правителей, какъ гарантія на случай неаккуратности уплаты приданаго, составлявшаго не малый для того времени финансовый рессурсъ. Въ куріи по преимуществу приходится держать постоянныхъ пословъ, и король французскій по этому поводу замѣчаетъ, что иначе «противники могли бы въ этомъ мѣстѣ подстроить все, что̀ угодно, такъ что и подозрѣвать не будешь».

Любопытно, какъ въ эту эпоху возникаетъ представленіе о *«естественныхъ» границахъ* государствъ и націй: исходя отъ болѣе широкаго и цѣльнаго пониманія интересовъ данной страны, оно примыкаетъ къ географическимъ и этнографическимъ соображеніямъ и приспособляетъ себѣ подходящіе историческіе аргументы. Со второй половины XV в. во Франціи появляются въ дипломатическомъ языкѣ, въ публицистикѣ, въ политическихъ дебатахъ многозначительные термины Галлія, галлы. Франція должна быть тѣмъ, чѣмъ была древняя Галлія. По однимъ это означаетъ рейнскую границу, по другимъ—въ эти рамки входитъ часть Швейцаріи и Италіи. Біографъ Людовика XII считаетъ Ломбардію этнографически галльской землей, т, е. частью Франціи. «Соединеніе всѣхъ Галлій», въ томъ числѣ Цизальпинской, подъ властью французскаго короля, представляется дѣломъ естественнымъ, опирающимся на природу вещей, и въ этомъ смыслѣ идеи принимаютъ многіе итальянцы.

Но рядомъ съ реальной политикой, внушенной, главнымъ образомъ, экономическимъ ростомъ государствъ, дѣйствуютъ еще сохранившіеся *имперіалистическія* стремленія: въ XVI вѣкѣ переходятъ идеи всемірной христіанской монархіи, крестоваго похода противъ мусульманскаго Востока. Особенно держатся онѣ въ Испаніи, какъ державѣ самой сильной въ Европѣ, съ наиболѣе разбросанными владѣніями, если считать всѣ габсбургскія земли, въ народѣ, занимавшемъ передовой постъ противъ мусульманъ и сохранившемъ религіозную ревность. Впрочемъ, религіозная идея эксплуатируется часто въ дипломатіи для прикрытія совершенно посторонниxъ цѣлей; формула materia christiana, res christiana («христіанскій интересъ, христіанскій вопросъ») становится общимъ мѣстомъ въ актахъ, и борьба съ вѣчнымъ врагомъ, съ турками, выставляется, какъ мотивъ, всюду, гдѣ надо заключить или разо-

*

рвать союзъ, вмѣшаться въ чужія дѣла, маскировать проектъ, завязать отношенія и т. д. Въ странахъ, не имѣющихъ національной организаціи, въ Германіи, Италіи, имперіализмъ дѣйствуетъ какъ сила враждебная объединенію: онъ мѣняетъ здѣсь своихъ случайныхъ союзниковъ и поддерживаетъ центробѣжныя стремленія. Главнымъ борцомъ за національную и мѣстную независимость въ силу самаго положенія вещей выступаетъ опять-таки Франція. Въ ея политику, всюду враждебную Испаніи, входитъ поддержка небольшихъ самостоятельныхъ государствъ, каковы нѣмецкія княжества, швейцарскій союзъ, Франція, позднѣе Голландія; въ интересахъ самосохраненія Франція должна не допускать поглощенія ихъ огромной державой, укрѣпившейся на южныхъ полуостровахъ, на Шельдѣ, у Нѣмецкаго моря, на Рейнѣ, на Дунаѣ и на По. Потребность національной консолидаціи сказывается во всей Западной Европѣ. Своеобразную роль въ данномъ случаѣ играетъ понятіе монархіи, и эта роль выступаетъ, можетъ быть, особенно ясно тамъ, гдѣ, въ силу сложившихся условій, національное объединеніе не могло быть доступно. Въ Германіи проекты реформы съ цѣлью введенія финансоваго и военнаго единства въ имперіи, оптимистическія надежды патріотовъ, наконецъ, революціонная программа 20-хъ годовъ XVI в. прибѣгаютъ къ идеѣ власти монарха, какъ силы, стоящей надъ партіями, олицетворяющей общую справедливость и миръ, и народъ символизируетъ эту власть въ мистическомъ имени Фридриха (Friedrich—царь мира). Въ полемикѣ флорентійцевъ Гвиччардини и Макіавелли, первый отстраняетъ мечту о великой общеиталійской республики возраженіемъ, что республика неизбѣжно сводится на господство одного города и подчиненіе другихъ, что монархія, напротивъ, призвана удовлетворить интересы всѣхъ.

Эта идеализація монархіи выводитъ насъ къ вопросу о внутреннихъ политическихъ результатахъ того усложненія государственныхъ задачъ, которое было представлено выше. Въ виду быстраго развитія совершенно новыхъ сферъ правительственной дѣятельности въ эту эпоху естественно будетъ искать важныхъ перемѣнъ въ административномъ механизмѣ въ общихъ отношеніяхъ между существующими властями и крупными органами. Нечего и говорить, что въ старомъ сословно-земскомъ строѣ весь перевѣсъ оказывался на сторонѣ монархіи, вступавшей теперь въ періодъ своей гегемоніи надъ обществомъ, въ періодъ своей наибольшей дѣятельности и наибольшаго развитія своего фактическаго и правоваго авторитета. Въ области промышленной политики движеніе совершалось не столько путемъ крупныхъ общихъ

рѣшеній и законовъ, сколько посредствомъ спеціальныхъ и детальныхъ распоряженій, патентовъ и поощрительныхъ мѣръ, а затѣмъ въ результатѣ дипломатическихъ разговоровъ и соглашеній. Все это могло не выходить изъ сферы администраціи и личныхъ внѣшнихъ сношеній государей и не давать повода обращаться къ земскому представительству. Съ другой стороны, чины по составу и организаціи не могли принимать прямого участія въ этой дѣятельности, которая важна была именно ежедневнымъ своимъ воздѣйствіемъ: они собирались слишкомъ рѣдко, на короткіе сроки, съ ограниченными полномочіями и могли оцѣнивать лишь общіе результаты ряда мѣръ; въ своихъ сословныхъ и корпоративныхъ группахъ, далеко не будучи представительствомъ страны, они способны были нерѣдко воспроизводить въ особенно острой формѣ несогласіе классовыхъ и мѣстныхъ интересовъ.

Весьма понятно приближеніе періода *упадка сословнаго представительства*. Оно выступитъ опять, лишь когда въ общество брошенъ будетъ новый разъединяющій интересъ — религіозный. Равновѣсіе, сотрудничество учрежденій и органовъ, поскольку оно возможно было въ XIV в., начинаетъ нарушаться. Чины становятся неудобны своей скупостью, осторожностью, задерживающей ходы внѣшней политики, которые теперь по необходимости должны развертываться быстрѣе, чѣмъ раньше. Не имѣя постоянной практики, непрерывной нити управленія въ рукахъ, они часто оказываются непослѣдовательными. Правительство начинаетъ созывать ихъ рѣже, оттягивать сессіи. Иногда само населеніе тяготится частыми призывами; въ собраніяхъ слышатся ссылки на большія траты, съ которыми сопряжено отправленіе депутатовъ. Во Франціи и Испаніи моментъ прекращенія частыхъ сессій и широкой вліятельной роли чиновъ наступаетъ съ ослабленіемъ внѣшней опасности и внутренней смуты во второй половинѣ XV в. Генеральные штаты въ Орлеанѣ 1439 г. представляютъ любопытное столкновеніе интересовъ: необходимость устроить постоянное войско заставляетъ сословныхъ представителей обратить въ постоянную подать прежній чрезвычайный сборъ, талію, взимавшуюся, какъ сказано въ актѣ, «съ согласія трехъ чиновъ королемъ»; это значитъ, что отнынѣ признавался достаточнымъ одинъ королевскій приказъ на основаніи разъ принятаго рѣшенія штатовъ; но въ то же время считали необходимымъ оградить населеніе отъ произвольнаго обложенія, и съ этою цѣлью цифра таліи была фиксирована: по мысли штатовъ король долженъ остаться связаннымъ разъ навсегда ихъ вотумомъ. Такое ограниченіе оказалось вполнѣ непрактичнымъ; талія, разъ переданная королю, стала быстро возвышаться; протесты позднѣйшихъ штатовъ и

требованіе ихъ вернуться къ старой caroline, т. е. размѣру прямого налога при его установленіи въ эпоху Карла VII, встрѣчали со стороны правительства лишь указаніе на возрастающія нужды; принципіальной основы для своихъ притязаній штаты не могли найти, а обсужденіе бюджета было потеряно. Помимо важной сессіи штатовъ въ Турѣ 1484 г., созванныхъ неупроченнымъ регентствомъ, остальные, въ промежутокъ отъ 1439 до 1560 г., были лишь короткими собраніями, призванными съ опредѣленной цѣлью, скорѣе ради торжественной санкціи правительственныхъ мѣръ, ради общенаціональной манифестаціи въ моменты внѣшнихъ усложненій. Собраніе 1484 г. формулируетъ рядъ общихъ требованій, сложившихся въ результатѣ старой практики, участіе штатовъ въ составленіи регентства при малолѣтнемъ королѣ, право штатовъ вотировать налогъ, періодичность ихъ сессій; но всѣ эти требованія остаются позднѣйшей эпохѣ лишь въ качествѣ платонической традиціи. Исторія чиновъ, кортесъ, въ главномъ пиринейскомъ королевствѣ, Кастиліи, при Изабеллѣ и Фердинандѣ, представляетъ рѣзкія черты внѣшняго стѣсненія; королевская власть подчиняетъ ихъ крайне существенному контролю, ставя во главѣ ихъ президента новоустроеннаго своего верховнаго судебнаго совѣта; въ силу своего предсѣдательскаго положенія въ кортесъ, послѣдній, съ принадлежащимъ къ нему персоналомъ, провѣряетъ депутатскія полномочія, разсматриваетъ ихъ петиціи и жалобы. Король заводитъ обычай вознаграждать депутатовъ подарками; наконецъ, онъ нарушаетъ свободу засѣданій, требуя себѣ свѣдѣній о ихъ ходѣ.

Монархія вырабатываетъ себѣ болѣе численный, болѣе послушный и подвижной составъ исполнителей. На мѣсто должностныхъ лицъ, которыхъ выдвигало впередъ ихъ общественное положеніе, появляются люди, большею частью низкородные, исключительно поставленные на службу и въ ней почерпающіе основу общественнаго своего возвышенія; появляются дѣятели съ широкимъ кругомъ практическихъ познаній, съ профессіональной административной подготовкой и выдержкой, чертами, которыя въ дипломатической карьерѣ бросались въ глаза современникамъ, люди, которые въ испанской администраціи получили характерную отмѣтку letrados, «научно-подготовленныхъ». Наблюдатели конца XV в. во Франціи замѣчали необычайный приливъ, особенно въ средѣ буржуазіи, къ оффиціальнымъ должностямъ, жажду службы; въ виду установленія обычая продажи должностей, владѣльцы ихъ говоритъ де-Комминъ «спрашиваютъ не то, что онѣ стоютъ, а что можно спросить; есть должности безъ жалованья, которыя

продаются за 800 экю, другія, мало оплачиваемыя, продаются за цѣну, которую не можетъ покрыть жалованье за 15 лѣтъ».

Въ началѣ XVI в. не видно было условій, которыя бы могли противодѣйствовать политическому развитію въ этомъ направленіи. Лучшія интеллектуальныя силы начинали группироваться около монархіи. Ко всему надо прибавить еще энергическое и послѣдовательное движеніе монархіи къ церковному верховенству,—движеніе, въ которомъ увеличивались ея рессурсы и повышалось сознаніе власти у ея носителей. Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что эти перемѣны еще не сложились въ общественномъ сознаніи въ систему, не отлились въ ясную теорію. Нормальная государственная жизнь все еще представляется уму въ тѣхъ формахъ, которыя установились въ предшествующую эпоху. Особенно любопытно наблюдать выраженія общественной мысли въ странѣ, гдѣ монархія всего болѣе успѣла окружить себя священнымъ авторитетомъ, во Франціи. Историкъ и дипломатъ конца XV в. Филиппъ де-Комминъ, поклонникъ Людовика XI, которому онъ служилъ, въ своихъ разсужденіяхъ о политическомъ строѣ Франціи, исходитъ отъ его сходства съ англійскимъ. Онъ заявляетъ, что нѣтъ на землѣ короля или сеньера, который бы имѣлъ власть, помимо своей вотчины, наложить хотя бы грошъ на своихъ подданныхъ безъ согласія самихъ плательщиковъ иначе, какъ тираннически и насильственно; по его мнѣнію, справедливѣе передъ Богомъ и людьми взимать налоги съ утвержденія чиновъ, чѣмъ по капризному усмотрѣнію. Страхъ передъ тиранніей, которую Комминъ рисуетъ рѣзкими красками, заставляетъ его обратиться къ болѣе послѣдовательной и настойчивой англійской практикѣ: «я не знаю ни одного государства въ мірѣ, гдѣ бы общественный интересъ соблюдался въ такой степени, гдѣ бы народъ менѣе терпѣлъ отъ произвола, чѣмъ въ Англіи». Ему нравится и то, что «король не можетъ въ Англіи объявлять войны безъ созванія парламента, что равняется (нашимъ) тремъ чинамъ, а это дѣло справедливое и святое, служащее на пользу и укрѣпленіе королей». На собраніи штатовъ въ Турѣ однимъ изъ ораторовъ, бургундскимъ дворяниномъ Philippe Par, sieur de la Roche, развита была цѣлая теорія, формулировавшая нормальныя отношенія между властью и чинами: въ области управленія, изданія ордонансовъ и утвержденія налоговъ, говорилъ онъ, «не можетъ получить санкціи и прочности рѣшеніе, которое принято противъ воли чиновъ или безъ совѣщанія съ ними, или въ силу невѣрнаго истолкованія ихъ воли». Настаивая на правѣ штатовъ устанавливать регентство, ораторъ выводилъ это право изъ понятія народнаго верхо-

венства и изъ факта первоначальнаго избранія королей народомъ, «слѣдуетъ, чтобы высшая власть возвращалась къ народу, дарователю полномочій» (народъ все время отожествляется у него съ тремя чинами). Королевская власть при этомъ разсматривается какъ должность, а не какъ наслѣдственное владѣніе. Все это говорилъ человѣкъ, который, въ сущности состоялъ на службѣ у Анны Бажӗ, державшей въ то время регентство.

Не новыя революціонныя идеи высказываются въ подобныхъ заявленіяхъ, а напротивъ, консервативныя, закрѣпленныя традиціей. Въ новой монархической средѣ онѣ стали уже казаться выраженіемъ оппозиціи, ихъ старались отстранить, какъ вредный предразсудокъ. Но онѣ множествомъ нитей держались въ общественномъ сознаніи, и оттого возможно было оживленіе ихъ во второй половинѣ XVI в. Аналогія французскаго строя съ англійскимъ, гдѣ парламентская система осталась въ полномъ дѣйствіи, съ германской имперіей, гдѣ государь ограниченъ курфирстами, кажется всѣмъ естественной въ XVI в. и показываетъ, что ежедневная монархическая практика укладывается въ понятіяхъ у многихъ въ старыя рамки. Поэтому и монархія на первыхъ порахъ выступаетъ, такъ сказать, эмпирически, не парадируя системой, не гремя, по возможности, теоріей. Макіавелли, пытавшійся впервые оправдать неограниченную власть исключительно реальными мотивами, торжествомъ сильнѣйшаго и заботой государя, хотя бы и узурпатора, о субъективно-понятомъ благѣ государства, долго не находилъ себѣ сочувствія за Альпами. Когда онъ проникъ здѣсь въ монархическую публицистику, противъ него поднялись и консервативныя, и новаторскія направленія: еще разъ обнаружилось, что и въ средѣ защитниковъ безусловной монархической гегемоніи надъ обществомъ жило уваженіе къ старому праву. Но монархія скоро нашла себѣ санкцію и крупную опору въ церковной своей роли: пріобрѣтала ли она верховенство надъ національной церковью, какъ это произошло въ протестантскихъ земляхъ, или только брала на себя защиту церкви и получала въ свое распоряженіе ея рессурсы, какъ это было въ католическихъ, монархія находила новую основу для своего авторитета. Но подъ знаменемъ божественнаго права выступили и ея враги; эта формула вообще покрывала новыя самостоятельныя организаціи, въ которыя слагалось возродившееся религіозное общеніе.

Профессоръ **Р. Випперъ.**

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ВСТРѢЧИ.

(Изъ „сказокъ дѣйствительности").

(*Окончаніе* *).

XIII.

— Ну, что, Стеша?—обратился отецъ Петръ къ крохотной дѣвочкѣ въ лохмотьяхъ, дрожавшей у порога.—Входи, чего боишься?

Она не двигалась съ мѣста, только косо смотрѣла на меня.

— Отвыкла отъ насъ, что ли?

Стеша задумчиво уставилась въ полъ. Хныкнула носомъ и наивно утерлась подоломъ.

— Стеша?..

— Не... не отвыкла.

— Такъ что жъ ты...

— Чужой...

Очевидно, это относилось ко мнѣ, хотя ея взглядъ былъ упорно устремленъ въ низъ.

— Чужой ничего тебѣ не сдѣлаетъ. Онъ тебѣ булочки дастъ.

Стеша оживилась.

— Я ѣсть хочу. — Подняла на меня васильковые глаза и опять шмыгъ ими въ сторону.

Анна Герасимовна взяла ее за руку и увела съ собой.

— Вотъ вамъ ростъ нашей палестины: Семья, семеро дѣтей. Отецъ былъ образцовый мужикъ. То-есть, какъ онъ работалъ! Куда лошади выстоять — не хватитъ у нея жилы, какъ говорятъ наши крестьяне. Лопнетъ. Ну, а его хватало. Даже на что уголъ у насъ ужасный, а онъ

*) См. «Міръ Божій», № 3, мартъ.

ухитрился не нуждаться здѣсь. Избу за̀-ново вывелъ. Жена его такая же была, какъ и онъ. Совсѣмъ баба каменная. Въ полѣ за любого мужика, бывало, потѣетъ. Вдвоемъ они тутъ чудеса дѣлали, семью подымали. И притомъ, не то, что другіе: никакой себѣ поблажки. Зимой—тѣ на полати вверхъ животомъ, а онъ въ городъ на работу. Въ праздникъ сосѣди въ кабакъ, а онъ только насупится и мимо. До сорока лѣтъ не пилъ, держался. Ну и надо сказать, суровъ былъ. Рѣдко я видѣлъ, чтобы онъ улыбнулся. „Некогда намъ". Все свою думу, бывало, ворочаетъ въ головѣ: откуда бы семьѣ поправку найти. На его несчастіе у насъ волостной старшина умеръ, другого назначили. Этотъ въ свое время тоже хотѣлъ жениться на Стешиной матери, да та ему предпочла нынѣшняго своего мужа. Ну онъ и началъ—натура низкая—власть показывать надъ подначальнымъ человѣкомъ. На общественныя его работы гоняли не въ очередь, въ страдныя дни по пустякамъ въ волость вызывали. Пожаръ случился—волостной на него заявилъ подозрѣніе, его арестовали, да скоро выпустили. Доказалъ, что въ другомъ мѣстѣ былъ въ это время. Все терпѣлъ мужикъ. Только зубами скрипѣлъ, да хмурился. Но и его Господь посѣтилъ. Сначала у него изба сгорѣла, а потомъ на полѣ три года подъ рядъ неурожай былъ. Ничего не взошло. Будь недородъ по всей губерніи, пожалуй, помогли бы, а то мѣстный, кому дѣло до забытой волости. Сгинетъ она или нѣтъ. Такихъ ячеекъ въ Россійской Имперіи и не перечесть, пожалуй. Все, что у него было припасено—проѣлъ съ семьей за это время. На четвертый годъ хлѣбъ удался отличный, да за долги пришлось отдать половину его, и цѣнъ не было совсѣмъ. Еще, пожалуй, хуже, чѣмъ въ голодъ!.. Волостной тутъ и насядь на Егора. За нимъ оказались недоимки, а онъ и подати не могъ внести. Свели послѣднюю коровенку со двора, продали!

— Да этого нельзя вѣдь!

— По закону нельзя по писанному, да и поближе къ центрамъ тоже нельзя—а у насъ все можно на дѣлѣ.

— Отчего же онъ не жаловался?

— Жаловался, какъ не жаловаться! Одного добился: кромѣ подати, и недоимку волостной потребовалъ. Разсказывать долго, только до того онъ довелъ Егора, что тотъ, наконецъ, не выдержалъ и обругалъ его. Вотъ тутъ-то и случилось обстоятельство, измѣнившее всю жизнь Егора. Былъ человѣкомъ до тѣхъ поръ—и сталъ пьяницей, воромъ, всѣмъ,

чѣмъ хотите! Волостной вызвалъ его въ судъ, гдѣ самъ же предсѣдательствовалъ и порѣшили они выдрать Егора. Говорятъ Егоръ на колѣняхъ стоялъ, умоляя спости его отъ срама. Не простили старики. Еще бы: имъ волостной «два ведра стравилъ". Въ тотъ же день Егоръ напился на послѣднее. А теперь хуже его мужика у насъ нѣтъ. Разъ я въ церкви съ нимъ бесѣду наединѣ завелъ. Онъ одно твердитъ: намъ нельзя не пить. Не соблюдешь себя, все равно. Водка стыдъ точно полымемъ выжигаетъ. Жена его въ синякахъ ходитъ. Дѣти—всѣ, какъ Стеша, лохмотницы и нищія.

— А волостной?

— И доселѣ здравствуетъ! Что ему. Всѣмъ у насъ ворочаетъ какъ ему угодно. Тотъ безъ него ни шагу.

— Развѣ вы не могли помѣшать этому варварству?

— Меня здѣсь еще не было, да и не помѣшаешь! Тутъ это издѣвательство надъ душой человѣческой въ порядкѣ вещей. Всѣ поротые!

XIV.

— Какъ вы живете-можете, Анна Герасимовна?—спросилъ я ее наконецъ, когда намъ удалось остаться однимъ.

— Какъ видите...

Она улыбалась.

— Чему вы?

— Я насквозь вижу, что вы думаете: задалась барышня хожденіемъ въ народъ и изъ самолюбія сидитъ въ этой дырѣ... А самой страсть хочется уйти отсюда.

— Не совсѣмъ такъ. Хоть я васъ и не понимаю.

— Что жъ именно вамъ неясно?

— Не на своемъ вы мѣстѣ. Слишкомъ все это кругомъ узко и мелко.

— То-есть, вы хотите сказать—тяжело и трудно. Знаете, чему я научилась вотъ именно здѣсь. Мелкаго дѣла нѣтъ вообще! Хорошо „узко"—когда эдакихъ Стешъ у меня пятьдесятъ и всѣ на моей совѣсти. Вѣдь, если мнѣ удалось разбудить въ нихъ душу, научить ихъ чему-нибудь, какъ вамъ кажется, могу я спокойно уйти отсюда, чтобы все заглохло?

— И безъ васъ найдутся.

— Вотъ именно, что потяжеле, то на другія плечи вали. Одинъ мнѣ пишетъ—изъ моихъ заграничныхъ друзей— вы отбиваете хлѣбъ у бѣдныхъ дѣвушекъ. Можетъ быть, въ

иной школѣ и отбивала бы, только не здѣсь. Сюда никто не поѣдетъ. Помните Венецію—вѣдь и солнце, и краски, и дворцы и храмы. Чего только нѣтъ тамъ. Отъ каждаго камня вѣетъ легендой. Любой сквозной балконъ надъ лагуною—рамка для драмы или романа. А вѣдь какъ тамъ мнѣ скучно было. А здѣсь этой скуки я не знаю. Есть мука, обиды—все, что хотите, а чтобы некуда было приложить рукъ—этого я еще ни разу не почувствовала.

— И васъ не тянетъ назадъ.

— Нѣтъ... Въ безсонницу еще случается—думаешь, какъ тамъ все красиво, хорошо... И...

Она пріостановилась.

— Что и?..

— Боюсь, смѣяться будете. Да мнѣ все равно—смѣйтесь... Думаешь, сколько тамъ поэзіи, если хотите, даже декорацій для счастья—самаго счастья вѣдь нигдѣ нѣтъ. Люди настроили рамокъ для его картины, а картины никто до сихъ поръ написать не съумѣлъ. Такъ вотъ—мечтаешь—еще бы очутиться хоть разъ на Riva Schiavoni, полюбоваться на стройные силуэты св. Григорія Великаго, Маріи-Спасительницы и другихъ, и вдругъ сердце такъ заболитъ, такъ заболитъ за своихъ, за обдѣленныхъ и людьми, и небомъ, и солнцемъ, за эту жалкую деревню съ ея не виднымъ, не красивымъ, но, вѣдь, еще болѣе глубокимъ горемъ. Я знаю, когда говоришь это, немного выходитъ по печатному. Точно изъ народнической повѣсти... Но вы меня знаете. У меня, дѣйствительно, щемитъ здѣсь,—дотронулась она до сердца,—когда подумаю, что каждый день могу оставить эту болотину... Въ самомъ дѣлѣ, кому же пожалѣть ее? Вѣдь тѣ, которые здѣсь бьются, не могутъ такъ же легко взять да и укатить къ теплымъ морямъ... На вашъ вопросъ—я его такъ поняла: счастлива ли я? Могу вамъ отвѣтить, счастье—призракъ. Оно дразнитъ только издали, а схватишься за него—смотришь, ничего хорошаго въ немъ и не бывало. Такъ только миражами заманивало. А вотъ что жизнь моя полна и. . совѣсть спокойна—это такъ... И еще лучше было бы, да родные не даютъ мнѣ моихъ денегъ. Проценты высылаютъ—что на нихъ сдѣлаешь! Придрались къ отцовскому завѣщанію, и хоть ты что. А то бы здѣсь мнѣ удалось кое-что побольше... Вы помните тетю Надю.

— Какъ же. Не могу забыть ея ссоры съ вами изъ-за графа Гальби.

— Да, она тогда недѣлю пилила меня за мое донъ-кихотство. Ну такъ она вотъ, представьте, собралась и пріѣхала сюда. Какъ нарочно, осень стояла въ родѣ этой. Только еще похолоднѣе. А Надя зябкая. Ее, какъ японскую собачку, на ночь надо въ вату укладывать и въ непростывшій каминъ— иначе непремѣнно простудится. Остановилась она у меня— и я до сихъ поръ забыть не могу ужаса, съ которымъ такъ она здѣсь и не разставалась. У нея даже языкъ отнялся. Цѣлыя ночи плакала надо мною. Наконецъ, пересилила себя и вернулась въ Петербургъ. Потомъ, слышу, рекомендуетъ меня: „наша бѣдная Аня съ ума сошла“ .. Нѣтъ, мнѣ нельзя бѣжать отсюда. Если всѣ уйдутъ, кто же заступится за это сиротство. Вы его, кажется, называли—„къ землѣ прибитое“? Они вѣдь теперь чуть голову подняли. Я вамъ съ гордостью говорю: нынче имъ легче живется. Не даромъ здѣшній кабатчикъ пишетъ на меня и на отца Петра доносы. Мы ему въ убытокъ. Народъ меньше пить начинаетъ. Онъ у насъ вѣдь, кабатчикъ-то, человѣкъ начитанный. „Противугосударственными элементами“ называлъ насъ. Еще бы, поколебали такой столбъ отечества, какъ онъ. Ну и волостной старшина тоже. При насъ ему все-таки того хода нѣтъ... Не очень-то развернется. Вѣдь мы и къ губернатору дорогу найдемъ. А губернаторъ у насъ—слава Богу. За нимъ у насъ жить можно! Волостному съ нами, разумѣется тяжко: по два раза однѣ и тѣ же подати не соберешь... Прежде тутъ что дѣлали: какъ понадобятся, бывало, Вуколу Безмѣнову рабочіе—сейчасъ старшина сюда и давай недоимку выбивать. Неистовствуетъ во всю, а въ разгарѣ въ видѣ спасительнаго фатума Безмѣновъ какъ будто случайно является. Бѣдняги къ нему—онъ ихъ чуть не задаромъ и крѣпоститъ на цѣлые годы. Онъ было и при насъ попробовалъ—не тутъ-то было. Деньгами сбились мы съ отцомъ Петромъ и выручили мужиковъ. Волостной на меня земскому жаловался. Тотъ самъ мнѣ показывалъ и смѣялся: „Она, говоритъ, народъ бунтуетъ. Вы пошарьте у нея—какія книги читаетъ. На невѣдомыхъ языкахъ. Развѣ указаны природной русской такіе“? Ревизію школы вызвалъ — и въ дуракахъ остался... А вы говорите „мелко и узко“. Нѣтъ и не мелко, и не узко дать человѣку отдышаться...

XV.

— Хотите нашу школу посмотрѣть? — предложилъ мнѣ отецъ Петръ.

— Да, пожалуйста.

— Только вы въ этихъ сапогахъ думаете.

— А что.

— Ну это не по нашей улицѣ.

Онъ мнѣ принесъ свои громадные и высокіе.

— Утонете—вотъ что!

И дѣйствительно, утонулъ бы. Ноги уходили въ какое-то мѣсиво и тотчасъ же вокругъ нихъ проступала и просачивалась снизу холодная и грязная вода. Мнѣ казалось, что эти несчастныя избы по сторонамъ дрожмя-дрожатъ отъ осенней стужи. Тучи опять ползли низко, точно хлопьями измазанной ваты задѣвая ихъ кровли. И построены были эти дома! Гроба и тѣ лучше сколачиваютъ. Крупнаго лѣса давно не стало. Старыя избы, выведенныя изъ него, сгорѣли, новыя изъ какихъ-то жердей поднялись. Именно изъ жердей. До голодныхъ годовъ скотъ былъ и на зиму жерди эти снаружи обкладывали навозомъ. Правда, въ оттепели отъ него внутро, въ самое жилье сочилась зловонная жидкость, да все же теплѣе было. А теперь, по словамъ Петра Пустынника, снѣгомъ приваливаютъ, а то и такъ терпятъ. „Авось, не помремъ". Жутко было вчужѣ видѣть эти „дома", какъ звали ихъ въ волостныхъ вѣдомостяхъ и спискахъ. Они, къ тому же, принизились. Прежняя изба строилась, въ ней хоть стоять можно, а въ этой выпрямись, головой о потолокъ ударишься. Мѣсто ничего не стоитъ, а жердь, какъ она ни плоха—въ цѣнѣ. Вѣтеръ подымется—насквозь пронимаетъ. Морозы въ декабрѣ и январѣ—настоящій адъ. Жаль Данте не видѣлъ такихъ угловъ, цѣлая глава „ада" потеряна, и самая ужасная. Окна — кулакъ только и влѣзетъ. Въ холодѣ, смрадѣ, темнотѣ Богъ знаетъ какъ околачивается преуспѣвающій и богатѣющій, если вѣрить Пиндарамъ отечественной печати, россіянинъ. Къ веснѣ лица ни на комъ нѣтъ. Все это опухшее, изнеможенное. Въ чемъ только душа держится. За то посреди кабакъ такъ и выпятился. Весь зàново выкрашенъ зеленою краской. Крыша тесовая, окна свѣтлыя и за ихъ стеклами весело мелькаютъ красныя занавѣски. Видимое дѣло за чужой счетъ величается!.. По дальше опять тѣ же жердяныя постройки. Я не говорю объ островахъ Фиджи или Тонга-

Табу, гдѣ солнце жжетъ неистово и пальмы тонутъ зелеными вѣнцами въ знойныхъ небесахъ—такія жердяные переплеты были бы великолѣпны, но здѣсь, при 30 и 35-ти-градусной зимѣ, я не могъ даже себѣ представить, какъ живутъ мужики, какъ выдерживаютъ дѣти.

— Кто же вамъ сказалъ, что они выдерживаютъ? Мрутъ...

Я было хотѣлъ разспросить, что дѣлаетъ земство для нихъ, какъ вдругъ прямо на насъ точно выросъ громадный мужичище, всклоченный, безъ шапки, съ сурово нависшими бровями, босой, весь облѣпленный этою грязью. Страшный даже.

— Егоръ... А ты опять! — укорительно встрѣтилъ его отецъ Петръ.

— Живъ Богъ—жива душа моя!

И голосъ у него былъ хриплый, испитой. Точно въ груди его клокоталъ и никакъ не могъ изъ нея вырваться на волю. Глаза Егора были мутны. Еще и видѣлъ ли онъ насъ?

— Ты не юродствуй. Стеша твоя опять въ синякахъ.

Егоръ опустилъ голову и помоталъ ею, дѣлая очевидныя усилія понять, что ему говорили.

— Стеша?.. Дочка... Ма-а-хонькая? Батюшка... Господинъ священникъ... Цивильный баринъ...—обратился онъ уже ко мнѣ, разобравъ меня наконецъ.—Мнѣ только милости вашей—гривенникъ... Палитъ... Вотъ какъ палитъ...

— Егоръ, я тебѣ о дочери... А ты.

— Неужели жъ я не понимаю... Ваше высокоблагородіе... Эстолько. Помирать легше.

И вдругъ онъ грохнулся предъ нами на колѣна въ грязь, такъ и обдавъ насъ ею.

— Горитъ внутрѣ. Господа начальство — вы видите. А я—я поправлюсь... Мнѣ бы отдышаться... Гривенникъ... Я сейчасъ—и опять человѣкъ буду!

Мы ужъ отходили, какъ вслѣдъ за нами послышалось поспѣшно.

— Отецъ... Помилуй... А я этого старшину загублю... Онъ меня, а я его... И за Стешу, и за всѣхъ. Ты думаешь мнѣ, мнѣ,—ударилъ онъ себя въ грудь,—сладко?—И вдругъ отъ собственнаго удара тяжело раскашлялся.—Пущай меня на кобылѣ дерутъ... Все одно помирать... А только ему не жить... Не жить... Эй ты, Васька Сиволуповъ. Выходи... Ну, гдѣ ты?—оралъ онъ на всѣ четыре страны свѣта.

Но, въ отвѣтъ ему, только свисталъ холодный вѣтеръ, пробѣгая по влажнымъ пустынямъ, да вверху все также мед-

ленно, грузно, сбрасывая внизъ какую-то мокрую вату лохмами, тащились безпросвѣтныя тучи...

— Вотъ и школа наша...

XVI.

Школа такая же изба, только ея жерди кое-гдѣ забирались досками. Путь къ ней растоптанъ. Грязь стояла лужами. На порогѣ старикъ, весь сгорбился.

— Здравствуй, Николай Васильевичъ.

Тотъ воззрѣлся на священника и сорвалъ шапку.

— Что не идешь туда?

— Робята смѣются...

И онъ самъ улыбнулся, да такъ весело и радостно, что отъ безчисленныхъ морщинокъ у его глазъ—точно лучи засіяли въ этотъ холодный и тусклый день.

— Страсть, Николай Васильевичъ, любитъ въ школѣ сидѣть... Вмѣстѣ съ малыми.

— Учится тоже?

— Нѣтъ. Куда ему. Такъ слушаетъ. Доброе, говоритъ, дѣло. Точно въ церкви. И на душѣ свѣтлѣе.

Послѣ трагическаго (какая же иная трагедія въ русской жизни) Егора—это была своего рода идиллія.

— Ну, пойдемъ-пойдемъ.

— Я что жъ... Я пойду... Я очень пойду!—шамкалъ онъ намъ вслѣдъ.—Мнѣ что жъ—пущай дѣтки смѣются. Еще веселѣе.

Вспоминая Стешу, я никакъ понять не могъ, какъ эти дѣтки ухитряются смѣяться. Но, войдя въ школу—пріятно изумился. Во всякомъ случаѣ, впрочемъ, не ея наружнымъ видомъ. Въ комнатѣ было тѣсно и душно. На полу грязь лежала слоями. По утрамъ метутъ, но дѣти ея на ногахъ наносятъ. Большая часть—босоногая команда. Пятки вытретъ, а весь, все равно, грязью залѣпленъ. Тускло. По стѣнамъ, которыя, очевидно, бѣлить пробовали, расползаются узоры отъ сырости. Точно географическая карта съ невиданными океанами, рѣками, озерами... Анна Герасимовна улыбнулась намъ на встрѣчу...

— Дѣти тутъ только и дышутъ!—пояснилъ мнѣ отецъ Петръ.

Свѣтлый колоритъ на всемъ лежалъ именно отъ этихъ дѣтскихъ личикъ. Видимое дѣло, у Анны Герасимовны они

чувствовали себя хорошо и легко. Глаза у малышей горѣли любопытствомъ и оживленіемъ, блѣдныя обыкновенно щеки блестѣли румянцемъ, даже Стеша—и та смѣялась чему-то радостная и возбужденная.

— Точно въ раю!—шамкалъ въ дверяхъ Николай Васильевичъ.—Кабы подкормить ихъ, а то совсѣмъ будто у Бога въ гостяхъ-то! Ахъ вы, анделочки... Ты, Гришка, смотри,—погрозилъ онъ нацѣливавшемуся въ него чѣмъ-то мальчику.—Я те вихры такъ надеру. Будешь помнить... Въ оврагѣ-то лозы сколько хочешь. Пали ее въ печи—отнюдь тепла не дастъ. Ну, а задеру тебѣ рубашонку—на это лоза, ахъ хороша!..

Ребята пододвинулись, давая мѣсто отцу Петру и мнѣ.

— Чужой!—слышался тонкій голосокъ Стеши.—Чужой, а только онъ ничего.

— Бранится?

— Не... Чай пьетъ у попа... Сидитъ и пьетъ...

— Ишь ты.

И они уже съ видимымъ уваженіемъ оглядывали меня...

Анна Герасимовна сегодня имъ читала. Два дня въ недѣлю она дѣлала это и дѣтвора боялась пропустить назначенные часы. Я смотрѣлъ на ближайшихъ и невольно улыбался самъ. Они сплошь уходили въ то, о чемъ разсказывалъ авторъ. Даже голыя ноги подводило у нихъ, такъ разгоралось любопытство. И всякій разъ, когда, по ихъ дѣтскому разумѣнію, правда оказывалась торжествующей—они какъ-то ухали, переглядываясь одинъ съ другимъ, хлопали себя ладонями по колѣнамъ, привставали, радостно смѣялись. Во всемъ этомъ не уступалъ имъ и старикъ Николай Васильевичъ. Онъ свѣтился каждой морщинкой и присѣдалъ отъ волненія—принимая, очевидно, приключенія героя за чистую монету. Аудиторія была такая впечатлительная, вѣрно отражающая каждое положеніе, страстная, что иной бы и не пожелалъ себѣ нашъ братъ-писатель.

— Ишь ты!..—ликовали дѣтскія сердца.

— Такъ его и надо... Не обижай!..

— Ловко онъ его.

— Я бы еще и не такъ. Я бы его по шеѣ.

— Ну и кавалеръ!—воскликнулъ восхищенно старикъ.

Когда дѣти чего-нибудь не понимали—они безцеремонно останавливали Анну Герасимовну.

— Зацѣмъ?—поднимался какой-нибудь малышъ.

— Что зачѣмъ?

— Слово это зацѣмъ.

— Какое?

— А которое сейчасъ...

Та ему объясняла и слушатель, удовлетворенный, успокаивался.

Одинъ около меня сопѣлъ даже отъ наслажденія.

— Лучше, чѣмъ въ сказкахъ!—вырвалось у него.

— Что лучше?

— А вотъ это самое—лучше. Взаправдашнее...

Вниманіе ослаблялось только тогда, когда авторъ началъ разсуждать или описывать природу. Очевидно, этой публикѣ надо было дѣйствіе, а выводы она дѣлала сама, и иногда совсѣмъ неожиданные. Читала Анна Герасимовна, какъ кто-то собаку спасъ. И такъ этотъ песъ былъ признателенъ своему хозяину—еще бы, топить несли, а онъ купилъ, къ себѣ привелъ и накормилъ, что когда, впослѣдствіи, животное взбѣсилось, то убѣжало въ лѣсъ, чтобы какъ-нибудь не укусить своего благодѣтеля.

— Маху далъ!—вдругъ вырвалось у веснусчатаго мальчика съ вихрами на вискахъ, точно онъ нарочно взбилъ на нихъ волосы.

— Что?

— Сказываю насчетъ собачки.

— Ну...

— Лучшебъ ее сразу утопить.

— Почему?

— Да она въ лѣсъ убѣгла?

— Что жъ изъ этого?

— Что жъ она по лѣсу-то такъ по добру шмыгать станетъ? Она тоже перекусаетъ, что ей попадется. Пастуха Андрона одна тоже какъ цапнула! Умеръ онъ, Андронъ-то, а напередъ и мучился же. Самъ кричитъ: вяжите меня православные, потому я теперь всѣхъ погубить могу. А придутъ къ нему съ веревкой—онъ какъ зарычитъ, да кинется. И все пѣна на губахъ, все пѣна. Нѣтъ, онъ напрасно собачку. Поигралъ бы съ ней и утопилъ...

Даже Анна Герасимовна растерялась передъ такой побѣдоносной логикой.

Когда чтеніе кончилось, она вызывала:

— Ну, кто перескажетъ мнѣ?

— Становись, дѣтки, на дыбы!—поощрялъ старикъ Николай Васильевичъ.

Малыши переглядывались, потомъ смотрѣли на меня. Видимо чужого человѣка стѣснялись.

— А ты, Герасимовна,—опять вмѣшался старикъ,— Ляксѣя попытай. Ляксѣй у насъ шустрый... Онъ те всякую книжку прочкнетъ.

— Ну, Алексѣй!

Рыжій мальчикъ въ отрепьяхъ поднялся и хмыкнулъ.

— Онъ который... прынецъ у колодца значитъ... И вдругъ такая ему объявка—иди на страженіе... А великанъ какъ зацѣпилъ дерево въ лѣсу да какъ ухнетъ... И сейчасъ на тое мѣсто...

— Постой-постой. Ты вовсе не то и все спуталъ...

Но Алексѣй продолжалъ угрюмо молчать.

— И чтобъ, значитъ, всякая звѣря лѣсная и всякая птица подводная...

— Ну, это ты, братъ, того,—засмѣялся Николай Васильевичъ.—Какую ты еще птицу подводную выдумалъ. Нешто такія бываютъ взаправду?

— Взаправду не бываетъ, а въ книжкѣ есть.

Едва удалось остановить его. За то Стеша—на видъ такая убитая и запуганная—толково передала содержаніе прочитаннаго разсказа и даже въ чувствительныхъ мѣстахъ не могла удержаться отъ слезъ. Впрочемъ, я ихъ замѣтилъ въ глазахъ у многихъ дѣтей. Они эти именно повѣсти и любили. Сколько разъ ни читай имъ—наизусть знаютъ, ошибешься— поправятъ, а въ патетическіе моменты у нихъ вѣки точно пухнутъ и головенки опускаются внизъ. Все-таки—стыдно плакать!

XVII.

Дѣти неохотно оставляли школу.

Въ дверяхъ они сбились вокругъ Анны Герасимовны.

— Послѣ обѣда ты придешь?—добивались они.

— Приду, приду.

— Ну, вотъ. А потомъ вмѣстѣ къ вечернямъ.

— Хорошо, дѣтки...

— Мы те всѣ урки вотъ какъ выучимъ...

— Я ужъ знаю свой!—выставился Алексѣй.—Всякую тебѣ цифру помножу. Хошь девятью-девять спроси, и то могу. Вотъ я какой.

— А подводныхъ птицъ выдумывать не будешь?

Алексѣй смутился и замѣшался въ толпу.

— Ну, смотрите, дѣти, чтобы всѣ у меня уроки знали. Стеша, приходи заниматься ко мнѣ.

— Ей, бѣдняжкѣ, дома не дадутъ работать,—тихо замѣтилъ мнѣ отецъ Петръ.

И въ самомъ дѣлѣ, не успѣли мы сдѣлать нѣсколькихъ шаговъ, какъ, смотримъ, посреди улицы все тотъ же Егоръ. Только теперь пожертвованный мною гривенникъ привелъ его изъ угрюмаго и мрачнаго настроенія въ веселое и воинственное.

— Я-ста... Да вы меня знаете, невѣжи?—добивался онъ у кого-то, стоя посреди улицы по колѣна въ грязи. (Я оглянулся—никого кругомъ не было). — Я вамъ, подлецамъ, покажу. Поймете вы, каковъ Егоръ Мосѣевъ... Подвселенную изойди—другого не найдешь. Вы полагаете, отпороли—и много доволенъ. Нѣтъ, погоди, я терплю на васъ до времени. Потомъ разсчетъ будетъ. Я вамъ каждый лозанъ вспомню, анаѳемы... Стеша,—замѣтилъ онъ издали дѣвочку.—Бѣги, веди отца домой. Отецъ—пьяный. Самъ не можетъ... Дери его за хвостъ. Что на него смотрѣть. Стеша, милая... Давеча я те отъ всей своей любви—полѣномъ по башкѣ... А ты забудь... Слышь, дочка, не суди, потому у меня на душѣ-то волки голодные воютъ. Вотъ какъ. А за тебя—въ огонь-воду. Только вели—батюшка, отецъ Петръ, прости меня. Точно, что я сегодня саданулъ дѣвчонку... Въ сердцахъ — потому нѣтъ больше моей мочи. Какъ увидалъ свово погубителя съ медалью на шеѣ—точно ожгло меня.

— Сегодня волостному прислали медаль!—тихо замѣтилъ отецъ Петръ.

— Пропадаю отъ собственной трезвости!—оралъ уже на всю улицу Егоръ.—Отецъ Петръ, ты бы отчиталъ меня. Видишь, каковъ я... Отецъ, я на колѣна стану...

И тутъ же, въ грязи, бухъ священнику въ ноги...

— Встань. Поди домой, выспись...

— Спать? Нѣтъ, братъ, попъ. У меня нынче въ головѣ своя планта есть. Ужъ я съ моимъ подлецомъ, Ермошкой, сочтусь... А тамъ суди меня судія неправедный... Довольно терпѣлъ. Тринадцать годовъ ждалъ—возвеселюсь и я нонче. Я ему покажу... Первымъ дѣломъ... а впрочемъ, Стеша, веди домой батьку. Неча ему посреди улицы на народъ лаять... Не долго ему дома-то повеличаться... Дѣтки, милыя... Какъ-то вы безъ меня...

И онъ вдругъ заплакалъ безсильными пьяными слезами...

— Ну, что,—спрашивала меня, уже у себя, Анна Герасимовна,—какъ вамъ сегодня, малымъ и узкимъ показалось мое дѣло?

— Не знаю, что вамъ сказать...

— А я такъ думаю—нѣтъ крупнѣе и выше... Въ самыхъ потемкахъ, гдѣ ни зги не видно, зажечь свѣтъ,—нѣтъ, по моему, дѣла прекраснѣе... На это всей жизни не жаль отдать.

XVIII.

Не успѣли мы еще очиститься дома отъ грязи и привести себя въ порядокъ, какъ къ крыльцу подъѣхалъ маленькій тарантасикъ. На облучкѣ сидѣлъ бокомъ весь залѣпленный слякотью кучеръ. На немъ лица нельзя было разобрать. Старъ онъ или молодъ, черенъ или бѣлъ... Лошади были хорошо выкормлены...

— Чего ему надо?—съ неудовольствіемъ взглянулъ въ окно отецъ Петръ.

— Кому?

— Да это тотъ самый Ермошка—волостной старшина, о которомъ сегодня на улицѣ вопіялъ Егоръ.

— Интересно взглянуть.

— Да, знаете. Хоть и сказано: не осуждай, да не осужденъ будеши, а только съ такимъ трудно удержаться.

Изъ тарантаса вылѣзъ круглый и точно налитой мужикъ въ шитой рубахѣ, въ пиджакѣ—насколько можно было разобрать изъ-подъ раскрывшагося пальто. Сапоги бутылками. Лапа такая—что слону нечего было бы завидовать. Крыльцо даже поддалось подъ тяжестью этой махины... Я пошелъ къ себѣ на минуту, и когда вернулся, оказалось, что о. Петръ тоже успѣлъ перемѣнить рясу и уже привѣтствовалъ старшину.

— Ну, поздравляю васъ, Ермилъ Федосѣевичъ.

— Да,—хрипѣлъ волостной, пуча глаза, и такъ наливаясь кровью, что я боялся вотъ-вотъ лопнетъ и насъ обрызжетъ всѣхъ.—Да, точно, что за царемъ служба... Отличенъ начальствомъ.

И онъ дотрогивался до серебряной медали, висѣвшей у него на боку.

— Становой сказывалъ—ноне тебѣ серебряная, но старайся и преуспѣвай. Будетъ своевременно и золотая и даже такъ, что на шею...

— Давай Богъ.

— Съ кавалеріей куда лучше. И мужики больше почувствуютъ... Ежели бы вы, батюшка, по этому по самому... Завтра вѣдь воскресенье.

— Ну-съ.

— Съ амвона оповѣстили... Въ родѣ будто проповѣди .. Дескать, Ермилу Федосѣевичу за искорененіе разныхъ подлостей отъ начальства поощреніе, дабы и впредь неослабно... Ну, а причтъ: многая лѣта.

— Не полагается это.

— Отчего?—горестно изумился онъ.—Губернаторъ пріѣзжалъ—вы же привѣчали его.

— Я его встрѣтилъ на паперти.

— А меня на паперти нельзя... для почету. Чтобы народъ видѣлъ и понималъ, сколь я вышнею властью одобренъ?

— Нѣтъ. Я за это отвѣчу, да и вамъ достанется.

— Скажите, а я думалъ!

— Мы каждую проповѣдь обязаны на утвержденіе посылать.

— Жаль. Ей-Богу, жаль. А я на васъ надѣялся. И для порядку больше, чѣмъ для себя. Для страху. Чтобы повиновались... Ну да всячески--завтра милости просимъ послѣ обѣдни. Даже становой обѣщали. Я донского бѣлой головки заказалъ изъ города, Соколова—знаете... А за обѣдомъ нельзя у меня произнести?.. Прежде чѣмъ за здоровье пить... Я въ газетахъ читалъ. Всегда въ знакъ чувствъ произносятъ, а прочая публика которая,—ура кричитъ.

— И этого я не могу. По нашему сану не положено.

— А я такъ вижу, что вы собственно не желаете почтить... Ну, да что же... Ваше дѣло.

— Разумѣется, мое. Только вы знаете, чѣмъ это пахнетъ.

И отецъ Петръ незамѣтно улыбнулся.

— Чѣмъ?—встревожился пузырь.

— А вотъ ваше требованіе съ амвона привѣтствовать васъ. Ну, захоти я доложить объ этомъ.

— Помилуйте, отецъ Петръ, мы по сосѣдски... Развѣ я что... Нежели кляузы заводить.

— Быть у васъ, буду... А рѣчь пусть писарь произнесетъ.

— Писарь? Онъ отъ писанія не можетъ соотвѣтствовать... У него слово легкое, больше какъ протоколы пишутъ, но душа не чувствуетъ... Онъ сейчасъ статью закона, а не то, чтобы... изъ пророковъ или святыхъ отцовъ... И васъ также

прошу,—обернулся онъ ко мнѣ и какъ-то ребромъ протянулъ мнѣ широкую лапищу—лопата-лопатой.—Не погнушайтесь. Если есть кавалерія—удостойте надѣть, чтобы всѣ видѣли, какіе у меня господа угощаются. А я ужъ—поѣдете, велю вамъ такихъ лошадокъ...

— Я завтра утромъ выѣду.

— Никакъ нельзя.

— Почему?

— Страсть какъ дорогу разсосало. Дай Богъ вамъ въ авторникъ тронуться. Только вы не думайте, чтобы у меня публика была низкая. Два священника обѣщали, становой, отецъ Петръ съ женой и Анна Герасимовна... Пивомъ хоть облейтесь, а мадера у меня, отъ Землякова, изъ городу, такая, что хоть какое луженое горло и то точно собака въ куски изорветъ зубами. Чувствительное винцо. Такъ и называется „номеръ ноль спеціальнаго нажима". Потомъ у меня насчетъ гостей особое распредѣленіе. Сугубые господа которые,—направо въ горницѣ со мною, а вторительные—урядникъ въ томъ числѣ—налѣво, съ бабой моей! Ну, и имъ всѣмъ тоже сказано! Честью упредилъ, чуть что—сейчасъ мордой объ столъ и вонъ на улицу. Будьте спокойны, все будетъ въ полномъ благородствѣ...

XIX.

— Вы думаете, надо ѣхать?—спросилъ я на другой день у о. Петра.

— Какъ хотите... Другому бы и не надо, а вамъ отчего же. Увидите людей особаго сорта...

— А не стѣсню я?

— Видите ли, до половины обѣда будутъ тревожиться на вашъ счетъ. Ну, а потомъ Земляковская мадера живо имъ языки развяжетъ. Къ жаркому—перестанутъ понимать одинъ другого. Цѣловаться съ вами начнутъ.

— Слуга покорный.

— Безъ этого у насъ не могутъ. Либо свиньями одинъ другого величаютъ, либо лобызаются...

— А какъ же Анна Герасимовна и Софья Самойловна?

— Онѣ въ психологическій моментъ обыкновенно удаляются.

Съѣзжаться надо было послѣ обѣдни.

Во время службы въ церкви на паперти случился скан-

далъ. Ермошка съ медалью—идолъ-идоломъ выперся передъ самый иконостасъ. Его воловій затылокъ не могъ даже шевельнуться. Кланялся онъ, поворачиваясь всѣмъ тѣломъ. Для пущей важности онъ обернулъ шею гаруснымъ шарфомъ и длинные концы его откинулъ на спину. Сапоги бутылками на сей день сіяли какъ зеркало... Очевидно, въ церкви онъ считалъ себя хозяиномъ и величественно помавалъ бровями одесную и ошуюю, привѣтствуя особъ менѣе значительныхъ. Станового не было—онъ обѣщалъ пріѣхать къ нему прямо. И вдругъ, въ одинъ изъ самыхъ торжественныхъ моментовъ, когда Ермошка удостоилъ присоединить и свой козлиный тенорокъ къ пѣнію причта, снаружи послышался шумъ...

Я стоялъ ближе всѣхъ къ выходу.

— Это опять Егоръ бунтуетъ.—Зашевелились крестьяне...

— Онъ и есть.

— Убрать бы...

— Поди, попробуй!.. Онъ-те уберетъ. Медвѣдя и того обломаетъ.

— Всѣмъ бы навалиться.

— Стоитъ! Пущай его. Волостного ругаетъ — не наше дѣло... У нихъ, братъ, своя линія. Ихъ не разберешь...

Я вышелъ на паперть.

Опять въ той же позѣ, посреди площади, босой и безъ шапки Егоръ „величался" по своему.

— Ермошка! выходи, подлая душа. Я те вихры-то разчешу... Покажу тебѣ правцу... Выходи—неча за народомъ прятаться...

— Егоръ,—уговаривали его. Не безобразь, самъ видишь, обѣдня идетъ. Грѣхъ.

— Грѣхъ? Нѣтъ, братъ. Я грѣха-то пуще тебя боюсь. Я Богу моему вотъ какъ,—и онъ бухнулъ на колѣни и головой въ грязь. Отъ всей души—святый Боже, святый крѣпкій... Я, братъ, Бога вотъ какъ понимаю! Кабы я его не боялся, Бога-то, у меня бы Ермошка подъ ножомъ, какъ поросенокъ визжалъ. А я его милую—значитъ, Господа своего помню. А ему тожъ за Бога прятаться не слѣдъ. Богъ-то его наскрозь видитъ, какой онъ передъ нимъ лицемѣръ. Выходи, анаѳемская твоя душа съ медалью. Выходи—кажи ее, какая она. Ты думаешь—испугалъ?.. Нѣтъ, врешь...

Наконецъ, нашелся одинъ изъ мужиковъ полукавѣе.

Обошелъ Егора со стороны и на ухо ему своей лисьей мордой:

— Егоръ... Ты лучше потомъ его обдѣлай.

— Какъ потомъ?

— При всемъ, при начальствѣ. Къ нему сегодня соберутся. Пировать будутъ.

— Нну!

— Коки пироги пекутъ! Вина этого самаго—до завтра не выпить. А теперь, ну, что толку... Возьмутъ тебя сейчасъ и запрутъ въ холодную.

— Это точно...

— Только и будетъ всего, а ты при господинѣ начальникѣ. Чего тебѣ бояться.

— Мнѣ бояться, братъ, нечего. Я всего испробовалъ. Больше прежняго не будетъ... Меня какъ пороли? Солеными лозанами...

— Ну, вотъ. По крайности, ты его при всѣхъ тогда оконфузишь.

— Это я могу. Мнѣ наплевать...

— А теперь ступай.

Егоръ смолкъ и пошелъ, шатаясь, куда-то вдаль...

XX.

Обѣдъ у Ермошки дѣйствительно стоилъ посѣщенія...

Хозяинъ въ передней принималъ гостей, кланяясь именитымъ чуть не земно. Лицо его было умиленно, на глазахъ выступали пьяныя слезы. Онъ уже попробовалъ мадеры спеціальнаго нажима и потому былъ неудержимъ въ краснорѣчіи. Становому онъ поцѣловалъ руку и, всхлипывая, хрипѣлъ: „Отецъ. Вели въ огонь-воду. Помремъ за тебя... Хочешь, я сейчасъ всей мордой въ грязь... Потому, развѣ я свинья, чтобы не чувствовать...“—„Ну, ладно-ладно. Старайся и впредь“, смущенно отбивался тотъ.—„Нѣтъ, дозволь тебѣ въ ноги!—И тутъ же хлопался лбомъ о земь.—Да я теперь народъ, ежели что, въ клочья изорву... Для пользы службы...“ Врачу онъ уже живописалъ: „Вотъ, сказываютъ, выше лба уши не ростутъ... А я-то?.. То-есть, столь возвеличенъ, столь вознесенъ!..“ Попамъ онъ говорилъ нѣсколько начальственно: „Отцу Епифану... Хорошо ли молитесь за насъ—за власть предержащую? То-то, смотрите, чтобы все въ порядкѣ, потому, ежели я теперь что замѣчу—бѣда. Долженъ я оправдаться передъ господиномъ губернаторомъ за его милости...“ Волостного писаря онъ отвелъ въ сторону: „Ну, что, готово?“—

„Не бойся“. — „То-то. Ты, смотри, утри носъ о. Петру... Пусть онъ чувствуетъ—и безъ него-де обошлись. Не очень-то жалѣемъ!..“ За обѣдъ сѣли чинно, послѣ молитвы. Въ стеклахъ этой горницы тотчасъ же отпечатались пятачки отъ прижавшихся къ нимъ носовъ любопытной деревенской дѣтворы. Пироги подавали чуть не въ полсажени каждый. Всякій кусокъ вспрыскивали Земляковскою мадерою до того, что къ бараньему боку становой осовѣлъ. Приложивъ ладонь ко лбу, онъ пристально всматривался въ своего закадычнаго друга, дьякона Трисвятскаго... Всматривался, всматривался, и вдругъ недоумѣнно воскликнулъ: „Гдѣ я эту даму видѣлъ?.. Мадамъ, дозвольте мнѣ — отставной поручикъ Крылетьевъ... Вы въ клубѣ не танцуете?“. Дьяконъ обидѣлся. „Ты это что? За честнымъ столомъ духовныхъ особъ шельмовать?..“ — „Нѣтъ, мадамъ, погодите, но какъ я хорошо помню, что танцовалъ съ вами мазурку, то не угодно ли вамъ будетъ ручку мнѣ!..“ Трисвятскій всталъ и пересѣлъ, обозвавъ его невѣждой, на что тотъ сейчасъ же нашелся: „Отъ дамы стерпѣть готовъ и даже всякое поношеніе!“ Потомъ, узнавъ во мнѣ писателя, хотѣлъ показать свою образованность и добивался: „У кого, по вашему, болѣе эстетика торжествуетъ: у Фофанова или у Мережковскаго. По моему, они оба хороши,—но одинъ, господинъ Мережковскій, до обѣда, ибо онъ терзаетъ больше мысль, а г. Фофановъ—послѣ, какъ онъ больше чувствомъ и образомъ дѣйствуетъ“. Выпаливъ въ меня этою фразой, его высокоблагородіе, не ожидая отвѣта, продолжалъ, очевидно, наслаждаясь произведеннымъ впечатлѣніемъ: „Между прочимъ, и ваше имя уже включено въ списокъ книгъ, воспрещенныхъ для сельскихъ и училищныхъ библіотекъ... Мы за литературою слѣдимъ по обязанности, ибо наша служба, такъ сказать, обоюдуострая. Мы должны разить и вправо, и влѣво. На войнѣ это называется „на два фронта“, не упуская притомъ и внутреннихъ враговъ. Намъ больше всего психологія нужна, ибо мы, по долгу присяги, сердца видимъ... Однако, я вамъ скажу, у этого подлеца и вино... У васъ въ головѣ не шумитъ?“ — „Нѣтъ!“ — „Неужели!“ По другую сторону отъ меня сидѣлъ письмоводитель земскаго начальника. Тотъ тоже велъ разговоръ литературный. „Я, знаете, двадцать лѣтъ подписываюсь на „Родину“. По средствамъ... На другой журналъ денегъ не хватаетъ—ну, а въ четыре съ полтиной могу. Двадцать лѣтъ... И два раза въ Петербургъ ѣздилъ, но господина редактора не удостоился видѣть!“ Оказалось, что его, главнымъ образомъ,

тревожитъ: брюнетъ г. редакторъ или блондинъ. И если брюнетъ, то почему именно. Посреди обѣда, точно на пружинѣ, взвился волостной писарь...

— Ты что?—уставилъ на него мутные глаза становой.

— Одобрите рѣчь произнести.

— Рѣчь... Съ дозволенія начальства. Валяй!..

— Ваши высокоблагородія, ваши преподобія и прочая публика! По примѣру всѣхъ великихъ народовъ, засвидѣтельствованныхъ въ древней, средней, новой и новѣйшей исторіяхъ, и мы—русская православная нація чествуемъ по заслугамъ именитыхъ соотечественниковъ, изъ коихъ, по закону, и крестьяне не изъемлются!..

— Вѣррно!—воскликнулъ восхищенный хозяинъ...

— Не изъемлются... Если вы, Ермилъ Федосѣевичъ, перебивать будете неумѣстно, то какой же отъ сего фуроръ выйдетъ? И такъ, почтенное собраніе, и мы нынче, по примѣру прочихъ Цинцинатовъ, сошлись здѣсь за гостепріимною трапезою въ знакъ нашей патріотической радости, что и среди всероссійскихъ поселянъ, коихъ даже въ столицахъ зовутъ кормильцами и...

— Поильцами...—продолжалъ становой.

— Точно такъ, ваше высокоблагородіе... Нашелся субъектъ, своей индивидуальностію обратившій на себя лестное, съ занесеніемъ въ формулярный списокъ, вниманіе вышняго вѣдомства... Всѣ, здѣсь вкушающіе отъ... отъ...

— Борова, зарѣзаннаго вчера,—подсказалъ кто-то.

— Такъ нельзя, господа, — обидѣлся писарь. — Если даже въ „Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ помянули Ермила Федосѣевича, то, позвольте спросить васъ, при чемъ тутъ боровъ. Какое касательство онъ имѣетъ къ предмету настоящаго засѣданія... Вообще, видя ваше настроеніе и понимая, что всѣ, сидящія здѣсь сердца горятъ любовью къ нашему амфи... амфи...

— Амфитеатру!—подсказалъ тотъ же голосъ.

— Нѣтъ, вотъ и не попали—амфитріону... Нате-ко выкусите—и къ гостившему у отца семинаристу волостной писарь протянулъ черезъ столъ кукишъ.—Если угодно, можете и съ масломъ. И такъ, дозвольте господа начальство и прочая публика съ податною чернью включительно—преступить предѣлы дозволенной маленькому человѣку скромности и возгласить нашему гостепріимному, всещедрому и ревностно-усердному хозяину, Феодосѣю... Нѣтъ... Ермилу Козолупову троекратное, русское, патріотическое ура!

— Ура!.. Подхватила въ другой комнатѣ податная чернь.

— Многая лѣта...—запѣли тонкими голосками расположенныя въ сѣняхъ мальчики.

Волостной старшина не ожидалъ этого...

Онъ кланялся, плакалъ, тыкался въ руки всѣмъ, лобызался съ писаремъ и при этомъ приговаривалъ.

— За донское-то съ меня двѣнадцать монетовъ сняли!

— Старайся!—одобряли его.

— Пейте, пейте, господа начальство, намъ на это начхать. Мы и еще двѣнадцать прожертвуемъ. За ваше неоставленіе...

Я воспользовался суматохою и вышелъ.

За угломъ дома старшины прятался Егоръ. Увидя меня, онъ показался.

Къ крайнему моему удивленію, онъ былъ совершенно трезвъ.

— Это его... Ермошку такъ величаютъ?—спросилъ онъ у меня.

— Да... А что.

— Ну, постой... Отольются волку овечьи слезы... Не даромъ я измучился... Семью загубилъ...

Я невольно вздрогнулъ отъ мрачнаго выраженія его глазъ.

— Не дай Бdгъ, думалъ, выдти теперь „амфитріону“... Кстати припомнилъ и разсказы о страшной силѣ Егора...

XXI.

За то дома мы съ о. Петромъ и дамами искренно хохотали. Мнѣ пришлось много видѣть и слышать, но участвовать въ подобномъ торжествѣ не случалось. Особенно рѣчь писаря съ „сидящими сердцами“ и примѣрами великихъ народовъ очень насъ утомила. Даже Анна Герасимовна, рѣдко улыбавшаяся, хохотала отъ души и я въ первый разъ видѣлъ ее такою. Самый смѣхъ ея былъ невыразимо нѣженъ и пріятенъ. Подобный я замѣчаю у очень ужъ хорошихъ людей. Въ немъ звучало что-то искренное, такъ и просившееся къ сердцу.

— Ну, завтра-то мнѣ, авось, удастся уѣхать... Я думаю, надоѣлъ вамъ до смерти...

— И не завтра, и не послѣ завтра.

— Почему?

— У насъ скоро сказка сказывается. Дорогу завтра еще только начнутъ.

— Какъ, а вчера и сегодня?

— И не думали... Да и то потому, что чиновника особыхъ порученій ждутъ губернаторскаго. А то и еще бы мѣсяцъ такъ простояло... Кому ѣздить? Почта—да вѣдь Ермошкѣ почта не за чѣмъ, а земскій и становой они въ сторонѣ на другомъ трактѣ. Ишь разшумѣлись.

Дѣйствительно, не смотря на то, что домъ волостного стоялъ по ту сторону улицы, до насъ доносились оттуда крики и пѣніе. Это ужъ вѣрно „податная чернь" расходилась во всю, тѣмъ болѣе, что, какъ мы видѣли въ окно, „господа начальство" съ попами включительно разъѣхалось по домамъ. Скоро стемнѣло. Къ Аннѣ Герасимовнѣ пришла Стеша.

— Ну, что отецъ?

— Пьяный... Опять.

— Дома?

— Не... У волостного... У Ермила Федосѣевича.

— Какъ онъ туда попалъ?

— Онъ не туда... Онъ округъ шатается. Я его домой звала...

— Не пошелъ.

— Нѣтъ. Уди прочь — ушибу! кричитъ. Сегодня мой праздникъ... Матка боится.

— Чего?..

— Не сдѣлалъ бы онъ бѣды... Никогда такой не былъ. Ходитъ и головой мотаетъ.

— Ну какую же онъ бѣду сдѣлаетъ. Пьяница, а совѣсть есть. Развѣ — попадись ему волостной, такъ онъ помотаетъ его... Народу много—не дадутъ въ обиду. Отнимутъ...

Мы напились чаю. Анна Герасимовна сѣла за свои книжки. У отца Петра тоже нашлось дѣло. Я поговорилъ съ Софьей Романовной и къ себѣ ушелъ... Скоро совсѣмъ стемнѣло... Въ этомъ маленькомъ домикѣ точно въ каютѣ посреди негостепріимнаго и бурнаго океана. Только, казалось, и есть въ цѣломъ мірѣ пристанища и тепла, что крохотный уголокъ, освѣщенный тусклою лампой. Кругомъ на голыя и мокрыя поля ложится туманъ, вверху ползутъ грузныя, поминутно разрѣшающіяся холодными слезами тучи, рядомъ въ избахъ — голодно, безпріютно, сиротливо. Тамъ еще большій мракъ, сплошное невѣжество, несчастіе, только потому и выносимое, что оно пока не сознаваемо... Понятно, что никуда и не тянуло изъ этого оазиса и все-таки, отогрѣваясь въ немъ, я не понималъ, какъ Анна Герасимовна еще выноситъ это. Не изъ одного же самолюбія она сидитъ въ болотинѣ когда въ ея

прошломъ было столько солнца, голубого неба, теплаго простора, ласковыхъ морей, поэтическихъ воспоминаній... Вѣдь ея разсужденія о томъ, что нѣтъ малаго дѣла, невольно блекли рядомъ съ этими „Ермилами", заполонявшими все здѣсь. И стоило имъ только собраться съ духомъ, чтобы и отъ этихъ тощихъ всходовъ ея долгаго, мучительно-труднаго посѣва не осталось и слѣда. Они пока не разобрали, а кто же мѣшаетъ тому же Ермилу подбить сходъ закрыть-де школу, отнять домъ, не давать дровъ и вообще пустить въ ходъ всѣ извѣстныя средства отечественной „внутренней политики". Тутъ и сверху ничего не сдѣлаютъ, какъ ни бейся о. Петръ и Анна Герасимовна. Хорошо это великое „малое дѣло", когда лицомъ къ лицу съ силами адовыми, со всей этой стихійной тьмой и глухою враждою стоитъ одна слабая дѣвушка. Да ее первыми порывами урагана сорветъ и унесетъ Богъ знаетъ куда. Тѣмъ болѣе, что для Ермиловъ совѣсти нѣтъ и въ доносахъ всякаго рода они видятъ великолѣпное и всегда дѣйствительное средство. Даже хвалятся. „Какъ я ее—торопыгу-то нашу подшибъ. Летомъ ее унесло. Только и видѣли. И всего-то я два словечка шепнулъ—была и нѣтъ. Слава тебѣ, Господи—по менѣй у насъ теперь пакостевъ будетъ! Ну ее къ чорту въ болото!" И „прочая публика" гогочетъ и радуется... Не то, чтобы она стыдъ потеряла—стыда у нея никогда и не было, не откуда ему взяться—а ужъ очень ермошкина дипломатія ее восхищаетъ. И за бѣдную дѣвушку ни одного голоса не подымется въ этой безпросвѣтной темени. Всякому своя шкура дорога. Тотъ же Ермошка придерется и вытащитъ „гордыбаку" на волостной судъ. А тамъ всѣ у него въ кулакъ зажаты. Рѣшатъ всыпать „сто"—и ложись безпрекословно „патріотъ своего отечества" на россійское прокустово ложе...

Ходилъ я изъ угла въ уголъ, размышляя о судьбѣ, ожидавшей Анну Герасимовну, какъ вдругъ, хотя моя комната и была въ сторонѣ, до меня донеслись какіе-то крики... Я подошелъ къ окну. Но съ этой стороны все было спокойно и только вверху на тучахъ свѣтился красный отблескъ... То показывался, то исчезалъ—точно при сѣверномъ сіяніи... Я было хотѣлъ идти къ отцу Петру, какъ онъ вдругъ постучался...

— Что случилось?

— Ермило Федосѣевичъ горитъ.

Мнѣ сейчасъ же вспомнился Егоръ.

— Ужъ не Егоръ ли?

— Боюсь, что такъ!—озабоченно качалъ головою священникъ.

Я прошелъ въ его комнату—тутъ въ окно была видна улица съ домомъ волостного старшины напротивъ.

— Страшное дѣло! Пьяны тамъ всѣ... Пожалуй, столпятся въ дверяхъ и выскочить не успѣютъ.

Дѣйствительно, пламя лизало бревенчатыя стѣны съ трехъ сторонъ разомъ. Красный, зловѣщій языкъ его колебался у самаго крыльца, облизывая балки, подпиравшія его. Не успѣлъ я еще всмотрѣться, какъ этотъ языкъ припалъ къ ступенямъ, проскользнулъ по нимъ въ сѣни и вдругъ тамъ все такъ и освѣтилось багровымъ заревомъ. Я видѣлъ, какъ въ этомъ багровомъ заревѣ метались люди. Какая-то баба выскочила, споткнулась на горящихъ ступеняхъ и точно посторонняя сила ее выбросила на улицу. Остальные показались еще разъ въ сѣняхъ и со слѣпу видимо кинулись внутрь въ горницы. Балки крыльца уже пылали. Золотое пламя то окуривалось черными клубами дыму, то освобождалось отъ него, какъ полотнище знамени откидывало его прочь и, тогда мы видѣли,—надъ нимъ начинала уже тлѣть тесовая крыша... Красныя отрази бродили по облакамъ, выхватывали изъ темени ряды сумрачныхъ сельскихъ избъ, играли кровавыми сполохами на ихъ убогихъ стѣнахъ, поблескивали кое-гдѣ въ стеклахъ оконъ... На отсвѣтахъ этого пожарища то выступали, то пропадали лица сновавшей безтолково по улицамъ толпы и вдругъ надъ этою суматохою, надъ этою внезапно стрясшеюся бѣдою вверху съ колокольни ударилъ набатъ. Торжественно, мрачно, уныло катились глухіе призывы колокола въ этотъ мракъ, одни за другимъ, будя дальніе околотки...

— Надо выйти. Все чѣмъ-нибудь поможемъ...

Я одѣлся тоже. Анна Герасимовна въ сапогахъ и полушубкѣ стояла уже въ сѣняхъ.

— Хорошо, что вѣтра нѣтъ... А то бы полсела сгорѣло!..

Красный мракъ—иначе не знаю, какъ и назвать это—охватилъ насъ отовсюду.

XXII.

Именно красный мракъ. Въ багровыхъ отраженіяхъ трудно было разобрать что-нибудь. Они были тусклы и мутны. Мерещились стѣны избъ, и только. Вверху на тучахъ колебались тѣ же зловѣщіе сполохи пожара. Только у самаго дома

волостного старшины толпился народъ и галдѣлъ, по обыкновенію. Между горѣвшимъ срубомъ и сосѣдними постройками стоялъ народъ съ иконами въ рукахъ—единственный противупожарный инструментъ, оказывавшійся въ этомъ забытомъ и Богомъ, и людьми селѣ. Полымя откидывалось въ стороны, словно багровое лоскутье, колеблемое вѣтромъ, и обдавало стоящихъ чадомъ и жаромъ, но тѣ держались стойко, не уступая огню своей боевой позиціи... Въ тесовой кровлѣ уже расползались золотыя змѣи, показывая огненныя головки между досками и прятались, выкидывая черные клубы дыму. Вотъ одна выбѣжала, завилась и закружилась на мѣстѣ и вдругъ вся исчезла въ какой-то мути, точно обвилась ею... Минута—и муть сорвалась и понеслась въ небо, а золотая змѣя уже пылала цѣлымъ кругомъ неистоваго полымя. Свистало и трещало. Раскалывались охваченные жаромъ столбы, тысячами яркихъ узоровъ покрывались бревна... Въ толпѣ голосили бабы...

— Батюшки... Христосъ... Отцы-святители...

Мы всмотрѣлись — это метался Ермолай Федосѣевичъ. Значитъ, ему удалось-таки выскочить изъ полымя.

— Ребята, что жъ вы... Вымогайте...—толкалъ онъ народъ въ огонь.—Ужли жъ добру пропадать даромъ. У меня въ сундукѣ пять тыщей бумажками. Вѣдь я нищій. Слышите вы, злодѣи...

Куда и хмѣль у него дѣвался.

— Братцы!—и онъ вдругъ становился на колѣни.—Сусѣди, всю жизнь собиралъ бумажку къ бумажкѣ...

Но сусѣди пятились. Куда тутъ о сундукахъ думать, когда жаръ такъ и пышетъ въ лица... Самъ Козолуповъ совался въ полымя, но всякій разъ оттуда красные языки откидывали его назадъ. Только волосы у него на головѣ закуривались.

— Что иродъ... Будешь мою кровь пить?—вдругъ раздался въ толпѣ торжествующій голосъ. — Нищій! Нѣтъ, ты вспомни, анаѳема, какъ ты меня раззорилъ. Семья была — нѣтъ семьи, домъ стоялъ, и того не сберегъ. Все ты, ненасытная твоя морда, сожралъ...

— Это Егоръ...—толкнулъ меня локтемъ о. Петръ.

Я тоже различилъ его громадную фигуру. И безъ того рыжіе лохмы его казались огненными подъ заревомъ. Ермошка отъ него пятился и хрипѣлъ что-то.

— Егоръ, оставь его...

— Кого... Козолупа этого самаго. А онъ, братцы, оста-

вилъ меня? Тринадцать годовъ пилъ мою кровь. Волкъ насытится, а у него милости не было! Братцы, сусѣди. Ужли же вы меня не помните. Кому я зло сдѣлалъ. Какъ человѣкомъ настоящимъ былъ, мало я за міръ за цѣлый работалъ. Въ чемъ я повиненъ передъ вами. Говори, кого я обидѣлъ? Кому въ помочи отказалъ тогда хоть бы разъ? За что жъ этотъ Ермошка—паскуднѣе всѣхъ парня у насъ не было—за что онъ меня слопалъ? Шкуры не оставилъ—все ему было мало... Ну-ка, повеличайся теперь, Козолупъ—ничего, братъ, я тоже хорошо жилъ и нищимъ сталъ. Попытай и ты: каково это. Ишь тебѣ морду-то отъ сладкой водки разнесло. Что говорить—великъ. Самъ становой къ тебѣ—первый другъ. Какъ спины-то намъ драть—командовать умѣешь. Авось, и тебѣ теперь спину вздерутъ. Ха! А ты думалъ по конецъ жисти насъ тиранить, идолъ. Ты такъ полагалъ, на тебя суда нѣтъ. Анъ врешь. И на тебя палка нашлась. Медаль ему навѣсили за наши слезы. Поди-ка, покрасуйся теперь съ медалью. По настоящему,—и мы вздрогнули всѣ отъ глубокой ненависти, прозвучавшей въ голосѣ Егора,—по настоящему, тебя бы самого въ охапку да въ огонь. Помирай безъ покаянія.

— Батюшки! — взвизгнулъ рядомъ бабій голосъ... — А Алешко...

Толпа загудѣла. Крикнула жена волостного старшины.

— Ермилъ Федосѣевичъ, Алешка-то въ колыскѣ остался. Дитё малое...

Народъ точно отшатнуло. Изба почти вся уже занялась полымемъ...

— Какой Алешка?—уставился на нее мутными глазами Егоръ.

— Голубчики, отцы родные, дите у меня тамъ... Малое...

Она было метнулась въ огонь—ее удержали. Старшина неожиданно завылъ и точно срѣзанный колосъ такъ и грохнулся о земь.

— Дите... Твое дите, говоришь...

Столько ужаса было въ этомъ вопросѣ Егора, что мнѣ вчужѣ страшно стало.

— Твое дите... Оно-то ни въ чемъ неповинно... Господи!..

И вдругъ, въ первый моментъ я даже не разобралъ всѣхъ подробностей,—Егоръ широко перекрестился и швыркомъ метнулся въ огонь. На золотомъ уже фонѣ пожара я на одно мгновеніе замѣтилъ его громадную и могучую фигуру съ лох-

мами волосъ на головѣ... Мнѣ потомъ вспомнилось, что, вскакивая въ геену огненную — онъ ладонями лицо закрылъ... Народъ молча молился. Отецъ Петръ рядомъ со мною громко читалъ псаломъ взволнованнымъ и дрожащимъ голосомъ. Каждая секунда съ такою болью отдавалась въ груди, что мнѣ казалось, умру раньше, чѣмъ Егоръ сгоритъ или выскочитъ оттуда... Только Ермилова жена продолжала выть, не переставая...

Но вотъ въ огнѣ показалось что-то и опять пропало.

Должно быть, Егоръ хотѣлъ выйти и не одолѣлъ полымя.

Еще разъ...

Народъ точно охнулъ весь, когда тотъ выкатился изъ этого горящаго сруба.

— Слава Тебѣ, Господи! Слава Тебѣ!—торжествующимъ голосомъ воскликнулъ о. Петръ.—Слава Тебѣ поборающему злобу адову и силу сатанинскую расточающему въ прахъ!..

Вой прекратился.

— Живъ, живъ рабеночекъ!—гудѣла толпа.—Только пеленки да одѣяльце опалило... Ай да Егоръ. Спасибо тебѣ... Послужилъ Богу сегодня. Много тебѣ простится...

Но Егоръ, весь курящійся дымомъ, обожженный, страшный стоялъ неподвижно, точно его ушибло чѣмъ. Пожаръ все уже освѣщалъ кровавымъ заревомъ. Этотъ громадный мужикъ, только что совершившій такое великое самоотверженное дѣло—посреди всѣхъ, смотрѣвшихъ на него теперь съ любовью и пріязнью оставлялъ неизгладимое впечатлѣніе. Я на мигъ оторвалъ отъ него взглядъ, и мнѣ почему-то казалось, что сейчасъ должно произойти нѣчто, еще болѣе возвышенное и вмѣстѣ трагическое. Я читалъ въ этомъ помертвѣвшемъ лицѣ Егора какую-то рѣшимость и въ то же время умиленіе. И вдругъ, какъ будто оправдывая это, онъ рухнулъ на колѣна передъ толпою...

— Братцы!.. Сусѣди...

Народъ чутьемъ что-то понялъ и смолкъ.

Слышался только свистъ пламени и трескъ рушившихся балокъ. Къ небу взвивались цѣлые вихры искръ, пропадавшихъ въ его темени.

— Братцы, сусѣди... Мой грѣхъ...

Никто не отвѣтилъ ни слова.

— Злоба попутала... Разожгла меня—все хотѣлось разомъ выместить Ермилу Федосѣевичу.

И онъ сдѣлалъ земной поклонъ тому самому міру, на ко-

торый столько работалъ когда-то и частью кого онъ считалъ самого себя.

— Сегодня... къ ночи я запалилъ съ трехъ концовъ избу. Простите меня, Христа ради... А тамъ ужъ пущай меня судятъ по закону. Все одно—пропащій я человѣкъ. Только на семьѣ моей не попомните грѣха.

И онъ еще разъ поклонился...

Народъ молчалъ...

— Что жъ, братцы...—Вдругъ выступилъ старикъ, котораго я прежде и не видѣлъ.—Бѣсъ попуталъ, а Богъ на добро навелъ... Пущай тебя судятъ—въ городу. Это ужъ ихъ дѣло, а мы за твоихъ будемъ заступою. Не бойся, не тронемъ, да и другимъ тронуть не дадимъ. Будь спокоенъ. А что ты покаялся—хорошо сдѣлалъ. По правдѣ... И себя не пожалѣлъ ради рабеночка. Дай тебѣ Богъ...

— Нѣтъ, врешь!—вдругъ какимъ-то бабьимъ голосомъ взвылъ волостной старшина.

Я и не видѣлъ, когда онъ очнулся. Теперь онъ оказался надъ самымъ Егоромъ.

— Нѣтъ, врешь! Повинился! Къ разстрѣлу тебя, подлеца.

Онъ схватилъ за шиворотъ Егора—тотъ ни въ чемъ ему не мѣшалъ.

— Тебя, мерзавца, военнымъ судомъ... Потому ты не простого мужика спалилъ... У меня тамъ пять тыщь было. Слышишь ты?

Ермилъ трясъ его за воротъ и громадная, лохматая, обожженная голова на этомъ кровавомъ фонѣ пожара такъ и моталась изъ стороны въ сторону—покорно и безмолвно.

— Сотскій!

— Издѣсь, Ермилъ Федосѣевичъ.

— Вяжи его... Сейчасъ...

— Не хорошо, оставь!—убѣждалъ старшину тотъ же старикъ.

— Нѣтъ, врешь. Я и тебя то же...

Тотъ только отмахнулся и пошелъ прочь.

Егора повели въ правленіе. Позади догоралъ пожаръ... Ѳ. Петръ опустивъ голову, шелъ домой.

— Вотъ и разбери человѣческую душу. Какъ ни занесетъ ее грязью и нечистью, а добро скрозь пробьется. Потому что въ ней—дыханіе Божье и ничѣмъ его ни убить, ни затмить нельзя. Оно сильнѣе... Надо теперь къ Егоровой семьѣ зайти.

*

Анна Герасимовна возвращалась молчаливая, потрясенная.

— Ахъ какъ много еще здѣсь работы, какъ много... Сколько силъ сюда надобно...

Это послѣднее, что я на этотъ разъ отъ нея услышалъ... Утромъ рано я, наконецъ, выѣхалъ другою дорогой. Не было возможности ждать, пока мало-мальски устроютъ ту, по которой мнѣ слѣдовало направиться.

XXIII.

Я уже сталъ было забывать драму, свидѣтелемъ которой судьба меня сдѣлала. Совсѣмъ въ другія области жизни меня заносило въ это время. Совершались великія событія. Случайно оказался я въ Парижѣ въ самый медовый мѣсяцъ русско-французскаго союза. Гдѣ тутъ было вспомнить о. Петра и Анну Герасимовну, затерявшихся въ страшной дали, даже, казалось, куда-то исчезнувшихъ, не оставивъ по себѣ и слѣда. Кругомъ бушевалъ океанъ величавыхъ политическихъ и иныхъ страстей—смѣло въ его кипѣни неслись колоссальныя суда народовъ и царствъ, влекомыхъ къ роковымъ концамъ невѣдомою стихійною силою. Выдвигались и снова уходили въ одинъ общій фонъ исполины ума и слова, къ каждой рѣчи которыхъ, трепеща, прислушивался цѣлый міръ, потому что отъ малѣйшаго оборота ея могли бы пролиться моря крови и злобное неумолимое божество войны на полсвѣта бросить тѣнь своей черной траурной мантіи. Точкою въ прошломъ чудилась эта насквозь просочившаяся болотинами деревня въ красномъ заревѣ пожара, молчаливая толпа, съ кающимся Егоромъ посреди, и блѣдная, полузамученная Анна Герасимовна съ ея маленькою школой. Сколько такихъ точекъ проступало и исчезало — почему именно эта должна была удержаться?..

Прошло четыре года...

Я опять былъ въ Венеціи. Стоялъ жаркій іюль. Доходило до 50° Ц., всѣ задыхались, и только на Лидо, лицомъ къ лицу съ голубымъ моремъ, убиравшимся теперь въ самыя обольстительныя краски, можно было отдохнуть хотя немного. Оттуда вѣяло свѣжестью, если не прохладой. Глазъ уходилъ въ безконечныя дали, гдѣ едва-едва смутными черточками намѣчивались дымки невидимыхъ пароходовъ. Въ одинъ изъ такихъ дней мнѣ захотѣлось подольше побыть въ морѣ, и если не въ морѣ, то хоть въ лагунахъ, и я сѣлъ на „San-Marco",

разводившій уже пары, чтобы отплыть въ Кіоджію. Кіоджіа— когда-то соперница Венеціи, а теперь небольшой городокъ, населенный, главнымъ образомъ, рыбаками, въ концѣ лагунъ, у самой terra ferma. Набралось на палубѣ не мало народу. Утомленные новобрачные изъ Рима, смотрѣвшіе на весь міръ сквозь свою любовь и потому постоянно и безсмысленно улыбавшіеся и островамъ, подымавшимся изъ спокойной эмали лазурныхъ водъ, и небу безоблачному, знойному, строгому, и очерку развѣнчанной царицы Адріатики, выступавшей позади безчисленными дворцами и колокольнями надъ зеркаломъ Большого канала, и замазавшемуся сажей матросу, и слѣпому музыканту, бренчавшему что-то на гитарѣ... Были неизбѣжные нѣмцы—грубые, неотесанные, уродливые, смотрѣвшіе истинными бегемотами среди вырождающихся и блѣдныхъ итальянокъ... Я сидѣлъ впереди, у самаго носа. Здѣсь больше обвѣивало вѣтромъ и отсюда лучше все было видно. Я люблю море. Оно, какъ открытая дорога, манитъ въ таинственную даль, гдѣ, кажется, и люди счастливѣе, и небо ярче, и жизнь складывается не по нашему. А тутъ, какъ нарочно, раскидывались такія панорамы, что весь погружаешься въ молитвенное созерцаніе. Налѣво и направо стройными стѣнами изъ ласкавшихся къ нимъ водъ возносились удивительно цѣльные и художественно законченные городки, толпившіеся вокругъ своихъ колоколенъ и носившіе такіе оттѣнки и цвѣта мягкіе, неуловимые, нѣжные, что жизнь вдругъ дѣлалась и сладкой, и завидной. Маламокко выступилъ и исчезъ, подразнивъ на мгновеніе остатками средневѣковыхъ зубцовъ... Потянулись виноградники налѣво, направо—идиллія засыпающихъ лагунъ съ твердо обрисованными далеко-далеко причудливыми и грозными вершинами Карнійскихъ альпъ на сѣверо-востокѣ и Евганейскихъ горъ на западъ. Развернулось, точно на смотру, показывая намъ каждый свой домикъ, Альберони, откуда возятъ въ Венецію персики, виноградъ, томаты... Санъ-Піетро-Вольта заблисталъ на солнцѣ бѣлыми фасадами... И всюду, куда приставалъ пароходъ, мы любовались спокойною, самою въ себѣ увѣренною жизнью: уголками старыхъ, облупившихся домовъ, затканными зелеными плащами, вѣнцомъ позабытой башни, торжественнымъ порталомъ собора, каменными свѣчами колоколенъ, гдѣ вмѣсто огня горѣли подъ этими лучами золотые кресты. Мраморные ангелы или мадонны съ голубой высоты благословляли укрывавшіяся подъ ними дома. Каждая улица

влекла въ тѣнь и тишину, въ вѣявшія незапамятною стариною арки... Отходя, мы видѣли, какъ эти города раскидывались привольно и красиво надъ голубою влагой. Именно нереиды, колыхавшіяся на ней, чтобы полюбоваться солнцемъ. Палестрина вся такъ и окружила насъ граціозною, похожею на только-что родившійся мѣсяцъ, дугою... Каждый домикъ ея свѣтился и радовался: посмотри-де, какой я и какъ мнѣ здѣсь хорошо и весело глядѣться въ это зеркало и отражать отъ себя теплые лучи. Когда мы отходили, города казались плавашими въ лазурномъ воздухѣ миражами... Привольно ложившіеся въ манящей дали, извивавшіеся и развертывавшіеся за нами... И отъ одного къ другому, точно они схватились мраморными руками, тянулись murazzi—стѣны, которыя, въ защиту отъ жаднаго моря, воздвигнула здѣсь когда-то великая Венеція. Она огородилась ими отъ его ударовъ. За ними ей уже не страшны были ни бури, ни ураганы. Ея лагуны могли струиться нѣжно и кротко, когда тамъ царствовалъ хаосъ смятенной стихіи. Только въ пролетахъ, гдѣ въ murazzi была оставлена дорога для кораблей, чернѣютъ форты и изъ амбразуръ тяжелыя крѣпостныя орудія жадно глядятъ въ морскую даль. Оттуда сюда, въ спокойную область лагунъ, вѣетъ свѣжестью. Вѣтерокъ тамъ уже развелъ волненіе—въ какіе-нибудь два часа бѣлыми змѣйками разбросалась по встревоженной водѣ пѣна... Оттуда сюда, тяжело дыша дымомъ, быстро несутся пароходы и, поднявъ пестрыя крылья, скользятъ, слегка наклонясь на бокъ, легкіе челны рыболововъ... Еще нѣсколько минутъ, и вдругъ передъ нами, за свѣтомъ, вся словно въ золотой пыли, выдвинулась Кіоджіа! Какъ она красива издали! Какъ хороши ея каналы, заставленные лѣсомъ мачтъ, перевитымъ тонкою паутиною снастей! Ея „марина“ вдали изъ узкихъ и высокихъ домовъ, тоже полумѣсяцемъ заняла отдѣльную косу. Всѣ они повернулись безчисленными окнами въ Адріатику... Башни собора и церквей висятъ въ воздухѣ. Все такъ легко, призрачно, чуть тронуто кистью. Кажется, усилься вѣтерокъ— и Кіоджія дрогнетъ, всколыхнется и медленно понесется по лазурному зеркалу... Пароходъ присталъ къ старымъ дворцамъ, нахмурившимся разъ навсегда на суетню чуждой имъ сегодняшней толпы. Стѣны ихъ облупились, и только въ рѣзные балконы и узорочныя окна смотритъ солнце, грѣя безпощадною лаской износившійся, простуженный камень. Какія странныя улицы, какіе переходы подъ темными арками

домовъ—и вдругъ площади съ монументальными церквами, гдѣ чуть не въ каждой въ строгомъ мистическомъ сумракѣ висятъ картины Тьеполо, Порденоне, Чима-ди-Конельяно, Пальмы старшаго, Беллини... И имъ не весело—когда-то передъ ними молились и плакали, теперь изрѣдка забредетъ подъ величавые своды старуха, да и та больше, чтобы отдохнуть въ прохладѣ и тѣни около статуй и барельефовъ, нѣжный мраморъ которыхъ, кажется, еще трепещетъ жизнью. Въ потемкахъ чуть намѣчиваются наивныя головки ангеловъ, вздрагиваютъ ихъ крылья—подойдите и дотроньтесь—это все тотъ же мраморъ, побывавшій только подъ творческимъ рѣзцомъ ваятеля. Странно даже въ какой-нибудь Кіоджіи видѣть въ такую высь уносящіяся колонны, такъ смѣло вознесенные купола... И тутъ же опять улица съ ея суетней и гамомъ. Рыбаки въ красныхъ колпакахъ, красавицы, плетущія для мужей и братьевъ сѣти или высушивающія уже побывавшія въ морѣ... По каналамъ то и дѣло отчаливаютъ въ Венецію лодки, полныя рыбы. Кіоджія, такимъ образомъ, кормитъ царицу Адріатики...

Шли мы, шли, и вдругъ наткнулись на извѣстную по картинамъ современныхъ итальянскихъ художниковъ площадку у собора. Отъ молчаливаго и пустыннаго канала отгородился мраморный барьеръ, весь изъѣденный годами, зимнею сыростью и сожженный лѣтнимъ солнцемъ. Надъ нимъ потемнѣвшія статуи возрожденія—они, точно отогрѣваются теперь, и посрединѣ такая же Мадонна простираетъ ко всѣмъ руки... Я было хотѣлъ разсмотрѣть это „Refugium peccatorum"—убѣжище грѣшныхъ, и невольно попятился.

Раньше меня сюда пришли три дамы. Одна въ эту минуту обернулась—и я не могъ удержаться отъ восклицанія.

— Вы... Вы здѣсь... Опять... Ну, слава Богу.

Анна Герасимовна, улыбаясь, покачала головою.

— Напрасно радуетесь. Не на долго.

— А все-таки потянуло назадъ.

— Не потянуло, а привезли. Оправилась и собираюсь назадъ...

XXIV.

— Признаюсь, васъ я никакъ не ожидалъ увидѣть здѣсь.

— Да я и сама не ждала. Вы не узнаете тетю?

— Простите, ради Бога. Меня такъ поразила встрѣча съ вашей племянницей.

— Да мы ее едва вытащили оттуда... Умирающую.

— Вотъ тебѣ и на!

— Голодъ у нихъ былъ. А послѣ голода, всегда вѣдь,— тифъ. Ну, она ухаживала за больными, слегла... Только-что встала...

— Тетя, довольно. Въ который разъ ты это разсказываешь.

— Я не слышалъ ничего,—запротестовалъ я...

— Ну вотъ, видите, оправилась и опять къ своимъ больнымъ. Увязла у нихъ. Понятно, у нея—возвратный. Тутъ ужъ мы не выдержали, пріѣхали, забрали ее, довезли до города. Кое-какъ отвоевали отъ смерти. Къ счастью, наткнулись на хорошаго врача, такой же фанатикъ, какъ и она — засѣлъ въ болотѣ и воображаетъ, что онъ тамъ невѣсть какое великое дѣло совершаетъ.

— Тетя, тебѣ не стыдно?!

— Нисколько. Ну, такъ онъ это. Говоритъ: хотите спасти племянницу, везите ее, не медля, на югъ. Здѣсь, все равно, умретъ. Успѣете довезти — поправится... Ну, Богъ помогъ. Должно быть, ужъ за глупость ее жалѣетъ. И что вы думаете, встала на ноги, шести недѣль не прошло, уже собирается. Умна, а?..

Я весьма дипломатически выразилъ на лицѣ нѣчто неопредѣленное...

— Неужели вы въ самомъ дѣлѣ скоро уѣзжаете?

— Да я ужъ писала отцу Петру.

— А онъ тамъ остался?

— Еще бы! Онъ изъ настоящихъ. Онъ не уйдетъ. Могъ бы сколько разъ въ Петербургъ перебраться. Теперь бы вы, впрочемъ, многаго у насъ не узнали.

— Напримѣръ?

— Школа новая выстроена...

— Плакали твои денежки!—опять вмѣшалась тетка.

— Что жъ. Вы свои по курортамъ тратите, а я... У каждой особый вкусъ. Чайную завели.

— Что жъ вашъ кабатчикъ?

— Онъ погорѣлъ.

— Какъ такъ?

— Ужъ очень онъ въ голодное время донялъ крестьянъ... Ну, разсказываютъ, ночью спалили—все до тла. А на новый кабакъ приговору не даютъ.

— Ваши... болотники.

— Да... Вотъ вы говорите дѣло малое, да и того не справить. Однако—добились.

— Давай вамъ Богъ.

— Богъ за тѣхъ, кто хочетъ и умѣетъ хотѣть.

— Кстати о пожарѣ. Что съ Егоромъ?.. Сосланъ?

— Представьте, нѣтъ.

— Неужели оправдали?

— Даже и не совѣщались почти. От. Петръ и я были вызваны свидѣтелями. Ну, разумѣется, показали, какъ Егоръ ребенка изъ полымя вытащилъ. Все же онъ полтора года въ тюрьмѣ просидѣлъ...

— Теперь у васъ—и пьетъ опять.

— Въ томъ-то и дѣло—нѣтъ. Ушелъ въ монастырь на Валаамъ. Третій годъ послушникомъ тамъ. Его наши видѣли—передавали мнѣ... Страсть, говорятъ, строгій. Стеша—у о. Петра работаетъ. Многаго вы у насъ теперь бы не узнали. Молодежь подросла и на стариковъ совсѣмъ не похожа. Не ждутъ ни на водку, ни на чай. Подлости прежней нѣтъ. Правда, старики смущаются — шапокъ не ломаютъ и подобострастія никакого. Поклонится—и прочь. Зато съ ними можно на слово дѣло имѣть. Что сказалъ, то и сдѣлаетъ, не надуетъ. Порядокъ узнали—и грамотные. Читальню вотъ заведу. Въ чайной у меня кое-какіе изданія, и дешевыя газеты, и книги. Въ праздникъ—одна вслухъ, а другіе кругомъ и тихо, какъ въ церкви...

— Ну, а Ермошка? Помните: по примѣру прочихъ великихъ народовъ.

— Старшина? Онъ плохо кончилъ. Богъ наказалъ его... Теперь онъ, какъ Егоръ когда-то: пьянствуетъ, бушуетъ. Только тотъ честенъ былъ, а этого то и дѣло на воровствѣ накрываютъ. Жаль все-таки.

— Такъ до золотой медали ему и не удалось. Помните, какъ онъ восклицалъ тогда: господа вышняя власть, живъ не буду, своимъ зубамъ народъ въ клочья изорву, а получу золотую!..

Мы вмѣстѣ возвращались въ Венецію.

Было поздно. Яркая лунная ночь точно серебряный флеръ накинула на лагуны, каналы, дворцы и соборы великаго города. Заколдованными свѣтились балконы и окна. Торжественно и даже таинственно мелькали въ этомъ очарованномъ царствѣ гондолы, черныя съ черными гребцами... Гдѣ-то пѣли... Большая лодка вся въ пестрыхъ фонаряхъ тихо плыла по недвижной

отражающей лунный блескъ влагѣ. Точно тоскуя о чемъ-то, вполголоса звучала оттуда скрипка и молодой женскій голосъ рыдалъ: vorrei morir... Анна Герасимовна заслушалась. Она оперлась на перила парохода и, кажется, вся ушла въ поэтическую сказку теплой и нѣжной адріатической ночи.

— И васъ не тянетъ остаться здѣсь?

Она оглянулась. Глаза ея точно еще сдѣлались глубже.

— Нѣтъ... Какъ праздникъ, на нѣсколько дней хорошо. Я, можетъ быть, и еще когда-нибудь пріѣду сюда. Но вѣдь вся жизнь не можетъ же состоять изъ одного праздника. Нужны и будни съ ихъ работой...

Пароходъ подходилъ къ Riva Schiavone, издали площадь св. Марка и piazetta горѣли тысячами огней... Тамъ играла музыка и кругомъ, какъ море, волновалась шумная южная толпа ..

Черезъ недѣлю мы провожали Анну Герасимовну.

Я помню ее, весело выглядывавшею въ окнѣ вагона. Щеки ея опять горѣли румянцемъ и глаза казались счастливыми...

— Праздникъ кончился! Пожелайте мнѣ отъ души силъ на будничную работу!—Это былъ ея послѣдній привѣтъ.

Что-то она теперь дѣлаетъ въ туманѣ и стужѣ далекаго, забытаго края?

Василій Немировичъ-Данченко.

ИЗЪ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ МЕЛКИХЪ НАРОДНОСТЕЙ.

I.

Чешскіе «соколы».

Въ настоящее время мѣрой культурнаго развитія какого-нибудь народа рядомъ съ низкимъ процентомъ неграмотныхъ, большимъ количествомъ школъ, больницъ, богадѣленъ, пріютовъ, широкимъ распространеніемъ различныхъ формъ общественной иниціативы нужно считать и то вниманіе, которое посвящаетъ данный народъ физическому воспитанію. Извѣстно, какой поддержкой пользуются различныя физическія упражненія юношества въ Англіи, какъ прекрасно развиваются нѣмецкіе турнферейны и французскія гимнастическія общества. Но не только въ высококультурныхъ государствахъ Западной Европы процвѣтаетъ имѣющая такое важное значеніе гимнастика. Маленькій чешскій народецъ не отстаетъ въ этомъ отношеніи отъ другихъ европейскихъ народностей и можетъ похвастаться такимъ развитіемъ гимнастическихъ обществъ, которому нужно позавидовать.

Съ характеромъ и исторіей развитія этихъ обществъ мы и хотимъ познакомить нашихъ читателей *).

До 1848 г. чехамъ нельзя было и думать о какой-нибудь національной организаціи, когда простыя гимнастическія упражненія возбуждали подозрѣніе правительства. Только послѣ паденія режима Меттерниха и чешскій народъ вздохнулъ немного свободнѣе. Къ этому-то времени относится возникновеніе перваго гимнастическаго общества въ Прагѣ, къ которому принадлежатъ почти исключительно студенты обѣихъ народностей Чехіи, такъ какъ въ то время національный антагонизмъ чеховъ и нѣмцевъ не

*) Мы оставляемъ совершенно въ сторонѣ школьную гимнастику, которая въ Чехіи точно такъ же, какъ и въ остальныхъ провинціяхъ Австріи, существуетъ издавна.

былъ сильно развитъ. Однако, наступившая послѣ 1848 г. суровая политическая реакція во время министерства Баха уничтожила въ зародышѣ всѣ культурныя начинанія мелкихъ народностей Австріи. Гимнастическое общество было признано чѣмъ-то опаснымъ, а гимнастическія упражненія нашли убѣжище единственно только въ ортопедическомъ институтѣ.

Реакція продолжалась вплоть до паденія министерства Баха, свергнутаго неудачами австрійскихъ войскъ въ Италіи. Придавленная реакціей народная жизнь чеховъ снова стала бить ключемъ. Почувствовавъ свободу, чешская интеллигенція рьяно взялась за работу культурнаго и политическаго возрожденія народа. Повсюду основываются различные общества: пѣвческія, театральныя, ученыя, всякіе клубы и т. д. Эта эпоха лихорадочной дѣятельности общества, только что сбросившаго оковы, породила и организацію чешскихъ «соколовъ». Исторія развитія «Сокола» въ Чехіи тѣсно связана съ двумя именами: Мирослава Тырша и Андрея Фигнера.

Главнымъ иниціаторомъ и душой «Сокола» былъ Мирославъ Тыршъ. По его почину, въ концѣ 1861 г. намѣстнику Чехіи былъ предложенъ уставъ «Пражскаго гимнастическаго общества», который немного спустя и былъ утвержденъ. Первый предсѣдатель новаго общества—Андрей Фигнеръ—помогъ ему сразу стать на ноги въ матеріальномъ отношеніи. Вскорѣ «Пражское гимнастическое общество» было переименовано въ общество «Соколъ», а члены его стали называться «соколами». Для соколовъ была придумана очень красивая форма, состоящая изъ красной рубашки, скроенной по образцу гарибальдійской блузы, свѣтлосѣрой чемерки, такихъ же брюкъ, высокихъ сапоговъ и черной шапочки съ соколинымъ перомъ. Въ самомъ непродолжительномъ времени «Соколъ» сталъ распространяться и по провинціальнымъ городамъ и сталъ любимцемъ всего чешскаго народа. Всѣ лучшіе люди Чехіи были членами сокольскихъ организацій и глашатаями такъ-называемой сокольской идеи.

Въ чемъ же состояла эта «сокольская идея»? Отвѣтъ на этотъ вопросъ мы можемъ получить, познакомившись ближе съ иниціаторомъ сокольства—д-мъ Мирославомъ Тыршемъ. Какъ Тыршъ понималъ сокольство и національно-общественную задачу соколовъ, видно лучше всего изъ его сочиненія «Замѣтки» (Úvahy) и изъ многочисленныхъ его писемъ къ друзьямъ.

Тыршъ родился въ 1832 г. Потерявъ родителей въ раннемъ дѣтствѣ, онъ воспитывался въ домѣ своего дяди, управителя имѣнія въ Врутицахъ. Поступивъ въ одну изъ пражскихъ гимназій, Тыршъ былъ однимъ изъ лучшихъ учениковъ. Онъ былъ первымъ

чехомъ, добившимся экзамена на аттестатъ зрѣлости по-чешски, такъ какъ въ то время выпускные экзамены производились на нѣмецкомъ языкѣ. Въ университетѣ Тыршъ первоначально слушалъ лекціи на юридическомъ факультетѣ, а затѣмъ перешелъ на философскій *). Съ особенной любовью занимался онъ эстетикой и философіей. По выходѣ изъ университета, Тыршъ нѣкоторое время былъ гувернеромъ. Оставивъ вскорѣ это занятіе, онъ выступилъ на литературное поприще, помѣщая въ чешскихъ періодическихъ изданіяхъ статьи по вопросамъ эстетики и художественной критики. Въ 1862 г. по его инициативѣ, какъ мы уже имѣли случай сказать, былъ основанъ «Соколъ», которому Тыршъ посвящалъ въ теченіе всей своей дальнѣйшей жизни большую часть свободнаго времени. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не прерывалъ и своихъ занятій эстетикой. Онъ путешествовалъ съ артистической цѣлью по Италіи, Германіи и т. д. Наконецъ, въ 1880 г. онъ получилъ каѳедру исторіи искусства въ чешской технической академіи, а въ слѣдующемъ году былъ именованъ доцентомъ того же предмета въ пражскомъ (чешскомъ) университетѣ. Тыршъ умеръ въ 1882 г. въ Швейцаріи во время путешествія.

Вотъ въ главныхъ чертахъ идеи, руководившія Тыршемъ, когда онъ основывалъ сокольское общество.

Вся исторія всѣхъ живыхъ существъ вообще, а человѣчества въ частности представляетъ вѣчную борьбу за существованіе, въ которой гибнетъ все, что неспособно къ жизни и служитъ помѣхой общему развитію. Это законъ, котораго нельзя ничѣмъ устранить. Въ силу этого закона пали народы, состарѣвшіеся въ постоянно молодѣющемъ и обновляющемся мірѣ. Они пали, когда уже не шли впередъ и очутились въ противорѣчіи съ духомъ вѣчнаго движенія и прогресса, а вмѣстѣ съ тѣмъ и съ духомъ новаго времени. Они пали, когда ко всему этому присоединилась еще и внутренняя испорченность. Это доказываетъ, что никакое, даже самое блестящее прошлое не обезпечиваетъ народамъ будущности, а только здоровое и дѣятельное настоящее можетъ спасти народъ отъ погибели. Для Тырша самымъ важнымъ дѣломъ было всестороннее развитіе народа. Онъ предостерегалъ чешское общество передъ увлеченіемъ славой исторической жизни Чехіи и указывалъ на то, что чехи должны употребить всѣ усилія, чтобы успѣшно конкуррировать на поприщѣ культуры съ другими народностями. Что было, говорилъ онъ, то миновало. Прошлаго не вернуть, а работать можно только въ настоящемъ, при такихъ

*) Соотвѣтствующій историко-филологическому, естественному и физико-математическому факультетамъ русскихъ университетовъ.

условіяхъ, какія существуютъ. Если эти условія намъ не нравятся, то, вѣдь, только упорнымъ трудомъ можно ихъ измѣнить къ лучшему. Тыршъ проповѣдывалъ постоянный прогрессъ, говоря, что народъ, желающій идти впередъ, никогда не можетъ довольствоваться тѣмъ, чего онъ уже достигъ; онъ долженъ добиваться бо́льшаго, чтобы не отстать отъ другихъ народовъ. Вѣчное движеніе, являющееся слѣдствіемъ постоянной неудовлетворенности—вотъ девизъ Тырша.

Нужно помнить, что Тыршъ выступилъ въ то время, когда чешскій народъ велъ самую ожесточенную борьбу за свое существованіе. Чехамъ приходилось вести лихорадочную работу во всѣхъ отрасляхъ національной и соціальной жизни. Имъ приходилось съ величайшимъ трудомъ отвоевывать назадъ все то, чѣмъ завладѣли нѣмцы въ теченіе двухъ столѣтій. Имъ дорого доставался всякій новый шагъ впередъ въ школьномъ дѣлѣ, въ литературѣ, въ искусствѣ и т. д. Нужно было, съ одной стороны, отстаивать свои права отъ нѣмцевъ и австрійскаго правительства, съ другой же — бороться съ чешскими ренегатами, ободрять людей слабыхъ и нерѣшительныхъ, распространять національное самосознаніе среди народныхъ массъ и т. д. Въ этой тяжелой борьбѣ нужно было много самоотверженія, требовалось много жертвъ, необходимы были люди стойкіе, съ крѣпкимъ характеромъ, которыхъ ничто не могло бы поколебать. Тыршъ именно и требовалъ отъ всякаго чеха этой внутренней силы. Онъ желалъ, чтобы всякій чехъ выработалъ въ себѣ такое самоотверженіе, которое заставляло бы его забывать о личныхъ интересахъ тогда, когда дѣло касалось счастья и прогресса всего народа. Вмѣстѣ съ тѣмъ Тыршъ не вѣрилъ въ большое значеніе временныхъ вспышекъ, увлеченій. Идеаломъ его дѣятельности была мелкая, будничная, но постоянная и всесторонняя работа. Въ этой работѣ должны принять участіе всѣ. Ея цѣль—благо всѣхъ. Эта тяжелая работа должна вестись продолжительное время, потому что, пока принципы прогресса не перейдутъ въ кровь и мозгъ широкихъ массъ, до тѣхъ поръ невозможенъ прогрессъ народа, до тѣхъ поръ народъ не можетъ вступить въ конкурренцію съ другими, болѣе культурными націями. Вѣря въ справедливость классическаго изреченія: *mens sana in corpore sano* *). Тыршъ придавалъ громадное значеніе всякимъ физическимъ упражненіямъ. Онъ вѣрилъ въ то, что человѣкъ сильный, здоровый, крѣпкій принесетъ больше всего пользы въ такомъ будничномъ, мелочномъ, постоянномъ и систе-

*) Здоровый умъ въ здоровомъ тѣлѣ.

матическомъ трудѣ, какой необходимъ для блага народа. Признавая необходимость строгой дисциплины въ рядахъ борцовъ за интересы народа, онъ вѣрилъ, что «Соколъ» привьетъ и укоренитъ среди чеховъ эту дисциплину. Чѣмъ больше членовъ будетъ имѣть «Соколъ», тѣмъ эта дисциплина и выдержка распространятся шире. Такимъ образомъ, «Соколъ», по мнѣнію Тырша, долженъ былъ привлечь въ свою среду всѣ самыя энергическія силы чешскаго общества и стать ядромъ чешской боевой организаціи. Тыршъ зналъ, какую роль сыграло нѣмецкое турнерство во время борьбы съ Наполеономъ, какое значеніе имѣли гимнастическія общества во время освободительнаго движенія въ Италіи, но онъ понималъ, что чехамъ нельзя надѣяться на вооруженное возстаніе. Онъ возлагалъ всѣ надежды единственно на внутреннее перерожденіе чешскаго общества и на культурно-политическое соревнованіе съ нѣмцами. Чешскій «Соколъ» долженъ былъ играть чисто-воспитательную роль, подготовляя борцовъ на культурно-общественной аренѣ. Тыршъ представлялъ себѣ сокольство многочисленнымъ братствомъ, проникнутымъ любовью къ родному краю и демократическими идеями, и дѣйствующимъ всегда единодушно. Члены этого братства должны отличаться не только физической силой и ловкостью, пріобрѣтаемыми благодаря постояннымъ гимнастическимъ упражненіямъ, но и нравственными качествами, дающими имъ право стать въ первыхъ рядахъ народной арміи.

Вскорѣ послѣ основанія общества «Соколъ» въ Прагѣ подобныя же общества начинаютъ появляться и въ провинціи. Въ теченіе одного 1862 г. въ Чехіи и въ Моравіи было основано восемь гимнастическихъ обществъ подъ названіемъ «Соколъ», а число членовъ этихъ обществъ возрастало замѣчательно быстро. Уже въ концѣ 1862 г. число пражскихъ соколовъ достигло 1.000. Въ сокольской организаціи выдающуюся роль начинаетъ играть Фигнеръ.

Поскольку Тыршъ былъ теоретикомъ сокольской идеи, постольку Фигнеръ является практическимъ дѣятелемъ на той же почвѣ. Сынъ богатаго купца, Фигнеръ (род. 1822 г.) былъ человѣкомъ образованнымъ, много путешествовавшимъ по Германіи, Англіи, Франціи, Бельгіи и Голландіи. До своего знакомства съ Тыршемъ онъ велъ жизнь человѣка, занятаго только промышленностью, не вмѣшиваясь въ общественную жизнь, отъ времени до времени только жертвуя «отъ неизвѣстнаго» довольно значительныя суммы денегъ на народное образованіе и благотворительныя цѣли. Тыршъ привлекъ Фигнера къ сокольскому дѣлу, къ которому этотъ послѣдній привязался всей душой. На средства Фиг-

нера былъ выстроенъ «сокольскій домъ» съ громаднѣйшей залой для гимнастическихъ упражненій. Фигнеръ оказался прекраснымъ агитаторомъ, который сталъ популяризировать сокольскую идею въ широкихъ кругахъ чешскаго общества. По иниціативѣ Фигнера, пражскій «Соколъ» устраивалъ экскурсіи въ провинцію, что не мало способствовало быстрому увеличенію количества членовъ сокольской организаціи.

Хотя въ провинціальныхъ городахъ основывались, по примѣру Праги, самостоятельныя сокольскія общества, однако, всѣ они находились въ постоянномъ взаимномъ общеніи. Такъ, руководители упражненій съѣзжались въ Прагѣ или въ другомъ какомъ-нибудь городѣ и сообща совѣтовались на счетъ общихъ дѣлъ. Тутъ нужно замѣтить, что во всѣхъ «Соколахъ» была введена одна система гимнастики, выработанная Тыршемъ. Мало-по-малу сокольская идея пріобрѣтала все больше и больше популярности, въ сокольскія общества, которыя появились даже въ самыхъ захолустныхъ мѣстечкахъ, вступала не только молодежь; соколами становились и люди преклоннаго возраста. Въ 1865 г. соколы приступаютъ къ изданію своего спеціальнаго органа. Смерть Фигнера въ 1865 г. на нѣкоторое время остановила быстрый ростъ сокольскихъ обществъ, такъ какъ не стало самаго главнаго практическаго агитатора. Наступилъ 1866 г., годъ австро-прусской войны, отвлекшій молодежь отъ гимнастическихъ упражненій и заставившій ее идти на поле брани. Это тоже затормазило немного сокольское движеніе. Однако, послѣ 1866 г., когда австрійской реакціи былъ нанесенъ самый рѣшительный ударъ и когда чешскому народу было обезпечено свободное внутреннее развитіе, воспрянули и соколы. Съ тѣхъ поръ всѣ лучшіе элементы чешской молодежи вступаютъ въ ряды соколовъ и, можно сказать, что соколы все больше и больше приближаются къ тому идеалу, который начерталъ Тыршъ.

Всякое предпріятіе, имѣющее въ виду благо народа, всегда можетъ разсчитывать на поддержку со стороны соколовъ. Будетъ ли это агитація въ пользу школьной матицы, или сборъ пожертвованій на національный театръ, или какое-нибудь національное торжество, или, наконецъ, политическое предпріятіе—соколы всегда первые приступаютъ къ дѣлу.

Мы не будемъ здѣсь говорить о томъ вліяніи, которое имѣютъ гимнастическія упражненія соколовъ на физическое воспитаніе чешской молодежи *). Никто не станетъ уже въ настоящее время

*) Мы не можемъ удержаться, чтобы не вспомнить о фактѣ, свидѣтельствующемъ о физической выдержкѣ чешскихъ соколовъ. Во время съѣзда гимнастовъ въ Нанси (1893) двое изъ присутствовавшихъ на упражненіяхъ

оспаривать важнаго значенія гимнастики. Любопытно, какъ сокольскія организаціи дѣйствуютъ на нравственность.

Всякому, кто пріѣзжаетъ изъ Россіи въ Чехію, сразу же бросается въ глаза то, что тамъ не такъ замѣтна черта, отдѣляющая представителей одного сословія отъ лицъ другого класса. Широкая общественная жизнь, въ которой постоянно приходится сталкиваться членамъ всѣхъ классовъ, сглаживаетъ сословныя разницы. Высокій уровень культурнаго развитія массъ способствуетъ возникновенію у чешскаго ремесленника, рабочаго или крестьянина того чувства собственнаго достоинства, которое позволяетъ ему смотрѣть на человѣка изъ интеллигентной сферы, какъ на равнаго себѣ. Русскаго человѣка, привыкшаго къ традиціонному «ломанью шапки», должна удивлять та непринужденность, съ которой чешскій крестьянинъ или рабочій первый подаетъ руку представителю интеллигентнаго класса. Войдя въ любой ресторанъ или другое подобное заведеніе, вы увидите, что за однимъ столомъ сидятъ профессора, ремесленники, студенты, торговцы и т. д., которые ведутъ оживленную бесѣду на какую-нибудь политическо-общественную или литературною тему, или, попивая пиво, дружно затягиваютъ хоровую пѣсню.

Сближенію различныхъ классовъ сильно способствуетъ «Соколъ», членомъ котораго можетъ быть всякій чехъ. Въ рядахъ «соколовъ» встрѣчаются начальникъ со своимъ подчиненнымъ, профессоръ со студентомъ, фабрикантъ съ рабочимъ, мастеръ съ подмастерьемъ и т. д. Въ сокольской организаціи нерѣдко случается, что болѣе искусный, сильный и ловкій подчиненный становится руководителемъ своего начальника. Въ «Соколѣ» всѣ члены говорятъ другъ другу «ты» и называются «братьями». Въ «Соколѣ» исчезаетъ всякое чинопочитаніе, пропадаютъ всякіе титулы, на которые чехи, по примѣру нѣмцевъ, очень падки. «Господинъ докторъ», «господинъ профессоръ», «господинъ совѣтникъ», «господинъ судья» — все это замѣняется у «соколовъ» простымъ «братъ N. N.».

Принадлежность къ сокольскому обществу развиваетъ извѣстную солидарность его членовъ. Всѣ соколы чувствуютъ себя связанными одной идеей и считаютъ обязанностью помогать другъ другу при случаѣ.

Хотя въ сокольскихъ обществахъ преобладаетъ отпечатокъ

чешскихъ соколовъ сломали себѣ одинъ руку, а другой ногу, и, несмотря на это продолжали упражненія, чтобы только не испортить рядовъ. На этомъ съѣздѣ соколы взяли почти всѣ первыя награды.

яркаго демократизма, однако, въ средѣ соколовъ есть люди различныхъ и враждебныхъ партій. Сокольство сближаетъ ихъ между собой и дѣйствуетъ смягчающимъ образомъ на форму партійной борьбы.

Соколы устраиваютъ періодически такъ-называемые торжественные «слеты», въ которыхъ принимаетъ участіе по нѣсколько тысячъ человѣкъ этихъ обществъ со всѣхъ концовъ Чехіи. На такихъ слетахъ сближаются люди изъ различныхъ провинцій, провинціалы знакомятся съ Прагой, пражане съ провинціей, что то же имѣетъ свое значеніе.

Въ настоящее время всѣхъ чешскихъ сокольскихъ обществъ 505. Въ Чехіи ихъ 329, въ Моравіи—85, въ Силезіи—5, въ Вѣнѣ—5, въ Штиріи — 1, въ Германіи — 6, во Франціи — 1 и въ Америкѣ — 73. Общее число членовъ сокольскихъ обществъ болѣе 30.000.

Сокольскія общества, такъ хорошо развившіяся въ Чехіи, вызвали подражаніе и среди другихъ славянскихъ народностей. Уже въ 1863 г. въ словинской Люблене (Laibach) въ Крайнѣ основанъ «Južni Sokol», ставшій впослѣдствіи средоточіемъ сокольскаго движенія во всѣхъ австрійскихъ провинціяхъ, населенныхъ словинцами: въ Крайнѣ, Штиріи, Горицѣ и Истріи, четыре года спустя возникъ польскій «Sokoł» во Львовѣ, распространившійся потомъ по всей Галиціи, перешедшій въ Силезію и въ Буковину и распространившійся, наконецъ, по всей прусской Польшѣ и въ польскихъ колоніяхъ въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки. Въ 1874 г. основали «Hrvatski Sokol» хорваты въ Загребѣ, а въ 1893 г. «Руський Сокіл» галиційскіе русины во Львовѣ. Чешскіе, польскіе и словинскіе соколы имѣютъ одинаковый костюмъ, хорватскіе отличаются шляпами съ широкими полями, а русинскіе придумали костюмъ, напоминающій одѣяніе запорожскихъ казаковъ. Попытки основать сокольскія общества въ независимыхъ славянскихъ государствахъ на Балканскомъ полуостровѣ и въ Россіи не увѣнчались до сихъ поръ успѣхомъ. Единственное сокольское общество въ Россіи (въ Москвѣ) существуетъ съ 1883 г. Оно имѣетъ всего 185 членовъ.

Отъ времени до времени устраиваются всесокольскіе «слеты», въ которыхъ принимаютъ участіе представители чешскихъ, польскихъ, хорватскихъ и др. соколовъ. Въ каждомъ національномъ сокольскомъ «слетѣ» присутствуютъ обыкновенно делегаты соколовъ другихъ національностей.

Л. Василевскій.

ПЕРЕЛОМЪ.

Романъ Эммы Брукъ.

Перев. съ англійскаго Л. Давыдовой.

(*Продолженіе* *).

Глава XIV.

На одной изъ широкихъ улицъ Восточнаго Лондона находилось маленькое пустое помѣщеніе для лавки. Помѣщеніе состояло изъ двухъ комнатъ—внѣшней и внутренней.

На улицѣ постоянно шла торопливая, дѣловая жизнь. Множество лицъ постоянно двигалось по ней въ обѣ стороны, въ спѣшной погонѣ за заработкомъ. Двѣ линіи конножелѣзной дороги непрерывно развозили вагоны, переполненные пассажирами, между тѣмъ какъ другіе толпились на остановкахъ, ожидая своей очереди. Звуки, наполнявшіе воздухъ, несмолкающій шумъ звонковъ и колесъ экипажей, топотъ лошадей, выкрикиванія торговцевъ—все свидѣтельствовало о вполнѣ современномъ характерѣ обстановки даннаго квартала.

Улица состояла изъ довольно хорошихъ домовъ, перемежающихся съ лавками, гдѣ продавались товары второго и даже третьяго сорта. Въ этихъ домахъ жила приличная бѣднота, старающаяся всѣми силами не спускаться ниже извѣстнаго уровня существованія. Но на восточной болѣе густо населенной оконечности улицы дома имѣли другой характеръ и въ нихъ тѣснилась настоящая бѣднота. Тѣмъ не менѣе, въ общемъ, эта часть улицы производила болѣе веселое впечатлѣніе. Обитатели ея дошли уже до крайняго предѣла и не считали нужнымъ сохранять респектабельный видъ. Всѣ домашнія комедіи и трагедіи выносились наружу и зачастую разыгрывались на улицѣ, такъ что случайнымъ

*) См. «Міръ Божій», № 3, мартъ.

посѣтителямъ постоянно приходилось наталкиваться на неожиданныя сцены и комическія столкновенія между членами семьи.

Къ югу отъ этой улицы находились обиталища разбогатѣвшихъ истъ-эндцевъ, и здѣсь все было чинно, умѣренно и аккуратно. Къ сѣверу же шли улички, наполненныя трущобами самаго низшаго разбора, одинъ видъ которыхъ вызывалъ безнадежное настроеніе; здѣсь ужасающая драма нищеты выглядывала изъ каждаго окна и наполняла собою все окружающее.

Здѣсь же протекала Темза. Берега ея были такъ застроены верфями и складочными сараями, что обыкновенному посѣтителю невозможно было проникнуть къ ней и чтобы имѣть доступъ туда, нужно было имѣть въ рукѣ молотокъ или какой-нибудь другой инструментъ, свидѣтельствующій о принадлежности къ судовымъ рабочимъ. Но хотя рѣка и не была видна съ улицы, присутствіе ея все-таки чувствовалось во всемъ: видны были лодки, скользившія по ея волнамъ, тяжело нагруженныя барки, закоптѣвшія трубы пароходовъ.

Въ этомъ-то кварталѣ Поль Шериданъ вывѣсилъ свое имя надъ пустой лавочкой, а самая лавочка превратилась въ избирательное бюро, гдѣ сосредоточивалась подготовка его выборовъ въ парламентъ.

Люцилла ничего не знала о томъ, что онъ выставилъ свою кандидатуру. Объ этомъ уже говорили всѣ, но, благодаря ея отшельническому образу жизни, вѣсть эта не доходила до нея. Въ газетахъ она обыкновенно не обращала вниманія на выборную хронику, потому что совершенно не интересовалась ею, и даже презирала всякую избирательную агитацію. Въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ послѣ митинга, куда ее пригласилъ Шериданъ и на которомъ она видѣла пораженіе д'Овернэ, она окончательно поддалась вліянію послѣдняго. На убѣжденія друзей она отвѣчала:

— Вы можете смѣяться, потому что побѣда на вашей сторонѣ. Васъ привѣтствовали рукоплесканіями, а его побили. Но, что касается меня, то я больше вѣрю тѣмъ идеямъ, надъ которыми толпа глумится.

Въ Лондонѣ же всѣ были чрезвычайно взволнованы тѣмъ, что на открывшуюся важную вакансію въ этомъ кварталѣ баллотируются не два кандидата, какъ предполагалось раньше, а цѣлыхъ три: консервативный кандидатъ, м-ръ Тутль, либералъ гладстоновской фракціи м-ръ Бутль и м-ръ Поль Шериданъ. Это появленіе третьяго лица было совершенно исключительнымъ фактомъ.

Политическое положеніе было очень интереснымъ и своеобразнымъ. Обыкновенно предполагается, что избиратели должны вы-

бирать между правымъ и лѣвымъ кандидатомъ. М-ръ Тутль, консервативный кандидатъ, былъ представителемъ правой, а Бутль—представителемъ лѣвой. Съ незапамятныхъ временъ этотъ округъ всегда выбиралъ консервативнаго кандидата изъ семейства Тутль. Семейство было очень состоятельное и аккуратно собирало квартирную плату съ безчисленныхъ трущобъ, ютившихся по сосѣдству. Естественно, что теперешній владѣлецъ этихъ трущобъ по праву долженъ былъ быть представителемъ ихъ обитателей въ парламентѣ. Но во время послѣднихъ выборовъ, либеральная партія, на основаніи точныхъ вычисленій, заключила, что представляется очень удобный случай отбить этотъ округъ у консерваторовъ, и м-ръ Бутль былъ выставленъ въ качествѣ либеральнаго кандидата. М-ръ Бутль былъ не только пламеннымъ поклонникомъ Гладстона и сторонникомъ ирландскаго гомъ-руля, но онъ могъ считать себя мѣстнымъ человѣкомъ, потому что имѣлъ въ этомъ округѣ многихъ кліентовъ и обширныя дѣловыя связи. Было вполнѣ естественно, что м-ръ Бутль долженъ былъ быть представителемъ въ парламентѣ тѣхъ лицъ, которымъ онъ обыкновенно платилъ за ихъ услуги по пяти пенсовъ въ часъ.

Таково было положеніе дѣлъ во время послѣднихъ выборовъ. М-ръ Бутль потерпѣлъ пораженіе, но консервативное большинство оказалось такимъ незначительнымъ, что шансы либеральнаго кандидата на эту вакансію въ будущемъ крайне возрасли.

Когда такая вакансія открылась, представитель семейства Тутль тотчасъ же выставилъ свою кандидатуру и былъ принятъ своей партіей. М-ръ Бутль, съ своей стороны, тоже поспѣшилъ выступить впередъ. Но здѣсь, однако, встрѣтилось препятствіе. Со времени послѣднихъ выборовъ многое успѣло перемѣниться въ Лондонѣ; подъ вліяніемъ новыхъ вѣяній, либераламъ пришлось подтянуться и они считали уже м-ра Бутль, придерживавшагося прежней программы, не совсѣмъ подходящимъ представителемъ своей партіи. Конечно, они очень бы желали, чтобы все осталось по старому и чтобы м-ръ Бутль выигралъ сраженіе, но не обольщались несбыточными надеждами на этотъ счетъ. Не было смысла скрывать отъ себя тотъ фактъ, что м-ръ Бутль теперь имѣлъ уже гораздо меньше шансовъ пройти, чѣмъ при послѣднихъ выборахъ. Для того, чтобы теперь одержать побѣду, нужно было быть другимъ человѣкомъ, гораздо болѣе сильнымъ и рѣшительнымъ; къ тому же и мѣстное населеніе встрѣтило кандидатуру м-ра Бутля безъ особеннаго восторга.

Въ то время, какъ представители либеральной партіи предавались горестнымъ размышленіямъ о томъ, что есть, и о томъ,

что должно было бы быть; въ то время какъ они тревожно искали въ рядахъ своей партіи болѣе подходящаго человѣка, м-ръ Поль Шериданъ спокойно выступилъ впередъ и заявилъ о своемъ рѣшеніи баллотироваться въ депутаты по приглашенію мѣстныхъ рабочихъ союзовъ и клубовъ. Извѣстіе объ этомъ какъ громъ поразило либераловъ. Нельзя было не признать, что Шериданъ по праву считался однимъ изъ самыхъ способныхъ и даровитыхъ людей въ Лондонѣ, что онъ былъ прекрасно подготовленъ къ выполненію предстоящихъ ему обязательствъ, и въ то же время нечего было и мечтать о томъ, что Шериданъ ограничится оффиціальной программой либераловъ. Всѣ понимали, что этотъ человѣкъ пойдетъ своей дорогой и не подчинится чужому руководительству. Правда, у него были очень здравые взгляды по вопросу объ ирландскомъ гомъ-рулѣ и въ этомъ онъ сходился съ либералами; но въ остальномъ соглашеніе между ними представлялось весьма сомнительнымъ.

Либеральный избирательный комитетъ рѣшилъ поэтому занять нейтральное положеніе, не высказываясь ни за, ни противъ новаго кандидата. Поль отлично зналъ, что можетъ обойтись и безъ ихъ поддержки, и не обращалъ на нихъ никакого вниманія. Онъ шелъ впередъ со своей обычной энергіей, и прежде всего прилагалъ всѣ усилія къ тому, чтобы добиться своей цѣли. Сторонники Тутля смотрѣли на него съ величайшимъ негодованіемъ, какъ будто онъ неприглашенный явился на семейный обѣдъ и желаетъ занять мѣсто хозяина дома; между тѣмъ какъ м-ръ Бутль и его партія считали его не только коварнымъ и не патріотическимъ авантюристомъ, но и политической несообразностью.

— Знаете, вѣдь все это совершенно неосуществимо,—деликатно замѣчалъ м-ръ Бутль, возражая противъ доктринъ Шеридана.— Не говоря уже о томъ, что это было бы крайне несправедливо.

Но въ мѣстномъ населеніи появленіе на сцену м-ра Шеридана вызвало такой живой интересъ къ выборамъ, какого старожилы не могли запомнить. Особенно взволновались рабочіе, полное равнодушіе которыхъ составляло предметъ отчаянія м-ра Бутля.

Положеніе дѣла въ этомъ округѣ было на столько новымъ и интереснымъ, что оно послужило даже темой для каррикатуры въ «Punch'ѣ». Каррикатура изображала двухъ огромныхъ старыхъ дворняжекъ, подъ которыми были подписи «консерваторы» и «либералы»; дворняжки съ величественнымъ изумленіемъ и презрѣніемъ взирали на маленькую собаченку, которая стояла между ними, задравши хвостъ и бѣшено лаяла. Каррикатура носила названіе: «Появленіе на сцену третьей партіи».

Пока кругомъ говорили и шумѣли, Шериданъ готовился къ борьбѣ. Въ пустой лавочкѣ на главной улицѣ закипѣла жизнь и оттуда по всему кварталу распространялись многочисленныя объявленія и плакаты, на которыхъ бросалось въ глаза имя «Шеридана», написанное крупными буквами. Шериданъ выбралъ себѣ зеленый цвѣтъ, и вскорѣ всѣ дома въ кварталѣ, будочки, конно-желѣзныя станціи запестрѣли зелеными афишами, рекомендовавшими населенію:

«Подавайте голоса за Шеридана».

Въ окнахъ выставлялись его портреты въ темно-зеленыхъ рамкахъ. Гуляя по улицамъ, Шериданъ повсюду наталкивался или на свое изображеніе, или на свою фамилію.

М-ръ Тутль выбралъ себѣ розовый цвѣтъ, и прямо надъ зелеными объявленіями Шеридана красовались розовыя афиши, приглашавшія населеніе «подавать голоса за Тутля». М-ръ Бутль же отдалъ предпочтеніе желтому цвѣту, и вотъ на ряду съ зелеными и розовыми афишами виднѣлись и желтыя приглашенія «подавать голоса за Бутля». Улицы наполнились этими конкуррирующими разноцвѣтными бумажками, радовавшими взоры прохожихъ своими яркими цвѣтами и придававшими болѣе веселый видъ унылому въ обычное время кварталу.

Карточка Шеридана не долго красовалась въ окнахъ въ одиночествѣ. Въ другихъ окнахъ въ самомъ непродолжительномъ времени присоединился и портретъ м-ра Тутля, согласившагося выставить на всеобщее посмотрѣніе свой римскій профиль, и портретъ м-ра Бутля, лысая голова котораго выдѣлялась на черномъ фонѣ, усѣянномъ желтыми крапинками. Нѣкоторые магазины, стоящіе внѣ партій, выставляли у себя въ окнахъ портреты всѣхъ трехъ кандидатовъ, предоставляя публикѣ свободно любоваться всѣми сразу.

Затѣмъ шли программы. Всѣ перекрестки и заборы покрылись самыми заманчивыми обѣщаніями. Программы м-ра Тутля и Бутля постоянно сталкивались другъ съ другомъ. Это происходило по винѣ стараго маляра, по имени Дана Коноли, занимавшагося расклейкой объявленій. Онъ, какъ невинный ребенокъ, дѣйствовалъ въ самомъ разгарѣ избирательной горячки, думая только о томъ, чтобы заработать себѣ нѣсколько пенни, и предлагалъ свои услуги обоимъ кандидатамъ одновременно. Данъ Коноли ни о чемъ не имѣлъ понятія и очень мало заботился о выборахъ; самъ онъ не имѣлъ права голоса, потому что занималъ слишкомъ ничтожное положеніе въ государствѣ. Онъ зналъ только одно, а именно, что избирательныя афиши должны быть расклеены, и что

внезапно на его труды появился большой спросъ. Для него это было необыкновенно счастливой случайностью. Въ наши дни господства всеобщаго обученія Данъ ухитрился не выучиться читать и поэтому не способенъ былъ читать избирательныя воззванія. Онъ различалъ другъ отъ друга листки, относящіеся къ Тутлю и Бутлю, только по ихъ цвѣту.

Весь нравственный кодексъ Дана Коноли сводился къ строгой честности. Иного онъ ничего не зналъ. Поэтому, когда одинъ джентльмэнъ предложилъ ему расклеивать розовыя объявленія, а другой—желтыя, онъ по чистотѣ сердца рѣшилъ добросовѣстно служить обоимъ, въ совершенно одинаковой степени. Пока кругомъ кипѣла избирательная горячка, и страсти все болѣе и болѣе разгорались, одинъ только человѣкъ оставался невозмутимымъ и спокойнымъ. Этотъ человѣкъ былъ старый маляръ, расклеивавшій объявленія. Онъ думалъ только о своихъ объявленіяхъ, о томъ, чтобы приклеить ихъ прямо, плотно, и, главное, о томъ, чтобы цвѣта гармонировали другъ съ другомъ. Въ свободные часы онъ съ гордостью бродилъ по улицамъ и любовался на произведенія рукъ своихъ. Его чрезвычайно поразило и огорчило открытіе, что какіе-то невѣдомыя ему люди постоянно что-то замышляютъ противъ его объявленій. Часто случалось, что весь трудъ его пропадалъ даромъ и объявленія на другой-же день оказывались сорванными. Однажды онъ увидѣлъ цѣлую группу людей, срывавшихъ желтое объявленіе, когда клей не успѣлъ еще просохнуть. Это зрѣлище повергло его въ величайшее волненіе; уничтоженіе совершенно новаго, прекраснаго объявленія довело его почти до слезъ. И такія вещи случались безпрестанно. Каждый разъ онъ летѣлъ въ избирательный комитетъ и обращался къ агенту съ негодующими восклицаніями:

— Они опять срываютъ мои объявленія! Мои новыя объявленія! Прямо-таки рвутъ ихъ въ клочки!

Но усердіе Дана по отношенію къ обоимъ своимъ предпринимателямъ иногда приносило довольно нежелательные результаты. Добрыя намѣренія еще не могутъ обезпечить успѣха и строгое исполненіе всѣхъ своихъ обязанностей иногда оказывается довольно неудобнымъ. Однажды, когда м-ръ Бутль рано утромъ пріѣхалъ обозрѣвать свой участокъ, глазамъ его представилась слѣдующая удивительная картина: его желтая избирательная программа красуется бокъ-о-бокъ съ розовой программой Тутля. Вездѣ, куда бы онъ ни посмотрѣлъ, онѣ оказывались рядышкомъ, въ трогательномъ единеніи. Первая пара этихъ дружественныхъ программъ нѣсколько разсердила м-ра Бутля, вторая уже поразила его,

третья—испугала, а четвертая привела его прямо въ ярость. Онъ помчался къ своему агенту, блѣдный, взволнованный, исполненный ненависти ко всему человѣчеству.

Случилось, что какъ разъ въ это утро Литтльтонъ пришелъ сюда помочь Шеридану въ его работѣ, и видъ мирно висящихъ бокъ-о-бокъ розовыхъ и желтыхъ программъ навелъ его на мысль, что м-ръ Тутль и м-ръ Бутль рѣшили соединиться вмѣстѣ противъ общаго врага. Основные пункты ихъ программъ дѣйствительно были очень близки другъ къ другу и обѣ онѣ поражали своей неопредѣленностью и безцвѣтностью. Подойдя къ одной парѣ программъ, онъ очутился въ обществѣ двухъ носильщиковъ угля и одного рабочаго на доках. Они стояли неподвижно, перекинувъ черезъ плечо свои орудія, и добросовѣстно вчитывались въ вывѣшенныя программы, не пропуская ни одного слова, отъ начала и до конца. Послѣ долгаго, безмолвнаго созерцанія, они наконецъ отвернулись отъ нихъ.

— Чортъ его знаетъ, не разберешь, которая лучше, Билль.

— А по мнѣ такъ обѣ никуда не годятся.

Шериданъ являлся представителемъ болѣе опредѣленныхъ взглядовъ. Чтобы разъяснить сущность ихъ своимъ избирателямъ, онъ издалъ брошюрку, озаглавленную «Парламентская программа соціальныхъ реформъ». Брошюрка эта въ зеленомъ переплетѣ продавалась за пустую сумму въ его избирательномъ бюро.

Ни м-ръ Бутль, ни м-ръ Тутль не рѣшились подкрѣпить свою избирательную программу книжечкой: они были слишкомъ умны для этого. Но оба они изощрялись въ нападеніяхъ на политическую исповѣдь Шеридана, постоянно приводили выдержки изъ нея на своихъ митингахъ и старались внушить своимъ слушателямъ убѣжденіе, что авторъ ея опаснѣйшій агитаторъ и врагъ своего отечества.

— Соединяйтесь вокругъ знамени лорда Сольсбери,—вопіялъ м-ръ Тутль, обращаясь къ своимъ избирателямъ.—Я предлагаю вамъ въ лицѣ моемъ поддерживать правительство лорда Сольсбери. Развѣ не онъ поднялъ на такую высоту нашу иностранную политику и этимъ содѣйствовалъ развитію промышленныхъ силъ страны? Его политика привела къ удешевленію съѣстныхъ припасовъ, къ улучшенію условій жизни рабочихъ классовъ. Если кабинетъ Сольсбери останется у власти, то есть полное основаніе думать, что будетъ принятъ билль, ограничивающій иностранную иммиграцію въ Англіи. Лордъ Сольсбери сознаетъ все важное значеніе такого билля. Это вопіющая несправедливость, что иноземные бѣдняки, въ особенности евреи, врываются на наши земли

и загромождаютъ собою трудовой рынокъ. Это — очевидная несправедливость и (*повышая голосъ*) консервативные правители нашей страны положатъ ей конецъ!

Среди общаго негодованія раздается голосъ одного стараго докера.

— Слушай, старина! Мы всѣ ничего не имѣемъ противъ иностранцевъ. Вовсе не евреи обкрадываютъ рабочихъ и строятъ разныя пакости. Пусть себѣ жиды пріѣзжаютъ сколько хотятъ. Мы ихъ нисколько не боимся. (*Толпа апплодируетъ*).

М-ръ Бутль, съ своей стороны, занимался восхваленіями Гладстона, и на его митингахъ даже распѣвали гимнъ, сочиненный въ честь «великаго старика». Но главные пункты его программы, за исключеніемъ гомъ-руля, отличались крайней неопредѣленностью: поговоривъ о необходимости пробужденія сознанія въ рабочемъ классѣ, онъ тотчасъ же съѣзжалъ на разсужденія о величіи либеральной партіи и заявлялъ, что онъ вообще—противникъ всякихъ экономическихъ реформъ. Въ концѣ-концовъ онъ неизмѣнно возвращался къ гомъ-рулю, представлявшему для него вѣрное убѣжище.

— Если вы почтите меня своимъ довѣріемъ,—объяснялъ онъ,—то я обязуюсь поддерживать всѣ либеральныя мѣропріятія, какія будутъ обсуждаться въ парламентѣ; и если другіе округа послѣдуютъ вашему примѣру, то эти либеральныя мѣропріятія вскорѣ получатъ силу закона. Есть одинъ вопросъ, который въ настоящее время серьезно привлекаетъ къ себѣ мое вниманіе—это вопросъ о ввозѣ иностраннаго скота. Джентльмены, на насъ надвигается опасность, незамѣтная еще для поверхностныхъ наблюдателей, но грозящая принять все болѣе и болѣе серьезные размѣры. Мы отдаемъ свое мясо на рынокъ, который и безъ того уже переполненъ, и результатомъ является уменьшеніе барышей. Обратите вниманіе на это обстоятельство, джентльмэны! Затѣмъ, я долженъ обратить ваше вниманіе еще на одно, крайне прискорбное обстоятельство. Въ нашей средѣ встрѣчаются беззастѣнчивые агитаторы, которые стараются увлечь массу своими преступными доктринами. Позвольте замѣтить вамъ, джентльмэны, что все это можетъ повести только къ отливу капиталовъ изъ нашей страны. Въ заключеніе, я еще разъ обѣщаю вамъ поддерживать либеральную программу и ея великаго вождя, м-ра Гладстона.

Для населенія, постоянно угощаемаго подобнымъ краснорѣчіемъ, было настоящимъ отдыхомъ читать живо и талантливо написанную брошюрку Шеридана и слушать его рѣчи. Брошюрка состояла изъ 12 главъ, каждая изъ которыхъ выясняла одинъ

изъ основныхъ 12-ти пунктовъ программы Шеридана. Для большаго удобства каждая глава была также издана отдѣльно, въ видѣ маленькихъ листковъ, и эти листки даромъ раздавались повсюду. Главные пункты его программы были слѣдующіе: гомъ-руль для Лондона, содержаніе членамъ парламента и оплата издержекъ по выборамъ, трехъ-годичный парламентъ, восьми-часовой рабочій день; прогрессивный подоходный налогъ, расширеніе фабричнаго законодательства, страхованіе рабочихъ и пр., и пр. Листки эти распространялись въ толпѣ вмѣстѣ съ карточками Шеридана его многочисленными «товарищами», явившимися сюда поддерживать его кандидатуру. Не обходя и богатыхъ улицъ, «товарищи» сосредоточили свое главное вниманіе на бѣднѣйшихъ кварталахъ.

Узнавъ о ихъ дѣятельности среди своихъ кліентовъ, м-ръ Бутль пришелъ въ величайшее волненіе.

— Я бы желалъ знать, какія дѣла имѣютъ всѣ эти люди въ нашемъ округѣ?—говорилъ онъ своему агенту.

— Весь округъ теперь кишитъ ими,—отвѣчалъ агентъ.—Я вижу ихъ каждый день, они ходятъ повсюду съ утра до вечера, разговариваютъ, агитируютъ, раздаютъ свои листки. Я просто понять не могу, откуда *онъ* набралъ себѣ столькихъ друзей.

— Я убѣжденъ, что онъ подкупленъ торіями,—воскликнулъ м-ръ Бутль, который, впрочемъ, и самъ не вѣрилъ своимъ словамъ.—Повѣрьте мнѣ, Смитерсъ, торіи платятъ ему всѣ избирательныя издержки. Такія штуки стоятъ большихъ денегъ.

— Что жъ дѣлать, сэръ? Не будемъ падать духомъ. До сихъ поръ онъ, во всякомъ случаѣ, еще не передалъ своихъ голосовъ м-ру Тутлю.

Агентъ м-ра Тутля находился въ такомъ же затруднительномъ положеніи.

— Считаю своимъ долгомъ замѣтить вамъ, сэръ, — говорилъ онъ своему патрону,—что намъ слѣдуетъ нѣсколько оживить свою дѣятельность. Новый кандидатъ оказывается весьма предпріимчивымъ и, повидимому, располагаетъ большими средствами. Мнѣ не случалось еще бывать ни въ одномъ домѣ, гдѣ бы агенты м-ра Шеридана уже не побывали раньше меня, и его зеленые листки валяются у всѣхъ дверей. Они ходятъ цѣлыми толпами по улицамъ и раздаютъ брошюрки. Особенно лица женскаго пола отличаются большой неутомимостью, сэръ.

М-ръ Тутль слушалъ его, неодобрительно покачивая головой.

— Я вообще—противникъ женскаго вмѣшательства въ политику. Семейный очагъ, м-ръ Томкинсонъ, вотъ гдѣ истинное цар-

ство женщины. Хотя, съ другой стороны, мы тоже могли бы попросить нѣкоторой поддержки у дамъ изъ Примрозъ-Лиги *). Во всякомъ случаѣ, въ извѣстномъ отношеніи м-ръ Шериданъ все-таки можетъ намъ быть полезенъ.

— Какъ противникъ м ра Бутля? Конечно, сэръ, это совершенно вѣрно.

Поль прекрасно устроилъ свое избирательное бюро и съумѣлъ повести избирательную кампанію безъ особенной траты времени и силъ. Онъ поставилъ во главѣ избирательнаго бюро двухъ вполнѣ компетентныхъ людей и далъ имъ ясныя инструкціи относительно того, что должно быть сдѣлано, и затѣмъ принялся за работу, полагаясь только на преданность своихъ друзей, на свою собственную энергію, и болѣе всего на жизненность и свѣжесть своей программы.

Однажды вечеромъ онъ явился вмѣстѣ съ Литтльтономъ и своимъ агентомъ въ свой округъ, гдѣ онъ долженъ былъ говорить на большомъ избирательномъ собраніи. Узкая улица, на которой находилось помѣщеніе, гдѣ должно было происходить собраніе, была переполнена народомъ. Всѣ казались возбужденными, какъ будто новая, оживляющая струя ворвалась въ ихъ монотонное существованіе. Въ народѣ пробудилось сознаніе своей причастности къ высшимъ интересамъ. Люди собирались кучками на улицахъ и бесѣдовали о новостяхъ дня. Это былъ своего рода парламентъ, гдѣ довольно свободно обсуждались сравнительныя заслуги Гладстона и Сольсбери. Каждый сознавалъ, что и его голосъ теперь будетъ имѣть значеніе при разрѣшеніи судьбы этихъ двухъ государственныхъ людей, и это придавало большой интересъ выборамъ.

— А что вы скажете про этого Шеридана? Ловкую программу составилъ, это уже нечего и говорить.

— Мнѣ надоѣла вся эта старая болтовня. Я рѣшилъ натянуть Бутлю носъ. Бутль много болтаетъ, а толку отъ его болтовни мало.

— Ну, братцы, идемъ. Послушаемъ Поля, что-то онъ намъ скажетъ.

— Я уже слыхалъ Поля раза два. Онъ вычиталъ изъ библіи, или еще откуда-то, что любовь къ деньгамъ—причина всего зла. Но Поль покрайней мѣрѣ хорошо понимаетъ, что вся штука заключается въ недостаткѣ денегъ.

---

*) Примрозъ-Лига—извѣстная женская ассоціація, имѣющая консервативный характеръ.

— И совершенно правъ. Я держусь того-же мнѣнія. А говорятъ, что Бутль нанялъ молодцовъ, которые будутъ свистать Полю.

— У Бутля молодцы только умѣютъ пѣть пѣсни, и больше ничего. Я буду стоять за Поля и готовъ помочь имъ, когда они будутъ свистать Бутлю.

— Я былъ у Тутля вчера вечеромъ. Нужно всѣхъ послушать. Господи, никогда еще такихъ глупостей не слыхалъ! И ужъ онъ говорилъ, говорилъ, пока всѣ не взбѣсились. Одинъ наконецъ всталъ и крикнулъ:

— Послушайте, старичина, пора бы и кончить!

Однажды вечеромъ Полю пришлось говорить на митингѣ, устроенномъ однимъ диссентерскимъ священникомъ, который все еще не могъ рѣшиться въ выборѣ между нимъ и Бутлемъ. Народу собралось немного. Литтльтону пришлось въ одиночествѣ возсѣдать въ пустомъ первомъ ряду. Поль говорилъ въ серединѣ, а до него и послѣ него выступали ораторы изъ духовнаго званія. Къ великому изумленію обоихъ друзей, митингъ начался общею молитвою. Вся эта необычная обстановка подавляющимъ образомъ подѣйствовала на краснорѣчіе Шеридана, но онъ скоро оправился и произнесъ прекрасную рѣчь, цѣликомъ основанную на фактахъ и статистическихъ данныхъ.

Въ другой разъ ему пришлось говорить передъ аудиторіей изъ зажиточныхъ обитателей богатой части квартала. Онъ заранѣе уже приходилъ въ уныніе по поводу несомнѣнно предстоящей неудачи на этомъ собраніи, гдѣ, кромѣ него, должны были говорить еще нѣсколько извѣстныхъ въ политическомъ мірѣ людей, стоявшихъ за Шеридана отчасти изъ сочувствія къ нему и его идеямъ, отчасти же потому, что они имѣли несовсѣмъ точное представленіе объ этихъ идеяхъ. На данномъ собраніи задача Поля заключалась не въ томъ, чтобы вызвать энтузіазмъ, а въ томъ, чтобы выяснить нѣкоторые практическіе пункты. И несмотря на увѣренность въ пораженіи, онъ все-таки достигъ намѣченной цѣли. Хотя онъ и не привлекъ никого изъ присутствовавшихъ на сторону своихъ идей, онъ внушилъ всѣмъ убѣжденіе въ томъ, что программа его очень разумна и практична, и что вообще онъ лично достоинъ поддержки солидныхъ людей.

— Нужно, чтобы онъ сказалъ рѣчь въ залѣ городской ратуши—замѣтилъ одинъ изъ присутствовавшихъ.—Жаль, когда такой человѣкъ тратитъ свои силы на маленькія собранія. Я не могу еще сказать, согласенъ ли я съ нимъ, или нѣтъ, потому что мало думалъ о всѣхъ этихъ вопросахъ, но во всякомъ случаѣ его стоитъ послушать.

Литтльтонъ и Шериданъ каждый вечеръ возвращались домой по городской желѣзной дорогѣ, усталые и взволнованные.

— Побѣдимъ ли мы? Имѣемъ ли мы какіе-нибудь шансы?— безпрестанно спрашивалъ Литтльтонъ.

— Не знаю, одержу ли я лично побѣду на этихъ выборахъ; но я не сомнѣваюсь, что наши идеи начинаютъ одерживать побѣду по всей линіи,—отвѣчалъ Поль.

Большое собраніе въ городской ратушѣ прошло очень удачно для Шеридана; залъ на три четверти былъ наполненъ той простой, рабочей публикой, присутствіе которой всегда воодушевляло Шеридана и зажигало его краснорѣчіе. Это было его послѣднимъ избирательнымъ собраніемъ. Нельзя сказать, чтобы всѣ подобныя собранія приходились ему особенно по вкусу. Работа въ избирательномъ комитетѣ, необходимый сухой трудъ по собиранію и распредѣленію фактовъ нравились ему гораздо болѣе. Онъ считалъ произнесеніе рѣчей необходимымъ орудіемъ для распространенія своихъ взглядовъ, но въ то же время ему казалось болѣе привлекательнымъ заняться болѣе подробной разработкой этихъ взглядовъ, а не только популяризаціей ихъ. Чѣмъ больше онъ занимался практической дѣятельностью, тѣмъ яснѣе сознавалъ необходимость болѣе полнаго и всесторонняго изученія соціальныхъ наукъ. Временами онъ чувствовалъ страстное влеченіе къ *изслѣдованію*, а не къ дѣйствію. Но онъ считалъ своимъ долгомъ подавлять въ себѣ это стремленіе и пользоваться тѣмъ знаніемъ, которое уже было накоплено, для облегченія участи массы. Въ рѣчахъ своихъ онъ, по возможности, всегда держался на почвѣ фактовъ.

Въ маленькомъ избирательномъ бюро Шеридана въ послѣдніе дни передъ выборами кипѣла неустанная, ожесточенная работа. Не только «товарищи», но и мѣстные жители, успѣвшіе стать приверженцами Шеридана, стекались туда, предлагая свои услуги. Не успѣвали запасаться бумагой и чернилами, цѣлые ящики съ конвертами и карточками опустошались тотчасъ по полученіи, и неутомимые помощники расходились въ разныя стороны и посѣщали всѣ углы и закоулки избирательнаго округа. Въ самый день выборовъ роли были строго распредѣлены. Всѣ шутили, болтали и смѣялись, но никакой путаницы не произошло. Люди приходили и уходили изъ комитета, уходили и приходили туда; посланцы уходили оттуда съ опредѣленными порученіями, и, исполнивъ ихъ, возвращались, чтобы сообщить о результатахъ и чтобы получить новыя предписанія.

Шериданъ разъѣзжалъ по округу въ повозкѣ, съ зеленой упряжью. Слѣдомъ за нимъ ѣхалъ Бутль въ разукрашенномъ жел-

томъ экипажѣ, а на встрѣчу имъ мчался Тутль въ коляскѣ, запряженной парой. Онъ размахивалъ розовыми афишами, постоянно снималъ шапку и, улыбаясь, раскланивался съ публикой.

Къ вечеру къ маленькой лавочкѣ постоянно подъѣзжали экипажи и тотчасъ же отъѣзжали отъ нея. Это пріѣзжалъ кто-нибудь изъ товарищей и сообщалъ о томъ, что такіе-то избиратели уже подали голоса. Его тотчасъ же отправляли по другому адресу, чтобы привлечь къ избирательной урнѣ новыхъ лицъ, которыя, по полученнымъ свѣдѣніямъ, еще не приняли участія въ голосованіи. Наконецъ, къ 8 часамъ все успокоилось. Шеридану сообщили, что всѣ лица, занесенныя въ тщательно составленные имъ избирательные списки, подали свои голоса. Сторонники его успѣли побывать всюду и всѣхъ привлечь къ исполненію своихъ гражданскихъ обязанностей.

Литтльтонъ сопровождалъ Шеридана въ городскую ратушу, гдѣ происходилъ подсчетъ голосовъ. М-ръ Бутль и м-ръ Тутль были уже тамъ раньше него; ни одинъ изъ нихъ не обернулся при входѣ третьяго кандидата и не обратилъ на него вниманія. Счетчики быстро и молчаливо занимались своей работой, а кандидаты ожидали въ волненіи. Передъ зданіемъ собиралась толпа, которая быстро увеличивалась; все новыя и новыя волны людей постоянно приливали сюда. Часамъ къ 11-ти вся улица была уже занята тѣсно сплотившейся массой народа. Въ 11 часовъ былъ данъ сигналъ, и ропотъ волненія и ожиданія пробѣжалъ по толпѣ. На балконѣ появился чиновникъ, завѣдующій счетомъ голосовъ, за нимъ виднѣлись фигуры кандидатовъ. Онъ громкимъ голосомъ прочелъ среди наступившаго всеобщаго молчанія результаты выборовъ:

Шериданъ	2.997
Тутль	2.863
Бутль	2.145

Въ отвѣтъ на это поднялись такія шумныя привѣтствія со стороны рабочаго населенія, какихъ еще никогда не слыхали эти мѣста. То были крики единодушнаго восторга по поводу того, что побѣдилъ Шериданъ, защитникъ народныхъ интересовъ.

Шериданъ выступилъ впередъ на балконъ молча. Лицо его было блѣдно, а въ глазахъ свѣтилось необыкновенное возбужденіе и удивленіе. Появленіе его еще усилило радостное настроеніе толпы. Всѣ лица обернулись къ нему и жилистыя худыя руки поднялись, чтобы привѣтствовать его. Успѣхъ его былъ такимъ блестящимъ и страннымъ, такъ трудно доставшимся и въ то же время такимъ неожиданнымъ! Сердце его сильно билось и дыха-

ніе останавливалось въ груди. Онъ стоялъ съ минуту молча, потомъ овладѣлъ собою и заговорилъ. Ему хотѣлось сказать этимъ людямъ, выбравшимъ его своимъ представителемъ, что онъ понимаетъ, какія обязательства налагаетъ на него ихъ избраніе, и что онъ положитъ всю свою душу на честное выполненіе ихъ.

Шеридану не легко было цѣлымъ и невредимымъ выбраться изъ толпы. Литтльтонъ и друзья его позаботились приготовить экипажъ, который свезъ ихъ прямо на станцію городской желѣзной дороги. На пути ихъ окружала шумѣвшая толпа и воздухъ былъ полонъ восторженными криками.

Добравшись до станціи, Шериданъ выскочилъ изъ экипажа и быстро вбѣжалъ по ступенькамъ на дебаркадеръ; друзья старались охранять его отъ неумѣренныхъ выраженій сочувствія со стороны поклонниковъ. Пробираясь впередъ, онъ замѣтилъ въ сторонѣ отъ толпы высокую, неподвижную фигуру мужчины, стоящую посреди тротуара.

Ошибочно принявъ его за одного изъ знакомыхъ, Шериданъ повернулъ къ нему свое радостно возбужденное лицо. Но онъ увидѣлъ холодный, злобный взглядъ и горькую улыбку ненависти, которыя поразили его своей неожиданностью въ эту счастливую минуту. Мрачный человѣкъ приподнялъ шляпу, отвернулся отъ него и исчезъ въ толпѣ.

— Это былъ д'Овернэ,—сказалъ себѣ Поль.—Судя по его виду, анархисты не встрѣчаютъ большого сочувствія въ Англіи.

Избраніе Шеридана было тяжелымъ ударомъ для мистеровъ Тутля и Бутля и вызвало большое изумленіе и въ консервативныхъ, и въ либеральныхъ кругахъ. Лакомый кусочекъ не достался ни правой, ни лѣвой сторонѣ; въ концѣ концовъ его прикармапила себѣ третья партія.

«Пути Провидѣнія въ данномъ случаѣ, дѣйствительно, оказались неисповѣдимыми,—писалъ на другой день м-ръ Бутль своей супругѣ.—Ты уже узнала изъ моей телеграммы, что нѣкій Шериданъ оказался выбраннымъ, несмотря на то, что другіе кандидаты имѣли гораздо болѣе законныхъ правъ на это. Если бы не эта внезапно разгорѣвшаяся исторія, побѣда навѣрное осталась-бы за мною. Будемъ надѣяться, что это печальное событіе окажется не слишкомъ пагубнымъ для страны».

Глава XVI.

Друзья Шеридана наперерывъ спѣшили поздравить его съ блестящей побѣдой на выборахъ. Люцилла же узнала эту новость

послѣдняя; она узнала ее изъ устъ д'Овернэ и была поражена ею, какъ громомъ. Тутъ только она поняла, какъ сильна была въ ней надежда склонить Шеридана въ сторону анархистовъ и заставить его перейти въ ряды открытыхъ враговъ общества.

Онора совсѣмъ по другому отнеслась къ этому важному событію.

— Я очень рада,—сказала она, когда Лесли, подбросивъ свою шапку на воздухъ, сообщилъ ей потрясающую новость.—Мнѣ кажется, что теперь вы должны будете поменьше чудить и вообще быть благоразумнѣе.

Избраніе Шеридана въ парламентъ произошло въ концѣ августа, но обстоятельства сложились такъ, что и Онора, и Люцилла были уже въ это время въ городѣ. Прошло болѣе года съ тѣхъ поръ, какъ Онора была начальницей въ своей школѣ и дѣла у нея шли прекрасно. Съ тѣхъ поръ, какъ она, подъ вліяніемъ Люциллы, освободилась отъ ложныхъ и тщеславныхъ взглядовъ, вынесенныхъ ею изъ университета, лучшія свойства ея натуры получили полное развитіе. Ученицы обожали ее. Она была очень мила и добра со всѣми, вкладывала массу энергіи въ свою работу и результаты получались прекрасные.

Ея административныя способности скоро были оцѣнены школьнымъ начальствомъ и въ началѣ осени ее назначили въ другую, гораздо болѣе значительную школу. Это и было причиной, почему онѣ съ Люциллой такъ рано вернулись въ Лондонъ. Маргарита Гендерсонъ была назначена начальницей въ прежней школѣ, на мѣсто Оноры, а Люцилла получила мѣсто помощницы Оноры въ новой школы. Онора пробыла только самое короткое время на морскомъ берегу, и потомъ должна была вернуться, чтобы перебраться на новое мѣсто жительства; Люцилла, имѣвшая очень болѣзненный и утомленный видъ, пріѣхала вмѣстѣ съ нею. Онора была такъ довольна своимъ новымъ назначеніемъ и открывающейся возможностью болѣе широкаго и плодотворнаго примѣненія своихъ силъ, что не чувствовала уже никакой усталости и не роптала на свои короткіе каникулы. Здоровье ея, какъ всегда, было прекрасно и она находилась въ самомъ радужномъ настроеніи духа. Новое назначеніе Люциллы было, конечно, дѣломъ рукъ ея подруги; эта хрупкая дѣвушка съ ея смѣлымъ умомъ и оригинальной натурой все еще казалась Онорѣ такой же привлекательной, какъ и при первомъ знакомствѣ. Но у Оноры было гораздо больше здраваго смысла, чѣмъ у Люциллы: она не могла увлечься никакими эксцентрическими теоріями. Люцилла, съ своей стороны, всегда относилась съ нѣкоторой ироніей къ прозаическимъ

наклонностямъ своего друга. Несмотря на всю ихъ близость, были вопросы, которыхъ онѣ не затрогивали, и цѣлая сторона жизни Люциллы оставалась неизвѣстной для Оноры.

Свѣдѣнія объ отцѣ Онора получала не только черезъ переписку, но и черезъ посредство Лесли. Между ними установилось молчаливое соглашеніе, въ силу котораго Лесли постоянно сообщалъ ей новости объ отцѣ; и частыя посѣщенія молодого человѣка, по всей вѣроятности, доставляли старику больше удовлетворенія, чѣмъ могла бы ему доставить совмѣстная жизнь съ несочувствующей и непонимающей дочерью. Лесли никогда не удавалось узнать, какъ относится теперь Онора къ событію, послужившему причиною ея разрыва съ отцомъ, хотя онъ имѣлъ нѣкоторыя основанія думать, что взгляды ея на этотъ предметъ измѣняются. Однажды она случайно высказала ему такое замѣчаніе:

— Мнѣ кажется,—сказала она несмѣло, — что существуетъ нѣкоторое сходство между взглядами моего отца и взглядами м-ра Шеридана. У нихъ одинаковое отношеніе къ угнетеннымъ, или, можетъ быть, вѣрнѣе было бы сказать къ бѣднымъ и страдающимъ; одинаковое непоколебимое убѣжденіе въ томъ, что на нихъ возложены извѣстныя обязанности, которыя во что бы то ни стало должны быть выполнены; и у каждаго изъ нихъ все міросозерцаніе покоится на одномъ началѣ, которое объединяетъ собою все; у отца это—церковь, у м-ра Шеридана—общество.

Однажды, въ сентябрѣ, въ самомъ началѣ новаго семестра, Онора стояла у окна въ своей новой гостиной. Новая школа ея находилась въ одномъ изъ лондонскихъ предмѣстій и изъ окна видны были деревья, покрытыя теперь блеклыми желтыми листьями. Стоялъ сырой туманный день, туманъ разстилался по улицѣ и насыщалъ собою воздухъ.

Люцилла была съ нею; она сидѣла за столомъ, заваленнымъ книгами и бумагами.

— Кто бы могъ подумать, что только годъ тому назадъ я пріѣхала въ Лондонъ, въ самомъ безнадежномъ настроеніи и съ самыми мрачными взглядами на свое будущее,—воскликнула Онора, весело смотря на туманъ.

— Да, это великая вещь—умѣть найти свое мѣсто въ жизни. Вотъ я такъ этого никогда не умѣла,—отвѣтила Люцилла.

Онора отвернулась отъ окна и подошла къ ней.

— А между тѣмъ, вы-то и научили меня этому, Люцилла. Мнѣ кажется, вы просто взвинчиваете себя и выдумываете себѣ какіе-то особенные взгляды,—сказала она, сдвинувъ брови.

— Нѣтъ, Онора. Главная суть не въ томъ, что человѣкъ ду-

маетъ, и даже не въ томъ, что онъ дѣлаетъ, а въ томъ, каковъ онъ есть.

— Но вѣдь вы же такая искренняя, правдивая...—начала Онора.

— Да, это вѣрно,—сказала Люцилла.—Я никогда не умѣла сообразоваться съ обстоятельствами. Моя правдивость всегда была очень неудобна и обстоятельства складывались для меня самымъ неблагопріятнымъ образомъ.

Онора ласково погладила ее по волосамъ. Люцилла нѣсколько отстранилась, желая показать, что она не нуждается въ утѣшеніи. Она встала, отодвинула въ сторону книги и подошла къ камину. Тамъ она сѣла на низенькій стулъ, поставила локти на колѣни, опустила голову на руки и упорно смотрѣла на огонь. Онора молча смотрѣла на нее. Она не могла понять, что такое творится съ Люциллой. Нельзя было не замѣтить, что ея прежняя добродушно-насмѣшливая манера все болѣе и болѣе переходитъ въ ожесточеніе, и что она все болѣе и болѣе поддается грустному настроенію. Къ тому же, здоровье ея видимо слабѣло. Щеки ея ввалились, глаза сдѣлались огромными, и вся она сильно похудѣла.

— Слѣпой человѣкъ, который во что бы то ни стало хотѣлъ видѣть, былъ безумцемъ,—сказала она задумчиво.

— Я этого не нахожу,—возразила Онора.

— Говорятъ, что мы всѣ до извѣстной степени слѣпы, что со временемъ, можетъ быть, у насъ разовьются новыя способности, которыя дадутъ намъ возможность познавать новыя стороны предметовъ, недоступныя нашимъ органамъ чувствъ. Представьте себѣ, какъ странно будетъ, когда у насъ въ душѣ откроютъ новыя двери въ область непознаваемаго!

Она вздрогнула. Онора своей спокойной поступью подошла къ ней и тоже сѣла на скамеечку передъ огнемъ.

— Я была бы очень рада,—сказала она.—Это дало бы намъ новыя силы. Тогда нѣкоторые изъ насъ выдвинулись бы передъ остальными и стали во главѣ ихъ.

— Неужели васъ привлекаетъ такая перспектива? Мнѣ кажется, тогда на насъ легла бы еще большая отвѣтственность, и еще труднѣе было бы справиться съ собою.

Она засмѣялась, но смѣхъ ея звучалъ невесело.

— Изъ всѣхъ страшныхъ вещей на свѣтѣ, самая страшная— это своя собственная душа. Отъ себя никакими способами невозможно отдѣлаться. Вы вѣчно остаетесь сама съ собою —и утромъ, когда вы идете на работу, и вечеромъ, когда вамъ хочется от-

дохнуть и подумать совсѣмъ о другомъ, и ночью, когда не спится. Это ужасно непріятный спутникъ.

— Что жъ дѣлать, когда это вы и есть, — замѣтила Онора.

— Но вѣдь я могла бы быть совсѣмъ другою. Я отлично понимаю и представляю себѣ, какою я должна была бы быть, и вотъ—не могу. Всѣ мои усилія, вся нравственная дисциплина пропадаютъ даромъ. Я не могу переломить себя и у меня все выходитъ какъ-то дѣланно и неискренне.

Онора посмотрѣла на своего друга ласковымъ испытующимъ взглядомъ.

— Для меня лично работа является самымъ лучшимъ успокоительнымъ средствомъ противъ такихъ мучительныхъ мыслей,— сказала она.

— Вотъ именно,—подхватила Люцилла. — Мы, какъ страусы, закрываемъ свою голову, надѣясь этимъ укрыться отъ опасности. А между тѣмъ... Очевидно, мнѣ предназначено судьбой разойтись съ моими друзьями,—прибавила она, помолчавъ.

— Но Люцилла! Вѣдь вы же всегда можете избѣгнуть ссоры, если она вамъ такъ непріятна.

— Нѣтъ, не могу. Во всемъ виновата моя несчастная правдивость.

— Но правдивость можетъ и не быть оскорбительной. Вы думайте себѣ правду, но только не всегда высказывайте ее.

Люцилла опять засмѣялась, смотря на пылающіе угли.

— Кромѣ правдивости у меня есть еще въ высшей степени нелѣпая привязчивость. Хуже ничего не можетъ быть, и ссориться съ человѣкомъ, къ которому чувствуешь искреннюю привязанность...

— Нѣтъ, ради Бога! Вотъ чего вы во всякомъ случаѣ не должны допускать,—воскликнула Онора горячо.

Люцилла опять засмѣялась, и на этотъ разъ смѣхъ ея звучалъ веселѣе.

— Онора! Какая вы счастливая!

— Вполнѣ счастливыхъ людей не бываетъ на свѣтѣ,—отвѣчала Онора, чувствуя какъ бы нѣкоторыя угрызенія за свое счастіе передъ этой дѣвушкой, которая, очевидно, была теперь глубоко несчастной.

— Во всякомъ случаѣ, вы очень близки къ счастью. У васъ есть школа, дающая вамъ возможность съ успѣхомъ прилагать свои силы и дѣлать полезное дѣло. Вы получаете хорошее жалованье. И потомъ у васъ есть друзья. Я думаю, что вы относитесь къ нимъ довольно легкомысленно. Во всякомъ случаѣ, вы

съ ними не ссоритесь. Вотъ вы сидите теперь передо мною, такая милая и спокойная, и ваши темные глаза смотрятъ такъ ласково... Я не удивляюсь, что ваши друзья такъ дорожатъ вами. Лесли, напримѣръ.

— Одинъ разъ я страшно поссорилась съ Лесли,—быстро сказала Онора.

Въ памяти ея тотчасъ же всталъ тотъ лѣтній вечеръ, старый деревенскій садъ, и она какъ будто слышала голосъ Лесли и свой собственный голосъ.

— Какъ я теперь вижу, мы поссорились оттого, что онъ сказалъ мнѣ правду—прибавила она.

— Вотъ видите!—отозвалась Люцилла.

— Теперь я знаю, что онъ былъ совершенно правъ.

— И вы простили его? Можетъ быть, вы благословляете его за эту правду?

— О, нѣтъ, нисколько—отвѣтила Онора рѣшительно.

— Вотъ это хорошо. Не нужно ссориться, конечно. Къ чему? Если у васъ есть друзья, то старайтесь сохранить ихъ. Но главное, не вздумайте привязываться къ нимъ, любить ихъ.

— Я думаю, что я не изъ такихъ женщинъ—замѣтила Онора.

— Мы никогда не знаемъ себя до поры, до времени. Но вы имѣете всѣ данныя для счастья.

— Какія же у меня особенныя данныя?—спросила Онора.

— У васъ есть твердая почва подъ ногами. Оставайтесь всегда такой, какъ теперь. Впрочемъ, можетъ быть, самое большое ваше счастье въ томъ и заключается, что вы не можете быть другой.— Люцилла посмотрѣла на своего друга съ ласковой усмѣшкой.

— Но все-таки я предостерегаю васъ. Не старайтесь слишкомъ страстно вникать во внутренній смыслъ жизни. Не вдумывайтесь въ жизненную драму и не будьте поэтомъ. Это ужасно мѣшаетъ работѣ.

— Я всегда считала, что у васъ поэтическій складъ натуры, Люцилла—замѣтила Онора.

Люцилла вдругъ вскочила съ своего мѣста, выпрямилась и заломила руки за голову.

— Угадайте, куда я сейчасъ отправляюсь?—спросила она.

— Ну, куда же?

— Я поѣду въ городъ и весь день буду заниматься въ Британскомъ музеѣ. Какая хорошая вещь—эти свободныя субботы!

— Но, Люцилла, я надѣялась, что вы всю недѣлю поживете здѣсь у меня.

— Невозможно. Мнѣ необходимо ѣхать. Черезъ часъ я буду

сидѣть въ библіотекѣ, уткнувши носъ во всевозможные лексиконы. Прощайте!

— Неужели вы даже не позавтракаете со мною?—тревожно спросила Онора.

Люцилла отрицательно покачала головою, начала собирать свои книги и бумаги, накинула на себя шляпу и пальто. Она дошла до двери, потомъ вдругъ обернулась, посмотрѣла на своего друга долгимъ, изумленнымъ взглядомъ, какъ будто въ первый разъ видѣла ее, крѣпко поцѣловала ее и ушла.

— Берегите себя, Люцилла,—крикнула ей вслѣдъ Онора, но она уже не слышала этого напутствія.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ИСТОРІЯ РУССКОЙ КРИТИКИ.

*(Продолженіе *).*

XXVIII.

До какой степени медленно и трудно усвоиваются культурнымъ обществомъ простѣйшія и, повидимому, вполнѣ естественныя идеи—краснорѣчивѣйшее доказательство исторія литературы.

У художественнаго творчества самая обширная публика, соприкосновеніе его съ дѣйствительной жизнью самое тѣсное и непосредственное. Писатели подлежатъ свободной и разносторонней оцѣнкѣ и болѣе, чѣмъ всѣ другіе умственные дѣятели, принуждены считаться съ условіями своей среды, съ ея постепеннымъ нравственнымъ и общественнымъ развитіемъ.

Можно сказать, сама жизнь въ ея многообразномъ движеніи первый художественный критикъ и неотразимый судья. Литературѣ ли послѣ этого не быть правдивой, жизненной, въ полномъ смыслѣ реальной?

И между тѣмъ, ни философія, ни наука не завѣщали исторіи болѣе многочисленныхъ и странныхъ заблужденій и насильственныхъ фантастическихъ вымысловъ, чѣмъ искусство.

Чтò, казалось бы, дальше могло отстоять отъ жизни и правды, чѣмъ ложно-классическая школа? Чтò могло до такой степени деспотически врываться въ душу самого писателя и налагать рабскія оковы на его талантъ и личные опыты?

И человѣческая природа не всегда легко и радостно гнулась подъ ярмомъ. Бывали минуты возмущенія, и именно у самыхъ талантливыхъ, у самыхъ, слѣдовательно, способныхъ завоевать себѣ права и свободу.

Но это были только минуты... Негодующій голосъ умолкалъ, свѣтлое вдохновеніе отлетало отъ избранника, и онъ покорно вступалъ въ общее стадо и шелъ торнымъ путемъ правилъ и авторитетовъ.

---

*) См. «Міръ Божій», № 3, мартъ.

Потребовалось два столѣтія богатѣйшимъ европейскимъ литературамъ, чтобы покончить съ игомъ классицизма. А въ исконномъ царствѣ школы рѣшительнаго конца не предвидится еще и въ наши дни!

Въ русской литературѣ не было такихъ прочныхъ школьныхъ преданій, какъ на Западѣ. Ей стоило только излѣчиться отъ основного недуга, — ученической подражательности, и идолы падали сами собой. Но именно это излѣченіе и совершалось съ большими затрудненіями и мучительными судорогами юнаго литературнаго организма. Правда, на помощь истинѣ вскорѣ пришла мощная сила художественныхъ талантовъ, но до тѣхъ поръ каждый малѣйшій шагъ по пути реализма и свободы покупался нашей критикой цѣной усиленной и часто безплодной борьбы.

Мы знаемъ, ни у одного изъ самыхъ раннихъ критиковъ не было недостатка въ національныхъ инстинктахъ. О Ломоносовѣ нечего и говорить. Патріотическое чувство увлекало ученаго даже въ тѣ области, гдѣ спорные вопросы рѣшались оружіемъ не науки и литературы. Но самое искреннее усердіе не помѣшало Ломоносову свято вѣровать въ нѣмецкія піитики и поддерживать у себя искусственное пламя одописнаго восторга.

Отъ его современниковъ еще менѣе можно было ожидать смѣлости и независимости. Что означали ихъ національныя стремленія и всяческій патріотизмъ, доказалъ самый безпощадный гонитель словесной галломаніи Сумароковъ. Повидимому, ничего не могло быть естественнѣе, какъ понятіе о чистомъ національномъ *языкѣ*— перенести на *содержаніе* произведеній, возникающихъ на этомъ языкѣ.

Если дѣйствующія лица должны *говорить* по-русски, безъ нованерныхъ словъ и безъ галлицизмовъ, они, конечно, обязаны и *поступать* также, быть не менѣе національными въ нравахъ, чѣмъ въ рѣчахъ. Слова, вѣдь, только результатъ другого, болѣе важнаго и глубокаго порока—страсти модныхъ господъ перестраивать свою внѣшнюю и внутреннюю жизнь по иноземнымъ образцамъ. Устраните подражательность въ привычкахъ и въ образѣ мыслей, она сама собой исчезнетъ въ разговорѣ и, слѣдовательно, въ литературномъ языкѣ.

Эта столь очевидная логика оказывалась совершенно недоступной нашимъ критикамъ и они устроили грозный натискъ на писателя, позволившаго себѣ перенести національный протестъ изъ области *грамматики* на сцену *жизни*. Шагъ отнюдь не революціонный и менѣе всего безумно-смѣлый, но когда вы знакомитесь съ исторіей по современнымъ документамъ, скромный

авторъ теперь совершенно забытыхъ произведеній начинаетъ казаться чуть не преобразователемъ литературы, по крайней мѣрѣ, литературныхъ идей.

Авторъ, дѣйствительно, въ высшей степени скроменъ. Въ эпоху болѣзненныхъ писательскихъ самолюбій и претензій, *Стозмѣй*, т. е. Владиміръ Лукинъ, производитъ совсѣмъ неожиданное впечатлѣніе.

Вообразите, онъ самъ говоритъ о недостаткахъ своихъ сочиненій, самъ искренне упрашиваетъ критиковъ серьезно разобрать его комедіи и научить его искусству писать лучше. Онъ готовъ выслушать какія угодно наставленія, лишь бы вышла польза. Онъ подчинится авторитету стараго заслуженнаго писателя, но только пусть этотъ авторитетъ заявитъ свои права не на основаніи давности и славы, а по здравому смыслу и дѣйствительному литературному таланту.

Очевидно, со стороны подобнаго критика не могло быть ни преднамѣренной злостности, ни надоѣдливой запальчивости. Сравнительно съ Сумароковымъ, это голубиная душа и застѣнчивый школьникъ. И, между тѣмъ, именно Сумароковъ, по свидѣтельству современниковъ, выходилъ изъ себя при одномъ имени Лукина.

Бывало и хуже. Нашъ авторъ подвергался опасности получить такое же возмездіе за свое литераторство, какое переносилъ Тредьяковскій. Очевидно, не было удержу ненависти, посѣянной Лукинымъ въ сердцахъ своихъ современниковъ, хотя онъ отнюдь не разсчитывалъ быть непремѣнно ихъ соперникомъ въ литературныхъ успѣхахъ.

Откуда же такая напряженная воинственность?

Лукинъ писалъ комедіи, точнѣе, передѣлывалъ ихъ съ французскихъ образцовъ и только единственную пьесу—*Мотъ, любовью исправленной*—можно считать сколько-нибудь оригинальнымъ произведеніемъ. Таланта, очевидно, большого не было, и, какъ драматургъ, Лукинъ не представлялъ опасности даже Сумарокову.

О Фонвизинѣ нечего и говорить. Даже *Мотъ*, имѣвшій успѣхъ на сценѣ, не могъ сравняться съ *Бригадиромъ* и *Недорослемъ*. И все-таки ихъ знаменитый авторъ присоединилъ свой голосъ къ нападкамъ на Лукина. Перебравъ весь репертуаръ предосудительныхъ нравственныхъ качествъ, Фонвизинъ напалъ на счастливую мысль: предки Лукина «никакихъ чиновъ не имѣли», и потому даже служить съ такимъ человѣкомъ зазорно! И вообще относительно Лукина не дѣлалось никакого различія между чисто-личными вопросами и литературной дѣятельностью.

Адская Почта разсказывала скандалъ, постигшій было дерз-

каго критика. *Трутень*, издававшійся Новиковымъ, помѣстилъ слѣдующее письмо къ издателю. Оно довольно точно отражаетъ чувства, вызванныя у журналистики Лукинымъ, и знакомитъ насъ съ причинами общаго негодованія, конечно, въ извращенной формѣ.

Рѣчь ведется отъ лица самого ненавистнаго критика.

«Мнѣ и славныя русскія трагедіи кажутся ничего не значущими... Словомъ, какъ бы кто хорошо ни написалъ, только не добьется отъ меня, чтобы я вмѣсто худо сказалъ хорошо; и кто что ни говори, а я все-таки стану продолжать свое искусство, т.-е. шептать на ухо, что то-то и то-то худо, а такихъ людей много, которые, сами ничего не зная, мнѣ вѣрятъ...

«Нѣсколько тому миновало мѣсяцевъ, какъ вступилъ я на двадцать восьмой годъ отъ моего рожденія, и въ такое короткое время успѣлъ всѣхъ перекритиковать, перебранить, себя прославить, у другихъ убавить славы, многимъ женщинамъ вскружить головы, молодыхъ господчиковъ отъ ревности свести съ ума и выросль безъ мала въ два аршина съ половиною. Лицо имѣлъ я очень смуглое, но съ того времени, какъ началъ притираться китайскимъ порошкомъ, сталъ гораздо бѣлѣе, а станомъ похожъ на астронома... Я опричь русской грамоты почти ничему не учился, но все знаю, выключая русской азбуки, которую тогда я не доучилъ, а послѣ не имѣлъ времени: ибо началъ упражняться въ письменахъ. А ради того и понынѣ не знаю, гдѣ ставятся *ѣ* и *е*, гдѣ *і* и *и*, гдѣ *а* и *ахъ*!—и тому подобное и гдѣ какія препинанія; для чего вмѣсто запятой, часто ставлю удивительную и вопросительную, а двоеточіе при всякомъ словѣ, ибо мнѣ кажется, что всякое слово отъ другова отдѣляется, и тѣмъ и разрѣзываетъ мысль: но ето безделица...»

Такого же тона или еще болѣе рѣзкаго держались относительно Лукина и другіе журналы—*Смѣсь*, *Полезное съ пріятнымъ*, *Пустомеля*.

Противники не оставляли въ покоѣ и оффиціальную службу Лукина—секретаря при кабинетъ-министрѣ Елагинѣ, и открыто уличали его въ искусствѣ, путемъ лести, «приходити въ милость у большихъ баръ».

Можетъ быть, какъ чиновникъ, Лукинъ и могъ вдохновлять своихъ враговъ на злостныя выходки. Говоритъ же онъ о себѣ: «я родился въ свѣтъ къ принятію одолженій отъ сердецъ великодушныхъ». И онъ съумѣлъ стяжать не мало этихъ одолженій, изъ бѣднаго состоянія, хотя и дворянскаго, дослужившись до дѣйствительнаго статскаго совѣтника.

Не особенно большихъ усилій стóило критикамъ развѣнчивать

и драматическія упражненія Лукина: онъ самъ очень невысокаго мнѣнія о своихъ пьесахъ.

Но мы должны не забывать,—мы въ XVIII-мъ вѣкѣ. Что это значило для писателя,—намъ извѣстно. Гораздо позже исторіи съ Лукинымъ, два первенствующихъ и впослѣдствіи также высокопоставленныхъ автора—Крыловъ и Карамзинъ—засвидѣтельствовали горькую участь современнаго писателя.

Крыловъ въ одной изъ остроумнѣйшихъ своихъ сказокъ—*Каибъ*, изображалъ матеріальное положеніе усерднѣйшаго одописца. Бѣднякъ успѣлъ прославить множество меценатовъ, но все-таки не нажилъ себѣ даже приличнаго кафтана...

И трудно было достигнуть даже такого благополучія въ томъ обществѣ, гдѣ «удачнѣе можно искать щастія съ помощію портнова, парикмахера и каретника, нежели съ помощію профессора философіи» *).

Карамзинъ еще ближе подходитъ къ вопросу.

«Мы начинаемъ только любить чтеніе,—пишетъ онъ,—имя хорошаго автора еще не имѣетъ у насъ такой цѣны, какъ въ другихъ земляхъ; надобно при случаѣ объявить другое право на улыбку вѣжливости и ласки» **).

И дальше объясняется, какое право—*чины*.

Но даже и они не мѣшали писателямъ препираться другъ съ другомъ насчетъ происхожденія.

Незнатная персона былъ Тредьяковскій, всего сынъ попа, а между тѣмъ и онъ торопился укорить Ломоносова въ «подломъ» рожденіи. Мы только-что слышали, какъ смотрѣлъ на дѣло самъ *Стародумъ*, благонамѣреннѣйшій проповѣдникъ души и сердца.

Естественно, Лукинъ пробирался въ люди со всѣмъ усердіемъ, какое ему доступно. Но успѣхи по службѣ не мѣшали его независимости на поприщѣ литературы.

Здѣсь онъ не признавалъ никакихъ чиновъ, и первый поднялъ руку на славу Сумарокова. Въ глазахъ *Трутня*, несомнѣнно, достойнѣйшаго «злоязычника», именно это «дерзновеніе» являлось самымъ тяжкимъ грѣхомъ Лукина.

«Дерзновеніе» не возбуждало бы такого негодованія, если бы дѣйствительно выходило столь неосновательнымъ и комическимъ, какимъ его представляетъ журналъ. У Лукина оказывались *принципы*, настолько убѣдительные и здравые, что именно ихъ внутреннее достоинство невольно сознавалось поклонниками россійскаго

*) *Зритель*, 1792 г., декабрь, стр. 282; май, 44.

**) *Отчего въ Россіи мало авторскихъ талантовъ?*

Расина. А подобное сознаніе правоты врага, какъ извѣстно, сильнѣйшій мотивъ ожесточенія.

XXIX.

Новиковъ совершенно неправъ, укоряя нашего критика въ малограмотности. Напротивъ, Лукинъ обладалъ, пожалуй, болѣе обширной *грамотой*, чѣмъ издатель *Трутня*.

Онъ зналъ два новыхъ языка—французскій и нѣмецкій, и одинъ древній—латинскій. И что особенно важно, эта ученость, очевидно, усвоена Лукинымъ самостоятельно, по глубокой наклонности «къ словеснымъ наукамъ». Надъ нимъ не тяготѣла педантическая учёба, въ литературѣ и въ эстетикѣ онъ дилеттантъ и стоитъ гораздо ближе къ жизни, чѣмъ къ книгамъ. Онъ прежде всего чиновникъ, т.-е. практическій дѣятель, человѣкъ общества, и потомъ уже писатель.

Фактъ очень важный.

Въ нашей старой литературѣ безпрестанно можно встрѣтить разсужденія о необходимыхъ достоинствахъ настоящаго писателя, о способахъ развить литературный талантъ. Самые свѣдущіе наблюдатели, напримѣръ, Карамзинъ и Жуковскій, даютъ одни и тѣ же отвѣты.

Писатель долженъ жить въ обществѣ, чтобы совершенствовать свой вкусъ и вырабатывать языкъ. Конечно, и Карамзину, и Жуковскому извѣстно, какъ трудно русскому литератору выполнить эту программу. Прежде всего, его могутъ не пустить въ хорошее общество, а потомъ—ему и нечему научиться здѣсь по части языка: здѣсь говорятъ по-французски и не желаютъ знать родной рѣчи.

Такъ было въ прошломъ вѣкѣ и долго оставалось позже, до тѣхъ поръ, пока *просвѣщенное общество* перестало совпадать съ карамзинскимъ *большимъ свѣтомъ*.

Но сущность идеи совершенно правильная.

Наши классики—фанатическіе буквоѣды и копировальщики чужихъ мыслей и произведеній, прежде всего, благодаря полной оторванности отъ современной общественной жизни, все равно, какова бы она ни была. Литераторы прошлаго вѣка—своего рода цехъ, отчасти каста, осужденная на исключительно кабинетную работу, на производство разныхъ словесныхъ и книжныхъ хитростей. И чѣмъ писатель полнѣе осуществляетъ свое отшельническое назначеніе, тѣмъ онъ педантичнѣе и неподвижнѣе въ своихъ профессіональныхъ взглядахъ, тѣмъ онъ покорнѣе книжному авторитету.

Напротивъ, чѣмъ писатель ближе къ живой дѣйствительности, чѣмъ онъ общественнѣе, тѣмъ свободнѣе его отношеніе къ искусству. И не случайно основатели новыхъ школъ въ старой русской литературѣ какъ разъ одновременно—и писатели, и «свѣтскіе люди».

Этого сліянія способностей и требовалъ Жуковскій, но далеко не всѣмъ оно было доступно. Ему самому и Карамзину посчастливилось больше другихъ, и въ результатѣ выиграла авторская свобода и даже внѣшняя красота произведеній.

Мы, конечно, не должны преувеличивать благодѣтельныхъ вліяній свѣтской жизни на старую литературу. Мы знаемъ, большому свѣту отнюдь было не по силамъ вызвать, даже оцѣнить настоящее жизненное искусство. Свѣтъ до конца не выходилъ изъ заколдованнаго круга лжи и забавы, считая литературу чисто эстетическимъ и увеселительнымъ украшеніемъ своего безпечальнаго существованія.

Но мы и не говоримъ объ идейномъ внутреннемъ преобразованіи художественнаго творчества, а только о внѣшнихъ успѣхахъ словесности. Устраненіе педантизма и схоластики было несомнѣннымъ движеніемъ впередъ, и оно совершалось не профессорами элоквенціи, а людьми не столь глубокомысленнаго, но за то болѣе реальнаго міра.

Лукинъ одинъ изъ его питомцевъ.

Лучшую пьесу онъ написалъ по личнымъ опытамъ. Это—совершенная новость въ русской литературѣ, вплоть до Грибоѣдова. Правда, Крыловъ и особенно Фонвизинъ могли взять нѣсколько *подлинниковъ* изъ жизни въ свои произведенія, но это отдѣльныя черты и фигуры на ихъ картинахъ. Лукинъ, не обладая талантами своихъ современниковъ, стремится перенести на сцену цѣлую жизненную драму съ ея героями и эпизодами, лично ему извѣстными и подробно изученными.

Въ предисловіи къ *Моту* авторъ сознается, что онъ самъ «въ ономъ вредномъ ремеслѣ долго упражнялся», видѣлъ гибельные плоды страсти и вознамѣрился воспользоваться своими наблюденіями для общей пользы. Лукинъ рисуетъ полную картину игорной комнаты. Онъ не можетъ забыть многочисленныхъ фигуръ, немногихъ счастливцевъ и большинства несчастныхъ, истощенныхъ и разбитыхъ своими неудачами... Впечатлѣнія были до такой степени сильны, что авторъ навсегда бросилъ игру.

Слѣдовательно, предъ нами въ полномъ смыслѣ драма нравовъ, но, къ сожалѣнію, только по замыслу. У Лукина несравненно больше добрыхъ намѣреній, чѣмъ силъ осуществить ихъ. И недостатокъ художественнаго таланта подорвалъ всѣ его усилія.

А между тѣмъ, они по существу направлены противъ всякой литературной школы, разсчитаны на полное преобразованіе языка и содержанія русской комедіи, совпадаютъ, слѣдовательно, съ позднѣйшей дѣятельностью Грибоѣдова. Но какая разница между *подлинниками Мота* и *портретами Горя отъ ума.*

Лукинъ также вывелъ на сцену дѣйствительныхъ лицъ, какъ и Грибоѣдовъ, но дѣйствительность воспроизводить оставалось почти исключительно актерамъ при помощи костюмовъ и внѣшней игры. Типа, души, цѣльнаго явленія не было въ самой драмѣ и только это обстоятельство помѣшало Лукину предвосхитить дѣло Грибоѣдова.

Послушайте разсужденія Лукина, обратите вниманіе на его желаніе найти доказательства не у Буало или иного книжнаго авторитета, а у публики. Онъ ссылается даже не на Вольтера, а на впечатлѣнія какихъ-то безвѣстныхъ зрителей. На сцену, слѣдовательно, выступаетъ та самая сила, какая впослѣдствіи рѣшитъ будущее грибоѣдовской *свободы* и пушкинскаго *права.*

Лукинъ писалъ:

«Мнѣ всегда несвойственно казалось слышать чужестранныя рѣченія въ такихъ сочиненіяхъ, которыя долженствуютъ изображеніемъ *нашихъ нравовъ* исправлять не только общіе всего свѣта, но болѣе *участные нашего народа пороки.* И неоднократно слыхалъ я отъ нѣкоторыхъ зрителей, что не только ихъ разсудку, но и слуху противно бываетъ, ежели лица хотя по нѣскольку на наши нравы походящія, показываются въ представленіи *Клитандромъ, Цитодиною* и *Клодиною*, и говорятъ рѣчи, не *наши поведенія знаменующія.* Негодованіе сихъ зрителей давно почиталъ я правильнымъ».

Лукинъ указываетъ нѣкоторыя частности, прямо касавшіяся Сумарокова, одного изъ усерднѣйшихъ «крадуновъ» французской комедіи.

У него слуги философствовали не хуже господъ, при бракахъ заключались свадебные контракты, невѣдомые по русскимъ законамъ и обычаямъ.

Заключеніе выходило нестерпимо оскорбительное для того же россійскаго Вольтера: «Мы на своемъ языкѣ свойственныхъ намъ комедій еще не видали».

Лукинъ даже изумлялся, какъ русская публика, при всемъ ея невѣжествѣ, не чувствуетъ отвращенія къ современной комедіи.

Улики въ плагіатѣ особенно чувствительны. Ихъ не могъ выносить даже Вольтеръ, и именно онѣ были главной причиной его озлобленія на Фрерона.

Что же чувствовалъ Сумароковъ, когда читалъ въ предисловіи къ *Пустомелѣ*, что русскія классическія комедіи «на нашъ языкъ почти силою втащены»?—«Полно, нынѣ такой вѣкъ, что и во всемъ свѣтѣ тѣ лишь знатными писателями и называются, которые лучше прочихъ выкрадутъ и искусненько прикрывши выдадутъ за свое сочиненіе»...

Самъ Лукинъ не скрывалъ своихъ заимствованій.

Но вся бѣда и была въ неизбѣжности этихъ заимствованій, хотя бы и совершенно откровенныхъ. По крайне бѣдному драматическому дарованію Лукинъ могъ только «склонять на наши нравы» чужія пьесы, т. е. заниматься передѣлками, выбрасывать изъ французскихъ комедій спеціально французское и вставлять коегдѣ «свойственное намъ». Выходила тоже въ сущности «изъ вѣтоши перекропышь».

И естественно Сумарокову и его почитателямъ притязанія Лукина казались совершенно неосновательными, а критика—обидной.

Лукинъ открыто выражалъ пренебреженіе къ *авторитету* Сумарокова, вообще не считалъ нужнымъ считаться со вкусами старыхъ писателей, генераловъ отъ литературы. Онъ не желаетъ пресмыкаться въ ихъ переднихъ и домогаться ихъ руководства и исправленій въ литературной работѣ. Старовѣры ничему его не могли научить, а пьесы только исказить «шапеленскими стихами».

Это неслыханный либерализмъ! Преемственность педантическаго цеха отметалась, и во имя чего же? Зрителей, и не только почтенныхъ, а даже во имя презрѣнной черни.

Лукинъ, порвавши съ аристократическимъ классицизмомъ, неизбѣжно долженъ былъ придти къ вопросу о самой широкой демократизаціи литературы. Единственной опорой для него оставалась публика, и притомъ менѣе всего зараженная предразсудками, т. е. на языкѣ XVIII вѣка—совсѣмъ не просвѣщенная.

Отсюда—сочувствія Лукина къ народу, къ его судьбѣ и его языку.

Аристократъ Тредьяковскій съ презрѣніемъ выговаривалъ «ямщичей вздоръ» и «мужицкой бредъ», Лукинъ именно у ямщиковъ и мужиковъ будетъ учиться русскому языку. Онъ жалѣетъ, что мало живалъ и разговаривалъ съ мужиками. Для него—крѣпостные крестьяне—достойныя сожалѣнія жертвы знатныхъ тунеядцевъ, «невинные земледѣльцы», чья «кровь течетъ съ раззолоченныхъ каретъ». Онъ признаетъ этихъ «животныхъ для себя равнымъ созданіемъ»...

Достаточно этихъ идей, чтобы поставить Лукина на недосягаемую высоту не только надъ классиками, но и надъ позднѣй-

шими самыми трогательными апостолами литературной чувствительности.

Лукинъ стремится оправдать свои мысли на практикѣ. Онъ ведетъ упорную войну противъ иностранныхъ словъ, онъ питаетъ къ нимъ «полное отвращеніе» и усиливается замѣнять ихъ русскими.

Замѣна эта далеко не всегда удачна и самъ авторъ сознается, что его изобрѣтенія иной разъ непонятны зрителямъ. Но они необходимы «для познанія силы, пространства, а иногда и красоты природнаго языка».

Лукинъ готовъ всѣ простыя сословія вывести на сцену съ ихъ рѣчью. У купцовъ онъ заимствуетъ слово *Щепетильникъ* для французскаго *Bijoutier*, и въ этой же пьесѣ заставляетъ дѣйствовать мужиковъ съ ихъ провинціальными говорами. Публикѣ приходилось вмѣсто новомодныхъ словъ по французскому образцу слышать врядъ ли болѣе для нея понятныя выраженія отечественнаго происхожденія, въ родѣ: *сарынь*, *галчить*, *вздынуть*, *галиться*...

Это очень смѣло со стороны драматурга XVIII вѣка. Но смѣлость Лукина—вполнѣ обдуманный и серьезный планъ. Для него народъ—дѣйствительно герой и публика. Когда въ Петербургѣ, въ 1765 году, открылся народный театръ и сразу пріобрѣлъ большую популярность, Лукинъ торжествовалъ.

Онъ взглянулъ на новое учрежденіе, какъ на истинную школу нравственности и даже народнической литературы.

«Сія народная потѣха, — писалъ онъ, — можетъ произвесть у насъ не только зрителей, но со временемъ и писцовъ, которые сперва хотя и неудачны будутъ, но въ послѣдствіи исправятся».

Мы можемъ судить по собственнымъ разсужденіямъ Лукина, въ какой степени «писцы» нуждались въ исправленіи, начиная съ самого критика.

Лукинъ не обладалъ даже хорошимъ литературнымъ стилемъ. Отъ его предисловій вѣетъ какимъ-то канцелярскимъ духомъ, будто подьячій составляетъ хитрую казенную бумагу, а не писатель доказываетъ столь благотворныя и прогрессивныя идеи.

XXX.

О прогрессивности идей Лукина можно судить уже по чувствамъ, съ какими современные геніи и аристархи встрѣтили и сопровождали ихъ автора. Но у него были и сторонники.

Они, конечно, не считали нужнымъ подчеркивать свою связь съ ненавистнымъ *Стозмпемъ*, осмѣяннымъ даже за свою внѣш-

ность. Но въ журналахъ, современныхъ тому же *Трутню*, усердному защитнику Сумарокова, встрѣчаются иногда совершенно лукинскія мысли.

Напримѣръ, во *Всякой всячинѣ*, издаваемой Козицкимъ, адъюнктомъ академіи, очень дѣятельнымъ переводчикомъ и впослѣдствіи сотрудникомъ Екатерины, повторялась любимая идея Лукина насчетъ *нравовъ* компилятивной комедіи.

«Я думаю», писалъ критикъ, «что не въ однѣхъ книгахъ должно держаться сего правила, чтобы русскимъ представлять русскія умоначертанія, но и въ позорищахъ. Ибо маркизъ на русскомъ театрѣ уши деретъ, а къ свадебному контракту тетушка моя смысла не привязываетъ».

Еще любопытнѣе критика *С.-Петербургскаго Вѣстника*.

Журналъ издавался въ теченіе трехъ лѣтъ съ 1778 года нѣкіимъ Брайко.

Издатель понималъ значеніе литературной критики и серьезно поставилъ этотъ отдѣлъ въ своемъ журналѣ. Публикѣ обѣщались безпристрастныя сужденія объ авторахъ, «не смотря ни на чинъ, ни на свойства, ни на славу». Но не имѣлась въ виду рѣшительность приговоровъ.

Журналъ принималъ во вниманіе «трудности» молодой литературы, отсутствіе у русскихъ писателей образцовъ, «полныхъ словарей и хорошихъ первоначальныхъ произведеній». Въ силу этихъ соображеній журналъ имѣлъ «больше склонности хвалить, нежели порочить».

Но уже это заявленіе выходило нѣкоторымъ «порокомъ» хотя бы для того же всесторонняго образца Сумарокова. И дѣйствительно, въ самомъ началѣ *Вѣстникъ* обвинялъ знаменитаго драматурга, что онъ «не употребилъ достаточнаго старанія прилежнѣе разобрать наши нравы».

Еще ближе стоялъ къ идеаламъ Лукина поэтъ Львовъ, его младшій современникъ.

Опять полная свобода отъ педантизма и оффиціальной учености. Львовъ—членъ поэтическаго кружка, другъ Державина, Капниста, Хемницера. Это нѣчто въ родѣ домашней академіи, и трудно было, конечно, при участіи Державина поклоняться Буало. Здѣсь несравненно больше мѣста дѣйствительно поэтическому вдохновенію, свободному художественному чувству, и Львовъ является первымъ критикомъ-поэтомъ національнаго направленія.

Въ сущности опять только продолженіе ранняго теченія.

Тредьяковскій восхищался *размѣромъ* русскихъ пѣсенъ, т. е. ихъ *формой*, Львовъ почувствовалъ красоту ихъ *содержанія* и

прелесть ихъ *напѣва*, т. е. открылъ въ нихъ не правила піитики, а силу творчества.

Въ этомъ отношеніи Львовъ—предшественникъ всѣхъ ученыхъ и художественныхъ цѣнителей народной поэзіи. Фактъ, достойный полнаго вниманія, если мы вспомнимъ, съ какимъ трудомъ много лѣтъ спустя даже Бѣлинскій дошелъ до пониманія предмета.

Львовъ умѣлъ оцѣнить русскія пѣсни и съ бытовой, психологической стороны. Для него это не праздное упражненіе фантазіи и чувства, а въ высшей степени поучительный культурный матеріалъ.

Такая идея въ эпоху, когда все простонародное на самый либеральный взглядъ могло представлять развѣ только нѣкій курьезъ, въ родѣ достопримѣчательностей ирокезскаго быта, великій прогрессъ по единственно вѣрному пути національнаго развитія литературы и общественной мысли.

И Львовъ, дѣйствительно, своей поэзіей напоминаетъ отчасти позднѣйшее славянофильство. У него нѣтъ партійнаго фанатизма, но его гимны русскому духу не лишены наивности, нѣкотораго задора, свойственнаго всякому молодому идеализму.

Тѣмъ болѣе, что у Львова были весьма основательныя побужденія впасть даже въ еще болѣе приподнятый тонъ.

Галломанія высшаго общества огорчала его до боли сердца, и русскій духъ, изгнанный изъ большого свѣта, такъ изображаетъ у нашего поэта свою участь:

Поклонился я приворотникамъ
Поселился жить въ чистомъ воздухѣ
Посреди поля съ православными.
Я прижалъ къ сердцу землю русскую
И ношу ее припѣваючи;
Позовутъ меня—я откликнуся,
Оглянусь... но незнакомъ никто
Ни одеждою, ни поступками.

Естественно, Львову не нравилась современная литература, жившая чужими указками. Онъ даже Ломоносова отказывается признавать поэтомъ, для него это «сынъ усилія», т. е. искусственный слагатель стиховъ и риѳмъ, не свойственныхъ русскому духу.

Въ поэмѣ *Добрыня* Львовъ представилъ цѣлую программу національной критики. Подробностей и точныхъ принциповъ здѣсь, конечно, нельзя искать, но основная мысль ляжетъ въ основу всей послѣдующей борьбы русской критики противъ иноземныхъ школъ.

Говоря о формѣ и размѣрахъ русской поэзіи, Львовъ находитъ:

Не аршиномъ нашимъ мѣряны,
Не по свойству слова русскаго

Были за моремъ заказаны;
И глаголъ славянъ обильнѣйшій
Звучной, сильной, плавной, значущій,
Чтобъ въ заморскую рамку втискаться
Принужденъ ежомъ жаться, кучиться,
И лишась красотъ, жару, вольности;
Соразмѣрнаго силъ поприща,
Гдѣ природою суждено ему
Исполинской путь течь со славою,
Тамъ калѣкою онъ щетинится;
Отъ увѣчнаго жъ еще требуютъ
Слова мягкаго, внѣшность бархата.

Рѣчь поэта не всегда такъ спокойна. Подчасъ онъ теряетъ терпѣніе и задаетъ энергическій вопросъ русскимъ литераторамъ:

Такъ зачѣмъ же намъ надсѣдаться такъ,—
Биться палицей съ ахинеею?

Это даже сильнѣе грибоѣдовской отповѣди «глупостямъ» классицизма!

Такъ постепенно пробивалась истина сквозь толстую кору подражательскаго фанатизма и рабскихъ инстинктовъ литературы и самихъ литераторовъ. И каждый проблескъ истины, мы видимъ, неизмѣнно стоитъ въ тѣснѣйшей связи не съ эстетикой, а съ публицистикой.

Сильнѣйшіе удары литературному школярству наносятъ писатели, возмущенные европейскими вліяніями на русскіе *нравы*. Прежде всего оскорбляется ихъ національное и патріотическое чувство, а потомъ уже гнѣвъ переносится и въ область искусства. Чисто-художественный вопросъ, слѣдовательно, на русской почвѣ превращается въ культурный и позже прямо политическій.

Сходное движеніе совершалось и на Западѣ. И тамъ борьба школъ сводилась къ борьбѣ сословій, драма одолѣла классицизмъ на сценѣ, потому что она была *мѣщанская*, а классицизмъ—*аристократическій*.

У насъ о сословной борьбѣ не могло быть и рѣчи въ эпоху ранняго развитія литературы, но *національный* протестъ являлся совершенно естественнымъ. Онъ не миновалъ даже преданнѣйшихъ учениковъ западныхъ авторитетовъ, и въ результатѣ съ самаго начала интересъ эстетики, вообще, литературнаго развитія неразрывно слился съ идеей національности. И отъ роста и опредѣленія именно этой идеи зависѣли успѣхи нашей критики. Мы увидимъ, — рѣшительный моментъ ея освобожденія совпалъ съ великимъ національнымъ движеніемъ, съ эпохой отечественной войны. На помощь пришло не мало и другихъ стихій, но всѣ онѣ утверждались, создали совершенно новый кругъ идей и новую

теоретическую почву для новой литературы, благодаря побѣдѣ національнаго принципа надъ чужебѣсіемъ.

У Лукина и Львова эта связь идей несомнѣнна, но они ранніе, передовые путники на широкой дорогѣ будущаго, и потому ихъ національзмъ не производитъ цѣльнаго, безусловно внушительнаго впечатлѣнія. Рѣчи ихъ очень энергичны, но мысли дурно оформлены и смутно доказаны. У того и у другого слишкомъ много чувствъ и настроеній въ ущербъ разсужденію и доказательствамъ. А потомъ у Лукина почти совсѣмъ не было *сатирическаго* таланта, столь необходимаго для побѣдоносной борьбы за національную идею, а Львовъ не изъявлялъ притязаній играть роль критика.

Болѣе сильный союзъ сатиры и критики представилъ крыловскій журналъ *Зритель*. Онъ на своихъ страницахъ поднялъ въ высшей степени любопытную и серьезную полемику по вопросу національнаго и подражательнаго искусства. Это—первый примѣръ идейной борьбы между сотрудниками одного и того же журнала. Очевидно, ни въ обществѣ, ни въ самой редакціи не было еще рѣшительнаго отвѣта на жгучій вопросъ. Крыловъ предоставилъ современнымъ критикамъ высказаться вполнѣ свободно, будто обращаясь за окончательнымъ рѣшеніемъ къ самой публикѣ.

XXXI.

Въ чемъ заключались критическія воззрѣнія знаменитаго баснописца,—вопросъ существенный при его художественной талантливости, и въ то же время очень трудный.

Что Крыловъ противникъ подражательности, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. Въ томъ же *Зритель* нанесено безчисленное множество жесточайшихъ ударовъ россійскому модному обезьянству, и притомъ не ради только сатиры, а во имя гуманнаго общественнаго чувства. *Зритель* держался искренняго демократическаго направленія, и въ каждой книгѣ преслѣдовалъ дворянское тунеядство, рабское пристрастіе къ разорительному блеску, къ иноземнымъ модамъ, и особенно—полное отсутствіе умственныхъ интересовъ въ благородной средѣ.

Въ спискѣ подписчиковъ на «Зритель» поименованъ, между прочимъ, холмогорскій дворцовый крестьянинъ Степанъ Матвѣевичъ Негодяевъ. Этотъ рѣдкостный подписчикъ могъ съ большимъ удовольствіемъ читать сатирическія сказки и рѣчи издателя.

Въ августѣ, напримѣръ, напечатана статья *Мысли философа по модѣ или способъ казаться разумнымъ, не имѣя ни капли разума*. Здѣсь описанъ день благороднаго франта, изображены его

учителя и руководители—французы, обучающіе русскихъ дворянъ «трудной наукѣ ничего не думать» и предварительно кончившіе курсъ на галерахъ. Все воспитаніе сводится къ такой морали:

«Съ самаго начала, какъ станешь себя помнить, затверди, что ты благородный человѣкъ, что ты дворянинъ и, слѣдовательно, что ты родился только поѣдать тотъ хлѣбъ, который посѣютъ твои крестьяны; словомъ, вообрази, что ты счастливый трутень, у коево не обгрызаютъ крыльевъ, и что дѣды твои только для тово думали, чтобы доставить твоей головѣ право ничего не думать».

И здѣсь, слѣдовательно, предъ нами то же самое отношеніе къ народу, какое мы знаемъ изъ произведеній Лукина. Очевидно, Крыловъ будетъ не менѣе убѣжденнымъ врагомъ современной аристократической лживой литературы, чѣмъ авторъ *Щепетильника*. У Крылова только насмѣшки выйдутъ несравненно остроумнѣе и ядовитѣе. Это — прирожденный сатирическій талантъ, невольно переходящій къ убійственной художественной критикѣ на меценатское развращеніе современной литературы..

Ничего не можетъ быть забавнѣе разговора калифа Наиба съ авторомъ одъ.

Калифъ начитанъ въ лирической поэзіи, простодушно вѣритъ ея чувствамъ, и теперь, во время путешествія по своему царству, на каждомъ шагу принужденъ испытывать жесточайшія разочарованія.

Оказывается, одописаніе просто ремесло, самое безопасное, хотя не всегда прибыльное. Героемъ оды можетъ быть кто угодно, лишь бы сочинитель могъ питать надежду на награду.

Калифъ пораженъ.

— Мнѣ удивительна способность ваша,—говоритъ онъ поэту,— хвалить такихъ, въ коихъ, по вашему признанію, весьма мало находите вы причинъ къ похваламъ.

— О, это ничево: повѣрьте, что это бездѣлица: мы даемъ нашему воображенію волю въ похвалахъ, съ тѣмъ только условіемъ, чтобъ послѣ всякое имя вставить можно было. Ода какъ шелковой чулокъ, которой всякой старается растягивать на свою ногу...

Поэтъ сравниваетъ ее съ сатирой и находитъ громадное преимущество оды. Въ сатирѣ нужно непремѣнно изображать дѣйствительные пороки извѣстнаго лица, а въ одѣ—сколь ни опиши добродѣтелей—никто не откажется признать ихъ своими.

Наивный калифъ видитъ важное затрудненіе: вѣдь могутъ узнать ложь, героевъ одописца счесть пустыми пузырями, имъ же надутыми.

Ничего не значитъ. У поэта имѣется самое солидное оправданіе, изъ классической піитики.

— Аристотель иногда очень премудро говоритъ, что дѣйствія и героевъ должно описывать не такими, каковы они есть, но каковы быть должны. И мы подражаемъ сему благоразумному правилу въ нашихъ одахъ, иначе бы здѣсь оды превратились въ насквили. И такъ вы видите, сколь нужно читать правила древнихъ.

Еще любопытнѣе опытъ калифа по поводу другого излюбленнаго жанра классическаго искусства—идилліи и эклоги.

Начитавшись сихъ произведеній, калифъ давно уже горѣлъ желаніемъ насладиться золотымъ вѣкомъ, царствующимъ въ деревняхъ, воочію полюбоваться на нѣжности пастушковъ и пастушекъ. Калифъ искренно любилъ своихъ поселянъ и всегда радовался, читая про ихъ счастье въ идилліяхъ. Государь даже завидовалъ ихъ участи: «естьли бы я не былъ калифомъ», говаривалъ онъ, «то бы хотѣлъ быть пастушкомъ».

И вотъ, онъ, наконецъ, видитъ стадо...

«Великой Магометъ», вскричалъ онъ, «я нашелъ то, чево давно искалъ», и сошелъ съ дороги въ поле искать счастливаго смертнаго, который наслаждается при своемъ стадѣ золотымъ вѣкомъ».

Прежде всего требовалось открыть ручеекъ: вѣдь пастушки всегда у чистаго источника наслаждаются любовнымъ блаженствомъ, все равно, какъ модные франты ищутъ счастья въ передниxъ знатныхъ господъ.

Потомъ неразлучный спутникъ идиллическаго счастливца свирѣль.

Калифъ идетъ по полю и на берегу рѣчки дѣйствительно находитъ... но кого? Какое-то «запачканное твореніе, загорѣлое отъ солнца, заметанное грязью».

Калифъ даже сначала усумнился, человѣкъ ли это. Но голыя ноги и борода доказывали человѣческое званіе «творенія».

Все-таки оно не можетъ быть пастухомъ, калифъ справляется у грязнаго дикаря, гдѣ же искомый счастливецъ?

«Ето я», отвѣчало твореніе и въ то же время размачивалъ корку хлѣба, чтобы легче было ее разжевать».

Путешественникъ не можетъ опомниться отъ изумленія. Нѣтъ прежде всего свирѣли: оказывается, пастухъ «голодной не охотникъ до пѣсенъ». Потомъ отсутствуетъ пастушка...

«Она поѣхала въ городъ съ возомъ дровъ и съ послѣднею курицею, чтобы, продавъ ихъ, было чѣмъ одѣться, и не замерзнуть зимою отъ холодныхъ утренниковъ».

Калифъ, наконецъ, догадывается въ чемъ дѣло.

— Но поэтому жизнь ваша очень незавидна?

Пастухъ отвѣчаетъ съ истиннымъ «юморомъ висѣлицы».

— О, кто охотникъ умирать съ голоду и мерзнуть отъ стужи, тотъ можетъ лопнуть отъ зависти, глядя на насъ.

Калифъ жестоко раскаивается, что довѣрялъ идилліямъ и эклогамъ.

Выходитъ, стихотворцы обходятся съ людьми, какъ живописцы съ холстомъ: малюютъ все, что угодно ихъ воображенію, и безбожно закрашиваютъ правду.

Калифъ даетъ себѣ слово не судить по произведеніямъ поэтовъ о счастьѣ своихъ мусульманъ.

Трудно искуснѣе и остроумнѣе поразить классическую литературу въ самое сердце. И не одну классическую. Авторъ сказки предвосхитилъ критику противъ русскаго сентиментализма. Разговоръ калифа съ пастухомъ можно съ полнымъ правомъ обратить на Карамзинскую школу, и даже съ бóльшимъ основаніемъ, чѣмъ на ея предшественницу. Именно Карамзинъ ввелъ въ моду блаженнаго просвѣщеннаго земледѣльца и его нѣжную подругу, онъ создалъ повѣтріе чувствительныхъ вздоховъ и поселянскихъ фарсовъ, и на его литературѣ должна была развиться мечта у юнаго Александра I объ идиллическомъ отшельничествѣ и золотомъ вѣкѣ простого смертнаго.

Ясно, при такомъ проницательномъ взглядѣ на основной недугъ современной литературы, Крыловъ могъ менѣе всего защищать первоисточникъ этого недуга. Писатель являлся слишкомъ талантливымъ *общественнымъ* сатирикомъ, чтобы остаться эстетическимъ староверомъ.

Онъ первый изъ русскихъ журналистовъ рискнулъ предложить читателямъ длинный рядъ статей по литературной критикѣ, безъ всякихъ предварительныхъ оповѣщеній о столь обширномъ отдѣлѣ. Въ глазахъ издателя художественные вопросы въ данномъ случаѣ играли роль настоятельнаго общаго интереса.

И вполнѣ естественно по той связи литературной лжи и общественныхъ представленій, какую раскрывалъ авторъ Каиба.

XXXII.

Критическія статьи *Зрителя* принадлежатъ не Крылову, а его сотруднику Плавильщикову и нѣкоему корреспонденту изъ Орла.

Корреспондентъ ставитъ эпиграфомъ къ своимъ очень запальчивымъ разсужденіямъ правило: «Вода безъ теченія заростаетъ, словесность безъ критики дремлетъ». Это очень смѣлая мысль.

Мы увидимъ, она не скоро получила право считаться правильно й въ нашей журналистикѣ. Необходимость и даже пользу критики будутъ отвергать такіе популярные писатели, какъ Карамзинъ.

Крыловъ, очевидно, держался совершенно противоположнаго взгляда.

Рядъ статей посвященъ театру и драмѣ. Основная идея не новая—послѣ предисловій Лукина. Русскіе не могутъ слѣпо подражать ни французамъ, ни англичанамъ: «мы имѣемъ свои права, свое свойство и, слѣдовательно, долженъ быть свой вкусъ».

Онъ вполнѣ возможенъ. По мнѣнію автора, у русскихъ не менѣе хорошаго, чѣмъ у иностранцевъ, пожалуй даже больше.

Французскія пьесы, напримѣръ, безпрестанно отступаютъ отъ природы. Вся ихъ классическая теорія—сплошное насиліе надъ правдой и естественностью. Критикъ въ совершенствѣ понимаетъ нелѣпость единствъ, основную язву французской трагедіи, отсутствіе дѣйствія и обиліе монологовъ, онъ готовъ вообще сдать въ архивъ драматическія правила.

«Есть ли дѣло идетъ о пожертвованіи единству мѣста и времени истинными красотами, то тогда сочинитель погрѣшитъ самъ противъ себя и противу зрителей, представивъ имъ скуку по правиламъ». И авторъ знаетъ не мало пьесъ, написанныхъ безъ правилъ и «полнотою своею» «привлекательныхъ», а пьесы съ правилами «страждутъ недугомъ сухости».

Критикъ идетъ гораздо дальше. Онъ будто предчувствуетъ грядущій русскій романтизмъ съ его чудовищными эффектами. Онъ предупреждаетъ писателей, что жестокія злодѣянія россіянамъ несвойственны, достаточно изображать порокъ «безъ усиленнаго начертанія» и впечатлѣніе будетъ достигнуто.

Драма защищается безусловно, потому что она ближе къ природѣ, чѣмъ трагедія. Авторъ возстаетъ на авторитетъ Вольтера и Сумарокова «по естеству вещей», т. е. на основаніи наблюденій надъ дѣйствительностью, гдѣ постоянно чередуются смѣхъ и слезы.

Всѣ эти соображенія пересыпаны крайне рѣзкими выходками, не имѣющими ничего общаго съ искусствомъ. А между тѣмъ они первоисточникъ и основной мотивъ всей критики.

Авторъ—прямолинейный патріотъ. Статьи онъ начинаетъ сѣтованіемъ на иностранные нравы, магазины, таланты, вызывающіе у русскихъ самыя пристрастныя восторженныя чувства. Посредственный чужой писатель кажется геніемъ, а свой отечественный талантъ находится въ пренебреженіи. На русской сценѣ представятъ скорѣе Чингисъ-хана, чѣмъ героя родной исторіи. У театра

во время французскаго представленія вся площадь заставлена шестернями, а русскимъ интересуются только пѣшеходы.

Неужели разумно «гнушаться ощущеніями, внушенными природой»? И «неужели для всѣхъ народовъ на свѣтѣ природа мать, а для насъ однихъ мачиха, которая не дала намъ никакой собственности?»

Этотъ мучительный вопросъ, очевидно, и вдохновилъ автора на литературную критику. Подъ вліяніемъ оскорбленнаго національнаго чувства, онъ дошелъ до сомнѣній въ классической трагедіи и въ безусловной талантливости французскихъ авторовъ.

Предъ нами въ нѣкоторомъ родѣ психологія Чацкаго. Начинаетъ авторъ съ уничтоженія *Свадьбы Фигаровой* и прославленія Козьмы Минина, какъ трагическаго героя, а кончаетъ негодованіемъ на иностранныя гусиныя чиненыя перья; они продаются дороже многихъ россійскихъ сочиненій!

Достается, конечно, и французскому языку—бѣдному и невыразительному.

Однимъ словомъ, патріотическое настроеніе разливается широкой волной и раздраженнаго публициста превращаетъ въ очень проницательнаго критика. Но такъ какъ все дѣло именно въ публицистикѣ, а не въ художественномъ чувствѣ и не въ эстетической вдумчивости,—авторъ доводитъ свою критику только до извѣстныхъ предѣловъ, достаточныхъ для удовлетворенія его національнаго идеала.

Въ результатѣ остаются неприкосновенными многіе предразсудки того же французскаго происхожденія. Авторъ, напримѣръ, требуетъ въ драмѣ непремѣнно торжествующей добродѣтели; только тогда нравственный смыслъ будетъ извлеченъ изъ пьесы «во всемъ своемъ блистаніи». Не допускается и Шекспиръ со всѣми оригинальными чертами его таланта. У него рядомъ съ «наиблагороднѣйшими трагическими красотами» имѣются такого сорта лица и дѣйствія, коихъ «просвѣщенный вкусъ» одобрить не можетъ.

Въ результатѣ—«Чексперовы красоты подобны молніи, блистающей въ темнотѣ нощной: всякъ видитъ, сколь далеки они отъ блеску солнечнаго въ срединѣ яснаго дня».

Впослѣдствіи авторъ выразится еще энергичнѣе. Въ отвѣтъ на разсужденія противника онъ заявитъ совершенно въ духѣ только что раскритикованнаго Вольтера и его русскаго послѣдователя:

«Для героевъ вы хотите, чтобы родился у насъ *Чексперъ*... Вотъ изряднаго нашли вы опредѣлителя вкуса и видно, что вы, начитавшись, заключаете вкусъ въ тѣсные предѣлы площадей, рынковъ и кабаковъ».

И это понятно. Авторъ, ратуя за природу, не дерзаетъ признать ее безъ надлежащихъ операцій надъ ея безобразіемъ—людей свѣдущихъ. «Всякая природа въ своемъ обнаженіи мало привлекательна, авторъ въ украшеніи, кажется, обновляетъ ее».

Очевидно, авторъ не заинтересованъ собственно въ коренномъ преобразованіи искусства, онъ только желаетъ убѣдить соотечественниковъ признать *свое*, *русское* хорошимъ и годнымъ для театральныхъ зрѣлищъ.

Такъ его идею и понялъ орловскій корреспондентъ, потерявшій всякое терпѣніе отъ патріотическихъ разглагольствованій *Зрителя*: «нѣтъ мочи моей выдержать всего того, что вы пишете»...

Въ Россіи нѣтъ писателей, равныхъ Расину, Корнелю и Вольтеру, нѣтъ и произведеній, способныхъ соперничать съ французскими. Что же смотрѣть русской публикѣ?

Не только нечего въ настоящее время, но, вѣроятно, и долго еще не будетъ созданъ русскій вкусъ по очень простой причинѣ.

Русскимъ авторамъ негдѣ брать литературныхъ мотивовъ. Большой свѣтъ въ Россіи болѣе иностранный, чѣмъ русскій, сельскіе жители коптятся въ дыму... Не захочетъ же авторъ-патріотъ видѣть въ оперѣ четырехъ пьяныхъ женщинъ съ яндовою и съ площадными пѣснями. А это картины «въ самомъ природномъ видѣ, достойныя кисти какого-нибудь фламандскаго живописца».

Авторъ предупреждаетъ русскихъ патріотовъ отъ неразумнаго увлеченія отечественнымъ просвѣщеніемъ, художествами, науками. Пріемъ крайне опасный подобное самохвальство. Рѣчь автора въ высшей степени любопытна: она долго будетъ повторяться въ русской публицистикѣ. Мы будто присутствуемъ при зарожденіи междоусобицы западниковъ и славянофиловъ.

«Прекрасное средство», восклицаетъ авторъ, «ободрять науки, говоря что намъ не нужно болѣе учиться! Не лучше ли изъ любви къ соотечественникамъ показывать ихъ недостатки и, устыжая ихъ томную сонливость, воспламенить желаніе углубляться въ науки, дабы слава нашего непритворнаго просвѣщенія сравнилась со славою россійскаго оружія».

Прекрасныя мысли! Подъ ними, несомнѣнно, подписался бы самъ Крыловъ. По крайней мѣрѣ, къ нему отнюдь не могъ относиться упрекъ въ равнодушномъ отношеніи къ недостаткамъ соотечественниковъ. Всѣ статьи издателя преисполнены сатирическаго духа и каждая изъ нихъ безпощадный приговоръ надъ притворнымъ просвѣщеніемъ.

Упрекъ слѣдовало направить по адресу противника *Зрителя*, его московскаго конкуррента, журнала по преимуществу восторжен-

наго, лирическаго и склоннаго ко всякаго рода самообольщенію личному и патріотическому.

И какъ велика оказывалась разница въ критическихъ возрѣніяхъ того и другого изданія, прямо въ зависимости отъ того, что одинъ издатель—первостепенный сатирикъ своего времени, а другой всѣми силами открещивался отъ сатиры! «Расположеніе души моей», заявлялъ онъ публикѣ, «слава Богу, совсѣмъ противно сатирическому и бранному духу».

Для благодушнаго автора, очевидно, сатира и брань казались тождественными и одинаково предосудительными.

Мы заранѣе можемъ угадать результаты.

Зритель именно на почвѣ сатиры вооружился противъ фальшивыхъ направленій литературы. Сатирическій, общественно-отрицательный духъ заставилъ его осмѣять оду и идиллію, негодованіе на модное воспитаніе вооружило его на классическую трагедію и ея теорію. Чтобы показать всю уродливость маніи подражанія, логически требовалось обнаружить несостоятельность того, чему подражали. И русскіе націоналисты невольно догадывались о сухости классическихъ пьесъ, о прозаичности французскихъ стиховъ, о посредственности многихъ иноземныхъ авторовъ. Собственно развивался не вкусъ самъ по себѣ, а здравый смыслъ направлялъ свою критику въ область вкуса.

Этого на первое время вполнѣ достаточно.

Французскія теоріи до такой степени противорѣчили именно разсудку и логикѣ, независимо отъ ихъ художественныхъ изъяновъ, что стôило умному наблюдателю отважиться отрицать и противорѣчить, и священное зданіе начинало колебаться. Отвага же внушалась патріотическимъ гнѣвомъ, даже въ сильнѣйшей степени, чѣмъ это требовалось для чисто-литературнаго протеста.

Отсюда ясны заслуги русской сатиры въ критикѣ, т. е. *художественнаго* дарованія и *публицистическаго* направленія журналистовъ. И то, и другое были на столько существенными, рѣшающими силами, что *сатирическія* статьи крыловскаго журнала по части критики, по крайней мѣрѣ, на десять лѣтъ опередили чисто-художественныхъ судей современной литературы и заранѣе указали путь борьбы съ новымъ россійско-европейскимъ повѣтріемъ, смѣнявшимъ классицизмъ,—съ карамзинской чувствительностью.

Зритель находился въ дѣятельной полемикѣ съ *Московскимъ журналомъ* Карамзина. Поводъ, какъ увидимъ, на первый взглядъ частный и незначительный, но причина полемики несравненно глубже. Предъ нами два совершенно различныхъ критика по направленію и даже по личной психологіи. Одинъ—оптимистъ и чи-

стый эстетикъ, другой—одинъ изъ реальнѣйшихъ и, слѣдовательно, далеко не прекраснодушныхъ наблюдателей дѣйствительности и въ силу этого совершенно непричастный чистому искусству и выспреннему счастью младенчески-восхищеннаго сердца.

XXXIII.

Въ исторіи русской литературы мало примѣровъ такого единодушнаго и безпощаднаго суда потомства надъ когда-то знаменитымъ и безусловно даровитымъ писателемъ, какъ приговоръ надъ Карамзинымъ.

Трудно представить, на какой высотѣ стояло имя автора *Бѣдной Лизы* въ послѣдніе годы его жизни. Это—настоящій культъ, религіозно неприкосновенный и, повидимому, навсегда непоколебимый. «Исторіографъ Росссійской имперіи»,—такъ оффиціально именовался Карамзинъ,—уже этимъ именованіемъ вселялъ въ сердца современниковъ нѣкоторый трепетъ и благоговѣніе. Никому столько не разсыпалось самыхъ лестныхъ эпитетовъ, въ родѣ *геній, великій*. Поэты, дамы и государственные мужи на этотъ разъ сошлись въ единодушномъ преклоненіи...

Но еще не успѣла слава Россіи испустить послѣдній вздохъ, какъ откуда-то послышались довольно странныя и неожиданныя рѣчи. Оказалось, далеко не всѣхъ загипнотизировало краснорѣчіе историка, даже больше,—какъ разъ краснорѣчіе оказалось злополучнѣйшимъ наслѣдствомъ писателя.

И здѣсь также обнаружилось удивительное единодушіе. Булгаринъ шелъ рядомъ съ Полевымъ, и даже Погодинъ, позже Гомеръ исторіографа, печатаетъ въ своемъ журналѣ уничтожающую и жестокую критику на *Исторію Государства Россійскаго*.

Все это происходитъ въ теченіе какихъ-нибудь четырехъ лѣтъ, но до такой степени энергично и *цѣлесообразно*, что капитальнѣйшій трудъ Карамзина оказываетъ плодотворнѣйшую *отрицательную* услугу русской критикѣ и вообще русскому искусству.

Статьи, посвященныя таланту и работѣ историка, безусловно самыя дѣльныя и самыя значительныя по результатамъ изъ всего критическаго матеріала первыхъ десятилѣтій текущаго столѣтія. И какъ разъ потому, что статьи эти были вызваны многочисленными недостатками историческаго произведенія Карамзина. Именно выясненіе не достоинствъ, а пороковъ *Исторіи*—изощрило перо критиковъ и установило основные принципы будущей русской литературы.

Какъ это могло произойти по поводу столь знаменитаго и талантливаго писателя?

Таланты Карамзина не только велики, но и крайне разнообразны. Онъ—стихотворецъ, журналистъ, т. е. критикъ и политическій мыслитель, авторъ повѣстей, наконецъ, ученый. И во всѣхъ областяхъ онъ всю жизнь стоитъ чуть ли не на первомъ мѣстѣ среди современниковъ. Объ этомъ фактѣ свидѣтельствуетъ всякое историческое сообщеніе и воспоминаніе его читателей. Мы, пересматривая журналы Карамзина, на поляхъ противъ его произведеній безпрестанно встрѣчали восторженныя восклицанія давно сошедшихъ въ могилу поклонниковъ и, вѣроятно, болѣе всего поклонницъ «милаго Карамзина». Его біографъ упоминаетъ о громадныхъ успѣхахъ писателя въ дамскомъ обществѣ, и мы можемъ судить, на сколько это справедливо, по многочисленнымъ посланіямъ: къ Филлидѣ, къ Аглаѣ, къ Хлоѣ, къ Деліи, къ жестокой, къ невѣрной, къ вѣрной, къ графинѣ Р, къ госпожѣ П—ой, или просто къ Алинѣ... Это—цѣлый букетъ цвѣтовъ и грацій!

До Карамзина ничего подобнаго не испытывали русскіе литераторы. Очевидно, это—настоящій любимецъ публики, писатель дѣйствительно популярный и даже уважаемый.

Достаточно одного такого вывода, чтобы мы почувствовали себя въ совершенно новой эпохѣ русской литературы. Чтó общаго между шутовскими спектаклями піитъ и профессоровъ и блестящими свѣтскими побѣдами издателя *Аглаи!*

И вотъ здѣсь-то именно начинаются и—кончаются «безсмертныя» литературныя заслуги Карамзина. Онъ первый создалъ большую публику для книги и журнала. Онъ первый показалъ русскому обществу музъ не въ уродливомъ затрапезномъ костюмѣ педантическаго скрипучаго риѳмоплетства, а въ легкомъ изящномъ уборѣ поэтической чувствительности и музыкальнаго свободнаго прекраснословія.

Немногаго, конечно, стоили Аглаи, Хлои и Филлиды, какъ цѣнительницы литературы, но разъ онѣ читали, писателю приходилось непремѣнно пристально заботиться прежде всего о стилѣ, о языкѣ. Онъ неизбѣжно становился до послѣдней степени удобочитаемымъ, интереснымъ, по крайней мѣрѣ, по формѣ. Да, въ сущности, главнѣе всего по формѣ. Гдѣ же Филлидѣ гоняться за особенно серьезнымъ и жизненнымъ содержаніемъ!

Державинъ написалъ стихотвореніе въ честь Карамзина, еще юнаго писателя. Стихи заканчивались такимъ напутствіемъ патріарха екатерининской поэзіи:

Пой, Карамзинъ, — и въ прозѣ
Гласъ слышенъ соловьинъ!

Трудно точнѣе опредѣлить талантъ и всю дѣятельность Карамзина. Отъ начала до конца—это дѣйствительно соловей рядомъ съ розой и зарей, и гораздо болѣе *пѣніе*, чѣмъ простая рѣчь прозаическаго смертнаго.

Соловьемъ Карамзинъ началъ и соловьемъ же кончилъ. На пространствѣ десятковъ лѣтъ не произошло никакого преобразованія: сначала роль розы играла Лиза, а потомъ ее смѣнило «любезное отечество». Но ни настроеніе писателя, ни даже его литературная школа и стилистическіе пріемы нисколько не измѣнились.

Послѣднія слова, написанныя Карамзинымъ въ его *Исторіи* «Орѣшекъ не сдавался»—своего рода роковое изреченіе. Мы могли бы прибавить: «любезный, нѣжно-образованный юноша» также не сдавался ни предъ какимъ натискомъ времени, развивающихся общественныхъ идей, наростающихъ государственныхъ и нравственныхъ потребностей Россіи, быстрыхъ успѣховъ научной и критической мысли.

Какая угодно Хлоя въ самомъ преклонномъ возрастѣ могла съ полнымъ спокойствіемъ сердца и съ такой же усладой души чертить «милый Карамзинъ» на страницахъ политической исторіи, съ какой она когда-то орошала слезами жертву Симонова пруда.

Не всѣмъ дается такое постоянство, да притомъ еще столь нѣжное и трогательное. Очевидно, природа писателя обладала особымъ закономъ, чрезвычайно психологически-любопытнымъ. Соловей, съ единственнымъ предметомъ въ груди и въ мысляхъ — розой, оказался сильнѣе всѣхъ житейскихъ терній и треволненій!

И здѣсь опять типичнѣйшее явленіе, уже не литературное, а культурно-историческое. Существовали, слѣдовательно, условія, допускавшія долголѣтнюю неприкосновенность самыхъ экзотическихъ чувствъ и эфирной философіи. Конечно, въ нашемъ мірѣ и экзотическое и эфирное непремѣнно должно питаться самыми реальными соками грязной земли, и карамзинская любезность и нѣжность вплоть до второй четверти XIX вѣка требовала, несомнѣнно, особенно богатаго и правильнаго притока этихъ соковъ.

Какъ совершался этотъ притокъ, мы подробностей не знаемъ. Извѣстенъ только поучительный фактъ со словъ самого Карамзина. Авторъ *Флора Силина, благодѣтельнаго человѣка*, проводилъ время въ деревнѣ и выполнялъ свой отеческій долгъ предъ собственными уже реальными «человѣками».

Сначала онъ *скучалъ* и *грустилъ* и «отъ скуки и отъ грусти» писалъ, находя, что это «лучшая польза нашего ремесла»... Потомъ мы узнаёмъ нѣчто совершенно другое.

Нѣкій сельскій житель, т. е. помѣщикъ, написалъ своимъ мужикамъ: «добрые земледѣльцы, сами изберите себѣ начальника для порядка, живите мирно, будьте трудолюбивы»...

Прошло нѣсколько времени; оказалось, добрые земледѣльцы въ конецъ развратились. Пришлось перемѣнить политику,—какъ собственно, неизвѣстно, но только весьма скоро стадо погибшихъ овецъ снова превратилось въ счастливое общество «благодѣтельныхъ человѣковъ», вѣроятно, и для себя, и для энергичнаго помѣщика.

Какимъ путемъ сельскій житель достигъ этихъ результатовъ, онъ не объясняетъ, но только «безъ англійскихъ мудростей, безъ всякихъ хитрыхъ машинъ, не усыпая земли ни золою, не известкою, ни толчеными костями». Вся реформа ограничилась «трудолюбіемъ», и крестьяне возблагодарили своего благодѣтеля.

Таковъ разсказъ. Вы думаете, это только беллетристика, плодъ скуки и грусти? Вовсе нѣтъ. Нашъ авторъ именно и тѣмъ замѣчателенъ, что краснорѣчія не отличаетъ отъ фактовъ, своихъ чувствъ отъ идей, фантастическихъ цвѣтовъ отъ дѣйствительнаго зла. Именно только что разсказаннымъ анекдотомъ Карамзинъ стремился рѣшить государственный вопросъ, насчетъ участи крѣпостныхъ крестьянъ. Онъ не повѣствовалъ, а доказывалъ, не рисовалъ узоровъ досужаго воображенія, а вносилъ свой голосъ въ законодательные планы.

Войдите въ эту психологію, и вамъ станетъ вполнѣ ясной нравственная и литературная личность Карамзина.

Вы поймете, какую роль играла у него грусть и писаніе отъ бездѣлья, что означалъ для него переходъ отъ *Бѣдной Лизы* къ *Исторіи Государства Россійскаго*, въ чемъ могло заключаться движеніе его мысли отъ поприща эстетическихъ чувствительныхъ упражненій до важнѣйшихъ вопросовъ государственной жизни. Вы, наконецъ, проникнете и въ сущность критическихъ и литературныхъ подвиговъ писателя.

Вамъ совершенно ясна слѣдующая мысль.

Если писатель, по натурѣ или по преднамѣренному плану, изгоняетъ изъ своихъ произведеній строго фактическую жизнь, если онъ желаетъ пѣть вмѣсто бесѣды и имѣть дѣло съ граціями, а не съ смертными существами, весь его талантъ долженъ неминуемо сосредоточиться на формѣ. Вѣдь только и существуютъ два орудія у писателя—*содержаніе* и *форма*, фактъ и слово, идея и стиль.

Комбинацій можетъ быть нѣсколько. Перевѣсъ того или другого элемента зависитъ отъ преобладанія въ природѣ писателя той или другой способности, чисто литературной или мыслитель-

ной. Можно представить, конечно, и совершенную гармонію: идейность, жизненность вмѣстѣ съ художественностью.

Но возможны и крайности: перевѣсъ мысли надъ формой, или наоборотъ. Во всѣхъ литературахъ можно указать множество примѣровъ всѣхъ этихъ комбинацій.

Карамзинъ—одна изъ самыхъ краснорѣчивыхъ и самыхъ типичныхъ для дореформенной литературы и крѣпостническаго общества: рѣшительное преобладаніе литературности надъ вдумчивостью и наблюдательностью. Карамзинъ—идеальный *словесникъ* въ самомъ точномъ смыслѣ, образцовый производитель словъ и фразъ, артистъ блестящей внѣшности и бѣднякъ духомъ, нищій сердцемъ—не въ смыслѣ ограниченности и жестокости, а развитой общественной мысли и жизненной сознательной гуманности.

XXXIV.

Карамзинъ первое литературное воспитаніе получилъ въ Дружескомъ обществѣ Новикова. Здѣсь онъ могъ впитать много благороднѣйшихъ идей на счетъ просвѣщенія и человѣколюбія, но по части эстетики новиковская школа не отличалась ни основательностью, ни смѣлостью. Мы это знаемъ изъ знаменитаго Словаря. Карамзинъ быстро пріобрѣлъ тѣснѣйшія связи съ нѣкоторыми членами общества, особенно съ Петровымъ, «Агатономъ», но, повидимому, не могъ заручиться опредѣленными взглядами и даже чувствами въ самой важной и увлекательной для него области, въ художественной литературѣ.

Передъ нами одновременно переводъ геснеровской идилліи, гдѣ, конечно, на первомъ планѣ пастухъ, ручей и свирѣль,—упорные планы переводить Шекспира и въ дополненіе картины—уваженіе къ Баттё и правиламъ!

Какъ все это согласить?

Никто рѣшительнѣе Шекспира не высмѣялъ идиллій и никто презрительнѣе не относился къ правиламъ. Какъ же онъ могъ попасть рядомъ съ пастушкомъ и піитикой?

Очевидно, существовало нѣсколько вліяній на юнаго любителя словесности, и шекспировское шло отъ нѣмецкаго «бурнаго генія» Ленца. Романтикъ жилъ въ Москвѣ, находился уже на закатѣ своихъ силъ и таланта, даже ума, но не забывалъ священнаго романтическаго культа—Шекспира.

Карамзинъ свидѣтельствуетъ, что Ленцъ «удивлялъ» его иногда и своими піитическими идеями, и, конечно, первое мѣсто въ этихъ идеяхъ занималъ геній Шекспира.

Это значило бурное, ничѣмъ не сдерживаемое *воображеніе* и ничего не щадящая вѣрность *природѣ*.

Русскаго юношу увлекли эти *идеи*, именно идеи, а не самая сущность шекспировской поэтической психологіи. Карамзинъ, какъ идеально чувствительный и *на слова* податливый человѣкъ, былъ очарованъ такими выраженіями, какъ *свобода, натура*. Съ нимъ произошло то же самое, что съ гоголевскимъ Маниловымъ.

Этотъ нѣжный господинъ безпрестанно попадаетъ въ безвыходный туманъ воображенія, «обвороженный фразой», и никакъ не можетъ вникнуть «въ толкъ самого дѣла». Чичиковъ можетъ лгать и плутовать сколько угодно на глазахъ растроганнаго любителя словъ и фразъ.

Есть и у Карамзина такой же лжецъ и плутъ: его природная и развитая воспитаніемъ склонность къ сентиментальнымъ побрякушкамъ и томной нервной слезливости. Она продѣлываетъ съ его воображеніемъ самые неожиданные опыты, въ то время, когда въ ушахъ звенитъ волшебное словечко *натура!*

Оно, очевидно, прямо загипнотизовало впечатлительнаго мечтателя. Карамзинъ примется повторять его и въ прозѣ, и въ стихахъ. Въ предисловіи къ переводу *Юлія Цезаря* Шекспиръ будетъ такъ оцѣненъ: «онъ смотрѣлъ только на натуру, не заботясь, впрочемъ, ни о чемъ».

Одновременно появятся стихи съ энергическимъ началомъ:

Шекспиръ натуры другъ!..

Отдавалъ ли себѣ критикъ отчетъ, что̂ такое *натура* вообще и въ трагедіяхъ Шекспира въ особенности?

Карамзинъ не признаетъ единства; это въ 1787 году, т. е. на пять лѣтъ раньше *Зрителя*, Вольтеръ прямо обзывается софистомъ и уличается въ плагіатахъ у того же Шекспира. Очевидно, съ классицизмомъ у Карамзина покончены всѣ счеты. А Вольтеръ ему втройнѣ ненавистенъ, какъ человѣкъ по преимуществу разсудочный, какъ чрезвычайно запальчивый критикъ жизни и противникъ идиллическаго застоя и, наконецъ, какъ противникъ Руссо, уважаемаго нашимъ писателемъ за чувствительность.

И такъ, одно завоеваніе несомнѣнно, и одно теоретически очень цѣнно. Но его мало для *натуры* Шекспира. Логически слѣдуетъ освободить талантъ писателя отъ всякихъ книжныхъ стѣсненій и заставить его считаться только съ реальной жизнью.

Но вотъ именно здѣсь и камень преткновенія для Карамзина.

Онъ откажется отъ одной лжи, затѣмъ чтобы подпасть подъ иго другой, не менѣе ядовитой и *противоестественной*.

И произойдетъ это потому, что у Карамзина, какъ истиннаго

эстетика, *нѣтъ чутья дѣйствительности*. Онъ созерцатель и мечтатель. Онъ готовъ признать психологическую силу Шекспира въ изображеніи характеровъ, но доказать ее рѣшительно не въ состояніи. Для этого надо имѣть представленіе о *дѣйствительныхъ* характерахъ, потому что художественная психологическая критика—сопоставленіе поэтическаго образа съ подлиннымъ историческимъ или современнымъ явленіемъ.

Почему по поводу Брута слѣдуетъ воскликнуть: «вотъ характеръ!»—Карамзинъ не объясняетъ, и, насколько можно судить по его характеристикамъ героевъ русской исторіи, не могъ объяснить. Ему доступенъ только *реторическій* анализъ, т. е. моральные шаблоны. Онъ, характеризуя, непремѣнно проповѣдуетъ какой-нибудь нравственный труизмъ, не раскрываетъ жизненныя основы личности, а при помощи ея отдѣльныхъ чертъ и фактовъ иллюстрируетъ свой тезисъ.

Въ результатѣ, каждый человѣкъ подъ перомъ такого историка и психолога превращается въ нѣкій заранѣе составленный ребусъ какъ разъ на фразу, находящуюся въ распоряженіи отгадчика.

Такимъ же путемъ Карамзинъ не только будетъ объяснять готовые характеры, но и создавать свои въ собственныхъ произведеніяхъ. *Натуры* ни тамъ, ни здѣсь не окажется, но именно этотъ вопіющій недостатокъ всякой философіи и всякаго искусства и создастъ славу Карамзина, какъ политическаго мыслителя, проницательнаго моралиста и интереснаго писателя.

Натура нѣчто крайне сложное, и Шекспиръ въ сильнѣйшей степени этой сложности обязанъ своимъ фіаско у французскихъ классиковъ и у всякой другой подобной публики. Понять и оцѣнить Брута—это цѣлая задача по исторіи и философіи. А познакомиться съ Эрастомъ можно буквально съ двухъ словъ.

Въ результатѣ, и для критики, и для искусства Карамзина натура осталась пустымъ, хотя и обворожительнымъ звукомъ. Онъ повторяется и позже, независимо отъ Шекспира: «вездѣ натура есть наставница» человѣка «и главный источникъ его удовольствій».

Да, натура, но только не шекспировская, а развѣ *стерновская*, да и то подправленная и пообчищенная.

«Стернъ несравненный», воскликнулъ Карамзинъ, «въ какомъ ученомъ университетѣ научился ты столь нѣжно чувствовать?»

Но этого мало, надо столь же нѣжно и говорить.

Посмотрите, какъ нашъ поклонникъ Шекспира вылащиваетъ стихи, не свои только, а требуетъ исправленій и отъ другихъ.

Слово «парень» для него *отвратительно:* онъ желаетъ «покойнаго селянина, который съ тихимъ удовольствіемъ смотритъ на

природу и говоритъ: *вотъ гнѣздо! вотъ пичужечка!*» Онъ не признаетъ также выраженій: *барабаны*, *потъ*, *сломилъ*, *вскричалъ*, *потупленная* голова...

Но это вѣдь самый послѣдовательный классицизмъ, доходящій до прецiозной манерности! Классикъ не имѣлъ права даже комнату называть *комнатой* и солдата *солдатомъ*: чертогъ, воинъ, не иначе. А когда у него дѣйствіе происходило за городомъ, онъ писалъ «мѣстность сельская, но пріятная».

Также и у Карамзина, хотя онъ ненавидитъ единство.

У природы онъ беретъ только *цвѣты*, въ человѣческомъ обществѣ только *нѣжныя сердца*, и изъ этого матеріала строитъ всю свою литературу.

Объявляя объ изданіи *Вѣстника Европы*, онъ цѣлью журнала ставитъ: «указывать новыя красоты въ жизни, питать душу моральными удовольствіями и сливать ее въ сладкихъ чувствахъ съ благомъ другихъ людей».

Подъ этимъ сахарнымъ и медоточивымъ мазкомъ всѣ явленія жизни превращаются въ леденцы и бонбоньерки.

Для всякаго факта и понятія своя особая терминологія, и изъ произведеній Карамзина можно бы извлечь цѣлый словарь новаго прецiознаго тона, ничѣмъ не уступающій фокусничеству мольеровскихъ героинь.

Что, напримѣръ, означаютъ слѣдующія фигуры?

«Призывай богинь парнасскихъ, онѣ пройдутъ мимо великолѣпныхъ чертоговъ и посѣтятъ твою смиренную хижину»...

Это ни болѣе, ни менѣе, какъ совѣтъ писателю не изображать «хладную мрачность души» своей, а «возвыситься до страсти къ добру». Переводъ стоитъ оригинала.

«Великіе геніи ведутъ людей къ сокровищамъ ума путемъ, усѣяннымъ цвѣтами».

Это просто метафора для понятія популяризаціи и доступности научныхъ свѣдѣній.

Вы чувствуете, съ какой тщательностью отдѣлывались эти узоры, и чрезвычайная усидчивость Карамзина надъ отдѣльными фразами и словами доказывается его черновыми рукописями. И замѣтьте, не въ художественныхъ произведеніяхъ, а въ *Исторіи*. Можно изумиться изобилію перечеркиваній, поправокъ въ самыхъ, повидимому, простыхъ выдержкахъ, въ фактическомъ разсказѣ... Можно представить, сколько труда у исторіографа уходило на стиль и какъ сравнительно мало оставалось на сущность дѣла!

Никто, конечно, не станетъ подвергать безусловному порицанію подобную работу, и менѣе всего у Карамзина.

*

Русскій литературный языкъ еще создавался и мы сейчасъ увидимъ, сколько враговъ онъ встрѣчалъ на своихъ самыхъ законныхъ и естественныхъ путяхъ. Карамзинъ своимъ словеснымъ подвижничествомъ оказывалъ ему великія, въ полномъ смыслѣ незабвенныя услуги. Но только всякая благородная цѣль, при всей своей возвышенности, требуетъ разума. Иначе и услуга можетъ стать источникомъ вреда.

Неужели, при всемъ попеченіи о хорошемъ стилѣ, требовалось непремѣнно филолога-педанта именовать «Великимъ мужемъ Русской Грамматики», а ея еще незрѣлое состояніе изображать картиной «богиня въ пеленахъ»? Неужели по поводу дамскаго пожертвованія настоятельно распространятьея о «просвѣщенной благотворительности» русскихъ, готовыхъ благодѣтельствовать даже иностранцамъ: «права человѣчества всего для насъ священнѣе!..» И причемъ здѣсь «*прекрасный слогъ* и добродѣтельное сердце» жертвовательницы?

Очевидно, не было сознанія мѣры въ благомъ дѣлѣ.

А между тѣмъ, никому, кажется, идеалъ умѣренности не былъ столь свойственъ, какъ исторіографу,—только не реторической, а практической.

По поводу, напримѣръ, народнаго просвѣщенія онъ разсуждаетъ:

«Глубокомысленный, важный умъ долженъ обуздать нетерпѣливость добраго сердца, которое, плѣняясь намѣреніемъ, хочетъ немедленныхъ плодовъ закона благодѣтельнаго».

Отчего бы этотъ принципъ не примѣнить къ краснорѣчію и не обуздать чувствительнаго сердца на поприщѣ фразъ?

Потому что фразы часто буквально убивали мысль и фактъ. Мы это увидимъ изъ критики, направленной современниками противъ *Исторіи Государства Россійскаго*.

Но у эстетика другая цѣль и, главное, другое прочно установленное воззрѣніе на какую бы то ни было литературную работу.

Карамзину удалось, можетъ быть, ненамѣренно, очень вѣрно опредѣлить себя, какъ писателя. Рѣчь идетъ о поэтѣ, но вопросъ въ извѣстной психологіи, а не разновидности таланта, тѣмъ болѣе, что и нашъ авторъ грѣшилъ очень многочисленными стихами.

«Сильный, хорошій стихъ», говоритъ Карамзинъ, «счастливое слово, искусный переходъ отъ одной мысли къ другой, радуютъ поэта, какъ младенца, и нерѣдко на цѣлый день дѣлаютъ веселымъ, особливо если онъ можетъ сообщить свое удовольствіе другу любезному, снисходительному къ его авторской слабости».

Счастливое слово, любезный другъ, удовольствіе, слабость—таковъ нравственный и практическій обиходъ писателя, способнаго младенчески быть счастливымъ.

И между тѣмъ, этотъ писатель пустился въ журналистику. Цѣль была самая прозаическая: Карамзинъ желалъ пріобрѣсти состояніе, и остальную жизнь прожить спокойно и въ полномъ эстетическомъ удовольствіи. Но достигнуть цѣли не легко тамъ, гдѣ танцовальный учитель совершенно затмѣвалъ собой профессора философіи.

Карамзинъ рѣшилъ преодолѣть всѣ трудности, и для насъ, разумѣется, самый важный и любопытный вопросъ во всей многосторонней дѣятельности нашего писателя—исторія его журнальныхъ успѣховъ и неудачъ.

Именно эта исторія опредѣляетъ положеніе Карамзина въ русской художественной и публицистической критикѣ.

XXXV.

Первое періодическое изданіе Карамзина *Московскій журналъ*, кромѣ «сочиненій въ стихахъ и прозѣ», «описанія разныхъ происшествій» и «анекдотовъ», обѣщалъ два критическихъ отдѣла—для книгъ и театральныхъ пьесъ. Издатель ручался за безпристрастіе своей критики и напоминалъ публикѣ, что «до сего времени весьма немногія книги были у насъ надлежащимъ образомъ критикованы».

Журналъ выходилъ въ теченіе двухъ лѣтъ и нельзя сказать, чтобы блистательно выполнилъ обязательства по части критики. За весь первый годъ достойна вниманія одна лишь статья объ *Эмиліи Галотти*—Лессинга,

Разборъ—изложеніе содержанія пьесы съ одобрительными восклицаніями и однотонными замѣчаніями насчетъ естественности событій и характеровъ. Но несомнѣнно, полезнымъ дѣломъ со стороны Карамзина было уже самое одобреніе драмы въ то время, когда еще классицизмъ не чаялъ своей гибели.

Рецензіи о книгахъ—или простыя упоминанія, или изрѣдка пересказъ особенно любопытнаго сочиненія съ заключительнымъ приговоромъ.

Но эти скромные подвиги давались журналу не легко. Ни публика, ни писатели никакъ не могли привыкнуть даже къ самымъ безпристрастнымъ и сдержаннымъ сужденіямъ журналиста.

Критика производила впечатлѣніе личной обиды просто потому, что она не представляла сплошного панегирика или оды достоинствамъ автора.

Карамзину на первыхъ же порахъ пришлось испытать терніи журналистики.

Нѣкій Туманскій перевелъ греческое сочиненіе по миѳологіи и

приложилъ свои примѣчанія. *Московскій журналъ* неодобрительно, хотя и необычайно джентльмэнски, коснулся стиля переводчика. По этой части журналъ былъ безусловно компетентенъ и не въ духѣ Карамзина допустить лично-оскорбительную статью.

Но Туманскій не стерпѣлъ критики и отвѣчалъ уже прямо пасквилемъ. За журналистами, какъ частными лицами, отрицалось вообще право на критику. Авторъ утверждалъ, что сужденія ихъ «никогда отъ людей умныхъ уважаемы не были», «извѣстно, что они за подарки истощеваютъ свои хвалы, по пристрастію, самолюбію, личной ссорѣ или зависти выискиваютъ всѣ способы унизить трудъ чуждый».

Еще чувствительнѣе для Карамзина должны были явиться нападки крыловскаго *Зрителя*. На этотъ разъ противникъ говорилъ не мало правды, и *Московскій журналъ* врядъ ли могъ вообще побѣдоносно вести борьбу съ упреками чисто-литературнаго характера.

Въ статьѣ *Критикъ Зритель* издѣвался надъ «неусыпнымъ попеченіемъ о русскомъ языкѣ». Это означало указывать на исключительно стилистическую критику Карамзина, т. е. обличать несомнѣнную односторонность. *Зритель* недоволенъ, что новоявленный журналъ не разсматриваетъ ни авторскихъ мыслей, ни плана сочиненій, ни характеровъ дѣйствующихъ лицъ. «Да и хорошо, что не за свое дѣло берется», говоритъ ядовито авторъ, «какъ заниматься такою мелочью!..»

Слѣдовательно, критическія предпріятія Карамзина немедленно натолкнулись на препятствія, и критикъ нашъ отнюдь не отличался такого сорта характеромъ, чтобы пойти на встрѣчу борьбѣ, по крайней мѣрѣ, продолжать идти своей дорогой.

Напротивъ, *Московскій журналъ* обнаружилъ всю неприспособленность чувствительной натуры къ настоящей журнальной дѣятельности.

Изданіе имѣло 300 «сускрибентовъ», т. е. подписчиковъ, это по времени было успѣхомъ и идеалъ самого издателя не поднимался выше цифры 500. Доходу все-таки журналъ не давалъ, и Карамзинъ вздумалъ замѣнить его альманахомъ, сначала вышла *Аглая*, потомъ *Аониды*. Критика въ обоихъ изданіяхъ отсутствовала, да она и не отвѣчала характеру стихотворныхъ сборниковъ.

Но, независимо отъ стиховъ, Карамзинъ, повидимому, утратилъ всякую охоту къ литературной публицистикѣ. Правда, ко второму выпуску *Аонидъ* издатель приложилъ предисловіе—статью о поэзіи и стихотворствѣ.

Здѣсь высказаны дѣльныя мысли на счетъ самостоятельности

поэтическаго вдохновенія. Поэту рекомендуется не гоняться за чуждыми, несвойственными ему идеями, а описывать предметы, къ нему близкіе. Но главный совѣтъ—совершенно въ духѣ безоблачнаго чувствительнаго оптимизма. «Молодому питомцу Музъ лучше изображать въ стихахъ первыя впечатлѣнія любви, дружбы, нѣжныхъ красотъ природы, нежели разрушеніе міра, всеобщій пожаръ натуры и прочее въ семъ родѣ».

Карамзинъ даже отказался напечатать въ *Аонидахъ* слишкомъ энергичное стихотвореніе: такъ ему дорогъ покой душевный и розовое созерцаніе даже въ книгахъ!

Очевидно, это не критика, и даже исчезаетъ самая возможность ея существованія. Все равно какъ изъ идиллическаго пастыря не могъ выработаться публицистъ, вообще писатель—съ новыми, сильными идеями, такъ любезный питомецъ музъ никогда не могъ снизойти до хлопотливой борьбы, за какія бы то ни было литературные вопросы.

Карамзинъ это доказываетъ систематически, прежде всего новымъ, важнѣйшимъ своимъ журналомъ и послѣднимъ періодическимъ изданіемъ—*Вѣстникъ Европы*.

Издатель разсчитывалъ попасть въ политическій моментъ. Революція прекратилась, всюду правительства обратились къ мирнымъ задачамъ отеческаго управленія подданными, а народы уразумѣли необходимость правленія твердаго. Явилась нужда «въ общемъ мнѣніи», т. е. въ политической печати. И *Вѣстникъ Европы* имѣлъ въ виду удовлетворить общему настроенію, «лучшимъ умамъ, стоящимъ теперь подъ знаменемъ власти».

Въ результатѣ, является политическій отдѣлъ,—совершенная новость въ русской журналистикѣ.

Происходитъ это въ 1802 году. Прирожденному оптимизму издателя—полное раздолье. Карамзинъ можетъ съ полнымъ основаніемъ восхвалять правительственные планы на счетъ просвѣщенія: они дѣйствительно существовали въ первое время новаго царствованія. Бонапартъ удостаивается многорѣчивой хвалы за умерщвленіе чудовища революціи. Наконецъ, въ журналѣ печатается знаменитая ститья *О любви къ отечеству и народной гордости*.

Содержаніе ея не представляетъ ничего новаго послѣ статей *Зрителя*, разница въ тонѣ. Карамзинъ благодаритъ Бога за расположеніе своей души, совсѣмъ противное сатирическому духу, а вся сила Крылова именно въ этомъ духѣ.

У Карамзина любовь къ отечеству доказывается патетически, у Крылова,—путемъ безпощадной насмѣшки надъ пасынками Рос-

сіи. Карамзинъ крайне недоволенъ подражательностью, пренебреженіемъ русскихъ къ родному языку и роднымъ талантамъ, повторяются буквально мысли Плавильщикова на счетъ богатства русской рѣчи и бѣдности французской. «Хорошо и должно учиться», заканчиваетъ Карамзинъ, «но горе и человѣку, и народу, который будетъ всегдашнимъ ученикомъ».

Это вполнѣ основательно. Но, разъ журналистъ стоитъ за самостоятельные пути развитія, онъ долженъ ихъ указать, и преимущественно, конечно, тамъ, гдѣ недугъ подражательности особенно глубокъ и тлетворенъ, т. е. въ литературѣ.

Помимо патріотическихъ изліяній общаго характера, журналу необходимо было вооружиться критикой, тѣмъ болѣе, что онъ такъ краснорѣчиво изобразилъ достоинства русскаго языка!

Но критиковать, значитъ рисковать на полемику, на утрату прекраснодушнаго *одическаго* настроенія. Это уже испыталъ издатель, и теперь онъ просто изгоняетъ критику изъ своего журнала.

«Что принадлежитъ до критики новыхъ русскихъ книгъ», пишетъ онъ, то мы не считаемъ ее истинною потребностію нашей литературы (не говоря уже о непріятности имѣть дѣло съ безпокойнымъ самолюбіемъ людей). Въ авторствѣ полезнѣе быть судимымъ, нежели судить. Хорошая критика есть роскошь литературы: она рождается отъ великаго богатства, а мы еще не крезы. Лучше прибавить что-нибудь къ общему имѣнію, нежели заняться его оцѣнкою. Впрочемъ, не закаиваемся говорить иногда о старыхъ и новыхъ русскихъ книгахъ, только не входимъ въ рѣшительное обязательство быть критиками». Нечего и говорить, что автору отнюдь не удалось доказать *ненужность* и *безполезность* критики. Самъ же онъ признаетъ пользу «быть судимымъ», слѣдовательно, судъ полезенъ, только не совсѣмъ удобенъ для судьи.

Вообще, Карамзинъ всѣми силами открещивается отъ всякаго подозрѣнія, какое могло бы возникнуть у русской публики, особенно у будущихъ «сускрибентовъ» на его журналъ, въ серьезности его намѣреній, какъ издателя и писателя.

Въ объявленіи объ изданіи Карамзинъ усиленно подчеркиваетъ свою исключительную заботу на счетъ *удовольствія* читателей. Онъ будетъ «указывать *новыя красоты* въ жизни», «избирать *пріятнѣйшіе*» изъ иностранныхъ цвѣтниковъ, «*украшать* словесность, языкъ», вообще—«не учить публику, а единственно занимать ее пріятнымъ образомъ, не оскорбляя вкуса ни грубымъ невѣжествомъ, ни варварскимъ слогомъ».

Очевидно, это особенная *эпикурействующая* публицистика, отъ начала до конца усладительная, разсчитанная прежде всего на

пріятное времяпрепровожденіе. Недаромъ, даже по поводу политическаго отдѣла, Карамзинъ спѣшитъ отмѣтить «любопытные и забавные анекдоты»: ихъ издатель будетъ «съ осторожностью» брать изъ англійскихъ газетъ...

Несомнѣнно, былъ смыслъ и въ подобной программѣ. Тамъ, гдѣ едва набиралось триста подписчиковъ на безусловно литературный журналъ, приходилось литературу преподносить въ видѣ самаго легкаго блюда, какого-нибудь безе или экзотическаго фрукта, сочинять трогательные анекдоты и политическія статьи переполнять наивнымъ національнымъ самохвальствомъ и торжественными чувствами на счетъ «счастливаго состоянія Россіи», «спокойствія сердецъ, веселыхъ лицъ, чувствительности русскихъ къ добру».

Все это цѣлесообразно для пріохочиванья публики къ чтенію. Но до такой ли степени?

Самъ Карамзинъ, въ оптимистическомъ ослѣпленіи всѣми и всѣмъ, напечаталъ статью *О книжной торговлѣ и любви къ чтенію въ Россіи*. Въ статьѣ указано громадное развитіе за послѣднія 25 лѣтъ московской книжной торговли, оцѣнены заслуги Новикова и сообщены дѣйствительно замѣчательные факты.

По свѣдѣніямъ Карамзина, даже бѣдные дворяне, съ годовымъ доходомъ не болѣе 500 рублей, собирали «*библіотечки*» и съ величайшимъ почтеніемъ относились къ книгамъ, перечитывали ихъ по нѣскольку разъ.

Правда, большинство этихъ книгъ—романы, и непремѣнно *чувствительные*. Но разъ существуетъ наклонность къ чтенію, читателей можно вести дальше романовъ. Карамзину не приходила на умъ эта простая мысль, и онъ лучше предпочиталъ производить ходкій, уже установившійся товаръ, чѣмъ рисковать *неудовольствіемъ* читателей.

Да, это не былъ ни учитель общественный, ни даже журналистъ въ смыслѣ общественнаго дѣятеля.

Переживъ эпоху просвѣщенія, хорошо знакомый съ ея литературой, Карамзинъ въ личной дѣятельности представилъ одинъ изъ самыхъ послѣдовательныхъ и цѣльныхъ примѣровъ идейной косности. На его языкѣ не было простой фразой требовать, чтобы «всѣ смѣлыя теоріи ума» и другія «любопытныя произведенія остроумія» остались въ книгахъ. Онъ шелъ дальше: не допускалъ теорій даже и въ книги, ограничиваясь ни къ чему не ведущими чувствами.

Даже самое дорогое дѣло—*стиль*—Карамзинъ предоставлялъ на волю судьбы и на доброе усмотрѣніе другихъ, менѣе опасав-

шихся «непріятностей» отъ самолюбивыхъ авторовъ. Карамзинъ всѣ силы души своей полагалъ на красоту слога, на выработку русскаго языка, но когда явилась необходимость защищать свой трудъ, писатель отошелъ въ сторону, и послѣдній бой на поприщѣ *стилистической* критики произошелъ безъ его участія.

XXXVI.

Выраженіе *стилистическая критика* для всѣхъ полемикъ старыхъ русскихъ литераторовъ неточно. Вопросъ о слогѣ сравнительно второстепенный въ началѣ и ходѣ борьбы. Ея сущность—общественнаго и политическаго содержанія, и грамматика почти для всѣхъ критиковъ является только предлогомъ для раскрытія публицистическихъ принциповъ.

Мы съ этимъ фактомъ встрѣчались неоднократно, но никогда онъ не являлся въ такомъ эффектномъ освѣщеніи, какъ въ спорѣ карамзинистовъ съ шишковистами.

Прежде всего любопытенъ идейный смыслъ борьбы.

Шишковисты выступили на сцену, какъ защитники церковнаго языка. Русскій языкъ только нарѣчіе славянскаго и долженъ всѣхъ своихъ красотъ искать въ священномъ писаніи, а не сочинять новыхъ словъ и не заимствовать выраженій изъ иностранныхъ языковъ. Изъ русской литературы должны быть удалены такія, напримѣръ, слова: эпоха, религія, трогательный, оттѣнокъ, развитіе. Взамѣнъ предлагались: непщевать, гобзованіе, умодѣліе, прозябеніе, и давно вошедшія во всеобщее употребленіе слова: аллея, аудиторія, ораторъ, героизмъ, извергъ должны уступить мѣсто—просаду, слушалищу, краснослову, добледушію, искидку. Это называлось «новыя мысли свои выражать старинныхъ предковъ нашихъ складомъ».

Достаточно этихъ примѣровъ, чтобы книгу адмирала Шишкова—*О старомъ и новомъ слогѣ*—признать неисчерпаемымъ запасомъ комизма и совершенно безцѣльнаго «словоизвитія». Никакія силы не могли заставить людей въ полномъ разсудкѣ и твердой памяти говорить и писать на самодѣльной варварщинѣ оригинальнаго филолога. Естественно, даже публика сразу оцѣнила идеи Шишкова и, по словамъ современника, «вся молодежь, всѣ дамы въ обѣихъ столицахъ ратовали за Карамзина».

Нетрудно было *писателямъ* сражаться съ такимъ противникомъ при вѣрномъ разсчетѣ на успѣхъ, и вся война могла бы остаться въ исторіи нашей критики развѣ только образчикомъ смѣхотворнаго педантическаго ристалища, отнюдь не серьезной литературной полемики.

Въ дѣйствительности, вышло совсѣмъ иначе.

Противъ Карамзина, мы видѣли, возставалъ и Крыловъ, но между нападками *Зрителя* и проповѣдями Шишкова нѣтъ ничего общаго.

Высокопоставленный критикъ, съ чисто военной рѣшительностью, обострилъ вопросъ совершенно неожиданно и перенесъ его на такую почву, что, пожалуй, на этотъ разъ малодушіе Карамзина извинительно.

Шишковъ вопросу о слогѣ придалъ характеръ государственнаго интереса и ненависть къ «высшему штилю» открыто отождествлялъ съ измѣной «обычаямъ, вѣрѣ и отечеству».

Для него преобразованія въ языкѣ равнялись нравственному упадку, религіозному отступничеству и политической революціи. Все это выражалось однимъ грознымъ понятіемъ «духъ времени», враждебный правительству и святости законовъ.

Трудно представить, какихъ предѣловъ достигалъ у Шишкова старовѣрческій азартъ. Впослѣдствіи, въ 1813 году, десять лѣтъ спустя по выходѣ своей книги, онъ даже пожаръ Москвы приписывалъ своимъ литературнымъ противникамъ: «теперь ихъ я ткнулъ бы въ пепелъ Москвы и громко имъ сказалъ: вотъ чего вы хотѣли!»

И главный вожакъ этой столь гибельной для отечества партіи оказывался пѣвецъ Филлиды, Деліи, Лизы и тому подобныхъ, менѣе всего политическихъ и революціонерныхъ предметовъ!

Но у Шишкова грамматика творила чудеса. Съ безпримѣрной находчивостью адмиралъ, впослѣдствіи одинъ изъ вліятельнѣйшихъ государственныхъ людей царствованія Александра I, умѣлъ *по буквамъ* слова предписывать цѣлую программу внутренней политики по наиважнѣйшимъ вопросамъ.

Напримѣръ, *въ государственномъ совѣтѣ* обсуждается вопросъ о крѣпостномъ правѣ. Въ такихъ случаяхъ Карамзинъ прибѣгалъ къ особеннымъ анекдотамъ; его врагъ поступаетъ несравненно проще, хотя и хитроумнѣе. Онъ беретъ слово *рабъ* и доказываетъ, что оно происходитъ отъ «работаю», т. е. служу кому-нибудь «по долгу и усердію»... Очевидно, въ Россіи нѣтъ рабства, какъ учрежденія предосудительнаго и для человѣчества оскорбительнаго, а есть только усердные и жизнерадостные слуги отцовъ-патріарховъ!..

Замѣтьте, Шишковъ вовсе не представлялъ злостнаго мракобѣсія, тонкаго сознательнаго софиста. Напротивъ, какъ помѣщикъ, это, дѣйствительно, нѣчто въ родѣ патріарха, гуманнаго и на рѣдкость безкорыстнаго. Въ положеніи высшаго чиновника Шишковъ

обнаруживалъ иногда мужество, недоступное другимъ, хотя бы и болѣе либеральнымъ государственнымъ мужамъ.

Всѣ нелѣпости, филологическія и принципіальныя, у Шишкова были движеніями его сердца и искренними убѣжденіями ума. Можно, конечно, представить, что это за умъ и какъ онъ могъ руководить сердцемъ? Но искренность и убѣжденность не подлежатъ сомнѣнію.

Тѣмъ любопытнѣе вліяніе и власть подобнаго мудреца, по истинѣ безсмертна только что разсказанная сцена въ высшемъ законодательномъ учрежденіи великой имперіи!

Естественно, литераторы должны были вполнѣ серьезно отнестись къ такому человѣку, разъ онъ могъ стоять на вершинѣ государственной лѣстницы и выводы своей филологіи осуществлять въ распоряженіяхъ и циркулярахъ.

И Шишковъ оказывался необходимымъ не только въ высшей администраціи, онъ членъ академіи и даже первостепенный академикъ—по трудолюбію и, пожалуй, даже по учености.

Тишайшій Карамзинъ такъ характеризовалъ академію, гдѣ блисталъ Шишковъ. Члены ея—большинство плохіе переводчики—«големные претолковники, иже отрѣваютъ все, еже есть русское и блещаются блаженне сіяніемъ славяномудрія».

По предложенію Шишкова, академія съ 1805 года стала издавать *Сочиненія и переводы*, и Шишковъ явился главнымъ вкладчикомъ въ эту сокровищницу славяномудрія.

Но и это не все.

Въ 1811 году Шишковъ основалъ общество — «Бесѣду любителей русскаго слова», съ спеціальнымъ научно-литературнымъ органомъ *Чтенія въ Бесѣдѣ любителей русскаго слова*. Общество скоро получило оффиціальное значеніе, даже выше чѣмъ академія. Уже по составу членовъ—Державинъ, гр. Завадовскій, Мордвиновъ, гр. Разумовскій, Дмитріевъ, сенаторъ Захаровъ—бесѣда представляла нѣчто въ родѣ литературной палаты пэровъ. А потомъ Шишковъ наканунѣ отечественной войны прочелъ здѣсь свое *Разсужденіе о любви къ отечеству*: оно быстро подвинуло государственную карьеру оратора.

По этимъ даннымъ можно судить, что собственно представляло изъ себя шишковистское движеніе. Это протестъ *всяческаго* старовѣрія и *всесторонней* реакціи или, по крайней мѣрѣ, *неограниченнаго* застоя противъ какого бы то ни было новаго вѣянія, преобразованія въ идеяхъ и въ жизни русскихъ людей.

Это—сплоченная организація традицій вообще противъ прогресса, и предъ ея *культурнымъ* и *политическимъ* смысломъ от-

ступаютъ на задній планъ всѣ чисто-филологическіе вопросы. Они только создали удобный предлогъ, безобидную почву для объединенія страстей и стремленій, часто не имѣвшихъ ничего общаго съ какимъ бы то ни было стилемъ и литературнымъ направленіемъ.

Карамзинъ, повидимому, понялъ фактъ съ самаго начала и повелъ себя идеально-дипломатически.

Шишковисты, конечно, мѣтили почти исключительно въ издателя *Вѣстника Европы*. Это было ясно рѣшительно для всѣхъ, и даже Дмитріевъ настаивалъ, чтобы Карамзинъ лично отвѣчалъ Шишкову.

Карамзинъ долго отговаривался, но, наконецъ, обѣщалъ удовлетворить настойчивость Дмитріева и назначилъ даже срокъ.

Въ двѣ недѣли сочиняется отвѣтъ, Карамзинъ привозитъ его къ Дмитріеву, начинаетъ читать и приводитъ въ восторгъ слушателя. Дмитріевъ вполнѣ доволенъ, Шишковъ получитъ отпоръ отъ самаго талантливаго и наиболѣе оскорбленнаго писателя.

Но по окончаніи чтенія Карамзинъ произноситъ такую рѣчь:

— Ну, вотъ видишь, я сдержалъ свое слово: я написалъ, исполнилъ твою волю. Теперь ты позволь мнѣ исполнить свою.

И съ этими словами авторъ бросаетъ рукопись въ каминъ...

Къ достоинству русской литературы нашлись сторонники новаго направленія, способные сочинить не менѣе талантливую защиту и иначе ею воспользоваться.

У Карамзина съ самаго начала было не мало послѣдователей и даже сотрудниковъ, въ Петербургѣ и въ Москвѣ. Вся талантливая литературная молодежь ни минуты не могла колебаться между той и другой партіей. За Карамзина стояла публика, т. е. самая жизненная и вѣрная опора всякаго литературнаго развитія. И этимъ уже вопросъ былъ рѣшенъ.

Карамзинистамъ приходилось сѣять сѣмя на благодарную почву, но попутно, отстаивая новый слогъ, они съумѣли коснуться многихъ несравненно болѣе важныхъ и спорныхъ вопросовъ и рѣшить ихъ въ интересахъ художественнаго прогресса и національной свободы отечественной литературы.

XXXVII.

У шишковистовъ было столько комическаго и жалкаго, что ихъ личности и мысли немедленно представили богатую поживу для сатиры. Ее слѣдуетъ считать во главѣ карамзинистской оппозиціи. Она достигала цѣли вѣрнѣе, чѣмъ самая талантливая критическая статья.

Ея талантливѣйшій представитель, Василій Пушкинъ, дядя геніальнаго поэта, своими «посланіями» производилъ настоящій эффектъ среди современныхъ читателей. Александръ Пушкинъ неоднократно упоминаетъ объ его войнѣ съ шишковистами, именуя «вкуса образцомъ», «защитникомъ вкуса».

И дѣйствительно, форма пушкинскихъ сатиръ въ высшей степени изящна, стихъ энергиченъ и содержателенъ. Поэтъ умѣетъ коснуться всѣхъ отрицательныхъ сторонъ шишковистской агитаціи и заклеймить ихъ бойкимъ, остроумнымъ словомъ.

Въ посланіи къ Жуковскому подвергнута осмѣянію манія Шишкова къ старозавѣтнымъ книгамъ. Авторъ ссылается на французскіе авторитеты—Буало, Паскаля, Боссюэ, но не въ классическомъ смыслѣ. Онъ заимствуетъ изъ чужого источника только подтвержденія своихъ здравыхъ воззрѣній на талантъ и просвѣщеніе. Ему нѣтъ дѣла до единствъ и иныхъ хитростей классицизма: онъ также прославляетъ Гомера, Софокла, Эврипида, Ювенала и Лафонтэна.

Рѣчь сатирика далеко не отличается сдержанностью. Для него староверы «безумцы», «соборъ безграмотныхъ славянъ», вождь ихъ именуется Балдусомъ и въ уста ему влагается такая рѣчь:

О братіе мои, зову на помощь васъ!
Ударимъ на него и первый буду азъ.
Кто намъ грамматикѣ совѣтуетъ учиться,
Во тьму кромѣшную, въ геенну погрузится;
И аще смѣетъ кто Карамзина хвалить,
Нашъ долгъ, о людіе! Злодѣя истребить.

Пушкинъ отдаетъ должное личной добротѣ Шишкова:

Аристъ душою добръ, но авторъ онъ дурной.

и не только дурной, но и вредный: идеи онъ стремится замѣнить словами и погасить просвѣщеніе.

Это значило бить въ самую больную язву шишковизма, и академикъ не замедлилъ отозваться въ академической рѣчи—прямо обвинилъ своихъ противниковъ въ невѣжествѣ и французскомъ безбожіи.

Обвиненія вызвали посланіе Пушкина къ Дашкову, еще болѣе рѣзкое, чѣмъ первое.

Что слышу я, Дашковъ? Какое ослѣпленье!
Какое лютое безумцевъ ополченье!
Кто тщится жизнь свою наукамъ посвящать,
Раскольниковъ-славянъ дерзаетъ уличать,
Кто пишетъ правильно и не варяжскимъ слогомъ—
Не любитъ русскихъ тотъ и виноватъ предъ Богомъ!

Авторъ указываетъ, что «благочестію ученость не вредитъ», что невѣжда не можетъ любить отечества, тотъ не патріотъ, кто «бѣдный мыслями печется о словахъ», и не разуменъ *старословъ*, скучный и бездарный, осуждающій на костеръ писателей за любовь къ словесности и наукамъ, за *абіе* и *аще*...

Оба посланія были изданы отдѣльно, но Пушкинъ не ограничился ими. По рукамъ въ спискахъ ходила поэма *Опасный сосѣдъ*, напечатанная потомъ заграницей. Въ поэмѣ нѣтъ ничего политическаго, но сатира на Шишкова вставлена въ очень игривое повѣствованіе. Остроуміе и здѣсь не измѣняетъ автору.

Онъ мчится съ сосѣдомъ, Буяновымъ, *на парѣ*, и по этому поводу обращается къ Шишкову:

Позволь, Варяго-Россъ, угрюмый нашъ пѣвецъ,
Славянофиловъ кумъ, взять слово въ образецъ!
Досель, въ невѣжествѣ коснѣя, утопая,
Мы парой *двоицу* по-русски называя
Писали для того, чтобъ понимали насъ...
Ну, къ чорту умъ и вкусъ: пишите въ добрый часъ! *).

Александръ Пушкинъ былъ въ восторгѣ отъ поэмы; отсюда его обращеніе:

И ты замысловатый
Буянова пѣвецъ,
Въ картинахъ столь богатый
И вкуса образецъ...

Въ другой разъ поэтъ называетъ своего дядю Несторомъ *Арзамаса*.

Эти данныя знакомятъ насъ съ нѣкоторыми главными врагами шишковистовъ. Въ защиту карамзинскихъ идей возсталъ рядъ журналовъ: *Цвѣтникъ* въ лицѣ Дашкова, *Московскій Меркурій*— при издательствѣ Макарова, *Сѣверный Вѣстникъ*—въ лицѣ Дм. Языкова, *Пріятное и полезное препровожденіе времени*—подъ редакціей Подшивалова. Въ противовѣсъ шишковскому литературному обществу въ 1801 году въ Петербургѣ образовалось *Вольное общество любителей словесности, наукъ и художествъ*. Общество, не въ примѣръ *Бесѣдѣ*, состояло изъ молодежи: украшеніемъ его являлись Дашковъ и Василій Пушкинъ. Въ 1815 году возникъ *Арзамасъ* съ участіемъ многихъ членовъ старѣйшаго общества.

Явилась, слѣдовательно, извѣстная организація, въ распоряженіи были періодическія изданія, и борьба закипѣла. Нашлось не мало подражателей Пушкина, шишковисты едва успѣвали чи-

*) Лейпцигское изданіе 1855 года.

тать одну сатиру за другой, во всевозможныхъ формахъ, отъ басни Измайлова до комедіи Дашкова. На ихъ сторонѣ не оказывалось равносильныхъ талантовъ. Они попытались было также основать журналъ *Другъ просвѣщенія* на слѣдующій годъ послѣ выхода книги Шишкова. Но, очевидно, несравненно было удобнѣе и безопаснѣе громить измѣнниковъ и безбожниковъ за священными стѣнами академіи или въ сановитой *Бесѣдѣ*, чѣмъ считаться съ противниками на глазахъ публики. Журналъ представлялъ какое-то богоугодное заведеніе для всего бездарнаго и комическаго. Приснопамятный гр. Хвостовъ, высмѣянный въ современной литературѣ едва ли не больше всѣхъ кунсткамерныхъ рѣдкостей шишковизма, шелъ во главѣ безцѣльнаго представленія. Это вполнѣ характеризуетъ и самый журналъ, и его положеніе въ публикѣ и литературѣ.

Нѣсколько серьезнѣе явился союзникъ въ лицѣ Сергѣя Глинки, издателя отчаянно-патріотическаго *Русскаго Вѣстника*. Его изданіе началось съ 1808 года исключительно ради «возбужденія народнаго духа» противъ французскаго завоевателя. Глинка предчувствовалъ появленіе Бонапарта въ Москвѣ и, долго «лелѣя сердце жизнью мечтательной», вздумалъ, наконецъ, путемъ журнала приготовить русское общество къ грядущему испытанію.

Русскій Вѣстникъ Глинки одно изъ самыхъ прекраснодушныхъ явленій добраго стараго времени, какой-то длящійся залпъ горячихъ чувствъ, пылкихъ рѣчей и, какъ водится, достаточная безпорядочность въ мысляхъ и доказательствахъ. О критикѣ здѣсь не могло быть и рѣчи. Идеи Шишкова восхвалялись, русская старина ставилась во главу угла міровой мудрости, Симеонъ Полоцкій и Костровъ именовались рядомъ съ Сократомъ и Гомеромъ, а дѣвица Волкова даже превозносилась сравнительно съ «гречанкою Сафо».

Все это дышало безусловной искренностью, но ровно на столько же обличало безсиліе по части логики, исторіи и весьма часто здраваго смысла.

Въ эпоху всеобщаго патріотическаго подъема духа и журналъ Глинки сослужилъ свою службу, но только не на поприщѣ литературы и критики. Воейкову ничего не стоило убить всю эстетику пламеннаго патріота одной чертой. Она при всемъ шаржѣ недалеко отстояла отъ дѣйствительности, и легко представить, сколько нестерпимо-комическаго прибавлялъ Глинка въ шишковистскій фарсъ, и безъ того отлично обставленный по увеселительной части.

Во всемъ воейковскомъ сумасшедшемъ домѣ самые правдивые

и самые остроумные стихи направлены противъ московскаго союзника грознаго адмирала.

Номеръ третій на лежанкѣ
Истый Глинка возсѣдитъ;
Передъ нимъ духъ русскій въ стклянкѣ
Не откупоренъ стоитъ.
Книга Кормчая отверзта,
А уста растворены,
Сложены десной два перста,
Очи вверхъ устремлены.
О Расинъ! откуда слава?
Я тебя дружка поймалъ!
Изъ россійскаго Стоглава
Ты Гоѳолію укралъ.
Чувствъ возвышенныхъ сіянье,
Выраженій красота,
Въ Андромахѣ подражанье
Погребенію кота!..

Сатирамъ на шишковистовъ не уступали и критическія статьи ихъ враговъ.

Цвѣтникъ находился въ рукахъ трехъ молодыхъ критиковъ — Дашкова, Беницкаго и Никольскаго. Послѣднихъ двухъ постигла ранняя смерть: Беницкій умеръ на 28 году, Никольскій на 25-мъ. Оба не только подавали надежды, но и успѣли оправдать ихъ. Беницкій обладалъ и беллетристическимъ талантомъ. Оба не пропускали уродливыхъ старовѣрческихъ явленій литературы въ родѣ шишковистскихъ драмъ, романовъ г-жи Радклифъ и не щадили ни авторитетовъ, ни преданій. Пока это была частная, партизанская война, но смерть пресѣкла дальнѣйшее развитіе молодыхъ свободныхъ талантовъ.

Счастливѣе Дашковъ.

До сихъ поръ можно съ удовольствіемъ и пользой прочитать его статьи, для своего времени прямо блестящія по остроумію, логичности, полнотѣ свѣдѣній.

Полемику противъ Шишкова Дашковъ велъ въ *Цвѣтникѣ* въ 1810 году, два года спустя появился въ *Петербургскомъ Вѣстникѣ*, органѣ *Общества любителей словесности, наукъ и художествъ*. Дашковъ, первый изъ журналистовъ, во всемъ объемѣ понялъ значеніе литературной критики. По его мнѣнію, она «главная цѣль» періодическаго изданія, она необходимое руководство для молодыхъ писателей при неустановившейся еще русской словесности. Критикъ «долженъ всегда быть умѣренъ и безпристрастенъ, даже недостатки отмѣчать «съ прискорбіемъ и уваженіемъ» къ извѣстнымъ

писателямъ, весьма осторожно пользоваться опаснымъ оружіемъ насмѣшки.

Замѣчательнѣйшую статью Дашкова: *О легчайшемъ способѣ возражать на критики* слѣдуетъ считать смертнымъ приговоромъ шишковизму. Авторъ съ изумительной силой и достоинствомъ оцѣнилъ пріемъ Шишкова сливать литературные вопросы съ политическимъ и нравственнымъ, жестоко высмѣялъ шишковское словопроизводство и, можно сказать, похоронилъ «старослова» во мнѣніи всѣхъ, сколько-нибудь сознательныхъ и безпристрастныхъ свидѣтелей спора.

Немалую услугу оказалъ новой литературѣ Макаровъ. Онъ восторженно изобразилъ значеніе Карамзина въ совершенствованіи стиля, объяснилъ, на основаніи исторіи, законъ развитія языка одновременно съ развитіемъ идей, доказалъ, что высокій слогъ заключается не въ словахъ, а въ содержаніи, въ мысляхъ и чувствахъ автора. Макаровъ впадалъ даже въ лиризмъ, устанавливая славу своего учителя, но сущность его взглядовъ до сихъ поръ справедлива.

«Пройдетъ время, когда и нынѣшній языкъ будетъ старъ: цвѣты слога вянутъ подобно всѣмъ другимъ цвѣтамъ. Въ утѣшеніе писателю остается, что умъ и чувствованія не теряютъ своихъ пріятностей и достигаютъ до самаго отдаленнаго потомства. Красавицы двадцать третьяго вѣка не станутъ, можетъ быть, искать могилы Лизы; но въ двадцать третьемъ вѣкѣ другъ словесности, любопытный знать того, кто за 400 лѣтъ прежде очистилъ, украсилъ нашъ языкъ, и оставилъ послѣ себя имя, любезное отечественнымъ благодарнымъ музамъ, другъ словесности, читая сочиненія Карамзина, всегда скажетъ: «Онъ имѣлъ душу; онъ имѣлъ сердце!».

Макаровъ ссылается на мнѣніе публики о заслугахъ Карамзина: «Онъ сдѣлалъ эпоху въ исторіи русскаго языка».

Это осталось приговоромъ и позднѣйшей критики: Бѣлинскій повторитъ тѣ же слова.

Но борьба съ шишковистами не только выяснила значеніе Карамзина-стилиста: она устремила мысль молодыхъ критиковъ дальше слога и языка. У защитниковъ автора *Бѣдной Лизы* подчасъ, будто невольно, срываются идеи, врядъ ли особенно пріятныя учителю и лестныя для его славы. Даже у Макарова звучитъ нѣкоторая скептическая нотка по поводу могилы *Бѣдной Лизы*. Но это—произведеніе вождя партіи, хотя и не участвующаго въ бою. Иначе отнесется тотъ же критикъ и его товарищи къ мелкимъ карамзинистамъ.

Они упорно будутъ отстаивать *новый языкъ*... Но ихъ изощренный критическій анализъ не удовлетворится грамматическими перестрѣлками,—они направитъ свою разрушительную силу, хотя на первое время и сдержанную, противъ *новаго содержанія* литературы, обязаннаго существованіемъ тому же преобразователю языка.

Еще не успѣла закончиться борьба съ классицизмомъ, начинаются вылазки противъ чувствительности. Онѣ пока минуютъ самого Карамзина, но онъ не можетъ не видѣть, что рѣшается участь его прямыхъ дѣтищъ и рано или поздно придетъ очередь и для его «души» и «сердца».

XXXVIII.

Шишковъ взялся не за свое дѣло, принявшись фанатически преслѣдовать карамзинскую реформу языка. Предпріятіе варяго-росса имѣло бы больше смысла и успѣха, если бы онъ попробовалъ свое оружіе не противъ отдѣльныхъ словъ Карамзина, его изящной отдѣлки стиля, а противъ чувствительнаго манерничанья, часто каррикатурнаго у даровитаго учителя и совершенно нестерпимаго у бездарныхъ учениковъ.

Карамзинъ, напримѣръ, въ письмахъ къ друзьямъ постоянно смѣется надъ Клушинымъ, именуя его Коклюшинымъ, надъ русской вертерьядой подъ заглавіемъ *Несчастный М—въ.* Но сентиментализмъ Клушина и уродства россійскаго Вертера—продукты карамзинской школы. Карамзинъ посѣялъ на русской нивѣ чувствительность и соблазнилъ многихъ нищихъ духомъ и еще болѣе нищихъ талантомъ.

Перелистайте одно—два подобныхъ произведенія, и вамъ станетъ страшно за участь русскаго языка и даже русскаго здраваго смысла. Иногда самые заурядные авторы, отнюдь не критики, напримѣръ, нѣкій М. С., сочинитель *Россійскаго Вертера*, рѣшались сомнѣваться въ правдивости геснеровскихъ идиллій, считали простой уловкой риѳмотворцевъ воспѣваніе *рѣчекъ* и *овечекъ* и весьма остроумно разоблачали «стихотворческія басни». Такъ, напримѣръ, тотъ же М. С. рядомъ писалъ идиллію въ стилѣ *Бѣдной Лизы*: на сценѣ и пастушки, и васильки, и даже аленькія гвоздички, а соотвѣтствующая всему этому вздору реальная картина: «крестьянская баба въ лаптяхъ, которая неосторожно рѣзвилась съ большимъ мальчишкой».

Не лучше содержанія и стиль. «Слезы покатились по лицу его подобно бѣлому полотну», «Ангелъ невинности, слезы суть твоя пища»... Это стоило классической «ахинеи», возмущавшей Львова, и было вполнѣ законно ополчиться на нее.

Но недугъ шелъ глубже. Послѣ карамзинскаго путешествія въ русской литературѣ воцарилась повальная манія вояжировать по всѣмъ направленіямъ, начиная съ поѣздокъ на богомолье и въ Малороссію и кончая странствіемъ по комнатѣ.

И все это изображалось въ книгахъ и журналахъ, читатель могъ задохнуться отъ впечатлѣній неутомимыхъ путниковъ, въ дѣйствительности производившихъ всѣ чудеса въ своемъ воображеніи и въ своихъ кабинетахъ.

Столько матеріала, заслуживающаго настоящей сатиры и безпощадной критики! Но шишковисты предпочли арену патріотизма и элоквенціи въ духѣ Тредьяковскаго. Изъ той же карамзинской школы вышли и противники ея явныхъ уродствъ.

Макаровъ достойно оцѣнилъ слезливость Шаликова, эту нервно-развинченную литературу «розоваго цвѣта», реторическую и безсодержательную. Въ *Сѣверномъ Вѣстникѣ*, державшемъ сторону Карамзина, напечатана горячая статья противъ увлеченія французскими авторами чувствительнаго направленія.

Статья—предисловіе къ переводной критикѣ на романъ г-жи Сталь *Дельфина* *). Авторъ до глубины души возмущенъ подражательностью русскихъ: «Мы довольно походимъ на тѣхъ дикихъ народовъ, которые съ изступленіемъ смотрятъ на провозимые къ нимъ европейцами мелочные и весьма обыкновенные товары, какъ отъ сихъ дѣтей природы принимаются за самыя драгоцѣнныя вещи».

Величайшая язва, на взглядъ автора, *чувствительность*. Она до такой степени ослѣпляетъ дамъ, что онѣ даже не различаютъ неблагопристойности французскихъ книгъ, въ томъ числѣ *Дельфины*.

Еще любопытнѣе протестъ противъ сентиментализма въ *Журналѣ россійской словесности*, органѣ *Вольнаго общества любителей словесности, наукъ и художествъ*. Журналъ держался не особенно твердой политики въ спорѣ шишковистовъ съ карамзинистами, склонялся, пожалуй, скорѣе на сторону новыхъ стилистовъ, но относительно сентиментализма мнѣніе журнала совершенно опредѣленное.

Къ чувствительнымъ авторамъ обращалась такая рѣчь:

«Высокопарные педанты! Нѣжные селадоны! Какъ бы счастливы были читатели ваши, если бы, не паря подъ облаками, не напыщиваясь какъ Езопова лягушка, выходя на каѳедру для площадной морали, которой вы сами не слѣдуете, не проливая на каждой страницѣ чувствительныхъ слезъ, которыя возбуждаютъ смѣхъ въ читателяхъ, писали бы просто, но ясно!».

---

*) Отдѣльное изданіе—*Разсужденіе о Дельфинѣ*. Спб. 1803.

Критики журнала издѣвались надъ сумасбродствомъ чувствительныхъ воздыхателей, всюду отыскивавшихъ цвѣты и грацій. Издѣвательство не могло не задѣть первостепеннаго поклонника конфектныхъ волшебныхъ замковъ, и Карамзину, по справедливости, слѣдовало бы возстать на защиту сентиментализма.

Но онъ до конца предпочелъ хранить молчаніе и во что бы то ни стало избѣжать «непріятностей».

А между тѣмъ, въ журналистикѣ, враждебной слезоточивости россійскихъ Стерновъ, выставлялись на видъ не только художественныя уродства модной школы. Русская критика и здѣсь оставалась вѣрна своей основной стихіи—публицистикѣ. Сентиментализмъ терпѣлъ пораженіе, какъ источникъ *жизненной* лжи, какъ словесная призма, совершенно извращавшая дѣйствительность для нравственнаго чувства и умственнаго взора краснорѣчивыхъ кабинетныхъ путешественниковъ.

Особенно любопытенъ протестъ, вышедшій изъ бывшаго карамзинскаго журнала и пропущенный отнюдь не прогрессивнымъ и либеральнымъ редакторомъ, по крайней мѣрѣ, въ области литературной критики.

Вѣстникъ Европы послѣ Карамзина, т. е. съ 1804 года переходилъ въ разныя руки; одно время редактировался даже Жуковскимъ, по самой природѣ отнюдь не публицистомъ и даже не издателемъ.

Это немедленно и доказалъ кроткій пѣвецъ Свѣтланы.

Въ руководящей статьѣ романтикъ такъ опредѣлялъ политику и критику:

«Политика въ такой землѣ, гдѣ общее мнѣніе покорно дѣятельной власти правительства, не можетъ имѣть особой привлекательности для умовъ беззаботныхъ и миролюбивыхъ: она питаетъ одно любопытство, и въ такомъ только отношеніи журналистъ описываетъ новѣйшіе и самые важные случаи міра».

Надо понимать, вѣроятно, «анекдоты», столь близкіе сердцу Карамзина, и «осторожныя» выписки изъ англійскихъ газетъ.

О критикѣ Жуковскій судитъ также на карамзинскій ладъ, т. е. вполнѣ беззаботно на счетъ литературы и весьма заботливо касательно своего спокойствія.

«Критика, но, государи мои, какую пользу можетъ приносить въ Россіи критика? Что прикажете критиковать? Посредственные переводы посредственныхъ романовъ? Критика и роскошь—дочери богатства, а мы еще не крезы въ литературѣ».

По мнѣнію Жуковскаго, современные ему писатели даже не желали быть крезами. Не замѣтно дѣятельнаго, повсемѣстнаго

усилія умовъ производить или пріобрѣтать, нѣтъ образцовъ, а самая тонкая критика ничто безъ образцовъ...

И это писалось человѣкомъ, наводнявшимъ литературу переводами, твердилось въ то время, когда царили Жанлисъ, Коцебу, Радклиффъ! И царству ихъ не предвидѣлось конца, разъ журналисты отказывались отъ критики и предоставляли публикѣ самой разбираться въ невѣроятномъ переводномъ хламѣ.

Жуковскій взывалъ: «дадимъ свободу раскрыться нашимъ геніямъ!..» Это означало: дождемся красотъ и тогда воскликнемъ по адресу читателя и автора: «восхищайся, подражай, будь остороженъ!»

Подъ такими идеями могъ бы подписаться самъ Шишковъ.

По поводу статьи московскаго профессора Мерзлякова о классической трагедіи, онъ взывалъ о развращеніи юношества и увѣрялъ, что «истинные таланты никогда не возникнутъ» при существованіи критики.

Правда, Жуковскій никогда не уличалъ своихъ противниковъ ни въ какихъ смертныхъ грѣхахъ, ему случалось даже мимоходомъ признавать пользу критики, но ничто не могло подвинуть его на борьбу и полемику. А безъ этихъ условій самыя благія намѣренія—тунеядный капиталъ.

Другой издатель *Вѣстника Европы*, Каченовскій, докторъ философіи и профессоръ изящныхъ искусствъ, впослѣдствіи ожесточенный врагъ *философскаго* движенія среди профессоровъ и студентовъ, обезсмертившій себя непримиримой ненавистью къ *поэзіи* Пушкина. Трудно было даже въ допотопныя времена русской науки оригинальнѣе оправдать ученую степень и высокое положеніе въ университетѣ!

Подвиги Каченовскаго въ журналистикѣ такого же полета. «Одобреніе начальства» для него стояло рядомъ съ «благосклонностью сускрибентовъ», въ дѣйствительности неизмѣримо выше. Потому что врядъ ли «сускрибенты» были особенно довольны, когда профессоръ, вмѣсто полемики, жаловался властямъ на Полевого, издателя *Московскаго Телеграфа*, человѣка, не въ достаточной степени проникнутаго почтеніемъ къ «заслуженнымъ» сторожамъ литературнаго и научнаго кладбища.

За всѣ эти дѣла журналу Каченовскаго пришлось умереть «смертью обыкновенною, по чину естества». Такъ выражался самъ профессоръ, можетъ быть, первый и послѣдній разъ достойно оцѣнивая свою философію и критику.

Но смерть произошла только въ 1830 году, а мы пока въ самомъ разцвѣтѣ дѣятельности Каченовскаго. Онъ горой стоитъ за

классицизмъ. Сравнительно свободно обращаясь съ преданіями русскихъ лѣтописей, ученый не смѣетъ коснуться археологическихъ святынь расиновскаго наслѣдства. Онъ безпрестанно говоритъ о «правилахъ здраваго вкуса» и переполняетъ журналъ восторгами предъ послѣдними, въ конецъ измельчавшими птенцами сумароковской школы. Подъ его сѣнью начнется подвижничество Надеждина, разсчитанное на полное уничтоженіе Пушкина, какъ нигилиста, т. е. *нуля* въ русской поэзіи.

Вообще, біографія *Вѣстника Европы* вполнѣ благонамѣренна и нестерпимо солидна. Пожалуй, даже при Карамзинѣ журналъ былъ терпимѣе и, во всякомъ случаѣ, обладалъ болѣе развитымъ художественнымъ чутьемъ. И все-таки педантъ въ одномъ отношеніи оказался разсудительнѣе поэта.

Подъ редакціей Каченовскаго *Вѣстникъ Европы* напечаталъ одну изъ самыхъ основательныхъ отповѣдей русскому сентиментализму. Она, положительно остроумна, отнюдь не обличаетъ пера самого редактора, тѣмъ любопытнѣе добрая воля убѣжденнаго классика!

«Кто въ театрѣ смѣется надъ новыми Стернами», гласитъ статья, «тотъ уже вѣрно стыдится щеголять сентиментальностью и вѣрно уже напалъ, иль скоро нападетъ на хорошій вкусъ въ словесности. Чувствительность сердца есть, конечно, драгоцѣнный даръ природы; но надобно, чтобы она была управляема здравымъ разумомъ, а здравый разумъ запрещаетъ безполезно таскаться по бѣлому свѣту, разнѣживаться при всякой обыкновенной вещи, болтать безпрестанно о лазурно-розовомъ небѣ и бальзамическомъ вліяніи, и единственно въ этомъ болтаніи показать все просвѣщеніе, а въ сентиментальныхъ путешествіяхъ, сказкахъ и романсахъ—весь кругъ изящной словесности. Если разсмотрѣть, откуда проистекаетъ и куда ведетъ сія приторная чувствительность, то вдругъ окажется, что источникомъ ея будетъ нерадивое воспитаніе и невѣжество, а слѣдствіемъ—изнѣженность сердца, неспособность къ отправленію должности въ общежитіи и несносная причудливость».

Это очень лестно и книга *Вѣстника Европы*, № 13-й 1812 г., гдѣ помѣщено столь рѣдкое для своего времени разумное разсужденіе, настоящій памятникъ здраваго смысла среди удручающей классической пустыни и идиллическихъ долинъ золотого вѣка.

Легко замѣтить, что протестъ противъ сентиментализма выходитъ особенно убѣдительнымъ не по эстетическимъ соображеніямъ критика, а благодаря его въ высшей степени цѣлесообразному указанію на нравственное и общественное растлѣніе подъ влія-

ніемъ злополучной школы. Даже для *Вѣстника Европы* сентиментализмъ существенная помощь на пути умственнаго развитія русскаго юношества и подрывъ жизненной энергіи.

Другіе, болѣе послѣдовательные критики, эту сторону вопроса подчеркнули еще откровеннѣе и ярче. Изъ ихъ разсужденій прямо будетъ вытекать идея о *практическомъ* вредѣ сентиментализма, о полномъ контрастѣ русской жизни и стерновскихъ чувствъ.

Журналъ Россійской словесности, столь рѣзко заявившій себя противъ «высокопарыхъ педантовъ», не менѣе опредѣленно проводилъ демократическіе взгляды на положеніе крѣпостнаго народа. Новаго, по существу, ничего не проповѣдывалось, повторялось еще крыловское сравненіе барской роскоши и мужицкой нужды, тонкаго французскаго воспитанія и народныхъ лишеній. Но для насъ любопытно одновременное уничтоженіе литературной чувствительности и помѣщичьяго сословнаго эгоизма, художественной лжи и общественной неправды.

Журналъ напоминалъ просвѣщеннымъ читателямъ, что мужики отдаютъ часто послѣднее рубище на барскія прихоти, на французскія моды, на лакейскія ливреи. Вообще журналъ неустанно слѣдуетъ политикѣ *Зрителя*—приводить въ связь наносное французское просвѣщеніе съ органическимъ отечественнымъ варварствомъ, и естественно, сентиментализмъ, какъ самый пышный и самый искусственный плодъ иноземной моды, попадаетъ на первый планъ именно въ гражданскихъ сатирахъ и проповѣдяхъ современниковъ.

Опять плохо приходилось не только слабымъ дѣтищамъ карамзинской школы, но и самому ея родителю.

Карамзинъ въ эпоху журнальнаго издательства, по своему понималъ народность и національность. Въ *Аглаѣ* онъ задумалъ напечатать богатырскую сказку объ Ильѣ Муромцѣ. Дальше его демократизмъ не простирался, но и здѣсь онъ принялъ самую пріятную форму.

Въ русской старинѣ Карамзинъ искалъ еще больше услады, чѣмъ можно найти въ нѣмецкихъ идилліяхъ.

Оказывается, до сихъ поръ издатель нѣжно-розоваго альманаха изнывалъ надъ прозаической истиной и тяжкой существенностью, только теперь онъ готовится облегчить свое истрадавшееся сердце:

Ахъ! не все намъ горькой истиной
Мучить томныя сердца свои!
Ахъ, не все намъ рѣки слезныя
Лить о бѣдствіяхъ существенныхъ!
На минуту позабудемся
Въ чародѣйствѣ красныхъ вымысловъ!

Илья Муромецъ остался неоконченнымъ. Очевидно, даже безпощадно разсыропленное народное преданіе не совсѣмъ пришлось по сердцу поклоннику Стерна!

XXXIX.

Непреодолимая наклонность всюду стараться высасывать одинъ медъ не покинетъ Карамзина и наканунѣ его приступа къ *Исторіи Государства Россійскаго*. Онъ многозначительно сообщаетъ читателямъ о своей любви къ русскимъ древностямъ, увѣряетъ, что ему «старая Русь извѣстна болѣе, нежели многимъ изъ согражданъ его...» Откуда же и какъ получилъ Карамзинъ свои свѣдѣнія?

Отвѣтъ слѣдующій:

«Я люблю сіи времена; люблю на быстрыхъ крыльяхъ воображенія летать въ ихъ отдаленную мрачность, подъ сѣнью давно истлѣвшихъ вязовъ искать брадатыхъ моихъ предковъ, бесѣдовать съ ними о приключеніяхъ древности, о характерѣ славнаго народа русскаго, и съ нѣжностью цѣловать руки у моихъ прабабушекъ, которыя не могутъ насмотрѣться на своего почтеннаго правнука, не могутъ наговориться со мною».

Вотъ, слѣдовательно, источникъ историческихъ и бытовыхъ представленій Карамзина: воображеніе и фантастическія бесѣды съ прабабушками!

Мы должны вполнѣ серьезно понимать рѣчь будущаго исторіографа. Недаромъ онъ, намекая читателямъ *Московскаго журнала* на свою будущую государственную работу именовалъ свой «трудъ»— «памятникомъ души и сердца моего», хотя бы «для малочисленныхъ пріятелей».

Души и *сердца*, это не то, что *ума* и *критики*. И въ дѣйствительности *Исторія* окажется однимъ изъ художественныхъ и литературныхъ явленій опредѣленной школы.

Это—капитальнѣйшій фактъ въ судьбахъ русской критики.

Мы увидимъ, въ какомъ направленіи вдохновилъ Карамзинъ русскую критическую мысль своимъ «памятникомъ».

Все равно, какъ его послѣдователи быстро довели сентиментализмъ и международный маскарадъ нѣжности до послѣдняго предѣла смѣхотворности и безсмыслія и этимъ вызвали неизбѣжный протестъ здраваго смысла и здороваго чувства, такъ самъ Карамзинъ на своей ученой работѣ обнаружилъ съ особенной яркостью несостоятельность своего литературнаго направленія, и его *Исторія* формой и содержаніемъ нанесла такой ударъ реторикѣ и сенти-

ментализму, какой не по силамъ былъ ни одному, самому искусному современному противнику карамзинистовъ.

Мы знаемъ, на чувствительность будто невольно поднимали руку консервативнѣйшіе журналы и благонамѣреннѣйшіе публицисты. Нѣкоторые изъ нихъ даже усиливались спасти классицизмъ, но россійская вертеровщина рѣшительно возмущала ихъ уравновѣшенную душу.

И они правы.

Въ сентиментализмъ, при всѣхъ его заслугахъ—освобожденія литературы отъ правилъ и этикета,—по самой его природѣ могло проникнуть больше лжи и неправдоподобія, чѣмъ въ бездарнѣйшую классическую трагедію.

Классицизмъ имѣлъ дѣло съ прошлымъ, съ исторіей, съ давно погибшими героями; его наслѣдникъ настойчиво врывался въ настоящее, въ дѣйствительную жизнь и подмѣнялъ для всѣхъ очевидную осязательную правду полетами воображенія.

Чтобы развѣнчать классицизмъ Дмитрія Донского, требуется все-таки нѣкоторая ученость и извѣстная вдумчивость въ логику и психологію. Но чтобы возстать на «несчастнаго М—ва» достаточно просто твердой памяти и разсудка.

Отсюда—совершенно необходимый публицистическій характеръ почти всей критики, направленной противъ сентиментализма. Онъ только усилится и углубится, когда предъ читателями явится *подлинная отечественная исторія*, изложенная въ духѣ сентиментализма. Контрастъ правды и искусства выйдетъ прямо ослѣпительнымъ, и у Карамзина окажутся самые неожиданные противники — ученые историки Каченовскій и даже Погодинъ, здѣсь же, одновременно съ знаменитыми статьями Арцыбашева въ его журналѣ заявляющій о своемъ преклоненіи предъ исторіографомъ.

Очевидно, трудъ Карамзина *стихійно* толкалъ ученыхъ и журналистовъ на протестъ и часто уничтожающія сомнѣнія.

Такимъ образомъ, независимо отъ какихъ бы то ни было преднамѣренныхъ нападокъ принципіальныхъ враговъ, сентиментализмъ долженъ былъ погибнуть: онъ самъ себѣ вырылъ могилу и самъ себѣ пропѣлъ отходную.

И этой отходной—по волѣ иронической судьбы—явилось самое талантливое и значительное произведеніе Карамзина.

Борьба, вызванная имъ, тянется нѣсколько лѣтъ. Она отнюдь не наполняетъ всецѣло журналистики и не поглощаетъ всей современной критической мысли.

Рядомъ возникаютъ и растутъ еще болѣе могучія и богатыя послѣдствіями теченія, чѣмъ война съ отживающими литературными школами.

Все до сихъ поръ изложенное развитіе русской критики—мирная и кроткая исторія не особенно сильныхъ и глубокихъ мыслей, сравнительно покойныхъ и довольно однообразныхъ чувствъ и настроеній.

Въ литературѣ нѣтъ великихъ творческихъ талантовъ, блестящихъ образцовъ, нѣтъ, слѣдовательно, самыхъ возбудительныхъ явленій для критической работы. *Въ обществѣ* отсутствуютъ искренніе, широкіе идейные интересы, въ громадномъ большинствѣ оно живетъ на старой, для него непогрѣшимой почвѣ, и самые отважные не рѣшаются порвать своихъ связей съ исторически установившимися общественными гранями и сословными отношеніями.

Въ результатѣ литературная критика и публицистическая полемика превращаются въ домашній споръ. Только ясновидцу Шишкову могутъ казаться опасными трогательныя упражненія карамзинистовъ и кроткія поползновенія другихъ писателей—думать несогласно съ нимъ, стражемъ Синопсиса. Тотъ же самый *Вѣстникъ Европы* Каченовскаго, очень свободно критиковавшій литераторовъ, защищаетъ вообще цензуру и противопоставляетъ ее «неистовымъ революціямъ». Очевидно, при такомъ строѣ мысли нечего было опасаться ни за развращеніе юношества, ни за гибель отечественныхъ талантовъ.

Это не значитъ, будто старая критика не принесла литературѣ существенной пользы.

Напротивъ. Она успѣла затронуть важнѣйшіе вопросы искусства и даже дѣйствительности. Она — нравственное чувство для жизни и здравый смыслъ для искусства—возстала на классицизмъ за долго до Грибоѣдова, обнажила язвы чувствительности, когда еще и слуху не было о стихахъ и эпиграммахъ Пушкина, наконецъ, она касалась главнѣйшаго устоя россійско-европейской словесности и уродливаго экзотическаго «просвѣщенія»—крѣпостного права.

И мы видѣли, подчасъ сильно доставалось одинаково и комедіянтамъ литературы, и деспотамъ жизни.

Но, при всѣхъ добрыхъ намѣреніяхъ критиковъ и публицистовъ, у нихъ не было необходимыхъ опоръ и единственно-надежныхъ условій успѣха: въ литературѣ—произведеній, сильныхъ одинаково и творчествомъ, и правдой, въ жизни—фактовъ и людей, отвѣчающихъ идеямъ. Приходилось жить *одной теоріей*, т. е. пребывать въ нѣкоторомъ туманѣ по части конечныхъ выводовъ и цѣлей критики, существовать почти исключительно *отрицаніемъ*. Для публики—самый неблагодарный путь къ уясненію новыхъ идеа-

ловъ. Для нея необходима *наглядная иллюстрація* мысли, яркій опредѣленный *образъ*.

Онъ замѣнитъ собой самыя основательные логическіе доводы и приведетъ къ желанному выводу самыя тугія и упорныя головы.

Нѣтъ сомнѣнія, журнальная полемика о классицизмѣ и сентиментализмѣ длилась бы еще цѣлые годы, если бы на помощь критикамъ не явились художники и не освѣтили вдохновеніемъ и чувствомъ ихъ идеи.

Справедливо также, что общественная мысль долго еще совершала бы заколдованный кругъ въ предѣлахъ карамзинской любвеобильной мечтательности и крыловской чисто-отрицательной сатиры, если бы въ полемику не ворвались событія и рядомъ съ литераторами не стали дѣятели.

Все это, къ великому выигрышу русскаго прогресса, произошло одновременно, т. е. событія нашли достойныхъ участниковъ и истолкователей, явленія жизни вызвали вполнѣ соотвѣтствующій откликъ въ идеяхъ, и на завоеваніе новыхъ порядковъ и новыхъ вѣрованій пошли рядомъ геніальные художники и искренніе энергическіе идеалисты. Таланты быстро нашли свою публику, это неудивительно, но также и идеалисты не остались безъ учениковъ и послѣдователей.

Въ этомъ фактѣ основной культурный интересъ преобразовательнаго періода русской критики.

По главнѣйшимъ всепроникающимъ силамъ великаго прогрессивнаго движенія критической и общественной мысли, его можно точно опредѣлить наименованіемъ *національно-философскаго*.

Ив. Ивановъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ВОСТОЧНАЯ ЧУМА.

«Причиной чумы является невѣжество и грубость; лѣкарствомъ противъ нея служитъ цивилизація».
Оберъ Рошъ.

Съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдитъ европейское общество за извѣстіями, приходящими изъ Индіи. Оффиціально признанная, въ сентябрѣ истекшаго года, чума въ Бомбеѣ на самомъ дѣлѣ началась, вѣроятно, въ іюлѣ, когда жители Бомбея уже устраивали процессіи съ цѣлью умилостивить богиню чумы. Болѣзнь, судя даже по неточнымъ и запаздывающимъ свѣдѣніямъ, должна быть отнесена къ жестокимъ эпидеміямъ и пока не обнаруживаетъ наклонности къ ослабленію.

Если для Западной Европы опасность занесенія, а главное—распространенія чумы представляется довольно сомнительной, то, къ сожалѣнію, не то приходится сказать о восточной части Европы. Конечно, нечего болѣе опасаться тѣхъ страшныхъ эпидемій, которыя нѣкогда губили населеніе Европы—все это отошло уже въ область исторіи, но возможность занесенія заразы существуетъ, а при появленіи болѣзни существуетъ еще во многихъ мѣстахъ благопріятная почва для распространенія ея.

Нужно думать, что настоящая чума, благодаря успѣхамъ бактеріологіи и всѣхъ вообще способовъ изслѣдованія, будетъ изучена особенно тщательно. Можетъ быть, сыворотка д-ра Yersen'а сдѣлаетъ то, что чуму надо будетъ отнести къ болѣзнямъ излѣчимымъ и, поэтому, не страшнымъ. Каждый день приноситъ новыя данныя, даетъ новыя надежды.

О времени перваго появленія чумы ничего нельзя сказать съ достовѣрностью. Во всякомъ случаѣ, болѣзнь эта встрѣчалась еще задолго до нашего лѣтоисчисленія. О родинѣ ея тоже существуютъ разногласія. Вѣрнѣе всего, что чума зародилась на Востокѣ. Есть

мѣстности, въ которыхъ источникъ чумныхъ заболѣваній какъ будто никогда не переводится. Къ такимъ мѣстамъ относятся нѣкоторые пункты Индіи, долина Тигра и Эвфрата, а также Египетъ.

Трудность точнаго рѣшенія вопроса о времени и мѣстѣ появленія чумы заключается въ томъ, что въ старину подъ именемъ чумы, мора описывались многія повальныя болѣзни, поражавшія и губившія цѣлые города и страны. Нѣкоторые историки находятъ уже въ Ветхомъ Завѣтѣ указанія на чуму.

Описанная Ѳукидидомъ въ V вѣкѣ до Р. Х. эпидемія чумы въ Аѳинахъ вызываетъ до сихъ поръ разногласія среди изслѣдователей, такъ какъ въ его писаніи нѣтъ указанія на характернѣйшій призракъ, такъ-называемой, восточной чумы—на бубоны, чумные опухоли. По словамъ Ѳукидида, храмы и священныя мѣста были полны труповъ. Побѣжденные заразой, люди не обращали вниманія ни на святыни, ни на священные обряды. Законы о погребеніи не соблюдались—хоронили кто какъ могъ. Если у насъ нѣтъ никакихъ указаній того времени относительно чумы въ другихъ странахъ, то это должно быть объяснено тѣмъ, что ни въ одной странѣ, кромѣ Греціи, не было тогда писателей.

Впервые въ Европѣ восточная чума распространилась въ срединѣ VI вѣка по Р. Х., въ царствованіе императора Юстиніана. Опустошенія, которыя произвела тогда болѣзнь, не поддаются описанію. Жертвы чумы насчитываются многими десятками милліоновъ. Со времени Юстиніана чума не переставала время отъ времени появляться въ разныхъ странахъ.

Въ 540 г. по Р. Х. чума дошла до Парижа, гдѣ свирѣпствовала съ большой силой. Въ 588 году отъ этой болѣзни вымерло почти все населеніе Марселя, куда чума была занесена прибывшимъ изъ Испаніи кораблемъ. Около того же времени чума опустошила Римъ. Папа Пелагій былъ одной изъ первыхъ жертвъ ея. Очевидецъ передавалъ Григорію Турскому, что во время пріема прошеній у папы, въ продолженіи одного часа, 80 человѣкъ упало и тутъ же испустило духъ. Вспыхивая въ разныхъ мѣстахъ и унося много жертвъ, чума навела ужасъ на всю Европу въ XIV столѣтіи и оставила память по себѣ надолго. Призракъ «черной смерти»—такъ назвали болѣзнь XIV вѣка—долго тревожилъ воображеніе населенія.

Охватившая всѣхъ паника рѣзко подѣйствовала на нравы и понятія общества. Въ минуту великихъ бѣдствій выплываютъ наружу преимущественно чувства эгоистическія, чувство самосохраненія преобладаетъ настолько, что человѣкъ забываетъ рѣшительно про все и дѣлается хищнымъ звѣремъ. Всеобщая растерян-

ность заставляетъ людей метаться изъ стороны въ сторону и находить сегодня утѣшеніе въ томъ, что вчера подвергалось поруганію и осмѣянію. Въ XIV вѣкѣ мы видимъ, какъ, съ одной стороны, людьми овладѣваетъ духъ покаянія, а съ другой стороны этими же самыми людьми совершаются жесточайшія злодѣянія по удивительно нелѣпымъ подозрѣніямъ.

Если несчастье дѣлаетъ вообще людей суевѣрными, то можно представить себѣ, что творилось въ XIV вѣкѣ, когда всеобщій мракъ тяготѣлъ надъ умами въ Европѣ. Желая найти какое-нибудь объясненіе для смертности чумы, люди принимали на вѣру самыя невѣроятныя предположенія. Пущено было предположеніе, что кѣмъ-то отправляются колодцы, надо было только найти виновныхъ. Долго искать не пришлось—налицо были евреи, не разъ на своемъ долгомъ и тяжкомъ историческомъ пути искупавшіе своей кровью разные человѣческіе предразсудки. Въ Швейцаріи началось избіеніе евреевъ. Ихъ обвиняли въ сношеніяхъ съ маврами и въ заговорѣ съ ними для уничтоженія христіанъ. Многіе евреи, подвергнутые пыткѣ, сознавались въ взводимомъ на нихъ обвиненіи, и ярость толпы еще возростала. Обвиненныхъ и осужденныхъ евреевъ сжигали. Въ иныхъ мѣстахъ евреевъ сгоняли въ синагоги и тамъ ихъ сжигали. Въ Майнцѣ евреи, запершись въ своемъ кварталѣ, сами сожгли себя.

По вычисленіямъ, Европа потеряла отъ чумы въ XIV вѣкѣ до 25 милліоновъ людей.

За XV столѣтіе описано 5 большихъ чумныхъ эпидемій, а за 16-ое—четыре. Въ XVI-мъ же вѣкѣ распространилось мнѣніе. будто возможно сѣять чуму, что существуютъ особые сѣятели чумы, подвергавшіеся суду и всѣмъ жестокимъ пыткамъ, которыми такъ богаты средніе вѣка. Одинъ изъ самыхъ большихъ и любопытныхъ процессовъ въ этомъ родѣ разыгрался въ 1630 году въ Женевѣ, гдѣ нѣкій Михаилъ Каддо былъ заподозрѣнъ въ распространеніи чумы и вмѣстѣ съ предполагавшимися сообщниками казненъ. Чѣмъ ближе къ нашему времени, тѣмъ чумныя эпидеміи наблюдаются въ Европѣ все рѣже и рѣже.

Свирѣпствовавшая въ 1709 и 1710 годахъ чума въ Данцигѣ и Кенигсбергѣ унесла огромное количество жертвъ. Въ августѣ 1709 года въ Данцигѣ за одну недѣлю умерло 1.700 человѣкъ. Всѣ дѣла этихъ двухъ большихъ торговыхъ городовъ пріостановились. Благодаря карантину, остававшіеся въ живыхъ жители испытывали большія лишенія, такъ какъ былъ до крайности затрудненъ подвозъ къ городамъ продуктовъ. По прекращеніи въ мартѣ 1710 года эпидеміи, санитарный комитетъ Кенигсберга все свое

вниманіе обратилъ на то, чтобы не возобновлялись сношенія съ зараженными домами и не пріобрѣталось имущество умершихъ отъ чумы. Не смотря на самыя строгія мѣры принятыя по этому, случаю, не смотря на угрозу смертной казни за нарушеніе изданныхъ правилъ, нашлась одна женщина, покусившаяся на кражу изъ зараженнаго дома. Болѣзнь опять была занесена въ домъ, гдѣ женщина эта жила прислугой, и жертвой чумы, кромѣ самой этой женщины и ея сообщника—14-лѣтняго сына, сдѣлались хозяинъ дома и его сынъ. По распоряженію городскихъ властей, были разрыты могилы женщины и ея сына и гробы съ ихъ тѣлами повѣшены на нѣсколько дней на висѣлицу—въ назиданіе всѣмъ жителямъ.

Тяжелая эпидемія чумы въ 1720 году, разразившаяся въ Провансѣ, пощадила всю остальную Европу. Въ XIX-мъ столѣтіи чумныя эпидеміи встрѣчались преимущественно въ юго-восточной Европѣ. Первыя десятилѣтія нашего вѣка дали эпидеміи чумы въ странахъ, расположенныхъ по теченію Дуная, на Черномъ морѣ и Балканскомъ полуостровѣ.

Въ 1841 г. чума совсѣмъ оставила Европу, въ 1843—Азіатскую Турцію и въ 1844 году—Египетъ, этотъ постоянный главный центръ страшной болѣзни, и до 1878 г., когда чума появилась у насъ въ Ветлянкѣ, о чумѣ забыли и готовы были уже отнести ее къ болѣзнямъ, имѣющимъ только историческій интересъ.

Что касается нашего отечества, то до IX вѣка, т. е. до времени появленія лѣтописцевъ мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній о чумныхъ эпидеміяхъ, такъ что даже неизвѣстно, проникла ли въ Россію такъ-называемая юстиніановская чума.

Впервые въ русскихъ лѣтописяхъ чума отмѣчается въ 1352 году, когда она появилась во Псковѣ, какъ болѣзнь, до той поры совершенно неизвѣстная. Лѣтописецъ говоритъ: «бысть моръ золъ во градѣ Псковѣ, началось изъ весны, на цвѣтной недѣли, то же и до самыя осени, уже передъ зимой преста. Сице же смерть бысть скóра: хракнетъ человѣкъ кровію и въ третій день умираше». Напуганные жители Пскова обратились къ новгородскому архіепископу Василію съ просьбой посѣтить и благословить ихъ городъ. Пріѣхавъ во Псковъ, архіепископъ обошелъ городъ съ крестнымъ ходомъ и, пробывъ тамъ нѣсколько дней, отправился, повидимому, здоровый обратно въ Новгородъ, но, говоритъ лѣтописецъ, на пути разболѣлся и, «поболѣвъ мало, умеръ 3 іюня, не доѣхавъ до Новгорода». Тѣло архіепископа Василія было привезено въ Новгородъ, гдѣ болѣзнь обнаружилась съ Успеньева дня, 15 августа, и продолжалось до Пасхи. Въ 1360 году снова во Псковѣ разви-

вается эпидемія чумы, при чемъ на этотъ разъ въ характерѣ болѣзни выступаетъ опуханіе железъ. «Бяше тогда се знаменіе,—разсказываетъ лѣтописецъ,—егда кому выложится железа, то вскорѣ умираше». Про чуму 1364 года въ Нижнемъ-Новгородѣ лѣтописецъ передаетъ какъ о болѣзни характера смѣшаннаго: «хракаху людіе кровію, а иніи желѣзою болѣзноваху единъ день, или два, или три, и мало нѣціи прибывше, и тако умираху».

Затѣмъ чума нѣсколько разъ вспыхиваетъ въ разныхъ городахъ Россіи и въ 1417 году достигаетъ ужасныхъ размѣровъ, обойдя Псковъ, Новгородъ, Ладогу, Порховъ, Торжекъ, Тверь и окрестности этихъ городовъ.

Въ 1453 году болѣзнь изъ Пскова и Новгорода обошла всю Россію. Черезъ 10 лѣтъ въ 1463 году «черная смерть», появившись среди татаръ, идетъ по всей Волгѣ и дальше. Смертность была страшная. Въ Смоленскѣ, очень большомъ тогда городѣ, осталось въ живыхъ 5 человѣкъ.

Въ XV столѣтіи лѣтописцы часто упоминаютъ о чумѣ, которая пришла тогда съ Запада, изъ Юрьева. Въ 1467 году была чума въ Великомъ-Новгородѣ, во Псковѣ. Лѣтописецъ указываетъ на нѣкоего Өеодорко, какъ на виновника распространенія чумы во Псковѣ. Өеодорко прибылъ изъ Юрьева и умеръ отъ чумы 23 іюля. Эпидемія началась съ его дома и продолжалась два года. Сильнѣе всего болѣзнь проявлялась осенью. Новгородъ потерялъ 48.402 жителей, а всего въ этихъ городахъ погибло около 250 тысячъ человѣкъ. Въ XVII столѣтіи чума повторялась нѣсколько разъ. Все это столѣтіе было несчастно для Россіи, по частотѣ неурожайныхъ, просто-голодныхъ годовъ, по постояннымъ войнамъ то со Швеціей, то съ Польшей, то съ Ливоніей, что содѣйствовало развитію болѣзненности среди населенія. Особенно чума свирѣпствовала съ 1654 г. до 1656 года. Въ Москвѣ осталось нѣсколько человѣкъ; стоявшіе въ городѣ стрѣлецкіе полки, числомъ шесть, потеряли рѣшительно всѣхъ солдатъ. Покойники хоронились въ общихъ могилахъ—по 100 и болѣе въ одной. Такъ какъ перемерли почти всѣ священники, то некому было отпѣвать умершихъ. По указу царя Алексѣя Михайловича, бывшаго тогда въ походѣ подъ Смоленскомъ, въ Москву былъ посланъ дьякъ «Кузьма Мошнинъ», чтобы «досмотрить и распросить сколько живыхъ и что померло». Изъ Москвы страшный моръ распространился преимущественно на югъ Россіи, до Астрахани и Кіева. Начиная съ XVIII столѣтія чума часто приходитъ къ намъ изъ Турціи, съ которой у насъ ведутся постоянныя войны. Въ 1738 г. поражается чумой Сѣверный Крымъ. Не смотря на донесенія фельдмаршала Миниха,

что въ войскахъ появилась чума, въ Петербургѣ не вѣрили этимъ сообщеніямъ и болѣзнь быстро распространялась. Въ 1770—1772 г. появляется у насъ изъ Молдавіи и Валахіи большая чумная эпидемія, доходящая до Москвы. Объ этой московской эпидеміи сохранилось много воспоминаній. Между прочимъ, существуетъ изданная по повелѣнію Екатерины II-ой книга подъ заглавіемъ «Описаніе моровой язвы, бывшей въ столичномъ городѣ Москвѣ съ 1770 по 1772 годъ», съ перечисленіемъ всѣхъ принимавшихся въ то время противъ чумы мѣръ. Какъ извѣстно, во время этой эпидеміи сдѣлался жертвой волновавшейся толпы архіепископъ Амвросій, какъ въ наше время погибъ во время холерныхъ бунтовъ д-ръ Молчановъ.

Первые случаи заболѣванія чумой обнаружились въ Москвѣ въ ноябрѣ 1770 года, но въ теченіе первыхъ пяти мѣсяцевъ они были *рѣдки* и совершенно ускользали отъ вниманія властей. Говорить о чумѣ стали, когда обнаружились два болѣе замѣтныхъ чумныхъ гнѣзда, одно—среди служителей сухопутнаго госпиталя, другое — на суконной фабрикѣ за Москвой-рѣкой. Въ то время, какъ въ сухопутномъ госпиталѣ удалось изолировать больныхъ, причемъ изъ 27 заболѣвшихъ погибло 22 человѣка, на суконной фабрикѣ, рабочіе которой жили на частныхъ квартирахъ, достигнуть изоляціи больныхъ было трудно. Появленіе болѣзни на фабрикѣ приписывали одной женщинѣ, которая, больная уже, съ опухолями железъ, была доставлена въ квартиру рабочаго, ея родственника. Церковный сторожъ, у котораго раньше жила эта женщина, и все его семейство, равно и сама эта женщина очень скоро умерли. Не смотря на довольно ясные признаки чумной эпидеміи, врачи принимали болѣзнь за сыпной тифъ и все еще не рѣшались назвать ее страшнымъ, но настоящимъ именемъ. Благодаря этимъ колебаніямъ врачей, не принималось никакихъ мѣръ и болѣзнь быстро распространялась. Хотя старшій врачъ сухопутнаго госпиталя Аѳанасій Шафонскій и дѣлалъ представленія по начальству, что чума появилась въ Москвѣ, штатъ-физикъ Риндеръ не соглашался съ нимъ, шла переписка, дѣлались донесенія, составлялись рапорты, а болѣзнь росла и росла. Наконецъ, послѣ продолжительной переписки, чума оффиціально была признана въ Москвѣ и постепенно назначались все новыя административныя лица для борьбы съ нею. Чтобы имѣть лучшій надзоръ за больными, весь городъ, по предложенію совѣта врачей, былъ раздѣленъ на небольшіе участки и въ каждый участокъ назначенъ особый надсмотрщикъ. Въ инструкціи надсмотрщикамъ сказано: «оные надсмотрщики должны въ своей дистанціи всѣхъ жителей безъ изъятія по именамъ переписать и по той переписи вся-

кій день всѣхъ по именамъ перекликать и смотрѣть, всѣ ли они здоровы и всѣ ли налицо, и есть-ли найдутъ кто больного или мертваго, то тотъ же часъ давать знать частному смотрителю». При помощи этой мѣры надѣялись добиться того, что ни одинъ больной не ускользнетъ отъ взора начальства. А между тѣмъ, больные уклонялись и укрывались. Ни частые и строгіе указы Екатерины II, ни увѣщенія и церковныя проповѣди не могли заставить населеніе отнестись съ довѣріемъ къ предлагаемымъ мѣрамъ, и сплошь и рядомъ покойниковъ хоронили тайкомъ, чтобы избѣжать нашествія разнаго рода властей въ помѣщеніе. Кромѣ разныхъ карантинныхъ мѣръ, кромѣ карательныхъ и указовъ, администрація выпускала также и наставленія, какъ предохранить себя отъ заболѣванія. Многія изъ этихъ наставленій имѣютъ въ настоящее время значеніе историческаго курьеза. Врачамъ, напр., совѣтовалось прикасаться къ пульсу больного черезъ развернутый табачный листокъ, а вообще обывателямъ рекомендовалось носить на груди кусокъ камфоры, непремѣнно величиною съ голубиное яйцо и т. д.

Благодаря тому, что очень многіе покойники, какъ уже сказано, хоронились тайно, нѣтъ возможности съ точностью опредѣлить число погибшихъ во время московской чумы. Съ апрѣля 1771 года по мартъ 1772 года число смертныхъ случаевъ отъ чумы опредѣляется въ 56.907 человѣкъ, причемъ въ частныхъ домахъ умерло 48.768, а въ госпиталяхъ — 8.139. Наибольшее число смертныхъ случаевъ падаетъ на сентябрь—21.404.

Въ XIX стол. чума появляется у насъ опять изъ Турціи. Часто жертвой чумы дѣлается городъ Одесса, получающій болѣзнь прямо изъ Константинополя. Такъ, въ Одессѣ наблюдалась чумная эпидемія еще раньше, въ 1797 году, затѣмъ въ 1812 году и въ 1831 году.

На Кавказѣ наблюдались три эпидеміи: первая — съ перерывами отъ 1798 года до 1818 г., затѣмъ вторая — въ 1818 г., третья—въ 1843 г.

Послѣдняя у насъ эпидемія чумы наблюдалась въ Астраханской губ., въ д. Ветлянкѣ и еще въ нѣсколькихъ деревняхъ. Болѣзнь впервые обнаружилась въ ноябрѣ 1877 года. Несмотря на существующія до сихъ разногласія относительно характера ветлянской эпидеміи, трудно сомнѣваться въ томъ, что тамъ была настоящая чума, отъ которой умерло до 90% населенія. Первыя мѣры въ Ветлянкѣ были приняты довольно поздно—только въ концѣ декабря и состояли въ несовсѣмъ удачномъ оцѣпленіи пораженныхъ селеній. Въ январѣ 1878 года состоялось назначеніе

временнаго генералъ-губернатора въ лицѣ гр. Лорисъ-Меликова, которому даны были неограниченныя полномочія. Гр. Лорисъ-Меликовъ прибылъ въ Царицынъ 28 января 1878 г. и тогда только началась дѣятельная работа по оздоровленію зараженнаго края. Между прочимъ, жители пораженныхъ мѣстъ были освобождены отъ недоимокъ, такъ какъ пришлось воочію убѣдиться, что корень зла лежитъ въ ужасающей *бѣдности* населенія. При строгой и всеобщей чисткѣ, производившейся всюду, обращено было большое—можетъ быть, даже слишкомъ большое—вниманіе на рыбу, которая уничтожалась въ огромныхъ количествахъ, несмотря на то, что сплошь и рядомъ не успѣвали даже съ достовѣрностью убѣдиться, что данная рыба испорчена. Въ самой Ветлянкѣ и въ другихъ пораженныхъ чумой селеніяхъ сожигались дома, сожигалось также и имущество.

Ветлянская чума, взволновавшая сильно всю Россію, особенно большое впечатлѣніе произвела въ Петербургѣ, гдѣ случай съ Наумомъ Прокофьевымъ произвелъ паническій страхъ. Дѣло въ томъ, что 13 января 1879 года въ клинику покойнаго С. П. Боткина былъ доставленъ больной дворникъ Наумъ Прокофьевъ, съ сильно выраженнымъ опуханіемъ железъ всего тѣла. Боткинъ призналъ случай крайне сомнительнымъ и счелъ нужнымъ подвергнуть больного тщательному наблюденію и строгой изоляціи. Діагнозъ чумы былъ поставленъ публично и извѣстіе это съ быстротой молніи облетѣло весь городъ. Прошло нѣсколько дней и вмѣсто ожидавшагося ухудшенія въ состояніи здоровья Наума Прокофьева наступило выздоровленіе. Печать, въ особенности реакціонная, съ «Московскими Вѣдомостями» во главѣ, накинулась на Боткина, возводя на него самыя нелѣпыя обвиненія вплоть до обвиненія въ измѣнѣ отечеству. Тяжелое время переживалъ тогда покойный профессоръ. Біографъ и другъ С. П. Боткина, д-ръ Бѣлоголовый утверждаетъ, что Боткинъ до конца дней оставался при убѣжденіи, что Наумъ Прокофьевъ и другіе больные, у которыхъ наблюдались аналогичныя явленія, носили на себѣ несомнѣнные признаки предвозвѣстниковъ чумной эпидеміи. Кто знаетъ, быть можетъ, знаменитый клиницистъ былъ правъ. Если бы въ то время располагали тѣми методами изслѣдованія, которые сейчасъ находятся въ распоряженіи врачей, можетъ быть, удалось бы подтвердить діагнозъ Боткина. Вѣдь, въ нынѣшнюю эпидемію тоже наблюдаются случаи несомнѣннаго заболѣванія, протекающіе легко и оканчивающіеся выздоровленіемъ.

Съ 1879 года Россія свободна отъ чумы.

Послѣ этого бѣглаго и далеко неполнаго очерка чумныхъ эпи-

демій, намъ слѣдуетъ нѣсколько подробнѣе остановиться на охватившей теперь Индію эпидеміи, что даетъ намъ возможность попутно указать на успѣхи, достигнутые въ распознаваніи и даже лѣченіи чумы.

Весною 1894 года японское правительство командировало въ Гонгъ-Конгъ (вблизи Кантона) особую коммиссію съ учеными Aoyama и проф. Kitasato во главѣ. Вскорѣ по прибытіи коммиссіи въ Гонгъ-Конгъ было произведено вскрытіе тѣла одного умершаго отъ чумы, при чемъ и въ крови, и внутреннихъ органахъ была найдена особая бактерія—короткая и маленькая палочка съ закругленными концами. Дальнѣйшія вскрытія труповъ подтверждали сдѣланное наблюденіе. Сдѣланныя культуры вновь найденной бактеріи быстро и хорошо развивались, а прививки мышамъ, крысамъ и морскимъ свинкамъ дали положительные результаты въ томъ смыслѣ, что животныя эти погибли въ промежутокъ времени отъ 1 до 3 сутокъ. Голуби оказались невоспріимчивыми. Дальнѣйшее изученіе свойствъ чумной бактеріи привело Kitasato къ очень цѣннымъ результатамъ.

При нагрѣваніи бульонныя культуры, бактеріи разрушаются въ 30 минутъ при 80° С. и въ болѣе короткое время при 100° С. Далѣе, 1% растворъ карболовой кислоты убиваетъ бактеріи уже послѣ дѣйствія въ теченіе одного часа; то же дѣйствіе оказываетъ 1% растворъ гашеной извести. Конечно, требуется еще дальнѣйшее изученіе чумной бактеріи, такъ какъ точное знаніе свойствъ ея необходимо для установленія разумныхъ мѣръ борьбы съ болѣзнью. Особое вниманіе Kitasato совѣтуетъ обратить на мышей и крысъ въ домахъ, въ виду того, что животныя эти поражаются чумой раньше людей и могутъ содѣйствовать распространенію заразы.

Почти одновременно съ японской коммиссіей въ Китай прибыла посланная французскимъ правительствомъ для охраненія принадлежащихъ Франціи колоній коммиссія съ проф. Yersen'омъ, извѣстнымъ ученикомъ Roux, во главѣ. Независимо отъ Aoyama и Kitasato, Yersen открылъ ту же чумную бактерію и подтвердилъ всецѣло еще тогда неопубликованыя наблюденія Kitasato.

Открывъ самостоятельно бактерію чумы, Yersen продолжалъ свои наблюденія и изслѣдованія и въ 1895 году опубликовалъ основанія для предполагаемаго лѣченія чумы кровяной сывороткой. Производя различные опыты, Yersen убѣдился, что самой подходящей является лошадиная сыворотка. Предположенія Yersen'а оправдались. Примѣняя сыворотку для лѣченія чумныхъ больныхъ пока въ ограниченномъ количествѣ, Yersen получилъ

блестящіе результаты. Изъ 27-ми больныхъ онъ потерялъ всего двухъ. Надо однако замѣтить, что Kitasato относится скептически къ этимъ результатамъ, утверждая, что не всѣ больные были тщательно изслѣдованы и что, поэтому, преждевременно еще говорить объ успѣхахъ сывороточной терапіи. Ближайшее время должно все это выяснить.

Между тѣмъ, чума, произведя опустошенія въ Китаѣ, перебралась въ Индію, главнымъ образомъ въ Бомбей, который приковываетъ къ себѣ вниманіе всего міра.

Наблюденія надъ чумными эпидеміями показываютъ, что почвенныя и климатическія условія играютъ исключительно важную роль въ развитіи этой болѣзни. На ряду съ излюбленными мѣстами чумы, существуютъ мѣстности, никогда не поражавшіяся этой болѣзнью. Къ такимъ мѣстамъ принадлежатъ полярныя и экваторіальныя страны, т.-е. страны съ очень холоднымъ или очень жаркимъ климатомъ. Что именно климатъ имѣетъ значеніе для распространенія чумы, а не какія-либо свойства самого населенія, видно изъ того, что стоитъ жителю всегда свободной отъ чумы мѣстности попасть въ зараженную страну, и онъ вскорѣ наравнѣ съ другими дѣлается жертвой болѣзни. Далѣе наблюденіе показываетъ, что чума, появившись въ какомъ-нибудь городѣ, распространяется въ немъ далеко неравномѣрно, избирая нѣкоторыя улицы, даже дома, такъ что нерѣдко можно наблюдать уличную или домовую эпидемію. Время года тоже имѣетъ рѣшающее вліяніе на распространеніе чумы: большіе холода или сильныя жары не благопріятствуютъ болѣзни. Лучше всего чумѣ живется, повидимому, въ періодъ умѣренной теплоты и извѣстной степени влажности воздуха и почвы.

Съ точки зрѣнія этіологической (изслѣдующей причины болѣзней), которая господствуетъ въ настоящее время въ медицинѣ, чума должна быть отнесена къ болѣзнямъ контагіозно-міазматическимъ. Важнѣйшія двѣ группы, на которыя дѣлятся всѣ заразныя болѣзни, это—болѣзни міазматическія и контагіозныя. Подъ міазмой разумѣется такой возбудитель болѣзни, который образуется внѣ заболѣвшаго тѣла и не находится ни въ какой зависимости отъ больного организма. Подъ названіемъ «контагій» понимаютъ ядъ, образующійся въ самомъ тѣлѣ.

Разница между міазмой и контагіемъ устанавливаетъ различіе и между заразными болѣзнями. Въ то время, какъ контагіозная болѣзнь обладаетъ способностью передаваться отъ организма къ организму, болѣзнь міазматическая, имѣющая свою основу внѣ тѣла, зависящая отъ свойства данной мѣстности, такой способностью не

обладаетъ. Міазматическія болѣзни представляются преимущественно эндемическими, т.-е. равивающимися въ опредѣленной мѣстности, а контагіозныя болѣзни—эпидемическими, т.-е. распространяющимися по временамъ на большія пространства. Типичнымъ примѣромъ міазматической болѣзни считается болотная лихорадка, не передающаяся отъ человѣка къ человѣку, но находящаяся въ зависимости отъ неблагопріятныхъ условій извѣстной мѣстности. Типичнымъ примѣромъ контагіозной болѣзни можно считать, напр., всѣмъ извѣстную корь, болѣзнь очень прилипчивую, легко переходящую отъ человѣка къ человѣку. Сюда же относится скарлатина, рожа, дифтеритъ, оспа, сыпной тифъ и т. д.

Но существуетъ цѣлый рядъ болѣзней, которыя не укладываются въ вышеуказанныя двѣ большія группы. Для примѣра возьмемъ холеру. Ее нельзя назвать чисто контагіозной болѣзнью, такъ какъ она не переходитъ съ больного на здороваго путемъ простого прикосновенія. Съ міазматическими болѣзнями холеру связываетъ то, что ядъ ея проникаетъ въ организмъ извнѣ, но во внѣшнемъ мірѣ ядъ этотъ получается только тогда, когда зародышъ его данъ будетъ больнымъ человѣческимъ тѣломъ. Такого рода болѣзни, со смѣшаннымъ характеромъ, рѣшили называть контагіозно-міазматическими. Къ нимъ-то, кромѣ холеры и еще нѣкоторыхъ другихъ, относится и чума.

Мы не имѣемъ въ виду дать здѣсь клиническую картину болѣзни, которая отличается большимъ разнообразіемъ припадковъ, быстротой своего теченія и требуетъ *непремѣнно врачебнаго вмѣшательства.* Разъ въ странѣ появилась чума, всякій сомнительный или подозрительный случай долженъ быть предметомъ врачебнаго наблюденія.

Намъ остается еще сказать нѣсколько словъ о предохранительныхъ (профилактическихъ) мѣрахъ противъ чумы. Трудно было бы здѣсь даже перечислить все то, что въ разныя времена предпринималось противъ чумы. Нѣтъ такого предмета изъ живот наго и растительнаго царства, такого химическаго элемента, не исключая и драгоцѣнныхъ металловъ, которые не предлагались бы, какъ средства противъ чумы.

Обиліе средствъ—вѣрный признакъ отсутствія надежнаго средства. Въ XVIII еще столѣтіи наше правительство предписывало носить противъ чумы амулеты, которые раздавались сотнями гражданскому населенію и въ войскахъ.

Каждый день теперь приноситъ и, если чума въ Индіи не ослабѣетъ, будетъ приносить новыя брошюры, новые наставленія.

Мѣры противъ чумы, какъ и противъ всякой повальной бо-

лѣзни, раздѣляются на мѣры общественныя, государственныя и мѣры частныя, индивидуальныя.

Начиная съ XVI столѣтія, какъ общественная мѣра, примѣняется противъ чумы карантинъ, далѣе окуриваются и даже сжигаются избы и дома, гдѣ были чумные больные.

Надо замѣтить, что карантины (quarantaines—прекращеніе сношеній въ теченіе 40 дней), родиной которыхъ считается Франція, примѣнялись у насъ въ Россіи еще въ началѣ XVI столѣтія. Такъ, въ лѣтописяхъ отъ 1510 г. находятъ наставленіе нѣкоего Филофея: «вы нынѣ пути заграждаете, домы печатлѣете, попомъ запрещаете къ болящимъ приходити, мертвыхъ телеса изъ града далече измещете».

Не смотря на протесты и заявленія нѣкоторыхъ гигіенистовъ о безполезности, а потому, даже о вредности карантиновъ, какъ мѣры стѣснительной и все-таки не достигающей цѣли,—карантины сохраняютъ свою силу до сихъ поръ и, какъ показываетъ опытъ, не безполезно. Хотя карантины и не ведутъ къ абсолютному разъединенію пораженнаго мѣста со здоровымъ, все же нельзя согласиться съ мнѣніемъ противниковъ ихъ, какъ, напр., знаменитаго ученаго Петенкоффера. Правительства разныхъ странъ не раздѣляютъ скептическихъ взглядовъ этихъ гигіенистовъ, и карантинныя и обсерваціонныя мѣры принимаются почти во всѣхъ государствахъ, желающихъ охранить свое населеніе отъ вторженія опасной гостьи. Въ одной Англіи держатся на этотъ счетъ особаго взгляда и обыкновенно никакихъ карантинныхъ мѣръ не принимаютъ.

Было бы ошибочно думать, какъ это дѣлаютъ многіе, будто только коммерческіе разсчеты заставляютъ Англію противиться карантинамъ, будто торговые барыши дороже для англичанъ жизни многихъ и многихъ людей. Упорство Англіи находитъ себѣ объясненіе въ томъ исключительномъ санитарномъ благополучіи, какого достигла эта страна. Значительно раньше, чѣмъ другіе европейскіе народы, англичане сознали всю важность санитарныхъ мѣропріятій и въ теченіе всего XIX столѣтія санитарное законодательство у нихъ все болѣе и болѣе развивается и со всей строгостью проводится въ жизнь. При этомъ надо замѣтить, что благоустроенными являются въ Англіи не только одинъ Лондонъ и другіе крупные города, но и вся страна. Англичане, благодаря своей высокой культурѣ, отлично понимаютъ, что нѣтъ такихъ большихъ затратъ, предъ которыми слѣдовало бы остановиться, разъ эти затраты относятся къ оздоровленію мѣстности: для англичанъ ясно, что хворое и не долголѣтнее населеніе приноситъ странѣ гораздо больше убытковъ, чѣмъ сдѣланная единовременно

хотя бы крупная затрата на устройство канализаціи, на проведеніе хорошей воды и т. д. Результатомъ разумной, а главное— постоянной работы англичанъ въ этомъ направленіи явилось то, что многія болѣзни для нихъ не страшны, и населеніе Англіи въ среднемъ отличается большей долговѣчностью, чѣмъ населеніе другихъ странъ Европы. Въ то время, какъ въ Лондонѣ, этомъ огромнѣйшемъ городѣ Европы, на 1.000 человѣкъ умираетъ въ годъ 19, у насъ, напр., въ Петербургѣ смертность доходитъ до 32—34 на 1.000. Появлявшіяся съ 1884 г. въ разныхъ мѣстахъ Европы холерныя эпидеміи и не покидавшія нашу страну въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ среди англичанъ не нашли для себя ни одной почти жертвы. Если пароходъ доставлялъ даже въ Англію холернаго больного, то хотя бы этотъ больной и умиралъ,—болѣзнь не находила для собя благопріятной почвы и никогда не могла развиться до степени эпидеміи. На англичанахъ блестяще подтверждаются взятыя нами для эпиграфа слова Обера Роша. Вотъ почему англичане, прилагающіе большія заботы для своего санитарнаго устройства въ мирное время, мало волнуются при наступленіи пугающей всѣхъ бѣды. На ихъ языкѣ, вѣроятно, нѣтъ пословицы: громъ не грянетъ и т. д. На санитарномъ дѣлѣ лучше, чѣмъ на всякомъ другомъ, видно, что работа порывистая, вызванная только жестокой необходимостю, никогда не можетъ дать тѣхъ результатовъ, какіе достигаются при ровномъ и постоянномъ стремленіи къ улучшенію условій жизни. Тѣмъ не менѣе, какъ во время пожара необходимо тушить огонь, а не заниматься разсужденіями о непрочности построекъ, такъ и во время появленія эпидемій необходимо принимать всѣ доступныя, хотя бы и не совсѣмъ совершенныя мѣры, отложивъ рѣшеніе вопроса о коренныхъ улучшеніяхъ до болѣе спокойнаго времени.

При появленіи болѣзни внутри страны, необходимо озаботиться о достаточномъ числѣ больничныхъ мѣстъ, такъ какъ никто не долженъ лѣчиться на дому и никому не должно быть отказано въ больничномъ лѣченіи.

Въ больницахъ и теперь, какъ показываютъ наблюденія, смертность отъ чумы равняется 18°/o, между тѣмъ какъ при внѣ-больничномъ лѣченіи умираетъ до 95°/o!

Въ виду открытія Yersen'омъ противочумной сыворотки, необходимо заготовленіе такихъ запасовъ ея, чтобы не было въ странѣ ни одного больного, которому можно было бы отказать въ лѣченіи за недостаткомъ лѣчебнаго матеріала. Съ этою цѣлью въ институтѣ экспериментальной медицины въ Петербургѣ заготовляются огромные запасы необходимой сыворотки.

Къ мѣрамъ общественнымъ надо также отнести заботы о приведеніи въ возможно удовлетворительное санитарное состояніе нашихъ городовъ, селъ и деревень, чтобы страшная болѣзнь не находила для себя благопріятной почвы. Какъ велико значеніе чистоты въ дѣлѣ борьбы съ чумой, можно видѣть на примѣрѣ настоящей эпидеміи въ Индіи и Китаѣ: въ Гонгъ-Конгѣ въ европейской части города болѣзнь даже не обнаруживалась. Въ Бомбеѣ, въ домахъ, гдѣ живутъ европейцы, заболѣваній нѣтъ, не смотря на то, что въ этихъ домахъ находятъ дохлыхъ мышей и крысъ, зараженныхъ чумой. Къ разумнымъ общественнымъ мѣрамъ во время чумы, какъ и во время существованія другихъ повальныхъ болѣзней, надо причислить устройство столовыхъ и чайныхъ для бѣднѣйшаго населенія пораженной мѣстности. Правильное питаніе увеличиваетъ устойчивость населенія противъ всякой заразы.

О мѣрахъ частныхъ, индивидуальныхъ, во время чумы много расространяться не приходится. Возможное душевное равновѣсіе, отсутствіе всякаго ложнаго страха, и, главное, соблюденіе чистоты, являются, кажется, наилучшими предохранительными мѣрами противъ заболѣванія. Въ то время, какъ у китайцевъ, не носящихъ сапоговъ, больше всего во время болѣзни страдаютъ железы на ногахъ и въ паху, у японцевъ, ходящихъ съ голыми руками, поражаются подмышечныя железы. Изъ этого слѣдуетъ, что ядъ, повидимому, проникаетъ черезъ всякаго рода пораненія, хотя бы незначительныя. Отсюда ясно, какъ важно соблюденіе чистоты не только вокругъ себя, но и своего тѣла. Частыя омовенія — прекрасная мѣра. Нѣтъ никакой надобности прибѣгать къ измѣненію своего обычнаго режима, къ чему многіе такъ склонны во время эпидемій. Необходимо жить, какъ всегда, умѣренно, избѣгая всякихъ истощающихъ моментовъ, излишествъ, а также чрезмѣрнаго умственнаго или физическаго труда.

Заканчивая нашу замѣтку о чумѣ, мы должны повторить сказанное въ началѣ. Не опасаясь быть неудачнымъ пророкомъ, можно съ большой увѣренностью предположить, что при современныхъ условіяхъ нельзя ожидать развитія большой эпидеміи въ Европѣ. Далѣе, надо помнить, что ученые всего міра заняты теперь самымъ тщательнымъ изученіемъ болѣзни, и полная, и скорая побѣда надъ врагомъ не можетъ считаться несбыточной иллюзіей.

Врачъ В. Б—окъ.

ПАМЯТИ ДРУГА.

(Изъ Теннисона).

Когда на ложе сна ко мнѣ луна заглянетъ,
Я знаю: тамъ, за ширью водъ,
Гдѣ ты почилъ отъ всѣхъ невзгодъ,
Еще горитъ закатъ и кладбище румянитъ.

Средь церкви мраморный блеститъ твой мавзолей,
А съ высоты, гдѣ тьма нависла,
Скользитъ серебристый лучъ вдоль надписи твоей,
Читая письмена и числа.

Но лучъ таинственный померкъ. Межъ тѣмъ луна
Отъ ложа моего печальный взоръ отводитъ,
Тяжелыхъ вѣкъ моихъ коснулся отдыхъ сна.
Я сплю, пока во тьмѣ чуть сѣрый лучъ забродитъ.

Тогда я знаю: тамъ прозрачный пологъ свой
Уже вдоль береговъ простеръ туманъ полночный,
Я вижу темный храмъ, я вижу мраморъ твой,
Онъ чуть бѣлѣется, онъ ждетъ зари восточной.

Н. Минскій.

* * *

Въ тѣ мгновенья, когда передъ злобой людской
Такъ сжимается сердце больное,
Въ тѣ мгновенья, измученный тяжкой борьбой
Я хотѣлъ бы забыть все земное.

—

Я хотѣлъ бы летѣть на незримыхъ крылахъ
Отъ людскихъ безысходныхъ мученій
Въ чудный край, гдѣ исчезнутъ сомнѣнья и страхъ,
Въ край далекихъ и свѣтлыхъ видѣній.

—

Но боюсь, что и тамъ, въ той надзвѣздной странѣ,
Позабывъ и печаль, и страданья,
Я порою въ блаженномъ таинственномъ снѣ
Буду слышать земныя рыданья.

Allegro.

вается эпидемія чумы, при чемъ на этотъ разъ въ характерѣ болѣзни выступаетъ опуханіе железъ. «Бяше тогда се знаменіе,—разсказываетъ лѣтописецъ,—егда кому выложится желѣза, то вскорѣ умираше». Про чуму 1364 года въ Нижнемъ-Новгородѣ лѣтописецъ передаетъ какъ о болѣзни характера смѣшаннаго: «хракаху людіе кровію, а иніи желѣзою болѣзноваху единъ день, или два, или три, и мало нѣціи прибывше, и тако умираху».

Затѣмъ чума нѣсколько разъ вспыхиваетъ въ разныхъ городахъ Россіи и въ 1417 году достигаетъ ужасныхъ размѣровъ, обойдя Псковъ, Новгородъ, Ладогу, Порховъ, Торжекъ, Тверь и окрестности этихъ городовъ.

Въ 1453 году болѣзнь изъ Пскова и Новгорода обошла всю Россію. Черезъ 10 лѣтъ въ 1463 году «черная смерть», появившись среди татаръ, идетъ по всей Волгѣ и дальше. Смертность была страшная. Въ Смоленскѣ, очень большомъ тогда городѣ, осталось въ живыхъ 5 человѣкъ.

Въ XV столѣтіи лѣтописцы часто упоминаютъ о чумѣ, которая пришла тогда съ Запада, изъ Юрьева. Въ 1467 году была чума въ Великомъ-Новгородѣ, во Псковѣ. Лѣтописецъ указываетъ на нѣкоего Ѳеодорко, какъ на виновника распространенія чумы во Псковѣ. Ѳеодорко прибылъ изъ Юрьева и умеръ отъ чумы 23 іюля. Эпидемія началась съ его дома и продолжалась два года. Сильнѣе всего болѣзнь проявлялась осенью. Новгородъ потерялъ 48.402 жителей, а всего въ этихъ городахъ погибло около 250 тысячъ человѣкъ. Въ XVII столѣтіи чума повторялась нѣсколько разъ. Все это столѣтіе было несчастно для Россіи, по частотѣ неурожайныхъ, просто-голодныхъ годовъ, по постояннымъ войнамъ то со Швеціей, то съ Польшей, то съ Ливоніей, что содѣйствовало развитію болѣзненности среди населенія. Особенно чума свирѣпствовала съ 1654 г. до 1656 года. Въ Москвѣ осталось нѣсколько человѣкъ; стоявшіе въ городѣ стрѣлецкіе полки, числомъ шесть, потеряли рѣшительно всѣхъ солдатъ. Покойники хоронились въ общихъ могилахъ—по 100 и болѣе въ одной. Такъ какъ перемерли почти всѣ священники, то некому было отпѣвать умершихъ. По указу царя Алексѣя Михайловича, бывшаго тогда въ походѣ подъ Смоленскомъ, въ Москву былъ посланъ дьякъ «Кузьма Мошнинъ», чтобы «досмотрить и распросить сколько живыхъ и что померло». Изъ Москвы страшный моръ распространился преимущественно на югъ Россіи, до Астрахани и Кіева. Начиная съ XVIII столѣтія чума часто приходитъ къ намъ изъ Турціи, съ которой у насъ ведутся постоянныя войны. Въ 1738 г. поражается чумой Сѣверный Крымъ. Не смотря на донесенія фельдмаршала Миниха,

* * *

Въ тѣ мгновенья, когда передъ злобой людской
Такъ сжимается сердце больное,
Въ тѣ мгновенья, измученный тяжкой борьбой
Я хотѣлъ бы забыть все земное.

—

Я хотѣлъ бы летѣть на незримыхъ крылахъ
Отъ людскихъ безысходныхъ мученій
Въ чудный край, гдѣ исчезнутъ сомнѣнья и страхъ,
Въ край далекихъ и свѣтлыхъ видѣній.

—

Но боюсь, что и тамъ, въ той надзвѣздной странѣ,
Позабывъ и печаль, и страданья,
Я порою въ блаженномъ таинственномъ снѣ
Буду слышать земныя рыданья.

Allegro.

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Двадцатипятилѣтіе товарищества передвижныхъ выставокъ. — Значеніе товарищества въ развитіи русскаго искусства.— Выставки текущаго сезона. — Новое (третье) изданіе «Писемъ изъ деревни» А. Н. Энгельгардта. — Неувядающая свѣжесть его писемъ.—Энгельгардтъ-художникъ.—Проповѣдь «повинности труда».—Экономическіе взгляды Энгельгардта и ихъ обоснованіе въ новомъ ученомъ трудѣ «Вліяніе урожаевъ и хлѣбныхъ цѣнъ на нѣкоторыя стороны русскаго народнаго хозяйства».—Противорѣчія между художникомъ-Энгельгардтомъ и публицистомъ.

Въ текущемъ году передвижная выставка является юбилейной. Двадцать пять лѣтъ назадъ кружокъ талантливѣйшихъ русскихъ художниковъ рѣшилъ составить артель и изъ замкнутыхъ стѣнъ академіи вынести искусство въ широкую публику. Предпріятіе удалось какъ нельзя лучше, и теперь, четверть вѣка спустя, основатели товарищества могутъ съ справедливой гордостью оглянуться назадъ и подвести итоги своей дѣятельности.

Свѣжая струя жизни, пронесшаяся надъ обществомъ въ шестидесятые годы, не могла не коснуться искусства. Замкнутое въ академическихъ рамкахъ, сжатое тисками классическихъ правилъ, бѣдное русское искусство чахло въ неподвижныхъ формахъ. «Въ ружьѣ и киверѣ два грозныхъ часовыхъ» возлѣ картины, воспѣтые Пушкинымъ, служили символомъ академіи, не дававшей уклоняться искусству въ сторону, предписывавшей и опредѣлявшей напередъ каждую складочку на картинѣ, каждый мазокъ. На конкурсахъ задавались всѣмъ строго классическія темы, въ родѣ «Пророка Іереміи», непремѣнно въ красномъ балахонѣ, съ крючковатымъ посохомъ, возсѣдающаго въ граціозной позѣ на камнѣ въ пустынѣ. Для личности художника не было мѣста. Какъ солдатъ въ строю сливается съ сѣрой массой шеренги, такъ и художники были только солдатами особаго «живописнаго» полка, которые обязаны были вразъ, по командѣ, взмахивать кистью и класть тона, въ указанныхъ мѣстахъ наводить тѣни, а прочее оставлять освѣщеннымъ. Темы обязательно давались высокія, «подлый» жанръ преслѣдовался, пейзажъ лишь терпѣли, да и то въ самой скудной дозѣ.

Такое состояніе искусства въ то время, когда кругомъ закипала новая жизнь, не могло продолжаться. Какъ ни загораживалась академія, жизнь вторгалась въ нее, и новыя требованія заявили о себѣ громко и властно. Въ серединѣ шестидесятыхъ годовъ лучшія силы академіи отказались отъ конкурса на заданную тему, потребовавъ, чтобы выборъ темы былъ предоставленъ каждому изъ конкуррентовъ. Академія не согласилась, и тринадцать лучшихъ ея учениковъ вышли, пожертвовавъ свободѣ искусств-

положеніемъ и тою матеріальною поддержкою, какую имъ оказывала академія. Впослѣдствіи эти тринадцать и составили ядро товарищества, идея котораго принадлежала Г. Г. Мясоѣдову, а осуществленіе — Н. Н. Ге.

Прошло двадцать пять лѣтъ, и передвижныя выставки неизмѣнно служатъ центромъ вниманія общества. Товарищество познакомило его съ искусствомъ, популяризировало послѣднее въ Россіи, сдѣлало доступнымъ для всѣхъ. Въ теченіе всего этого времени товарищество одерживало побѣду за побѣдой, создавъ настоящее русское искусство, оригинальное, сильное, чуждое условностей, свободное въ лучшемъ значеніи слова. Оно собрало въ своихъ рядахъ все, что есть лучшаго, имена Рѣпина, Крамского, Перова, Полѣнова, Верещагина, Маковскаго, Шишкина, Ярошенко, Куинджи, Сурикова, Прянишникова, Максимова, Волкова, Мясоѣдова, Ге, Савицкаго, Клодта, Архипова—такова блестящая плеяда «передвижниковъ», извѣстныхъ каждому грамотному въ Россіи. Ихъ картины собирали около себя толпы зрителей, служили предметомъ ожесточенныхъ споровъ, такъ какъ каждая вносила нѣчто новое, отвѣчала тому, что еще смутно назрѣвало въ глубинѣ сознанія общества. Ихъ укоряли въ тенденціозности, въ забвеніи «чистаго искусства», но не было упрека болѣе несправедливаго. Именно тенденціозности-то и не было. Всѣхъ «товарищей» объединялъ одинъ принципъ—свобода въ искусствѣ. Ничего дѣланнаго, бьющаго на эффектъ ради эффекта, одна лишь искренность, правда жизни,—и къ этой правдѣ товарищество пріучило публику, которую дѣйствительно надо было учить понимать искусство, различать въ немъ все условное, манерное, неестественное. Передвижники соединили мысль и форму, воплотивъ въ незабываемые образы то, что наполняло жизнь, заставляя зрителя продумать и прочувствовать смутныя ощущенія, которыя безъ искусства оставались бы еще долго смутными и неясными. Въ безподобныхъ жанрахъ запечатлѣлась окружающая жизнь, народные типы, сокровенныя чувства общества. Кто не помнитъ такихъ картинъ, какъ «Бурлаки» Рѣпина, его же «Крестный ходъ», «Не ждали», «Въ рядахъ» Прянишникова? Портреты Крамского и Рѣпина выясняли личность любимыхъ писателей, а историческія картины сдѣлали для пониманія исторіи не меньше, чѣмъ труды Соловьева и Костомарова.

Передвижныя выставки были настоящимъ торжествомъ искусства, куда публика шла, какъ на праздники, унося незабвенныя впечатлѣнія Эти выставки явились необходимымъ дополненіемъ литературы и театра, составляя съ ними одно стройное зданіе русскаго искусства, чуждаго подражательности и свободнаго отъ всякихъ предвзятыхъ теорій. Передвижники распространили и развили здоровые вкусы и по праву должны занять мѣсто на ряду съ учителями и создателями русской литературы. Устраивая выставки по всѣмъ городамъ, они познакомили провинцію съ живописью, сдѣлали ей доступнымъ то, что до нихъ было сокрыто въ стѣнахъ академіи и немногочисленныхъ картинныхъ галлерей. Въ полномъ смыслѣ слова они насадили и разсадили искусство въ Россіи,—заслуга, огромное значеніе которой трудно опредѣлить, такъ какъ развитіе эстетическихъ вкусовъ сказывается во всей жизни, въ общемъ культурномъ подъемѣ.

Въ послѣдніе годы передвижныя выставки уже не играютъ той роли, какъ прежде, и стоятъ въ уровень съ другими художественными выставками, выдѣляясь среди нихъ только ровностью, подборомъ произведеній. Нѣтъ на нихъ тѣхъ картинъ, кото-

рыя служили бы центромъ общаго вниманія, нѣтъ, какъ принято говорить, «гвоздей» выставки. Такъ и на выставкѣ текущаго сезона преобладаетъ именно ровный тонъ: слабыхъ, неудачныхъ вещей нѣтъ совсѣмъ, но не имѣется и ничего выдающагося, что можно бы поставить на одну доску съ лучшими произведеніями прежнихъ лѣтъ. Пейзажъ и жанръ подавляютъ остальное. Такое общее настроеніе, ровное, спокойное, притомъ характерное для всѣхъ выставокъ послѣдняго времени, указываетъ до нѣкоторой степени на нѣчто установившееся, прочное, въ то же время на нѣкоторый застой въ искусствѣ, которое, достигнувъ высокой степени совершенства, какъ бы замерло и пріостановилось въ развитіи, именно въ тотъ моментъ, когда оно въ особомъ фаворѣ, когда его со всѣхъ сторонъ поощряютъ и всѣ признаютъ. Съ прекращеніемъ борьбы, которую раньше приходилось вести передвижникамъ, у нихъ какъ бы изсякли силы. Это замѣчательное явленіе наблюдается теперь не только въ живописи, но и въ литературѣ, и въ театрѣ. Источникъ живой воды, изъ котораго черпало до сихъ поръ русское творчество, словно истощился, хотя въ то же время никогда еще не было такого обилія произведеній. Сразу открывается по нѣсколько выставокъ, дающихъ больше тысячи большихъ и малыхъ полотенъ, и въ общемъ все производитъ хорошее впечатлѣніе, на всемъ лежитъ печать таланта, за рѣдкими исключеніями. И тѣмъ не менѣе, нѣтъ силы, той творческой силы, которая покоряетъ и увлекаетъ. Обойдя всѣ выставки, вы не уносите ничего новаго, свѣжаго, не сдѣлаете новаго пріобрѣтенія въ сокровищницу вашего духа, что запечатлѣлось бы въ душѣ навсегда, оставило бы въ умѣ неизгладимый слѣдъ, что тянуло бы къ себѣ, заставляло бы возвращаться и снова продумывать впечатлѣніе. Современныя выставки можно сравнить съ современной литературой.

Въ искусствѣ и въ литературѣ мы достигли «плоскогорія». Этимъ удачнымъ словомъ г-жа Гуревичъ охарактеризовала въ своемъ романѣ, печатающемся въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ», то душевное настроеніе, которое испытываетъ человѣкъ въ періодъ остановки духовнаго развитія, когда за годами непрерывнаго подъема наступаетъ время равновѣсія силъ. Все казалось, что подъемъ безконеченъ, что съ каждымъ шагомъ будутъ открываться новые горизонты, новые виды, и вдругъ человѣкъ замѣчаетъ, что начинаются повторенія, впереди—ровная, однообразная гладь. Онъ поднялся на плоскогорье, нѣкоторое время продолжаетъ идти по немъ, а затѣмъ его ожидаетъ неизбѣжный спускъ. Такъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ завершается циклъ развитія личности. Но не такова судьба общества, если въ немъ еще есть живыя силы, совершенствованіе и развитіе которыхъ не можетъ кончаться въ тотъ или иной періодъ. За временнымъ плоскогорьемъ ихъ ждетъ новый подъемъ, хотя плоскогорье можетъ тянуться и очень долго, пока новый общественный порывъ не разсѣетъ этого настроенія томящаго покоя. Въ вѣчной борьбѣ силъ и общественныхъ интересовъ тоже бываютъ минуты равновѣсія, когда борющіяся силы словно пріостанавливаются въ раздумьи. Это не усталость, такъ какъ общественная жизнь ея не знаетъ, а скорѣе, временная неувѣренность въ путяхъ и цѣляхъ, лишь смутно вырисовывающихся вдали.

А пока — пока скучненько брести по плоскогорью, и, странствуя съ выставки на выставку, испытываешь такое же впечатлѣніе, какъ въ обществѣ хорошихъ знакомыхъ, гдѣ каждый отлично знаетъ другого и можетъ напередъ сказать, что думаетъ такой-

то о томъ или иномъ событіи, что онъ скажетъ и какъ. На выставкѣ передвижниковъ это особенно ощущается. Пейзажи г. Волкова, пейзажи г. Дубовскаго, «Осеннее утро», «Весеннее утро», утро во всѣхъ видахъ. Зима и весна, осень и лѣто, лѣсъ Шишкина, лѣсъ сосновый, лѣсъ просто, — словомъ, природы хоть отбавляй, и природы, прекрасно прочувствованной и продуманной. Только ужъ двадцать лѣтъ мы все это видимъ и аппробуемъ. Можно съ полнѣйшей достовѣрностью сказать, что въ теченіе этого времени русская природа не измѣнилась. Далѣе идутъ жанры, какихъ на каждой выставкѣ дюжинами считаютъ, и жанры все одинъ другого лучше. «Учительница», сидящая на постояломъ дворѣ въ ожиданіи лошадей, и, конечно, она пребываетъ въ задумчивости предъ ожидающей ее «работой на нивѣ народной». «Вечеръ» г. Маковскаго, изображающій «кружокъ» молодежи, слушающей декламацію молодой дѣвушки. Здѣсь все, какъ по писанному: сѣдой интеллигентъ, погруженный въ сладкія воспоминанія о дняхъ былыхъ; юный хохломанъ, въ широчайшихъ шароварахъ, восторженный и пылкій—несомнѣнно, будущій земскій начальникъ; медикъ-студентъ, весьма положительный и стойкій въ «убѣжденіяхъ»; декламаторша—увлекающаяся дѣвица, и читаетъ она, навѣрное, изъ Надсона: «Братъ мой, усталый и страждущій братъ!» Картинка, словомъ, хоть куда, а если всѣ эти фигуры отдаютъ шаблономъ, такъ это не вина художника (г. Маковскаго), который съ младыхъ ногтей привыкъ къ такой молодежи, а, пожалуй, иной и не видѣлъ. Эта картина очень характерна для всей выставки. Что было когда-то свѣжо и ново,—превратилось теперъ въ шаблонъ, всѣмъ понятный и доступный и радующій сердца зрителей, пожалуй, именно благодаря шаблонности. Совершенно въ томъ же духѣ и остальные жанры, всѣ эти— «Больной учитель», «Въ преддверьи суда», «Волжскіе типы» и проч. Какъ пейзажисты, въ родѣ г. Шишкина, застыли на одномъ и томъ же лѣсѣ, утрѣ, осени и веснѣ, такъ жанристы изъ году въ годъ повторяютъ теперь выработанные и изученные ими типы, не дѣлая ни малѣйшихъ попытокъ дать что-либо новое. Они упустили изъ виду одно—общественное настроеніе, которому отвѣчали прежде и ихъ «молодежь», и ихъ «учительницы», и шишкинскіе лѣса, и клодтовское солнце («на вѣткѣ дремлющее»), — уже прошло, и что прежде вызывало бурю восторговъ и слезы умиленія, теперь проходится равнодушнымъ молчаніемъ.

Единственное новое, скорѣе—намекъ на него, встрѣчается на картинахъ г. Нестерова, но и оно такого рода, который вызываетъ на грустныя размышленія. Художникъ, безспорно, проявилъ извѣстную чуткость, уловивъ въ общемъ настроеніи времени мистическій оттѣнокъ. Онъ силится передать его, вотъ уже третій годъ выставляя картины изъ жизни Сергія Радонежскаго и отшельнической жизни вообще. Повторяемъ, этой чуткости можно бы только радоваться, если бы силы художника ей отвѣчали, но послѣдняго условія именно и недостаетъ г. Нестерову. Картины его поражаютъ намѣренной неправильностью рисунка и сѣрыми, можно сказать, затхлыми, полинявшими красками. Онѣ напоминаютъ что-то залежавшееся, выцвѣтшее и безкровное. Отсутствіе перспективы дѣлаетъ его картины плоскими, безъ рельефа, а фигуры безжизненными, какъ будто это дѣтская проба пера. Художникъ, повидимому, такимъ упрощеннымъ способомъ думаетъ достигнуть наивной простоты въ передачѣ сюжета, какъ она сказывается въ самой легендѣ, но вмѣсто простоты и наивности получается сугубая вычурность и на-

рочитая манерность. На выставкѣ есть его двѣ картины. Одна «На горахъ», изображающуя какую-то безплотную женскую фигуру, что-то созерцающую, такъ какъ нельзя понять, что̀ такое предъ нами: какое-то поле, замазанное зеленой краской, среди которой проведены сѣрыя полосы. Фигура написана такъ, что зрителю кажется, будто она падаетъ на него, а судя по выраженію лица, падающая собирается не то плакать, не то выкликать. Другая картина изображаетъ три сцены изъ жизни св. Сергѣя, но, благодаря указаннымъ недостаткамъ, въ нихъ нѣтъ и слѣда высокаго духовнаго настроенія, какое мы въ правѣ требовать отъ изображенія святителя, и всѣ три сцены—просто плохія иллюстраціи къ тексту.

О другихъ двухъ выставкахъ многаго не скажешь. Выставка новаго товарищества, въ противоположность передвижникамъ, въ общемъ ниже посредственности. Бѣдность содержанія граничитъ здѣсь съ отсутствіемъ фантазіи. Преобладаетъ декоративная живопись, представляющая разные виды Москвы во время коронаціи, но гораздо хуже тѣхъ иллюстрацій, которыми въ свое время мы могли любоваться въ нашихъ лучшихъ иллюстрированныхъ журналахъ. Есть два большихъ полотна,—одно на текстъ изъ писанія: «Господи, прости имъ, не вѣдаютъ бо, что творятъ», другое—«Защита Малахова кургана». Первая картина—грубая, аляповатая мазня, а вторая ничего не изображаетъ. Художникъ понялъ это самъ и догадался снабдить свое дѣтище длиннымъ печатнымъ листкомъ, приклееннымъ сбоку, повѣствующимъ, что его холстъ долженъ изображать храбрость русскаго солдата; слѣдуетъ длиннѣйшая выписка изъ сочиненія генерала Богдановича. Признаемся, такой пріемъ на художественныхъ выставкахъ попадается намъ впервые. Мы привыкли видѣть разсказы и романы, иллюстрируемые картинками, но картина, поясняемая текстомъ изъ ученаго сочиненія,—это новинка, и нельзя сказать, чтобы она заслуживала подражанія. Вся эта выставка производитъ такое впечатлѣніе, какъ будто это отбросъ передвижной, строгое жюри которой не пожелало портить общаго ровнаго тона своей выставки сотней плохихъ, ученическихъ вещей.

Академическая несравненно выше по искусству, техникѣ и содержанію, но она обладаетъ однимъ крайне существеннымъ недостаткомъ: огромное большинство экспонентовъ—всѣ на одно лицо. Индивидуальности не видно, а въ искусствѣ—личность художника все. Тутъ можетъ быть, что угодно,—прекрасная техника, содержаніе, мысль, но если не видно художника, нѣтъ художественнаго произведенія. Поэтому-то, безъ всякаго интереса пробѣгаются картины многочисленныхъ представителей академіи —г.г. Голынскаго, Невѣдомскаго, Попова, Ѳедорова, Тихомирова, Шестеркина, Борисова и еще дюжины—другой столь же мало говорящихъ уму и сердцу именъ, съ однимъ на всѣхъ обличіемъ: чисто, гладко, старательно, подчасъ слишкомъ отдѣлано, но вяло, сухо и безжизненно.

Гвоздемъ академической выставки служитъ картина г. Саксена «Finale» («Крейцерова соната гр. Л. Толстого»). Она привлекаетъ общее вниманіе, но лишь этимъ поясненіемъ, такъ какъ въ результатѣ получается не менѣе общее разочарованіе. Толстовскаго въ картинѣ ничего или очень мало, даже лица совсѣмъ не русскія, не говоря уже о странной обстановкѣ, какъ будто позаимствованной изъ отдѣльнаго кабинета моднаго ресторана, но не имѣющей ничего семейнаго, ничего, о чемъ читаемъ въ произведеніи Толстого. Можно бы примириться съ этими внѣшними недостатками, если бы они окупались внутренними достоинствами, если бы картина пере-

давала сущность трагедіи, описаніе которой у Толстого вызываетъ дрожь ужаса. Но этого-то и недостаетъ картинѣ. Въ позахъ, лицахъ, во взаимныхъ положеніяхъ фигуръ есть что-то почти комическое,—въ томъ, какъ жена Позднышева подымается изъ за стола съ видомъ любезной хозяйки, на встрѣчу запоздавшему гостю, въ поворотѣ Трухачевскаго, словно досадующаго на неожиданный перерывъ, наконецъ, въ движеніи Позднышева, не то раскланивающагося съ извиненіемъ, не то собирающагося держать рѣчь. Здѣсь нѣтъ трагедіи, а просто небольшой обоюдный переполохъ. Художникъ не вдумался въ тему, не прочувствовалъ ея, не возсоздалъ въ душѣ лицъ, драму которыхъ взялся изобразить, и зритель уходитъ расхоложенный, досадуя на испорченное впечатлѣніе, которое врѣзалось въ его душу послѣ чтенія «Крейцеровой сонаты».

Пріятную особенность академической выставки составляетъ сравнительно богатый отдѣлъ скульптуры, которой у передвижниковъ нѣтъ почти совсѣмъ. Хороши по тонкости работы и изяществу, живости въ поворотѣ головы, бюсты работы г. Антокольскаго. Г. Беклемишевъ далъ очень эффектную «Снѣгурочку»: дѣвушка, въ зимней шубкѣ, чутко прислушивается къ чему-то, идущему сверху. Такъ и кажется, что Снѣгурочка сейчасъ сойдетъ съ пьедестала и растаетъ въ воздухѣ,—такъ легка и воздушна ея граціозная фигура. Прекрасна также «Маленькая Ева» г. Мадейскаго, эта миніатюрная дѣвочка, лѣтъ двухъ, голенькая и сверкающая, съ лукавымъ выраженіемъ поглядывающая, кому отдать яблоко, которое она прячетъ за спиной. «Холстомѣръ» г-жи Ковалевской даетъ превосходную сцену изъ міра животныхъ, въ видѣ группы лошадей, съ любопытствомъ собравшихся около худого, тощаго «холстомѣра», съ подгибающимися ногами и тонкой, полной выраженія, грустной и усталой мордой. «Схватка» казака съ текинцемъ г. Обера хорошо передаетъ налетъ лошадей и удивительной силы размахъ всадниковъ. «Жалоба дѣвушки», статуя во весь ростъ г. Вейнцберга представляетъ красивую, погруженную въ грустныя мечты дѣвушку, жалующуюся на неудовлетворенность жизни.

Не перечисляя другихъ произведеній, среди которыхъ много интересныхъ и прямо-таки прекрасныхъ вещей, нужно признать, что скульптурный отдѣлъ на академической выставкѣ показываетъ, что русская скульптура дѣлаетъ большіе успѣхи и не уступаетъ талантами живописи. Легкость, изящество формъ, тонкая отдѣлка, красота замысла—останавливаютъ зрителя на каждомъ шагу.

Въ русской литературѣ о деревнѣ «Письма» Энгельгардта стоятъ наравнѣ съ произведеніями Гл. Успенскаго, и въ 70-е годы, когда они печатались въ «Отечественныхъ Запискахъ», вліяніе ихъ, пожалуй, было даже больше. Ими не только зачитывались,—ихъ изучали и вели по поводу ихъ безконечные дебаты, на какіе способна только русская бездѣятельная интеллигенція. Они вызвали въ концѣ концовъ особое, правда, слабое движеніе въ деревню «тонконогихъ», какъ прозвалъ самъ Энгельгардтъ являвшихся къ нему учиться интеллигентныхъ работниковъ.

Чѣмъ же былъ вызванъ этотъ огромный эффектъ писемъ? Помимо условій времени, сильно способствовавшихъ всякимъ народническимъ ученіямъ, объясненія надо искать въ самихъ «Письмахъ». И теперь они производятъ удивительно свѣжее, обаятельное впечатлѣніе непосредственной художественностью описанія деревенскаго быта, правдой и искренностью, которыми проникнуты картины природы,

жизни, типы работниковъ, характеристики животныхъ. Можно представить, какое впечатлѣніе должны были производить такія письма, переносившія читателя въ деревню, въ то время, когда мятущаяся душа этого читателя искала откровеній въ произведеніяхъ гг. Златовратскаго или Засодимскаго. Казалось, сама деревня раскрывалась на страницахъ «Отеч. Записокъ», ничѣмъ не прикрашенная и подкупающая этой правдивостью. Письма подготовили появленіе «Власти земли» Успенскаго, и затѣмъ, вмѣстѣ съ этимъ наиболѣе выдержаннымъ и законченнымъ произведеніемъ послѣдняго, создали народническое настроеніе, придали ему стойкую, опредѣленную форму и дали надолго пищу и содержаніе.

Энгельгардтъ прежде всего большой художникъ, и деревня влечетъ его оригинальностью своего уклада жизни, самобытностью и неподдѣльностью. Какова она есть, такова и есть. Она не рядится въ чужое, не лжетъ, не представляется. Вся ея первобытная правда наружу, что и захватываетъ цѣликомъ душу художника Энгельгардта. Онъ ничего не критикуетъ и все воспринимаетъ такимъ, каково въ дѣйствительности, воспринимаетъ и радуется каждому новому открытію, какъ своего рода Колумбъ, еще далекій отъ мысли о важности этихъ открытій. Онъ самъ становится простъ сердцемъ и наивенъ, какъ и міръ, куда онъ вступаетъ, что и придаетъ его первымъ письмамъ такую чарующую прелесть. Отъ нихъ и теперь, спустя двадцать лѣтъ, вѣетъ свѣжестью полей, запахомъ березы, курящагося овина, скотнаго двора, свѣжераспаханной нивы. Когда онъ описываетъ почти животное ощущеніе весенней теплоты, испытываемое имъ послѣ долгой, суровой зимы, вы вмѣстѣ съ нимъ, съ его коровами и телятами, переживаете тоже ощущеніе довольства и вновь возрождающейся жизни («Письмо» первое). Тутъ же, рядомъ, онъ рисуетъ единственную въ своемъ родѣ картину хожденія «въ кусочки», и вы, какъ и авторъ, воспринимаете эту бытовую черту безъ возмущенія, какъ нѣчто вполнѣ умѣстное и столь же присущее деревнѣ, какъ и эта весна со всей ея жизнерадостностью. Міръ животныхъ у него цѣликомъ сливается съ міромъ людей, и васъ, какъ и автора, нисколько не поражаетъ такое сліяніе. Такъ оно есть, такъ надо и быть. По художественности изображенія животныя у него даже лучше и ярче выходятъ. Напр., удивительно написанная исторія собаки Лыски и ея плачевный конецъ.

Постепенно авторъ все больше и больше вникаетъ въ этотъ міръ зоологическихъ существованій, и тутъ-то въ немъ происходитъ перемѣна. Изъ художника-бытописателя онъ превращается въ проповѣдника. Прежде всего онъ раздражается всякимъ отголоскомъ иной жизни, долетающимъ до него. «Политика?—но позвольте спросить, какое намъ здѣсь дѣло до того, кто императоръ во Франціи: Тьеръ, Наполеонъ или Бисмаркъ?» Это замѣчаніе онъ бросаетъ мимоходомъ во второмъ письмѣ и немедленно погружается въ хозяйственные разсчеты и соображенія. Такая отчужденность все усиливается, и даже русско-турецкая война интересуетъ его съ точки зрѣнія потери нужныхъ работниковъ. Правда, онъ отмѣчаетъ съ презрѣніемъ неурядицу, царившую во время войны, хвастливо повторяетъ вмѣстѣ съ крестьянами фразы насчетъ «Костиполя», мощности русскаго народа и т. п. Въ письмахъ этого времени, какъ и всегда, много вѣрныхъ замѣчаній, художественныхъ наблюденій, но читателя уже начинаетъ поражать отчужденность Энгельгардта отъ міра культурнаго и его интересовъ, нарочитое забвеніе связей, между ними существующихъ. Деревня, хозяйство—

тутъ все, а остальное хотя бы и не существовало. Но вотъ въ слѣдующемъ письмѣ мы находимъ и разгадку. Здѣсь Энгельгардтъ уже «прозрѣлъ», и проповѣдь его загремѣла во всю. Правда жизни только «въ землѣ», и къ ней онъ зоветъ «имѣющихъ уши, чтобы слышать, и глаза, чтобы видѣть». «Моему сыну,— властно заявляетъ онъ въ письмѣ VIII-мъ,—когда онъ войдетъ въ силу, окончитъ ученіе и спроситъ меня: что дѣлать?—Я укажу на пашущаго мужика и скажу: «вотъ что—иди и паши землю, зарабатывай собственными руками хлѣбъ свой. Если найдешь другого, который пришелъ къ тѣмъ же убѣжденіямъ, соединись съ нимъ, потому что двое, работая вмѣстѣ сообща, сдѣлаютъ больше, чѣмъ работая каждый въ одиночку, найдешь третьяго—еще того лучше» (стр. 361).

Съ этого момента, письмо написано въ 1879 году, Энгельгардтъ-проповѣдникъ вытѣсняетъ художника, и если изрѣдка послѣдній и показывается, то лишь вноситъ диссонансъ своими картинами, о чемъ скажемъ ниже. Основная мысль Энгельгардта— «повинность труда», мозольнаго, мужицкаго труда для всѣхъ. «Нужна *медицинская* помощь народу. Такая, какую устраиваетъ земство, недостаточна. Доктора-баре не могутъ удовлетворить и стоятъ дорого. Народъ обращается къ своимъ знахарямъ, которые тѣ же мужики-земледѣльцы. Я желалъ бы, чтобы на мѣсто мужика-знахаря былъ мужикъ-докторъ, занимающійся земледѣліемъ и въ то же время подающій медицинскую помощь въ округѣ, т. е. чтобы былъ знахарь интеллигентный, учившійся и въ то же время земледѣлецъ. Нужны *ветеринары*. Есть мужики коновалы-земледѣльцы. Желаю, чтобы эти коновалы были интеллигентные, учившіеся люди, а не сидящіе по городамъ чиновники-ветеринары. Нужны *учителя*. Желаю, чтобы были учителя-земледѣльцы, которые работали бы свою землю, и зимою, когда свободно, учили ребятъ своей деревни. Мы видимъ и теперь, что *попы*, напр., исполняютъ требы и въ то же занимаются земледѣліемъ—пашутъ, сѣютъ, косятъ. Послѣднее время попы стали барствовать, менѣе занимаются земледѣліемъ, молодые попы часто вовсе не умѣютъ работать, дѣти ихъ держатъ себя паничами. Это худо, по-моему. Лучше было, когда попъ былъ, какъ прежде, земледѣльцемъ и пріучалъ къ тому же дѣтей. Я хочу, чтобы въ массѣ земледѣльцевъ были работающіе лично интеллигентные люди, научно развитые, которые прилагали бы науку къ практикѣ, изыскивали бы способы увеличить производительность земли, т. е. чтобы были *интеллигентные мужики, земледѣльцы-агрономы*. Нужно, чтобы были *мужики-техники*, *мужики-инженеры*, *мужики-архитекторы*, т. е. интеллигентные дѣятели, умѣющіе работать, какъ мужики». Словомъ, ни болѣе, ни менѣе, какъ мужицкое царство.

И такъ велико было обаяніе Энгельгардта, что, не смотря на всю дикую наивность этихъ плановъ, явились «тонконогіе», пожелавшіе осуществить ихъ въ дѣйствительности. Незнаніе послѣдней, полное непониманіе условій жизни и дѣвственная вѣра въ силу «критически-мыслящей личности»—таковы причины, сдѣлавшія возможнымъ возникновеніе колоній «тонконогихъ», какъ прозвали заправскіе мужики интеллигентовъ-пахарей. Жизнь, конечно, не замедлила опрокинуть, какъ карточный домикъ, всѣ попытки устройства подобныхъ колоній. Въ приложенной къ третьему изданію «Писемъ» біографіи Энгельгардта разсказана трогательная исторія нѣкоего Зота и гибель его пріятеля Виктора, которые на практикѣ провели идею Энгель-

гардта. Но, хотя все это и поучительно и интересно, здѣсь мы не станемъ останавливаться на этомъ вводномъ эпизодѣ въ дѣятельности автора.

Вторая половина писемъ проникнута этимъ проповѣдничествомъ, призывомъ «къ землѣ», и потому не имѣетъ значенія въ глазахъ современнаго читателя, для котораго все это «старина и преданіе». Но нѣкоторыя положенія Энгельгардта, выработанныя имъ подъ вліяніемъ тогдашняго настроенія, неожиданно получили интересы теперь, благодаря совершенно особому обстоятельству. Ихъ мы встрѣчаемъ теперь въ новѣйшемъ ученомъ трудѣ «Вліяніе урожаевъ и хлѣбныхъ цѣнъ на нѣкоторыя стороны русскаго народнаго хозяйства».

Въ письмѣ IX, писанномъ въ 1880 году, Энгельгардтъ предвосхитилъ выводы, къ которымъ пришли совокупными усиліями статистики, подъ руководствомъ проф. Чупрова и Посникова. Рѣчь здѣсь идетъ о цѣнахъ на хлѣбъ, и то, что говоритъ Энгельгардтъ, вполнѣ совпадаетъ съ тѣмъ, къ чему пришли упомянутые ученые. «Мы-то, интеллигентные люди, радуемся, что хлѣбъ дорогъ. Посмотрите, что было послѣдніе годы. Третьяго года урожай былъ у насъ хорошій, въ степи хлѣбъ родился хорошо, хлѣба было много и цѣна на него была невысокая, даже весною прошлаго года хлѣбъ былъ еще дешевъ. Былъ дешевъ хлѣбъ, скотъ былъ дорогъ, дорогъ былъ мужикъ, дорогъ былъ его лѣтній трудъ. *Урожай—хлѣбъ дешевъ, говядина дорога, мужикъ дорогъ, благоденствуетъ*... Всѣ радовались, что у нѣмца неурожай, что требованіе на хлѣбъ большое, что цѣны на хлѣбъ растутъ, что хлѣбъ дорогъ. Да, радовались, что *хлѣбъ дорогъ*, радовались, что дорогъ такой продуктъ, который потребляется всѣми, безъ котораго никому жить нельзя. Но какъ только поднялась цѣна на мясо, на чиновничій харчъ, посмотрите, какъ всѣ возопили. Оно и понятно, своя рубашка къ тѣлу ближе. Радуются, когда дорогъ хлѣбъ, продуктъ, потребляемый всѣми, печалуются, когда дорого мясо, продуктъ, потребляемый лишь немногими. А между тѣмъ, *дешевъ хлѣбъ—дорого мясо, дорогъ трудъ—мужикъ благоденствуетъ*. Напротивъ, *дорогъ хлѣбъ—дешево мясо, дешевъ трудъ—мужикъ бѣдствуетъ*» (стр. 493, 502).

Въ трудѣ ученыхъ авторовъ упомянутаго выше труда тѣ же положенія выражены не въ такой энергичной формѣ, но почти тѣми же словами. Въ «Введеніи» проф. Чупровъ и Посниковъ говорятъ:

«Изученіе комбинированнаго вліянія урожаевъ и цѣнъ хлѣба приводятъ къ заключенію:

«1. Что повышеніе урожаевъ отражается благопріятно на крестьянскихъ бюджетахъ при всякомъ уровнѣ хлѣбныхъ цѣнъ, такъ какъ, при увеличеніи урожая, бюджеты будутъ сведены съ остатками.

«2. При пониженіи урожаевъ получаются въ бюджетахъ безусловно неблагопріятные результаты. Понижается ли урожайность при неизмѣняемости цѣнъ на хлѣбъ, или параллельно съ послѣдними, или же при увеличеніи ихъ,—въ результатѣ бюджетнаго баланса одинаково оказывается недочетъ; однако, при паденіи цѣнъ на хлѣбъ дефицитъ получается въ меньшемъ размѣрѣ, чѣмъ при неизмѣняемости ихъ, а въ этомъ послѣднемъ случаѣ — въ меньшемъ, чѣмъ при повышеніи цѣнъ. Стало быть, при пониженныхъ урожаяхъ низкія цѣны на хлѣбъ оказываются благопріятнѣе, чѣмъ цѣны высокія.

«3. Измѣненія цѣнъ на хлѣбъ, при неизмѣнности урожаевъ, отражаются на бюджетахъ гораздо слабѣе, при чемъ на бюджеты съ остатками вы-

сокія цѣны дѣйствуютъ выгодно, а низкія невыгодно; на бюджеты же съ дефицитами, наоборотъ, высокія хлѣбныя цѣны вліяютъ въ неблагопріятномъ, а низкія въ благопріятномъ смыслѣ. Такъ какъ при обычныхъ среднихъ условіяхъ крестьянскіе бюджеты характеризуются самымъ незначительнымъ остаткомъ и такъ какъ сѣверная часть Россіи, преимущественно сѣверныя, сѣверо-западныя и западныя губерніи, потребляютъ немалую долю покупного хлѣба, то наиболѣе выгодною комбинаціею для крестьянскихъ бюджетовъ вообще оказываются высокіе урожаи и низкія цѣны на хлѣбъ. Годы съ такимъ сочетаніемъ урожаевъ и хлѣбныхъ извѣстны подъ именемъ «крестьянскихъ» годовъ и характеризуются широкимъ удовлетвореніемъ семейныхъ потребностей и хозяйственныхъ нуждъ сельскаго населенія» (стр. XIII—XIV).

Это удивительное совпаденіе положеній Энгельгардта и ученыхъ финансистовъ показываетъ, какъ прочно вошли въ обиходъ мысли народническаго направленія нѣкоторые выводы Энгельгардта. Еще при своемъ появленіи эти выводы встрѣчали возраженія противъ слишкомъ общей постановки, хотя въ его время не было хроническаго паденія цѣнъ, и во всякомъ случаѣ онѣ не спускались до такого низкаго уровня, какъ теперь. Прошло съ тѣхъ поръ 15 лѣтъ, въ теченіе которыхъ перемѣны въ хозяйствѣ и на рынкѣ произошли очень крупныя, и политика, которой съ такимъ презрѣніемъ чуждается Энгельгардтъ, властнымъ образомъ отразилась на хозяйствѣ самыхъ отдаленныхъ уголковъ. Только въ области народническихъ упованій ничто не измѣнилось, и русская дѣйствительность современнымъ союзникамъ Энгельгардта представляется все тою же, что и ему. Мы не раздѣляемъ, поэтому, тѣхъ ожесточенныхъ нападокъ, которымъ подверглись нѣкоторые изъ участниковъ труда *о вліяніи урожаевъ и низкихъ цѣнъ на народное хозяйство*. Они ничему не измѣнили и говорятъ лишь то, что говорили въ продолженіи всей жизни. Они только одного не замѣтили,—но въ этомъ они не виноваты,—что *жизнь* отъ нихъ *ушла*, какъ ушла отъ Энгельгардта, и развѣяла его мечты объ интеллигентныхъ пахаряхъ, а его совѣтъ сыну «иди и паши» превратила въ горькую насмѣшку...

Энгельгардтовской теоріи *дешеваго* хлѣба, при которомъ мужикъ *благоденствуетъ*, смертельный ударъ наносятъ его же письма. Въ слѣдующемъ письмѣ, озаглавленномъ «Счастливый уголокъ», онъ рисуетъ это благоденствіе, подкупившее и ученыхъ экономистовъ. Вотъ какимъ представлено житье-бытье благоденствующаго мужика, счастливаго обладаніемъ дешеваго хлѣба. «Если кто-нибудь, незнакомый съ мужикомъ и деревней, вдругъ будетъ перенесенъ изъ Петербурга въ избу крестьянина «Счастливаго уголка», и не то, чтобы въ избу средственнаго крестьянина, а даже въ избу «богача», то онъ будетъ пораженъ всей обстановкой и придетъ въ ужасъ отъ бѣдственнаго положенія этого «богача». Темная, съ закоптѣлыми стѣнами (потому что свѣтится лучиной) изба. Тяжелый воздухъ, потому что печь закрыта рано и въ ней стоитъ варево, сѣрыя щи съ саломъ и крупникъ, либо картошка. Подъ нарами у печки теленокъ, ягнята, поросенокъ, отъ которыхъ идетъ духъ. Дѣти въ грязныхъ рубашонкахъ, босикомъ, безъ штановъ, смрадная люлька на зыбкѣ, полное отсутствіе комфорта, характеризующаго даже самаго бѣднаго интеллигентнаго человѣка». Таково благоденствіе, къ которому авторъ считаетъ необходимымъ добавить, что «въ нашихъ мѣстахъ крестьянинъ считается богачомъ, когда у него хватаетъ *своего*

хлѣба до нови», а такъ какъ, поясняетъ онъ ниже, такихъ счастливцевъ немного, то большинству, для поддержанія своего «благоденствія», приходится уже около Рождества покупать хлѣбъ подъ работу по *любой* цѣнѣ. Мало того, осенью приходится продавать свой хлѣбъ тоже по *любой* цѣнѣ, чтобы сколотить нужную сумму денегъ на уплату податей и домашнія потребности. Въ концѣ концовъ вопросъ о цѣнахъ для «Счастливаго уголка» поворачивается все одной лишь темной стороной: осенью *продать* дешево, чтобы весною *купить* дорого. Упомянутые экономисты вводятъ въ формулу Энгельгардта, какъ компенсацію, хорошій урожай, противъ чего нельзя возражать, ибо,— какъ говоритъ проф. Исаевъ въ статьѣ въ «Хозяинѣ», «По поводу новаго ученаго труда минист. финанс.», — «доказывать желательность для страны хорошаго урожая столь же нужно, какъ доказывать желательность здоровья или добрыхъ нравовъ. При обильномъ урожаѣ, независимо отъ цѣнъ, отдѣльныя группы сельскихъ хозяевъ могутъ испытывать неудобства, вся же экономія народа выигрываетъ» («Хозяинъ», № 10, стр. 338). Самъ Энгельгардтъ, въ одномъ изъ первыхъ писемъ, гдѣ онъ еще выступаетъ въ роли художника, заявляетъ отъ имени «Счастливаго уголка» по поводу хорошаго урожая: «Плохо. И урожай, а все-таки поправиться бѣдняку врядъ ли. Работа подешевѣла, особенно сдѣльная, напр., пилка дровъ, потому что нечѣмъ платить — заставляйся въ работу. На скотъ никакой цѣны нѣтъ, за говядину полтора рубля за пудъ не даютъ. Весною (т.-е. послѣ хорошаго урожая и низкихъ цѣнъ) бились, бились, чтобы какъ-нибудь прокормить скотину, а теперь за нее менѣе даютъ, сколько чѣмъ ее стоило прокормить прошедшей весной. Плохо. Неурожай — плохо, урожай — тоже плохо» (стр. 164, писано въ 1872 г.).

Письма Энгельгардта доведены до 1887 г., и послѣднее заканчивается замѣчаніемъ, имѣющимъ непосредственное отношеніе къ современному вопросу о значеніи цѣнъ: «Урожай ржи великолѣпный. Ячмень, овесъ, конопля, ленъ, кто сѣялъ, уродилась на славу—урожай небывалый. Ликуй, земледѣлецъ! Одно только плохо — заработковъ никакихъ опять нынче нѣтъ! Нѣтъ заработковъ, нѣтъ денегъ, а деньги требуютъ во всѣ концы, благо начальство знаетъ, что годъ нынче урожайный. А денегъ нѣтъ».. (стр. 652). Оказывается,— что, впрочемъ, можно было и напередъ сказать, — деньги составляли жгучую потребность и въ 1872 г., и въ 1887, хотя въ 1897 г. ученые экономисты народническаго толка и продолжаютъ утверждать, что «отличительныя особенности (нашего) отечественнаго хозяйства и быта, сравнительно съ западно-европейскими странами, заключаются, между прочимъ, въ господствѣ строя натуральнаго хозяйства, въ преобладаніи, какъ по числу, такъ и по общей площади владѣемой земли, того крестьянскаго населенія, которое не можетъ отчуждать на рынокъ производимаго имъ хлѣба, но само же является его потребителемъ». Въ приведенномъ заключительномъ замѣчаньи Энгельгардта чувствуется уже смутное пониманіе того незыблемаго нынѣ факта, что хлѣбъ въ Россіи давно уже пересталъ быть только «продуктомъ», радующимъ своимъ изобиліемъ сердце земледѣльца, который его посѣялъ, собралъ и самъ съѣлъ, а сталъ *товаромъ*, обиліе котораго мало радуетъ производителя, если нѣтъ на этотъ товаръ спроса и цѣны такъ низки, что не окупаютъ стоимости производства.

Подъ конецъ своей плодотворной жизни Энгельгардтъ вполнѣ понялъ

и усвоилъ эту мысль. Онъ уже не мечталъ объ общинѣ земледѣльцевъ-интеллигентовъ, которыхъ онъ спалъ и видѣлъ въ концѣ 70-ыхъ годовъ. Въ Энгельгардтѣ крѣпко сидѣлъ, въ сущности, человѣкъ практикъ, дѣлецъ, чувствующій потребности минуты. Онъ могъ на время увлечься общимъ настроеніемъ, отчасти имъ же созданнымъ, могъ возмечтать о возможности творить въ своей земледѣльческой лабораторіи особыхъ гомункуловъ — интеллигентовъ-пахарей, какъ нѣкогда въ своей химической лабораторіи создавалъ новыя вещества. Но къ жизни онъ относился чутко и осторожно, и первый изъ хозяевъ-теоретиковъ понялъ, что хлѣбъ—товаръ и подлежитъ всѣмъ законамъ рынка. Отсюда его дѣйствительно страстное, практическое увлеченіе фосфоритами, на что онъ убилъ всю энергію послѣднихъ годовъ. Удешевить производство хлѣба, усилить его и такимъ путемъ компенсировать паденіе цѣнъ, начавшееся при жизни его, такова задача «фосфоритнаго движенія», созданнаго Энгельгардтомъ въ концѣ его жизни. Этимъ движеніемъ онъ увлекался десять лѣтъ, и здѣсь создалъ нѣчто существенное и положительное, что пережило его, какъ и всякое живое дѣло, выдвинутое жизнью, а не сладкими мечтами сердца.

«Письма изъ деревни» тоже надолго переживутъ автора, какъ художественное произведеніе, рисующее жизнь деревни ярко и правдиво. Изъ народнической литературы, пожалуй, только и останутся они да произведенія Гл. Успенскаго. Оба они, Успенскій и Энгельгардтъ, художники-публицисты, представляющіе блестящій примѣръ раздвоенія личности. Художникъ въ каждомъ изъ нихъ побѣдоносно ниспровергаетъ публициста, хотя послѣдній какъ бы руководитъ первымъ. Публицистъ-Энгельгардтъ шумитъ и съ пѣной у рта доказываетъ, что «дешевъ хлѣбъ—дорогъ трудъ, и мужикъ благоденствуетъ». Художникъ, молча и спокойно, рисуетъ такія картины этого «дешеваго благоденствія», что у читателя сердце сжимается отъ презрѣнія и жалости. Публицистъ проповѣдуетъ—«иди и паши», а художникъ изображаетъ идиллію деревенской жизни на уровнѣ зоологическаго существованія. Публицистъ съ насмѣшкой отворачивается отъ «политики»,—«Наполеонъ, Тьеръ, Бисмаркъ, намъ-то до нихъ что за дѣло?» Художникъ даетъ живую иллюстрацію политики,—положеніе деревни во время войны, вызванной этими столь презираемыми Тьерами и Бисмарками.

Этотъ разладъ между наблюденіями художника и выводами публициста составляетъ особливую, чисто русскую черту, свойственную нашимъ лучшимъ писателямъ. При блестящихъ художественныхъ дарованіяхъ, неумѣніе оріентироваться среди явленій и вытекающее отсюда душевное смятеніе, постоянныя уклоненія мысли то вправо, то влѣво, и выводы, подчасъ поразительные по противорѣчіямъ съ тѣмъ, что самъ же художникъ создалъ. Намъ кажется, это зависитъ отъ зачаточнаго состоянія у насъ особаго общественнаго чувства, которое вырабатывается только общественною жизнью. Его можно сравнить съ тѣмъ мышечнымъ чувствомъ, которое на каждомъ шагу намъ помогаетъ и, вполнѣ для насъ нечувствительно, направляетъ и соразмѣряетъ наши движенія при всякой работѣ. Въ общественной жизни, гдѣ сталкивается, какъ въ водоворотѣ, масса самыхъ противоположныхъ интересовъ и явленій, необходимость оріентироваться среди нихъ вырабатываетъ нѣчто подобное этому мышечному чувству, что помогаетъ человѣку выбиться изъ противорѣчій, отвести каждому явленію свое мѣсто и найти надлежащій уголъ зрѣнія. Аристотель опредѣляетъ человѣка, какъ животное

«политическое», т. е. общественное, направляющее и руководящее жизнью въ извѣстныхъ предѣлахъ. Повидимому, мы еще не дошли до этой стадіи развитія и пока только хорошіе, иногда—несравненные наблюдатели, но плохіе общественные дѣятели и мыслители. По крайней мѣрѣ, наша художественная литература по богатству и оригинальности не уступитъ никакой другой, а когда наши, иногда величайшіе художники, какъ, напр., Гоголь, пускаются въ область мысли, особенно общественной, тутъ начинается нѣчто уму непостижимое.

Такая же участь постигла и Энгельгардта, который, сидя въ деревнѣ и изображая ее такъ, какъ никто, могъ, тѣмъ не менѣе, мечтать о колоніяхъ «тонконогихъ» и создавать цѣлыя теоріи мужицкаго царства, не сознавая всей нелѣпости подобной химеры.

А. Б.

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

На родинѣ.

О введеніи земскихъ учрежденій въ Волынской губ. Неудобства дореформеннаго порядка, въ которомъ находится земское хозяйство въ неземскихъ губерніяхъ, много разъ останавливали на себѣ вниманіе правительства, и теперь государственный совѣтъ поручилъ министру внутреннихъ дѣлъ до истеченія срока дѣйствія земскихъ смѣтъ на трехлѣтіе съ 1896—1898 г., войти, по сношеніи съ кѣмъ слѣдуетъ, въ обсужденіе и внести на уваженіе государственнаго совѣта свои соображенія по вопросу о преобразованіи учрежденій, вѣдающихъ дѣлами о земскихъ повинностяхъ въ губерніяхъ, гдѣ не введены земскія учрежденія, и о мѣрахъ, которыя могли бы способствовать правильной постановкѣ въ этихъ губерніяхъ земскаго хозяйства.

Въ настоящее время хозяйство въ неземскихъ учрежденіяхъ находится въ рукахъ учрежденій, по составу своему рѣзко отличающихся отъ земскихъ собраній и управъ.

Главнымъ исполнительнымъ органомъ, вѣдающимъ земскія дѣла въ губерніяхъ неземскихъ, являются распорядительные комитеты. По свидѣтельству самого министра финансовъ, учрежденія эти далеко не отвѣчаютъ предъявленнымъ имъ въ настоящее время требованіямъ. Комитеты эти, учрежденные въ 1874 г., замѣнили собою особыя о земскихъ повинностяхъ присутствія. Хотя въ составъ этихъ послѣднихъ входили почти тѣ же должностныя лица, изъ которыхъ и въ настоящее время состоятъ распорядительные комитеты, но до 1874 г., независимо отъ земскихъ присутствій, въ губернскомъ или областномъ городѣ чрезъ каждые 3 года созывали еще комитеты земскихъ повинностей, въ которые приглашались, — кромѣ членовъ особаго о земскихъ повинностяхъ присутствія,—также и уѣздные предводители и депутаты дворянства, подвѣдомственные управляющему государственными имуществами, уѣздные начальники и депутаты отъ городовъ. Этотъ составъ несомнѣнно въ большей степени обезпечивалъ хотя бы соотвѣтственныя мѣстнымъ условіямъ составленіе и разсмотрѣніе земскихъ смѣтъ и раскладокъ сравнительно съ настоящимъ порядкомъ, когда, кромѣ губернскаго предводителя дворянства и городскаго головы губернскаго города, всѣ остальныя лица, входящія въ составъ распорядительнаго комитета, состоятъ членами его лишь въ силу занимаемаго имъ въ губерніи служебнаго положенія, которое, конечно, не всегда обезпечиваетъ столь необходимое въ земскомъ дѣлѣ знаніе мѣстныхъ нуждъ и потребностей. Кромѣ того, лица эти могутъ отвлекаться отъ участія въ занятіяхъ распорядительныхъ комитетовъ своими прямыми служебными

обязанностями и не всегда въ состояніи удѣлять заботамъ объ успѣшномъ ходѣ земскаго хозяйства столько труда и времени, какъ того требуетъ самое дѣло.

Въ виду многочисленныхъ и несомнѣнныхъ данныхъ о неудовлетворительности веденія земскаго хозяйства въ неземскихъ губ., и необходимости упорядоченія его, министерство внутреннихъ дѣлъ признало своевременнымъ приступить къ обсужденію вопроса о распространеніи положенія о земскихъ учрежденіяхъ 1890 г. на губерніи Кіевскую, Подольскую и Волынскую, и просило заключенія г. начальника края о томъ, представляется ли возможнымъ примѣнить къ упомянутымъ губерніямъ законъ 1890 г. въ полномъ его объемѣ или съ какими-либо вызываемыми мѣстными особенностями измѣненіями, или же, если введеніе земскихъ учрежденій будетъ признано преждевременнымъ то какія мѣры могли бы быть предприняты въ исполненіе указаннаго выше порученія государственнаго совѣта для упорядоченія существующей въ этихъ губерніяхъ организаціи завѣдыванія земскимъ хозяйствомъ...

Настоящій вопросъ, переданный г. начальникомъ края на заключеніе г. начальника губ., г. волынскимъ губернаторомъ былъ предложенъ предварительно на обсужденіе особыхъ совѣщаній подъ предсѣдательствомъ уѣздныхъ предводителей дворянства въ составъ должностныхъ лицъ, стоящихъ близко къ дѣлу мѣстнаго управленія и нѣкоторыхъ землевладѣльцевъ, отъ которыхъ, какъ непосредственно соприкасающихся съ дѣлами земства, его нуждами, пользами и потребностями, желательно было услышать мнѣнія по вопросу земской реформы.

«Волынь» сообщаетъ очень интересныя свѣдѣнія о томъ, къ какимъ результатамъ пришли по этому поводу уѣздныя совѣщанія. Изъ 12 уѣздныхъ совѣщаній 11 высказались за желательность и своевременность введенія земскихъ учрежденій въ Волынской губ., причемъ нѣкоторыя совѣщанія высказываются за введеніе земскаго положенія безъ всякихъ ограниченій; другія же считаютъ нужнымъ ввести нѣкоторыя ограниченія въ виду такъ называемыхъ «мѣстныхъ особенностей» края. За введеніе земства въ полномъ объемѣ высказались луцкое совѣщаніе, острогожское и заславское.

Другія высказались за нѣкоторыя ограниченія дѣйствующаго земскаго положенія 1890 г., а именно, за введеніе въ число обязательныхъ членовъ земскихъ собраній, представителей администраціи, мировыхъ посредниковъ и пр.

Противъ введенія земскихъ учрежденій оказалось только одно владиміроволынское уѣздное совѣщаніе, которое высказалось, что введеніе земскихъ учрежденій является *преждевременнымъ*, такъ какъ русскихъ землевладѣльцевъ въ уѣздѣ слишкомъ мало, да и тѣ, *вслѣдствіе старости*, никакого участія въ дѣлахъ земства принять не могутъ, а потому руководство земскимъ хозяйствомъ можетъ всецѣло перейти въ распоряженіе польскихъ помѣщиковъ, что, по мнѣнію предводителя, весьма нежелательно; при ограниченіи же числа лицъ польскаго происхожденія въ земскихъ собраніяхъ, болѣе лучшій и интеллигентный элементъ польскаго происхожденія вовсе устранится отъ дѣла, что можетъ послужить нежелательной племенной рѣзнѣ. На ряду съ этимъ мировой посредникъ 1-го участка и мѣстный исправникъ высказали, что дѣло земскаго хозяйства въ Юго-западномъ краѣ въ настоящее время поставлено неудовлетворительно: *населеніе почти совершенно лишено медицинской помощи*, *народное образованіе въ за-*

чатки, *дорожная повинность ложится тяжелымъ бременемъ на населеніе*, которое принуждено исправлять дороги, отстоящія на 100 вер., и послѣднія все-таки находятся постоянно въ безобразномъ видѣ; вслѣдствіе отсутствія должнаго и умѣлаго руководства, *сельское хозяйство ведется примитивнымъ способомъ. Единственнымъ выходомъ изъ такого безотраднаго положенія* было бы привлеченіе къ завѣдыванію земскимъ хозяйствомъ мѣстнаго элемента, близко знающаго свои нужды и заинтересованнаго въ раціональномъ ихъ удовлетвореніи. Въ виду этого они полагали бы, что реформа введенія земскаго хозяйства въ краѣ должна быть произведена введеніемъ полож. о зем. учрежд. въ такомъ объемѣ, какъ оно дѣйствуетъ въ 34 губерніяхъ Россіи. *Особое положеніе края нисколько не препятствуетъ открытію земскихъ собраній*, ибо всѣ постановленія таковыхъ контролируются высшею администраціею. Помимо хозяйственнаго, земскія собранія будутъ имѣть значеніе и въ дѣлѣ сближенія русскихъ помѣщиковъ съ польскими, которые будутъ связаны общими интересами и, входя въ постоянныя сообщенія, будутъ содѣйствовать прекращенію розни, существующей нынѣ между двумя главнѣйшими элементами мѣстнаго населенія. Имущественный цензъ опредѣленъ въ 250 дес.

Заключенія уѣздныхъ совѣщаній были затѣмъ переданы на обсужденіе губернскаго совѣщанія, подъ предсѣдательствомъ мѣстнаго губернатора Ѳ. Ѳ. Трепова.

Въ губернскомъ совѣщаніи участвовали представители мѣстнаго управленія и землевладѣнія губерніи; открылось оно рѣчью губернатора, въ которой онъ, между прочимъ, слѣдующимъ образомъ охарактеризовалъ неудобства современной системы хозяйственнаго управленія губерніи:

«Дѣйствуя въ извѣстныхъ, строго очерченныхъ рамкахъ земской смѣты, составляемой на три года и утвержденной государственнымъ совѣтомъ, будучи лишены возможности какой бы то ни было инипіативы, стоя внѣ всякой связи съ жизнью и ея потребностями и не обладая столь необходимымъ въ земскомъ дѣлѣ знаніемъ мѣстныхъ нуждъ, хозяйственныя учрежденія естественно и неизбѣжно должны превратить живое дѣло земства въ чисто канцелярское. При такихъ условіяхъ не требованія жизни руководятъ этими «земскими» учрежденіями, а наоборотъ — послѣднія стараются какъ бы подчинить первыя своему сухому режиму.

«Это отражается самымъ печальнымъ образомъ на многихъ, если не на всѣхъ почти, сторонахъ общественнаго благоустройства губерніи: достаточно лишь взглянуть на тотъ широкій и многосторонній кругъ вопросовъ, предоставленныхъ вѣдѣнію земства,— народное образованіе, медицина, пути сообщенія, попеченіе о поднятіи экономическаго благосостоянія крестьянскаго населенія, заботы о сельскомъ хозяйствѣ, мѣстной промышленности и т. п., которые стоятъ въ земскихъ губерніяхъ на высокой ступени развитія,—у насъ, въ силу естественнаго хода вещей, эти вопросы находятся едва въ зачаточномъ состояніи. Это тѣмъ болѣе замѣтно, что Волынь, превосходя по своимъ природнымъ богатствамъ и географическому положенію многія мѣстности Россіи, при наличности общественной инипіативы и дѣятельности живыхъ общественныхъ силъ, могла бы быть одной изъ выдающихся по своему культурному и экономическому значенію губерній Россіи»...

Послѣ продолжительнаго и всесторонняго обсужденія вопроса въ связи съ данными о распредѣленіи землевладѣнія въ губерніи, губернское совѣщаніе признало введеніе на Во-

лынской губ. земства *желательнымъ*, *своевременнымъ и настоятельно необходимымъ* и постановило просить ходатайства волынскаго губернатора предъ высшимъ правительствомъ о примѣненіи въ губерніи положенія о губ. и уѣздн. земск. учрежд. 1890 г. въ полномъ объемѣ, безъ всякихъ ограниченій, въ томъ его видѣ, какъ оно дѣйствуетъ въ губерніяхъ центральной Россіи.

Бурашевская колонія тверского земства. Послѣ извѣстнаго печальнаго инцидента въ Бурашевской колоніи для душевно-больныхъ, завершившагося отставкой ея директора, д-ра Литвинова, и всего прежняго состава врачей (о чемъ мы въ свое время уже сообщали въ «М. Б.»), дѣла въ этой колоніи приняли совсѣмъ новый оборотъ, и это заведеніе, въ прежнее время заслуженно пользовавшееся извѣстностью во всей Россіи образцовой постановкой дѣла призрѣнія душевно-больныхъ, теперь начинаетъ пріобрѣтать печальную извѣстность въ другомъ отношеніи. Отчетъ о дѣятельности колоніи за 1896 г., прочитанный на минувшемъ земскомъ собраніи, раскрываетъ передъ нами крайне неприглядную картину колоніи при новыхъ порядкахъ, введенныхъ новой управой. Прежде всего обращаетъ вниманіе прогрессивно возрастающая экономія. Прошлый годъ далъ экономіи семь тысячъ руб., не взирая на то, что 3.500 руб. были перерасходованы на ремонтъ зданій.

Кормили больныхъ такъ экономно, что изъ далеко не крупной суммы получился остатокъ въ пять тысячъ руб.; на лѣкарства изъ ассигновки въ 3.300 руб. не истрачено 1.442 р.; на мастерскія, изъ 1.200 руб., не израсходовано и третьей части, а расходъ на духовно-нравственныя потребности душевно-больныхъ сокращенъ болѣе, чѣмъ на половину!

На суточное содержаніе больного полагалось 12 коп., но, судя по экономіи, этихъ денегъ было слишкомъ много... Сокращеніе дезинфекціи, въ связи со страшной тѣснотой помѣщенія, не могло не отразиться на здоровьи душевно-больныхъ, и вотъ, изъ 958 человѣкъ умерло 77, а изъ нихъ отъ чахотки—23 человѣка.

Благодаря этимъ грознымъ цифрамъ, Бурашевская колонія заняла первое мѣсто (конечно, только въ этомъ отношеніи) среди всѣхъ психіатрическихъ больницъ въ Россіи.

Ради дешевизны, вѣроятно, принадлежности для аптеки покупались въ москательныхъ лавкахъ, гдѣ марля и вата, напр., продаются безъ всякой дезинфекціи; благодаря той же экономіи, прислуги было очень мало, она не имѣла отдѣльнаго угла для отдыха, вынуждена была работать по 16 часовъ въ сутки и, естественно, не отличалась мягкостью обращенія.

Подобная экономія неизбѣжно приводитъ къ замѣчательной щедрости по отношенію къ «педагогическимъ мѣропріятіямъ», т. е., другими словами, къ дисциплинарнымъ наказаніямъ. Больныхъ лишали обѣда, завтрака, чая, прогулокъ и т. д., что, вообще, очень выгодно въ смыслѣ экономіи, но считалось крайне вреднымъ въ той же самой колоніи, но до 1895 года. Заключеніе въ карцеръ, связываніе по рукамъ и по ногамъ, прикрѣпленіе къ кровати, «камзолированье», говоря научнымъ стилемъ,—въ отношеніи такихъ мѣръ экономіи не соблюдалось.

Яркой иллюстраціей положенія больныхъ въ Бурашевской колоніи является слѣдующій фактъ: 50 побѣговъ и 30 несчастныхъ случаевъ, окончившихся весьма трагически. Въ дополненіе къ этой иллюстраціи, нужно сказать, что трое ординаторовъ изъ молодыхъ врачей оставили службу въ колоніи въ теченіе послѣдняго года, а двое подали въ отставку, не имѣя силъ видѣть то, что творится.

Одинъ изъ уволенныхъ врачей, д-ръ Невскій, сообщилъ земскому собранію обо всемъ, что творится въ колоніи, и просилъ земство разслѣдовать положеніе бурашевскихъ дѣлъ. Произведенное разслѣдованіе вполнѣ подтвердило его сообщеніе и въ силу этого земское собраніе, ознакомившись всесторонне съ дѣятельностью директора, д-ра Совѣтова, постановило: уволить его отъ должности. По словамъ газетъ, это рѣшеніе возбудило горячій протестъ со стороны управы и нѣкоторой части гласныхъ, но большинствомъ 31 голоса противъ 22 собраніе высказалось за удаленіе директора колоніи, г. Совѣтова.

Такой исходъ дѣла предвидѣлся многими и многими еще въ 1895 году, когда д-ръ Совѣтовъ, не психіатръ по спеціальности, рѣшился занять мѣсто, оставшееся свободнымъ, благодаря увольненію извѣстнаго, всѣми уважаемаго ученаго.

Противъ увольненія директора подали протестъ 18 гласныхъ, обвиняя все собраніе «въ недобросовѣстности», «въ неразборчивости средствъ для борьбы» и т. д. Это заявленіе тоже было встрѣчено дружнымъ протестомъ не только большинства гласныхъ, но даже представителей вѣдомства государственныхъ имуществъ и удѣловъ, которые сказали, что, подавая голоса за удаленіе д-ра Совѣтова, они поступали «по доброй совѣсти и искреннему убѣжденію».

Земледѣльческія артели въ Сибири. «Степной Край» подробно передаетъ содержаніе доклада С. П. Швецова о попыткахъ организаціи земледѣльческихъ артелей среди переселенцевъ Алтайскаго округа, читаннаго имъ въ засѣданіи зап.-сиб. отдѣла русскаго Императорскаго географическаго общества въ Омскѣ. Артели эти были устроены гг. Нечволодовымъ и Зиминымъ. По словамъ докладчика, въ артели г. И. Нечволодова прежде всего обращаетъ на себя вниманіе ея численность. Въ ея составъ вошло 800 семействъ изъ 3 уѣздовъ двухъ смежныхъ губерній—Полтавской и Черниговской.

Поближе познакомившись съ тѣмъ, какъ переселенцы пришли къ мысли и рѣшили образовать артель, докладчикъ пришелъ къ заключенію, что начало этой «артели-общины» тѣсно связана съ переселеніемъ на Алтай при помощи г. И. Нечволодова въ половинѣ 1894 года 25 семей переселенцевъ. Пріѣздъ г. Нечволодова въ Барнаулъ лѣтомъ 1893 г. не имѣлъ никакой связи съ переселенческимъ дѣломъ, но очень возможно, что въ теченіе года, проведеннаго г. Н—мъ въ Барнаулѣ, у него явилась мысль о посредничествѣ въ переселенческомъ дѣлѣ, на что его могъ натолкнуть открытый въ то время такъ-называемый «переселенческій комитетъ».

Переселенцы, вспоминая о своемъ переселеніи, говорили, что въ одномъ изъ участковъ Прилукскаго уѣзда всякая попытка къ переселенію оставалась безуспѣшною и вела къ большимъ непріятностямъ для желавшихъ переселиться. Въ половинѣ 1894 г. стали ходить слухи, что черезъ землевладѣльца И. Нечволодова можно выхлопотать разрѣшеніе на переселеніе. Крестьяне Гнилецкой волости, въ числѣ 25 домохозяевъ, обратились къ г. Н. Н—ву съ просьбой исхлопотать это разрѣшеніе. Дѣйствительно, разрѣшеніе было получено въ пос. Пѣтуховскій, Алтайскаго округа. За хлопоты г. Н—въ потребовалъ по 5 руб. съ семьи. Впрочемъ, изъ 25 семей воспользовались разрѣшеніемъ только 18. Изъ нихъ 8 семей остались въ Тюкалинскомъ округѣ, остальные разбрелись по поселкамъ Барнаульскаго округа, такъ какъ Пѣтуховымъ переселенцы остались очень недовольны.

Все же удачное полученіе разрѣшенія взбудоражило весь Прилукскій уѣздъ. Вокругъ имени И. Н—ва стали

создаваться въ устахъ народа самыя разнообразныя легенды. По одной изъ нихъ, «Ивану Нечволоденкѣ поручено переселять въ Алтайскій округъ народъ, и какъ только имъ туда будетъ переселено пять тысячъ семей, ему дадутъ мѣсто томскаго губернатора».

Когда Нечволодовъ вернулся изъ Сибири, то крестьяне толпами повалили къ нему, прося записать ихъ на переселеніе. Съ каждой записывавшейся семьи Нечволодовъ бралъ по 10 р. Съ 4-го по 21-е октября 1894 г. Нечволодовъ получилъ довѣренности отъ 666 семей черниговскихъ и полтавскихъ переселенцевъ, поручавшихъ ему ходатайствовать о переселеніи ихъ въ Томскую губ.

Изъ опроса крестьянъ докладчику выяснилось, что десятирублевые взносы были не паевые взносы составившейся въ это время артели, а простая плата И. Н—ву со стороны переселенцевъ. По поводу уплаты этихъ денегъ переселенцы не высказывали никакихъ неудовольствій; нельзя того же сказать о другихъ съ нихъ сборахъ, которые производились г. Н—мъ. Такъ, на свидѣтельствованіе довѣренностей г. Н—мъ было потребовано съ нихъ по 25 к. съ семьи; кромѣ того, ихъ обязывали являться на поденщину въ экономію г. Н. Н—ва, за что разсчетъ производился по 15—20 к. въ день. По полученіи довѣренностей г. И. Н—въ, зимою 1894 г., отправился на Алтай для полученія разрѣшенія на переселеніе его довѣрителей. Эта поѣздка была безуспѣшна, такъ какъ по правилу 1884 г. разрѣшеніе дается подъ условіемъ личнаго осмотра самими переселенцами или ихъ ходоками избираемой земли; по правилу же 1894 г., ходоками могутъ быть только лица изъ самихъ переселяющихся.

Такъ какъ это условіе не было выполнено, то г. Нечволодовъ долженъ былъ вернуться обратно и взять съ собою ходоковъ, которые и получили разрѣшеніе на переселеніе въ поселокъ «Родина» (въ Кулундинской степи), гдѣ было уже около 150 дворовъ переселенцевъ изъ Полтавской губерніи.

По возвращеніи ходоковъ въ Полтавскую губернію, оказалось, что стоимость проѣзда на Алтай не 40 р., какъ говорилъ раньше г. Н—въ, а 100 р. На сходѣ г. Н—въ заявилъ, что стоимость проѣзда дѣйствительно оказалась выше предполагавшейся, но горю можно помочь, образовавъ переселенческую артель, при помощи которой можно переселиться и бѣднымъ. Послѣ продолжительныхъ совѣщаній переселенцы рѣшили составить артель. Главнѣйшей побудительной причиной организаціи артели была надежда получить правительственную ссуду, которую почему-то опредѣляли въ 44.000 р. Артельный договоръ, засвидѣтельствованный нотаріусомъ, былъ подписанъ. Одновременно г. Н—у была выдана довѣренность на право полученія для артели всякихъ ссудъ и пособій, какъ отъ правительственныхъ учрежденій, такъ и отъ частныхъ лицъ.

Знакомясь ближе со взглядами переселенцевъ-артельщиковъ на артель, докладчикъ, во-первыхъ, установилъ фактъ отсутствія у нихъ сознательнаго отношенія къ артели, во-вторыхъ, отсутствіе какихъ бы то ни было артельныхъ имуществъ.

Большинство артельщиковъ смотритъ на артель, что она должна помогать своимъ бѣднымъ членамъ, покупая для нихъ скотъ, инвентарь и проч., но, вмѣстѣ съ тѣмъ, они отрицаютъ, что всѣ орудія должны быть артельныя. Вмѣстѣ съ тѣмъ они считаютъ невозможнымъ обрабатывать всю землю артелью, а у каждаго должна быть своя пашня.

Въ общественномъ магазинѣ одни видятъ не артельный магазинъ, куда ссыпается артельный хлѣбъ, а обще-

ственный элеваторъ, гдѣ хранится принадлежащій каждому хлѣбъ, полученный съ лично принадлежащей ему пашни; другіе думаютъ, что въ немъ долженъ храниться только хлѣбъ съ общественной запашки.

Съ другой стороны, докладчикъ не нашелъ у артели ни артельнаго имущества, ни артельныхъ пашенъ, да не было ихъ и раньше. Полученныя отъ ликвидаціи имущества деньги каждый употреблялъ по своему усмотрѣнію. Въ артели были богачи, выручившіе отъ этой ликвидаціи 600—700 руб., и люди, отправившіеся въ Сибирь съ нѣсколькими десятками рублей. Во время пути эти послѣдніе были предоставлены самимъ себѣ и ни артель, ни г. Н—въ никакой помощи имъ не оказывали. Послѣдній, впрочемъ, и не могъ оказать, такъ какъ, выпроводивъ переселенцевъ на Алтай и пообѣщавъ догнать ихъ на слѣдующей станціи, онъ не догналъ ихъ ни въ Челябинскѣ, ни въ Омскѣ, ни въ Павлодарѣ; такъ что только въ Омскѣ переселенцы узнали отъ переселенческаго чиновника Станкевича, какъ имъ добраться до «Родины», а бѣдняки получили отъ него и денежную помощь, безъ которой они не могли двинуться дальше.

То же самое было и во время зимы. И артель, и г. Н—въ не считали нужнымъ оказать хоть какую-нибудь помощь наиболѣе нуждающимся артельщикамъ.

Послѣдующіе факты еще яснѣе показываютъ, что для г. Нечволодова организація «земледѣльческой артели» была только ловко придуманнымъ способомъ выжимать изъ крестьянъ деньги.

Кромѣ тѣхъ денегъ, которыя были уплачены г. Н—у до его поѣздки въ Сибирь, по возвращеніи имъ были произведены слѣдующіе сборы: «За потерю времени» по 25 к. съ семьи. За свидѣтельствованіе договора артельнаго нотаріусомъ платили по 21—22 к. съ человѣка. Кромѣ того, производились сборы на сакковскіе плуги, въ выпискѣ которыхъ, впрочемъ, участвовали не всѣ. Точно опредѣлить размѣры собранной суммы нельзя. По словамъ Ив. Фесина, онъ самъ передалъ г. Н—у 663 р., собранныхъ имъ денегъ, но г. Н—въ собиралъ деньги и самъ.

Но главное недовольство крестьянъ было возбуждено не всѣми этими поборами, а тѣмъ, что г. Нечволодовъ изобразилъ имъ мѣсто ихъ переселенія, поселокъ «Родину», совсѣмъ не такимъ, какимъ онъ оказался въ дѣйствительности.

Такъ, лѣсъ дровяной, по словамъ его, находится въ предѣлахъ дачи, строевой—въ 40 в.; оказалось, что дровяного нѣтъ въ дачѣ, строевой—въ 60—70 в. Въ «Родинѣ» они нашли уже 150 семей переселенцевъ, которые заняли, конечно, лучшія угодья. Отсюда возникновеніе массы недоразумѣній между ними. Проточная вода оказалась на самой границѣ участка, вдали отъ селенія. При поселкѣ же находится небольшое озеро, которое почти вымерзаетъ зимой. Прибавивъ къ этому полное отсутствіе стороннихъ заработковъ и жилищъ, мы легко поймемъ, почему народъ «побрелъ врозь».

Такимъ образомъ есть «бумага», есть договоръ, но нѣтъ артели, нѣтъ организаціи, которая объединила бы эту массу людей».

Въ концѣ іюля г. Н—въ организовалъ новую (по счету — третью) артель переселенцевъ, отчасти изъ остатковъ прежней, соединенную новымъ договоромъ и основанную на деньги С.-Петербургскаго переселенческаго общества — 900 р., для переселенія уже въ Ачинскую округу. Плата, взимаемая г. Н—мъ, уже поднялась до 15 р. съ семьи. Артель состоитъ изъ 23 домохозяевъ: 9 изъ нихъ пришли весной прошлаго года, а 14 осенью 1895 года. Договоръ

аналогичный первому; измѣнены только §§, относящіеся къ страхованію скота и посѣвовъ. Артелью куплено 25 воловъ, 4 плуга, 5 коровъ, 1 лошадь, составляющіе артельное имущество. Запашки артель имѣетъ 3,5 дес. Личныхъ посѣвовъ въ этомъ году у артельщиковъ было 12,5 дес., которые принадлежатъ 12 отдѣльнымъ домохозяевамъ. Запасовъ сѣна у артели нѣтъ.

Изъ 25 дом. 5 имѣютъ деревянныя избы, 17—землянки и 1 живетъ въ плетеномъ сараѣ. 19 хоз. имѣютъ 27 лошадей и 15 сем. 15 коровъ. Все это составляетъ личную собственность каждаго. Въ артели 67 мужчинъ (изъ нихъ въ раб. возрастѣ 27), женщинъ—66.

Причина, побудившая переселенцевъ соединиться въ артель—возможность получить отъ г. Н—а деньги на обзаведеніе въ видѣ артельнаго капитала.

Исторія артели г. Нечволодова лишній рядъ подтверждаетъ, какъ легко на почвѣ народнаго невѣжества, безправія, беззащитности ловкому человѣку осуществлять поговорку Щедрина «съ голыхъ по ниткѣ—проворному рубашка». И эти «проворные» не дремлютъ: въ томъ же докладѣ г. Швецова указывалось, что въ Барнаулѣ существовалъ цѣлый «переселенческій комитетъ» изъ выгнанныхъ со службы чиновниковъ, занимавшихся самымъ наглымъ обираніемъ крестьянъ, желавшихъ переселяться; теперь часть этого комитета получила должную оцѣнку своей дѣятельности и сидитъ въ тюрьмѣ, часть же дѣйствуетъ и по нынѣ. Встрѣчаются такіе «проворные» и изъ крестьянской среды и, конечно, ихъ гораздо труднѣе обнаружить, чѣмъ гг. Нечволодовыхъ и К°. Разсказываютъ, что нынѣшнимъ лѣтомъ въ Кокчетавскомъ уѣздѣ попался дѣлецъ, который, получивъ разрѣшеніе на участокъ земли, сталъ обирать крестьянъ, грозя иначе передать участокъ другимъ, на что онъ-де имѣетъ полное право, такъ какъ участокъ записанъ за нимъ.

Другой устроитель земледѣльческихъ артелей на Алтаѣ, г. Зиминъ, является совершенно другого рода человѣкомъ. Онъ не только не беретъ денегъ съ крестьянъ, а самъ даетъ имъ деньги для устройства артелей. Онъ одушевленъ самыми благими намѣреніями и хочетъ не только матеріально помочь крестьянамъ, но и произвести своего рода соціологическій опытъ, доказать возможность существованія идеальной крестьянской «артели-общины», долженствующей явиться спасительницей народа. Но, какъ сейчасъ увидитъ читатель, доказать этого ему не удалось, и его попытка окончилась такой же неудачей, какъ и артельное предпріятіе г. Нечволодова.

Лѣтомъ 1894 года, г. З—нъ явился на Алтай съ цѣлью организовать земледѣльческую артель, образовавъ изъ нея самостоятельный арендный поселокъ; самостоятельный поселокъ представилъ бы ту выгоду сравнительно съ поселеніемъ въ старомъ, что онъ менѣе былъ бы подверженъ неблагопріятнымъ условіямъ сосѣдства неартельщиковъ.

Размѣры артели г. З—нъ заранѣе опредѣлилъ въ 5—6 семей.

При помощи переселенца М. Полетаева, г. З—нъ организовалъ артель изъ 6 семей переселенцевъ Тамбовской губ., въ составѣ 21 д. муж. п. и 13 д. женск. п. и 19 октября 1894 г. заключилъ съ ними артельный договоръ. Вотъ его главные пункты: 1) г. З—нъ даетъ переселенцамъ-артельщикамъ за круговою ихъ отвѣтственностью денежную ссуду для аренды земли, покупки избъ, инвентаря и пр. необходимаго въ крестьянскомъ хозяйствѣ имущества. 2) Взявшіе ссуду обязуются вести земледѣльское хозяйство на артельныхъ началахъ; порядокъ работъ и ихъ

распредѣленіе устанавливается артелью ежегодно. 3) За правильнымъ веденіемъ хозяйства наблюдаетъ учредитель артели, г. Зиминъ, или приглашенный имъ «попечитель». 4) Для непосредственнаго руководительства дѣлами артели избирается староста, каждый разъ съ согласія г. З—а. 5) За дурное поведеніе члены артели исключаются учредителемъ навсегда. 6) При невыполненіи артелью условій договора г. З. «имѣетъ право взять обратно у артели все неоплаченное ею артельное имущество». 7) Урожай дѣлится старостой такъ: лучшія сѣмена откладываются для посѣва; необходимое для артели количество хлѣба и сѣна оставляется, остальная часть продается и деньги идутъ на уплату аренды, погашеніе долга г. З—у, 10% отчисляется въ запасной капиталъ артели, остальное дѣлится между артельщиками по числу рабочихъ рукъ въ каждой семьѣ».

Такимъ образомъ, главная роль въ управленіи артельными дѣлами была предоставлена руководителю артели. О самодѣятельности самой артели въ договорѣ говорится очень мало.

Для хозяйства было заарендовано 300 десятинъ цѣлины, по 40 к. за десятину, на 12 лѣтъ и 20 десятинъ мягкой земли на 1 годъ.

Ссуду г. З. выдалъ только 4 семьямъ изъ 6%. по 200 руб. на каждую—всего 800 р., что создало неравенство имущественнаго положенія артельщиковъ, съ одной стороны, и не позволило имъ поставить хозяйство въ томъ размѣрѣ, какъ это проектировалось, съ другой. Вмѣстѣ съ тѣмъ эти два обстоятельства послужили причиной нескончаемыхъ недоразумѣній между артельщиками. Изъ послѣднихъ только одинъ организаторъ артели, Мих. Полетаевъ, стоящій по своему умственному уровню несравненно выше другихъ артельщиковъ, ясно понималъ принципы артельнаго хозяйства, другіе же смотрѣли на артель, какъ на своеобразную повинность, установленную г. З—мъ за выданную имъ ссуду. Все это вмѣстѣ послужило причиной распаденія артели.

Умолотъ прошлаго года далъ 929 пудовъ разнаго хлѣба. За отчисленіемъ на сѣмена, артель имѣла отъ урожая 551 п. пшеницы, т.-е. на 49 п. меньше того количества, которое необходимо для продовольствія артели, считая по 20 п. въ среднемъ на человѣка. Ясно, что при такомъ положеніи дѣлъ артель не имѣла возможности ни уплатить за аренду земли въ 1896 году, ни возвратить г. З—у согласно договора 100 руб. взятой ссуды.

Староста Полетаевъ указываетъ на слѣдующія обстоятельства, послужившія, по его мнѣнію, причиной распаденія артели: 1) ссуда была выдана на 4 семьи, а не на всѣ 6 семей; 2) г. З—нъ не жилъ въ гор. Змѣиногорскѣ и не могъ оказывать вліянія на артель; вліяніе же попечителя было ничтожно,—и 3) подборъ членовъ артели неудачный, собрались люди лѣнивые и малопонятливые. Къ этимъ тремъ причинамъ докладчикъ присоединяетъ четвертую: выработанный г. З—мъ уставъ страдаетъ слишкомъ большою теоретичностью, а слишкомъ строгое неукоснительное примѣненіе этого устава способно было только ломать жизнь людей, дѣлать самую артель ненавистною для ея участниковъ. По отзыву лица, близкаго къ артели—договоръ артели былъ бы хорошъ для мертвецовъ, а не для живыхъ людей.

Внѣшняя сторона распаденія артели такова: сначала артель рѣшила подѣлить лошадей на 6 частей «во всегдашнее владѣніе», мотивируя это «нерадивостью въ уходѣ». Затѣмъ были раздѣлены такимъ же образомъ хомуты и другія принадлежности. Кормить лошадей долженъ самъ хозяинъ, въ случаѣ пропажи лошади,

артель обязана для него купить лошадь и удержать впослѣдствіи стоимость ея изъ доли урожая. Впрочемъ, это послѣднее условіе артель отказалась выполнить при первомъ же представившемся случаѣ. Такимъ же образомъ были раздѣлены плуги и прочій инвентарь. 3 августа состоялось постановленіе о раздѣлѣ поля для уборки хлѣба между отдѣльными семьями.

Окончательное прекращеніе дѣлъ артели останавливается за чисто формальными причинами, какъ это сдѣлать.

Резюмируя все сказанное, докладчикъ пришелъ къ убѣжденію, что данныя земледѣльческія артели возникли на почвѣ крайней бѣдности крестьянъ и крайней нужды въ кредитѣ. Для полученія этого кредита они и соединились въ артели, хотя самые принципы артельнаго хозяйства имъ чужды, въ большинствѣ случаевъ непонятны и кажутся имъ неудобными. Вслѣдствіе этого мы и встрѣчаемся съ такимъ страннымъ фактомъ, какъ существованіе артелей, безъ артельнаго имущества и безъ артельныхъ работъ.

Объявленія воли. По поводу исполнившагося 36-ти-лѣтія со дня обнародованія манифеста 19 февраля объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости (5 марта 1861 г.), г. Джаншіевъ вспоминаетъ въ «Русск. Вѣд.» о томъ впечатлѣніи, какое произвело чтеніе манифеста въ народѣ. Онъ приводитъ выдержки изъ записокъ извѣстнаго народника-этнографа Якушкина, въ концѣ 50-хъ годовъ исходившаго многія мѣстности Россіи въ качествѣ простого коробейника. По словамъ Якушкина, Высочайшій рескриптъ 20 января 1857 г., который былъ первымъ оффиціальнымъ шагомъ къ освобожденію крестьянъ, поразилъ всѣхъ своею неожиданностью. Въ городахъ и въ особенности въ столицахъ толки объ освобожденіи крестьянъ давно уже носились въ воздухѣ, но въ деревняхъ, въ разныхъ захолустьяхъ всѣ были поражены, какъ громомъ, этой необычайной вѣстью. Якушкинъ передаетъ, напр., слѣдующую сцену, бывшую у одной помѣщицы:

— Да что же это значитъ? — спрашивала барыня, когда ей прочитали рескриптъ.

— Уничтожается крѣпостное право,—отвѣчали ей.

— И крѣпостныхъ крестьянъ не будетъ? Крѣпостныхъ совсѣмъ не будетъ?

— Совсѣмъ не будетъ.

— Ну, этого я *не хочу!* — объявила барыня, вскочивъ съ дивана.

Всѣ посмотрѣли на нее съ недоумѣніемъ.

— Рѣшительно не хочу! Поѣду сама къ Государю и скажу: я скоро умру, послѣ меня пусть что хотятъ, то и дѣлаютъ, а пока я жива, я этого не хочу!

— Какъ, у меня отнимать мое?— разсуждалъ другой помѣщикъ.—Вѣдь я *человѣкомъ* владѣю; мнѣ *мой* Ванька приноситъ оброку въ годъ по пятидесяти цѣлковыхъ. Отнимутъ Ваньку, кто мнѣ за него заплатитъ, да и кто его цѣнить будетъ?

Вообще, въ помѣщичьихъ кругахъ, такъ же, какъ и среди высшей аристократіи, готовилась сильная оппозиція предполагавшимся реформамъ. По словамъ г. Джаншіева, «сопоставляя вліяніе и относительныя силы борцовъ за и противъ освобожденія крестьянъ, сторонники освобожденія нерѣдко впадали въ уныніе. Большинство членовъ главнаго комитета, большинство министровъ, большинство государственнаго совѣта, высшая придворная знать были *противъ* освобожденія. Было, дѣйствительно, отчего придти въ отчаяніе. Но тутъ, по истинно-плодотворной мысли Великаго Князя Константина Николаевича, правительство выдвинуло совершенно не-

вѣдомую дотолѣ въ Россіи, но могущественную, особенно въ эпохи сильнаго общественнаго подъема, силу— гласность. Рескриптъ на имя виленскаго генералъ-губернатора, отпечатанный поспѣшно въ одну ночь, былъ разосланъ во всѣ губерніи, а затѣмъ напечатанъ въ газетахъ. Крѣпостники главнаго комитета догадались, что съ выходомъ дѣла изъ канцелярскихъ потемокъ на свѣтъ Божій оно ускользаетъ отъ ихъ односторонняго, своекорыстнаго давленія и руководства, но было уже поздно. Великая вѣсть о приступѣ къ освобожденію крестьянъ уже разнесена была по всей Россіи... Этимъ важнымъ и рѣшительнымъ шагомъ достигались сразу три цѣли: во-первыхъ, своимъ открытымъ заявленіемъ о рѣшимости отмѣнить крѣпостное право правительство вносило успокоеніе въ народъ, среди котораго носились темные и противорѣчивые слухи о «волѣ»; во-вторыхъ, правительство тѣмъ самымъ прекращало свои собственныя колебанія и сомнѣнія, а въ-третьихъ, въ борьбѣ съ противниками освобожденія правительство находило опору въ образованной части общества и во всей русской печати».

При чтеніи манифеста народу, вскорѣ обнаружились различные редакціонные недостатки этого важнаго законодательнаго акта. По единогласному отзыву современниковъ, манифестъ, уже благодаря своему многословію и длиннотамъ, производилъ на народъ крайне смутное впечатлѣніе, а затѣмъ и тяжелый языкъ его былъ непонятенъ для народа. И. С. Тургеневъ, не зная имени составителя, о языкѣ манифеста выражался такъ: «Самымъ явнымъ образомъ онъ написанъ былъ по-французски и переведенъ на *неуклюжій* русскій языкъ какимъ-нибудь нѣмцемъ; вотъ фразы въ родѣ «благодѣтельно устроять», «добрыя патріархальныя условія», которыхъ ни одинъ русскій мужикъ не пойметъ».

Практика не замедлила подтвердить опасенія Тургенева. Не мало недоумѣній было вызвано среди народа, благодаря именно витіеватому языку манифеста съ его церковно-славянскими оборотами и риторическими фигурами.

Якушкинъ приводитъ, напр., слѣдующія сцены.

Чтеніе манифеста неожиданно привело крестьянъ къ убѣжденію, что къ нимъ переходятъ помѣщичьи сады и пр. Приходятъ за разъясненіемъ къ Якушкину и просятъ прочесть въ книгѣ такое мѣсто, гдѣ сказано, что «всѣ сады, всѣ амбары барскіе намъ слѣдуютъ».

— Такого мѣста нѣтъ, — отвѣчаетъ Якушкинъ.

— Такъ нѣтъ такого мѣста во всей этой книгѣ, говоришь ты?

— Нѣту!

— Дай же я тебѣ покажу! — И съ этими словами собесѣдникъ поднесъ Положеніе, сталъ перевертывать листы и нашелъ послѣднюю страницу манифеста по клейму, приложенному вмѣсто печати (мужики были неграмотны).—На, читай эту страницу!

Я сталъ читать: «...Дабы вниманіе не было отвлечено отъ ихъ необходимыхъ земледѣльческихъ занятій»...

— Читай еще!.. читай еще! Тутъ! Тутъ оно! Читай! — заговорили радостно въ толпѣ.—Тутъ оно сказано.

— «Пусть они тщательно воздѣлываютъ землю»...

— Это мѣсто! Это мѣсто! Читай, читай!

— «...и собираютъ *плоды* ея»...

— Ну, что?—спросилъ съ торжествомъ мужикъ.

— А что?

— Да что ты прочиталъ?

— Прочиталъ, чтобы вы хорошенько работали землю и собирали тогда...

— Плоды?

— Ну да: будешь хорошо пахать, посѣешь рожь—рожь и родится; вотъ тебѣ и плоды...

— Нѣтъ, Павелъ Иванычъ! Посѣешь рожь—рожь и родится хорошо, а *плодовъ* все-таки *не будетъ*. Плоды въ садахъ, а сады-то барскіе: а какъ плоды намъ, стало и сады къ намъ отойдутъ!.. Вотъ что!..

Какъ только экземпляры Положенія были розданы «царскими послами», какъ называли въ народѣ генераловъ и флигель-адъютантовъ, развозившихъ книги по деревнямъ, такъ всѣ набросились на эти книги, желая узнать, что въ нихъ написано. При сплошной неграмотности крестьянъ исполнить это было нелегко. Цѣна на немногихъ грамотныхъ сильно поднялась. Имъ платили деньги, покупали міромъ водку, требуя отъ нихъ, чтобъ они читали всю «волю» отъ доски до доски, безъ перерывовъ.

Якушкинъ сообщаетъ такой случай. Мужики наняли садовника читать «волю». Дали ему штофъ водки да цѣлковый денегъ; затѣмъ подбавили еще полштофа. Какъ сталъ тотъ читать съ утра, только на другой день къ вечеру и кончилъ: половина барщины спитъ, другая слушаетъ. Такъ и прочиталъ!

— Что же вы поняли?—спрашивалъ Якушинъ у крестьянъ.

— А что поняли?! Тебѣ говорятъ, та воля на четыре грани написана (sic).

— Для чего же вы читали ту волю, коли изъ васъ никто и понять не можетъ?

— А такъ, другъ любезный, законъ велитъ! А мы отъ закону не прочь.

Въ этомъ искреннемъ и глубокомъ уваженіи къ закону и въ невозможности уяснить себѣ его смыслъ заключался весь драматизмъ положенія крестьянскаго населенія, которое нерѣдко было усмиряемо за желаніе исполнить законъ буквально и по крайнему своему разумѣнію.

О характерѣ этихъ «бунтовъ» можетъ дать понятіе первый «бунтъ», записанный Якушкинымъ, по случаю «сипацы» (такъ преобразилось въ народномъ говорѣ слово «эмансипація»). Вычитавъ въ Положеніи, что на барина полагается работать три дня, крестьяне (Орловской губ.) приходили къ помѣщикамъ съ требованіемъ работы. А между тѣмъ въ началѣ марта никакихъ полевыхъ работъ не оказывалось.

— Что вамъ, братцы, надо?—спрашиваетъ помѣщикъ.

— Работать, батюшка, работать,—отвѣчали мужики и бабы.

— Теперь работать нечего,—отвѣчалъ имъ баринъ,—работы нѣтъ никакой.

— Что хочешь заставь дѣлать, батюшка.

— Не нужно мнѣ нынче вашей работы, ступайте домой.

— *Нельзя* этого сдѣлать; это дѣло не твое, это *казна*! Царь указалъ быть трехдневкѣ, мы на трехдѣвку и пришли... Сдѣлай милость, заставь что-нибудь работать.

Баринъ сжалился и заставилъ чистить дворъ. 200 человѣкъ дружно принялись и въ минуту вычистили дворъ.

Окончивъ работу, крестьяне снова просили работы, и помѣщику насилу удалось уговорить ихъ разойтись по дворамъ.

— Не было бы намъ худа, не было бы намъ бѣды отъ этого какой?—говорили мужики.

А. Н. Майковъ. (Некрологъ). 8-го марта умеръ Аполонъ Николаевичъ Майковъ, одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ русскихъ поэтовъ послѣпушкинскаго періода.

Аполонъ Николаевичь Майковъ родился 23-го мая 1821 г. въ Москвѣ. Отецъ его былъ извѣстнымъ въ свое время художникомъ. Дѣтство свое покойный поэтъ провелъ въ подмосковной усадьбѣ отца, близъ Троицко-Сергіевской лавры. Въ началѣ 30-хъ

годовъ семья Майкова переѣхала въ Петербургъ. Здѣсь Апол. Никол. началъ учиться подъ руководствомъ дяди, занимавшагося приготовленіемъ молодыхъ людей въ военно-учебныя заведенія. Будущій поэтъ оказывалъ особенные успѣхи въ математикѣ. Домъ Майковыхъ скоро сдѣлался центромъ, куда стекались всѣ литературныя знаменитости того времени. У отца его была обширная библіотека, давшая мальчику возможность познакомиться съ классическими произведеніями какъ русской, такъ и иностранной литературы. Учителемъ русскаго языка у него былъ И. А. Гончаровъ, тогда еще молодой человѣкъ, только-что окончившій университетъ. Майковъ прошелъ дома гимназическій курсъ и рано началъ увлекаться литературой: онъ съ братомъ подъ руководствомъ Гончарова издавалъ рукописные журналы и 14-ти лѣтъ написалъ свое первое стихотвореніе «Родина». Но въ ранней юности онъ смотрѣлъ на литературу, какъ на второстепенное занятіе, и мечталъ сдѣлаться художникомъ. Въ 1836 г. онъ поступилъ въ университетъ на юридическій факультетъ и, окончивъ его, все-таки еще хотѣлъ отдаться живописи, но долженъ былъ отказаться отъ этого намѣренія, вслѣдствіе слабости зрѣнія. Успѣхъ его первыхъ стихотвореній окончательно увлекъ его на литературное поприще. Въ печати первыя стихотворенія его появились въ 1838 г., а въ 1841 г. вышло первое изданіе его стихотвореній, которое Бѣлинскій привѣтствовалъ обширною статьей, признавая въ Майковѣ «дарованіе неподдѣльное, замѣчательное и обѣщающее въ будущемъ». Но уже въ слѣдующемъ, 1842 г., Бѣлинскій отнесся къ Майкову болѣе критически: признавая, что антологическія стихотворенія Майкова не только не уступаютъ въ достоинствѣ антологическимъ стихотвореніямъ Пушкина, но даже превосходятъ ихъ, Бѣлинскій въ то же время оговаривается, что было бы жаль, если бы Майковъ на этомъ остановился, что исключительная преданность древнему міру, безъ живого, кровнаго сочувствія къ современному міру, не можетъ сдѣлать великимъ поэта нашего времени.

Въ то время, когда появилась эта вторая, пророческая критика Бѣлинскаго, Майковъ, окончивъ курсъ въ университетѣ, путешествовалъ за границей, изучалъ въ Италіи памятники искусства, слушалъ лекціи въ Парижѣ и увлекался славянскимъ вопросомъ въ Прагѣ.

Вернувшись въ Россію, Майковъ поступилъ на службу въ департаментъ государственнаго казначейства, но пробылъ тамъ недолго и затѣмъ получилъ мѣсто библіотекаря въ Румянцевскомъ музеѣ, которое занималъ до перенесенія музея въ Москву. Затѣмъ онъ перешелъ на службу въ комитетъ иностранной цензуры и въ послѣднее время былъ назначенъ предсѣдателемъ этого комитета. Это мѣсто онъ занималъ до самой смерти. Умеръ онъ 76 лѣтъ отъ роду.

Передвижныя народныя чтенія.

(Письмо изъ Н.-Новгорода).

Передвижныя народныя чтенія, организованныя Обществомъ распространенія начальнаго образованія въ Нижегородской губ., представляютъ поучительный примѣръ, какъ усиліями частнаго Общества, небогатаго по средствамъ (весь его капиталъ немного выше 3.000 р.) создается сравни-

тельно широкое и благотворное дѣло, не крупными пожертвованіями и средствами (на него расходуется не болѣе 200—300 р. въ годъ), а энергіей и сочувствіемъ отдѣльныхъ сотрудниковъ, разбросанныхъ по всѣмъ концамъ губерніи, преимущественно сельскихъ учителей и учительницъ.

Чтенія въ деревнѣ, начатыя при посредствѣ Общества въ 1893 году только въ трехъ пунктахъ, въ 1896 г. велись въ 64 пунктахъ: въ 5 уѣздныхъ городахъ и 59 селахъ и деревняхъ Нижегородской губ. Въ 53 пунктахъ чтенія организовались исключительно при посредствѣ Общества; въ остальныхъ — Общество оказывало значительную поддержку высылкой картинъ и книгъ. Съ 1893 г. чтенія ведутся въ теченіе *четырехъ* лѣтъ въ 3 пунктахъ; въ теченіе *трехъ* лѣтъ въ 8 пунктахъ; въ теченіе *двухъ* лѣтъ въ 20 пунктахъ; остальныя открылись въ теченіе 1896 г. Въ распоряженіи Общества было 13 фонарей и 83 книги для чтенія. Послѣднія пересылались по почтѣ примѣнительно къ требованіямъ абонентовъ, хотя удовлетворить вполнѣ ихъ выборъ было чрезвычайно трудно — такъ были велики требованія на картины. На рукахъ у завѣдующаго ими нерѣдко оставалось два-три чтенія — и только. Въ виду дальности разстоянія нѣкоторыхъ пунктовъ отъ Нижняго приходилось отсылать картины, пока прочитанное чтеніе было еще только въ пути въ Нижній; иначе чтенія значительно запаздывали. Въ нѣкоторыя села картины пересылались съ оказіей, по недѣлѣ и болѣе лежали на конечныхъ почтовыхъ станціяхъ, затруднительна была и обратная пересылка чтеній. Нѣкоторыя чтенія велись въ пунктахъ, отстоявшихъ отъ Нижняго на 200 и болѣе верстъ. Въ болѣе отдаленные пункты высылалось по нѣскольку чтеній за разъ, во избѣжаніе излишней пересылки. Мѣстами допускался обмѣнъ чтеніями, но ввести большой круговой обмѣнъ представлялось чрезвычайно труднымъ.

Въ 54 пунктахъ губерніи (относительно 10 нѣтъ свѣдѣній) въ теченіе года было болѣе 430 чтеній (въ 1895 г. до 300 чтеній); въ это число не вошли чтенія, устраиваемыя путемъ абонемента чтеній въ мастерскихъ, выписки картинъ на прокатъ, и отъ другихъ лицъ и учрежденій помимо Общества, такъ что общее число чтеній въ дѣйствительности было значительно больше (напр., въ г. Семеновѣ, Горбатовѣ, въ с.с. В. Врагѣ, Сормовѣ, Передѣльномъ, Карповкѣ, Пурехѣ, Мурашкинѣ и др.). Въ 64 пунктахъ въ теченіе года было до 7.500 посѣтителей.

Во многихъ мѣстахъ количество посѣтителей обусловливалось помѣщеніемъ, не вмѣщавшимъ всѣхъ желавшихъ послушать чтеніе. Были нерѣдко случаи, когда приходилось устраивать второе чтеніе въ одинъ день, чтобы удовлетворить желаніе посѣтителей. Отовсюду идутъ жалобы на тѣсноту и недостатокъ помѣщеній. Въ нѣкоторыхъ пунктахъ вслѣдствіе этого чтенія для дѣтей устраиваются отдѣльно отъ взрослыхъ. Въ г. Макарьевѣ, с. Пурехѣ, Гагинѣ и др. поднимается вопросъ объ устройствѣ спеціальныхъ аудиторій для чтеній. Большею частью они производятся въ училищахъ, въ волостныхъ правленіяхъ, въ конторѣ завода (село Выкса), при городской управѣ, въ помѣщеніяхъ частныхъ лицъ, помѣщиковъ и т. п. Завѣдующій чтеніями въ с. Терюшевѣ пишетъ: «Относительно того, что желающихъ посѣщать эти чтенія было слишкомъ много, нечего и говорить. Какъ въ селѣ, такъ и въ деревняхъ чтенія велись въ училищахъ, какъ самыхъ помѣстительныхъ зданіяхъ, въ которыхъ безъ особенной тѣсноты можетъ помѣститься не болѣе 150 чел. Но въ нихъ помѣщалось гораздо болѣе, от-

чего происходило не мало безпорядковъ—крики и стоны; не разъ отъ недостатка воздуха угасалъ фонарь, такъ что для возобновленія чтенія приходилось высылать посѣтителей—для очищенія воздуха. Пробовали раздавать на входъ безплатные билеты, но и это не помогало, такъ какъ народъ дѣйствовалъ *напоромъ*. На чтеніяхъ были мужчины и женщины. Желающихъ посѣщать чтенія не удерживало и то, что чтенія эти бывали и въ будніе дни». Въ с. Гнилицахъ, «за неимѣніемъ мѣста въ классной комнатѣ приходилось довольствоваться корридорнымъ помѣщеніемъ; собиралось по 300 человѣкъ». Иногда чтеніе переносилось на будній день съ тѣмъ, чтобы не было до крайности большого наплыва слушателей.

Посѣщали чтенія вэрослые, дѣти, старики и женщины. Привлекали чтенія и мѣстную интеллигенцію. Завѣдующими чтеніями были учителя, учительницы, священники, врачи и частныя лица.

Лекторами на чтеніяхъ выступали не только завѣдующіе ими, но и посторонния лица. Въ числѣ ихъ мы видимъ и духовныхъ, и свѣтскихъ лицъ: учителей, крестьянъ, помѣщиковъ, врачей, служащихъ при волостныхъ правленіяхъ. Принимали участіе въ чтеніяхъ и школьники: они большею частью читали стихотворенія и мелкіе разсказы. Участіе дѣтей и окончившихъ курсъ въ начальныхъ училищахъ особенно желательно: оно поддерживаетъ связь ихъ со школой и внѣ ея, а эта связь особенно дорога для интересовъ народнаго просвѣщенія.

Переходя къ характеристикѣ того, что прочитано, и что особенно часто читалось на чтеніяхъ, мы должны сказать, что матеріалъ чтеній всецѣло исчерпывался тѣми 83 чтеніями, которыя имѣло въ своемъ распоряженіи Общество. Изъ нихъ было религіозныхъ 13, историческихъ 28, литературныхъ 20, естественно-научныхъ 22 чтенія, разрѣшенныхъ для народныхъ чтеній.

Прочитывалось обыкновенно одно или два, рѣдко три произведенія. Читались иногда брошюры безъ картинъ, преимущественно религіозно - нравственнаго содержанія. Вкусы посѣтителей чтеній очень разнообразны. Наблюдая за слушателями, слѣдя за отзывами ихъ о чтеніяхъ, ихъ интересѣ, завѣдующіе приводятъ иногда самые противоположные отзывы. Такъ, одинъ стоитъ исключительно за религіозно-нравственную и историческую програму, другой—за естественно-научный матеріалъ, третій выдвигаетъ на первый планъ беллетристику. Разнообразіе вкусовъ зависѣло главнымъ образомъ отъ состава слушателей. Вполнѣ понятно, напр., почему крестьяне села, обильнаго раскольниками, склонны желать исключительно религіознаго чтенія и т. п. Въ Ардатовѣ, напр., «Народная библіотека» служитъ значительнымъ подспорьемъ къ развитію народныхъ чтеній—въ выборѣ читаемаго матеріала. Народныя чтенія, въ свою очередь, играютъ роль руководителей литературныхъ вкусовъ въ своихъ слушателяхъ при выборѣ книгъ, получаемыхъ ими изъ библіотеки для чтенія «нà домъ». Въ Макарьевѣ не имѣли успѣха: «Кремль», «Ласточка», «Волга» (благодаря *сухости* изложенія); съ удовольствіемъ слушали: «Крутиковъ», «О Ломоносовѣ»», «Кулибинъ». Въ селѣ же Выксѣ, по словамъ завѣдующаго, чтеніе «Крутиковъ» не имѣло успѣха. Въ с. Черновскомъ, по отзыву священника, слушались внимательно книги духовно-нравственнаго содержанія и историческія; прочія же книги, напр., «Прохожій» Григоровича, не вызывали въ слушателяхъ большого интереса. Въ отчетахъ за прежніе годы указывается неуспѣхъ чтенія «Конекъ-горбунокъ», а теперь оно «заинтересовало и увлекло слушате-

лей»; чтеніе «о грозѣ» встрѣчалось съ недовѣріемъ. «Это можно объяснить тѣмъ, что народъ въ нашемъ селѣ,— пишетъ завѣдующій,—«неразвитой»; село находится въ мѣстности глухой, *школа* существуетъ только *второй* годъ». «Чтеніе «о грозѣ», — пишетъ другой,—всѣхъ очень заинтересовало». Въ с. Илларіоновѣ отмѣчается особенный, потрясающій успѣхъ чтенія объ Императорѣ Александрѣ II. Въ с. Чижковѣ «большее вниманіе слушателей останавливали на себѣ статьи съ болѣе живымъ языкомъ, напр., «Тарасъ Бульба», «Полтава», «Архангельскіе китоловы»; статьи же: «Іоаннъ Грозный», «Императоръ Александръ II», «Петръ Великій», «Двѣнадцатый годъ» имѣли уже опредѣленный кругъ слушателей, такъ какъ тутъ требуется болѣе серьезное отношеніе къ книгѣ; да, кромѣ того, эти чтенія изложены тяжелымъ и не совсѣмъ понятнымъ языкомъ для неграмотнаго крестьянина. Изъ наблюденій видно, что наибольшій интересъ слушателей возбуждаютъ объясненія явленій природы. Я думаю, что съ большимъ вниманіемъ и пользой для слушателей прошли бы чтенія по естествознанію, географіи и міровѣдѣнію».

Значительному успѣху чтеній способствовало участіе хора пѣвчихъ, организованнаго въ очень многихъ пунктахъ (с. Юринѣ, Б. Мурашкинѣ, Гнилицахъ, Ардатовѣ, Выксѣ, Павловѣ, Терюшевѣ и др.). На чтеніяхъ исполнялись духовные концерты, гимны, патріотическія, народныя и хоровыя пѣсни. Завѣдующіе чтеніями иногда организуютъ продажу книгъ отъ Общества распространенія начальнаго образованія въ Нижегородской губ. Слушатели нерѣдко покупаютъ прочитанныя брошюры и книги и во всякомъ случаѣ охотнѣе берутъ ихъ подъ вліяніемъ чтенія. На нѣкоторыхъ чтеніяхъ эта продажа идетъ очень успѣшно (въ с. Мурашкинѣ, Передѣльномъ и др.).

Нѣтъ, кажется, нужды говорить подробно объ отношеніи слушателей къ чтеніямъ. Оно вездѣ было одинаковымъ: чтенія встрѣчали полное глубокое сочувствіе въ народной массѣ. Представляя единственное развлеченіе въ деревнѣ, они постоянно привлекали вниманіе и интересъ народа, развивали до извѣстной степени любознательность и интересъ къ книгѣ. Успѣхъ чтеній тѣмъ болѣе изумителенъ, что программа ихъ очень скудна и однообразна.

Послѣ каждаго чтенія слушатели благодарятъ чтеца, спрашиваютъ, когда будетъ слѣдующее чтеніе, иногда справляются, сколько стоитъ книга, которая была прочитана, и гдѣ ее можно достать. Во время чтенія приходится слышать просьбу—читать погромче или «порѣже». «Чтенія (въ с. Терюшевѣ) приняты народомъ сочувственно; народъ постоянно спрашивалъ, когда будетъ слѣдующее чтеніе; многіе выражали желаніе сдѣлать подписку на пріобрѣтеніе доступныхъ по цѣнѣ книгъ, а также и своего фонаря; многіе желали сдѣлать посѣщеніе чтеній платнымъ, лишь бы не было особенной тѣсноты. Опредѣлить, что привлекаетъ крестьянъ на чтенія—простое ли любопытство (смотрѣть картины), новость ли этихъ чтеній, или же дѣйствительно желаніе послушать и чѣмъ-нибудь занять праздное время, — пока еще очень трудно. Судя по нѣкоторымъ даннымъ, можно прямо сказать, что очень многіе являлись единственно для того, чтобы слушать читаемое. Они всегда останавливаютъ шумъ дѣтей и другихъ, пришедшихъ только изъ за картинъ, просятъ повторять непонятое и неразслышанное, просятъ назначать имъ чтенія особо отъ дѣтей и простыхъ зѣвакъ; просили также постараться завести свою библіотеку и фонарь. Чтенія со временемъ, можетъ быть, отвлекутъ народъ отъ толкотни у винныхъ лавокъ, а также, конечно,

будутъ имѣть не малое вліяніе и на умственное развитіе народа».

«Въ нынѣшній зимній сезонъ (въ с. Гагинѣ) успѣхъ чтеній превзошелъ ожиданія. На каждомъ изъ чтеній слушателей, среднимъ числомъ, было до 300 чел.; на чтеніяхъ даже бываютъ слушатели изъ ближнихъ селъ и деревень. Слушатели такъ заинтересовались чтеніями, что положительно осаждаютъ разспросами, когда будетъ еще чтеніе, или—будетъ ли въ слѣдующее воскресенье чтеніе, и всегда очень жалѣютъ, когда имъ придется отвѣтить въ отрицательномъ смыслѣ. Чтеніе «Императоръ Александръ II», какъ извѣстно, раздѣлено на 2 части, и когда было прочитано первое чтеніе, а второе думали оставить до другого раза, то вся слушающая публика просила и второе чтеніе прочитать въ этотъ же вечеръ, не смотря на то, что большей части слушателей приходилось стоять все время за неимѣніемъ мѣстъ для сидѣнья».

«На чтенія (читаемъ въ одномъ изъ отчетовъ) допускаются всѣ, безъ различія пола, возраста, званія и состоянія. Въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ наплывъ бываетъ громадный; толпа волнуется, движется, одушевляемая невѣдомымъ до того восторгомъ и подъ вліяніемъ читаемаго живетъ, отдаваясь своимъ душевнымъ порывамъ». «Чтенія (въ с. Юринѣ), какъ и прежде, пользовались большимъ успѣхомъ. Школьное помѣщеніе почти всегда было переполнено публикой (отъ 200 до 300 чел.). Въ числѣ посѣтителей очень часто бываютъ наши молокане и раскольники. Особенно много ходитъ на чтенія подростковъ, которые учились и окончили курсъ въ школѣ; посѣщаютъ также много женщинъ и дѣтей. Чтенія успѣли пріобрѣсти большое сочувствіе среди нашего простонародья. Они развиваютъ въ немъ любовь къ книгѣ. Послѣднее обстоятельство побудило озаботиться устройствомъ въ нашемъ мѣстѣ народной безплатной библіотеки, что исполнено нами, благодаря содѣйствію Общества распространенія начальнаго образованія. Послѣднее не отказало прислать, по нашей просьбѣ, такъ называемую летучую школьную библіотеку № 31-й. Всѣ книжки этой библіотеки раздаются чтецами почти въ одинъ пріемъ и читаются съ большою охотою и любовью нашими крестьянами, преимущественно молодымъ поколѣніемъ. Сельскіе любители читаютъ, главнымъ образомъ, историческіе и географическіе разсказы, деревенскіе — религіозно-нравственное. Можно надѣяться, что народныя чтенія сдѣлаются со временемъ для простого народа насущной потребностью. Идутъ на чтенія грамотные и неграмотные, старики, юноши, дѣти, и всѣ находятъ въ чтеніяхъ для себя интересъ. Задолго до начала чтеній помѣщеніе наполняется слушателями, которые съ нетерпѣніемъ ожидаютъ прибытія чтецовъ. Появляется чтецъ, и вся толпа прекращаетъ разговоры, превращается въ слухъ и вниманіе. Даже дѣти—и тѣ проникаются торжественностью настроенія массы и ведутъ себя чинно, хотя не всегда, не смотря на продолжительность чтеній (около $1^1/_2$ и 2 час.). Съ глубокимъ вниманіемъ многіе посѣтители слушаютъ чтенія, разсматриваютъ туманныя картины и очень неохотно оставляютъ школу, ожидая, не прочтутъ ли имъ еще что-нибудь». «Чтенія очень заинтересовали и привлекли къ себѣ вниманіе всего нашего маленькаго общества (въ г. Макарьевѣ): на нихъ всегда можно было видѣть представителей всѣхъ мѣстныхъ сословій и всѣхъ возрастовъ, начиная съ пятилѣтняго. Небольшое помѣщеніе съ трудомъ вмѣщало въ себѣ желающихъ присутствовать на чтеніяхъ; изъ-за тѣсноты многіе, даже помимо своего желанія, не могли попасть на нихъ, о чемъ послѣ съ сожалѣніемъ и заявляли. Весьма отрадное впечатлѣніе

производили порядокъ и отношеніе слушателей къ чтеніямъ: порядокъ и тишина во время чтеній и въ антрактахъ были образцовые и ни разу не пришлось обратиться къ массѣ слушателей съ обычнымъ возгласомъ: «Господа, нельзя ли потише!»—только изрѣдка нетерпѣливая толпа дѣтей, всегда въ большомъ количествѣ наполнявшихъ нашу аудиторію, приглашалась къ порядку: перестать разговаривать и шептаться. Послѣ каждаго чтенія между слушателями происходилъ горячій обмѣнъ мыслей по поводу слышаннаго, дѣлались свои выводы, заключенія, а иногда и сравненіе съ дѣйствительными житейскими фактами. Новое дѣло очень заинтересовало все наше общество, и интересъ этотъ не одно простое любопытство отъ праздности, а желаніе услышать доброе, полезное слово и поученіе... Послѣ чтеній ко мнѣ чаще стали обращаться съ просьбами дать книжекъ для чтенія, но эти просьбы я не всегда могъ удовлетворить, за неимѣніемъ спеціальной народной библіотеки. Мысль объ устройствѣ послѣдней въ Макарьевѣ меня очень занимаетъ, и я надѣюсь со временемъ ее осуществить». Обыватели г. Макарьева смотрятъ на воскресныя чтенія не какъ на простую забаву, а видятъ въ нихъ поучительную бесѣду лектора съ ними. Чтенія всегда заканчивались выраженіемъ благодарности лектору за понесенный трудъ. Всѣхъ посѣтителей перебывало на чтеніяхъ до 1.000 чел., болѣе половины населенія города Макарьева. Здѣсь можно было видѣть не только «молодежь», но и пожилыхъ отцовъ и даже дѣдовъ семействъ. Въ послѣднее время стали являться на чтенія женщины, чего на первыхъ порахъ не замѣчалось.

Въ прежнихъ отчетахъ Общества былъ отмѣченъ одинъ только случай недоброжелательнаго отношенія къ чтеніямъ. Теперь и онъ исчезъ. «Доброе дѣло, — пишетъ завѣдующій, — развивается и уже больше не встрѣчаетъ противодѣйстія со стороны тайныхъ недоброжелателей его. Всѣ смолкли, убѣдясь въ искренности и разумности цѣлей его. Когда-то начатое энергіей и усиліемъ одного лица, оно привлекло теперь симпатіи и другихъ дѣятелей, а отъ дружнаго согласія и успѣхъ, несомнѣнно, возросъ. По крайней мѣрѣ, довѣріе къ чтеніямъ со стороны народа полнѣйшее. Ихъ больше ужъ не считаютъ незаконнымъ новшествомъ, въ нихъ чувствуютъ потребность и на зовъ устроителей его идутъ весьма охотно»

Отмѣчаетъ сравнительно слабый успѣхъ чтеній завѣдующій ими въ с. Выксѣ. Онъ объясняетъ его отчасти скудостью матеріала чтеній, отчасти чисто мѣстными неблагопріятными условіями, вредно отзывавшимися на народныхъ чтеніяхъ. Въ трудахъ мѣстной интеллигенціи лежитъ главный залогъ успѣха этого дѣла и дальнѣйшее его развитіе. Она поддерживаетъ его личными трудами и даже матеріальными жертвами и затратами.

«Передъ нами (въ Сергач. у.) мнѣніе о чтеніихъ 20-ти священниковъ. Изъ нихъ только *одинъ* отнесся къ нимъ скептически, увѣряя, что особенной пользы ожидать нечего, такъ какъ большинство приходитъ на чтеніе не изъ *любознательности*, а изъ любопытства». «Лучшіе помощники народныхъ чтеній,—пишетъ А. Г. Ермолова, — учителя и учительницы, съ такой радостью и энергіей взявшіеся за устройство чтеній. Одной учительницѣ (да и не одной) пришлось *три вечера подрядъ* читать слушателямъ въ 200 человѣкъ, да еще растолковывать прочитанное и объяснять картины! Мнѣ нравится, что учителя и учительницы ближайшихъ селеній помогали при этихъ этихъ чтеніяхъ другъ другу».

Общественыя учрежденія нерѣдко тоже сочувственно относятся къ чтеніямъ (въ г. Макарьевѣ, Ардатовѣ, Семеновѣ и др.). Случаи враждебнаго отношенія къ чтеніямъ со стороны представителей мѣстной деревенской «аристократіи» очень рѣдки. Въ одномъ, напр., пунктѣ недоброжелатели лицемѣрно придирались къ учителю за то, что онъ на первомъ чтеніи прочелъ «Конька-горбунка». Въ другомъ пунктѣ лицо, своимъ положеніемъ предназначенное содѣйствовать нравственно-просвѣтительнымъ учрежденіямъ, не стѣснялось публично съ каѳедры говорить посѣтителямъ чтеній, что имъ тамъ «будутъ показывать свиней», намекая на комическія картинки, которыя изрѣдка показывались на чтеніяхъ.

Народныя чтенія именно и должны разсѣять проявленіе такого недовѣрія и создать себѣ симпатіи и сочувствіе среди деревенской интеллигенціи. Въ своемъ просвѣтительномъ вліяніи на деревенскую среду, они такимъ образомъ должны захватить косвенно и тѣхъ лицъ, которыя еще не сознали вполнѣ значенія и цѣли народныхъ чтеній. Незамѣтный, но хлопотливый трудъ устроителей и руководителей чтеній вознаграждается всецѣло тѣми добрыми результатами, какіе даютъ въ деревнѣ чтенія. Чтенія ведетъ Общество уже 4 года. За все это время имъ затрачено на картины и фонари для чтеній не болѣе 1.300 руб. и на расходы по организаціи чтеній всего до 200—300 р. Деревенскія чтенія Общества находятся теперь въ самыхъ благопріятныхъ условіяхъ для своего развитія. За это дѣло взялось Нижегородское губернское земство. Идя рука объ руку съ Обществомъ въ этомъ симпатичномъ предпріятіи, обладая крупными средствами, земство должно охватить чтеніями всѣ уголки губерніи. Общество указываетъ ему тѣ пути, какими оно должно идти въ этомъ направленіи, даетъ готовую прочную организацію *подвижныхъ народныхъ чтеній.* Этотъ примѣръ Общества весьма поучителенъ и долженъ вызвать подражаніе и въ другихъ мѣстахъ. **Н. Іорданскій.**

За границей.

Чествованіе г-жи Клемансъ Ройе. Недавно въ Парижѣ состоялось очень трогательное торжество—чествованіе женщины, г-жи Клемансъ Ройе, про которую Ренанъ однажды выразился, что она «геніальный мужчина». Клемансъ Ройе, теперь уже старушка, пріобрѣла громкую извѣстность во Франціи своими философскими сочиненіями и переводомъ книги Дарвина о происхожденіи видовъ. Женщина безспорно талантливая и разносторонне образованная, г-жа Ройе, тѣмъ не менѣе, не имѣетъ никакой ученой степени, и въ Парижѣ, гдѣ она собиралась читать лекціи во времена второй имперіи, ей не хотѣли даже предоставить залу въ помѣщеніи Сорбонны. Многіе подняли страшный крикъ, когда выставлена была ея кандидатура въ «Academie des sciences morales et politiques», такъ что г-жа Ройе сама отказалась отъ кандидатуры. Дѣло въ томъ, что г-жа Ройе шокировала тогдашнее французское общество смѣлостью своихъ взглядовъ, своимъ увлеченіемъ теоріей Дарвина и проповѣдываніемъ его взглядовъ. Она много содѣйствовала своими сочиненіями и переводомъ книги Дарвина, которую она снабдила замѣчательнымъ предисловіемъ, распространенію ученія Дарвина во Франціи. Ея лекціи и сочиненія вызывали много шума и споровъ, поэтому у нея явилось много убѣжденныхъ послѣдова-

телей, но еще больше жестокихъ враговъ. Особенно вооружилось противъ нея духовенство и одинъ аббатъ даже громко однажды сказалъ, что Клемансъ Ройе—единственная женщина, которую онъ отъ души желалъ бы поколотить! Къ счастью, для г-жи Ройе сердитый аббатъ никогда не привелъ въ исполненіе своего намѣренія, но, тѣмъ не менѣе, духовенство всегда причиняло ей массу непріятностей, а французское правительство относилось къ ней очень недружелюбно и даже запретило ея философскій романъ «Les jumeaux d'Hellas», который былъ также запрещенъ и папой.

Г-жа Клемансъ Ройе исключительно обязана своему личному труду всѣмъ своимъ образованіемъ. Она въ буквальномъ смыслѣ слова увлеклась наукой и въ двадцать пять лѣтъ, порвавъ всѣ связи со свѣтомъ и семьей, удалилась въ швейцарскую деревушку и тамъ, вдали отъ всякой мірской суеты, принялась за изученіе философіи, соціологіи, исторіи и т. д. Когда она выступила въ публикѣ со своими сочиненіями и лекціями по философіи, прочитанными въ Лозаннѣ, то, какъ мы уже говорили, навлекла на себя, съ одной стороны, громъ и молнію, съ другой же создала себѣ громкую репутацію ученой женщины и нашла не мало учениковъ и послѣдователей, особенно въ Швейцаріи. Послѣ Лозанны ее пригласили читать лекціи въ Невшателѣ и Женевѣ, но самый большой тріумфъ ее ожидалъ впереди. Швейцарское правительство объявило въ 1861 г. конкурсъ на лучшее сочиненіе о налогахъ; г-жа Ройе представила свой трудъ, и первая премія была присуждена ей и Прудону, который также представилъ свое сочиненіе на ту же тему.

Послѣ этого торжества г-жа Ройе прочла рядъ лекцій въ Бельгіи, Голландіи, Италіи и, наконецъ, въ Парижѣ. Она написала цѣлый рядъ ученыхъ трактатовъ, преимущественно по соціологіи и философіи: «Science de la vie», «La Constitution», «Du monde de l'ordre cosmique», «Attraction et gravitation» и т. д. Въ 1870 году появилась ея книга «Origine de l'homme et des sociétés» *), въ которой она высказываетъ такіе же взгляды, какъ и великій англійскій натуралистъ, и дѣлаетъ смѣлые выводы, подтвержденные, впрочемъ, и нѣкоторыми другими учеными впослѣдствіи, какъ, напр., Летурно, Лавелле и др. Но даже тѣ, кто не раздѣляетъ всѣхъ ея взглядовъ и не принадлежитъ къ числу ея послѣдователей, все таки признаютъ ея заслуги, громадный умъ и эрудицію. На банкетѣ, устроенномъ въ честь г-жи Ройе, Левассёръ указалъ на то, что она во времена имперіи открыла новые горизонты французскому обществу, что до нѣкоторой степени напугало оффиціальную науку. Всѣ полученныя изъ Англіи, Швейцаріи и Америки телеграммы выражали такія же похвалы и восхищеніе умомъ замѣчательной женщины. Старушка была тронута до слезъ и дрожащимъ отъ волненія голосомъ отвѣчала на тосты и привѣтствія: «Я думала, что уже забыта своимъ поколѣніемъ, а современное поколѣніе меня не знаетъ. Вы меня подняли на такую высоту, что у меня кружится голова и я спрашиваю себя, не буду ли я завтра забыта? Благодарю васъ, мои друзья прежнихъ дней и друзья нынѣшніе! Я жила уединенно, не ожидая ничего отъ жизни. Но волна подхватила меня и вознесла и дала мнѣ возможность, передъ смертью, познать высшія радости, благодарю васъ всѣхъ за это!»

Въ настоящее время г-жа Клемансъ, почти семидесятилѣтняя старуха, живетъ въ тиши и уединеніи въ той же

*) Объ этой книгѣ писалъ Н. К. Михайловскій. Т. V. Теорія Дарвина и общественная наука.

самой швейцарской деревушкѣ, въ которой жила и училась въ молодости. Годы хотя и подкосили ея физическія силы, но умъ ея остался такой же бодрый и сильный, и она по цѣлымъ днямъ сидитъ въ своемъ старинномъ большомъ креслѣ, обложенная книгами, учеными сочиненіями, относящимися къ тѣмъ вопросамъ, которые такъ сильно увлекали ее въ молодости, да и теперь не перестали интересовать.

Клубы для работницъ въ Бристолѣ. Бристоль былъ однимъ изъ первыхъ англійскихъ городовъ, въ которомъ получили широкое распространеніе клубы для работницъ, существующіе тамъ уже болѣе 40 лѣтъ. За это время клубы непрерывно развивались, и въ качественномъ, и въ количественномъ отношеніи, и въ февралѣ этого года они были объединены въ «Ассоціацію клубовъ для работницъ въ Бристолѣ и его окрестностяхъ». До сихъ поръ между отдѣльными клубами не было никакой связи, каждый клубъ существовалъ независимо отъ другого, и это невыгодно отзывалось на ихъ дѣятельности. Устроители ихъ пришли къ убѣжденію, что необходимо объединить всѣхъ работающихъ на этомъ поприщѣ и установить общеніе между ними. Кромѣ этой главной цѣли, задачи новаго общества заключаются въ слѣдующемъ: 1) содѣйствовать возникновенію новыхъ клубовъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ въ нихъ чувствуется потребность; 2) содѣйствовать образовательной дѣятельности клубовъ, разыскивая лекторовъ и преподавателей; помогать при устройствѣ развлеченій, устраивать конкурсы и празднества для всѣхъ клубовъ, входящихъ въ составъ ассоціаціи; 3) собирать свѣдѣнія объ условіяхъ женскаго труда и о разныхъ учрежденіяхъ, ставящихъ себѣ цѣлью помощь трудящимся женщинамъ; 4) устраивать періодическія собранія всѣхъ руководителей клубовъ. Президентомъ ассоціаціи состоитъ миссъ Клиффордъ. Въ настоящее время къ ассоціаціи уже примкнуло 26 клубовъ. Каждому изъ нихъ были разосланы вопросные листы, и изъ полученныхъ отвѣтовъ можно составить себѣ общую характеристику этихъ учрежденій. Оказывается, что всѣ они вмѣстѣ насчитываютъ около 1.240 членовъ и въ общемъ организованы по одному типу, хотя въ нѣкоторыхъ и встрѣчаются разныя отступленія. Клубы эти представляютъ учрежденія, члены которыхъ собираются по нѣскольку вечеровъ въ недѣлю для совмѣстныхъ занятій или просто для отдыха и развлеченія. Почти во всѣхъ преподаются рукодѣлья и шитье; очень часто устраиваются также классы музыки и пѣнія; классы повареннаго искусства и ремеслъ, какъ, напр., плетеніе корзинокъ, работы изъ кожи и пр., встрѣчаются рѣже. Хотя большинство клубовъ, главнымъ образомъ, имѣетъ въ виду предоставить своимъ членамъ пріятный отдыхъ и развлеченіе, въ очень многихъ изъ нихъ существуютъ вечерніе классы, въ которыхъ преподается географія, ботаника, рисованіе и другіе предметы. У половины клубовъ есть библіотеки, причемъ число книгъ, входящихъ въ составъ ихъ, колеблется отъ 30 до 200. Очень распространены всевозможныя игры и гимнастическія упражненія, являющіяся очень полезными для дѣвушекъ, проводящихъ цѣлые дни въ фабрикахъ и мастерскихъ. Въ двухъ изъ бристольскихъ клубовъ существуютъ дешевыя столовыя, въ которыхъ дѣвушки, живущія далеко отъ мѣста работы, могутъ отдохнуть и пообѣдать во время перемѣны, вмѣсто того, чтобы идти домой черезъ весь городъ. Эти столовыя особенно цѣнятся работницами въ дурную погоду; вообще ими ежедневно пользуется отъ 70 до 100 человѣкъ.

Во время обѣда, обыкновенно, устраиваются маленькіе концерты или дежурныя въ клубѣ просто приходятъ поболтать съ обѣдающими и почитать имъ что-нибудь.

Большимъ неудобствомъ для клубовъ является недостатокъ лекторовъ, музыкантовъ, чтецовъ. Въ виду этого часто бываетъ очень затруднительно разнообразить программу вечеровъ и дѣлать ихъ интересными для членовъ. Здѣсь помощь новообразовавшейся ассоціаціи можетъ оказаться весьма полезной, потому что она будетъ центромъ, снабжающимъ отдѣльные клубы добровольными помощниками.

Жилища рабочихъ въ Швейцаріи. Швейцарская фабричная инспекція произвела въ 1892 г. изслѣдованіе жилищъ рабочихъ въ кантонахъ Цюриха, Берна, Базена и С. Галлена, и собрала свѣдѣнія относительно 2.026 домовъ съ 5.029 квартирами. Изъ нихъ болѣе полутора тысячъ принадлежатъ къ типу такъ наз. «фабричныхъ домовъ», устраиваемыхъ фабрикантами, а остальные—частнымъ строительнымъ обществамъ. Фабричные дома въ Швейцаріи распространены преимущественно въ деревняхъ. Особенно большой процентъ такихъ домовъ даетъ хлопчато-бумажная промышленность: вслѣдствіе большой дешевизны водяныхъ двигателей и труда, такія фабрики часто устраиваются въ деревняхъ и маленькихъ мѣстечкахъ. Фабрики тотчасъ же привлекаютъ къ себѣ массу пришлаго элемента, которому нуженъ пріютъ, и вотъ съ этой цѣлью и воздвигаются фрабричные дома для рабочихъ.

Какія же помѣщенія получаютъ рабочіе въ этихъ домахъ? Въ настоящее время прежнія рабочія казармы, раздѣленныя на множество маленькихъ квартирокъ, признаются уже устарѣвшими и всюду господствуетъ другой типъ построекъ — маленькіе домики, предназначенные для одной или нѣсколькихъ семей. Домики съ одной и двумя квартирами составляютъ болѣе 50° всѣхъ фабричныхъ домовъ. Изслѣдованіе фабричныхъ инспекторовъ выяснило, что квартиры въ фабричныхъ домахъ въ общемъ обставлены гораздо лучше, чѣмъ частныя квартиры. Число рабочихъ квартиръ въ 1 комнату очень незначительно: въ фабричныхъ домахъ квартиры въ 1 и въ 2 комнаты составляютъ только $^1/_{12}$ всѣхъ квартиръ; въ частныхъ домахъ число ихъ уже гораздо больше. Семья съ 3—4 дѣтьми занимаетъ обыкновенно квартиру въ нѣсколько комнатъ: общая комната, спальня родителей и одна или двѣ дѣтскихъ. Этимъ условіямъ дѣйствительно удовлетворяютъ $^3/_4$ всѣхъ квартиръ въ фабричныхъ домахъ. Кухня всегда устраивается особо. Обстановка рабочихъ квартиръ самая разнообразная. Стѣны обыкновенно бываютъ обшиты досками; голыя штукатуренныя стѣны встрѣчаются рѣдко. Двойныя рамы считаются необходимой принадлежностью хорошей квартиры. Для отопленія обыкновенно существуютъ кафельныя печи, хотя встрѣчаются и простыя желѣзныя печурки. Вообще же печи бываютъ далеко не во всѣхъ комнатахъ, да и тамъ, гдѣ онѣ есть, ихъ топятъ не часто, изъ экономіи на дровахъ. Вслѣдствіе этого зимою нѣкоторыя комнаты во многихъ квартирахъ пустуютъ и всѣ тѣснятся въ одной, чтобы было потеплѣе. Фабричные инспектора съ неудовольствіемъ отмѣчаютъ тотъ фактъ, что въ спальняхъ очень часто попадаются дешевые ковры, являющіеся прекрасными разсадниками для пыли. За послѣдніе годы замѣтно большое усовершенствованіе въ устройствѣ кухонь: прежнія громоздкія плиты и печки все болѣе и болѣе вытѣсняются маленькими газовыми печками. При этомъ рѣшительно вездѣ соблюдаются всѣ мѣры предосторожности.

*

При многихъ фабричныхъ домахъ встрѣчаются маленькіе садики. Садики эти рѣдко имѣютъ какое-нибудь экономическое значеніе и въ большинствѣ случаевъ просто служатъ мѣстомъ отдохновенія для взрослыхъ; дѣти проводятъ въ нихъ цѣлые дни. За послѣднее время въ фабричныхъ домахъ все чаще и чаще устраиваются отдѣльные водопроводы. Во многихъ мѣстахъ водоснабженіе лежитъ на обязанности общиннаго управленія, хотя часто его берутъ на себя и фабриканты.

Какія-нибудь учрежденія для дѣтей (ясли, школы, дѣтскіе сады и пр.) рѣдко упоминаются въ отчетахъ фабричныхъ инспекторовъ, но это, по ихъ собственнымъ словамъ, происходитъ отъ того, что почти въ каждой деревнѣ, а тѣмъ болѣе въ городѣ, уже существуютъ такія учрежденія, устраиваемыя мѣстнымъ общественнымъ управленіемъ или благотворительными обществами, такъ что эти потребности фабричнаго населенія находятъ себѣ удовлетвореніе внѣ фабричныхъ помѣщеній.

Относительно квартирной платы прежде всего бросается въ глаза разница между частными квартирами и квартирами, устраиваемыми фабрикантами. Мы видѣли, что эти послѣднія, въ смыслѣ удобствъ и помѣстительности, стоятъ гораздо выше частныхъ квартиръ; оказывается, что онѣ и значительно дешевле ихъ. Только 4% частныхъ квартиръ стоятъ 100 фр. за четверть года и менѣе, между тѣмъ какъ въ фабричныхъ домахъ такихъ квартиръ болѣе 25%.

Отчетъ фабричныхъ инспекторовъ указываетъ однако на то, что, устраивая хорошія и сравнительно дешевыя квартиры для рабочихъ, фабриканты руководствуются не столько соображеніями гуманности, сколько личнымъ интересомъ. Имъ нужно обезпечить себѣ надлежащее количество рабочихъ вблизи своей фабрики и, такъ сказать, прикрѣпить ихъ къ ней выгодными условіями помѣщенія. Разсчетъ этотъ ясно сквозитъ въ томъ фактѣ, что при уходѣ рабочаго съ фабрики, квартирный контрактъ его тотчасъ же расторгается. При выселеніи рабочихъ съ квартиры часто прибѣгаютъ къ самымъ рѣшительнымъ мѣрамъ, такъ что въ послѣднее время рабочіе начинаютъ уже добиваться законодательнаго регулированія этого вопроса.

Приведенные факты свидѣтельствуютъ о томъ, что фабричныя жилища въ Швейцаріи стоятъ сравнительно на довольно высокомъ уровнѣ. Тѣмъ не менѣе, фабричные инспектора указывали неоднократно на то, что въ гигіеническомъ отношеніи они оставляютъ еще желать очень многаго; и частная, и общественная благотворительность въ Швейцаріи, по мѣрѣ силъ, старается облегчить жилищную нужду рабочихъ.

Распространеніе университетскаго образованія въ Чикаго. Одновременно съ открытіемъ въ 1892 г. университета въ Чикаго, въ этомъ городѣ возникло и отдѣленіе для распространенія университетскаго образованія (University-extension). Отдѣленіе это было организовано на самыхъ широкихъ началахъ и ставило себѣ задачей распространеніе университетскаго образованія тремя путями — лекціями, такъ-называемыми «классами» (бесѣдами послѣ лекцій) и перепиской со студентами. Въ Чикаго и его окрестностяхъ нашлись тысячи людей, не имѣющихъ возможности посвятить себя правильнымъ университетскимъ занятіямъ, и въ тоже время жаждущихъ получить высшее образованіе въ размѣрѣ университетскаго курса. Дѣло съ самаго начала пошло прекрасно, и въ первый же годъ привлекло массу учащихся. Особенный успѣхъ имѣли лекціи. Оказалось, что въ то время какъ

въ университетѣ въ теченіе года занималось около 2.000 человѣкъ, на курсахъ University-Extension занималось около 27.000 учащихся.

Въ тѣ деревни, гдѣ находился достаточный контингентъ слушателей, университетъ посылалъ лекторовъ. Въ теченіе перваго года было организовано 123 такихъ мѣстныхъ курсовъ, и на нихъ присутствовало болѣе 26.000 человѣкъ. На второй годъ курсы значительно упали въ количественномъ отношеніи: курсовъ было прочитано всего 83 и на нихъ присутствовало менѣе 15.000 человѣкъ. Успѣхъ перваго года объясняется, конечно, интересомъ новизны, между тѣмъ какъ сравнительная неудача второго года зависѣла частью отъ финансоваго кризиса 1893—1894 г., частью отъ всемірной выставки 1893 года, поглотившей всѣ интересы чикагскихъ жителей. Послѣдующіе три года, наоборотъ, распространеніе университетскаго образованія непрерывно и значительно прогрессировало во всѣхъ отношеніяхъ. Слѣдующая табличка даетъ понятіе о ростѣ одной изъ отраслей дѣла, а именно, курсовъ домашняго чтенія до 1896 г.

	1892—1893.	1893—1894.
Количество курсовъ ..	28	29
Количество лекторовъ.	13	17
Число нематрикулированныхъ студентовъ.	634	520
Число матрикулированныхъ студентовъ.	61	153
	1894—1895.	1895—1896.
Количество курсовъ..	34	87
Количество лекторовъ.	27	44
Число нематрикулированныхъ студентовъ.	178	138
Число матрикулированныхъ студентовъ.	202	288

Значительная убыль нематрикулированныхъ студентовъ объясняется тѣмъ, что большинство изъ записавшихся на первый годъ занималось изученіемъ съ помощью домашняго чтенія и переписки съ лекторами иностранными языками и литературами. Въ послѣдующіе же годы въ самомъ университетѣ были сдѣланы значительныя льготы и облегченія для желающихъ изучать эти предметы, такъ что большинство устремилось туда и въ домашнемъ чтеніи не было уже больше такой потребности.

Чикагскій университетъ, находящійся въ центрѣ огромнаго города, окруженнаго многочисленными предмѣстьями и маленькими городками, устраиваетъ рядъ вечернихъ лекцій по субботамъ. Эти лекціи читаются по тѣмъ же предметамъ, и совершенно въ такомъ же объемѣ, какъ настоящіе университетскіе курсы. Они устраиваются всюду, гдѣ находится 6 человѣкъ, безъ различія пола и возраста, желающихъ заниматься.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что чикагскій университетъ дѣйствительно выполняетъ поставленную задачу и дѣлаетъ университетское образованіе доступнымъ для всего народа.

Изслѣдованіе женскаго труда въ Вѣнѣ. Въ вышедшемъ недавно отчетѣ о женскомъ конгрессѣ въ Берлинѣ помѣщенъ интересный докладъ г-жи Шлезингеръ-Экштейнъ. Весной 1896 г. этическое общество въ Вѣнѣ организовало коммиссію для изслѣдованія положенія женщины-работницы въ столицѣ Австріи. На призывъ этическаго общества откликнулись мужчины и женщины самыхъ разнообразныхъ положеній и партійныхъ взглядовъ. Консерваторы работали рука объ руку съ руководителями рабочаго движенія, свѣтскія дамы—наравнѣ съ учительницами и священниками. Коммиссія имѣла 35 засѣданій, во время которыхъ было опрошено 300 представительницъ работницъ и 14 представителей хозяевъ, и собранъ богатый матеріалъ, обнимающій 37 отраслей промышленности. По словамъ членовъ коммиссіи, отзывы самихъ работницъ производили впечатлѣніе безусловной правдивости, хотя бы уже потому, что всѣ онѣ обнаруживали

поразительное равнодушіе къ своей судьбѣ, и, повидимому, считали свое тяжелое положеніе чѣмъ-то совершенно естественнымъ и неизбѣжнымъ. Изъ ихъ словъ выяснилось, что трудная доля женщины-работницы начинается чуть ли не съ дѣтства, во всякомъ случаѣ, съ поступленія ихъ въ ученичество. Живя въ семьѣ хозяина, и въ большинствѣ случаевъ не получая никакой платы, ученицы съ утра до ночи бываютъ завалены работой, и при этомъ часто не имѣютъ даже возможности выучиться ремеслу. Ей постоянно поручаютъ только одну какую-нибудь отрасль работы, а весь процессъ работы держится отъ нея въ тайнѣ. Такъ какъ плата въ большинствѣ ремеслъ производится поштучно, то ученицы и работницы страшно напрягаютъ свои силы, стараясь изготовить побольше готовыхъ издѣлій. Вообще поштучная работа вездѣ оказывается чрезвычайно губительной для здоровья работницъ. Она заставляетъ ихъ растягивать рабочее время до послѣднихъ предѣловъ возможности, работать во время обѣденнаго перерыва, брать съ собою работу на домъ и просиживать надъ нею ночи. Такая чрезмѣрная работа особенно часто встрѣчается въ мелкомъ производствѣ, надъ которымъ не установлено никакого контроля. Въ модныхъ мастерскихъ часто работаютъ всю ночь на пролетъ, а къ утру работницы засыпаютъ тутъ же, на полу въ мастерской. Въ особенно тяжелыхъ условіяхъ находятся женщины, работающія въ кирпичномъ и кровельномъ производствахъ. Работа ихъ начинается съ ранняго утра, какъ только свѣтаетъ, и продолжается до вечера. Работающія на кирпичныхъ заводахъ возятъ на себѣ тачки, тяжело нагруженныя глиной, а кровельщицамъ приходится впрягаться въ повозку, нагруженную иногда 6—800 килогр., и вести ее на постройку, отстоящую на нѣсколько часовъ отъ мастерской. При этомъ ее всегда сопровождаютъ двое мужчинъ, идущихъ рядомъ. Когда коммиссія обратилась къ одному изъ присутствовавшихъ мужчинъ предпринимателей съ вопросомъ, неужели же сопутствующіе мужчины не предлагаютъ работницѣ своей помощи, онъ отвѣтилъ очень откровенно: «Это никому и въ голову не приходитъ. Мужчинѣ было бы стыдно брать на себя работу женщины». Доѣхавъ до мѣста постройки, работница сама переноситъ матеріалъ на крышу, поднимаясь по лѣстницѣ съ тяжелой ношей въ рукахъ. Случается, что въ день ей приходится по 40 разъ взбираться на крышу. Во многихъ отрасляхъ производства встрѣчаются такъ называемыя профессіональныя болѣзни, которыя легко могли бы быть устранены, если бы принимались надлежащія мѣры предосторожности, но мѣры эти почти нигдѣ не принимаются. Въ этомъ отношеніи особенно тяжело положеніе работницъ въ металлическомъ производствѣ, на табачныхъ фабрикахъ, въ щеточныхъ мастерскихъ, и пр. Во многихъ производствахъ малокровіе и туберкулезъ представляютъ обычныя, чрезвычайно распространенныя явленія.

Условія жизни работницъ, какъ выяснило изслѣдованіе, тоже оказывается весьма тяжелымъ. Многія изъ нихъ питаются почти исключительно кофеемъ съ хлѣбомъ, и только по воскресеньямъ ѣдятъ мясо, да и то по большей части конину. Хуже всего приходится вдовамъ съ дѣтьми, или женщинамъ, имѣющимъ незаконныхъ дѣтей. Мастерскія въ гигіеническомъ отношеніи обставлены очень плохо: часто онѣ же служатъ и спальнями. Помѣщенія страдаютъ и отъ недостатка чистоты, и отъ недостатка провѣтриванія и топки: предприниматели экономятъ на дровахъ, и чтобы не заморозить работницъ, избѣгаютъ провѣтривать комнаты.

Всѣ эти злоупотребленія господствуютъ, главнымъ образомъ, въ мелкихъ мастерскихъ. На фабрикахъ санитарныя и другія условія труда стоятъ гораздо выше, и тамъ онѣ подчинены правительственному надзору. Но зато работницамъ приходится очень страдать отъ фабричной дисциплины. Во многихъ фабрикахъ, напр., подъ угрозой денежнаго штрафа, запрещается разговаривать во время работы; денежные штрафы за каждую минуту опозданія назначаются почти повсемѣстно. Въ нѣкоторыхъ производствахъ мастерскія въ обѣденное время закрываются, такъ что работницы при всякой погодѣ должны проводить цѣлый часъ на улицѣ, если онѣ не живутъ гдѣ-нибудь по близости отъ фабрики.

Средній мѣсячный заработокъ работницы въ Вѣнѣ равняется 3 — 4 гульденамъ. При дороговизнѣ Вѣнской жизни этотъ заработокъ является крайне ничтожнымъ, и гораздо менѣе того, какой получаютъ мущины за ту же работу. Къ тому-же не надо забывать, что многимъ работницамъ цѣлые мѣсяцы приходится сидѣть безъ работы, въ тѣхъ отрасляхъ производства, которые работаютъ только въ извѣстные сезоны. Многія мастерскія работаютъ только во время нѣсколькихъ мѣсяцевъ при полномъ составѣ. Работницы приходятъ иногда съ утра и ждутъ цѣлый день, получая небольшую работу всего на нѣсколько часовъ. Коммиссіи не удалось точно установить, на какія средства существуютъ работницы въ періоды безработицы. Нѣкоторыя уѣзжаютъ къ роднымъ въ деревню, другія зарабатываютъ кое-какіе крохи, нанимаясь поденно шить или стирать. Нетрудно догадаться, къ какому «промыслу» приходится прибѣгать большинству изъ нихъ, чтобы заработать себѣ кусокъ хлѣба въ эти тяжелые дни...

Старѣющимъ работницамъ особенно трудно бываетъ удержаться на старомъ мѣстѣ, или пріискать себѣ новое. Во многихъ отрасляхъ производства не держатъ работницъ старше 30 лѣтъ, да и въ другихъ работа оказывается не подъ силу пожилымъ женщинамъ. Имъ приходится идти въ прислуги, въ прачки, или просто въ нищія, живущія милостыней. Такъ кончаютъ очень многія работницы.

Изслѣдованіе, предпринятое Вѣнскимъ этическимъ обществомъ, съ полною очевидностью доказало необходимость многихъ реформъ—прежде всего, реформы ремесленнаго ученичества, распространенія инспекціи на ремесленную и домашнюю промышленность, учрежденіе штата женскихъ фабричныхъ инспекторовъ, и пр. Въ Вѣнскомъ обществѣ это изслѣдованіе произвело большое впечатлѣніе и поднятые имъ вопросы теперь усиленно дебатируются въ печати. Нужно надѣяться, что оно не пройдетъ безслѣдно, и что хоть часть изъ указанныхъ имъ реформъ дѣйствительно получатъ скорое осуществленіе.

Общество для защиты женскихъ интересовъ въ Италіи. Въ томъ же отчетѣ о берлинскомъ конгрессѣ помѣщенъ крайне любопытный докладъ синьоры Полины Шиффъ, д-ра философіи въ Миланѣ, о миланской «Лигѣ для защиты женскихъ интересовъ». Синьора Шиффъ разсказываетъ, что лига ихъ пріобрѣтаетъ уже твердую почву въ Миланѣ и Туринѣ, но Римъ и другіе города слѣдуютъ за ними. Движеніе проникаетъ даже въ Сицилію, гдѣ особенно энергичную дѣятельность развиваетъ женскій комитетъ мира въ Палермо. Въ Миланѣ среди фабричныхъ работницъ все болѣе распространяется интересъ и сочувствіе къ женскому движенію. Задачи женской лиги заключаются въ слѣдующемъ:

1. Забота о дѣтяхъ. Въ этой сторонѣ своей дѣятельности женская лига присоединяется къ уже суще-

ствующему въ Миланѣ обществу «Семья и школа» и работаетъ совмѣстно съ нимъ.

2. Помощь бѣднымъ дѣвочкамъ, кончившимъ школу. Въ Италіи обязательное обученіе дѣтей обоего пола оканчивается въ 10 лѣтъ. Лига беретъ на себя устройство среднихъ профессіональныхъ школъ, въ которыхъ дѣвочки, окончившія начальную школу, будутъ продолжать свое образованіе и получать профессіональныя, практическія знанія.

3. Устройство популярныхъ лекцій и курсовъ по гигіенѣ. Такія лекціи читаются членами лиги не только въ городахъ, но и по деревнямъ.

4. Устройство родильныхъ пріютовъ.

5. Организація профессіональныхъ союзовъ для интеллигентныхъ женщинъ-учительницъ, телеграфистокъ и пр.

6. Обсужденіе вопросовъ женскаго труда и заработка. Изслѣдованіе положенія работницъ.

Лига предлагаетъ далѣе устроить «парламентскій комитетъ», въ которомъ депутаты, сочувствующіе женскому дѣлу, сходились бы съ представительницами женскаго движенія и совмѣстно съ ними обсуждали бы проекты и предложенія, исходящія отъ женщинъ. Это значительно облегчило бы проведеніе въ парламентѣ соотвѣтствующихъ законовъ.

Дѣтскія колоніи въ Германіи. Въ Германіи почти во всякомъ болѣе или менѣе многолюдномъ городѣ существуетъ общество, занимающееся отправленіемъ бѣдныхъ дѣтей на лѣтніе каникулы куда-нибудь въ деревню.

Первое такое общество возникло въ Берлинѣ 20 лѣтъ тому назадъ и, въ видѣ опыта, отправило на лѣто въ деревню 7 бѣднѣйшихъ учениковъ городскихъ школъ. Это скромное начало оказалось очень удачнымъ и въ настоящее время сѣть такихъ обществъ раскинулась по всей Германіи и оказываетъ помощь нѣскольким стамъ тысячъ дѣтей. Оказывается, что къ 1895 году такія общества были учреждены уже почти въ ста германскихъ городахъ.

Лѣтнія дѣтскія колоніи имѣютъ цѣлью хотя отчасти противодѣйствовать вліянію тѣхъ неблагопріятныхъ гигіеническихъ условій, въ которыхъ выростаютъ дѣти бѣднѣйшей части населенія большихъ городовъ. Эти условія всѣмъ извѣстны: маленькія квартиры, спертый воздухъ, недостаточное питаніе, отсутствіе упражненій. Все это развиваетъ въ дѣтяхъ болѣзненность, худосочіе, общую слабость. Чтобы укрѣпить общее состояніе дѣтей, закалить ихъ организмъ, ихъ на лѣтніе мѣсяцы вырываютъ изъ обычной домашней обстановки и посылаютъ въ деревню на свѣжій воздухъ.

Колоніи устраиваются на самыхъ различныхъ началахъ: въ однихъ мѣстахъ дѣтей прямо размѣщаютъ по зажиточнымъ крестьянскимъ семьямъ, въ другихъ — нанимаютъ особое помѣщеніе, гдѣ дѣти живутъ подъ надзоромъ членовъ общества, и т. д.

Вотъ, напр., въ какихъ размѣрахъ ведется это дѣло въ Берлинѣ, гдѣ въ немъ принимаютъ участіе нѣсколько благотворительныхъ обществъ. Въ 1896 г. женское приморское благотворительное общество отправило на свой счетъ 330 берлинскихъ дѣтей къ морскому берегу; женское евангелическое общество Эдельвейсъ отправило 227 дѣтей въ деревни, уплачивая за ихъ содержаніе въ крестьянскихъ семьяхъ, и комитетъ дѣтскихъ колоній отъ себя помѣстилъ около 3.000 дѣтей.

Съ 1880 г. комитетъ содержалъ въ колоніяхъ около 29.000 дѣтей, которыя по предписанію врачей были отправляемы или просто въ деревни, или къ морскому берегу, или въ курорты для пользованія ваннами.

Изъ иностранныхъ журналовъ.

«Temps».—«Revue de Paris».

Бесѣда съ профессоромъ Ломброзо. Въ числѣ знаменитостей, проживающихъ въ Туринѣ, находятся двѣ, пользующіяся громкою извѣстностью во Франціи: Эдмундо де-Амичисъ и проф. Ломброзо. Первый—литераторъ, солдатъ и путешественникъ, мечтающій объ измѣненіи соціальнаго строя и поклоняющійся высшему идеалу справедливости. Второй—ученый, профессоръ, убѣжденный позитивистъ, безъ всякаго стѣсненія попирающій и ученіе о свободѣ воли, и всѣ старинныя доктрины, которыя поставлены въ основу нашихъ уголовныхъ законодательствъ.

Неудивительно поэтому, что корреспонденты большихъ журналовъ и газетъ во Франціи, проѣзжая черезъ Туринъ, всегда считаютъ своимъ долгомъ посѣтить которую-нибудь изъ этихъ двухъ знаменитостей, чаще вторую, чѣмъ первую. Такъ поступилъ и корреспондентъ газеты «Temps», Эжень Лотье, воспользовавшійся своимъ пребываніемъ въ Туринѣ, чтобы побесѣдовать съ Ломброзо о судьбѣ его криминалистической доктрины.

Лотье нашелъ Ломброзо въ его рабочемъ кабинетѣ, убранство котораго показалось ему довольно страннымъ. Стѣны увѣшаны фотографическими карточками преступниковъ и прокаженныхъ и ножами убійцъ, къ которымъ прикрѣплены объяснительные ярлыки. Курьезныя надписи встрѣчаются на рукояткахъ этихъ ножей. На одномъ вырѣзано: «Si la main est ferme, le coup sera bon» (Если рука тверда, ударъ будетъ хорошъ); на другомъ стоитъ: «La bourse oú la vie» (кошелекъ или жизнь) и т. п. Многіе ножи разукрашены іероглифами, въ которыхъ чаще всего фигурируетъ изображеніе сердца, и особенно такими іероглифами изобилуютъ ножи разбойниковъ.

Ломброзо очень любезно встрѣчаетъ посѣтителей и охотно разговариваетъ съ ними о предметахъ, ихъ интересующихъ. «Мои теоріи,—сказалъ Ломброзо французскому журналисту,—всего лучше понимаются въ Америкѣ, Норвегіи и Австраліи. Тамъ онѣ ближе всего къ осуществленію. Въ Америкѣ уже устроены дома, куда запираютъ преступниковъ на неопредѣленное время. Въ Норвегіи уже выработанъ цѣлый кодексъ, въ основу котораго положена моя доктрина... Все это важнѣе того недоброжелательства или насмѣшекъ, которыми меня награждаютъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Во Франціи мои теоріи сдѣлали не очень-то большіе успѣхи. Повидимому, тамъ теперь всеобщее вниманіе поглощено женскимъ вопросомъ. Такъ ли это?

— Совершенно такъ, — подтвердилъ журналистъ.

— Ну и къ какимъ же выводамъ приходятъ ваши феминисты (féministes)?

— Трудно сказать, но я думаю, что все устроится современемъ. Всетаки вѣдь это не столь важно, какъ восточный вопросъ. Мужчины и женщины скорѣе придутъ къ соглашенію въ вопросѣ о соціальномъ преобладаніи, нежели державы въ вопросѣ о раздѣлѣ Турціи.

— Вы знаете,—сказалъ Ломброзо, — что мнѣ пришлось измѣнить одинъ изъ моихъ выводовъ, касающихся чувствительности и способности воспріятія у женщинъ. Я говорилъ, что женщины менѣе чувствительны къ болевымъ ощущеніямъ, нежели мужчины, вообще, ко всѣмъ ощущеніямъ, вкуса, слуха, обонянія, зрѣнія, осязанія... Ну вотъ, я теперь долженъ просить извиненія относительно осязанія. Новые опыты доказали мнѣ, что осязаніе гораздо тонь-

ше у женщинъ, нежели у насъ, но только осязаніе...

— Вы позволите, г. профессоръ,— прервалъ его журналистъ,—сообщить женщинамъ эту пріятную новость? Вѣдь, я не мало получалъ во время оно негодующихъ писемъ съ заявленіями протеста за то, что излагалъ содержаніе вашихъ «антифеминистскихъ» (antiféministes) работъ.

Ломброзо кивнулъ головой.

— Противъ феминистовъ имѣется гораздо болѣе страшное оружіе, нежели всѣ наши опыты,—прибавилъ Ломброзо.—Это коллекція портретовъ женщинъ-феминистокъ (femmes féminists). Онѣ всѣ ужасно некрасивы...

— Позвольте, профессоръ, — поспѣшно возразилъ журналистъ,—я знаю одну очень хорошенькую. Жаль, что не могу ее назвать...

Но Ломброзо недовѣрчиво улыбнулся. Между тѣмъ, низводя такъ безжалостно женщину на степень существа низшей породы, Ломброзо, въ собственной семьѣ вовсе не проводитъ «антифеминистскихъ» взглядовъ. Наоборотъ, онъ чрезвычайно поощряетъ своихъ дочерей къ научнымъ занятіямъ. Правда, ему нравится, что онѣ такія убѣжденныя сторонницы его взглядовъ, и одна изъ нихъ, Паула Ломброзо, издала нѣсколько книжекъ, распространяющихъ воззрѣнія отца. Обѣ молодыя дѣвушки ведутъ очень дѣятельную жизнь и, кромѣ научныхъ занятій, посвящаютъ много времени устроенному ими пріюту для бѣдныхъ дѣтей. Самъ Ломброзо проводитъ дни такимъ образомъ: утромъ онъ нѣсколько часовъ проводитъ съ преступниками, а вечеромъ— съ сумасшедшими, въ промежуткѣ пишетъ книги и занимается съ дочерьми.

Женское движеніе въ Румыніи. Въ Румыніи, въ послѣдніе годы, женское движеніе сдѣлало замѣтные успѣхи. Какъ сообщаетъ «Revue de Paris», женщины не удовлетворяются болѣе тѣмъ воспитаніемъ, которое онѣ получаютъ въ профессіональныхъ школахъ, въ педагогическихъ интернатахъ и т. д., но стремятся къ уравненію своихъ правъ на образованіе и требуютъ доступа въ университеты. Румынское общество относится сочувственно къ стремленіямъ женщинъ, и университеты въ Бухарестѣ и Яссахъ гостепріимно открываютъ для нихъ свои двери. Чтобы дать право поступать въ университеты, для женщинъ открыты на частныя средства нѣсколько гимназій, равняющихся по курсу мужскимъ. Сдавъ экзаменъ на баккалавра, дѣвушка поступаетъ въ университетъ, и хотя женское движеніе началось недавно, всего какихъ-нибудь нѣсколько лѣтъ, но Румынія можетъ уже гордиться, что у нея есть женщины-доктора медицины, кончившія курсъ въ румынскихъ университетахъ. Въ настоящее время въ Румыніи существуютъ два женскихъ общества, одно въ Бухарестѣ, другое въ Яссахъ, преслѣдующія одинаковую цѣль: уравненіе правъ женщины во всѣхъ отношеніяхъ. Бухарестское общество, пользующееся большою популярностью въ Румыніи, называется «обществомъ профессіональной культуры»; оно стремится, главнымъ образомъ, къ уничтоженію преградъ и предразсудковъ, мѣшающихъ женщинамъ зарабатывать своимъ трудомъ средства къ существованію. Общество заботится объ открытіи такихъ учебныхъ заведеній, которыя могутъ подготовить женщинъ къ торговой профессіи и познакомить ее съ различными отраслями промышленности. Общество беретъ на себя обязанность служить посредникомъ между женщинами, занимающимися профессіональнымъ трудомъ, и работодателями и во всѣхъ случаяхъ оказываетъ покровительство женщинамъ, ограждая ихъ отъ чрезмѣрной эксплоатаціи ихъ труда.

Въ этомъ отношеніи дѣятельность общества принесла уже благіе результаты и содѣйствовала повышенію женской заработной платы и улучшенію быта женщинъ, занимающихся какимъ-нибудь ремесломъ. Вообще, это общество поставило своею главною цѣлью экономическое освобожденіе женщины, и настойчиво стремится къ этому.

Другое женское общество, существующее въ Яссахъ, называется «женской лигой» и преслѣдуетъ болѣе теоретическія, нежели практическія цѣли. Предсѣдателемъ этого общества состоитъ г-жа Эмиліанъ Корнелія, одна изъ выдающихся дѣятельницъ женскаго движенія. Женская лига стремится прежде всего къ тому, чтобы права женщинъ были уравнены законами, чтобы государство признало ее вполнѣ равноправнымъ существомъ. «Пора женщинѣ перестать быть несовершеннолѣтней, говорится въ уставѣ этого общества. Женщина должна быть поставлена на одномъ уровнѣ съ мужчиной и занять положеніе, болѣе приличествующее ей, какъ воспитательницѣ человѣка. Мы должны стремиться къ тому, чтобы женщина достигла полной экономической независимости и должны помочь ей всѣми средствами выбиться изъ унизительнаго положенія, въ которомъ она находится. Женщина сама должна заботиться о расширеніи своей интеллектуальной культуры, но женская лига обязана помогать ей въ этомъ и поощрять ея стремленія, а также должна содѣйствовать расширенію сферы дѣятельности женщинъ». Пропаганда женской лиги идетъ довольно успѣшно. Лига устраиваетъ курсы, организуетъ агитацію въ пользу измѣненія законодательства, относящагося къ женщинѣ, и т. п. Несмотря на то, что лига существуетъ очень недавно, число ея членовъ возрастаетъ ежемѣсячно.

До сихъ поръ въ Румыніи не было органа печати, спеціально посвященнаго женскому движенію, но теперь и этотъ пробѣлъ заполненъ. Съ прошлаго года въ Бухарестѣ существуетъ «Женскій Вѣстникъ», издающійся сестрою знаменитаго румынскаго историка Ксенополя, Аделью Ксенополь. Объ этомъ журналѣ пока еще ничего нельзя сказать, такъ какъ онъ существуетъ слишкомъ недавно, но быстрота, съ которою прогрессируетъ женское движеніе въ Румыніи, даетъ право надѣяться, что журналъ вполнѣ оправдаетъ возлагаемыя на него сторонниками женскаго движенія ожиданія.

НАУЧНАЯ ХРОНИКА.

Антидарвинистская литература.—Открытіе гигантскихъ развалинъ въ Мексикѣ.—Катастрофа въ Ирландіи. — Новыя изслѣдованія о свойствахъ крови. — Научныя мелочи и новости: Химическая напряженность свѣта.—Частота тумановъ въ Швейцаріи.—Взрывчатыя вещества.—Ракъ въ Парижѣ. — Подъемъ на вершину Аконкогуа. — Полетъ французскихъ аэрофиловъ. — Свѣтъ насѣкомыхъ.—Быстрота движенія верблюдовъ.—Населенность Германіи.—Температура въ глубинахъ земли.—Великія рѣки Южной Америки.

Въ настоящей хроникѣ мнѣ хочется тронуть вопросъ, о которомъ уже много лѣтъ идутъ оживленные споры, не приведшіе до сихъ поръ еще ни къ какому положительному результату. Когда появилось знаменитое сочиненіе Дарвина «Объ измѣненіи видовъ», весь ученый міръ былъ пораженъ тою массою обобщеній, которая была сдѣлана Дарвиномъ на почвѣ принятыхъ имъ основныхъ моментовъ развитія живого міра. Естественный подборъ, половой подборъ и борьба за существованіе—вотъ были тѣ камни, на которыхъ Дарвинъ построилъ все геніальное зданіе эволюціи живыхъ организмовъ. Слишкомъ просто объяснялось все, слишкомъ ясны стали причины разнообразія видовъ, причины вымиранія однѣхъ формъ и переживанія другихъ, чтобы біологія могла остаться равнодушною къ геніальному творенію Дарвина и не провозгласила дарвиновскія начала фундаментомъ ученія объ эволюціи. Однако, прошло нѣкоторое время и, какъ это всегда бываетъ, ученые, присмотрѣвшись къ дарвиновой теоріи, усвоивъ ее, пытаясь ее примѣнять въ тѣхъ и другихъ случаяхъ, стали замѣчать, что, пользуясь ею, все же нельзя объяснить себѣ всего того, что происходитъ въ мірѣ живыхъ существъ.

Первыми противъ Дарвина возстали теологи. Они усмотрѣли въ ученіи великаго англійскаго натуралиста нѣчто, идущее въ разрѣзъ съ религіей. Когда имъ указывалось, что и теологи временъ Галилея возставали противъ Коперниковой системы міра на основаніи нѣкоторыхъ указаній, встрѣчаемыхъ въ твореніяхъ старинныхъ духовныхъ писателей и отцовъ церкви, и что, тѣмъ не менѣе, ученіе Коперника получило свое подтвержденіе въ наукѣ, что оно получило признаніе и со стороны церкви, теологи не успокаивались. Борьба длилась довольно долго и мало-по-малу затихла, въ особенности съ того времени, когда все болѣе и болѣе стало укрѣпляться въ умахъ какъ богослововъ, такъ и натуралистовъ убѣжденіе, что какъ, съ одной стороны, религіозные вопросы не могутъ и не должны быть обсуждаемы съ точки зрѣнія естественно-научной, такъ и естественно-научные вопросы не должны провѣряться на основаніи источниковъ, имѣющихъ дѣло съ *вѣрою* человѣка, т.-е. съ такимъ аттрибутомъ человѣческаго существа, для анализа котораго наука еще не располагаетъ надлежащимъ количествомъ орудій.

Однако не въ однихъ теологахъ Дарвинъ встрѣтилъ противниковъ.

Его противниками оказались и натуралисты, весьма ученые и серьезные, которые усмотрѣли недостаточность дарвиновскихъ началъ для объясненія массы явленій, наблюдаемыхъ въ животномъ и растительномъ царствѣ. Борьба сосредоточилась преимущественно на вопросахъ приспособляемости организмовъ къ внѣшнимъ условіямъ и о приспособленіи этихъ внѣшнихъ условій къ потребностямъ организма. Затѣмъ было постоянно указываемо на то, что наслѣдственность, какъ передача свойствъ отъ родителей къ дѣтямъ, идетъ въ разрѣзъ съ приспособляемостью организма, такъ какъ этотъ послѣдній, стремясь сохранить свобщенные ему по наслѣдству признаки, долженъ противодѣйствовать условіямъ, старающимся вызвать въ немъ измѣненія. Съ другой стороны, ученіе о борьбѣ за существованіе, которое, согласно Дарвину, должно приводить къ гибели слабѣйшихъ и процвѣтанію и переживанію сильнѣйшихъ, вызвало и продолжаетъ вызывать сильнѣйшій протестъ въ лагерѣ моралистовъ, считающихъ, что подобное начало можетъ только поселить царство грубаго эгоизма, произвола и насилія, получающихъ такимъ образомъ какъ бы высшую научную санкцію.

Разбираясь во всей массѣ статей и монографій, которыя въ настоящее время заполняютъ литературу, читатель часто становится втупикъ и теряетъ возможность спокойно обсудить, дѣйствительно ли Дарвину принадлежитъ все то, что ему приписываютъ, или же, быть можетъ, многіе изъ авторовъ создаютъ изъ дарвиновскаго ученія свои собственныя ученія и затѣмъ борятся съ ними, считая, что борятся съ Дарвиномъ.

Мнѣ кажется, что здѣсь въ большинствѣ случаевъ дѣлается одна капитальная ошибка. Люди, берущіеся обсуждать ученіе Дарвина, съ самаго же начала становятся на ошибочную точку зрѣнія, которую я позволю себѣ назвать *дуалистическою*. Эта точка зрѣнія заключается въ томъ, что разсуждающій раздѣляетъ всю природу на двѣ части: въ одну часть онъ помѣщаетъ себя и живыя существа, въ другую—все остальное и затѣмъ ведетъ свое разсужденіе, приблизительно, такъ: «съ одной стороны— я и мнѣ подобныя живыя существа, съ другой стороны — природа. Вотъ и посмотримъ, кто изъ насъ измѣнился.

«Если перемѣны произошли во мнѣ, значитъ *я* приспособился; если же перемѣны произошли, благодаря мнѣ, въ природѣ меня окружающей, то *я ее* приспособилъ. А такъ какъ Дарвинъ не признаетъ, что я могу приспособить природу, а считаетъ, что я только могу приспособляться къ ней, то, значитъ, онъ не правъ, и его система страдаетъ односторонностью».

Ошибка такого разсужденія кроется въ дуалистическомъ методѣ разсмотрѣнія, кроется въ томъ, что какъ бы человѣкъ ни разсуждалъ, онъ непремѣнно, гдѣ-нибудь, незамѣтнымъ для себя образомъ, подставитъ свое я, какъ нѣчто отдѣльное, и затѣмъ, на этой канвѣ ведетъ свои размышленія. Отдѣлайтесь на минуту отъ этого «я» и «все остальное», и тогда отпадаетъ всякая почва для споровъ о томъ—я ли приспособляюсь, а природа приспособляетъ меня, или я приспособляю природу къ своимъ потребностямъ и нуждамъ или, наконецъ, и я приспособляюсь, и природа приспособляется.

Разъ мы посмотрѣли на природу, какъ на одно нераздѣльное цѣлое, немедленно же исчезаетъ всякая почва для вопроса «я» — и «она, природа».

Въ самомъ дѣлѣ, что тогда значитъ—«я приспособляюсь»? Если я— это таже природа, то разъ я при-

способляюсь, то и природа приспособляется. При такихъ условіяхъ странно и смѣшно думать, что только организмъ приспособляется соотвѣтственно всему окружающему и не можетъ измѣнять этого окружающаго. Такое разсужденіе только можетъ быть построено на томъ, что я буду смотрѣть на себя, какъ на нѣчто всесильное, а на природу, какъ на нѣчто слабое или, наоборотъ, считать себя ничтожествомъ, а остальную природу всемогущею. Очевидно, въ дѣйствительности нѣтъ ни того, ни другого; ни природа не можетъ считаться всесильною, а я ничтожествомъ, ни я не могу считать себя всесильнымъ, а природу ничтожествомъ; каждый объектъ, представляющій часть природы, носитъ въ себѣ запасъ нѣкоторой большей или меньшей энергіи и подвергается измѣненіямъ на ряду съ измѣненіями всѣхъ остальныхъ объектовъ природы.

Каковъ характеръ этихъ измѣненій? Есть ли въ нихъ цѣлесообразность? Измѣняется ли природа такъ, какъ я этого хочу, измѣняется ли она такъ, какъ мнѣ удобно и выгодно?

Этихъ вопросовъ касаться я не намѣренъ, такъ какъ обсужденіе ихъ или даже установка условій для правильной ихъ формулировки потребовали бы слишкомъ много мѣста; мнѣ хотѣлось бы сказать нѣсколько словъ преимущественно о томъ пунктѣ, на который теперь особенно сильно направлена стрѣльба противниковъ Дарвина—о такъ называемой борьбѣ за существованіе, которая, по мнѣнію этихъ противниковъ, содержитъ въ себѣ положеніе, не оправдываемое наблюденіями и непримиримое съ цѣлымъ рядомъ этическихъ началъ, существующихъ какъ въ человѣческомъ обществѣ, такъ и въ обществахъ животныхъ.

«Неужели же борьба за существованіе! — восклицаетъ одинъ, — сказывается въ той заботливости, которую проявляетъ мать относительно своего ребенка? Если тетерька подставляетъ себя подъ выстрѣлъ охотника только для того, чтобы отвести его вниманіе отъ выводка, то вѣдь это противорѣчитъ принципу борьбы за существованіе, ибо согласно ему тетерька должна бросить дѣтенышей и для спасенія своей жизни поскорѣе улетѣть, оставивъ молодыхъ въ полное распоряженіе охотника». Значитъ, заключаютъ противники, кромѣ борьбы за существованіе есть еще факторъ, упущенный Дарвиномъ,—факторъ, болѣе важный, нежели борьба за существованіе—это взаимопомощь, любовь и не только отсутствіе стремленія къ уничтоженію болѣе слабыхъ, но, наоборотъ, стремленіе къ поддержанію, ихъ стремленіе защищать, отстаивать ихъ отъ всякихъ невзгодъ.

Такъ, въ недавно вышедшей книжкѣ «Безсмертіе съ точки зрѣнія эволюціоннаго натурализма», книжкѣ, гдѣ наряду съ нѣсколькими остроумными мыслями наталкиваешься на массу совершенно безсодержательной болтовни, авторъ ея, Сабатье, полагаетъ, что достаточно произнести цѣлый рядъ фразъ въ выспреннемъ тонѣ, чтобы побѣдить противниковъ Дарвина.

«Истинно сильный человѣкъ,—говоритъ Сабатье,—есть тотъ, кто настолько овладѣлъ собою, что сдѣлался способнымъ на принесеніе себя въ жертву для другихъ. И если вѣрно, что самоотреченіе, самопожертвованіе, способность жертвовать собою для блага другихъ составляетъ отличительную особенность и результатъ нравственной побѣды, то въ чемъ же должна состоять роль сильныхъ по отношенію къ слабымъ. Неужели въ порабощеніи ихъ или въ истребленіи? Совсѣмъ наоборотъ. Утѣшеніе и ободреніе менѣе одаренныхъ отъ природы должно быть дѣятельностью сильныхъ по преимуществу; врачеваніе боль-

ныхъ, помощь дряхлымъ, ободреніе впавшихъ въ уныніе, воспитаніе и нравственный подъемъ сошедшихъ съ пути добродѣтели или же нисшихъ по развитію—вотъ куда должна направляться дѣятельность сильныхъ и вотъ въ чемъ они должны находить себѣ удовлетвореніе».

Конечно, г. Сабатье высказываетъ прекрасныя вещи; у него доброе желаніе защитить Дарвина; но что во всемъ здѣсь приведенномъ нѣтъ ничего, имѣющаго отношенія къ борьбѣ за существованіе—въ этомъ едва ли можно сомнѣваться, ибо указаніе на то, что *должно* быть, куда *должна* направляться дѣятельность сильныхъ, не есть указаніе на то, куда она направляется *въ дѣйствительности*; а вѣдь Дарвинъ не занимался построеніемъ практической этики и не прописывалъ рецептовъ о томъ, какъ *должны* себя вести сильные относительно слабыхъ. Не мудрено, что защитники Дарвинова ученія въ лицѣ такихъ авторовъ, какъ г. Сабатье, причиняютъ гораздо болѣе вреда, нежели пользы самому ученію.

Дарвинъ, какъ великій натуралистъ рѣшалъ вопросъ о томъ, *что есть*, а не о томъ, что должно быть. Онъ установилъ принципъ борьбы за существованіе, какъ основное начало, дѣйствующее въ эволюціи животнаго и растительнаго царства, совсѣмъ не разбирая того, хорошъ ли этотъ принципъ или нѣтъ, желателенъ онъ или нѣтъ.

И замѣчательно, какъ противники, такъ и защитники вродѣ Сабатье необыкновенно любятъ распускать слащавыя слова относительно высокихъ чувствъ и воображаютъ, что это можетъ имѣть какое-либо отношеніе къ Дарвину и его ученію.

Когда, напримѣръ, кто-либо изъ ученыхъ установитъ законъ, касающійся физическихъ, химическихъ или физіологическихъ явленій, то никому не придетъ въ голову вопросъ о томъ, благороденъ ли этотъ законъ, или нѣтъ; такъ, доказательства въ пользу того, что вселенная стремится къ смерти, ни въ одномъ ученомъ не вызвали разсужденій о томъ, хорошо ли это или нѣтъ. Споръ могъ касаться только вопроса, правиленъ ли выводъ, или неправиленъ. Но стоитъ найти законъ, касающійся живыхъ существъ и, въ особенности, человѣка, какъ мы сейчасъ же начинаемъ обсуждать его совсѣмъ съ другой точки зрѣнія, съ точки зрѣнія его пріятности для насъ, начинаемъ спорить о томъ, долженъ ли этотъ законъ существовать и нравственно ли, что онъ вообще существуетъ.

Вотъ здѣсь-то и кроется истинная причина всякихъ недоразумѣній. Мы не умѣемъ быть натуралистами и философами, разъ дѣло касается насъ. Вмѣсто того, чтобы поставить вопросъ такъ: вѣрно ли, что факторомъ эволюціи является борьба за существованіе, при чемъ слабѣйшіе организмы гибнутъ, а сильнѣйшіе выживаютъ, мы вдругъ спрашиваемъ себя: а нравственно ли это, хорошо ли это? точно отъ того, признаемъ ли мы это нравственнымъ или безнравственнымъ что либо измѣнится!

Когда Дарвинъ говоритъ о борьбѣ за существованіе и о томъ, что сильнѣйшіе остаются жить, а слабѣйшіе умираютъ, то никогда онъ подъ словами сильнѣйшій или слабѣйшій, не разумѣетъ силу или слабость въ какомъ-либо точно опредѣлимомъ смыслѣ. Сила и слабость организма прямо опредѣляется условіями, среди которыхъ организмъ находится, и тотъ организмъ, который въ однихъ условіяхъ является сильнѣйшимъ, можетъ при другихъ условіяхъ оказаться слабѣйшимъ. Такъ, напримѣръ, любой герой, геніальный по уму человѣкъ, обладающій огромной силою—и физическою и нравственною, перенесенный въ тундры, гдѣ проживаютъ самоѣды—люди, безусловно болѣе его слабые,—

погибнетъ, потому что при тѣхъ условіяхъ онъ явится слабѣйшимъ. Слѣдовательно, не въ нашихъ силахъ опредѣлять, какой индивидуумъ долженъ быть признанъ сильнѣйшимъ; въ одной средѣ окажется сильнѣйшимъ тотъ, у котораго физическая сила болѣе развита, въ другой—тотъ, который всего болѣе нравственно развитъ, въ третьей—тотъ, который всего лучше переноситъ холодъ и т. д.; но самый фактъ, что сильнѣйшій переживетъ слабѣйшаго — да развѣ онъ можетъ подлежать какому-либо сомнѣнію?

Но можетъ быть, согласившись съ этимъ положеніемъ, читатель подумаетъ, что сильнѣйшій, переживая слабѣйшаго, переживаетъ его, вовсе не вступая съ нимъ въ борьбу? Конечно, если борьбу понимать въ томъ смыслѣ, что сильнѣйшій непремѣнно долженъ убить слабѣйшаго и съѣсть его, то читатель будетъ правъ; но въ томъ-то и дѣло, что прослѣдить за тѣмъ какъ идетъ эта борьба, мы во многихъ случаяхъ не можемъ, ибо весь міръ организмовъ такъ между собою тѣсно связанъ, что дѣятельность одного изъ нихъ необходимымъ образомъ отражается на дѣятельности всѣхъ остальныхъ. Это своего рода цѣпь, звенья которой, тѣсно между собою связанныя, обладаютъ различной прочностью; первое звено произвело движеніе, и это движеніе передается всѣмъ остальнымъ, причемъ менѣе прочныя звенья разсыпаются.

Что касается до высшихъ чувствъ, которыя заставляютъ мать идти на самопожертвованіе и не вступать въ борьбу съ своими дѣтьми изъ за куска пищи, то возникновеніе этихъ чувствъ имѣетъ въ своей основѣ естественный подборъ и нисколько не противорѣчитъ принципу борьбы за существованіе.

Въ теченіе длиннаго періода развитія организмовъ, при появленіи первыхъ формъ, конечно, материнскихъ чувствъ не существовало, какъ и теперь ихъ, по сколько мы можемъ судить, не существуетъ у низшихъ организмовъ. Когда же появились высшіе организмы, то молодые, новорожденные, брошенные на произволъ погибали и оставались въ живыхъ только тѣ, которые, благодаря случайности, пользовались попеченіями своихъ родителей: они имѣли болѣе шансовъ выжить, нежели тѣ, которые такими попеченіями не пользовались. Создавая новыя поколѣнія, они, эти питомцы случайно нѣжныхъ родителей, по наслѣдству передавали своимъ дѣтямъ тѣ *случайные* признаки, которые сами получили отъ родителей; въ числѣ этихъ признаковъ находилось и стремленіе къ заботѣ о дѣтяхъ.

Такимъ образомъ, та семья, которая имѣла эти признаки родительской нѣжности, являлась болѣе сильною, размножалась и сохранялась; всѣ же другіе, не унаслѣдовавшіе такихъ чувствъ къ рождающимся дѣтямъ, оставляя ихъ на произволъ судьбы, вели къ вѣрной погибели. Вотъ почему материнское чувство составляетъ такое общее явленіе у существъ высокой организаціи. То же самое справедливо и по отношенію къ основамъ нравственности вообще. Въ общей борьбѣ за существованіе выживали тѣ экземпляры, у которыхъ *случайно* было стремленіе къ общежитію; сплачиваясь между собою и создавая новыя поколѣнія, они, эти снабженные общественными инстинктами экземпляры, передавали уже такіе инстинкты своимъ дѣтямъ, и нарождающіяся поколѣнія оказывались въ борьбѣ за существованіе болѣе сильными, нежели тѣ, у которыхъ подобныхъ инстинктовъ не было; поэтому первые удерживались, выживали, а вторые умирали.

Такимъ образомъ, альтруистическія чувства, служащія основою нравственности, являются, какъ результатъ подбора, дѣйствовавшаго *въ интере-*

сахъ борьбы за существованіе, и, стало быть, никоимъ образомъ не противорѣчатъ ей. Прослѣдить за связью, указать значеніе борьбы за существованіе въ этикѣ, въ настоящее время весьма трудно — жизнь слишкомъ осложнена, чтобы мы могли прослѣдить въ ней всѣ элементы этой борьбы. Но уже достаточно того, что ученіе Дарвина объясняетъ намъ возникновеніе зародыша этики, чего ни одна система до сихъ поръ объяснить не могла, и нравственность являлась въ качествѣ Deus ex machina.

Стало быть, слащавыя описанія возвышенныхъ и благородныхъ чувствъ, имѣющія цѣлью создать какую-то мистическую теорію нравственности, усмотрѣть привхожденіе *таинственныхъ* элементовъ въ тѣ области, гдѣ эта таинственность совсѣмъ не нужна, такія описанія научнаго значенія не имѣютъ и никогда имѣть не будутъ.

Всѣхъ изгибовъ этики въ томъ видѣ, въ какомъ она существуетъ въ настоящее время, мы не понимаемъ; прослѣдить затѣмъ, какъ возникло величайшее этическое начало, данное Великимъ Основателемъ христіанства — «люби ближняго какъ самого себя» — этого мы не умѣемъ. Но какъ возникли первые зародыши этики, каковъ генезисъ нравственности — это мы знаемъ, и это дано намъ только геніальнымъ обобщеніемъ, внесеннымъ въ науку ученіемъ Дарвина объ естественномъ подборѣ и борьбѣ за существованіе.

Выше я умышленно подчеркивалъ слово «случайно», говоря о появленіи первыхъ зачатковъ материнскаго чувства или чувства любви къ ближнему. На послѣдователей Дарвина часто нападаютъ за такое допусканіе «случайностей». Натуралистъ, говорятъ нападающіе, не долженъ ссылаться на случайности. Но подобное замѣчаніе не выдерживаетъ и самой снисходительной критики. Говоря слово «случайность», мы хотимъ только указать, что намъ неизвѣстны, намъ не удалось уловить тѣ факторы, которые вызвали появленіе того или другого обстоятельства. Но что самая неожиданная комбинація факторовъ возможна — въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Вѣдь нужно помнить, что каждый организмъ несетъ съ собою милліоны всевозможныхъ признаковъ — какъ внѣшнихъ, такъ и внутреннихъ. При скрещиваніи эти признаки смѣшиваются между собою; значитъ здѣсь возможны милліарды комбинацій. Если при небольшомъ числѣ буквъ алфавита мы можемъ создать милліоны словъ, то сколько же комбинацій можетъ быть создано изъ милліоновъ признаковъ, смѣшивающихся между собою при скрещиваніи организмовъ?! Разумѣется, при такомъ смѣшеніи возможны самыя неожиданныя комбинаціи, и если которая-нибудь изъ нихъ окажется наиболѣе выгодною для сохраненія индивидуума и для сохраненія вида, то эта комбинація и начнетъ передаваться дальше путемъ наслѣдственности, между тѣмъ какъ всѣ невыгодныя постепенно исчезнутъ.

Читатель, быть можетъ, спроситъ, какое отношеніе имѣетъ вышенаписанное къ научной хроникѣ?

А вотъ какое: при громадныхъ шагахъ, какіе наука дѣлаетъ въ настоящее время, теоріи не поспѣваютъ за фактами. Факты же, не подведенные ни подъ какую теорію, часто являются непріятными, мозолящими глаза, исключеніями. Накопленіе такихъ фактовъ, въ связи, быть можетъ, съ другими причинами, служитъ почвою, на которой всего удобнѣе возрастаетъ мистицизмъ и склонность сойти съ прочной, твердой научной почвы, на почву шаткую, гдѣ факты замѣняются фантазіями и безплодными мечтаніями. Появляются всевозможныя «странности», «удивительности», «чудеса», «таинственности»

и проч. Теорія Дарвина—этотъ единственный оплотъ современнаго естествоиспытателя въ области міра организмовъ — слишкомъ всеобъемлюща для того, чтобы мы могли ее проводить во всѣ уголки вопросовъ эволюціи. Поэтому, сплошь и рядомъ люди, не вдумавшись въ дѣло, начинаютъ усматривать противорѣчія этой теоріи тамъ, гдѣ никакихъ противорѣчій нѣтъ. Въ результатѣ является цѣлая литература—въ видѣ сочиненій, статей и проч., литература, которая не создавая ничего, кромѣ мистической почвы, губитъ драгоцѣннѣйшій даръ, полученный человѣчествомъ отъ великаго англійскаго натуралиста-философа. Такъ какъ въ послѣднее время эта литература особенно развилась, то я и счелъ полезнымъ упомянуть о тѣхъ недоразумѣніяхъ, на которыхъ, часто строятся возраженія противъ Дарвина.

Весьма недавно въ Мексиканскомъ штатѣ Гуэрэро сдѣлано замѣчательное открытіе. Какъ извѣстно, уже давно археологическія изысканія, какъ въ Мексикѣ, такъ и въ Перу, показали, что въ Америкѣ еще до прихода европейцевъ культура стояла на высокой ступени. Въ настоящее время американскій геологъ Уилльямъ Нивенъ нашелъ въ штатѣ Гуэрэро развалины громаднаго города, существовавшаго, очевидно, въ доисторическія времена. Новооткрытый городъ, по сообщенію Германна Лудвига изъ Акопулько, превосходитъ все, что до сихъ поръ въ этомъ смыслѣ было находимо. Нивенъ считаетъ, что онъ набрелъ на остатки совершенно своеобразной цивилизаціи. Мексика была родиной нѣкоторыхъ доисторическихъ расъ, и вся область отъ сѣверной границы страны до Гватемалы является молчаливымъ свидѣтелемъ о народностяхъ, жившихъ здѣсь въ теченіе многихъ вѣковъ еще до прихода сюда бѣлаго человѣка. Раскопки въ Мексикѣ дѣлались уже довольно давно, и онѣ уже дали много матеріаловъ на основаніи которыхъ можно судить объ образѣ жизни этихъ исчезнувшихъ поколѣній. Занимая пространство 751.000 квадратныхъ миль, Мексика имѣетъ не болѣе 12 милліоновъ населенія, причемъ 80 процентовъ этого населенія состоитъ изъ индійцевъ. Вотъ потому археологическія изысканія сопряжены въ этой странѣ съ большими затрудненіями и даже съ опасностями: индійцы страшно суевѣрны и протестуютъ противъ всякихъ раскопокъ. Только благодаря большой осторожности и настойчивости, труды Нивена увѣнчались столь почти неожиданнымъ результатомъ.

Штатъ Гуэреро, въ которомъ найдены остатки доисторическаго города, принадлежитъ къ числу самыхъ малоизученныхъ штатовъ Мексики. Въ немъ нѣтъ никакихъ правильныхъ дорогъ, и сообщеніе между отдѣльными мѣстностями происходитъ по весьма неудобнымъ проселочнымъ дорожкамъ, часто непроходимымъ не только для экипажей, но и для пѣшеходовъ. Непроходимые лѣса, громадныя, бездонныя пропасти, пустынныя равнины, совершенно лишенныя слѣдовъ растительности и воды — вотъ характеристическія черты этихъ мертвыхъ штатовъ.

Развалины, найденныя Нивеномъ, занимаютъ громадное пространство и покрываютъ площадь, приблизительно, въ 900 англійскихъ квадратныхъ миль. Каждый холмикъ скрываетъ подъ собою остатки храмовъ. Въ большинствѣ случаевъ эти храмы, подвергавшіеся въ теченіе столѣтій разрушительному дѣйствію дождей и вѣтровъ, представляютъ только остатки капитальныхъ стѣнъ. Въ Квехомиктлипанѣ (вѣроятно, Квехультенанго; лежитъ на рѣкѣ Папагалло) были найдены обтесанные камни для построекъ; всѣ они равной величины и одинаковой формы. Раскопки въ Иба-

линѣ привели къ открытію большихъ вымощенныхъ валовъ и массы глиняныхъ сосудовъ, которые по своей совершенно своеобразной формѣ рѣзко отличаются отъ сосудовъ, до сихъ поръ находившихся въ Мексикѣ. Невдалекѣ отсюда, въ долинѣ Ксилатлахо былъ выкопанъ алтарь высотою въ 20 футовъ, при основаніи въ 324 квадратныхъ фута; алтарь этотъ построенъ въ формѣ пирамиды. Въ Верба—Буэна оказались подъ землей стѣны храма, еще сохранившія высоту въ 8 футовъ, а алтарь, въ 12 футовъ высотою—обнаруживаетъ слѣды ступеней. Здѣсь тоже найдено много предметовъ изъ обожженной глины, прекрасно сохранившихъ какъ форму, такъ и отдѣлку. Въ Ксохокольци найденъ большой обтесанный камень, имѣющій въ длину 7 футовъ и 2 фута въ ширину; сбоку на немъ вырѣзано изображеніе какого-то, должно быть, бога. Приблизительно, въ разстояніи 800 футовъ отъ этого мѣста, на вершинѣ холма открыты два каменныхъ бога, изъ которыхъ каждый вѣситъ, приблизительно, около 500 фунтовъ. Изображенія этихъ боговъ ни въ чемъ не напоминаютъ боговъ, которые встрѣчаются у ацтековъ, тольтековъ и маіаговъ. Самая крупная находка была сдѣлана невдалекѣ отъ Гваябо, гдѣ были открыты развалины храма длиною въ 600 футовъ, шириною въ 200 футовъ. Вблизи отъ алтаря, на глубинѣ 9 футовъ было найдено множество предметовъ, сдѣланныхъ изъ перламутра; рядомъ съ ними—предметы изъ терракотты. Перламутровые предметы обладаютъ въ высшей степени странною формою; четыре изъ нихъ представляютъ человѣческія фигуры съ совершенно своеобразнымъ головнымъ уборомъ, сильно напоминающимъ древнеегипетскія и ассирійскія уборы. Другія перламутровыя фигуры изображаютъ рыбъ и вообще разныхъ животныхъ.

Какой жилъ здѣсь народъ, что за культура была въ этомъ, въ настоящее время, пустынномъ мѣстѣ, пока даже и гадательно сказать нельзя. Главное, что поражаетъ, это то, что нынѣшняя находка мало напоминаетъ собою то, что было находимо въ Мексико до настоящаго времени. Что выражаетъ собою это странное сходство найденныхъ человѣческихъ фигуръ съ фигурами египетскими или ассирійскими? И до сихъ поръ есть нѣкоторые ученые, считающіе Мексику колыбелью человѣческаго рода; но это, конечно, едва ли справедливо, такъ какъ едва ли можетъ подлежать сомнѣнію, что Мексику въ геологическомъ отношеніи нельзя считать древнѣйшей частью земной поверхности.

При взглядѣ на найденныя развалины города и 22-хъ храмовъ, необходимо думать, что всѣ эти постройки существовали гораздо раньше 1312 года, когда былъ выстроенъ Тенохтитлансъ (древнее названіе главнаго города Мексики) и что задолго до основанія этого города существовалъ другой огромный городъ, погибшій вслѣдствіе землетрясенія. Подтвержденіемъ такого предположенія служитъ то обстоятельство, что Нивенъ нашелъ части развалинъ переброшенными на холмы или даже на вершины горъ. Кромѣ того, въ пользу этого предположенія говоритъ почти полное отсутствіе воды въ названномъ мѣстѣ. А между тѣмъ открытый городъ, занимающій пространство не меньше Лондона, долженъ былъ, конечно, имѣть достаточное количество воды, чтобы удовлетворять нуждамъ той массы жителей, которая его населяла. Стало быть, вся эта вода исчезла. Такое исчезновеніе, конечно, больше всего говоритъ въ пользу страшнаго землетрясенія, поглотившаго всѣ воды и обратившаго цѣлый громадный городъ въ груду безмолвныхъ развалинъ.

Одно только обстоятельство пока еще не выяснено; Нивенъ не гово-

ритъ, найдены ли были остатки человѣческихъ скелетовъ или скелетовъ животныхъ. Изслѣдованіе череповъ могло бы разрѣшить вопросъ о расѣ, жившей здѣсь въ доисторическія времена. Съ другой стороны, если городъ погибъ отъ землетрясенія, то это должно было бы сказаться въ томъ, что черепа и скелеты были бы находимы въ полномъ безпорядкѣ. Объ этомъ, однако, Нивенъ еще ничего не писалъ.

То обстоятельство, что эта громадная археологическая находка сдѣлана лишь теперь, объясняется тѣмъ, что штатъ Гуэреро, какъ выше сказано, считался самымъ опаснымъ изъ всѣхъ мексиканскихъ штатовъ; никто изъ европейцевъ не рѣшался забираться въ эту глушь изъ боязни быть убитымъ мѣстными жителями — индѣйцами.

28-го декабря, 1896 года въ 2 ч. 30 мин. утра, въ Килларнеѣ (Killarney, въ Ирландіи) разразилась ужасная катастрофа.

Уже не впервые, въ особенности въ Ирландіи—этой классической странѣ торфяниковъ, замѣчались особаго рода грязевыя изверженія, разражающіяся въ самыхъ торфяникахъ. Причины такихъ изверженій и до сихъ поръ не уяснены. Какъ для всякихъ изверженій, такъ и для этихъ придумывались различныя объясненія: одни приписывали эти изверженія взрыву газовъ, накопляющихся въ торфяныхъ болотахъ, другіе—осѣданію почвы, третьи—обваламъ внутреннихъ пещеръ и т. д.

Катастрофа, разразившаяся 28-го декабря, подробно описана профессоромъ въ «Museum of science and Art», въ Дублинѣ, докторомъ Шарффомъ.

Въ разстояніи 20 километровъ отъ знаменитыхъ озеръ Killarney, между Кингвилльямстоуномъ и Рэзморомъ (Rathmoore), на территоріи Кнокнэгри (Knocknagree), торфяникъ Bog-Haghanima, далъ внезапно трещину и обратилъ маленькій ручеекъ, здѣсь протекавшій, въ могущественный потокъ грязи. На подобіе сорвавшагося ледника, эта настоящая грязевая лавина прежде всего снесла съ мѣста домъ сторожа; сторожъ этотъ, Корнеллій Дённелли, погибъ тутъ же, вмѣстѣ съ женою и шестью дѣтьми; спаслась только его собака.

Двигаясь дальше на протяженіи нѣскольких миль, переполняя русла рѣкъ, попадавшихся на пути, распространяясь по ихъ плоскимъ берегамъ, разбиваясь цѣлыми водопадами о всякія препятствія на пути, потокъ затоплялъ риги, хлѣва, уничтожалъ посѣвы и покрывалъ торфяной грязью воздѣланныя поля. Рѣка Ownacree несла въ рѣку Flesk (впадающую въ большое озеро Killarney) густую грязь, вызвавшую громадное переполненіе обѣихъ рѣкъ, остановку электрической станціи, вслѣдствіе чего во многихъ городскихъ зданіяхъ погасъ свѣтъ.

Выразилась катастрофа по словамъ очевидцевъ слѣдующимъ образомъ:

Въ $2^1/_2$ или въ 3 часа утра нѣкоторые изъ мѣстныхъ жителей были разбужены глухимъ шумомъ, а нѣкоторые и вовсе ничего не слышали. Только съ восходомъ солнца всѣмъ стало ясно, что случилось.

Многіе населенные дома оказались въ большой опасности, такъ какъ грязевой потокъ подошелъ къ нимъ на разстояніе не болѣе 2 метровъ, и только благодаря тому, что они стояли на нѣкоторомъ возвышеніи имъ не пришлось пострадать. Въ другихъ домахъ, не стоявшихъ въ столь благопріятныхъ условіяхъ нагнало грязи на высоту почти 1 метра. Въ 5 часовъ утра молодой человѣкъ, вышедшій въ долину, былъ захваченъ потокомъ и ему въ теченіе двухъ часовъ приходилось прибѣгать ко всевозможнымъ ухищреніямъ, чтобы не

Температура въ глубинѣ земли. Въ Анналахъ Бельгійскаго геологическаго общества Libert сообщаетъ о результатахъ измѣреній температуры земли, сдѣланныхъ на глубинѣ 1.153 метровъ въ шахтѣ Sainte-Henriette. Законъ возрастанія температуры, согласно даннымъ Libert'a, идетъ неправильно; чѣмъ глубже, тѣмъ температура растетъ быстрѣе; на глубинахъ меньшихъ 500—600 метровъ повышеніе температуры соотвѣтствуетъ 1 градусу на каждые 30—35 метровъ; на глубинѣ же больше 600 метровъ и до 1.200 повышеніе на одинъ градусъ соотвѣтствуетъ опусканію на 23 метра.

Великія рѣки Южной Америки. Нѣмецкій журналъ «Das Schiff» даетъ слѣдующія интересныя подробности о трехъ великихъ рѣкахъ Южной Америки:

Амозонская рѣка, начинающаяся, какъ извѣстно, въ Перуанскихъ Кордилльерахъ, имѣетъ въ длину 5.500 километровъ. Поверхность ея бассейна равна 7 милліонамъ квадратныхъ километровъ. Ширина ея по срединѣ отъ 4—6 километровъ. У Сантарема она достигаетъ 13 килом. ширины, а у впаденія въ океанъ 40 кил. Во время половодья она вливаетъ въ океанъ 100.000 куб. метровъ воды въ секунду. Понятіе объ этомъ громадномъ количествѣ можно себѣ составить, если припомнить, что Рейнъ вливаетъ только 4.700 куб. метровъ. Глубина Амазонки по срединѣ до 20 метровъ (около 10 саженъ), а у Сантарема—до 80 метровъ. Съ 1867 г. рѣка открыта для международнаго плаванія; считая притоки, она представляетъ нѣсколько десятковъ тысячъ километровъ судоходной поверхности. Пароходы могутъ подходить до Перу, а въ Манаосѣ организовано правильное пароходное сообщеніе съ Ливерпулемъ, Нью-Іоркомъ и Ріо-Жанейро. Изъ всѣхъ притоковъ главнѣйшій Мадейро имѣетъ 3.500 километровъ длины. Самые крупные пароходы могутъ доходить до водопадовъ Антонія, а оттуда еще на протяженіи 1.800 килом. могутъ плавать болѣе мелкія паровыя суда. Притокъ Хингю имѣетъ 2.000 кил. длины и судоходенъ до Лузеля, гдѣ ширина его достигаетъ 4—8 килсм.

Ореноко, беря начало въ Сіерра Парима (въ Гвіанѣ), впадаетъ въ океанъ у острова Троицы. Длина его 2.225 килом., а поверхность бассейна 850.000 квадр. килом. Пароходы доходятъ до Боливаро. Что касается Ла-Платы, то длина ея 3.700 килом., а поверхность ея бассейна = 3 милліонамъ квадратн. килом. При соединеніи съ Параной и Урагваемъ Ла-Плата имѣетъ ширину до 40 километровъ—это въ самомъ началѣ сліянія съ названными рѣками; дальше, на 359 километровъ ближе къ океану ширина эта достигаетъ 175 килом.

М. Ю. Г.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„МІРЪ БОЖІЙ".

Апрѣль 1897 г.

Содержаніе. Русскія книги, оригинальныя и переводныя: Беллетристика.—Публицистика. — Исторія всеобщая и русская. — Исторія культуры.—Политическая экономія. —Этнографія.—Новыя книги, поступившія въ редакцію.—*Иностранная литература*: Изъ западной культуры. «Вѣчно новый вопросъ». *Ив. Ив.*—Новости иностранной литературы.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

И. Н. Потапенко. «Повѣсти и разсказы».—*В. Сѣрошевскій.* «На краю лѣсовъ».—*К. Тавастшерна.* «Мать и сынъ.

И. Н. Потапенко. Повѣсти и разсказы. Томъ одиннадцатый. Изд. ф. Павленкова. Спб. 1897 г. Ц. 1 р. Съ симпатичными сторонами таланта г. Потапенко наши читатели хорошо знакомы, какъ по его небольшимъ произведеніямъ, печатавшимся въ журналѣ, напр. «Силуэты», «Мишурисъ», такъ и по его большому роману «Живая жизнь», въ которомъ авторъ касается различныхъ вопросовъ современности. Намъ уже приходилось отмѣчать въ своихъ отзывахъ, какъ главную отличительную черту таланта г. Потапенко, его искренній, неподдѣльный юморъ, оживляющій его разсказы, въ которыхъ всегда бьетъ ключемъ живая жизнь, скрашенная мягкимъ добродушіемъ автора, дышущая подчасъ неудержимымъ весельемъ, бодрымъ и жизнерадостнымъ. Именно этотъ оттѣнокъ вѣры въ жизнь, въ людей, въ лучшія стороны ихъ души дѣйствуетъ на читателя освѣжающимъ образомъ, поднимаетъ и возбуждаетъ его и придаетъ авторской физіономіи г. Потапенко особый отпечатокъ, рѣзко выдѣляющій его среди другихъ беллетристовъ. Въ немъ нѣтъ унынія, нѣтъ удручающаго нытья, хотя никогда авторъ не избѣгаетъ намѣренно темныхъ сторонъ жизни, но и въ самомъ трагическомъ положеніи онъ указываетъ на возможность иной жизни, иного рѣшенія, въ безконечномъ разнообразіи жизни находя примиреніе.

Въ одиннадцатый томъ вошли преимущественно небольшіе разсказы и одна повѣсть «Подвальный этажъ», въ которой живо нарисована картина быта мелкаго люда въ Петербургѣ. Изображается оригинальная среда мастерской гробовщика, гдѣ разыгрывается обычная для большихъ городовъ драма. Молодая дѣвушка, дочь хозяина, не удовлетворена условіями окружающей жизни и стремится къ болѣе интересному и привлекательному для нея міру театральныхъ кулисъ. Въ результатѣ обычный исходъ въ видѣ сближенія съ молодымъ человѣкомъ изъ богатой среды, что вызываетъ сначала возмущеніе отца, а потомъ жизнь беретъ свое, и старикъ мирится съ нею, когда при помощи дочери и ея покро-

вителя устраиваетъ большое «похоронное бюро», о которомъ онъ давно мечталъ. Написана повѣсть живо и съ большимъ юморомъ, картина мастерской, типы хозяина и рабочихъ ея придаютъ содержанію большой интересъ. Изъ небольшихъ разсказовъ «Мишурисъ», знакомый нашимъ читателямъ, представляетъ картинку изъ быта юга. Превосходно очерченные въ немъ типы евреевъ, мелкихъ тружениковъ, могутъ служить прекрасной иллюстраціей къ еврейскому «вопросу», раздуваемому печатью извѣстнаго сорта. Какъ художникъ, г. Потапенко не разъ касался этого вопроса, и не малую заслугу его составляетъ правильное освѣщеніе жизни еврейской массы въ глазахъ русскихъ читателей, которымъ приходится слышать и читать такую бездну лжи и клеветъ, расточаемыхъ по адресу гонимаго народа.

Вацлавъ Сѣрошевскій. На краю лѣсовъ. Повѣсть. Съ 45 иллюстраціями въ текстѣ. Изд. Л. Ф. Пантелѣева. Спб. 1897 г. Ц. 1 р. 50 к. Сравнительно недавно русскіе читатели познакомились съ польскимъ писателемъ Вацлавомъ Сѣрошевскимъ, пользующимся въ родной литературѣ почетной извѣстностью подъ псевдонимомъ В. Сірко. Три года назадъ появился на страницахъ «Русск. Богатства» его разсказъ «Хайлакъ» и затѣмъ тамъ же его повѣсть «На краю лѣсовъ», переведенная авторомъ для названнаго журнала. Затѣмъ, въ «Мірѣ Бож.» за прошлый годъ было помѣщено первое художественное произведеніе, написанное имъ порусски, повѣсть «Въ сѣтяхъ». Какъ книжка его разсказовъ «Якутскіе разсказы», такъ и повѣсти раскрываютъ предъ нами міръ оригинальный и далекій, чуждый, но не лишенный своеобразной красоты. Міръ этотъ—якутскій край, страна отдаленнѣйшей ссылки и мрачной, суровой и величественной природы, міръ, отчасти знакомый намъ по чудеснымъ разсказамъ г. Короленко «Сонъ Макара», «Соколинецъ» и др. Но въ разсказахъ г. Короленко живутъ и дѣйствуютъ не мѣстные люди, героями являются пришлые, и даже его знаменитый Макаръ—«чалдонъ», объякученный русскій. Вся сила таланта автора сосредоточена на душевной жизни этихъ случайно загнанныхъ сюда судьбой людей и чудныя картины природы служатъ только великолѣпной рамкой для содержанія, далеко выходящаго за предѣлы мѣстной жизни. Иное—разсказы и повѣсти г. Сѣрошевскаго, въ которыхъ съ пластической ясностью выступаютъ якуты, ихъ несложная, простая жизнь, а пришлые люди, съ ихъ непонятными для окружающихъ нравами, странными привычками и взглядами лишь оттѣняютъ характерность и оригинальность этнографическаго элемента. Правда, въ разсказѣ «Хайлакъ» и повѣсти «Въ сѣтяхъ» герои не якуты, но центромъ вниманія читателя остаются все-таки не они, а именно мѣстная жизнь, въ которую насильственно вторгается этотъ чуждый ей элементъ. Это зависитъ, между прочимъ, и отъ того, что въ произведеніяхъ г. Сѣрошевскаго вполнѣ художественны преимущественно якутскіе типы. Особенно характерны въ послѣднемъ отношеніи его «На краю лѣсовъ» и «Въ сѣтяхъ». Въ первомъ фигура русскаго ссыльнаго Павла («Байбала») только мелькаетъ среди разнообразныхъ типовъ якутовъ, сравнительно

съ которыми она блѣдна и неясна. Фигуры Джянги, Лейли, Уйбанчика, характерныя и полныя жизни, цѣликомъ заслоняютъ лицо русскаго пришельца, туманное и расплывчатое, тогда какъ каждый штрихъ въ изображеніи якутской молодежи, старыхъ и пронырливыхъ якутовъ, тунгуса, оплакивающаго «незадачу» своей жены, не родившей ему сына, намѣченъ твердой, рѣзкой чертой, съ силой и полнотой таланта, властно распоряжающагося матеріаломъ. Прочтите яркія, полныя движенія и жизни, описанія игръ, охоты, собраній и сравните съ блѣдной картиной настроенія Павла, и все художественное значеніе произведеній г. Сѣрошевскаго становится яснымъ.

Какъ художникъ, авторъ отличается объективностью, почти эпическаго характера. У него нѣтъ лирическихъ отступленій, его «я» не проявляется нигдѣ, что придаетъ изображаемой имъ жизни особую законченность. Фабула его произведеній обыкновенно не сложна, и вся прелесть ихъ заключается въ художественности описанія мѣстной жизни, нравовъ, типовъ, природы. Въ его пейзажахъ чувствуется иногда излишнее стремленіе дать все, что въ данномъ пейзажѣ заключается, вслѣдствіе чего, вмѣсто полноты, получается расплывчатость. Но такихъ неудачныхъ картинъ (напр., въ повѣсти «Въ сѣтяхъ») сравнительно мало и преобладаетъ общее впечатлѣніе эпической простоты и сдержанности.

Таковы безспорно крупныя достоинства таланта г. Сѣрошевскаго, и мы въ правѣ ожидать отъ него не менѣе цѣльныхъ и законченныхъ произведеній изъ текущей русской дѣйствительности, какъ и его якутскіе разсказы и повѣсти.

К. Тавастшерна. Мать и сынъ. Романъ изъ жизни финскихъ крестьянъ. Переводъ съ шведскаго В. Фирсова. Цѣна 80 к. Спб. Изд. «Общественная Польза». 1897 г. Въ краткомъ предисловіи г. Фирсовъ, извѣстный переводчикъ съ финскаго и шведскаго языковъ и одинъ изъ знатоковъ современной скандинавской литературы, говоритъ, что имъ руководило желаніе пополнить настоящимъ переводомъ пробѣлъ въ свѣдѣніяхъ русскихъ читателей о характерѣ финляндцевъ и жизни этого маленькаго, но энергичнаго и нынѣ высоко-культурнаго народа. Оцѣниваемый съ этой точки зрѣнія, романъ Тавастшерна, дѣйствительно, даетъ въ живыхъ образахъ и въ мѣтко очерченныхъ типахъ больше о финляндскомъ народѣ, чѣмъ иныя пространныя этнографическія описанія. Эту оцѣнку г. Фирсова можно принять, но съ нѣкоторыми ограниченіями. Какъ художественное произведеніе, романъ Тавастшерна далеко не первоклассная вещь, и скорѣе его слѣдовало бы отнести къ бытовому жанру. Дѣйствія въ немъ очень мало, психологія выведенныхъ лицъ слабо затронута и притомъ слишкомъ въ общихъ чертахъ. Представитель высшаго культурнаго класса, финноманъ, ученый критикъ и народникъ, являющійся въ деревню для изученія финскаго народа, выведенъ въ нѣсколько окарикатуренномъ видѣ. Въ романѣ это самая слабая сторона, и для читателя, мало знакомаго съ народническими стремленіями въ финскомъ обществѣ, остается непонятнымъ, что собственно имѣлъ въ виду авторъ—

осмѣять финское народничество, или показать только нѣкоторыя его комичныя стороны. Какъ извѣстно читателямъ нашего журнала изъ статьи г. Фирсова «Новѣйшая финская литература» (февр. 1897 г.), народничество въ Финляндіи рѣзко отличается отъ подобнаго же направленія у насъ. Тамъ оно возникло въ средѣ самого народа, явившись какъ вполнѣ естественный результатъ пробудившагося народнаго самосознанія. Представителями его въ литературѣ явились крестьяне, внесшіе туда крестьянскую жизнь со всѣми ея характерными интересами и отличіями. Но въ тоже время на встрѣчу ему возникло сильное движеніе и въ высшемъ культурномъ обществѣ, давшее уже прекрасные результаты въ литературѣ, выдвинувъ такіе таланты, какъ Юхани Ахо. Въ общемъ все направленіе привело къ созданію крѣпкой народной партіи, постепенно захватывающей мѣстное управленіе. Поэтому, искренно рекомендуя романъ Тавастшерна, необходимо указать читателямъ, что ученый критикъ-народникъ далеко не служитъ представителемъ финскаго народничества.

Талантъ автора гораздо ярче и сильнѣе проявился въ обрисовкѣ крестьянскихъ типовъ, каковыми въ романѣ являются мать, сынъ и его возлюбленная. Каждая изъ этихъ фигуръ превосходно продумана и выдержана до конца. Видно, что авторъ знаетъ и понимаетъ финскій народъ, ни мало не стѣсняясь въ изображеніи какъ свѣтлыхъ, такъ и темныхъ сторонъ его характера. Эта свобода придаетъ его характеристикамъ мощную жизненность, а непосредственный юморъ сглаживаетъ шероховатости и, какъ лучи солнца, накладываетъ веселые, яркіе блики на лица его героевъ. И его мать, крѣпкая душой и тѣломъ крестьянка, богатая и гордая своимъ крестьянствомъ, по своему любящая сына, хотя и усчитывающая каждую копѣйку, которую онъ тратитъ, и сынъ, недалекій малый, упрямый и настойчивый, и его возлюбленная— все это живыя лица, выхваченныя изъ жизни. Ихъ несложная душевная жизнь, прочныя, хотя и одностороннія чувства, узкій кругъ интересовъ, въ который замкнутъ ихъ умъ, слагаются подъ перомъ автора въ типическій образъ народнаго характера, еще мало тронутаго культурой, но съ богатыми задатками многообѣщающаго будущаго, и въ этомъ отношеніи романъ Тавастшерна крайне интересенъ и заслуживаетъ полнаго вниманія.

ПУБЛИЦИСТИКА.

В. П. Вахтеровъ. «Всеобщее обученіе».—«Отчетъ коммиссіи по организаціи домашняго чтенія».—*А. Быкова.* «Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты».

В. П. Вахтеровъ. Всеобщее обученіе. Москва. 1897 г. Изд. И. Д. Сытина. Ц. 1 р. Вопросъ о всеобщемъ обученіи въ Россіи очень старъ. Еще Петръ Великій, указомъ 1715 и 1719 годовъ, желая достигнуть всеобщей грамотности, распространилъ обязанность посѣщать устроенныя тогда цыфирныя школы для людей всѣхъ званій, кромѣ дворянъ, обязанныхъ посѣщать другія учебныя заведенія. Но такое распоряженіе встрѣтило два препятствія:

во-первыхъ, оно не соотвѣтствовало взглядамъ населенія на обученіе, и, во-вторыхъ, количество открытыхъ цыфирныхъ школъ далеко не соотвѣтствовало ни пространству, ни числу жителей. Послѣ этого, вплоть до освобожденія крестьянъ вопросъ о всеобщемъ обученіи хотя и возбуждался неоднократно, не могъ быть рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ уже по тому одному, что надъ народомъ тяготѣло крѣпостное право. Реформа 19 февраля 1861 года поставила этотъ вопросъ на первую очередь.

Въ 1876 году въ министерствѣ народнаго просвѣщенія былъ возбужденъ вопросъ о всеобщемъ обученіи, но разрѣшенъ онъ былъ въ отрицательномъ смыслѣ на томъ основаніи, что, по словамъ тогдашняго министра гр. Толстого, для осуществленія реформы потребовалось бы такое напряженіе экономическихъ силъ населенія, какое было бы для него крайне отяготительнымъ. Потомъ этотъ доводъ противъ введенія всеобщаго обученія неоднократно повторялся и въ печати, и въ обществѣ на протяженіи цѣлыхъ 20 лѣтъ; всѣ были глубоко убѣждены, что для того, чтобы открыть свободный доступъ въ школы всѣмъ дѣтямъ школьнаго возраста, потребуются ежегодныя затраты въ сотни милліоновъ рублей. Г. Вахтеровъ доказываетъ теперь несостоятельность этого аргумента противъ введенія всеобщаго обученія. По вычисленію автора выходитъ, что на содержаніе всѣхъ новыхъ школъ потребовалось бы только 11 милліоновъ рублей; иными словами, новый расходъ на народное образованіе не достигъ бы и 1% общаго государственнаго расхода, а слѣдовательно и не вызвалъ бы сколько-нибудь замѣтнаго напряженія платежной способности населенія. «Странно,—замѣчаетъ г. Вахтеровъ,—что о напряженіи платежной способности населенія слышатся голоса именно тогда, когда рѣчь идетъ о всеобщемъ обученіи, и умолкаютъ, когда говорится объ асфальтовыхъ тротуарахъ, о постановкѣ балета и тысячѣ другихъ подобныхъ нуждъ. Можно думать, что плательщикъ, молча отдавая рубль налога, непремѣнно начнетъ жаловаться на прибавку какой-то части копѣйки, когда узнаетъ, что она пойдетъ на обученіе его дѣтей».

Другія возраженія противниковъ также, по мнѣнію г. Вахтерова, не имѣютъ серьезнаго значенія. Рѣдкость населенія не можетъ служить такимъ препятствіемъ, какимъ обыкновенно принято у насъ считать ее. Правда, съ этимъ факторомъ пришлось бы имѣть дѣло въ 8 губерніяхъ Европейской Россіи, гдѣ на одну квадратную версту считается не болѣе $11\frac{1}{2}$ жителей; но тутъ можетъ быть примѣнена особая организація дѣла начальнаго образованія, спеціально приноровленная къ громаднымъ разстояніямъ между селеніями. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ губерній пришлось бы устраивать филіальныя отдѣленія съ передвижными нормальными школами, какъ, напримѣръ, въ Астраханской, Оренбургской губ. и области Войска Донского, гдѣ одна школа пришлась бы только на два селенія. Въ другихъ губерніяхъ, какъ, напримѣръ, Архангельской, Вологодской и Олонецкой, гдѣ одна школа приходилась бы на 11—14 селеній, можетъ быть, была бы болѣе примѣнима система общежитій. При нѣкоторыхъ школахъ придется

озаботиться снабженіемъ бѣднѣйшихъ учениковъ теплымъ платьемъ, обувью, завтракомъ и организаціею очередныхъ подводъ для доставленія дѣтей въ школу изъ болѣе отдаленныхъ деревень.

Въ книгѣ г. Вахтерова есть и другія интересныя данныя по разсматриваемому вопросу, и познакомиться съ ними далеко нелишне, почему нельзя не рекомендовать брошюрку г. Вахтерова, какъ вполнѣ своевременную и заслуживающую вниманія.

Отчетъ коммиссіи по организаціи домашняго чтенія, состоящей при учебномъ отдѣлѣ общества распространенія техническихъ знаній, за 1894 и 1895 годы. М. 1897. in 8-vo, Стр. 26. Только что вышелъ въ свѣтъ отчетъ о дѣятельности московской коммиссіи по организаціи домашняго чтенія за два года сразу (за 2-й и 3-й годы ея существованія). Нельзя не отмѣтить при этомъ двухъ обстоятельствъ: слишкомъ поздняго появленія его въ свѣтъ и необычайной его сжатости и оффиціальной сухости. Кто не знаетъ условій, при которыхъ работаетъ московская коммиссія, легко можетъ подумать, что коммиссіи нечего сказать о своей дѣятельности, что послѣдняя, вопреки ожиданіямъ, не развилась и что наше общество еще не доросло до широкаго интереса къ «распространенію университетскаго образованія». Это далеко не такъ: 1) опубликованіе и содержаніе отчета не вполнѣ зависятъ отъ коммиссіи, а отъ «учебнаго отдѣла», при которомъ состоитъ коммиссія и который за послѣдніе полтора года совсѣмъ заглохъ, благодаря энергіи въ этомъ отношеніи своего предсѣдателя; 2) число читателей по программамъ коммиссіи, правда, очень медленно, но все-таки растетъ; 3) не сегодня, завтра появятся въ свѣтъ программы домашняго чтенія на *третій* годъ систематическаго курса; 4) предпринятъ рядъ работъ по выработкѣ основаній для энциклопедическихъ (общеобразовательныхъ) программъ и организаціи публичныхъ лекцій въ провинціи; 5) растетъ, наконецъ, и число членовъ коммиссіи, среди которыхъ имѣются уже не одни ученыя имена, но и «особы» съ титуломъ и положеніемъ въ свѣтѣ. Критика, занимавшаяся *программами* коммиссіи, уже заранѣе опредѣлила и вполнѣ основательно, что число читателей коммиссіи можетъ сразу и быстро пойти впередъ лишь послѣ того, какъ будетъ законченъ циклъ сложныхъ и разсчитанныхъ на достаточно развитого читателя программъ четырехгодичнаго систематическаго курса, программъ, которыя въ многихъ случаяхъ стоятъ чуть ли не выше тѣхъ, по которымъ сдаются въ нашихъ университетахъ магистрантскіе экзамены; теперешнія программы коммиссіи, благодаря своей трудности и отсутствію въ нихъ педагогической перспективы, удовлетворяютъ ничтожное меньшинство стремящихся къ самообразованію; подавляющее большинство можетъ пользоваться только отрывками изъ нихъ, отдѣльными указаніями или рекомендаціями книгъ. Отчетъ даетъ лишь однѣ цифровыя данныя и никакихъ болѣе или менѣе подробныхъ свѣдѣній о внутренней дѣятельности коммиссіи. Намъ памятно появленіе въ свѣтъ *перваго* отчета коммиссіи 1894 г., отрывки изъ котораго тотчасъ же были напечатаны въ нашемъ журналѣ и разнесли по провинціи свѣдѣнія о ней. Отчетъ этотъ былъ расхватанъ мгновенно и

содѣйствовалъ въ значительной степени установленію правильнаго взгляда на цѣли и задачи коммиссіи. Мы ждали новаго отчета съ нетерпѣніемъ; къ сожалѣнію, онъ почти ничего не прибавляетъ къ тому, что намъ извѣстно о коммиссіи. Рекомендуя, тѣмъ не менѣе, вниманію читателей новый отчетъ московской коммиссіи по организаціи домашняго чтенія, мы должны настойчиво посовѣтовать ей приняться за болѣе широкое и цѣлесообразное опубликованіе результатовъ своей дѣятельности, въ высокой степени поучительныхъ и цѣнныхъ. Такое опубликованіе имѣетъ значеніе не только для публики, но и для самихъ членовъ коммиссіи, такъ какъ не всѣ изъ нихъ непосредственно ознакомлены съ перепиской читателей; для публики, кромѣ того, важно, чтобы въ отчетахъ, во время выходящихъ, печатались правила для сношеній читателей съ коммиссіей, разъясненіе цѣлей и задачъ коммиссіи и т. п. и чтобы самые отчеты въ возможно громадномъ количествѣ посылались въ провинцію.

А. Быкова. Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты. Съ 7 рисунками въ текстѣ и съ географической картой Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Изданіе книжнаго склада А. М. Муриновой. М. 1896 г. Цѣна 50 коп. Не смотря на то, что объ Америкѣ у насъ писалось и издавалось очень много, мы съ удовольствіемъ привѣтствуемъ недавно вышедшую въ свѣтъ книжку г-жи Быковой: «Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты». Мы не хотимъ этимъ сказать, что названная работа вполнѣ оригинальна или что сообщаемыя въ ней свѣдѣнія отличаются особенной полнотою и свѣжестью,—конечно нѣтъ; намъ кажется даже, что и самъ авторъ отнюдь не хотѣлъ претендовать на такія качества. Несомнѣнная заслуга г-жи Быковой заключается въ томъ, что своею книжкой она *познакомитъ* съ Соединенными Штатами *самый обширный кругъ читателей*, вплоть до «интеллигенціи изъ народа» включительно, тотъ кругъ читателей, для котораго, по разнымъ причинамъ, недоступны ни Мэкри («Американцы у себя дома»), ни Брайсъ (капитальный трудъ «Американская республика»), ни Тверской («Американскіе очерки»), ни другіе, подобные имъ авторы. Разсматриваемая книжка даетъ отчетливое представленіе о томъ, какъ исторически сложились и развивались Соединенные Штаты Сѣверной Америки, какъ незначительная горсть пуританъ-переселенцевъ постепенно превратилась въ многомилліонное государство и почему совершилась такая дивная метаморфоза. Сами американцы и развитіе промышленности, и широкое распространеніе просвѣщенія, и необыкновенный ростъ Соединенныхъ Штатовъ, словомъ, рѣшительно все готовы объяснять особеннымъ государственнымъ устройствомъ своей страны. Показать, что это за волшебный жезлъ, способный дикую пустыню превратить въ плодоносныя поля и роскошныя плантаціи, изъ скалистаго камня—изводить воду, краснокожаго индѣйца и чернаго негра сдѣлать джентльмэнами, а сына безграмотнаго дровосѣка довести до Бѣлаго дома (т. е. сдѣлать президентомъ республики),—такова задача автора, которую онъ выполняетъ вполнѣ добросовѣстно. Государственному устройству Штатовъ отведено главное мѣсто, но въ книжкѣ г-жи Быковой

есть много и другихъ интересныхъ данныхъ, касающихся различныхъ сторонъ американской жизни, какъ-то: о земледѣльческой промышленности, о фабричной, о торговлѣ, и т. п. Существеннымъ недостаткомъ книги является обиліе описаній природы, разныхъ достопримѣчательностей, и т. п., что въ брошюрѣ чисто публицистическаго характера совершенно неумѣстно. Это развлекаетъ вниманіе читателя и придаетъ книгѣ характеръ развязной болтовни.

ИСТОРІЯ ВСЕОБЩАЯ И РУССКАЯ.

Гастонъ Могра. «Послѣдніе дни одного общества».—*П. Гиро.* «Частная и общественная жизнь грековъ».—*П. Милюковъ.* «Главныя теченія русской исторической мысли».

Гастонъ Могра. Послѣдніе дни одного общества. Герцогъ Лозенъ и внутренняя жизнь двора Людовика XV и Маріи-Антуанеты. Переводъ съ французскаго. Спб. Изд. Л. Ф. Пантелеева. Ц. 3 р. Сколько бы ни писали о времени, непосредственно предшествовавшемъ французской революціи, оно никогда не потеряетъ интереса для вдумчиваго читателя, ищущаго объясненій, какимъ образомъ могъ произойти этотъ коренной переворотъ, явившійся гранью между новымъ и старымъ порядкомъ, столь чуждыми другъ другу. Трудъ Гастона Могра даетъ много для уясненія этого величайшаго факта новой исторіи, и «Послѣдніе дни одного общества» стоитъ прочесть всякому, какъ бы ни были полны его свѣдѣнія о состояніи французскаго общества предъ революціей. Хотя авторъ не дѣлаетъ новыхъ открытій, не даетъ новаго освѣщенія, но собранные имъ факты такъ интересны, что книга его читается, какъ романъ, съ тою лишь разницей, что, вмѣсто вымысла, предъ нами развертываются подлинныя событія, подтверждаемыя несомнѣнными документами. Центральной фигурой взятъ герцогъ Лозенъ, знаменитый покоритель сердецъ, прославившійся и въ то легкомысленное время своими безчисленными побѣдами и романическими похожденіями. Выборъ героя предреволюціонной эпопеи очень удаченъ, такъ какъ Лозенъ и по рожденію, и по личнымъ качествамъ могъ служить полной характеристикой общества, осужденнаго на смерть и справлявшаго свою похоронную тризну, шумную и блестящую по внѣшности, при зловѣщихъ признакахъ приближающагося погрома. Изящный кавалеръ, остроумный и благородный, гордый своей лойальностью, Лозенъ начинаетъ жизнь въ самый разгаръ вакханаліи стараго режима и самъ съ юныхъ лѣтъ принимаетъ въ ней дѣятельнѣйшее участіе. Усталый, пресыщенный жизнью, не понимая новаго явленія, онъ умираетъ на гильотинѣ, съ геройскимъ спокойствіемъ встрѣчая смерть, какъ и большинство его веселыхъ спутниковъ жизни. «Это благороднѣйшая и возвышеннѣйшая душа, какую я когда-либо зналъ», говоритъ о немъ одинъ изъ современниковъ, и хотя авторъ раздѣляетъ это мнѣніе, но для читателя такая характеристика получаетъ двусмысленное значеніе. Хорошо, должно быть, было общество, въ которомъ «благо-

роднѣйшія и возвышеннѣйшія души» всѣ силы убивали на безконечныя любовныя интриги, на игры, придворные раздоры и всякіе пустяки, не замѣчая, какъ постепенно раскрывалась бездна, поглотившая ихъ въ минуту веселаго «танца на вулканѣ». Мысль о возможности переворота была такъ далека отъ веселящагося общества Лозеновъ и Марій-Антуанетъ, что во дворцѣ велись интриги въ самой королевской семьѣ почти наканунѣ казни короля. Самое бѣгство его не удалось благодаря имъ.

Читателю нашего времени уже невозможно проникнуть въ психику этихъ людей. Ихъ и наша точка зрѣнія на общество, государство, семью, нравственность діаметрально противоположны, и, читая занимательную книжку Могра, лучше всего убѣждаешься, какъ велики результаты этого переворота. Авторъ, съ истинно французскимъ благерствомъ, подкупленный внѣшностью, готовъ многое простить и во многомъ усмотрѣть что-то хорошее даже и въ этомъ прогнившемъ обществѣ. «Дѣйствительно ли это безпечное, утонченное и жизнерадостное общество было хуже нашего? Не увидимъ ли мы, въ трагическіе моменты революціи, этихъ самыхъ легкомысленныхъ царедворцевъ, этихъ изнѣженныхъ женщинъ, то утопающихъ въ удовольствіяхъ, то подвергающихся истеріи, не увидимъ ли мы ихъ стоически переносящими раззореніе, нищету, тюремное заключеніе? Не входили ли они на эшафотъ съ улыбкой на устахъ, безъ крика, безъ слезъ, безъ жалобъ?» Но, спрашивается, что же имъ еще оставалось? Самый вопросъ автора просто комиченъ, и вся прелесть его книги въ томъ и заключается, что въ ней дана великолѣпная иллюстрація гибели режима, въ основѣ котораго лежалъ дикій произволъ, безнравственность и полный разгулъ низменнѣйшихъ трастей. Какъ и современники Лозена, авторъ этого не видитъ, но, какъ и они, онъ ничего не скрываетъ, а для читателя это важнѣе всего. Онъ имѣетъ, такимъ образомъ, полную возможность присмотрѣться къ этому обществу и его порядкамъ и понять, почему оно возбуждало въ народѣ такую непримиримую ненависть и что̀ вызвало эти потоки крови, въ которыхъ захлебнулся изящный Лозенъ и окружавшій его мірокъ.

Историческія чтенія. Частная и общественная жизнь грековъ. П. Гиро. Переводъ съ французскаго съ 70 рис. Подъ редакціей Я. И. Руднева. Спб., изд. Л. Ф. Пантелѣева. 1897 г. Ц. 3 р. Работа П. Гиро является очень во время, такъ какъ потребность въ систематическомъ популярномъ описаніи особенностей древне-греческой культуры чувствуется у насъ давно. Существуетъ огромная литература, всесторонне освѣщающая жизнь Эллады, которая можетъ считаться со времени Нибура и Грота лучше изученной, чѣмъ любая эпоха въ исторіи человѣчества. Не говоря уже о несравненныхъ картинахъ эллинскаго быта, какія дала намъ чудная литература эллиновъ, накопилась нынѣ такая масса спеціальныхъ работъ и изслѣдованій, что одно уже перечисленіе ихъ можетъ составить предметъ особой ученой работы. Но все это богатство въ значительной части не можетъ быть доступно среднему читателю, особенно учащемуся юношеству, которому приходится до сихъ поръ довольствоваться скудными свѣдѣніями учебниковъ. Этотъ

пробѣлъ восполняетъ теперь книга Гиро, представляющая систематическую сводку существеннѣйшихъ данныхъ о частной и общественной жизни эллиновъ, на основаніи лучшихъ спеціальныхъ работъ и классическихъ произведеній, изъ которыхъ составитель приводитъ соотвѣтственныя подлинныя мѣста изъ древнихъ авторовъ. Для лучшаго обзора, весь матеріалъ разбитъ на XI главъ, напр.: «Общія свѣдѣнія», «Семья», «Воспитаніе», «Частная жизнь», «Рабство» и т. п. Каждая глава, въ свою очередь, раздѣлена на параграфы, дающіе возможность легко оріентироваться. Многочисленные рисунки поясняютъ и дополняютъ текстъ. Вообще, книга очень полезная для учащихся и учащихъ и должна войти въ составъ всѣхъ ученическихъ библіотекъ, какъ необходимое пособіе.

Проф. П. Н. Милюковъ. Главныя теченія русской исторической мысли. Томъ первый. М. 1897, in 8-vo. Стр. XII+306. Ц. 2 р. Настоящая книга бывшаго профессора московскаго университета, а нынѣ, какъ сообщили недавно газеты, профессора русской и всеобщей исторіи софійскаго университета въ Болгаріи П. Н. Милюкова представляетъ замѣчательное явленіе въ нашей литературѣ: это—первый опытъ вполнѣ научнаго, сжатаго и цѣльнаго курса русской исторіографіи въ ея внутреннемъ развитіи. Съ ходомъ развитія русской исторической мысли у насъ обыкновенно совсѣмъ незнакома читающая публика, и едва ли мы ошибемся, сказавъ, что своимъ незнакомствомъ по этой части нерѣдко соперничаютъ съ нею спеціалисты по русской исторіи. Самый терминъ «*исторіографія*», страдая достаточной неопредѣленностью, понимается и употребляется различно: вотъ почему исключеніе этого термина изъ заголовка къ разбираемой книгѣ нельзя не признать весьма удачнымъ и устраняющимъ тѣ недоразумѣнія, которыя могли бы возникнуть у читателя, приступающаго къ книгѣ съ тѣмъ или инымъ пониманіемъ названнаго термина. Не говоря о случаяхъ отожествленія терминовъ «исторіографія» и «исторія», благодаря которому изложеніе исторіи какого-либо государства на основаніи наличнаго состава пособій называютъ не совсѣмъ правильно «сочиненіемъ исторіографическимъ», укажемъ на то пониманіе термина «исторіографія», которое для насъ въ данномъ случаѣ представляется наиболѣе существеннымъ. Историческая литература сама по себѣ можетъ стать предметомъ изученія, независимо отъ положительныхъ результатовъ, вносимыхъ ею въ возводимое наукою зданіе общаго историческаго процесса. Это будетъ своего рода «исторія исторіи», какъ науки. Развитіе историческаго метода и пріемовъ разработки историческихъ матеріаловъ, эволюція идей, которыя одушевляли ученыхъ историковъ и осмысливали для нихъ кропотливую работу надъ оставленнымъ вѣками историческимъ наслѣдіемъ,—вотъ что можетъ составлять предметъ исторіографическихъ трудовъ такого типа, къ которому мы относимъ разбираемую книгу г. Милюкова.

Какъ же авторъ понимаетъ цѣль своихъ исторіографическихъ очерковъ? По его словамъ, они должны «дать общую картину развитія и взаимной смѣны тѣхъ теорій и общихъ взглядовъ, кото-

рые осмысливали для предшествовавшихъ поколѣній спеціальную работу надъ русскою исторіей». Изучая направлявшія ученую работу по русской исторіи теоретическія побужденія, авторъ останавливается «только на тѣхъ, которыя характеризуютъ *главныя теченія* русской исторической мысли, т.-е. на тѣхъ только, которыя толкали эту мысль впередъ, расширяя и углубляя ея главное русло». Формулируя такъ цѣль своей работы, авторъ долженъ былъ показать въ своей книгѣ, что «развитіе науки русской исторіи не безсмысленно и не случайно, что общее теченіе русской исторіографіи всегда обусловливалось нѣкоторыми основными взглядами, теоріями и системами и всегда находилось въ болѣе или менѣе тѣсной связя съ развитіемъ общаго міровоззрѣнія»; этимъ объясняются отступленія отъ основной темы въ книгѣ г. Милюкова: вѣдь идеи и настроенія, которыя играли въ наукѣ русской исторіи руководящую роль, зарождались далеко отъ собственной ея сферы. Идея закономѣрности историческаго развитія, съ такимъ блескомъ приложенная г. Милюковымъ къ изученію культурной исторіи Россіи, и въ настоящемъ трудѣ, какъ видите, поставлена во главу угла, такъ что курьезное представленіе объ исторіографіи, какъ «исторіи самосознанія», когда-то пытавшееся утвердиться въ нашей литературѣ, выкидывается здѣсь за бортъ окончательно и вполнѣ заслуженно. Вмѣстѣ съ сдачей въ архивъ устарѣлаго и неправильнаго представленія объ исторіографіи, какъ исторіи русскаго самосознанія, вмѣстѣ съ отрицаніетъ безсмысленнаго и случайнаго развитія науки русской исторіи, послѣдняя изображается въ книгѣ не изолированно, а въ кругу условій и настроеній, среди которыхъ шло развитіе русскаго общества. Это придаетъ изложенію особенную выпуклость и цѣльность. Для своей работы авторъ избралъ лишь два послѣднія столѣтія въ исторіи нашей науки, т. е. XVIII и XIX вѣка, игнорируя нашу средневѣковую философію исторіи и не касаясь пока сложной и спеціальной темы о перенесеніи къ намъ этой философіи изъ польской литературы. Употребляя привычные термины, авторъ дѣлитъ отмежеванную имъ эпоху русской исторіографіи на два періода: I—до Н. М. Карамзина включительно, и II—съ Н. М. Карамзина до нашихъ дней. Въ первомъ томѣ, только-то выпущенномъ въ свѣтѣ, изложенъ весь первый періодъ и часть второго, кончая характеристикой философскаго міровоззрѣнія П. И. Чаадаева и его значенія для славянофиловъ.

Мы не будемъ подробно знакомить читателей съ «главными теченіями русской исторической мысли», такъ какъ книга эта подвергнется, безъ сомнѣнія, самому внимательному изученію со стороны русской читающей публики. Правда, послѣдней придется изучать эту книгу не безъ значительнаго напряженія мысли, быть можетъ, нѣкоторымъ покажется не совсѣмъ интереснымъ знакомство съ русской исторіографіей XVIII столѣтія, но это препятствія временныя и одолимыя: глубина содержанія, стройность изложенія, тонкость философскаго анализа и рѣдкая въ нашей литературѣ ясность ученой мысли увлекутъ даже и мало поворотливые умы.

Синопсисъ, русскіе историки XVIII столѣтія, нѣмецкіе изслѣдователи русской исторіи въ XVIII вѣкѣ—все обрисовано во взаимной связи, среди общихъ и спеціальныхъ условій тогдашней дѣйствительности, среди точныхъ указаній очередныхъ задачъ тогдашней русской исторіографіи.

Переходя къ Н. М. Карамзину, мы читаемъ главу «итоги исторической работы XVIII столѣтія», которая знакомитъ какъ съ спеціальными результатами этой работы, такъ и съ постановкой общихъ историческихъ взглядовъ у изслѣдователей XVIII столѣтія на задачу историческаго изученія, съ отношеніемъ ихъ къ первоисточникамъ и пособіямъ и съ представленіями объ общемъ ходѣ русской исторіи. На ряду съ быстрымъ ростомъ исторической мысли и знанія въ прошломъ вѣкѣ автору пришлось отмѣтить, какъ онъ выражается, «рѣзкій диссонансъ»: къ концу вѣка изслѣдователи уже совершенно поколебали татищевско-ломоносовскій взглядъ на первый періодъ русской исторіи, однако «ломоносовское реторическое направленіе» съ литературными взглядами на задачи историка продолжало существовать. Передовые дѣятели науки или игнорировали его, или относились къ нему съ осужденіемъ: «Кто могъ думать тогда, что литературный взглядъ на исторію не только переживетъ XVIII вѣкъ, но и будетъ увѣковѣченъ для потомства въ сочиненіи» (стр. 113) Карамзина. Его *Исторія Государства Россійскаго* спокойно, объективно и вполнѣ научно истолкована г. Милюковымъ, и если получился полный разгромъ пресловутой легенды объ «исполинскомъ трудѣ» Карамзина и ея «недосягаемомъ величіи», то виноваты въ этомъ исключительно самъ Карамзинъ и историки XVIII столѣтія. Съ выходомъ *Главныхъ теченій* миѳическая карамзинская звѣзда закатилась навсегда.

Г. Милюковъ увѣряетъ насъ въ томъ, что Карамзинъ «критическою исторіей» вовсе не интересовался, а «философской исторіи» даже боялся и сознательно сторонился отъ нея, какъ отъ могущей лишь повредить «изображенію дѣйствій и характеровъ», что онъ писалъ только «художественную исторію» и писалъ ее въ такомъ стилѣ, условности котораго помѣшали достиженію художественнаго результата. При этихъ условіяхъ, замѣчаетъ проф. Милюковъ (стр. 200), Карамзинъ не могъ участвовать въ работѣ исторической мысли ни старшаго, ни современнаго, ни младшаго поколѣнія. Послѣ Карамзина начинается новый періодъ въ русской исторіографіи: но этого новаго періода Карамзинъ не создалъ и не подготовилъ. Первые самостоятельные опыты критической разработки и философской конструкціи, словомъ, вся дальнѣйшая плодотворная дѣятельность въ наукѣ русской исторіи стоятъ внѣ вліянія карамзинской *Исторіи*. Наканунѣ новаго періода Карамзинъ «въ послѣдній разъ, съ особенной яркостью и рельефностью подчеркнулъ тѣ типичныя черты старыхъ воззрѣній, которыя предыдущимъ поколѣніемъ были осуждены, какъ ошибочныя и отжившія. Карамзинъ не началъ собою новаго періода, а закончилъ старый, и роль его въ исторіи науки была не активная, а пассивная. Вмѣсто сознательнаго творца новой эпохи мы должны представлять себѣ Карамзина невольною жертвой устарѣвшей рутины». Вни

мательное изученіе исторической работы предшественниковъ и современниковъ Карамзина дали автору возможность обосновать неоспоримо свои выводы относительно *Исторіи Государства Россійскаго*. Но въ нашей литературѣ имѣется также *Исторія Русскаго Народа*: она посвящена Нибуру и цеховой ученой жизнью была осуждена прежде своего появленія въ свѣтъ. Ея автора обвиняли въ безпримѣрной «наглости, шарлатанствѣ, невѣжествѣ»: считалось признакомъ хорошаго тона Н. А. Полевого обливать грязью, Н. М. Карамзинымъ восторгаться—и все это, никогда не читая перваго и очень рѣдко второго. Какъ въ самомъ дѣлѣ можно было допустить, чтобы «*купеческій сынъ*, появившійся въ Москвѣ въ 1820 г. въ долгополомъ сюртукѣ, съ волосами, обстриженными въ кружокъ и съ ухватками приказчика, въ какія-нибудь десять лѣтъ могъ получить право не только поднимать свой голосъ въ спеціальныхъ вопросахъ, но и предпринять цѣлый переворотъ въ представленіяхъ о ходѣ русской исторіи» (стр. 264—265)! Однако, этотъ «купеческій сынъ» съумѣлъ усвоить себѣ основныя идеи шеллингизма въ ихъ приложеніи къ философіи исторіи, и его книга явилась первою попыткой приложить новый философско-историческій взглядъ къ объясненію явленій русской исторіи. Кто въ наше время знаетъ *Исторію Русскаго Народа* Полевого иначе, какъ по заголовку? Подробный анализъ этой работы, сдѣланный г. Милюковымъ, и притомъ въ сопоставленіи съ трудами Карамзина и Погодина, читается поэтому съ особеннымъ интересомъ; цѣнность этого анализа заключается въ томъ, что, благодаря ему, впервые въ нашей исторической литературѣ трудъ Полевого получаетъ надлежащее мѣсто... «Прошло сорокъ лѣтъ со времени выхода первыхъ томовъ *Исторіи* Полевого,—читаемъ у г. Милюкова (стр. 277).—Погодинъ издалъ, наконецъ, и свою, давно ожидаемую, *Русскую Исторію*. И что же? На послѣднихъ страницахъ этого послѣдняго своего труда по древнѣйшему періоду онъ вернулся къ Карамзину, тогда какъ *Исторія Русскаго Народа* приготовляла путь Соловьеву. Оба историка остановились на распутьи отъ стараго къ новому; но въ то время, какъ Полевой почти доходилъ до органическаго взгляда историко-юридической школы, Погодинъ кончилъ свои размышленія неудачными попытками приспособиться если не ко взглядамъ, то, по крайней мѣрѣ, къ терминологіи славянофильства». Мы подошли къ Погодину: у него «россійская исторія» превращалась въ «охранительницу и блюстительницу общественнаго спокойствія». При такомъ складѣ мысли руководящими началями погодинской разработки должны были стать провиденціализмъ и тенденціозность, и еще въ наши дни встрѣчаются жалкіе образчики подобнаго quasi-ученаго направленія.

Первый томъ *Главныхъ теченій* заключается параллелью ролей Ивана Кирѣевскаго и П. Я. Чаадаева въ развитіи славянофильскихъ теорій. Изъ двухъ различныхъ точекъ, мысли этихъ двухъ лицъ «захватываютъ одно и то же содержаніе, и мы имѣемъ полное основаніе предположить, что эта взаимная близость есть плодъ взаимнаго соглашенія. И въ это соглашеніе Чаадаевъ внесъ во всякомъ случаѣ не меньше, чѣмъ отъ него получилъ.

Уже самая рѣзкость отношенія Чаадаева къ русскому прошлому должна была послужить толчкомъ для столь же рѣшительной реабилитаціи нашего прошлаго будущими славянофилами. Но этимъ отрицательнымъ вліяніемъ не ограничилось значеніе для нихъ теоріи Чаадаева. Мы видимъ, что сами по себѣ они уже были склонны приписывать религіозной идеѣ первенствующую роль въ развитіи культуры. Но Чаадаевъ едва ли не первый открылъ имъ глаза на общую связь идей христіанской исторической философіи, а только въ этой связи православная религіозная идея получила всемірно-историческое значеніе. Оставаясь вѣрнымъ своей старой системѣ, Чаадаевъ не могъ сдѣлать самъ этого послѣдняго вывода, такъ какъ онъ не могъ согласиться приписать *всѣмъ* историческимъ процессамъ одинаковую закономѣрность. То и другое сдѣлали уже представители слѣдующаго поколѣнія. Развить и привести во взаимную связь оба положенія—о всемірно-исторической роли православной идеи и о закономѣрномъ развитіи этой идеи въ исторіи русскаго народа—такова была основная задача, оставленная шеллингистской философіей исторіи на рѣшеніе славянофиловъ».

Этими словами заканчивается первый томъ книги г. Милюкова. Научное и общественное значеніе *Очерковъ* и *Главныхъ теченій* громадно: на нихъ будетъ воспитываться новѣйшее поколѣніе русскихъ ученыхъ и образованныхъ членовъ русскаго общества. Въ нашей скудной литературѣ, обильной разнообразными продуктами дутой учености, незрѣлой мысли или грубаго сервилизма, подобныя книги—рѣдкость, онѣ считаются единицами, и печать должна относиться къ нимъ съ особеннымъ вниманіемъ. Авторитетовъ всякаго рода у насъ не мало, но *ученыя силы* въ собственномъ смыслѣ слова приходится отыскивать днемъ съ огнемъ.

ИСТОРІЯ КУЛЬТУРЫ.

Эдуардъ Тэйлоръ. «Первобытная культура».

Тэйлоръ Эдуардъ Б. Первобытная культура. Изслѣдованія развитія миѳологіи, философіи, религіи, языка, искусства и обычаевъ. 2-е изд. О. Н. Поповой. Подъ редакціей Д. А. Коропчевскаго. С.-Петербургъ. 1896—1897 гг. Цѣна за 2 тома 4 рубля. Мы не боимся заслужить упрекъ, если скажемъ, что Тэйлоръ извѣстенъ русской читающей публикѣ болѣе по имени, чѣмъ по его классическимъ трудамъ, какъ-то: «Доисторическій бытъ человѣчества и начало цивилизаціи», «Антропологія» и «Первобытная культура»; иначе, чѣмъ же объяснить тотъ прискорбный фактъ, что, въ теченіе 25 лѣтъ, со времени выхода въ свѣтъ на русскомъ языкѣ «Первобытной культуры», у насъ не было ни одного новаго изданія названнаго сочиненія? Поэтому нельзя не привѣтствовать счастливую мысль Д. А. Коропчевскаго и О. Н. Поповой снова напомнить намъ о знаменитомъ англійскомъ антропологѣ и познакомить русскую читающую публику съ результатами его изслѣдованій въ во-

просахъ о происхожденіи языка, миѳическихъ представленій, понятій о душѣ и духахъ, религіозныхъ обрядовъ и церемоній.

О сущности и происхожденіи языка очень долгое время велись самые жаркіе споры; при этомъ большинство мыслителей относились къ членораздѣльной рѣчи человѣка съ какимъ-то суевѣрнымъ благоговѣніемъ, утверждая, что языкъ—врожденъ человѣку, а первыя слова носятъ печать ихъ божественнаго происхожденія.

Въ разсматриваемой нами книгѣ Тэйлоръ выступилъ во всеоружіи своей эрудиціи, и отъ всей аргументаціи «правовѣрныхъ» ученыхъ не осталось камня на камнѣ. Первоначальный языкъ человѣка, по мнѣнію англійскаго антрополога, состоялъ изъ немногихъ нечленораздѣльныхъ звуковъ, которые невольно вырывались у него подъ вліяніемъ различныхъ душевныхъ движеній: радости, горя, испуга, угрожающей опасности и т. п.; потомъ, въ этотъ скудный лексиконъ мало-по-малу стали входить и тѣ односложныя слова, которыя служатъ точнымъ воспроизведеніемъ звуковъ неодушевленной и одушевленной природы (свистъ вѣтра, шумъ волнъ, шелестъ листьевъ, скрипъ дерева, грохотъ падающихъ камней, рычаніе и вой звѣрей, пѣніе птицъ и проч. и проч.) Не надо забывать здѣсь, что примитивная рѣчь нашихъ отдаленленныхъ предковъ непремѣнно сопровождалась весьма выразительными тѣлодвиженіями, особымъ выраженіемъ лица, эмоціональнымъ тономъ и т. п. Слѣдовательно, разговорный языкъ первобытнаго человѣка мало чѣмъ отличался отъ звѣриныхъ голосовъ и выразительныхъ жестикуляцій обезьянъ. И Тэйлоръ вполнѣ правъ, утверждая въ заключеніи своего изслѣдованія о происхожденіи языка слѣдующее: «Я думаю,—пишетъ онъ,—что всякій, кто безпристрастно разсмотритъ дѣйствіе криковъ, стоновъ, смѣха и другихъ эмоціональныхъ проявленій, тотъ допуститъ, по крайней мѣрѣ, что наше настоящее грубое пониманіе этого рода выраженія должно побудить насъ считать ихъ въ числѣ естественныхъ проявленій человѣческаго тѣла и души. Конечно, никто, сколько-нибудь понимающій мимическій языкъ и образное письмо, не станетъ приписывать ихъ происхожденіе таинственнымъ причинамъ или какому-либо сверхъестественному вмѣшательству въ ходъ умственнаго развитія человѣка. Причина ихъ, очевидно, лежитъ въ естественныхъ процессахъ человѣческой души»... (стр. 207).

Въ слѣдующей главѣ: «Искусство счисленія», Тэйлоръ представляетъ новыя доказательства той мысли, что человѣческая культура идетъ путемъ естественнымъ и эволюціоннымъ. На низшихъ ступеняхъ своего развитія, какъ показываютъ многочисленныя свидѣтельства путешественниковъ и миссіонеровъ, человѣкъ умѣетъ считать только до 10, иногда до 5 и даже того менѣе. Далѣе, Тэйлоръ неопровержимо доказываетъ, что языческіе миѳы и древнія сказанія не есть плодъ «безграничной творческой силы человѣческаго воображенія»: миѳологическій вымыселъ, какъ и всѣ другія проявленія человѣческой мысли, имѣетъ основаніемъ опытъ и только одинъ опытъ. Первая и главная причина, по мнѣнію Тэйлора, превращенія фактовъ ежедневнаго опыта въ миѳъ есть вѣрованіе въ воодушевленіе всей природы,—вѣрованіе, которое до-

стигаетъ высшей своей точки въ олицетвореніи ея. Это вовсе не случайное или гипотетическое дѣйствіе человѣческаго ума, оно неразрывно связано съ тѣмъ первобытнымъ умственнымъ состояніемъ, когда человѣкъ въ мельчайшихъ подробностяхъ окружающаго его міра видитъ проявленіе личной жизни и воли. Для низшихъ человѣческихъ племенъ солнце и звѣзды, деревья и рѣки, облака и вѣтры становятся личными одушевленными существами, которыя живутъ на подобіе людей или животныхъ, и исполняютъ предназначенныя имъ въ мірѣ функціи, съ помощью членовъ, какъ животныя, или искусственныхъ орудій, какъ человѣкъ. Другимъ источникомъ миѳовъ была аналогія, т. е. объясненіе процессовъ природы и ея измѣненій жизненными явленіями, похожими на жизнь созерцающаго ее мыслящаго человѣка. Аналогіи, которыя для насъ не что иное, какъ вымыселъ, были дѣйствительностью въ глазахъ людей прошлаго времени. Они могли видѣть огненные языки пламени, пожиравшаго свою жертву; они могли видѣть змѣю, которая, при взмахѣ меча, скользила по немъ отъ рукоятки до острія; они могли чувствовать въ своей утробѣ живое существо, которое грызло ихъ во время мученія голода; они слышали голоса черныхъ карловъ, отвѣчавшихъ имъ въ видѣ эха, и колесницу небеснаго бога, гремѣвшую громомъ по тверди небесной. Есть миѳы философскіе или объяснительные; миѳы, основанные на реальныхъ, но неправильно понятыхъ, преувеличенныхъ или искаженныхъ описаніяхъ; миѳы, въ которыхъ предполагаемыя происшествія приписываются легендарнымъ или историческимъ личностямъ; миѳы, основанные на реализаціи фантастической метафоры, и миѳы, созданные или примѣненные для распространенія нравственныхъ, соціальныхъ и политическій ученій.

Весь второй томъ разсматриваемаго нами сочиненія Тэйлора посвященъ вопросу о происхожденіи и развитіи первобытныхъ религій, причемъ англійскій ученый строго держится теоріи такъназываемаго *анимизма*. Опредѣливъ религію, какъ «вѣрованіе въ духовныя существа», онъ задается вопросомъ: откуда и какъ могли возникнуть у первобытнаго человѣка такія оригинальныя понятія и вѣрованія? Отвѣтъ на поставленный вопросъ кратко резюмируется Тэйлоромъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ. Повидимому, говоритъ онъ, мыслящихъ людей, стоящихъ на низкой ступени культуры, всего болѣе занимали двѣ группы біологическихъ вопросовъ: во-первыхъ, что̀ составляетъ разницу между живущимъ и мертвымъ тѣломъ; что составляетъ причину бдѣнія, сна, экстаза, болѣзни и смерти? Во-вторыхъ, что такое человѣческіе образы, представляющіеся въ снахъ и видѣніяхъ? Видя эти двѣ группы явленій, древніе дикари-философы, вѣроятно, прежде всего сдѣлали очевидное заключеніе, что у каждаго человѣка есть жизнь и есть призракъ. То и другое, видимо, находится въ тѣсной связи съ тѣломъ: жизнь даетъ ему возможность чувствовать, мыслить и дѣйствовать, а призракъ составляетъ его образъ или второе я; и то и другое, такимъ образомъ, отдѣльно отъ тѣла: жизнь можетъ уйти изъ него и оставить его безчувственнымъ или мертвымъ, а призракъ показывается вдали отъ него. Дикимъ философамъ

не трудно было сдѣлать и второй шагъ; мы это видимъ изъ того, какъ крайне трудно было цивилизованнымъ людямъ уничтожить это представленіе. Дѣло заключалось просто въ томъ, чтобы соединить жизнь и призракъ. Если то и другое принадлежатъ тѣлу, почему бы имъ не принадлежать другъ другу и не быть проявленіемъ одной и той же души? Поэтому, ихъ можно разсматривать, какъ связанныя между собою, и въ результатѣ является общеизвѣстное понятіе, которое можетъ быть названо призрачной душой. Понятіе о личной душѣ или духѣ у низшихъ расъ можетъ быть опредѣлено слѣдующимъ образомъ: душа есть тонкій, невещественный человѣческій образъ, по своей природѣ нѣчто въ родѣ пара, воздуха или тѣни; она составляетъ причину жизни и мысли въ томъ существѣ, которое одушевляетъ; она обладаетъ нераздѣльно личнымъ сознаніемъ и волею своего тѣлеснаго обладателя въ прошломъ и въ настоящемъ; она способна покидать тѣло и переноситься съ мѣста на мѣсто; большею частью неосязаемая и невидимая, она обнаруживаетъ также физическую силу и является людямъ спящимъ и бодрствующимъ, преимущественно, какъ фантазмъ, отдѣленный отъ тѣла, но сходный съ нимъ; она способна входить въ тѣла другихъ людей, животныхъ и даже вещей, имѣть ихъ въ своей власти и дѣйствовать въ нихъ (стр. 11). Далѣе, Тэйлоръ приводитъ многочисленныя свидѣтельства и примѣры, блестяще подтверждающіе высказанныя ученымъ положенія.

Актъ дыханія, столь характеристичный для высшихъ животныхъ при жизни и прекращеніе котораго совпадаетъ такъ тѣсно съ прекращеніемъ этой послѣдней, дикарями (и весьма естественно) отожествляется съ самой жизнью или душою... Многое изъ физическихъ и умственныхъ своихъ состояній дикіе люди объясняютъ теоріей отлетанія всей души или нѣкоторыхъ изъ составляющихъ ея духовъ. По мнѣнію южныхъ австралійцевъ, болѣзнь происходитъ оттого, будто «тѣнь» больного отдѣлена отъ его тѣла, и что выздоравливающій не долженъ подвергать себя опасностямъ, прежде чѣмъ эта тѣнь не утвердилась въ немъ прочно; во всѣхъ случаяхъ, гдѣ мы говоримъ, что человѣкъ былъ боленъ и выздоровѣлъ, они утверждаютъ, что «онъ умеръ и вернулся». Другое вѣрованіе у той же расы объясняетъ состояніе людей, лежащихъ въ летаргіи такъ: «ихъ души отправились къ берегамъ рѣки смерти, но не были здѣсь приняты, и вернулись оживить снова ихъ тѣло»... Той же теоріей отлетанія души дикари объясняютъ и сновидѣнія. Нѣкоторые гренландцы полагаютъ, что душа покидаетъ тѣло ночью и отправляется охотиться, плясать и посѣщать друзей. Новозеландцы думаютъ, что душа спящаго покидаетъ его тѣло и заходитъ въ своихъ странствованіяхъ даже въ область умершихъ, чтобы побесѣдовать съ друзьями... Сѣверо-американскіе индѣйцы полагали, что сонъ есть посѣщеніе души спящаго душою того человѣка или предмета, который является во снѣ...

Въ заключеніе не можемъ пройти молчаніемъ одну особенность разсматриваемаго нами труда Тэйлора; мы говоримъ о неполнотѣ его содержанія. Въ самомъ дѣлѣ, съ понятіемъ о культурѣ у насъ соединяется представленіе о всей совокупности сдѣланныхъ человѣ-

чествомъ завоеваній въ различныхъ отрасляхъ его многовѣковой жизни,—интеллектуальной, моральной, соціально-политической, правовой, этнической, технической и др. Поэтому, для тѣхъ, кто интересуется вопросомъ самообразованія, въ частности для тѣхъ, кто хочетъ детально познакомиться съ вопросомъ о первобытной культуры во всемъ ея объемѣ и полнотѣ, мы рекомендуемъ слѣдующія сочиненія:

Кудрявскій. Какъ люди жили въ старину, М. 1894 г. 30 к.

Гёрнесъ. Исторія первобытнаго человѣчества. П. 1896 г. 50 к.

Липпертъ. Исторія культуры. Перев. Струве. П. 1894 г. 1 р. 60 к.

Дебьеръ. Первобытные люди. П. 1892 г. 1 р.

Тэйлоръ. Доисторическій бытъ человѣчества и начало цивилизаціи. М. 1868 г.

Тэйлоръ. Антропологія. П. 1882 г. 3 р.

Летурно. Соціологія, основанная на этнографіи. Изд. Поповой. 1896—1897 гг.

Петри. Антропологія. Основы антропологіи. П. 1890 г. 3 р. 50 к.

Спенсеръ. Основанія соціологіи. П. 1876 г. 5 р. 50 к.

Шурцъ. Краткое народовѣдѣніе. П. 1895 г. 1 р. 50 к.

Пешель. Народовѣдѣніе. П. 1890 г. 4 р.

Леббокъ. Доисторическія времена или первобытная эпоха человѣчества. П. 1870 г. 3 р. 50 к.

Леббокъ. Начало цивилизаціи. 1896 г. 2 р. 50 к.

Въ этихъ книгахъ читатели найдутъ общія свѣдѣнія по исторіи первобытной культуры. Отдѣльные вопросы культуры трактуются въ сочиненіяхъ:

Бокль. Исторія цивилизаціи Англіи. Перев. Буйницкаго. П. 1895 г. 1 р. 50 к.

Летурно. Литературная эволюція. П. 1896 г. 1 р.

Мармери. Прогрессъ науки. П. 1896 г. 1 р. 75 к.

Мензисъ. Исторія религіи. П. 1897 г. 1 р.

Буше-Леклеркъ. Изъ исторіи культуры. Истолкованіе чудеснаго (вѣдовство) въ античномъ мірѣ. К. 1881 г. 2 р. 50 к.

Буше-Леклеркъ. Философія, христіанство, фатализмъ, вѣдовство. К. 1889 г. 2 р. 50 к.

Летурно. Прогрессъ нравственности. П. 1893 г. 1 р. (въ продажѣ нѣтъ).

Развитіе морали (Изложено по Летурно). «Русск. Мысль» за 1888 г. кн. VIII.

Спенсеръ. Основанія науки о нравственности. П. 1880 г. 2 р. 50 к.

Эспинасъ. Соціальная жизнь животныхъ. П. 1882 г. 2 р. 50 к.

Жиро. Общества у животныхъ. Перев. Склифасовскаго. П. 1895 г. 1 р. 50 к.

Каутскій. Этюды и очерки. П. 1895 г. 1 р. 50 к. (Общественные инстинкты въ мірѣ животныхъ и людей).

Спенсеръ. Развитіе политическихъ учрежденій. П. 1883 г. 1 р. 50 к.

Мэнъ. Древній законъ и обычай. П. 1884 г.

Ковалевскій, М. Первобытное право. М. 1886 г. 2 р. 65 к.

Зиберъ. Очерки первобытной экономической культуры. М. 1883 г. 4 р. 50 к.

Ковалевскій, М. Происхожденіе и развитіе семьи и собственности. П. 1895 г. 60 к.

Энгельсъ. Происхожденіе семьи, частной собственности и государства. П. 1895 г. 1 р.

Тардъ. Происхожденіе семьи и собственности. 1897 г.

Летурно. Эволюція собственности. П. 1889 г. 3 р.

Лавелэ. Первобытная собственность. П. 1875 г. 2 р. 50 к.

Коропчевскій. Разсказы про дикаго человѣка. М. 1895 г. 2 р.

Спенсеръ. Обрядовыя учрежденія. К. 1880 г. 1 р. 50 к.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

«Промышленность».—«Освобожденіе крестьянъ на Западѣ».—«Народонаселеніе и ученіе о народонаселеніи».

«Промышленность». Статьи изъ Handwörterbuch der Staatswissenschaften. Пер. съ нѣмецкаго. Изд. М. и Н. Водовозовыхъ. М. 1896. Цѣна 1 р. 50 к.

«Освобожденіе крестьянъ на Западѣ и исторія поземельныхъ отношеній въ Германіи». Статьи оттуда же. Переводъ провѣренъ Н. Водовозовымъ и С. Булгаковымъ. Изд. М. И. Водовозовой. М. 1897. Цѣна 1 р. 50 к.

«Народонаселеніе и ученіе о народонаселеніи». Статьи оттуда же. Переводъ провѣренъ С. Булгаковымъ. Изд. М. И. Водовозовой. М. 1897. Цѣна 1 р. 50 к.

Одной изъ характернѣйшихъ чертъ современной нѣмецкой ученой литературы является изобиліе трудовъ, авторами которыхъ являются не отдѣльныя лица, а цѣлыя группы ученыхъ, болѣе или менѣе многочисленныя, при чемъ каждый участникъ такого коллективнаго труда беретъ на себя разработку того вопроса или той группы вопросовъ, которая соприкасается съ кругомъ его спеціальныхъ работъ и изслѣдованій. Возьмемъ ли мы политическую экономію, право, сельское хозяйство, медицину, исторію и т. п., для каждой изъ этихъ отраслей знанія мы найдемъ въ нѣмецкой литературѣ многочисленные Handbuch'и, Lehrbuch'и, System'ы и т. п., причемъ число сотрудниковъ такихъ коллективныхъ работъ колеблется отъ четырехъ-пяти человѣкъ до трехъ-четырехъ десятковъ. Можно думать, что размноженіе подобнаго рода работъ является неизбѣжнымъ слѣдствіемъ современнаго состоянія науки: запасъ нашихъ свѣдѣній по каждой отрасли знанія такъ громаденъ, спеціализація научнаго труда настолько велика, что ни одинъ ученый не чувствуетъ себя уже полнымъ хозяиномъ во всей области своей науки, будетъ ли то политическая экономія, исторія или медицина, и не рѣшается взять на себя задачу въ достаточно полномъ видѣ изобразить современное состояніе всѣхъ ея отраслей.

Крупнѣйшимъ коллективнымъ предпріятіемъ въ области экономическихъ наукъ является «Словарь государственныхъ знаній» («Handwörterbuch der Staatswissenschaften»), изданный подъ редак-

ціей Конради, Лексиса, Эльстера и Ленинга и состоящій изъ шести огромныхъ томовъ (около тысячи двухстолбцовыхъ страницъ въ каждомъ), въ дополненіе къ которымъ уже въ 1895 году, чрезъ годъ по завершеніи изданія, вышелъ объемистый добавочный томъ. Терминъ «государственныя знанія» редакторы «Словаря» понимаютъ въ тѣсномъ смыслѣ, въ послѣднее время получившемъ право гражданства въ нѣмецкой литературѣ: словарь охватываетъ «только *хозяйственныя* и *соціальныя* государственныя знанія (wirthschaftlichen und sozialen Staatswissenschaften), къ числу которыхъ относятся: теоретическое и практическое ученіе о народномъ и государственномъ хозяйствѣ, а также ученіе объ обществѣ и соціальная политика, разсматриваемая съ хозяйственной точки зрѣнія» *), статистика же является могущественнымъ средствомъ для точнаго изображенія явленій хозяйственной и соціальной жизни. Что касается общаго направленія, то редакторы словаря, не стѣсняя свободы своихъ сотрудниковъ по отношенію къ отдѣльнымъ вопросамъ, въ цѣломъ держатся «направленія, господствующаго въ области хозяйственныхъ и соціальныхъ наукъ», т. е. того направленія, которое обозначаютъ названіями «соціально-этическаго», «не причисляя себя, однако, ни къ какой опредѣленной партіи» **): они хотятъ, прежде всего, *изучать* и *понимать факты*, «сохраняя за собой право прилагать *нравственное* мѣрило къ оцѣнкѣ даже тѣхъ хозяйственныхъ и соціальныхъ явленій, которыя выступаютъ съ правильностью, почти не уступающею правильности явленій естественно-историческихъ, и потому нерѣдко смѣшивались съ этими послѣдними и по существу»; они «не желаютъ ни скрывать, ни преувеличивать дурныхъ сторонъ хозяйственной и соціальной жизни и стараются поддержать всѣ стремленія здравой соціальной политики».

Нельзя не согласиться съ мнѣніемъ гг. Водовозовыхъ, задумавшихъ изданіе на русскомъ языкѣ «статей» изъ «Словаря», что «не всѣ помѣщенныя здѣсь статьи одинаково интересны, не всѣ написаны въ тонѣ полнаго безпристрастія»; не говоря уже объ отдѣльныхъ статьяхъ, даже цѣлая группа вопросовъ и цѣлые отдѣлы экономической науки разработаны въ «Словарѣ» съ гораздо меньшею обстоятельностью, нежели другія группы и другіе отдѣлы: сосредоточивъ все свое вниманіе на возможно обстоятельномъ изображеніи экономической исторіи и современной жизни, а также на вопросахъ экономической политики, словарь даетъ гораздо менѣе, а иногда и прямо недостаточно свѣдѣній по вопросамъ экономической теоріи. Зато въ вышеназванныхъ областяхъ словарь «является настоящею энциклопедіей, заключающей въ себѣ массу драгоцѣнныхъ свѣдѣній по праву (вѣрнѣе—по хозяйственному и соціальному законодательству), статистикѣ, финансамъ и прикладной экономіи», такою энциклопедіей, гдѣ «дѣло», «суть» стояли всегда на первомъ мѣстѣ, а «мнѣнія» играли сравнительно подчиненную роль» (предисл. къ русск. изданію). Эти

*) Handwörterb., предисловіе къ I тому, стр. III.
**) Тамъ же.

не подлежащія никакому сомнѣнію крупныя достоинства словаря побудили покойнаго Н. В Водовозова и М. И. Водовозову предпринять изданіе «статей» этого словаря по ряду наиболѣе интересныхъ вопросовъ, группируя ихъ не по алфавиту, какъ въ нѣмецкомъ оригиналѣ, а *по содержанію*, и такимъ образомъ придать своему изданію форму не словаря, а хрестоматіи по важнѣйшимъ вопросамъ, по преимуществу, прикладной экономіи. До настоящаго времени вышло четыре тома этой хрестоматіи, посвященные: «землевладѣнію и сельскому хозяйству», «промышленности», «освобожденію крестьянъ на Западѣ», и «народонаселенію и ученію о народонаселеніи».

Превосходно выполненное, предпріятіе гг. Водовозовыхъ составляетъ весьма цѣнный вкладъ въ русскую экономическую литературу: за небольшую цѣну каждый томъ серіи «статей» даетъ русскому читателю, интересующемуся тѣмъ или другимъ отдѣломъ прикладной экономіи, огромный цифровой и вообще фактическій матеріалъ, разработанный лучшими спеціалистами Германіи, а отчасти и другихъ странъ: достаточно назвать такія имена, какъ Лексиса, Филипповича, Эльстера въ томѣ «Народонаселеніе», Геркнера, Зомбарта, Лексиса въ томѣ «Промышленность», Лампрехта, Кнаппа, Бюхера, Жида въ томѣ «Освобожденіе крестьянъ» и т. п. Каждый, кто приступитъ къ спеціальному изученію того или другого вопроса, не обладая притомъ знаніемъ нѣмецкаго языка или не имѣя подъ руками подлиннаго, дорогого и трудно доступнаго «Словаря»,—обратится къ соотвѣтственному тому «статей», гдѣ найдетъ и богатѣйшія статистическія данныя, и тщательно составленную библіографію, и достаточно полный обзоръ взглядовъ, высказывавшихся въ разное время въ экономической наукѣ,—словомъ, все, что можетъ ввести его въ курсъ дѣла, познакомить его съ современнымъ состояніемъ научныхъ знаній по данному вопросу и помочь ему оріентироваться при дальнѣйшихъ спеціальныхъ занятіяхъ.

Нѣсколько менѣе удовлетворяетъ серія «статей» другой задачѣ, которая имѣлась въ виду ея издателями: служить матеріаломъ для *самообразованія*, для чтенія лицъ, начинающихъ знакомиться съ политическою экономіей. Издатели «Handwörterbuch'а» совершенно не преслѣдовали подобной цѣли: они имѣли въ виду, съ одной стороны, лицъ, собирающихся спеціально изучать тѣ или другіе вопросы, съ другой стороны—людей практики—чиновниковъ, парламентскихъ дѣятелей, сельскихъ хозяевъ и т. д., вообще лицъ, практически соприкасающихся съ вопросами экономической и соціальной политики, и совершенно не задавались цѣлью служить интересамъ самообразованія или уже университетскаго изученія экономической науки. Изъ сказаннаго не слѣдуетъ, конечно, чтобы всѣ или даже большинство статей, изданныхъ въ переводѣ гг. Водовозовыми, были мало пригодны для цѣлей самообразованія; напротивъ, такія монографіи, какъ статья Геркнера о кризисахъ, статья Зомбарта о домашней промышленности, статьи Лампрехта о нѣмецкомъ крестьянствѣ и землевладѣніи, прочтутся и начинающими безъ особыхъ затрудненій и дадутъ имъ полное

и отчетливое понятіе о современномъ состояніи того или другого вопроса. Но нѣкоторыя статьи будутъ мало полезны для начинающаго читателя: однѣ—по чисто справочному характеру (напр., статьи, посвященныя статистикѣ народонаселенія), другія — по абстрактному характеру и недоступности изложенія (напр., статья Лексиса «общая теорія движенія народонаселенія»).

Съ точки зрѣнія читателя, которому хрестоматія гг. Водовозовыхъ понадобится, какъ руководящая нить для спеціальнаго изученія того или другого вопроса, эти недостатки частью вовсе не представляются недостатками, частью—не имѣютъ особаго значенія: *такой* читатель возьметъ изъ интересующихъ его статей цифры и фактическія данныя, разберется въ литературѣ и т. п., словомъ, извлечетъ изъ этихъ статей все, что онѣ могутъ дать, и либо просто отложитъ въ сторону менѣе удовлетворительныя статьи, либо отнесется къ нимъ съ надлежащею критикой.

ЭТНОГРАФІЯ.

А. Позднѣевъ. «Монголія и монголы».—*И. Коростовецъ.* «Китайцы и ихъ цивилизація».

«Монголія и монголы». Результаты поѣздки въ Монголію, исполненной въ 1892—1893 гг. А. Позднѣевымъ. Томъ I. Дневникъ и маршрутъ 1892 года. Изданіе Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. С.-Петербургъ. 1896. XXX+696 стр. По предложенію министерства иностранныхъ дѣлъ, профессоръ с.-петербургскаго университета по каѳедрѣ монгольскаго языка Алексѣй Матвѣевичъ Позднѣевъ (дѣйствительный членъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества) предпринялъ въ апрѣлѣ 1892 года путешествіе въ Монголію,—для него уже по счету втрое,—которое черезъ полтора года было имъ благополучно и съ полнымъ успѣхомъ окончено. Результаты этой, по скромному выраженію автора, «поѣздки» будутъ представлены въ семи томахъ, изъ коихъ изданіе шести приняло на себя Географическое Общество, а седьмого—Императорская академія наукъ. Обширный научный матеріалъ, вывезенный изъ далекихъ степей Внутренней Азіи почтеннымъ ученымъ, распредѣляется слѣдующимъ образомъ по томамъ: въ первомъ—дневникъ 1892 года; во второмъ—дневникъ 1893 года; въ третьемъ—административное устройство, военное и политико-экономическое состояніе Монголіи; въ четвертомъ — религія въ Монголіи; въ пятомъ—этнографическія свѣдѣнія; въ шестомъ—замѣтки о китайской и русской торговлѣ, и въ седьмомъ—исторія владѣтельныхъ княжескихъ домовъ, начиная съ періода подданства монголовъ манчжурамъ.

Вышедшій въ прошломъ году первый томъ этого солиднаго труда представляетъ полный дневникъ, веденный А. М. Позднѣевымъ съ 27 іюня по 5 декабря 1892 года и относящійся, главнымъ образомъ, къ Сѣверной Монголіи, или Халхѣ (собственно отъ Кяхты до Калгана). Выѣхавъ 7 апрѣля изъ Петербурга со

своею женою, сопровождавшею мужа во все время долгаго и тяжелаго путешествія, А. М. Позднѣевъ прибылъ 23 іюня въ Кяхту, откуда черезъ четыре дня уже вступилъ въ предѣлы Монголіи. Дневникъ А. М. Позднѣева прочтется, безъ сомнѣнія, съ большимъ интересомъ и пользою каждымъ, кто пожелалъ бы основательно познакомиться съ бытомъ и внѣшнимъ характеромъ Монголіи. Правда, самъ авторъ въ своемъ предисловіи сознается не безъ основанія, что «чтеніе этихъ первыхъ двухъ томовъ (т. е. дневниковъ) можетъ показаться затруднительнымъ, съ одной стороны, вслѣдствіе внесенія мною въ текстъ ихъ чисто монгольскихъ техническихъ словъ и терминовъ, а съ другой—и самые факты могутъ быть не вполнѣ удобопонятны при незнакомствѣ съ общимъ бытомъ и строемъ Монголіи». Далѣе, приведя въ оправданіе этого довольно вѣскія причины, противъ которыхъ трудно что-либо сказать, онъ утѣшаетъ, что «дѣло станетъ вполнѣ яснымъ само собою, когда читатель познакомится съ послѣдующими за дневникомъ частями моего труда, заключающими въ себѣ систематическое описаніе монгольскаго быта» (стр. XXIV). Дѣйствительно, обиліе монгольскихъ словъ безъ словаря въ концѣ книги (въ подстрочныхъ выноскахъ, впрочемъ, даны переводы нѣкоторыхъ) не можетъ не затруднять, но самый дневникъ такъ прекрасно веденъ, что невольно забывается это затрудненіе и жизнь Монголіи вырисовывается все яснѣе и яснѣе въ общемъ и деталяхъ.

Нашъ путешественникъ записываетъ на каждомъ ночлегѣ впечатлѣнія пережитаго дня, описываетъ все точно, подробно, съ выдержанною объективностью, свой путь, свои встрѣчи, свои разговоры съ туземцами. Въ этихъ запискахъ—и картины природы, и топографическія указанія, и историческія свѣдѣнія, и этнографическіе эскизы, разныя легенды, религіозныя вѣрованія монголовъ, метеорологическія, коммерческія и всевозможныя статистическія данныя, самыя добросовѣстныя описанія многочисленныхъ ламайскихъ монастырей, городовъ, поселковъ, тексты богдыханскихъ грамотъ, надписей, приказовъ (въ оригиналахъ на монгольскомъ языкѣ и въ переводахъ на русскій), злобы дня мѣстныхъ жителей и т. п. Словомъ, что только глазъ видитъ, ухо слышитъ—все это запечатлѣвается въ дневникѣ. И авторъ не относится сухо къ такому дѣлу, онъ интересуется всѣмъ, старается проникнуть «въ корень вещей», разобраться въ цѣлой путаницѣ понятій и порядковъ, изслѣдовать съ возможною тщательностью явленіе, познакомиться поближе съ предметомъ, узнать его прошлое, его настоящее до мельчайшихъ подробностей. Онъ не только смотритъ и слушаетъ,—онъ и наблюдаетъ. Его дневникъ—не только фотографія, но и научное изслѣдованіе.

Что еще болѣе увеличиваетъ цѣнность разсматриваемой книги, такъ это—масса переданныхъ цинкографіей фотографическихъ снимковъ различныхъ мѣстной, городовъ, монастырей, ставокъ, кумирень, кладбищъ, памятниковъ. Въ этомъ отношеніи незамѣнимую услугу оказалъ путешественнику фотографическій аппаратъ, съ которымъ онъ объѣхалъ Монголію. Фотографированіе не встрѣчало существенныхъ препятствій со стороны туземныхъ властей,

хотя ламы и косились на такое занятіе. Такъ, въ большомъ монастырѣ Амуръ-баясхуланту А. М. Позднѣевъ обратился къ главному монастырскому начальнику — ханбо-ламѣ, за разрѣшеніемъ фотографировать это учрежденіе, на что получилъ отвѣтъ, что хотя онъ самъ, ханбо-лама, ничего не имѣетъ противъ этого, но разрѣшить просимаго не можетъ: «какъ ханбо-лама, я вѣдаю дѣла чистоты вѣры, ученія и хураловъ (т. е. богослуженій); но все, что касается внѣшности монастыря, вѣдаетъ да-гэскуй; поэтому вы просите разрѣшенія у него». Да-гэскуй на эту просьбу отвѣтилъ отказомъ, хотя только оффиціальнымъ: «онъ не можетъ дать мнѣ разрѣшенія, передаетъ авторъ, тѣмъ не менѣе я могу снимать, препятствовать онъ мнѣ не будетъ, но и знать объ этомъ не будетъ; «дѣлайте, какъ хотите, только не входите внутрь кумирень» (стр. 42 и 43). На станціи Дзэренъ путешественникъ хотѣлъ снять религіозную церемонію «круговращенія Майдари», въ которой участвовало около четырехсотъ человѣкъ. Монголы, увидѣвъ установленную фотографическую камеру, «всею массою» бросились къ этой невиданной диковинкѣ, оставивъ своего кумира; даже нѣкоторые ламы послѣдовали примѣру своей паствы. Фотографированіе не удалось, такъ какъ монголы вели себя неспокойно и старались, каждый, заглянуть въ объективъ, несмотря на увѣщанія г. Позднѣева и даже другихъ, наиболѣе благоразумныхъ, своихъ собратьевъ (стр. 191). А одинъ цзаргучэй (начальствующее лицо) на станціи Сайръ-усу, разговорившись съ нашимъ путешественникомъ и убѣдившись въ пользѣ фотографій изъ бесѣды по поводу одной китайской книги, описывающей европейскую жизнь и снабженной массою иллюстрацій, гравированныхъ на мѣди съ фотографій, охотно далъ разрѣшеніе дѣлать снимки и распорядился даже, чтобы открыть кумирни и проводить А. М. Позднѣева всюду по желанію послѣдняго, и помогъ нести фотографическій аппаратъ (стр. 174).

Не всегда, впрочемъ, обходилось благополучно съ предметами европейской культуры. Такъ, на станціи Убуръ-Чжиргаланту одинъ старый лама во время бесѣды высказался по поводу наблюденій по термометру такъ: «холода стоятъ оттого, что люди хотятъ узнавать теперь волю неба»; на утро термометръ оказался сломаннымъ. Разслѣдовавъ это происшествіе, А. М. Позднѣевъ убѣдился, что виновникъ «сокрушенія» термометра—тотъ же самый лама фанатикъ (стр. 221, 222).

Русская географія должна сказать «спасибо сердечное» неутомимому, ревностному изслѣдователю А. М. Позднѣеву и Императорскому Русскому Географическому Обществу, предпринявшему на свои средства изданіе такого капитальнаго и необходимаго въ каждой серьезной библіотекѣ труда. Жаль только, что къ дневнику не приложена карта Монголіи. Правда, г. Позднѣевъ не производилъ топографическихъ съемокъ и астрономическихъ наблюденій для опредѣленія широты и долготы мѣстъ, такъ что, разумѣется, собственной карты составить не могъ, но это не помѣшало бы снабдить дневникъ картою Монголіи и чужого приготовленія, оговоривъ, конечно, чьего именно. Вообще, читать гео-

графическія сочиненія, не слѣдя по картѣ за описываемымъ—неудобно и затруднительно. Карта придаетъ бóльшій интересъ, иллюстрируя нѣкоторымъ образомъ читаемое.

И. Коростовецъ. Китайцы и ихъ цивилизація. Спб. 1896. Изданіе книжнаго магазина М. М. Ледерле. Цѣна 4 рубля. Наша литература о Китаѣ отличается крайней скудостью. Русскому человѣку, интересующемуся Китаемъ, какъ справедливо замѣчаетъ авторъ разбираемаго сочиненія, приходится пользоваться иностранными авторами или же отыскивать русскія сочиненія, утратившія характеръ современности и даже ставшія библіографическою рѣдкостью. Поэтому, цѣлью настоящаго труда было пополнить пробѣлъ въ нашей литературѣ о Китаѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ исправить нѣсколько смутныя представленія о названной странѣ, существующія въ нашемъ обществѣ, меньше знающемъ своего великаго сосѣда, чѣмъ нѣкоторые совсѣмъ чуждые ему народы Западной Европы.

Статьи и очерки, изъ которыхъ составилась книга г. Коростовца, печатались въ нашихъ повременныхъ изданіяхъ, между прочимъ, и въ «Вѣстникѣ Европы». Въ послѣднемъ журналѣ помѣщены были статьи: «Образованіе въ Китаѣ», «Сельское хозяйство и культура чая въ Китаѣ», «Театръ и музыка въ Китаѣ», составившія главы VIII, XV и XIX разбираемаго сочиненія. Статьи эти, живо рисующія отдѣльныя стороны жизни Срединной Имперіи, представляли большой интересъ для интеллигентныхъ читателей, желающихъ ознакомиться съ Китаемъ и китайцами; въ настоящее время, собранныя въ одно стройное цѣлое, монографіи почтеннаго автора образуютъ всестороннее изслѣдованіе о Китаѣ и его судьбахъ, являющееся цѣннымъ вкладомъ, обогатившимъ нашу литературу. Книга вполнѣ оправдываетъ главную цѣль своего появленія: въ популярномъ и общедоступномъ изложеніи просвѣтить профановъ, интересующихся китайцами и ихъ цивилизаціей, что въ настоящее время, въ виду особаго сближенія съ Китаемъ, весьма и весьма не безполезно. Китай и китайщина являются для иныхъ идеаломъ, и потому читателямъ необходимо поближе ознакомиться, каковъ этотъ «идеалъ».

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ

съ 15-го февраля по 15-е марта 1897 года.

И. Потапенко. Повѣсти и разсказы. Изд. Павленкова. Т. XI. Спб. 1897. Ц. 1 р.

З. Венгерова. Литературныя характеристики. Спб. 1897. Ц. 1 р. 50 к.

Акинфіевъ. Опредѣлитель семействъ цвѣтковыхъ растеній. Изд. 2-е. Екатеринославъ. 1896. Ц. 30 к.

Вучетичъ. Двѣ легенды. Дѣтск. библіотека. Изд. Южн. Рус. Об-ва Печ. Дѣла. Одесса. 1897. Ц. 15 к.

В. Сысоевъ. Разсказы и очерки. Изд. Мамонтова. Москва. 1897. Ц. 1 р. 25 к.

Вас. Немировичъ-Данченко. Соколиныя гнѣзда. Изд. Мамонтова. Москва 1897. Ц. 85 коп.

Маминъ-Сибирякъ. Аленушкины сказки Изд. Мамонтова. Москва. 1897.

Марсель Прево. Тайный садъ. Изд. ред. журн. «Читатель». Москва. 1897. Ц. 50 к.

Извѣстія Императорскаго Русскаго Географическаго Общеснва. Т. XXXII, вып. IV. 1896.

А. Соколовъ. Наблюденія надъ качаніями поворотныхъ маятниковъ Репсольда. Зап. Имп. Рус. Геогр. Об-ва. Т. XXX. № 2. Спб. 1896.

А. Энгельгардтъ. Изъ деревни 12 писемъ. Изд. 3-е. Суворина. Спб. 1897. Ц. 2 р. 50 к.

Алексѣевъ. Лучшія луковичныя и шишковатыя растенія. Изд. Суворина. Спб. 1897. Ц. 1 р. 50 к.

Олексо Стороженко. Украинськи оповидания. Изд. Суворина. Спб. 1897. Ц. 2 руб.

А. Шопенгауеръ. Міръ, какъ воля и представленіе. Изд. Суворина Спб. 1897. Ц. 2 р.

Э. Брайтвинъ. Дружба съ природой въ изложеніи Кайгородова. Изд. Суворина. Спб. 1897. Ц. 1 р. 50 коп.

Луи-де-Контъ. Воспоминанія объ Іоаннѣ д'Аркъ. Въ 2-хъ томахъ. Изд. Суворина. Спб. 1897. Ц. 2-хъ томовъ 3 р.

А. Кони. Судебныя рѣчи 1868—1888. Изд. 3-е. Суворина. Спб. 1897. Ц. 3 р. 50 к.

Эсхилъ. Орестія. Изд. Суворина «Дешевая библіотека». Ц. каждаго выпуска 20 коп.

В. Гюго. Человѣкъ, который смѣется Изд. Суворина «Дешевая библіотека» Ц. 20 коп.

М. Ю. Лермонтовъ. Пѣсня про царя Ивана Васильевича. Иллюстр. изданіе Суворина. Спб. 1897.

Гастонъ Могра. Герцогъ Лозенъ. Изд. Пантелѣева. Спб. 1897. Ц. 3 руб.

Поль-Луи-Курье. Сочиненія. Изд. Пантелѣева. Спб. 1897. Ц. 2 р.

В. Сѣрошевскій. На краю лѣсовъ. Съ 45 иллюстраціями въ текстѣ. Изд. Пантелѣева. Спб. 1897. Ц. 1 р. 50 к

Веневитиновъ. Русскіе въ Голландіи. Москва. 1897.

Гиро. Частная и общественная жизнь грековъ. Изд. Пантелѣева. Спб. 1897. Ц. 3 р.

М. Ревонъ. Жозефъ де-Мэстръ. Спб. 1897. Ц. 50 коп.

Птицынъ. Адвокатъ за адвокатуру. Изд. Соколова. Спб. 1895. Ц. 30 коп.

Лаландъ. Этюды по философіи наукъ. Изд. ред. журн. «Образованіе». Спб. 1897. Ц. 75 коп.

Флексигъ. Мозгъ и душа. Изд. ред. журнала «Образованіе». Спб. 1897. Ц. 40 коп.

Д-ръ Айзлеръ. Психологія. Изд. Лейненберга. Библ. для всѣхъ. Одесса. 1897. Ц. 30 коп.

Статистическій обзоръ Калужской губерніи. Калуга. 1897.

Краткій обзоръ дѣятельности губернскихъ земствъ по народному образованію. Калуга. 1896.

Н. Энъ. Очерки современной жизни 1896. Ц. 1 р.

Діатроптовъ. О чумѣ. Изд. Южно-Рус. Об-ва Печ. Дѣла. Одесса. 1897. Ц. 20 к.

Рождественскіе разсказы «Степного Края». Омскъ. 1897.

Травинъ. Руководство къ низшей геодезіи съ приложеніемъ XXI таблицы чертежей. Москва. 1897. Часть 2-я. Изд. 2-ое. Ц. 2 руб.

Мартыновъ. Справочная книга для опекуновъ и попечителе Изд. книжн. маг. Мартынова 2-е. Спб. 1897. Ц. 1 р.

Дружининъ. Юридическое положеніе крестьянъ. Изд. Мартынова. Спб. 1897. Ц. 2 р.

Генрихъ Буль. Борьба за землю. Изд. Южно-Рус. Об-ва Печ. Дѣла. Одесса. 1897. Ц. 20 коп.

М. М. Стихотворенія. Спб. 1897. Ц. 40 к.

М. Веберъ. Биржа и ея значеніе. Изд. Юровскаго «Международная библіотека». Спб. 1897. Ц. 15 к.

Гельмгольцъ. Сочиненія. Изд. Филиппова «Научнаго обозрѣнія». Спб. 1897. Ц. 15 к.

Къ вопросу о денежной реформѣ. Одесса. 1897.

Узаконеніе и усыновленіе дѣтей. Изд 2-е. Мартынова. Спб. 1896. Ц. 50 к.

Борисовъ. Продолжительность курса въ земскихъ школахъ Херсонской губерніи. Херсонъ. 1897.

Отчетъ Лохвицкой воскресной школы за 1895—1896 годъ. Лохвица. 1897.

Отчетъ Воронежской публичной библіотеки. Воронежъ. 1897.

Терновскій. Замѣтка о народномъ образованіи. Спб. 1897.

Отчетъ Пензенской Лермонтовской библіотеки за 1895—1896 г. Пенза. 1897.

Отчетъ Вологодской безплатной библіотеки. Вологда. 1896.

ИЗЪ ЗАПАДНОЙ КУЛЬТУРЫ.

Вѣчно новый вопросъ.

По поводу книги Antoine'a Guillois, «La marquise de Condorcet, sa familie, son salon, ses amis». Paris, 1897.

I.

Въ человѣческомъ обществѣ болѣе вѣрное представленіе о положительномъ значеніи отдѣльной личности или факта обыкновенно можно получить не на основаніи восторговъ, хотя бы даже самыхъ искреннихъ и сознательныхъ сочувственниковъ, а по отзывамъ противниковъ и ненавистниковъ.

Наша природа по существу крайне инертна и чрезвычайно склонна ко всевозможнымъ приспособленіямъ. Не легко вообразить такія общественныя условія, къ какимъ бы ни привыкъ человѣкъ, мало этого,—какія бы съ теченіемъ времени не стали казаться,—большинству, по крайней мѣрѣ,—вполнѣ удовлетворительными и даже близкими сердцу.

Пресловутая гегельянская истина: «что дѣйствительно—то разумно» нашла самый лестный пріемъ у людей отнюдь не философскаго закала и ученаго направленія, и понята была вовсе не въ какомъ-нибудь головоломномъ смыслѣ спеціальной философски-совершенной дѣйствительности, а въ самомъ простомъ, практически-выгодномъ и нравственно-успокоительномъ.

Съ жизнью ничего не подѣлаешь какими угодно благородными теоріями; она ведетъ свою линію, и всегда мимо мечтателей, или даже обращаясь съ ними на манеръ колесницы Джагернаута... Припомните, какой энтузіазмъ вызвала примирительная формула Гегеля даже у людей съ натурой и умомъ Бѣлинскаго!

И сколько жертвъ самой удручающей дѣйствительности и невыносимо-горестному личному существованію принесъ пламенный идеалистъ, томимый неотвязной мыслью найдти покой и смыслъ здѣсь же, рядомъ съ собой, безъ мукъ сомнѣнія и безъ надрыва оскорбленнаго чувства!..

А что происходитъ на каждомъ шагу съ обыкновенными смертными?

Да они готовы какой угодно цѣной искупить тишь да гладь. Они поставятъ на карту и самолюбіе, и даже личное достоинство, лишь бы не сворачивать съ привычнаго пути и не вызывать крупныхъ недоразумѣній съ коснымъ теченіемъ окружающей жизни.

Они съ особенной благодарностью будутъ привѣтствовать именно тѣхъ, кто изобрѣтетъ для нихъ новые мотивы любить и чтить «традиціи», кто откроетъ лишнее оправданіе для ихъ «благоразумія».

Отсюда—психологія нерѣдко поразительной популярности совершенно ничтожныхъ, до пошлости шаблонныхъ писателей всевозможныхъ жанровъ. Цѣлое поколѣніе бредитъ какимъ-нибудь Шатобріаномъ, Коцебу, Бенедиктовымъ, и потомкамъ приходится подчасъ доискиваться тайны той или другой славы, будто ключа къ доисторической легендѣ.

И часто много требуется гражданскаго мужества и вообще нравственной самостоятельности, чтобы «дѣтямъ» поднять руку на идола «отцовъ». Долго, будто эхо среди горъ, несется шумъ недостойнаго имени, то тамъ, то здѣсь находя откликъ и поддерживая иллюзію «безсмертія».

Она можетъ утвердиться на очень прочномъ основаніи, если исторія судъ свой будетъ приспособлять къ громкому голосу «поклонниковъ». Это, большею частью, стихійный шумъ толпы, привѣтствующей одного изъ своихъ. Напротивъ, *враги*—въ силу необходимости проницательные цѣнители всякаго историческаго явленія и таланта. По температурѣ и устойчивости ненавистническихъ страстей можно безошибочно судить о значительности и смыслѣ самой благородной дѣятельности.

Поднимаются десятилѣтіями осѣвшіе инстинкты, взбудораживается родная насиженная почва, и на «безпокойнаго человѣка» направляются самые острые, пронизывающіе взоры анализа и критики.

Правда, подъ этими взорами мельчайшія точки разростаются въ пятна, лучи свѣта превращаются въ смутный туманъ, но за то, навѣрное, не ускользнетъ ни одинъ дѣйствительный изъянъ, а неотъемлемыя достоинства, окончательно не поддающіяся отрицанію и униженію, вызываютъ бурю негодованія и стремительныхъ издѣвательствъ.

Возьмите какое угодно преобразовательное историческое движеніе, припомните дѣятельность какого-нибудь рѣзко-оригинальнаго таланта, вы всюду найдете рядъ тѣней, отбрасываемыхъ каждымъ моментомъ движенія, каждымъ актомъ отважнаго дѣятеля. И по этимъ тѣнямъ вы безошибочно опредѣлите направленіе и яркость совершившихся событій.

Да, чтобы уяснить сущность, положимъ, французскаго восемьдесятъ девятаго года, вы не слушайте энтузіастовъ конвента и Палерояля, не увлекайтесь часто необыкновенно блестящими статьями республиканскихъ листковъ и брошюръ. Отдайте справедливость безкорыстному увлеченію и дѣйствительно благороднымъ мечтамъ міровыхъ преобразователей, но *прозы* и *точности* ищите въ другомъ лагерѣ.

Когда вы внимательно выслушаете жалобы эмигрантовъ, когда изъ устъ «умѣренныхъ» вы узнаете о задушевныхъ вожделѣніяхъ «порядочныхъ людей»—оставить, по возможности, идеи въ книгахъ, а на практикѣ «смѣшнаго маркиза» превратить въ англійскаго лорда и «почтеннаго буржуа» въ своего рода плантатора, тогда вы оцѣните смыслъ всего движенія и распознаете зерно существенности за шумихой гражданскихъ и просто театральныхъ фразъ.

Враги—незамѣнимые судьи и критики. И нѣтъ ничего любопытнѣе для историка-психолога, какъ слѣдить по пятамъ за политикой ненависти и инстинктивнаго страха и отвращенія.

Припомните величественнѣйшую сцену во всей исторіи человѣчества—судъ надъ Христомъ... Никакой энтузіазмъ Его учениковъ не могъ бы такъ ярко и во всѣхъ отношеніяхъ поучительно освѣтить вопроса о новомъ ученіи, какъ рѣчи фарисеевъ и вопли толпы: Чѣмъ мрачнѣе фонъ, тѣмъ рельефнѣе выступаютъ мельчайшія подробности свѣтлаго явленія: это одинаково примѣнимо къ міру физическому и духовному.

И вотъ предъ нами одинъ изъ такихъ фактовъ, именно для современнаго общества особенно интересныхъ.

Не особенно давно въ нашей литературѣ большое мѣсто занимала такъ называемая «эмансипація». Можно даже сказать, она по преимуществу сообщила шестидесятымъ годамъ особый отпечатокъ, дала въ руки противниковъ самое благодарное оружіе.

Если кому-нибудь, все равно, прежде или теперь, требовалось нанести особенно эффектный ударъ прошлому, на сцену немедленно выдвигались нечистоплотныя стриженыя дѣвицы, не вѣрующія ни въ Бога, ни въ женское цѣломудріе. Аргументъ казался неотразимымъ. Вѣдь подобная дѣвица—воплощенный недугъ семьи, слѣдовательно, вообще гражданскаго и культурнаго общества!..

Другой жгучій вопросъ публицистики шестидесятыхъ годовъ, насчетъ повсемѣстнаго насажденія химіи и біологіи и всенепремѣннаго истребленія «эстетики», сравнительно блѣднѣлъ предъ карьерой и міровымъ значеніемъ Еленъ и Кукшиныхъ. Но съ теченіемъ времени вопросъ сжался и въ нашей литературѣ почти исчезъ. Беллетристы, повидимому, не чувствуютъ ни малѣйшей склонности заниматься психологіей и практикой «новой женщины», а публицистика будто даже конфузится признать наслѣдство прошлаго.

Совершенно иначе обстоитъ дѣло на Западѣ.

Печать главнѣйшихъ культурныхъ странъ переполнена статьями по женскому вопросу. И движеніе отнюдь не платоническое. Рѣшеніе англійскаго парламента предоставить политическія права женщинамъ обѣщаетъ вызвать въ будущемъ самую горячую и чрезвычайно важную полемику. *Противъ* билля высказались талантливѣйшіе вожди *либеральной* партіи. Это фактъ капитальнѣйшаго интереса. Либерализмъ, очевидно, видитъ въ современной женщинѣ своего завѣдомаго врага, другими словами: не считаетъ ея на уровнѣ передовыхъ идеаловъ общественной политики.

Правиленъ этотъ взглядъ? Вопросъ идетъ о странѣ, самой развитой въ политическомъ отношеніи, съ самой прочной и свободной общественной культурой, о странѣ, давшей литературѣ множество первостепенныхъ женскихъ талантовъ.

Какъ же объяснить странное «реакціонное» поведеніе англійскихъ либераловъ, отнюдь не способныхъ изъ партійной тактики на французскій манеръ голосовать въ извѣстныхъ обстоятельствахъ даже противъ личнаго убѣжденія? Во всей исторіи женскаго вопроса не найдется факта, болѣе внушительнаго и болѣе

благопріятнаго для враговъ «эмансипаціи». Съ нимъ придется считаться многимъ поколѣніямъ, и на крайне скользкой почвѣ.

Соотечественники Милля разошлись во взглядахъ съ знаменитымъ публицистомъ и его освободительную пропаганду свели къ такому результату: у Милля была очень достойная жена, оказывала на него неограниченное вліяніе, и защитникъ эмансипаціи— въ сущности, лирикъ своего семейнаго счастья. Это одинъ изъ превосходныхъ примѣровъ *истины ad hominem*, т. е. истины не вообще, а личнаго настроенія и чувства, преобразованнаго ради извѣстныхъ цѣлей въ идею и принципъ.

Имѣетъ за собой основанія подобный взглядъ? Вопросъ насущной необходимости для всего европейскаго общества.

Рѣшеніе его, какъ и всѣхъ общественныхъ вопросовъ, прежде всего въ исторіи. Никакія воззванія къ чувству справедливости и гуманности не могутъ имѣть мѣста именно въ данномъ случаѣ. Англійскіе либералы, несомнѣнно, обладаютъ этимъ чувствомъ въ болѣе совершенной формѣ, чѣмъ ихъ противники. Имъ нужно доказать, что женщины могутъ служить прогрессу; примѣры подобнаго служенія бывали въ прошломъ, слѣдовательно, они возможны и въ будущемъ. Все дѣло въ сопутствующихъ обстоятельствахъ. Ихъ можетъ объяснить исторія.

Напримѣръ, она не знаетъ болѣе страшнаго врага мысли и цивилизаціи, чѣмъ перваго французскаго императора. Самое слово *идея* и самая способность человѣка *говорить* вызывали у него непримиримую злобу и слѣпое безпощадное преслѣдованіе. Идеологовъ онъ желалъ бы побросать въ воду, ораторамъ отрѣзать языки: это его собственныя, безусловно достовѣрныя рѣчи, и если они *буквально* не приводились въ исполненіе, зависѣло это отнюдь не отъ доброй воли «наслѣдника Карла Великаго».

Все это отлично извѣстно, но любопытна одна черта, не столь ясно подчеркнутая историками. Варварскіе инстинкты Наполеона особенно богатую пищу находили въ гоненіи на женщинъ. Списки изгнанниковъ переполнены женскими именами, и они вписывались сюда въ теченіе всей имперіи, даже въ самый разгаръ вполнѣ, повидимому, обезпеченнаго самовластія.

Когда впослѣдствіи настало время для наполеоновской легенды и Тьеръ написалъ бонапартистскую эпопею подъ заглавіемъ *Исторія консульства* и *Исторія имперіи*, онъ замолчалъ почти всѣ преступленія и безумства своего героя, похоронилъ въ забвеніи всѣхъ его жертвъ, но одной не могъ вычеркнуть—г-жи Сталь! Писательница оказалась самымъ крупнымъ и самымъ историческимъ призомъ корсиканца!

И вполнѣ справедливо.

Никто не нанесъ больше ударовъ кровавому престижу и бутафорскому величію Наполеона, никто глубже не проникъ въ его психологію человѣка и властителя, никто не оставилъ историкамъ болѣе достовѣрнаго и полнаго матеріала.

И это была женщина со всѣми женскими, исконными недостатками и, пожалуй, даже пороками.

Г-жа Сталь въ личной жизни разыграла не одинъ романъ по

всѣмъ правиламъ дамскаго искусства, съ тончайшими пріемами кокетства, съ разсчитанной жестокостью и искреннимъ деспотизмомъ, съ припадками неукротимой мстительности и сценами психопатической нѣжности...

Автору *Коринны* и *Дельфины* нечего было «творить» и воображать, оставалось только припоминать и признаваться.

И вы думаете, эта героиня такъ-таки съ самаго начала почувствовала себя врагомъ деспотизма и либералкой подъ вліяніемъ разныхъ идей и идеалистовъ, хотя бы своего же отца?

Вовсе нѣтъ. Разыгралась цѣлая трагикомедія увлеченія интереснымъ незнакомцемъ демонической окраски. Г-жа Сталь горѣла и трепетала при первой встрѣчѣ съ Бонапартомъ, какъ это бываетъ съ самыми заурядными любительницами «сильныхъ натуръ». Ничего не могло быть «женственнѣе» первой бесѣды писательницы съ своимъ будущимъ смертельнымъ врагомъ...

И все это не помѣшало Бонапарту утратить сонъ и аппетитъ изъ-за столь слабой, повидимому, «подданной». Онъ могъ добродушно издѣваться надъ шатобріановской оппозиціей и на величественныя радикальныя выходки Ренэ отвѣчать снисхожденіемъ и даже милостями. Но женщина не находила у него ни пощады, ни смягчающихъ обстоятельствъ. Даже ея сосѣдство съ Парижемъ казалось великой государственной опасностью, и писательницѣ пришлось спасаться чрезъ всю Европу къ намъ, въ Москву и Петербургъ, какъ единственныя убѣжища.

Можно возгордиться подобной участью, и трудно представить, какими залпами декламацій угостилъ бы насъ иной разочарованный краснословъ, если бы его постигъ такой поединокъ съ «властителемъ міра». Г-жа Сталь кратко заявила Наполеону: «Я буду имѣть строчку въ вашей исторіи». И этого вполнѣ достаточно.

Но Бонапартъ не оригиналенъ въ своей войнѣ съ женщинами. Еще раньше—революція оказала имъ не меньше чести, возводя на эшафотъ рядомъ съ первыми политическими и учеными знаменитостями своего времени.

И женщины часто умирали такъ, что въ ихъ смерти свидѣтели могли видѣть несравненно больше античнаго духа, чѣмъ было его во всѣхъ рѣчахъ и костюмахъ якобинцевъ.

Послѣ террора первый консулъ заявилъ г-жѣ Кондорсе: «Я не люблю, когда женщины вмѣшиваются въ политику». Ему отвѣчали:

«Вы правы, генералъ. Но въ странѣ, гдѣ имъ рубятъ головы, у нихъ естественно является желаніе знать, почему?»

Исторія не сообщаетъ продолженія разговора, да его, вѣроятно, и не было. За генерала отвѣчали слишкомъ краснорѣчивые факты. Якобинцы и онъ самъ создали небывалый пьедесталъ женщинѣ, обрушиваясь на нее всей тяжестью насилія и мести. Значитъ, она стóила такого вниманія, представляла дѣйствительную силу, превосходившую значеніе весьма многихъ, особенно прославленныхъ современниковъ.

Откуда же явилась эта сила и въ чемъ ея смыслъ?

На послѣдній вопросъ данъ удовлетворительный отвѣтъ Бонапартомъ: женщины въ высшей степени много способствовали росту

и распространенію самой ненавистной для бонапартизма стихіи—идей. И достигали этой цѣли безъ всякихъ нарочитыхъ пріемовъ и усилій, можно сказать простымъ фактомъ своего существованія въ извѣстной средѣ и вліяніемъ своей личности на окружающихъ.

Это была совершенная новость для Франціи и вообще для Европы. Возникла она отнюдь не внезапно—она результатъ очень продолжительнаго и сложнаго процесса, до такой степени сложнаго, что до сихъ поръ еще далеко не всегда легко разобраться въ отдѣльныхъ явленіяхъ и личностяхъ.

II.

Какое количество книгъ исписано о салонахъ XVIII-го вѣка! Кажется, ни одинъ вопросъ новѣйшей исторіи не удостоился такого тщательнаго разслѣдованія и не встрѣтилъ, повидимому, столь рѣшительнаго и яснаго отвѣта.

Велики заслуги умныхъ дамъ предъ философіей и, слѣдовательно, предъ революціей. Не будь изящныхъ гостепріимныхъ хозяекъ салоновъ, врядъ ли міръ подчинился бы очарованію вольтеровскаго смѣха и авторитету энциклопедической учености. Салоны—вотъ храмы богини разума и свободы, и г-жи Жоффренъ и Дюдеффанъ—безсмертныя весталки священнаго огня.

Историки, вообще равнодушные къ «свѣту» и галантнымъ чувствамъ, на этотъ разъ образовали своего рода рыцарскій орденъ въ честь прекрасныхъ современницъ Руссо, и вы не можете открыть книги по французской литературѣ и исторіи, гдѣ бы не было особой главы о салонахъ и чрезвычайно пріятныхъ жанровыхъ картинокъ высокаго культурнаго полета.

Правда ли все это? Дѣйствительно ли прабабушки современныхъ француженокъ внесли такой богатый вкладъ во французскій прогрессъ? И отчего потомки ихъ не проявляютъ рѣшительно ничего похожаго на старую доблесть и сравнительно недавнія историческія заслуги своего пола?

На первый взглядъ, перспектива дѣйствительно увлекательная. Жизнь стóитъ самой фантастической сцены.

Перенеситесь мысленно лѣтъ за полтораста назадъ, отыщите въ Парижѣ одну изъ всемірно-извѣстныхъ «гостинницъ философіи», и предъ вами воскреснетъ единственный въ своемъ родѣ міръ.

Роскошная высокая зала горитъ огнями. Въ открытыя окна врываются душистыя струи лѣтняго воздуха. Вдали, до самаго горизонта темнѣютъ аллеи вѣкового парка. Въ глубинѣ ночного задумчиваго неба мигаютъ звѣзды, всюду чуется просторъ, могучая природа, чистый воздухъ, на душѣ свѣтло, кругомъ будто рѣютъ свѣтлыя думы и тихая грусть.

Но здѣсь нѣтъ покоя, нѣтъ грусти.

Въ залѣ за бокалами вина сидитъ многочисленное общество дамъ и мужчинъ. Идетъ общій оживленный разговоръ...

Какихъ только вопросовъ онъ ни касается! И какое безпримѣрное головокружительное богатство идей и цѣлыхъ системъ!

И все это проносится и исчезаетъ въ потокахъ бурныхъ лирическихъ изліяній, сверкающихъ остротъ, громкаго смѣха.

Издали можно подумать, люди бьются за собственную жизнь и собственное счастье. Такой высоты достигаютъ ихъ волненія, съ такой страстью высказывается всякая мысль!

И среди порывовъ забывается сдержанность выраженій, свѣтскость тона. Говорится все и безъ всякихъ оговорокъ. Дамы не смущаются откровенностью. Красота и грація женщинъ здѣсь только вдохновляютъ бесѣду, не охлаждая вдохновенныхъ искреннихъ рѣчей.

Дамы знаютъ, безъ ихъ общества эти люди, пожалуй, не додумались бы до такихъ блестящихъ оригинальныхъ идей, какія теперь являются неожиданно, въ порывѣ радостнаго чувства, что *она* слушаетъ и понимаетъ. И развѣ знаменитый писатель сталъ бы изощрять свой умъ и стиль возможно популярнѣе объяснить новую математическую теорію, если бы объ этомъ его не попросила прекрасная собесѣдница? И развѣ сотни тысячъ обыкновенныхъ смертныхъ дождались бы стихотворнаго изложенія послѣднихъ словъ философской мысли, если бы на свѣтѣ не было подругъ и читательницъ?

И не пройдутъ безслѣдно ни эти вечера, ни эти стихи.

Здѣсь мысль смѣло идетъ рядомъ съ чувствомъ и овладѣваетъ всѣмъ человѣкомъ, становится его жизнью, его дыханіемъ. Она преисполнена восторженной вѣры въ себя, ей кажется, все человѣчество въ ея власти, она все можетъ исправить, пересоздать, всѣхъ надѣлить счастьемъ. Она вся живетъ и трепещетъ сочувствіемъ къ чужимъ страданіямъ. Она юношески-чутка и отзывчива на все, что ни совершается въ мірѣ...

И еще никогда не появлялось столько идейныхъ мужественныхъ людей и никогда еще такъ сильно мысль не вліяла на жизнь.

Это—по истинѣ романтическое наслѣдство исторіи, въ общемъ жестокой и прозаической. И фигуры дамъ, несомнѣнно, ярче всего оживляютъ картину и интригуютъ любопытство историка.

Но не всѣ оказались покоренными и очарованными.

Полвѣка спустя послѣ философскихъ пиршествъ XVIII-го вѣка, величайшій историкъ новой Франціи, Огюстэнъ Тьерри, непримѣръ своимъ собратьямъ, произнесъ нѣсколько горькихъ истинъ по поводу эгерій просвѣтительной философіи.

Кто были эти дамы и господа, принявшіе подъ свой кровъ энциклопедистовъ и поэтовъ?

Люди по существу равнодушные къ добру и злу современнаго общества. Они усвоили себѣ амплуа разсуждать о томъ, чего даже не могли понять, учредили въ своихъ салонахъ своего рода монополію нравственныхъ и политическихъ идей, въ дѣйствительности не ощущая потребности въ знаніи, не питая истинной любви къ нему, побуждаемые единственнымъ желаніемъ спастись отъ скуки. Только она, изъ всѣхъ общественныхъ бѣдствій, была доступна этимъ господамъ.

Тьерри съ пламеннымъ краснорѣчіемъ изображаетъ гибельное

вліяніе высшаго свѣта и дамскихъ салоновъ на философію и самихъ философовъ.

Благородные и просто богатые меценаты низвели писателей до роли будуарныхъ ораторовъ, истребили вкусъ къ уединенію, необходимое условіе для достоинства мыслителей и солидности и энергіи мысли. Они оторвали писателей отъ народа, наполнили свои салоны талантами изо всей Франціи, а потомъ, въ годину опасностей и отвѣтственности, вся эта стая философовъ въ голубыхъ лентахъ и въ роскошныхъ панье разсѣялась, будто трутни изъ улья предъ началомъ работы. Мало этого. Бывшіе почитатели и друзья Вольтера явились жесточайшими противниками «проклятой философіи» и «возмутительныхъ философовъ». Реакція навербовала усерднѣйшихъ фанатиковъ именно среди знатныхъ идеологовъ и высокопоставленныхъ учениковъ *Энциклопедіи*.

Историкъ ядовито изображаетъ философію XVIII-го вѣка на шелковыхъ креслахъ, въ раззолоченныхъ костюмахъ, съ аристократическими манерами и кавалерской граціей. Онъ не щадитъ даже г-жи Жоффренъ, этой знаменитѣйшей «кормилицы философовъ», и привѣтствуетъ новыхъ молодыхъ ученыхъ именно за то, что они не воспитывались въ салонахъ «кормилицы» и поэтому отъ нихъ можно ждать дѣйствительно плодотворныхъ результатовъ. Мысль будетъ ихъ совѣстью, а не забавой...

Рѣчь Тьерри не нашла благодарной почвы. Позднѣйшіе историки усвоили совсѣмъ другія чувства, и «кормилицы» прошлаго вѣка образовали на ученомъ горизонтѣ настоящее созвѣздіе. Бездарнѣйшіе педанты и компиляторы, приступая къ философской эпохѣ, вдругъ начинаютъ любезничать и сладкословить. Г-жа Жоффренъ, г-жа Дюдеффанъ... какъ жаль, что исторія не пишется стихами! Иначе самый заскорузлый россійскій коллекціонеръ цитатъ написалъ-бы сонетъ не хуже мольеровскаго Триссотэна.

А между тѣмъ, устами Тьерри говорила сама истина, сколько бы страсти и гнѣва ни дышало въ его рѣчи!

Г-жа Жоффренъ дѣйствительно никуда не годилась въ качествѣ философа, какъ желаетъ понимать историкъ: мыслителя съ сознательной нравственной отвѣтственностью и съ любовью къ идеямъ ради самихъ идей.

Умѣренность и аккуратность царствовали подъ кровомъ умной дамы. Лишь только какой-нибудь просвѣтитель очень увлекался, немедленно раздавался окрикъ, все равно, въ какой формѣ: *Quos ego*!.. Извѣстно кое-что еще болѣе пикантное, напримѣръ, сношенія съ капуциномъ, какъ громоотводомъ противъ энциклопедическихъ ересей и опасностей.

Это очень практично!

Философы слишкомъ талантливы и интересны, чтобы не воспользоваться ихъ обществомъ. Весь міръ знаетъ ихъ имена и читаетъ книги, какъ же послѣ этого не пригласить ихъ на обѣдъ? Иначе не было бы смысла имѣть средства и собирать гостей. Не все же театръ и прочія обычныя удовольствія дамы, имѣющей въ сутки свободными двадцать четыре часа. Даламберъ и Дидро могутъ дать представленіе, пожалуй, даже болѣе занимательное, чѣмъ драма и опера.

И дамы идутъ гораздо дальше, чѣмъ кормленіе философовъ.

На очереди дня естественныя науки, и модная красавица изнываетъ отъ жажды попасть въ анатомическій театръ, въ лабораторію знаменитаго физіолога, даже на публичную лекцію математика.

Одна графиня возитъ съ собой трупъ даже въ собственной каретѣ, чтобы во время увеселительнаго путешествія не прекращать занятій анатоміей. Другая, по словамъ современниковъ, страстно желаетъ знать, «кто ее высидѣлъ и кто ее снёсъ». Третья дама пробирается на необыкновенно важную операцію надъ слѣпорожденнымъ. Когда Дидро рѣшается пошутить надъ «прекрасными глазами», врядъ ли съ особенной проницательностью оцѣнившими операцію,—на философа жалуются министру и сажаютъ въ тюрьму.

Вотъ что значитъ усомниться въ талантахъ «философовъ-бабочекъ»—*les papillons-philosophes*! Онѣ умѣютъ жалить и очень больно, не хуже дамы пріятной во всѣхъ отношеніяхъ, выведенной изъ себя удачной конкурренціей другой дамы по части туалета.

Да и велико ли, въ самомъ дѣлѣ, разстояніе между бабочкой-философомъ и просто бабочкой-дамой? Все дѣло, на что въ данное время спросъ. При Людовикѣ XIV головы кружила наука нѣжности безъ любви, любви безъ страсти и страсти безъ какихъ бы то ни было нравственныхъ обязательствъ и ограниченій. И дамы азартно изучали эту науку, лично писали трактаты, какъ избѣжать опасности—начать романъ съ конца, какъ провести его по всѣмъ правиламъ fine galanterie.

Мода на эту игру прошла, появилась литература необыкновенно раздражающаго свойства, смѣлая, либеральная—рѣшительно во всѣхъ областяхъ. Раньше дама могла весьма свободно объясняться съ мужемъ насчетъ разныхъ семейныхъ вольностей, теперь она подобный разговоръ можетъ вести съ своимъ исповѣдникомъ, съ какимъ-нибудь высшимъ чиновникомъ или титулованнымъ представителемъ «старой расы». Энциклопедисты дали ей тонъ и матеріалъ по всѣмъ пунктамъ, насчетъ римской религіи, французскаго правительства и даже всѣхъ тайнъ природы.

Усвоить весь этотъ капиталъ вовсе не трудно.

Прочтите *Разговоръ съ маршальшей де...*—одно изъ остроумнѣйшихъ произведеній Дидро, вы поймете, какимъ искусствомъ обладали энциклопедисты по части самой широкой популяризаціи своихъ идей и сколько бабочекъ невиннѣйшихъ по части знаній и мысли могли попасть въ философскія сѣти, почти безсознательно, не замѣчая своего плѣненія.

Такъ именно происходитъ съ маршальшей.

Философъ провелъ ее по всѣмъ вершинамъ современной мысли, коснулся существеннѣйшихъ вопросовъ нравственности и религіи... Все время дама не чуствовала ни малѣйшаго утомленія и не испытывала затрудненій. Діалогъ конченъ...

— Какъ! я философствую? — восклицаетъ красавица, — совершенно какъ мольеровскій буржуа, узнавшій, что онъ говоритъ прозой.

Отчего же при такихъ условіяхъ не поиграть съ огнемъ? Другое дѣло—обжечь пальчики или даже запачкать перчатки. Тогда бабочка мгновенно выходитъ изъ себя, и философіи будто не бывало.

Напримѣръ, такое происшествіе.

Маршальша Бово выказываетъ себя отчаянной либералкой, сочувствовала даже революціи. Все въ порядкѣ: дама ораторствуетъ, революціонеры восхищаются, пока не происходитъ ужасный пассажъ.

Весьма извѣстный адвокатъ, демократическаго происхожденія, но гость либеральной аристократки, во время одной изъ своихъ бесѣдъ съ ней, позволилъ себѣ взять изъ ея табакерки щепотку табаку.

Маршальша не взвидѣла свѣта. Она почувствовала кровную обиду, *какъ принцесса*. Адвокатъ забылся и не уважилъ ея чина и званія: конецъ идеямъ и революціи!

Вы видите, французскіе философы въ паньe весьма недалеко ушли отъ нашей отечественной ученой барыни, Дарьи Михайловны Ласунской. Она пріятельница чуть не всѣхъ знаменитостей міра и не пѣвцовъ и актеровъ, а, напримѣръ, авторовъ политическихъ сочиненій, экономическихъ трактатовъ. Она не хуже маршальши Дидро толкуетъ о «вопросахъ». Но стоитъ нѣкоему худородному молодому человѣку посягнуть на сердце ея дочери, ученая дама превращается въ самую заправскую барыню голубой крови.

О такихъ превращеніяхъ именно и говорилъ Тьерри. Ихъ было вполнѣ достаточно и до революціи, и особенно позже.

Разныя кормилицы философіи безъ большого труда смекнули, что съ идеями обращеніе другое, чѣмъ съ «картой царства нѣжности». И будто по волшебству, съ бабочекъ обоего пола облетѣли розовыя и красныя крылья, осталось только культурное наслѣдіе предковъ въ чистомъ дѣвственномъ видѣ.

И такъ будетъ повторяться еще много разъ. *Les papillons-philosophes,* одинъ изъ ехиднѣйшихъ и вреднѣйшихъ типовъ человѣческаго лицемѣрія и тщеславія. Ехиденъ онъ потому, что весьма трудно бываетъ отличить игру отъ правды, а вреденъ, потому что онъ вездѣ и всегда своей ложью дискредитируетъ правду. Достаточно двухъ-трехъ Ласунскихъ, чтобы усомниться вообще въ серьезности дамскаго идеализма. И Тьерри произнесъ свой жестокій приговоръ безъ всякихъ ограниченій, не поименовалъ никого изъ другай породы, чѣмъ г-жа Жоффренъ.

А между тѣмъ, эта порода была представлена, правда, не столь блестящими и знаменитыми экземплярами, но за то болѣе достойными памяти историка.

Именно съ ними Бонапартъ считалъ необходимымъ вести междоусобицу, именно онѣ раздражали его своимъ нежеланіемъ ограничиться—вязаніемъ чулокъ.

Мало извѣстный и очень скромный французскій историкъ, повидимому, поставилъ себѣ задачей популяризировать имена женщинъ—дѣйствительныхъ друзей просвѣтительной мысли XVIII-го

вѣка. Два года тому назадъ, Антуанъ Гиллуа выпустилъ книгу *Le Salon de M-me Hélvetius*; теперь предъ нами болѣе обширная работа о другѣ г-жи Гельвецій—m-me Кондорсе.

III.

Замѣчательно, на долю почти безвѣстныхъ хозяекъ салоновъ прошлаго вѣка выпала какъ разъ самая тяжелая судьба. Имъ пришлось считаться съ революціей и расплачиваться одинаково предъ людьми стараго порядка и крайними радикалами. Послѣдняя расплата, т. е. счеты съ терроромъ и якобинствомъ, была самая опасная и въ полномъ смыслѣ трагическая.

Въ жизни той и другой женщины—до революціи — нѣтъ ничего эффектнаго. Г-жа Гельвецій не носитъ никакихъ лестныхъ прозвищъ, не шумитъ на всю Европу, не переписывается съ патріархами философіи, но именно въ ея салонѣ царствуетъ полная свобода. Сюда приходятъ философы отводить душу, тѣснимые нетерпимостью г-жи Жоффренъ. Здѣсь можно говорить все, что угодно.

Если споръ становится слишкомъ горячимъ, г-жа Гельвецій прибѣгаетъ къ очень невинному средству. Съ наивностью и свободой красивой женщины, она бросается въ самую свалку философской борьбы и производитъ полный безпорядокъ, разрывая нить спора. Никому, конечно, и на мысль не приходитъ обижаться на эти уловки. Галантность философовъ нигдѣ не была умѣстнѣе, чѣмъ у г-жи Гельвецій. Даже Мирабо подъ ея обаяніемъ сбрасывалъ съ себя льва, вѣчно готоваго на бой, и мирно обсуждалъ планы своей многообразной и неукротимой борьбы.

Революцію г-жа Гельвецій пережила уже вдовой. Незадолго Веньяминъ Франклинъ, прибывшій въ Парижъ защищать свободу молодой республики, предложилъ г-жѣ Гельвецій стать его женой. Послѣдовалъ отказъ, не разстроившій дружескихъ отношеній. Гостемъ г-жи Гельвецій былъ и Джефферсонъ, онъ до конца дней сохранилъ восторгъ предъ ея гостепріимствомъ. Во время террора ея домъ неизмѣнно оставался вѣрнѣйшимъ убѣжищемъ для друзей погибавшей свобода. Здѣсь собирались всѣ, кто уцѣлѣлъ отъ кровавой бури и успѣлъ не утратить вѣры въ старые идеалы.

Личность г-жи Гельвецій все время остается въ тѣни. Хозяйка врядъ ли отваживается на поединки съ своими гостями, не изрекаетъ поразительно-меткихъ сентенцій, и о ней никоимъ образомъ нельзя было разсказывать, какъ о г-жѣ Жоффренъ, будто она къ каждому сборищу философовъ выучиваетъ наизусть потребное количество reparties, афоризмовъ и анекдотовъ.

Но трудно сказать, что было важнѣе для энциклопедистовъ—словесный ли турниръ съ начитанной дамой, или совершенная терпимость и свободы. По части турнира они могли получить сколько угодно удовольствія взаимно другъ отъ друга, а вотъ свободы имъ очень и очень не доставало. И плохая выходила философія, если рядомъ съ Дидро вставала тѣнь капуцина и вся-

кую минуту могло быть наложено *veto* на самую увлекательную бесѣду.

Г-жа Кондорсе того же скромнаго типа — не столько ученой дамы, сколько оберегательницы чужой учености и самихъ ученыхъ.

Воспиталась она, какъ и г-жа Роланъ и г-жа Сталь, на произведеніяхъ Руссо. Это значило рано развить мечтательность, врожденныя гуманныя чувства и пріобрѣсти наклонность къ романтической грусти и отчасти безпредметной меланхоліи.

Таковъ ужъ геній женевскаго философа, и онъ царилъ надъ сердцемъ и воображеніемъ достойнѣйшихъ женщинъ прошлаго вѣка. Слишкомъ глубоко затрогивалъ онъ исключительно женскіе интересы—семьи, воспитанія дѣтей. Въ знаменитомъ изреченіи г-жи Роланъ: жена должна обладать мужествомъ просто во имя своего достоинства жены — несомнѣнно слышатся гимны Руссо супругѣ и матери. Такія же истины усвоила и г-жа Кондорсе.

Про г-жу Роланъ говорили, что собственно политикъ и министръ не мужъ, а она; то же можно сказать и про ея современницу. Только здѣсь роль совершенно исчезаетъ за блескомъ и славой мужа.

Собственно это блескъ научный и философскій. Кондорсе, едва ли не самый пламенный энтузіастъ разума и свободы, по талантамъ математикъ, по наклонностямъ—теоретикъ и кабинетный работникъ. Подъ вліяніемъ жены онъ становится необыкновенно дѣятельнымъ и рѣшительнымъ политикомъ.

Жена моложе его на двадцать одинъ годъ, тѣмъ прочнѣе и глубже ея вліяніе!

Она вмѣстѣ съ мужемъ живетъ за каждымъ моментомъ революціи, присутствуетъ на засѣданіяхъ учредительнаго собранія, и, очевидно, умѣетъ отлично слѣдить за его часто бурными преніями. Кондорсе въ восторгѣ отъ способностей своей жены, и постепенно самъ начинаетъ отдаваться политическому потоку.

Онъ, конечно, присоединитъ свой голосъ къ защитникамъ гражданскихъ правъ женщины: это вполнѣ естественно. Но онъ рѣшится пойти дальше, выставитъ свою кандидатуру въ законодательное собраніе, будетъ избранъ и немедленно внесетъ образцовый проектъ народнаго образованія.

Г-жа Кондорсе принимаетъ въ событіяхъ самое дѣятельное участіе. Она, маркиза, собираетъ у себя марсельцевъ, угощаетъ ихъ и производитъ на нихъ такое впечатлѣніе, что будь у нея больше вліянія на жирондистовъ, съ ними не произошло бы катастрофы.

Въ конвентъ Кондорсе выбирается пятью департаментами: знакъ исключительной популярности. Карьера, повидимому, предстоитъ блестящая. Но революція вступала уже на путь крови и насилія, терроръ бытро шелъ на встрѣчу реформѣ и гильотина готовилась замѣнить и разумъ, и свободу. Цвѣтъ жиронды погибъ на эшафотѣ; та же участь грозила Кондорсе.

Онъ находитъ убѣжище у вдовы скульптора, г-жи Верне.

Это настоящая героиня, и притомъ одна изъ самыхъ трогательныхъ. Укрыть жертву, намѣченную якобинцами, значило и себя

осудить вмѣстѣ съ ней. Г-жѣ Верне предлагаютъ принять Кондорсе и сначала не называютъ его имени. Она задаетъ лишь одинъ вопросъ, честный ли это человѣкъ?.. И съ перваго до послѣдняго дня употребляетъ всѣ усилія облегчить тяготу уединенія своему гостю. Когда дольше оставаться у г-жи Верне нѣтъ возможности, Кондорсе принужденъ обмануть бдительность хозяйки и буквально бѣжать отъ нея. Она ни за что не соглашается отпустить узника, «во имя человѣколюбія» отражая всѣ его доводы насчетъ опасности.

Г-жа Кондорсе посѣщаетъ мужа, не перестаетъ слѣдить за его работами. По ея внушенію пишется самый блестящій трактатъ философа—*Историческая картина прогресса человѣческаго ума.* Сочиненіе не могло быть кончено, оно превратилось въ завѣщаніе, и врядъ ли кто еще завѣщалъ человѣчеству такую восторженную вѣру въ будущее, какою дышалъ до послѣдняго часа осужденный на смерть писатель.

Не забывалъ Кондорсе и своей главной политической задачи—народнаго просвѣщенія и въ заключеніи составлялъ руководства для учителей и учениковъ изъ бѣднаго класса.

Но трогательнѣе всего предсмертная рѣчь къ дочери. Кондорсе совѣтуетъ ей искать единственнаго источника счастья въ трудѣ, спасать себя отъ заразы эгоизма и узко-личныхъ стремленій, и не помышлять о мести кому бы то ни было за участь отца.

Надъ всѣми этими мыслями и трудами бодрствовалъ вѣрный и неизмѣнно бодрый взоръ г-жи Кондорсе.

Ей приходилось крайне тяжело. Надо содержать трехлѣтнюю дочь и больную сестру. Единственныя средства—личный заработокъ. Маркиза открываетъ торговлю бѣльемъ, устраиваетъ маленькую художественную мастерскую и принимается рисовать портреты. Работу ей доставляютъ преимущественно тюрьмы.

Среди заключенныхъ много желающихъ передъ смертью оставить роднымъ и друзьямъ свое изображеніе. Г-жа Кондорсе проникаетъ въ якобинскіе казематы. Это далеко не легкая задача. Нерѣдко ей приходится подкупать тюремщиковъ, т. е. за пропускъ рисовать ихъ портреты. Работа происходитъ въ тюремныхъ застѣнкахъ, въ дыму и темнотѣ, среди пьяныхъ и буйныхъ, отнюдь не всегда склонныхъ щадить скромность и несчастье художницы...

Г-жа Кондорсе до конца жизни не могла забыть, какихъ она вещей наслушалась въ этомъ обществѣ.

Однажды она сама подверглась аресту. Спасло опять искусство: пришлось нарисовать портреты со всѣхъ членовъ революціоннаго судилища

Кондорсе бѣжалъ отъ г-жи Верне на вѣрную смерть. Философа не спасла перемѣна имени. Послѣ тюрьмы грозила неминуемая гильотина, онъ предпочелъ умереть отъ собственныхъ рукъ и принялъ ядъ, уже давно сопутствовавшій ему.

Жена узнала о смерти мужа долго спустя. Вѣсть поразила ее, какъ единственное въ мірѣ несчастье. На первое время оно поглотило всѣ ея силы и заслонило всѣ лишенія, даже

мысль о судьбѣ дочери. Друзьямъ удалось облегчить горе, но оно осталось незабвеннымъ на всю жизнь и здоровье г-жи Кондорсе послѣ этого удара никогда не могло окончательно поправиться.

Это не значитъ, будто предъ нами исключительная подвижница супружескаго долга, мученица разъ даннаго слова. Напротивъ. Г-жа Кондорсе—человѣкъ живой и любящій жизнь. Она не могла похоронить себя вмѣстѣ съ мужемъ, и въ тридцать лѣтъ трудно навсегда погрузиться въ полное одиночество и обречь себя на безъисходныя вдовьи слезы.

Г-жа Кондорсе не сошла со сцены, ни какъ женщина, ни какъ общественная сила. Біографъ знаетъ два романа: для эпохи директоріи и консульства это высшій предѣлъ добродѣтели. И, можетъ быть, два романа превратились бы въ одинъ, если бы героиня не стала жертвой измѣны.

Но въ сущности для насъ не представляетъ насущнаго интереса обсуждать этотъ вопросъ, хотя самые жестокіе рыцари безсмертной супружеской вѣрности должны утѣшиться на рѣдкость скромной женской карьерой и г-жи Гельвецій, и г-жи Кондорсе.

Любопытнѣе другіе факты.

Г-жа Кондорсе не была профессіональной писательницей. Всѣ ея литературные труды—переводъ книги Адама Смита *Теорія нравственныхъ чувствъ* и нѣсколько оригинальныхъ писемъ на ту же тему.

Письма изобилуютъ многими любопытными практическими замѣчаніями: авторъ умѣлъ чувствовать и понимать чувство. Особенно энергично онъ настроенъ противъ эгоизма людей сильныхъ и богатыхъ, незнакомыхъ со «школой скорби и несчастья». Г-жа Кондорсе здѣсь же находитъ случай дать превосходную сравнительную характеристику Руссо и Вольтера, представителя *совѣсти* и пророка *разума*, поэта *страстей* и философа *умовъ*. Всѣ письма проникнуты оптимизмомъ совершенно въ духѣ эпохи и особенно самого Кондорсе.

Даже во злѣ и въ бѣдствіяхъ есть глубочайшій источникъ радостей: возможность удовлетворить наклонностямъ добродѣтели, счастливой облегченіемъ чужого горя.

Этотъ оптимизмъ не покинулъ г-жу Кондорсе въ самую тяжелую эпоху ея жизни, вскорѣ послѣ смерти мужа. Издавая его предсмертную книгу, она говорила въ предисловіи:

«Пусть эта смерть—завѣщавшая исторіи краснорѣчивую характеристику своей эпохи,—вдохнетъ непоколебимую вѣрность правамъ, которыя нарушили виновники ея! Это единственная честь, достойная мудреца, который подъ мечомъ смерти спокойно размышлялъ о благѣ своихъ ближнихъ. Это единственное утѣшеніе для тѣхъ, кто былъ предметомъ его любви и кто зналъ его добродѣтели».

Это писалось наканунѣ восхода бонапартовской звѣзды и уже при полномъ разгромѣ старыхъ просвѣтительныхъ идей.

Естественно, подобныя рѣчи не могли нравиться современнымъ и позднѣйшимъ политикамъ. Г-жу Кондорсе постигаютъ одни

притѣсненія за другими. Мы знаемъ ея бесѣду съ Бонапартомъ. Ея домъ по прежнему остается пріютомъ обломковъ либерализма, правда, больше философскаго, чѣмъ политическаго. И этимъ объясняется сравнительная безопасность этого центра при Наполеонѣ. Бурбоны разсчитали иначе и сначала было воздвигли настоящее гоненіе на г-жу Кондорсе, ей пришлось пережить второй терроръ— бѣлаго цвѣта.

Г-жа Кондорсе дожила до 1822 года. Послѣднія пять лѣтъ она провела въ полномъ уединеніи, занимаясь только благотворительностью.

Въ общемъ ея біографія, негромкая и ничѣмъ особенно не замѣчательная. Но отъ начала до конца ее воодушевляетъ неуклонная нравственная сила женскаго сердца и чуткой благородной мысли. Безъ всякихъ эффектовъ, безъ хитроумной политики и энциклопедической философіи г-жа Кондорсе умѣетъ провести дыханіе живой жизни всюду—и въ книгу, и въ дѣйствительность, только искренне любя правду и просто вѣруя въ общечеловѣческое благо. Это скорѣе натура, чѣмъ разумъ, добрая воля, чѣмъ талантъ, непосредственное чувство, чѣмъ анализъ, и въ результатѣ краснорѣчивѣйшее произведеніе просвѣтительной мысли—трактатъ о прогрессѣ—по своимъ самымъ широкимъ идеямъ и по своему нравственному мужеству, будто отраженіе личности и жизни нашей скромной героини.

Это историческій фактъ, и такой простой и естественный! Ничего исключительнаго и еще менѣе насильственно-тенденціознаго. Г-жа Кондорсе не *héroine du temps* и не *dragon de vertu*, а просто женщина своего времени и своей среды. Время и среда, конечно, здѣсь особенныя, и тѣмъ выше заслуга остаться на ихъ уровнѣ, остаться сознательно и искренне, воспринявъ сердцемъ ихъ стремленія и идеалы и отдавъ взамѣнъ свое воодушевленіе и великую силу женскаго вліянія.

Если бы неизмѣнно осуществлялись только эти условія, если бы идеи окончательно освободились отъ постыднаго назначенія служить модой и временнымъ уборомъ, если бы каждое прогрессивное поколѣніе дѣйствительно имѣло своихъ наслѣдниковъ и преемниковъ, тогда, можетъ быть, и не потребовалось бы изъ вѣка въ вѣкъ считаться съ «проклятыми вопросами» и вызывать у скептиковъ удручающій афоризмъ: «Нѣтъ ничего новаго подъ солнцемъ».

Ив. Ивановъ.

чательной книги указываютъ, какъ вся существующая флора развилась мало-по-малу изъ первоначальнаго типа. Трудъ авторовъ представляетъ настоящую генеалогію растительнаго царства и украшенъ множествомъ гравюръ, рисованныхъ съ натуры.

(Journal des Débats).

«Les régions invisibles du globe et des espaces célestes», par A. Daubrée, membre de l'Institut (Felix Alcan) Bibliothèque scientifique internationale. (Невидимыя области земного шара и небесныхъ пространствъ). Эта книга написана для большой публики и представляетъ популярное изслѣдованіе образованія подземныхъ водъ, скалъ, землетрясеній, метеоритовъ и т. д. Авторъ знакомитъ читателей съ дѣйствіемъ воды въ различныя геологическія эпохи, съ теоріей происхожденія различныхъ подземныхъ и минеральныхъ источниковъ. Землетрясеніе же и метеориты даютъ автору поводъ изложить въ популярной формѣ теоріи образованія земного шара и познакомить читателей съ новѣйшими данными науки. Названіе книги вполнѣ подходитъ къ ея содержанію, такъ какъ книга, дѣйствительно, представляетъ экскурсію въ область невидимаго. (Journal des Débats).

«L'homme dans la Nature» par P. Topinard (Felix Alcan). (Человѣкъ въ природѣ). Работа Топинара, ученика, сотрудника и послѣдователя Брока, дѣлится на двѣ совершенно различныя части. Въ первой авторъ излагаетъ результаты своихъ личныхъ изслѣдованій по антропологіи, говоритъ о вопросахъ, которые поднимаетъ эта наука, и о положительныхъ результатахъ, достигнутыхъ ею и испытанныхъ ею разочарованіяхъ. При этомъ авторъ подтверждаетъ независимость своего ума тѣмъ, что не скрываетъ слабыхъ сторонъ труда, надъ которымъ онъ работалъ вмѣстѣ со своимъ учителемъ Брока. Во второй части Топинаръ возвращается къ рамкѣ, установленной Гексли и Брока четверть вѣка тому назадъ. Напримѣръ, онъ излагаетъ и обсуждаетъ, при свѣтѣ послѣднихъ успѣховъ науки, всѣ данныя великой проблемы происхожденія человѣка.

(Journal des Débats).

«Les Races et les langues» par André Lefèvre, prof. à l'Ecole d'Anthropologie de Paris (Расы и языки). Авторъ не отдѣляетъ языка отъ живыхъ существъ, пользующихся имъ для своихъ цѣлей. Началомъ языка послужилъ тотъ самый животный крикъ, который служитъ выраженіемъ ощущеній, настроеній и т. п. Крикъ этотъ разнообразился различными возгласами, обогащенными метафорой, и развивался по мѣрѣ мозгового развитія и развитія интеллектуальныхъ способностей. Всѣ большія этническія группы, обзоръ которымъ дѣлаетъ авторъ, китайцы, малайцы, полинезійцы, африканцы, баски, американцы, египтяне и т. д., достигшія или остановившіяся на различныхъ стадіяхъ лингвистическаго круга—всѣ онѣ съумѣли согласовать свой языкъ со своими потребностями и способностями. Наибольшая часть изслѣдованія автора посвящена индо-европейскому семейству, многочисленныя нарѣчія котораго заняли преобладающее мѣсто и выбросили за бортъ цивилизаціи многіе другіе языки, не столь гибкіе и плохо организованные. Въ заключеніе авторъ говоритъ, что языкъ составляетъ связь между зоологіей и исторіей, и антропологіей физіологической и антропологіей нравственной. (Journal des Débats).

«Les peuples de l'Afrique» par R. Hartmann, prof. à l'universite de Berlin (avec une carte des peuples de l'Afrique) (Félix Alcan). (Африканскіе народы). Книга представляетъ собраніе историческихъ, этнографическихъ, физико-антропологическихъ и лингвистическихъ очерковъ. Кромѣ своего научнаго значенія, она представляютъ еще большой интересъ, какъ описаніе первобытныхъ народовъ, сдѣланное человѣкомъ, очень долго прожившимъ среди этихъ народовъ. Къ книгѣ приложены прекрасныя гравюры. (Journal des Débats).

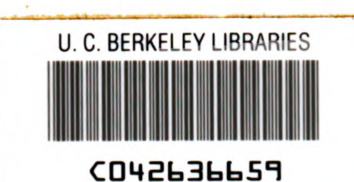
«Superstitions et survivances étudiées au point de Vue de leur origine et de leurs transformations» par L. J. B. Bérenger-Férand (Ernest Leroux). (Суевѣрія и переживанія съ точки зрѣнія своего происхожденія и своихъ превращеній). Авторъ этой книги пользуется большою извѣстностью въ мірѣ французскихъ ученыхъ, какъ замѣчательный изслѣдователь фольклора. Онъ уже издалъ нѣсколько изслѣдованів о сказкахъ и народныхъ легендахъ, въ новомъ же своемъ трудѣ онъ старается опредѣлить происхожденіе народныхъ вѣрованій и предразсудковъ и ихъ послѣдовательныя превращенія и измѣненія сообразно съ эпохою, окружающими условіями и народомъ. Авторъ тщательно заботится о томъ, чтобы его отношеніе къ изслѣдуемому вопросу всегда оставалось строго научнымъ. Авторъ проводитъ ту мысль,

что какъ бы ни были нелѣпы народныя суевѣрія и вѣрованія, тѣмъ не менѣе они должны представлять громадный интересъ для всякаго безпристрастнаго изслѣдователя, такъ какъ въ нихъ непремѣнно отражаются вѣрованія, нравы и условія жизни болѣе или менѣе отдаленныхъ предковъ. Съ этой точки зрѣнія авторъ и разсматриваетъ народныя суевѣрія, примѣты и обычаи во всѣхъ странахъ и старается насколько возможно изучить ихъ происхожденіе. Книга изобилуетъ фактами, часто поразительными по своей необъяснимости и всегда представляющими громадный интересъ. (Journal des Débats).

«*The Rational or scientific Idea of Morality*» *by P. F. Fitzgerald* (*Swan Sonnenschein*). (*Раціональная или научная идея нравственности*). Миссъ Фитцджеральдъ принадлежитъ къ числу ученыхъ современныхъ женщинъ-писательницъ. Въ своей книгѣ она поставила себѣ цѣлью дать «раціональное опредѣленіе понятія о нравственности», которое должно быть поставлено въ основу всякой теоріи этики. Миссъ Фицджеральдъ изслѣдуетъ роль женщины во всѣхъ вопросахъ современной этики и указываетъ, какое громадное значеніе оказываетъ положеніе женщины, ея развитіе и воспитаніе на общественную нравственность.

(Bookseller).

Издательница А. Давыдова. Редакторъ Викторъ Острогорскій.

U. C. BERKELEY LIBRARIES
C042636659

